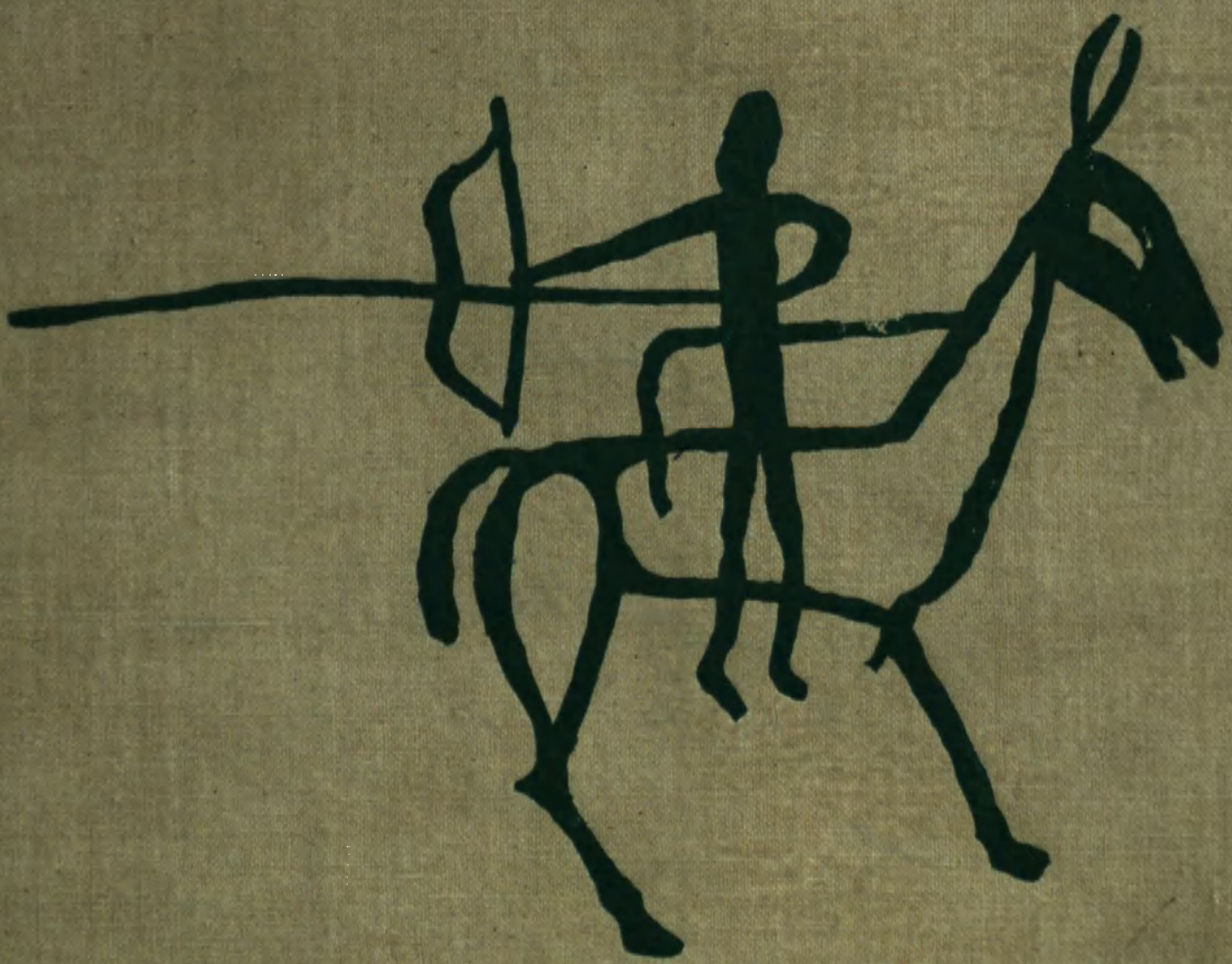
Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ДРЕВНЯЯ ТУВА

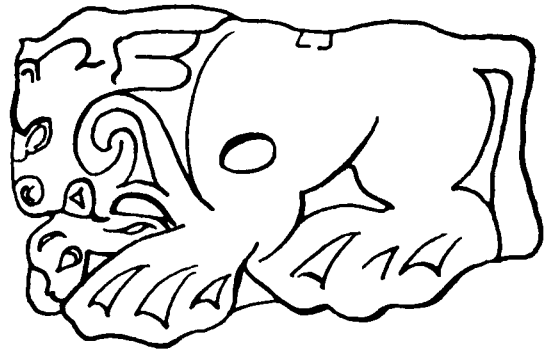

ТРУДОЛЮБИВОМУ
БРАТСКОМУ
ТУВИНСКОМУ НАРОДУ
П О С В Я Щ А Е Т С Я

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ДРЕВНЯЯ ТУВА

(ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО IX в.)

Хакасская областная
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин,
профессор Г. А. Федоров-Давыдов

Кызласов Л. Р.

Древняя Тува (от палеолита до IX в.). — М., Изд-во Московского университета, 1979, 207 с., 156 ил.

Монография — результат многолетних изысканий и раскопок древних памятников Тувы археологической экспедицией исторического факультета МГУ. На этой основе впервые создана историческая классификация культур древних племен, населявших земли бассейна Верхнего Енисея, выработана периодизация древней и раннесредневековой истории этой страны.

Настоящее систематизированное издание материалов экспедиции вводит в научный оборот новые археологические источники. Книга богато иллюстрирована.

$\frac{10604-118}{К\ 077(02)-79}$ 40—79 0508000000

© Издательство Московского университета, 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение 9 полевых сезонов (1955—1960, 1962, 1977—1978 гг.) на территории Тувинской АССР успешно работала Тувинская археологическая экспедиция (ТАЭ) исторического факультета Московского университета. Коллектив экспедиции произвел большие разведочные обследования и раскопки разновременных древних памятников бассейна верхнего течения великой сибирской реки Енисея, которая в Туве называется Улуг-Хем (Большая река). Зона работ экспедиции — центральные, северные и отчасти западные и южные районы Тувинской АССР. Экспедиция работала совместно в 1955 и 1957 гг. с Институтом археологии АН СССР, а в 1956 и 1960 гг. — с Тувинским краеведческим музеем.

Изучив историю археологических исследований, а также все неопубликованные материалы по архивным данным и музейным коллекциям (особенно результаты работ А. В. Адрианова в 1915—1916 гг. и С. А. Теплоухова в 1926—1927 и 1929 гг.), экспедиция продолжила раскопки археологических памятников Тувы[1]. При подготовке этих исследований были использованы результаты разведочных маршрутов по степным районам Тувы, пройденных в 1946—1947 гг. Саяно-Алтайской археологической экспедицией АН СССР и Московского университета под руководством С. В. Киселева, при участии Л. А. Евтюховой и Л. Р. Кызласова[2].

Тувинской археологической экспедицией получены многочисленные ценные источники, относящиеся к различным эпохам. Изучение добытых материалов в сопоставлении с письменными источниками позволило создать печатные работы, охватывающие многие исторические периоды, включая средние века.

Так, цикл работ посвящен первой классификации археологических культур Тувы с древнейших времен до культуры современных тувинцев[3]. В другом цикле собраны данные о памятниках древнего

---

[1] См.: Кызласов Л. Р. Рецензия на книгу: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (т. I. М.—Л., 1960).— СЭ, 1961, № 4; он же. Краткая история археологического изучения Тувы.— ВМУ, си, 1965, № 3; он же. Теплоухов Сергей Александрович.— БСЭ, изд. 3-е, т. 25. М., 1976; ВМУ, ифс, 1956, № 2 (хроника); ВМУ, си, 1967, № 2 (хроника); «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3 (хроника); Егоров В. Тувинская археологическая экспедиция в 1957 г.— «Вестник НСО МГУ, исторический факультет», № 1. М., 1958; К. (ислов) М. Археологические экспедиции 1959 года. — ВМУ, сии, 1960, № 3.

[2] См.: Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция.— КСИИМК, вып. 26. М.—Л., 1949; Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА, № 24, М., 1952; Ардов Н. В стране Голубой реки. — «Вокруг света», 1948, № 5; Кызласов Л. Р. Саяан-Алдайнын археологтуг экспедициязы.— «Тыванын аныяктары» от 24 августа 1946 г., № 47, с. 4; Шелов Д. Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г.— ВДИ, 1947, № 1, с. 192; Киселев С. В. Работа в области археологии Института истории материальной культуры АН СССР.— ВДИ, 1946, № 2, с. 200; Кызласов Л. Р. Учитель.— ВМУ, си, 1975, № 1; Кызласов Л. Р., Левашева В. П. Сергей Владимирович Киселев. Новое в советской археологии.— МИА, № 130. М., 1965.

[3] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). — ВМУ, ифс, 1958, № 4; он же. Тува в период тюркского каганата (VI—

искусства и письменности[4]. В третьем цикле трудов изложены результаты изучения поселений, крепостей и развалин средневековых городов[5]. Четвертый цикл содержит материалы для создания обоснованной периодизации научной истории Тувы и тувинского народа[6].

Сотрудники экспедиции издали также обобщающие монографии (в том числе «Историю Тувы в средние века»), приняли участие в написании глав и разделов «Истории Сибири» (т. I), «Истории Тувы» (т. I), на русском и тувинском языках[7]. Труды сотрудников ТАЭ по-

---

VIII вв.).— ВМУ, син, 1960, № 1; он же. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении).— ВМУ, си, 1964, № 4; он же. Курганы тувинцев.— ВМУ, си, 1964, № 5; он же. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры.— СА, 1977, № 2; он же. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура).— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

[4] См.: Кызласов Л. Р. Письмо в редакцию.— СЭ, 1958, № 1; он же. Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, 1960, № 3; он же. Рецензия на книгу: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.— СА, 1964, № 1; он же. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей.— СА, 1964, № 2; он же. Новый памятник енисейской письменности.— СЭ, 1965, № 2; он же. О датировке памятников енисейской письменности.— СА, 1965; № 3; он же. По поводу одного ответа.— СА, 1965, № 4; он же. О значении термина «балбал» древнетюркских надписей.— В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966; он же. Кодай тюрку гохибун-ни миэру барубару нару дзюцуго-но иги-ни цуйтэ. (О значении термина «балбал» древнетюркских надписей). «Юрасия» («Евразия»), т. 7. Токио, 1972 (на японском яз.); он же. «Древнетюркские» неурядицы. — СТ, 1977, № 5.

[5] См.: Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы.— СА, 1959, № 3; он же. Памятник мусульманского средневековья в Туве.— СА, 1963, № 2; он же. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров.— В кн.: Древняя Сибирь. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964; он же. Культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв.— Там же; он же. Дён-Терек. Советская историческая энциклопедия, т. 5. М., 1964; он же. Городище Дён-Терек.— В кн.: Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашева В. П. Древнемонгольские города. М., 1965; Кызласов Л. Р. Городище Оймак на Улуг-Хеме.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975; Киселев С. В. Из истории китайской черепицы.— СА, 1959, № 3; он же. Новые данные о жизни городов в районе Забайкалья и Южной Сибири.— «Каогу», 1960, № 2.

[6] См.: Кызласов Л. Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (к вопросу о происхождении киргизского народа).— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. Фрунзе, 1959; он же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.).— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960; он же. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— УЗ ХНИИЯЛИ, вып. 8. Абакан, 1960; он же. Рецензия на книгу: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (т. I. М.—Л., 1960).— СЭ, 1961, № 4; он же. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров. — В кн.: Древняя Сибирь. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964; он же. Культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв.— Там же; он же. Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв.— УЗ ХНИИЯЛИ, вып. 11. Абакан, 1965; он же. О численности древних хакасов в IX—XI и в XIII веках.— УЗ ХНИИЯЛИ, вып. 12. Абакан, 1966; он же. Взаимоотношения терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII веков.— «Народы Азии и Африки», 1968, № 4; он же. Низами о древнехакасском государстве.— СА, 1968, № 4; он же. (Выступление на научной сессии 1964 г.).— В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; он же. О памятниках ранних гуннов.— В кн.: Древности Восточной Европы. К 70-летию А. П. Смирнова.— МИА, № 169, М., 1969; Под ред. Л. Р. Кызласова: Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. — МИА, № 149. М., 1969 и Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970; Кызласов Л. Р. Еще раз о терминах «хакас» и «кыргыз».— СЭ, 1971, № 4; он же. Роль археологических источников для изучения малых народов Сибири.— «История СССР», 1975, № 6.

[7] См.: Кызласов Л. Р. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.).— В кн.: История Тувы, т. I. М., 1964; он же. Тува в составе государства древних кыргызов (IX—XII вв.).— Там же; он же. Хозяйство, культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв.— Там же; он же. История Тувы в средние века. АДД. М., 1966; он же. Тыванын төөгузу, т. I. Кызыл, 1966. (История Тувы; на тувинском яз.), гл. IV (с. 110—129), V (с. 130—154) и VI (с. 174—186); он же. Уйгуры.— В кн.: История Сибири, т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968; он же. Тува.— Там же; он же. История Тувы в средние века. М., 1969; Сунчугашев Я. И. Указ. соч.; Сидоров В. В. Стоянки каменного века в Центральной Туве. — СА, 1969, № 4.

лучили в целом высокую оценку советской и зарубежной печати[8].

Однако до сих пор не опубликованы основные материалы по древнему периоду истории населения Тувинской котловины, собранные экспедицией. Настоящее систематизированное издание добытых материалов впервые вводит в научный оборот новые ценные памятники, обогащающие археологию и историю Южной Сибири в целом.

Экспедицией получен путем раскопок, сборов и разведок ряд данных о поселениях и могилах каменного века, энеолита и эпохи бронзы. В сочетании с еще неопубликованными материалами других экспедиций, работающих в смежных районах республики, они воссоздают более полную картину жизни и быта древних племен Тувы.

В связи с раскопками в 1971—1974 гг. «царского» кургана Аржан выяснилось, что основные материалы по рядовым погребениям «аржанской» этнической группы добыты ТАЭ. Исследованные экспедицией памятники раннего железного века позволили не только выделить в Туве уюкскую культуру VII—III вв. до н. э., но и при учете новых фактов, доставленных раскопками Аржана, обосновать выделение раннеуюкского «аржанского» этапа (VII—VI вв. до н. э.). Вместе с тем отчетливо выявился ряд сосуществовавших тогда на территории Тувы этнических групп, различающихся погребальными сооружениями и обрядами захоронений умерших сородичей. На территории Северо-Западной Монголии близ г. Уланхома Советско-Монгольской экспедицией также раскопаны могильники, свидетельствующие о том, что уюкская археологическая культура распространялась на всем пространстве от Саянского хребта до Монгольского Алтая. По нашему мнению, археологи МНР неправомерно назвали ее локальный вариант «чандманьской культурой».

Из раннесредневековых материалов, добытых ТАЭ, в книгу вошли лишь памятники эпохи раннесредневековых государств — древнетюркского (VI—VIII вв.) и древнеуйгурского (VIII—IX вв.) каганатов. Их возникновение означало конец эпохи первобытнообщинного строя. Новые классовые общественные отношения привели к формированию раннефеодальных институтов.

Период уйгурского каганата закончился в истории Тувы около 840 г. К этой дате относятся заключительные материалы нашей книги. Время переломное. За ним следует новая эпоха — вхождение Тувы в развитые феодальные государства древних хакасов и монголов (IX—XV вв.). Этот особый период ознаменовался не только сильнейшими изменениями в экономическом и социальном развитии страны, но и стал значительным рубежом в процессе этногенеза

---

[8] См.: Авдусин Д. А. Археология в Московском университете (1922—1965).— В кн.: Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968; Киселев С. В. Древние города Забайкалья.— СА, 1958, № 4; Окладников А. П. Важный вклад в историю Южной Сибири (Полторы тысячи лет истории Тувы и Минусинской котловины в зеркале археологии).— «Сибирские огни», 1973, № 1; Плетнева С. А. Рецензия на книгу: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века.— СА, 1971, № 1; Смирнов А. П. Рецензия на книгу: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века.— СА, 1971, № 1; Сунчугашев Я. И. Леонид Романович Кызласов. (К 50-летию со дня рождения).— УЗ ХНИИЯЛИ, вып. 19. Абакан, 1974; Гришин Ю. С. Рецензия на книгу: Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве.— СА, 1973, № 4; Jettmar K. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964; Fodor J. Рецензия на книгу: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. — «Századok», 106. ÉVF., 1972, 3 (на венгерском яз.); Fodor J. Отзыв о той же книге: Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. 19. 1973 (на венгерском яз.); Ecsedy J. Рецензия на книгу: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. In «Ural-altaische Jahrbücher», Bd 46. Wiesbaden, 1974; Nagrodzka-Majchrzyk T. Geneza miast u dawnych ludów tureckich (VII—XII w.). Wrocław, 1978.

ее населения. Изменение этнического состава и его антропологического облика привело к постепенному формированию современных тувинцев.

Материалы IX—XV вв., собранные ТАЭ, освещающие расцвет феодальных классовых отношений, подъем земледелия, горного дела, металлургии и ремесел, развитие городской жизни и международной торговли, столь велики по значению и объему, что вполне достойны монографического исследования. И автор надеется со временем его осуществить.

Очевидно, здесь нет необходимости повторять воспроизведения тех или иных чертежей или рисунков вещей, которые уже изданы в предварительных публикациях. В таких случаях в тексте сделаны ссылки на соответствующие воспроизведения. Разведанные, открытые или раскопанные экспедицией памятники сгруппированы в хронологической последовательности. Статистические данные приведены в приложении.

Автор приносит глубокую благодарность всем учреждениям, принимавшим участие в организации и работах экспедиции, и прежде всего историческому факультету и кафедре археологии (заведующий член-корреспондент АН СССР А. В. Арциховский) Московского университета, Институту археологии АН СССР и Тувинскому краеведческому музею. Большую признательность выражаю дружному коллективу ТАЭ: студентам, аспирантам и сотрудникам МГУ.

Особый вклад в трудовые и научные успехи экспедиции внесли мои товарищи по полевой работе: Т. Б. Барцева, Ю. С. Гришин, В. Л. Егоров, М. К. Колмаков, Я. И. Сунчугашев, Т. М. Скакова и В. В. Сухов. Сердечно благодарю рабочих экспедиции — русских, тувинцев и хакасов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРЕВНИЕ СТОЯНКИ И ПОГРЕБЕНИЯ

О МАТЕРИАЛАХ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ

До работ экспедиции Московского университета о древнейших стоянках каменного и бронзового веков в Туве было мало известно. Г. Е. Грум-Гржимайло отметил только, что «доставлены были Сафьяновым каменные орудия и из Северо-Западной Монголии без ближайшего однако указания местности[1], а также Минцловым из долины речки Уюк»[2]. Г. П. Сосновский в докладе на конференции по изучению палеолита в мае 1939 г. в Киеве сообщил, что «из района г. Кызыл-хото в верховьях р. Енисея (Тувинская народная республика) также имеется находка каменных орудий палеолитического типа»[3]. Г. П. Сосновский опубликовал 4 каменных палеолитических орудия из Тувы[4], но в Туве он не был и в данном случае сообщил о материалах, собранных в 1926 г. С. А. Теплоуховым[5].

В кратком отчете С. А. Теплоухов указал, что «следы наиболее древней культуры — культуры камня — обнаружены в одном только пункте на развеянной ветром древней стоянке близ урочища Ангачи (к югу от г. Красного)»[6]. Из рукописных дневников этого исследователя видно, что про каменные орудия, встречающиеся на р. Ангачи, ему рассказали местные жители. В дождливый день 14 августа 1926 г. экспедиция прибыла в пос. Ангачи. Вечером того же дня В. С. Адрианов собрал на дюнах первые каменные орудия. 15 августа С. А. Теплоухов и его со-

[1] ТТКОПОРГО, 1900, т. III, вып. 2—3, с. 7.

[2] Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, с. 43.

[3] КСИИМК, вып. III. М.—Л., 1940, с. 51.

[4] См.: Сосновский Г. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири.— КСИИМК, вып. VII. М.—Л., 1940, с. 87, рис. 24. Ср.: Берегового я Н. А. Палеолитические местонахождения СССР.— МИА, № 81. М.—Л., 1960, с. 84.

[5] См.: Кызласов Л. Р. Краткая история археологического изучения Тувы.— ВМУ, сн, 1965, № 3, с. 65—66.

[6] Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г., т. II. Л., 1928, с. 264.

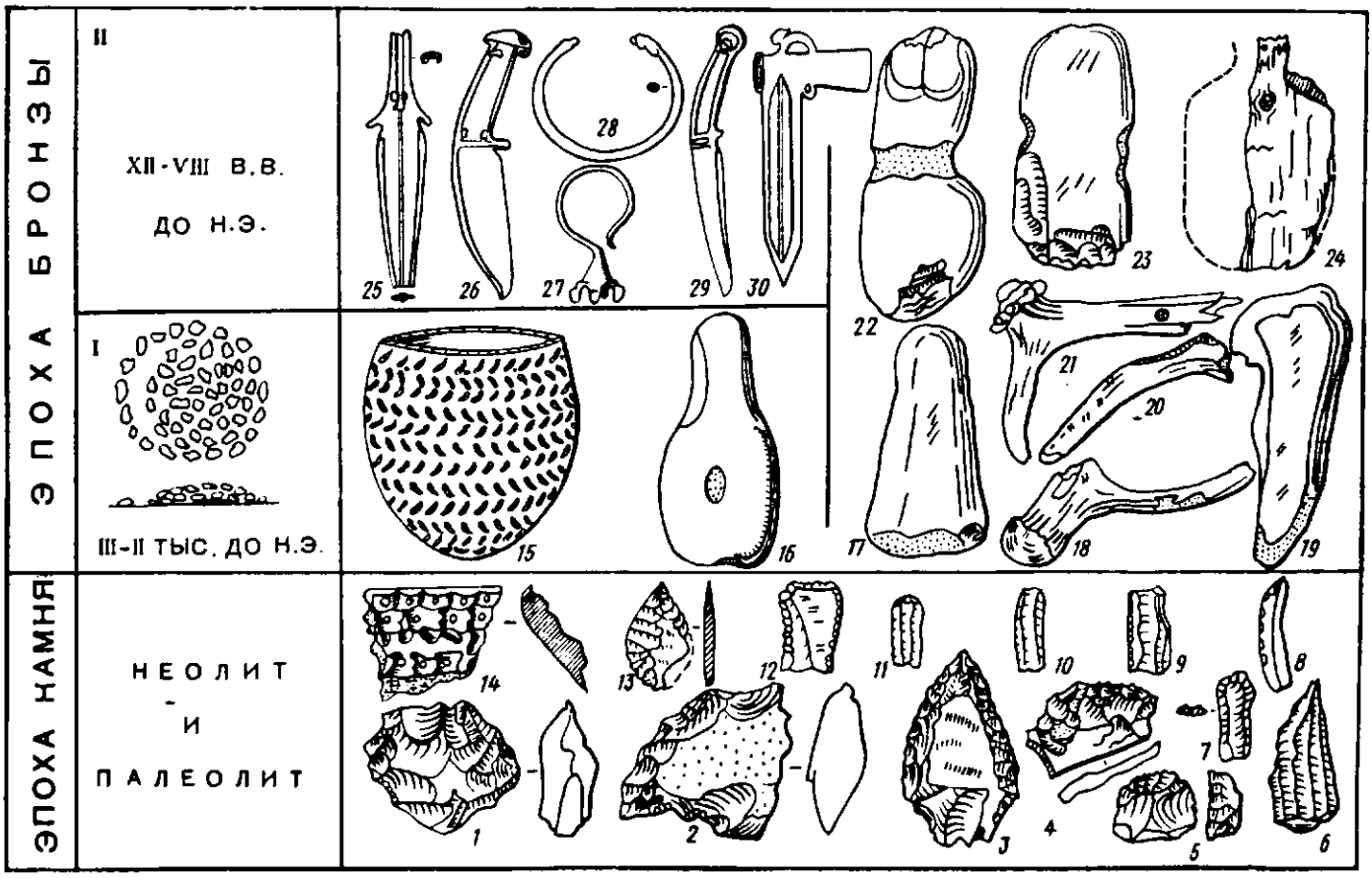

Таблица I

Эпоха камня:

1, 2, 4—13 — сборы на дюнах по р. Ангачи (1926 г.); 3 — в устье р. Хемчик (1955 г.); 14 — по р. Туран (1929 г.)

Эпоха бронзы:

I этап: план и разрез кургана № 3 могильника Бай-Даг баары I (1955 г.); 15 — реконструкция сосуда из кургана № 3 Бай-Даг баары I; 16 — поднято в г. Кызыле (1929 г.); 17—24 — сборы на древних медных рудниках в Хову-Аксы (1948—1949 гг.); 25 — покупка в с. Туран (1927 г.); 26 — урочище Кок-Кежиг Барун-Хемчикского района (Кызыльский музей, № 850); 27, 28 — погребение на древних рудниках в Хову-Аксы на г. Кара-Хая (1949 г.); 29 — в пос. Кызыл-Арыг (покупка 1926 г.); 30 — у с. Усинского (Минусинский музей, № 671).

Камень: 1—13, 16, 17, 19, 22, 23; глина: 14, 15; дерево: 24; бронза: 25—30; рог марала: 18, 20, 21

трудники обследовали выдувы среди песков на надпойменной террасе и обнаружили «мастерскую»[7].

В коллекции, составленной в результате этих сборов, находится свыше 200 кремневых, кварцитовых, диоритовых и сланцевых предметов, из которых 63 — это орудия и мелкие ножевидные пластинки, а остальное — отходы производства (отщепы и осколки). Выделяются клювовидное орудие (сочетание проверткн и скребла), широкий нож и два скребла (таблица I, *1*, *2*, *4*) (определены Г. П. Сосновским как палеолитические)[8]. Из более мелких орудий обращают внимание призматические нуклеусы, нуклевидные орудия, скребки, ретушированные пластинки-вкладыши и пластинки без ретуши (таблица I, *5—7*, *10—12*). Особняком стоит листовидный наконечник стрелы (таблица I, *13*)[9]. С. А. Теп-

[7] Дневник С. А. Теплоухова № 1, 1926 г. (тетрадь 14) и Дневник С. А. Теплоухова № 2, 1926 г. (тетрадь 15) хранятся в архиве Музея этнографии народов СССР (МЭН) в Ленинграде.

[8] См.: Сосновский Г. П. Указ. соч., рис. 24. Позднепалеолитический возраст этих орудий подтвердила и М. З. Паничкина, осмотревшая их, по нашей просьбе, в ОИПК Государственного Эрмитажа, где хранится эта коллекция (№ 4608).

[9] Публикацию части коллекции см.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении).— ВМУ, ифс, 1958, № 4, таблица I, *1*, *2*, *4—7*, *9—14*. Ср.: Сидоров В. В. Стоянки каменного века в Центральной Туве.— СА, 1969, № 4.

лоухов в Ангачах поднял обломки уюкских и средневековых сосудов и часть железного серповидного ножа [10].

Г. П. Сосновский относил стоянку Ангачи к южносибирским верхнепалеолитическим местонахождениям. Сам автор сборов, по-видимому, справедливо указал в кратком отчете археологического отряда Монгольской экспедиции за 1929 г.: «Обнаруженные в Туве предметы древнего камня отличаются от минусинских, но тождественны аналогичным находкам в Монголии» [11].

В том же 1926 г. С. А. Теплоухов поднял на песчаных выдувах в низовьях Боянкольчика (близ Шагонара) 3 ножевидные пластинки из темного кремня и отщеп [12].

Ознакомление с материалами С. А. Теплоухова, а также наши маршруты 1947, 1955 и 1956 гг. указали на необходимость осмотров обширных развеянных песчано-дюнных участков, которыми богата Тувинская котловина. На выдувах предполагалось найти сохранившиеся слои древних стоянок или же, хотя бы в переотложенном состоянии, предметы тех древнейших культур, памятники которых «ускользали» из-под лопат археологов.

Такие поиски ТАЭ провела в разных местах Центральной Тувы в 1959—1962 гг. Еще раньше в 1957 г. нами были обнаружены палеолитические предметы в Овюрском районе, на юго-западной границе Тувинской АССР. Там, по южному склону западной оконечности хребта Танну-Ола, течет р. Саглы. В 5 км выше пос. Кызыл-Тей в нее слева впадает ручей Мугур. На горке правого берега, возле устья ручья, находятся две древнетюркские оградки. Среди насыпной гальки, в северо-восточной оградке, были подняты конусовидный нуклеус из черной породы [13] и сколы.

СТОЯНКИ НА р. АНГАЧИ

В 1959 г., спустя 33 года после С. А. Теплоухова, мы вновь обследовали дюны на р. Ангачи. Когда едешь из Кызыла в Балгазык, то дорога, южнее озера Чедер и поселка совхоза «Победа» (Суг-Бажы), проходит по правому берегу небольшой речки Ангачи. В том месте, где дорога вплотную подходит к берегу, между невысокими горами Хатлыг (они расположены в 500—800 м к западу и востоку от реки) на левом берегу видны развеянные дюны на верхней невысокой надпойменной террасе, которая затем косогором поднимается плавно к безлесным горам. Терраса эта не сплошь развеяна, и между дюнами расположены значительные нетронутые участки степи. Здесь мы обследовали 3 большие дюны, названные нами Ангачи I, II и III. За ними выше по течению речки к югу и юго-западу расположены дюны, не давшие находок, а к северу видны пески (в 1,5—2 км), которые мы не обследовали.

Ангачи I находится на левом берегу, как раз против того места, где дорога проходит у самой речки. Здесь выдувы в целом занимают около 1 км левой надпойменной террасы, по ее обрыву, с юга на север. Два пункта находок выявлены в самой большой котловине выдувания, простирающейся на 115 м с северо-запада на юго-восток и шириной около 50 м. На дне котловины (ее глубина 3,2—3,5 м) обнаружены следы двух неолитических мастерских (IV—III тыс. до н. э.). Одна мастерская — в восточной части котловины (№ 1), а другая (№ 2) — в 70 м к запад-северо-западу. Здесь, среди черных необработанных кусков породы, на развеянном коренном глинистом слое, находились «линзы» (20 и 25 м в диаметре) компактного залегания мелких обломков обточенных песком трубчатых костей, керамики, каменных предметов и сотен отщепов белого, розового и черного кремня и кварцитов.

Весьма вероятно, что «линзы» являются остатками наземных округлых жилищ одного и того же неолитического поселка. Жилища могли иметь вид алтайских анлов, или чумов.

На месте первого жилища (диаметр 20 м) собраны: 65 отщепов, 40 разноцветных ножевидных пластинок (5 — с боковой ретушью, остальные — без вторичной обработки), 9 скребков (5 — круглые высокие — рис. 1, *1—3*; а другие сделаны на концах больших пластин — рис. 1, *4*) [14], 4 обломанных наконечника стрел (2 — со скругленными основаниями и 2 — асимметричные, с выемками в основании и одним шипом) [15]. Здесь же обнаружено более крупное рубящее орудие из черного кварцита, с площадкой, отесанное по бокам крупными сколами; у орудия — извилистое лезвие со следами притупленности и забитости (рис. 2). Еще подняты 3 обломка боковинок от красных гладких сосудов

[10] ГЭ, № 4608—1-4.

[11] «Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР», № 24 (85), 10 декабря 1929 г., с. 192.

[12] ГЭ, ОИПК, коллекция № 4609—2,3.

[13] См.: Сидоров В. В. Указ. соч., рис. 2, *10*.

[14] См.: Сидоров В. В. Указ. соч., рис. 3, *1—5*; рис. 5, *1, 4*.

[15] Там же, рис. 6, *3, 13, 14, 16*.

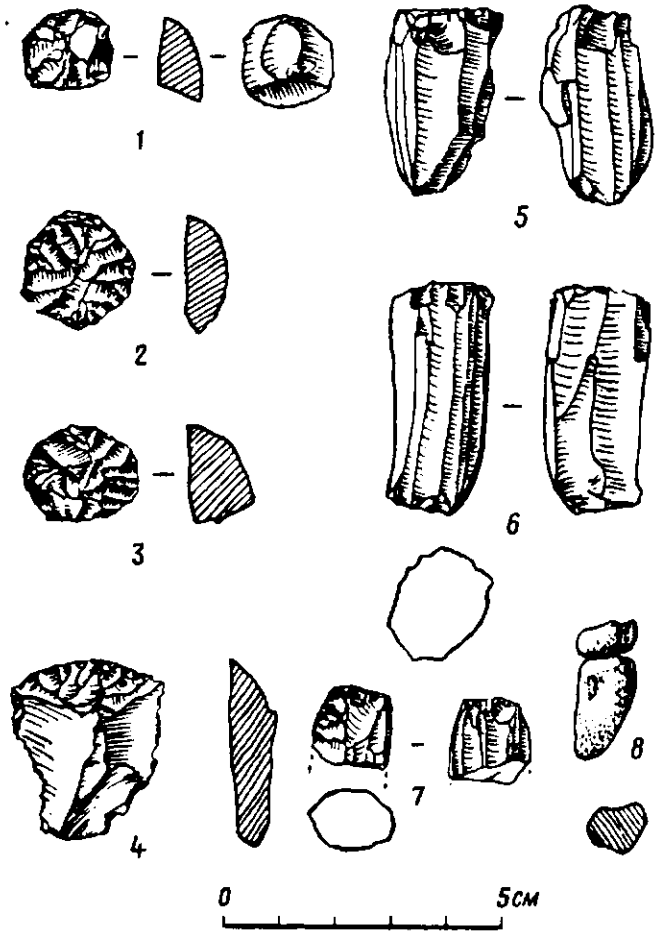

Рис. 1. Каменные орудия:
1—4 — скребки (Ангачи I, жилище 1), *5—7* — нуклеусы, *8* — подвеска (Ангачи I, жилище 2). *1, 2, 7* — белые, *3, 4, 6* — черные, *5* — темно-коричневый, *8* — серый камень

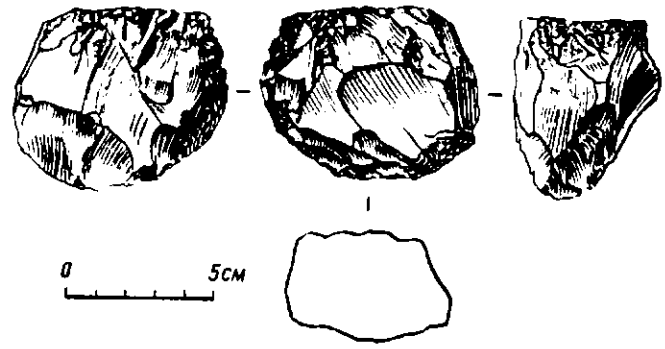

Рис. 2. Рубилообразное орудие (Ангачи I, жилище 1). Черный камень

из серого теста, смешанного с мелким гравием.

На месте второго жилища (диаметр 25 м) собрано 370 отщепов и 106 целых ножевидных пластинок, их обломков и узких сколов. Все они отщеплены от различных по материалу и цвету нуклеусов и не имеют следов вторичной обработки. 9 неопределенных орудий (3 орудия, кажется, обломки миндалевидных наконечников дротиков) со следами подправки и ретуши на сколах [16]. 2 нуклеуса — из черного кварцита, маленький нуклеус — из белого кварца (рис. 1, *5—7*). Все они со следами скалывания тонких ножевидных пластинок.

Еще найдены скребки: 2 — округлых высоких и 4 — на концах ножевидных пластин (рис. 3, *1—3*) [17]. Наконечники стрел (6 почти целых и 7 обломков) все мелкие, но очень

[16] Сидоров В. В. Указ. соч., рис. 6, *28—30*.
[17] Там же, рис. 3, *6, 7* и 5, *2, 3, 5*.

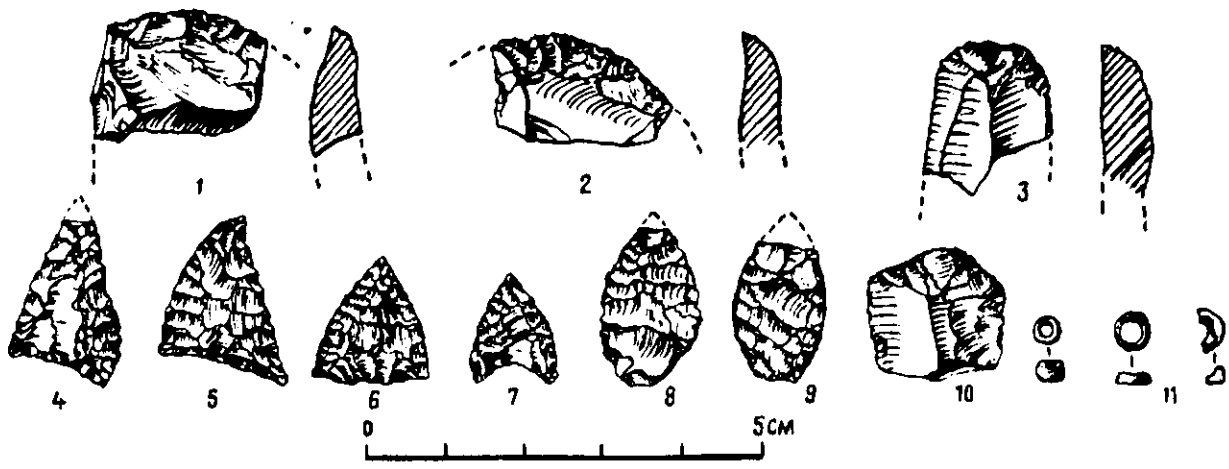

Рис. 3. Каменные орудия:
1—3 — скребки, *4—9* — наконечники стрел (Ангачи I, жилище 2), *10* — скребок, *11* — бусинки из кости (Ангачи II, пункт 3). *1, 2, 4, 8, 9* — черные, *5* — белый, *3* — светло-коричневый, *6, 7, 10* — серые

хорошо ретушированные. 2 наконечника — миндалевидные со скругленными основаниями (рис. 3, *8*, *9*); остальные — треугольные с прямым основанием, треугольные с выемкой в основании или асимметричные, иногда с одним оттянутым шипом (рис. 3, *4—7*) [18].

Обнаружены нуклевидное орудие из черного камня с площадкой и беспорядочными сколами [19] и подвеска в виде клыка животного, вырезанная из серого мягкого камня. У подвески вверху пропилен желобок для привязывания (рис. 1, *8*).

На «линзе» второго жилища подобрано 8 мелких обломков боковинок сосудов серого и желтого цвета. Все они заглажены, сделаны из плотного серого теста с примесью песка. Толщина стенок 6—8 мм. На одном обломке есть орнамент из трех поясков, оттиснутых острозубым штампом (рис. 9, *2*).

Дюны *Ангачи II* находятся примерно в 1 км к юг-юго-западу от Ангачи I. Это также группа больших котловин выдувания. По порядку движения на юг-юго-запад в первой котловине осмотрен пункт № 3: редко разбросанные 55 отщепов из разноцветных кремнистых пород, 27 узких ножевидных пластинок без вторичной ретуши, конический нуклеус с очень узкими фасетками из черной породы, скребок на конце широкой ножевидной пластины из окремнелого сланца, 3 костяные мелкие бусы-бисеринки (рис. 3, *10*, *11*) — и здесь же подняты 5 обломков узкогорлого сосуда уюкской культуры и кусок поздреватого металлургического шлака.

Пункты сборов № 4—6 расположены в следующей к юг-юго-западу соседней котловине, вытянутой с северо-запада на юго-восток, в 300 м от левого берега Ангачи. В пункте № 4, в северо-западном конце котловины, по верху ее борта, у основания древнего почвенного слоя, найдены разновременные находки верхнепалеолитического возраста. К древнейшим относятся 3 крупных скребла со скругленными лезвиями из черной окремнелой и красной аморфной породы (рис. 4, *2—4*), 33 плоских скола неопределенных форм, а также, вероятно, 6 крупных скребков с односторонне ретушированными лезвиями на концах крупных сколов (рис. 5, *1—3*), нож-скобель и ножевидное лезвие из сланцев со вторичной ретушью (рис. 5, *5,6*), 6 ножевидных сколов и конический нуклеус (рис. 5, *4*). В пункте № 4 подняты: 2 обломка позднего узкогорлого сосуда уюкской культуры и

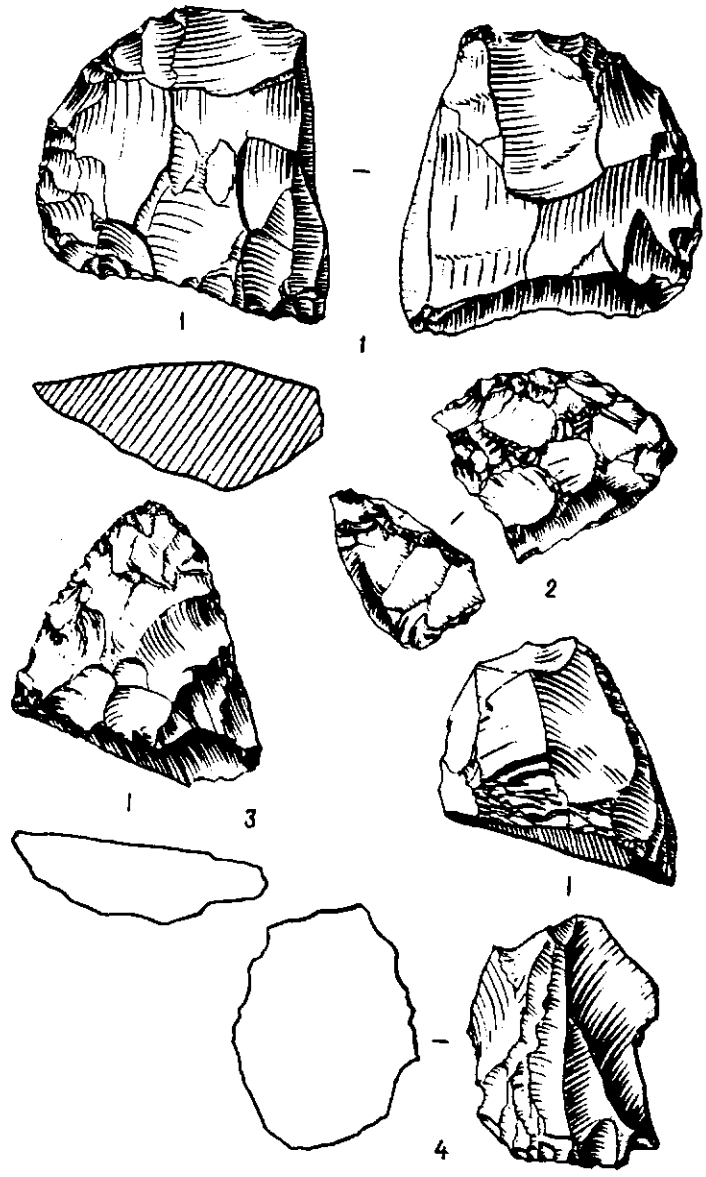

Рис. 4. Каменные скребла:
1 — из Ангачи II, пункт 5, *2—4* — из Ангачи II, пункт 4. *1*, *2* — черные, *3*, *4* — красные

четырехгранный пест из крупнозернистого песчаника.

В пункте № 5, на дне котловины, в 25 м к юго-востоку от пункта № 4, найдены крупные верхнепалеолитическое скребло из черной породы (рис. 4, *1*), 7 крупных отщепов, 2 обломка ножевидных пластинок и невыразительный фрагмент серого сосуда.

Пункт № 6 расположен на раздутом древнем слое глины у южного борта той же котловины, в 30 м от пункта № 5. Здесь собрана одновременная коллекция: 4 нуклеуса-скребка из темных и белых кварцитов (рис. 6,

[18] Сидоров В. В. Указ. соч., рис. 6, *1*, *2*, *4—12*, *17*, *18*.
[19] См.: там же, рис. 2, *2*.

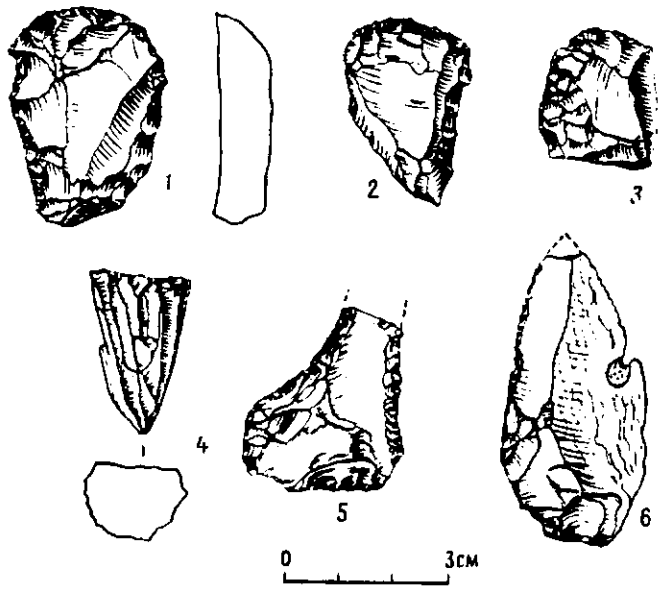

Рис. 5. Каменные орудия:
1—3 — скребки, *4* — нуклеус, *5* — скобель, *6* — нож (Ангачи II, пункт 4). *1, 5* — серые, *2—4, 6* — черные

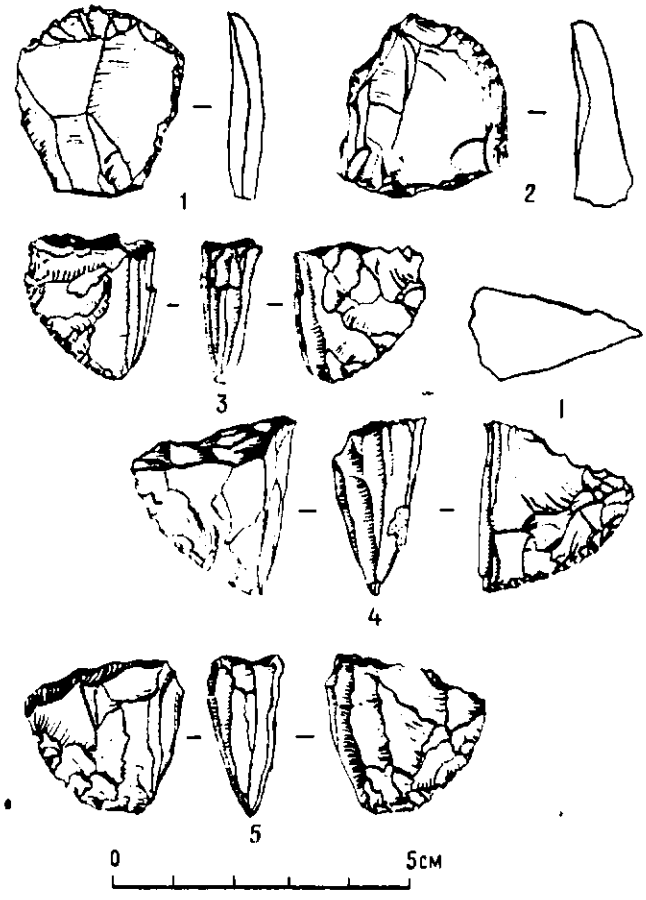

Рис. 6. Каменные орудия:
1, 2 — скребки, *3—5* — нуклеусы-скребки (Ангачи II, пункт 6). *1—3, 5* — черные, *4* — белый камень

3—5), 256 бесформенных отщепов из кварцитов и сланцев, 31 изогнутый скол с призматических нуклеусов, 42 разные прямые ножевидные пластинки, 2 плоских скребка на концах крупных сколов (рис. 6, *1, 2*), 2 ножа из серых кварцитов с парными лезвиями [20].

Пункт 7 находится у развеянного восточного борта котловины, расположенной ближе к речке и ниже по ее течению, неподалеку от котловины в пункте № 6. Здесь собраны орудия неолитического облика: лавролистный наконечник стрелы, покрытый отжимной ретушью, со скругленным основанием с выщербинкой, долотцевидный вкладыш-трапеция с 4 лезвиями (рис. 7, *1, 3*), нуклеус из белого кварца со скребковидным концом и скобелеобразный скол с такого же нуклеуса с ретушированным лезвием и концом (рис. 7, *2*). Еще подняты 7 ножевидных пластинок и 2 неоформленных скола, а также 20 обломков красных выветренных сосудов, возможно, относящихся к уюкскому времени.

Ангачи III расположен в 50 м к юго-западу от выдувов Ангачи II, после задернованного пространства. Это еще одна развеянная дюна, вытянутая также с северо-запада на юго-восток. В ее северо-западном конце, в пункте № 8 наших сборов, обнаружены обломок конца куранта зернотерки из мелкозернистого серого песчаника и 4 обломка сосуда уюкской культуры (VII—III вв. до н. э.).

Коренной материковый слой из серой глины, на котором в Ангачах залегали наиболее древние стоянки, на всех дюнах выходит на глубине от 1 до 2,5 м ниже окружающей поверхности степи, образующей надпойменную террасу.

Таким образом, стоянки в Ангачах отчетливо распадаются на верхнепалеолитические (Ангачи II, пункты № 4 и 5), мезолитические (Ангачи II № 6) и неолитические (Ангачи I № 1 и 2; Ангачи II № 3 и 7). Позднее на берегах речки жили уюкцы.

СТОЯНКИ ПО ЛЕВОМУ БЕРЕГУ УЛУГ-ХЕМА

В 6 км к юго-востоку от горы Бай-Даг, на правой надпойменной террасе р. Чааты, левого притока Улуг-Хема, слева от дороги г. Шагонар — дер. Торгалык, расположены большие развеянные участки с громадными

[20] См.: Сидоров В. В. Указ. соч., рис. 4, *5, 6*. В этой статье условно принято, что Ангачи III — место сборов С. А. Теплоухова.

барханами и лежащими между ними глубокими котловинами. По краю песков стоят редкие тополевые рощи. Здесь 1 сентября 1959 г. нами в 6 пунктах глубоких котловин собран разнообразный подъемный материал от неолита до раннего железа.

Пункт № 1 — на дне первой (с северо-западного края дюн) котловины поднят маленький кремневый наконечник стрелы с асимметричным шипом неолитического типа (рис. 7, *4*).

Пункт № 2 — на западном конце той же котловины обнаружены 3 обломка красного лепного сосуда с украшением из линий мелкозубчатого штампа, возможно, образующих треугольники, и лавролистный (строгой формы) наконечник стрелы из кремнистой породы шоколадного цвета со скругленным основанием и двусторонней зубчатой (пильчатой) ретушью (рис. 7, *5*). Эти находки, видимо, относятся к среднему периоду эпохи бронзы.

Пункт № 3 — в восточном конце песков. Здесь подняты лежавшие совместно обломок курант зернотерки из мелкозернистого серого песчаника и 9 обломков сосуда уюкской культуры и неподалеку 5 обломков вазообразного сосуда шурмакской культуры [21].

Пункт № 4 — в южной стороне песков. Подняты 6 обломков серого, лепного, гладкого, плоскодонного сосуда с грубым тестом с большой примесью гравия и обломок серого, толстостенного, плотного сосуда, покрытого глубокими полосами вертикального лощения. Возможно, это гуннская посуда.

Пункт № 5 — в юго-западной стороне песков. Здесь найдены обломок аналогичного гуннского сосуда, 28 обломков шурмакских ваз, обломок курант зернотерки из мелкозернистого серого песчаника, 2 обломка сосуда с парным остроугольно-тычковым орнаментом (рис. 9, *3*) [22].

Пункт № 6 — в 50 м к северу от пункта № 5; здесь на поверхности выдува подняты 10 обломков железных раннешурмакских предметов: 4 пластинки, крючок, половина скобы, втулка от наконечника дротика и овальная бляшка с петелькой в центре. Пункты № 3—6 — это остатки раннешурмакских стоянок II—I вв. до н. э.

В 1960 г. сборы на тех же дюнах по берегам р. Чааты были нами продолжены, но в других 5 пунктах.

В пункте № 7, в западной оконечности песков, в выдуве подняты железные двусоставные удила с округлыми кольцами, обломок узкого лезвия железного ножа и 2 обломка боковинок красных сосудов уюкской культуры.

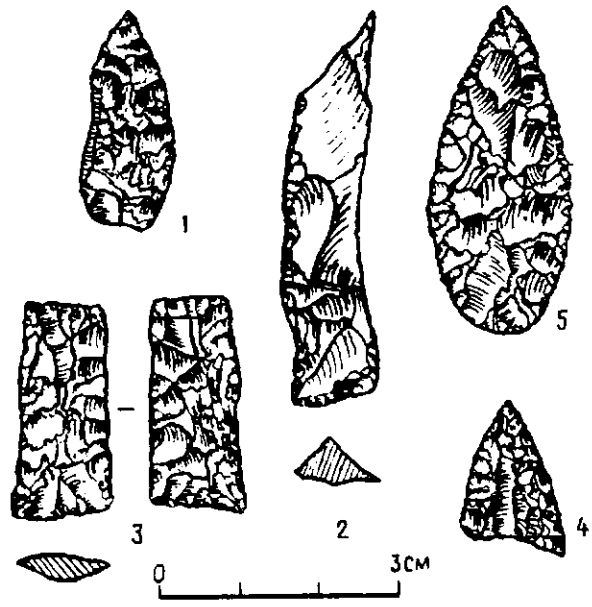

Рис. 7. Каменные орудия:
1 — наконечник стрелы, *2* — скобель, *3* — вкладыш-трапеция (Ангачи II, пункт 7), *4*, *5* — наконечники стрел (Чааты, пункты 1 и 2). *1*, *3*, *4* — черный, *2* — серый, *5* — коричневый

В пункте № 8, в северо-западной части песков, обнаружены сколы из темного кремня (один с боковой ретушью) [23] и 3 неолитических наконечника стрел из белого и темного кремня с двусторонней ретушью. Один из них удлиненный ланцетовидный с обломанным основанием, другой малый листовидный и третий треугольный с выемкой в основании (рис. 8, *4—6*).

В пункте № 9 (вблизи пункта № 8) собраны обломки двух красных сосудов, вероятно, относящихся к эпохе бронзы. Сохранились венчик толстостенного сосуда с круглой выпуклостью, выдавленной палочкой изнутри, и 8 обломков боковинок с остатками защипных валиков и резного орнамента из двух горизонтальных линий и заключенных между ними оттисков угла деревянной лопаточки (рис. 9, *4—8*).

Пункт № 10, в север-северо-западной части песков, выявил раннеэнеолитическую стоянку, где собраны 3 бесформенных скола (один из них пластинчатый с ударным бугорком), 2 ножевидные пластинки без ретуши,

[21] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы.

[22] Обломок с точно таким орнаментом обнаружен нами в 1959 г. в Хакасии на II Троицком городище II—I вв. до н. э.

[23] См.: Сидоров В. В. Указ. соч., рис. 4, *4*.

Рис. 8. Каменные орудия:
1 — нуклеус (Боянкольчик, пункт 4), *2, 3* — наконечники стрел (Чааты, пункт 10), *4—6* — наконечники стрел (Чааты, пункт 8), *7* — скребловидное орудие (Чааты, пункт 11). *1, 7* — серые, *2, 3* — коричневые, *4, 6* — белые, *5* — черный камень

ножевидное лезвие из скола с поперечной односторонней подправкой[24] и сланцевый наконечник стрелы с шипом (рис. 8, *2—3*), отбитым носиком и сколотой обратной поверхностью.

В пункте № 11 (в 15 м к югу от пункта № 10) найдено сечковидное орудие на сколе от темно-серой речной гальки, подправленное лезвие которого сильно притуплено от рубящих вертикальных ударов (рис. 8, *7*).

Таким образом, к неолитическому периоду на дюнах по р. Чааты относятся пункты № 1, 8, 10, 11, а эпохой бронзы датируются пункты № 2 и 9.

В 10 км к востоку от Шагонара, на левом берегу Улуг-Хема, с северной стороны горы Хайыракан, под главной ее вершиной, поросшей лесом, залегают (на 1 км в длину) большие барханы песка с котловинами выдувания; эти котловины круто обрываются к задернованному пространству левой береговой террасы Улуг-Хема. Здесь в 1959—1960 гг. обнаружены некоторые древние остатки в 6 пунктах.

Пункт № 1 — большая котловина (80×30 м, глубина 5 м) на западной окраине песков. В ней заметны развеянные остатки стоянки уюкской культуры в виде большого скопления выветренных костей крупного и мелкого рогатого скота и лошадей (лежал даже целый конский череп). Собрано 26 обломков от четырех уюкских сосудов и пористые шлаки, видимо, от сыродутного горна.

Пункт № 2 расположен в котловине (40×60 м, глубина 3—4 м) в 30—40 м к востоку от пункта № 1. Здесь, на восточном борту дюны, на глубине 1,5 м от ее верха, находился наполовину обнаженный деревянный настил из двух полусгнивших досок (шириной 30—40 см и толщиной 4 см) и отесанной жерди (шириной 10 см). Весь настил (3×0,8—0,9 м) слегка обожжен; он вытянут с севера на юг. Доски и жердь струганы довольно грубо топором с нешироким лезвием типа кельта или пальштаба. Настил, вероятно, можно считать остатком деревянного пола наземного жилища, возможно, типа избы. В 5—10 м к югу от него были разбросаны 13 крупных обломков серого широкогорлого сосуда типа бадейки с прочерченным орна-

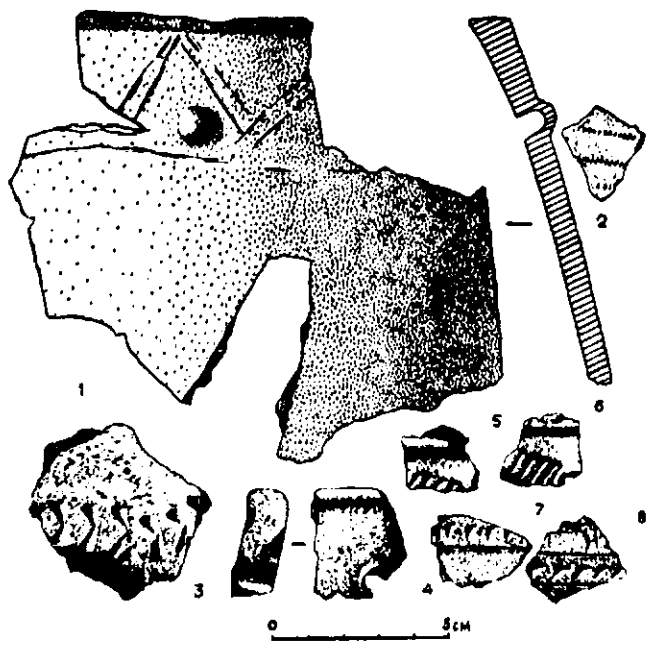

Рис. 9. Обломки сосудов со стоянок:
1 — Хайыракан, пункт 2, *2* — Ангачи, жилище 2, *3* — Чааты, пункт 5, *4—8* — Чааты, пункт 9

[24] См.: Сидоров В. В. Указ. соч., рис. 4, *3*.

ментом из треугольников, обращенных вершинами вниз. Между треугольниками заметна выпуклость, выдавленная изнутри (рис. 9, *1*). Возможно, здесь был памятник поздней бронзы или раннего этапа уюкской культуры. Хотя подобная посуда не встречалась в памятниках уюкской культуры VII—III вв. до н. э., но сходные образцы есть в раннетагарских курганах Среднего Енисея.

Пункт № 3 находился на борту неглубокой котловины к западу от пункта № 2. Собраны 5 обломков железного тонкостенного выпуклодонного котла или чаши.

Пункт № 4 обнаружен в 30 м к востоку от пункта № 2. По-видимому, здесь выявлены остатки раздутого погребения шурмакской культуры. Собраны в одном месте: 2 обломка венчика глиняной тонкостенной чашечки и фрагменты полуокисленных железных предметов, обычных для шурмакского погребального инвентаря. Среди них 9 обломков стерженьков и колечек от миниатюрных удил, фрагмент ножки — поддона от железного миниатюрного котелка, обломки втулок от двух миниатюрных дротиков, черешковый четырехгранный долотовидный предмет, обломок стержня с лезвием и куски небольших наконечников стрел (4 стрелы трехперые и одна плоская).

В пункте № 5 подняты 11 обломков разных лепных сосудов и 2 кусочка железного шлака, а в пункте № 6 найдены 3 обломка сколов из темного кремня. Скорее всего, среди стоянок Хайыракана относятся: к неолиту — пункт № 6, к раннеуюкскому этапу — пункт № 2, к уюкской культуре — пункты № 1 и 5 и к шурмакской культуре — пункты № 3 и 4.

Возле горы Хайыракан слева в Улуг-Хем впадала речка Боянкольчик. В 1960 г. она текла только в верховьях, так как всю ее воду разбирали на орошение пшеничных полей. На берегах Боянкольчика, в 3—4 км к юго-западу от горы Хайыракан, также имеются большие участки развеянных песков, извивающихся длинными барханами. По краям их растут тополевые рощицы. Здесь небольшие сборы подъемного материала произвел еще С. А. Теплоухов в 1926 г. Осмотр котловин выдувания с севера на юг позволил и нам обнаружить находки еще в 10 пунктах.

Пункт № 1 доставил 34 мелких скола и 21 обломок мелких ножевидных пластинок из белого и темного кремня. Все это — отходы производства, так как следов вторичной обработки нет. Здесь же найдена длинная цилиндрическая бусина из белого камня (длина 1,7 см и ширина 0,5 см), подобная бусинам бронзового века Южной Сибири.

В пункте № 2 собраны 8 обломков серого лепного сосуда.

В соседних пунктах № 3 и 4 подняты нуклеусы из серого прозрачного кварца, от которых откалывали мелкие и мельчайшие пластинки. Одно орудие напоминает мезолитический нуклеус-скребок (с таким же треугольным сечением), но низ его оббит (рис. 8, *1*), а другое орудие — помельче, настоящий нуклеус-скребок треугольного сечения со следами скалывания микропластинок с одной грани.

Пункт № 5 сохранил материальные остатки гуннского стойбища: 6 обломков красного сосуда с линейно-волнистым орнаментом, «когтевидную» подвеску и обломок колечка, сделанные из известняка. Известняк того типа, что слагает соседнюю гору Хайыракан. Вероятно, здесь же в 1926 г. С. А. Теплоухов поднял подобную же гуннскую подвеску из белого нефрита, обломок куранта зернотерки и керамику. Все эти предметы опубликованы нами в качестве редкого свидетельства о стойбище ранних гуннов в Туве во II—I вв. до н. э.[25].

В пунктах № 6 и 7 обнаружены обломки красных лепных сосудов уюкской культуры и кусок легкого ноздреватого, вероятно, гончарного шлака.

В пункте № 8 подняты железное кольцо, скобка и 2 обломка выпукло-вогнутых накладок того типа, который получил распространение в XI—XII вв.

В пункте № 9 среди остатков развеянного позднесредневекового погребения обнаружены 12 железных вещей: 2 стремени с широким подножием, 6 плоских асимметрично-ромбических наконечников стрел, 4 обивки с заклепками от верха деревянного сосуда.

В пункте № 10 найдены уменьшенные, двусоставные, кольчатые удила, с одним дополнительным подвижным кольцом. Они сделаны из железных четырехгранных в сечении стержней и относятся ко II этапу шурмакской культуры. Вместе с ними встречен железный плоский, асимметрично-ромбический наконечник стрелы того же позднесредневекового типа, что и в пункте № 9.

Таким образом, среди стоянок Боянкольчика обнаружены мезолитические (№ 3 и 4), эпохи бронзы (№ 1), уюкской культуры (№ 6 и 7), гуннские (№ 5), шурмакские (№ 10), а также средневековые могилы (№ 8

[25] См.: Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969.

Хакасский областной
краеведческий музей

и 9); определить дату пункта № 2 не представляется возможным.

В 1962 г. экспедицией осмотрены песчаные выдувы в урочище Шолу (русское Щёлы), в 25 км к югу от г. Кызыла по дороге на Бай-Хак, между «Кызыльским перевалом» и озером Хадын. Здесь протекает небольшой ручей, называемый по-русски Щёлы; на обширном пространстве его левого берега громоздятся высокие барханы с глубокими котловинами.

Возле ручья, вероятно, с глубокой древности существовали временные и постоянные поселения человека. Нами собраны подъемные материалы в ближайших к дороге котловинах, в 1 км ниже истока ручья. В 5 пунктах выявлено много шлаков, остатков руды, обломков глиняных сосудов (от уюкских до уйгурских ваз) и железных предметов.

Здесь найдены отщепы из темно-серого кремня; обломок сосуда с «жемчужником» вокруг горловины (того же типа, что и сосуды из раскопок отвала шлаков № 4 на р. Он-Кажаа — доказательство распространения этой посуды в Туве), место рудоплавильни с кусками руды, обломками сопел и тигля; остатки железных стремян с восьмеркообразной петлей (VI—X вв.) и обломки монгольского чугунного котла с тремя плоскими ножками (XIII—XIV вв.).

▼

К верхнепалеолитическому периоду относятся обнаруженные нами стоянки Саглы-Мугур, Ангачи II № 4 и 5. Последние 2 пункта, вероятно, соответствуют месту сбора верхнепалеолитических орудий экспедицией С. А. Теплоухова [26].

Мезолитические стоянки с характерными нуклеусами-скребками впервые открыты в Туве нами. К ним относятся Ангачи II (пункт № 6) и Боянкольчик (пункты № 3 и 4) [27].

Нашей экспедицией в разных местах Центральной Тувы обнаружены неолитические стоянки Ангачи I № 1 и 2; Ангачи II № 3 и 7; Чааты № 1, 8, 10 и 11; Хайыракан № 6.

Собранных материалов, конечно, еще недостаточно для характеристики культур каменного века бассейна Верхнего Енисея. По мере накопления материалов наши открытия помогут восстановить общую картину расселения древних человеческих коллективов в этом районе [28].

В целом, по всей вероятности, находки верхнепалеолитического периода может быть и найдут соответствия в каменном веке соседней Северо-Западной Монголии, но они чрезвычайно близки лежащим ниже по Енисею уже достаточно изученным стоянкам Хакасско-Минусинской котловины, — в особенности материалам, относящимся к так называемой кокоревской культуре [29].

В обнаруженных нами неолитических стоянках мало глиняной посуды, нет шлифованных орудий (тесел, топоров и т. д.), преобладают орудия и наконечники стрел малых размеров. Все это характерно для степной зоны современной Монголии, Джунгарии и Казахстана [30].

Если в культуре неолитических племен степной зоны Тувы уже выявляется значительная близость [31], то этого нельзя сказать о других географических зонах Тувинской АССР. Очевидно, например, что неолит Тоджи будет относиться к особой культуре, тесно связанной с таежными племенами. С. А. Теплоухов в 1929 г. обнаружил в верховьях р. Турана (Северная Тува) обломки двух сосудов. Он обследовал вскрытые оросительным каналом остатки древней стоянки на левом берегу Турана, чуть ниже устья впадающего в него справа Блялика. По данным автора сборов, «долина р. Турана стеснена здесь уже высокими горами, поросшими лесом, и не превосходит одного километра в ширину» [32].

---

[26] См.: Сидоров В. В. Указ. соч., с. 128.

[27] Некоторые авторы относят появление нуклеусов-скребков в Южной Сибири к самому концу палеолита (см.: Абрамова З. А. Палеолит Южной Сибири.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970), но преобладали они в мезолитическое время (см.: Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии.— СЭ, 1962, № 1, с. 88).

[28] Использование наших материалов уже началось см.: Беляева В. И. Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 в Западной Туве.— КСИА, вып. 131. М., 1972.

[29] См.: Абрамова З. А. Новые данные по палеолиту Енисея.— В кн.: Палеолит и неолит СССР, т. VI. МИА, № 173. Л., 1971. Ср.: Окладников А. П. Палеолит Забайкалья.— В кн.: Археологический сборник, вып. I. Улан-Удэ, 1959.

[30] Ср.: Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— В кн.: Северная Монголия, вып. 2. Л., 1927, таблица X; Gabori M. Beiträge zur Typologie und Verbreitung der Shabarakh — Kultur.— Acta archaeologica ASH, t. XIV, f. 3—4, 1962; Чалая Л. А. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана. АКД. М., 1971.

[31] См.: Беляева В. И. Указ. соч.

[32] Рукописный «Отчет» С. А. Теплоухова (с. 107) и его полевой дневник № 20 за 1929 г.— Архив МЭН СССР.

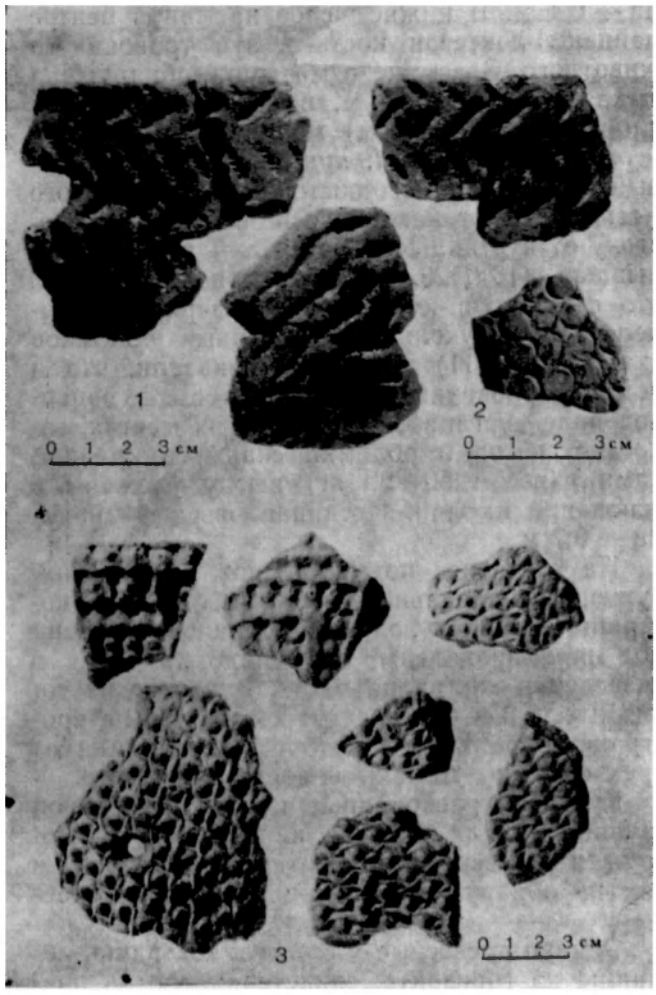

Рис. 10. Обломки неолитических (*2, 3*) и энеолитических (*1*) сосудов:
1 — Бай-Даг баары I, курган № 3, *2* — под насыпью кургана Малиновка № 1, *3* — со стоянки на р. Туран

На глубине от 0,7 до 1 м в разрезе канавы обнаружены 2 очажные ямы, выложенные по стенкам камнями и заполненные углями и золой. По-видимому, над этими очагами некогда стояли легкие жилища неолитических охотников типа чумов. В одном из очагов залегали только угли, а в другом торчали обломки толстостенных сосудов. От гладкого сосуда сохранился прямой венчик с ровным обрезом верха, а от другого остались 7 обломков венчика, боковинок и дна.

Второй был довольно грубым, выпуклобоким сосудом со слабо уплощенным округлым дном. Вылеплен он от руки ленточным способом. Вся поверхность его украшена оттисками трубчатой сдавленной кости так, что весь сосуд кажется покрытым «чешуйчатым» рельефным узором (рис. 10, *3*). Тесто глины серое, плохо обожженное, с большой примесью крупного песка. С. А. Теплоухов не стал копать стоянку и не высказал своего отношения к находке. Уже в первой обзорной статье мы отнесли стоянку к неолиту. Подобная посуда нигде не встречается в эпоху бронзы в Южной Сибири; она ничем не похожа и на энеолитическую афанасьевскую известную в Хакасско-Минусинской котловине и на соседнем Горном Алтае [33].

По архаическому узору эта посуда ближе всего напоминает «ложнотекстильную» неолитическую [34]. Сколько-нибудь близкие параллели в Туве пока не известны, за исключением, может быть, мелких обломков тонкостенного желтого сосуда из той же Турано-Уюкской котловины. Они случайно оказались под насыпью одного из средневековых курганов XI—XII вв., раскопанного нами в Малиновке, в верховьях Уюка. Черепки эти сплошь покрыты оттисками круглой, очевидно, костяной трубочки (рис. 10, *2*) [35].

ПАМЯТНИКИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

В «Отчете» о трехлетних работах в Туве наш предшественник С. А. Теплоухов сообщил, что «следов афанасьевской культуры, развившейся в Минусинском крае, по-видимому, под влиянием иранского мира, так же как андроновской, широко распространенной в Западной Азии и связанной с европейскими культурами, на Танну-Тувинской территории нами не обнаружено» [36].

Однако экспедицией Московского университета в 1955 г. раскопаны самые ранние курганы Тувы, относящиеся к энеолиту. Они найдены по обе стороны перевала Хамар, наиболее удобного перехода в восточной части хребта Танну-Ола.

У северного склона хребта, на левом берегу Шурмака, в 5 км ниже дер. Шурмак, находится сопка Бай-Даг баары, мимо которой проходит дорога из пос. Кызыл-Арыг в дер. Шурмак и далее через перевал в пос. Самагалтай.

[33] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 72—74, таблица I, *8*. Обломки сосудов хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция № 5133—1, 2.

[34] См.: Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968, рис. 30; «Каогу тунсюнь», 1957, № 3, с. 59, рис. 4.

[35] См.: Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, 1960, № 3.

[36] Рукопись «Отчета» (без названия) хранится в архиве МЭН СССР, с. 1.

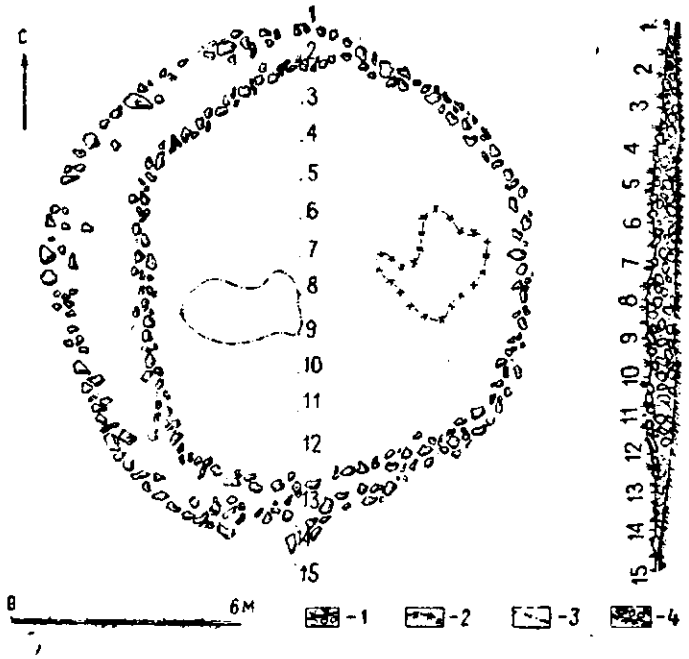

Рис. 11. План и профиль энеолитического кургана (Бай-Даг баары I, № 3):
1 — насыпь, *2* — кострище, *3* — обломки керамики, *4* — материк

В 1 км к югу от сопки, на косогоре, по обе стороны дороги, расположена курганная группа Бай-Даг баары I. Плоские округлые насыпи из земли с обломками скалы вытянуты здесь тремя цепочками с юго-запада на северо-восток: 8 в северо-западной цепочке, 5 курганов в центральной и 2 кургана в юго-восточной. Раскопаны 3 кургана, по одному в каждой цепочке.

Бай-Даг баары I, курган № 1 — второй (с юго-западного края) в центральной цепочке. Овальная насыпь (7×7,5 м) была вытянута с запада на восток; она содержала кроме земли много мелких обломков скалы, а также и крупные обломки до 50 и 100 кг. Высота насыпи 0,4 м над уровнем современной почвы. Под насыпью оказался материковый слой гравия с мелкой щебенкой. Истинная высота насыпи — 0,47 м.

На горизонте в центре обнаружено небольшое количество мелких углей. Рядом, с южной стороны, лежали 2 плохо сохранившиеся кости животного (одна из них — голень).

Бай-Даг баары I, курган № 2 находился на юго-западном конце в северо-западной цепочке. В плане этот курган представляет овал (6×6,7 м), вытянутый с запада на восток, высотой 0,27 м. Насыпь состояла из земли и обломков скалы (до 70—80 кг). По краям она была обложена крупными обломками скалы от 50 до 80 кг. Истинная высота насыпи — 0,4 м. В нижнем слое насыпи в центре найдены локтевая кость и зуб травоядного животного. Здесь же в материке обнаружена ямка диаметром 0,2 м, в которой расчищен слой (толщиной 3 см) мелких угольков.

Бай-Даг баары I, курган № 3 — восточный из курганов юго-восточной цепочки этого могильника; он находился в 30 м к северо-востоку от кургана № 1. Насыпь — плоская, оплывшая (13×12,6 м) и задернованная так, что с западной стороны на поверхности выделяется полукольцо из крупных обломков скалы (рис. 11). Раскопки показали, что и под задернованным пространством в западной поле кургана, как и в других местах, залегают земля и обломки скалы, а крупные камни (весом 50—90 кг) всюду уложены в основании насыпи. Истинная высота насыпи — 0,7 м.

На горизонте под восточной полой обнаружено неправильное пятно (3×2,85 м) кострища (угли и зола). Материковые камни под ним прокалены, что свидетельствует о разведении костра на месте. В центре на горизонте, в 2 м к западу от кострища (на пространстве 6×1,5 м), разбросаны обломки от трех сосудов, угольки и кость животного.

Курганы, раскопанные нами в курганной группе Бай-Даг баары I, к погребальным сооружениям, вероятно, не относятся, так как в них не обнаружено никаких следов погребений.

Однако древесные угольки и кострища, лежащие на горизонте, свидетельствуют о разжигавшихся здесь кострах, а кости животных и обломки сосудов указывают на приношения жертвенной мясной и жидкой пищи. Очевидно, нами открыты древнейшие жертвенно-поминальные курганы, связанные с заупокойным культом, совершавшимся по погибшим на стороне людям.

Энеолитический возраст курганов определяют обломки сосудов, найденных под насыпью № 3. От одного из них сохранились боковинки со слабыми оттисками трех горизонтальных полосок гребенчатого штампа. Обломки двух сосудов однотипны и различаются лишь толщиной. Они полуяйцевидной формы, с невыраженным венчиком и выпуклым дном[37], сплошь покрыты оттисками овального зубчатого штампа, образующего елочный или зигзагообразный узор (рис. 10, *1*; таблица I, *15*). Венчик одного из сосудов хра-

[37] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, таблица I, *15*. Трупосожжения также широко практиковались в энеолитических культурах Сибири. Они встречаются и в афанасьевских и в глазковских могильниках.

нит косые насечки поверху и ямочные вдавления под горловиной. На некоторых обломках есть сверлины, другие — покрыты нагаром.

Эти тонкостенные сосуды вылеплены спирально-ленточным способом: у них заглаженная поверхность, черное или красно-серое в изломе тесто глины, с примесью кварцевого песка, мелкой слюды и растительных волокон.

По всем своим особенностям они близки к энеолитическим сосудам, и прежде всего к посуде афанасьевской эпохи (III тыс. до н. э.) соседних районов Хакасско-Минусинской котловины и Алтая. Над древнейшими афанасьевскими могилами обнаружены такие же каменные «круглые площадки», или «курганчики» из камней, перемешанных с землей [38].

О том, что открытая нами под хребтом Танну-Ола энеолитическая культура была распространена в Туве, известно сейчас лишь по некоторым находкам, обнаруженным в других районах республики. Может быть, к этому времени следует относить и нижний горизонт Тонмакской стоянки в Тодже, где обнаружены каменные орудия и обломки сосудов с аналогичным узором, нанесенным зубчатым штампом [39]. Отметим также обломок серого сосуда, украшенного горизонтальной резной елочкой, внутренняя поверхность которого по-афанасьевски затерта пучком травы (рис. 12, *1*). Он подобран А. В. Адриановым в 1915 г. на р. Бай-Сют [40].

Кроме того, на территории Кызыла найдены сделанные из галек «колотушка» афанасьевского типа и фаллообразный пест (рис. 12, *2*, *3*) [41]. Пест изготовлен путем тщательной оббивки всей поверхности, и лишь концы

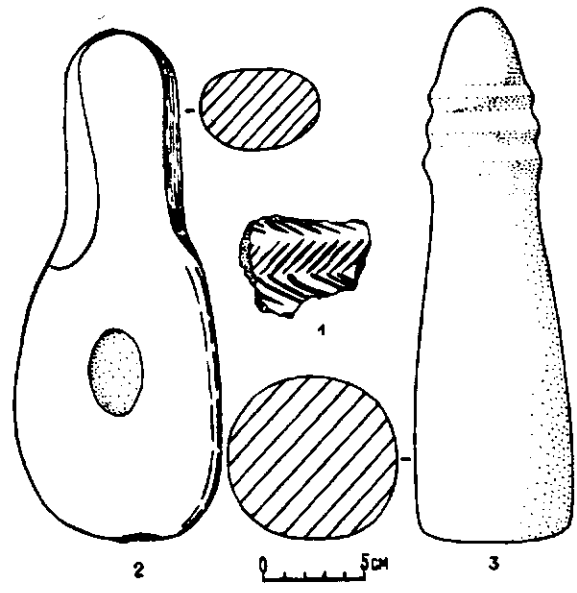

Рис. 12. Колотушка (*2*), пест (*3*) и обломок (*1*) энеолитического сосуда:
1 — р. Байт-Сют, *2*, *3* — сборы на территории Кызыла

его заглажены. У колотушки обработкой выделена только ручка. В трех местах (посредине и по концам) на ней видны следы сработанности в виде овальных неглубоко выбитых вмятин. Найденная нами энеолитическая глиняная посуда резко обособлена от более ранней неолитической.

Из памятников, исследованных нами в 1955 г., к энеолиту относится, вероятно, и Кызыл-Хая, курган № 1 на северо-восточном конце большого плато, расположенного с юго-западной стороны Кызыл-Хая, по левому берегу Тыттыг-Хема. Это плато лежит справа от дороги, ведущей с перевала Хамар в Тес-Хем, не доезжая 6 км до пос. Самагалтай.

Курганчик плоский, неправильной округлой формы (диаметр 6×5,8 м, высота около 0,3 м). Насыпь его сложена из земли с обломками скалы от 2 до 10—15 кг. Под насыпью выявлен слой погребенной почвы, покрывающий усеченно-пирамидальное сооружение из светло-желтой глины, находящееся над могильной ямой (рис. 13). Вероятно, первоначально было сооружено намогильное сооружение — усеченная пирамида из глины, дерна и камней.

Яма прямоугольной формы (1,85×0,93 м, высота 0,7 м) со скругленными углами; она вытянута с запад-юго-запада на восток-северо-восток и заполнена серой землей со щебнем. Поверх ямы и в ее засыпке обнаружены кусочки полусгнившего дерева, расположение которых позволяет установить, что

---

[38] См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 24—56.

[39] См.: Вайнштейн С. И. Археологические исследования в Туве в 1955 г.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 4. Кызыл, 1956, с. 36—37, рис. 2. К сожалению, при раскопках стоянки культурные слои энеолита не выделены среди более поздних; энеолитические находки автор ошибочно относит к неолиту. Ср.: Дэвлет М. А. Археологические исследования в Тодже в 1969 г.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 14. Кызыл, 1970, с. 243—246.

[40] Музей ТГУ, № 6041—345. Аналогичная энеолитическая посуда, вероятно, есть в соседней Монголии и Казахстане. См.: Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 11; Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, вып. 12. Свердловск, 1973, рис. 1, *16*.

[41] С. А. Теплоухов поднял в 1929 г. колотушку «против здания правительства» (ГЭ, № 5133—3. Ср.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, таблица I, *16*); пест поступил в Кызыльский музей в 1958 г.

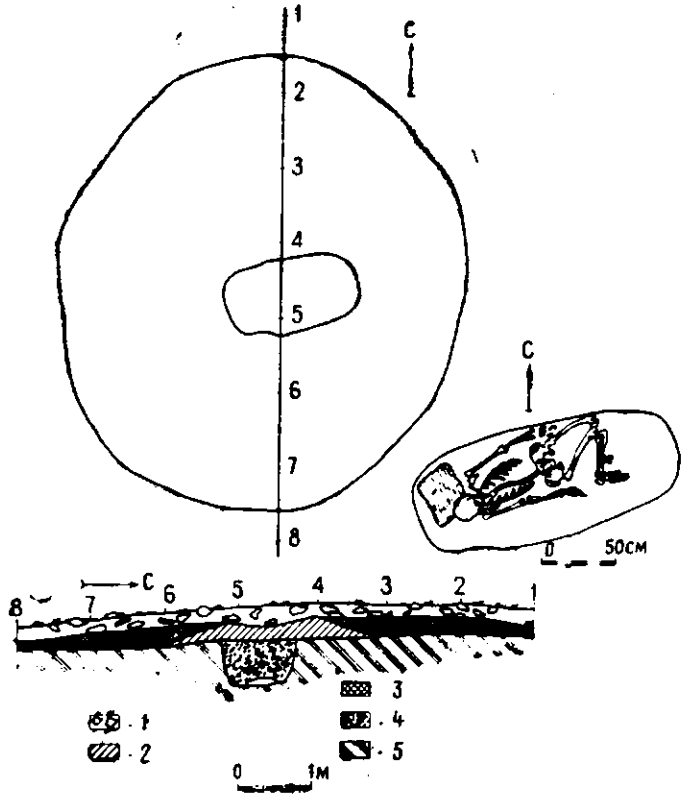

Рис. 13. План и профиль энеолитического кургана (г. Кызыл-Хая, № 1):

1 — дерновый слой с камнями, *2* — светло-желтая глина, *3* — погребенный дерн (чернозем), *4* — серая земля со щебнем, *5* — материк

первоначальное покрытие состояло из жердей, уложенных поперек ямы.

Скелет молодого мужчины (около 25 лет) лежал на спине головой на запад-юго-запад. Руки его вытянуты вдоль туловища, а ноги стоят верх коленями. В изголовье находилась берестяная «подушка» прямоугольной формы со следами швов по краю. Чем она была набита в свое время, установить не удалось. В области таза лежала пронизка из медной проволоки в виде спирали в 3 оборота. В ней сохранился остаток ремешка. Внутренние части проволоки уплощены.

Устройство могилы, ориентировка и особое положение погребенного соответствуют особенностям афанасьевских могил Енисея и Алтая. В них находят и подобные спиральные меднопроволочные колечки [42].

Дату подтверждают антропологические данные. По заключению В. П. Алексеева, мужчина — резко выраженный европеоид с удлиненной черепной коробкой. Лицо его профилировано очень резко. Нос обратил бы внимание степенью выступания даже в европеоидных сериях эпохи бронзы с территории Восточной Европы.

Могилы, жертвенно-поминальные курганы и случайные находки энеолитического периода, известные в Туве, очень близки ранним памятникам афанасьевской эпохи соседних территорий. Малочисленность описанных материалов пока не позволяет решительно утверждать, что территория бассейна верхнего течения Енисея входила в область расселения племен раннего этапа афанасьевской культуры.

Вероятность такого расселения подтверждается и обнаруженными в Туве памятниками, весьма схожими с известными материалами окуневского этапа афанасьевской культуры Среднего Енисея. В могилах этого времени встречены первые литые бронзовые изделия [43]. Внешне схожи с афанасьевскими и небольшие каменные курганчики с кольцевыми оградками из плит, врытых на ребро, обнаруженные нами на правом берегу Улуг-Хема против Шагонара и в устье Эжима в долине Кёжээлиг-Хову.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК ТУВЫ

Эпоха бронзы на территории Тувинской АССР изучена слабо. Если в Хакасско-Минусинской котловине погребальные сооружения андроновской и карасукской культур обнаруживаются в степях повсеместно и с большой легкостью, то на соседних территориях Горного Алтая, Тувы, Монголии и Забайкалья, соединенных поясом степей и высокогорных степных плато, могилы развитого бронзового века до сих пор не отысканы.

Это может объясняться разными причинами, но основная — недостаточная археологическая изученность названных территорий, объединенных, возможно, не столько спецификой «неуловимых» памятников бронзового века, сколько общностью исторического пути, пройденного их обитателями в эпоху бронзы.

Что касается эпохи бронзы на территории Тувы, то нельзя не упомянуть отдельных высказываний С. А. Теплоухова. Так, в работе, посвященной определению бронзовых культур

[42] См.: Киселев С. В. Указ. соч., с. 33.

[43] См.: Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 г.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 2. Кызыл, 1954, с. 142, таблица 2 (автор ошибочно отнес исследованную им могилу к андроновской культуре); Мандельштам А. М. Раскопки могильника Аймырлыг.— В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 228.

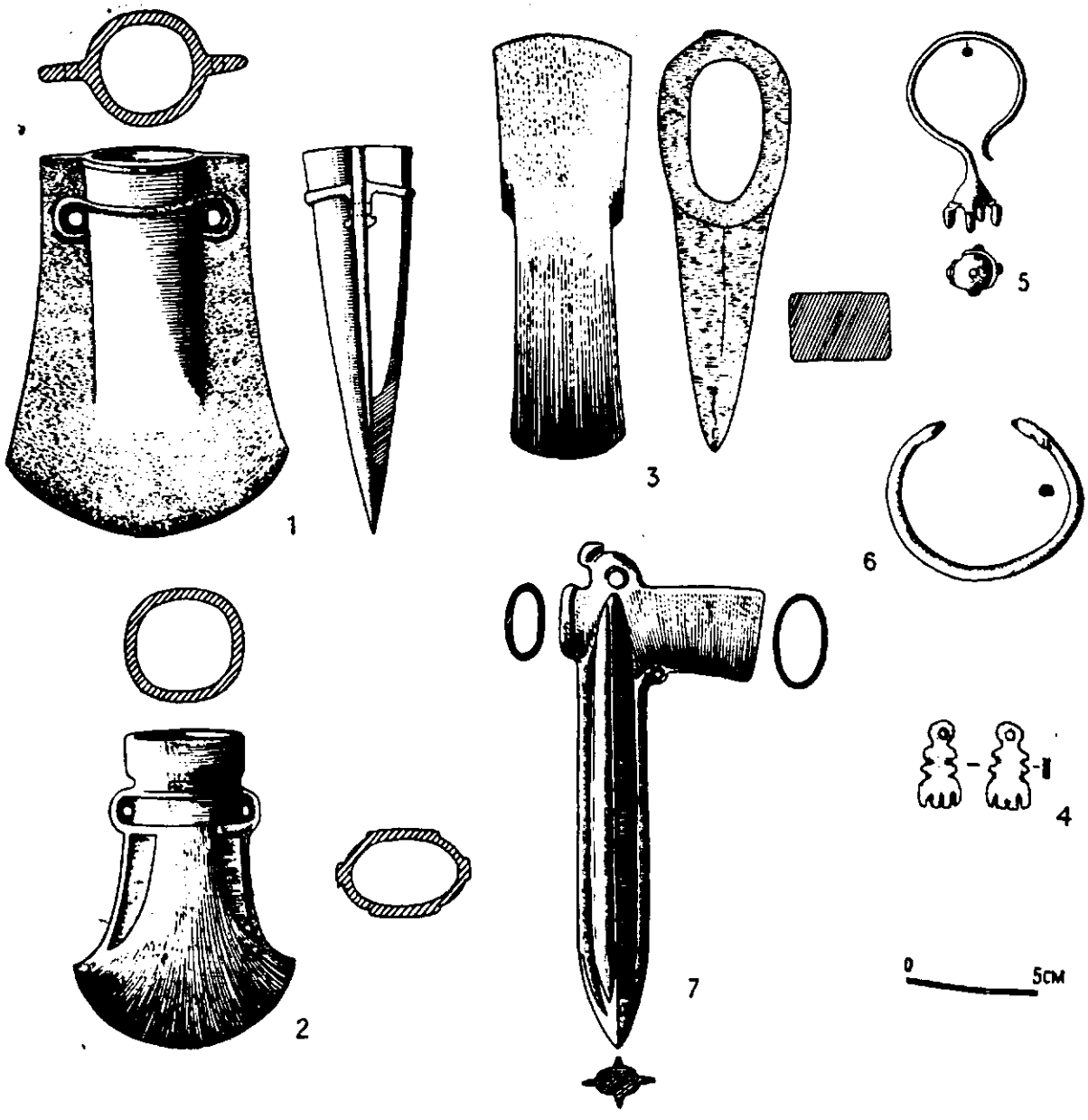

Рис. 14. Бронзовые предметы, найденные в Туве:
1, 7 — с. Усинское, *2* — пос. Аржан, *3* — устье р. Ус, *4* — на месте г. Кызыла, *5, 6* — из могилы на горе Кара-Хая, на руднике в пос. Хову-Аксы

Хакасско-Минусинской котловины, он указывает, что «лапчатые подвески карасукской культуры найдены и в Урянхайском крае»[44]. При этом он, вероятно, имел в виду случайно найденную в районе современного Кызыла четырехпалую привеску, хранящуюся в коллекции И. А. Лопатина (рис. 14, *4*)[45]. Подводя некоторые итоги археологическим работам 1926—1927 гг. в Туве, С. А. Теплоухов пишет: «Погребения бронзовых культур найти не удалось, но отдельные предметы, найденные случайно в различных районах, указывают нам на распространение по территории Танну-Тувинской республики некоторых элементов карасукской культуры...»[46]. Здесь

[44] Теплоухов С. А. Древнейшие погребения в Минусинском крае.— МЭ, т. III, вып. 2. Л., 1927, с. 106.

[45] ГЭ, ОИПК, колл. № 5531—1430.

[46] Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г., т. II, с. 264—265.

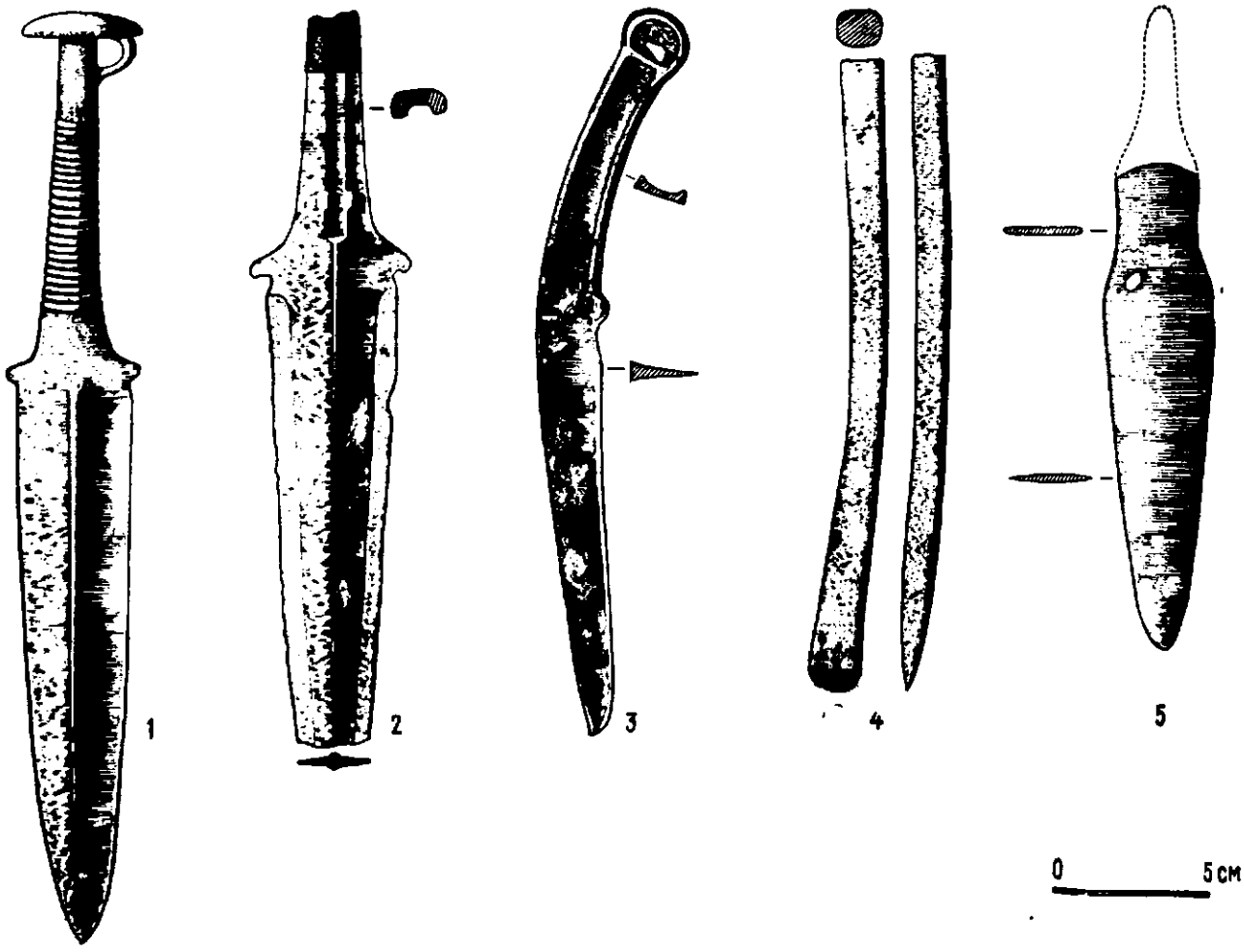

Рис. 15. Бронзовые предметы, найденные в Туве:
1 — Тува, *2* — с. Туран, *3* — пос. Кызыл-Арыг, *4* — пос. Хопто, *5* — из могилы на р. Тарлашкын

он принял во внимание уже не только лапчатую подвеску, но и приобретенные им дугообразнообушковый нож (пос. Кызыл-Арыг, 1926 г.; рис. 15, *3*) и кинжал с полостью в ручке и обломанным навершием (с. Туран, 1927 г.; рис. 15, *2*) [47].

В основной своей работе о классификации культур Хакасско-Минусинской котловины С. А. Теплоухов писал в 1929 г.: «Медные предметы, аналогичные карасукским (ножи, кинжалы, лапчатые подвески, украшения), неоднократно были находимы в Танну-Тувинской республике, в бассейне Селенги и в Китае» [48].

Наконец, следует привести последнее высказывание нашего предшественника в кратком отчете о заключительных его раскопках в Туве в 1929 г.: «В бронзовую эпоху, за 1500—1000 лет до н. э., культурное влияние, проникшее с востока в бассейн Селенги и Минусинский край, охватило и территорию современной Тувы (судя по случайным находкам предметов из бронзы и меди). Принимая во внимание характер сооружений, к этому времени следует отнести четыре площадки, расположенные в долине р. Турана, в 14 км выше с. Турана. Площадки выложены плитками и огорожены плитами, поставленными на ребро. Под площадками оказались жертвенные ямы, содержащие угли и жженые кости животных» [49].

Упомянутые «площадки» описаны С. А. Теплоуховым в рукописном «Отчете» под № 106—109 (по дневнику 1927 г. № 12—

[47] ГЭ, № 4610-2 и 5130-1; первую публикацию см.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, таблица I, *25* и *29*.

[48] Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, с. 44.

[49] «Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР», № 24 (85), 10 декабря 1929 г., с. 192.

15). Он раскопал их на левом берегу Турана, ниже устья его притока Блялика. 7 «площадок» располагались в ряд, вытянутый с северо-востока на юго-запад на протяжении 300 м. Раскопаны 4 «площадки» (до 11×14 м). Все они были окружены по четырехугольнику оплывшими земляными валами (шириной до 2,5 м). У одной, лучше сохранившейся, с наружной и внутренней сторон вала заметны следы четырехугольных оградок из врытых на ребро каменных плиток (№ 108). Внутри вскрыта задернованная четырехугольная оградка из плиток (4×1,2 м), вытянутая с северо-запада на юго-восток. В ней расчищен сплошной слой углей, золы и жженых костей овцы.

В оградке № 107 вскрыта яма (1,7×0,6 м, глубина 1,5 м), в которой найдены гладкие черепки от сосуда и кусок сгнившего дерева. В № 108—109 под настилом из каменных плиток в одной лежали дробленые кости овцы, часть которых обуглена, а в другой — только угли и обожженные камни.

А. В. Адрианов в 1916 г. (в той же Турано-Уюкской котловине) обнаружил на пашнях, по левому берегу Уюка, подобную же «площадку», описанную им в дневнике как «загадочное сооружение». Это четырехугольная оградка из плит (42×28,2 м), врытых на ребро; она вытянута с северо-востока на юго-запад. Внутри ее — вторая оградка (около 34×11,5 м) вытянута в том же направлении.

К сожалению, оградка целиком не раскопана. Посредине, вдоль оградки, была проложена траншея (шириной 1,42 м), в дополнение к которой заложены небольшие шурфы. С юго-западной стороны траншеей вскрыта круглая яма (диаметр 0,7 м, глубина 0,7 м), наполовину заполненная камнями, прокаленной землей, золой, углями и дроблеными остатками от зубов, черепов, челюстей, ребер, позвонков и трубчатых костей овцы и коня. Некоторые обломки костей полусожженные. Мелкие обгорелые и сожженные (как бы дробленые) кости овцы и крупного рогатого скота попадались и в других местах траншеи по центру внутренней оградки. В юго-западном углу этой оградки лежал каменный пестик (в коллекции отсутствует) [50].

Во всех описанных случаях мы имеем дело не с погребальными, а, скорее всего, с жертвенными (может быть, жертвенно-поминальными) сооружениями. Пока они встречены только в Турано-Уюкской котловине, не попадались в других местах Тувы ни нам, ни

[50] Дневник раскопок, произведенных А. В. Адриановым в Урянхайском крае (рукопись), с. 110—112. Архив Музея археологии ТГУ, № 78.

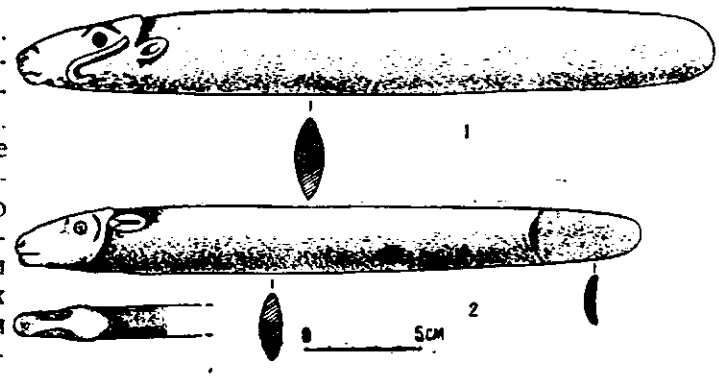

Рис. 16. Каменные жезлы из Монголии и Тувы:
1 — Кобдосский аймак МНР (красная яшма),
2 — из могилы на р. Тарлашкын (сланец)

другим исследователям. Могут ли эти памятники относиться к эпохе бронзы — покажет будущее.

В 1961 г. М. Х. Маннай-оол раскопал погребение средней поры бронзового века на р. Тарлашкын (Южная Тува). Могила ограблена, но удалось установить, что погребение совершено в прямоугольной яме, вытянутой с запада на восток и покрытой плитами. Первоначально в ней скорченно, на левом боку, головой на запад, лежал скелет взрослого человека [51]. При нем обнаружены: ковш, вырезанный из бедра крупного животного, удлиненный жезл из заполированного серого сланца и лезвие бронзового кинжала с отломанным концом ручки (рис. 15, *5* и 16).

М. Х. Маннай-оол в своих публикациях ошибочно называет кинжал «листовидным ножом, выкованным из медной пластинки», и на основании этой находки датирует погребение афанасьевской эпохой. Кинжал осмотрен нами в Кызыльском музее в 1962 г.: он отлит из бронзы в двусторонней форме. Дефект формы при отливке привел к образованию овального отверстия (рис. 15, *5*). С помощью спектрального анализа установлено, что кинжал отлит из оловянистой бронзы [52].

[51] См.: Маннай-оол М. Х. Погребение эпохи ранней бронзы в Туве.— В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968; он же. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 10. Кызыл, 1963, с. 244—245.

[52] См.: Сунчугашев Я. Н. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве.— МИА, № 149. М., 1969, рис. 31, 7 и приложение III (медь—основа; олово — 5; мышьяк — 0,9; свинец — 0,33; никель — 0,2; остальные элементы в сотых долях и следах). Н. Л. Членова продолжает ошибочно писать, что «пест (? — *Л. К.*) из Тувы найден в комплексе с медным двулезвийным ножом» и неверно относит его к карасукской эпохе (см.: Членова Н. Л. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле.—

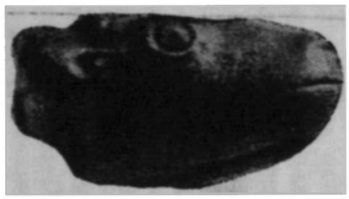

Рис. 17. Головка быка. Обломок жезла из красной яшмы (дер. Максимовка)

По составу металла и по форме этот предмет, следовательно, как и само погребение, не может относиться к раннему периоду бронзового века. Кинжал по форме следует считать вариантом общеизвестных кинжалов срубно-андроновского типа, бытовавших в середине и третьей четверти II тыс. до н. э.[53]. Таким образом, могила на р. Тарлашкын относится к средней поре бронзового века Тувы (XVI—XIV вв. до н. э.), которую следует синхронизировать с андроновской эпохой бассейна Среднего Енисея.

Шлифованный жезл с головкой животного, найденный в этой могиле, изготовлен из серого сланца. Он имеет овально-уплощенное сечение. Один конец его приострен, а другой — тщательно вырезанная головка животного (рис. 16, *2*). Этот предмет позволяет определить возраст серии аналогичных, случайно найденных жезлов. Все они, вероятно, были символами родовых жрецов. Они обнаружены в Северо-Западной Монголии, Туве и Хакасско-Минусинской котловине. До сих пор такие жезлы относили к различным культурам (афанасьевской, «окуневской», карасукской или тагарской)[54].

На жезле с р. Тарлашкын изображена, скорее всего, голова комолого быка (рис. 16, *2*). Аналогичный предмет, вырезанный из красной яшмы и найденный в Северо-Западной Монголии, имеет абсолютно сходную головку быка, но с рогами (рис. 16, *1*)[55]. Такие же «сигарообразные», шлифованные жезлы, изготовленные из красной яшмы, найдены и в Хакасско-Минусинской котловине. У двух жезлов бычьи головы вырезаны с такими же, условно переданными, загнутыми назад рогами[56].

Известна еще одна головка быка с небольшими рожками, отбитая некогда от такого же жезла (рис. 17). Она тоже вырезана из красной яшмы, но выделяется особой скульптурностью и тщательностью проработки деталей. Ее нашли в Туве у дер. Максимовки, стоящей по северную сторону хребта Танну-Ола[57]. Следовательно, яшму предпочитали и в Туве.

Жезлы с головками быков по форме и стилистически близки костяным и составным жезлам с головками лосей из Прибайкалья. Там они встречаются в погребениях мужчин китойско-глазковского времени. Глазковский этап, по А. П. Окладникову, относится к 1700—1300 гг. до н. э., то есть он синхронен докарасукскому андроновскому времени на Енисее[58]. Это также подтверждает установленную нами выше дату могилы на р. Тарлашкын.

К средней поре бронзового века, вероятно, относится еще одна случайная находка, поднятая на пашнях по правому берегу Каа-Хема близ пос. Хопто (А. В. Адрианов, 1915 г.). Это литой желтый медный стержень с заостренным концом (рис. 15, *4*). Он похож на пешню. Подобный медный стержень, заостренный с одной стороны и тупой с другой, обнаружен в известном Турбинском могильнике. На Среднем Енисее давно найдено аналогичное же орудие[59]. К тому же времени, как говорилось выше, относится и стоянка Чаата № 2.

В кн.: Проблемы скифской археологии. МИА, № 177. М., 1971. с. 214. Ср.: она же. Древняя бронза Западных Саян.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960, с. 226).

[53] См.: Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА. № 90. М., 1960, с. 74—75; таблицы VIII. *27*, XVI. *6*. XX. *5*: Древности Нижнего Поволжья.— МИА. № 78. М., 1960, с. 93. рис. 35, *4*; Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. рис. 80А.

[54] См.: Цыганков С. Р. Описание некоторых уникат археологической коллекции Минусинского музея. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова, т. IV. вып. I. Минусинск, 1926; Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 3.— МАР, № 15. СПб., 1894, таблица XXII, 1; Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху.— МИА, № 90. М., 1960, с. 194—195; Членова Н. Л. К вопросу о первичных материалах..., с. 214—217; Леонтьев Н. В. Каменные фигурные жезлы Сибири.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

[55] См.: Волков В. В. Указ. соч., рис. 1, *6*. Кобдосский аймак, Манхан сомон, краеведческая выставка 1963 г.

[56] См.: Цыганков С. Р. Указ. соч. (Дер. Хомутина); Радлов В. В. Указ. соч., таблица XXII, *1* («Минусинский округ»).

[57] Минусинский музей, № 11945 (поступила в 1929 г.).

[58] См.: Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, № 18. М.—Л., 1950, с. 139; он же. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974, таблицы 13, *3* и 17, *2*; Студзицкая С. В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы.— В кн.: Экспедиции Гос. Исторического музея. М., 1969, рис. 1.

[59] Музей ТГУ, коллекция А. В. Адрианова, № 6041—292. Ср.: Бадер О. Н. Указ. соч., рис. 83 А; Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886, таблица III, *13*.

▼

В 1959 г. в Государственный Эрмитаж поступили от студента-геолога А. А. Богомола большая коллекция древних орудий горного дела и обломков посуды, а также бронзовые браслет и серьга из случайно обнаруженного погребения. Все эти вещи были собраны в 1948—1949 гг. в Туве «в районе древних рудников», без точного указания места [60].

Часть наиболее характерных орудий горного дела из данного собрания опубликована мной в 1958 г. (таблица I, *17—24, 27, 28*). При этом установлен карасукский возраст погребения и бронзовых вещей из него [61].

В августе 1962 г. в пос. Алак С. П. Кашин рассказал нам, что он работал в 1949 г. в партии, обследовавшей Хову-Аксы, и что коллекция А. А. Богомола собрана в разных канавах на Южном участке горы Кара-Хая, расположенной к северу от старого пос. Огневка. Погребение обнаружил техник Селигеев в 1949 г. на том же участке, высоко на горе Кара-Хая, «в вершине ложка (если идти от древней штольни № 1 вверх по правому длинному логу) под разборными плитками на глубине 0,5 м».

В марте 1965 г. в Москве меня посетил инженер-геолог А. А. Богомол и подтвердил сообщение С. П. Кашина. Селигеев рассказал позднее А. А. Богомолу о находке скелета и при нем — бронзовых браслета, серьги и ножа. Нож забрал другой геолог, а череп, браслет и серьгу получил А. А. Богомол, приехавший несколько дней спустя на Южный участок. Ему показали и место погребения.

По словам А. А. Богомола, в срезе геологической траншеи, на глубине 0,5 м, он увидел «нишу», сохранившуюся от вынутого погребения. Он вспомнил, что, кажется, погребение было совершено в каменном ящике, «во всяком случае боковые стенки были из плит, стоящих на ребре», а остальное, как и кости скелета, выбросили рабочие. Рядом с погребением находилась древняя выработка типа карьера, но погребение, кажется, было совершено в материке, а не в древнем отвале. «Кривого» бронзового ножа из этого погребения он не видел, только слышал о нем [62].

По словам А. А. Богомола, все орудия горного дела из коллекции найдены на Южном участке горы Кара-Хая, в большом щелевидном карьере (длиной 50 м и глубиной 5 м), но некоторые из них собраны и по другим «канавам». Остатки деревянной лопаты и палок найдены на глубине около 4 м в вечной мерзлоте. Несколько орудий происходит с Северного участка [63]. По утверждению А. А. Богомола, на Северном участке Хову-Аксы обнаружены не поисковые, а рабочие древние выработки. В них была руда с большим содержанием никеля и кобальта. Таким образом, здесь должны были бы отливаться никелево-медные древние бронзовые вещи.

Таким образом, первое в Туве погребение карасукского времени обнаружено в 1949 г. высоко на горе Кара-Хая, рядом с древними карьерами и штольнями по добыче меди [64]. Такое необычное расположение могилы свидетельствует, очевидно, о том, что погребенный человек относился к коллективу древних рудокопов. Следовательно, древние рудники в районе Хову-Аксы существовали уже в карасукское время.

Судя по тому, что геологическая траншея была проложена в меридиональном направлении и разрезала могилу поперек, каменный ящик погребения вытянут в широтном направлении. Погребенная оказалась молодой женщиной (около 20 лет) европеоидного типа [65]. На руке ее надет браслет из овального в сечении бронзового прута, у черепа была

---

[60] ГЭ, ОИПК, коллекция № 1660. Всего 64 предмета.

[61] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, рис. 17—24, 27, 28. В статье я уверенно указал район Хову-Аксы, так как только там можно было собрать такую коллекцию.

[62] В заметке, сообщающей об этих находках, к сожалению, искажены названия мест и некоторые обстоятельства находки (см.: Голосовский И. В центре Азии.— «Огонек», 1958, № 12, с. 18).

[63] В 1948 г. были собраны древние орудия и на Среднем участке горы Кара-Хая, но они не попали в коллекцию, а пролежали на месте сборов до 1961 г. (см.: Захаров Е. П. и Сунчугашев Я. И. Древние горные работы на медь в Хову-Аксы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 10, с. 278 и рис. 9).

[64] Утверждение А. Д. Грача, что им в 1966 г. обнаружено «первое погребение эпохи бронзы с типично карасукским инвентарем» (Грач А. Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве.— КСИА, вып. 118, М., 1969, с. 45), не соответствует истине. Ножи и сосуды датируют эту могилу послекарасукским временем (см.: Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, с. 151). С. И. Вайнштейн тоже ошибочно объявил карасукским погребение в каменном ящике на р. Хендерге, которое относится к уюкской эпохе (см.: Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 г., с. 144; он же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 6, Кызыл, 1958, с. 230, таблица IV, *50*). Эту ошибку повторила Н. Л. Членова (см.: Членова Н. Л. Древняя бронза Западных Саян, с. 226). Исправил ее Маннай-оол (см.: Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970, рис. 14, *5*, с. 87—88).

[65] См.: Алексеев В. П. Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 7, Кызыл, 1959, с. 257.

Рис. 18. Обломки сосудов из древних медных рудников в Хову-Аксы

серьга, заканчивающаяся полым конусом с четырьмя выступами (рис. 14, *5, 6*). Возле скелета лежал «кривой» нож, форма которого осталась неизвестной.

Наше определение карасукского возраста этого погребения, сделанное в 1958 г., подтвердилось последующей находкой в карасукской женской могиле в Хакасии двух пар совершенно аналогичных серег или височных подвесок [66].

В коллекции А. А. Богомола среди каменных, роговых, костяных и других орудий, найденных в древних рудничных карьерах и разрезах на южном склоне горы Кара-Хая, обнаружены остатки посуды древних рудокопов, употреблявших ее для приготовления пищи и хранения воды. Здесь сохранились обрывки круглого дна (диаметр около 15 см) берестяного туеса со следами пришивания по краю. Еще найдены обломки 3 глиняных сосудов, которые также способствуют определению времени работы древних рудокопов (рис. 18) [67].

Первый обломок — часть венчика выпуклобокого сосуда с круто отогнутым наружу краем. Поверхность черная от копоти, заглажена поперек. Тесто серо-черное с примесью крупного гравия. Внутренняя поверхность серо-желтая. Орнамент — елочка из слаборельефных оттисков крупнозубчатого штампа (рис. 18, *1*). Второй обломок сосуда — часть венчика с косым обрезом края и оттянутым валиком близ горловины (рис. 18, *3*). Тесто черное с примесью гравия. Поверхность желто-серая с черными пятнами нагара, заглажена поперек.

По-видимому, и обрывки берестяного туеса, и эти обломки сосудов относятся к позднему периоду эпохи бронзы, который в Туве еще недостаточно выявлен. Подобные по форме и орнаменту сосуды известны среди посуды карасукской культуры Енисея и в особенности среди трушниковской культуры в Восточном Казахстане, а также в Монголии [68].

Третий обломок сосуда из рудников хранит следы оторванной ручки, к низу которой подходит поясок из накладных валиков (рис. 18, *2*). Его поверхность хорошо вылощена, желто-красного цвета. Тесто сосуда — красное с мелкими примесями. Черепок сближается по своим особенностям с сосудами уюкской культуры, нередко имеющими ручки-ушки. Но у уюкских кувшинов к ушкам никогда не подходят валики. А в конце бронзового века известны горшки с аналогичными прилепными ручками [69] и особенно много сосудов с валиками.

В 1959 г. в одной из штолен древнего рудника на горе Кара-Хая, неподалеку от места находки карасукского погребения, был обнаружен скелет погибшего в древности рудокопа с каменным орудием типа «колотушки». Изучение черепа позволило определить, что это был мужчина (25—30 лет) европеоидного облика. Его брахикранный череп, низко- и узколицый, схож по своим особенностям с черепом женщины из карасукского погребения Кара-Хая, а оба они весьма близки черепам карасукской культуры в целом [70].

Таким образом, обломки сосудов из древних карьеров, останки рудокопа и погребение женщины позволяют заключить, что древние медные рудники на горе Кара-Хая функционировали в карасукскую эпоху.

---

[66] Археологические открытия 1965 года. М., 1966, с. 20—21. Ср.: Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копёны 3. М., 1977, рис. 11, *5*.

[67] ГЭ, № 1660-59 (остатки туеса), № 1660-60, 61, 62 (обломки глиняных сосудов).

[68] См.: Новгородова Э. А. Указ. соч., с. 35—56, рис. 3, 5, 13; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88. М.—Л., 1960, таблицы 41, 55—60. Трушниковскую, по С. С. Черникову (Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. АДД. М., 1970, с. 37), посуду в Горном Алтае см.: Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, рис. 40—41.

[69] См.: Кызласов Л. Р. и Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы.— КСИИМК, вып. 32. М.—Л., 1950, рис. 41, *1* (перевернуто); Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, таблица II, *45*.

[70] См.: Сунчугашев Я. И. Древние горные выработки в Хову-Аксы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 9. Кызыл, 1961, с. 231. Череп сдан нами в Музей антропологии МГУ. Предварительно определен И. В. Перевозчиковым.

Основные материалы по рудникам района Хову-Аксы, относящиеся к последующей уюкской культуре, собраны в работе Я. И. Сунчугашева [71].

Второе погребение поздней поры эпохи бронзы раскопал М. Х. Маннай-оол в 1964 г. на левом берегу р. Чаа-Холь. Несмотря на сильное разрушение могилы, удалось выявить, что скелет человека первоначально лежал головой на запад в установленном в яму каменном ящике под округлой насыпью из земли и камней. От инвентаря сохранились роговая ложка, бронзовое шило, бусинка, оселок из красного камня и остатки бронзового коленчатого ножа [72]. По устройству и обряду погребение идентично могиле на горе Кара-Хая. К сожалению, и в этой могиле не оказалось глиняной посуды. Вероятно, установка в могилы жидкой пищи в горшках не была в обычае местных племен позднего бронзового века.

К этому же периоду относится целая серия найденных в Туве карасукских по облику бронзовых предметов, частично выделенных мной еще в 1958 г. [73]. В настоящее время число их возросло. В музее Кызыла хранится редкой формы бронзовый кинжал с перекрестиями-«усиками» (рис. 15, *1*). У него рубчатая рукоять и навершие в виде шляпки с кольцом [74]. Другой кинжал с обломанным навершием и желобчатой ручкой со следами перемычки (рис. 15, *2*) найден в районе Турана. Эта форма часто встречается среди карасукских кинжалов Хакасско-Минусинской котловины и изредка попадается в Восточном Казахстане [75]. Других форм кинжалов пока не обнаружено.

В Кызыльском музее хранится несколько карасукских массивных ножей с «шипом» и со шляпковидным навершием (рис. 19 *а, 2, 3,* 6). Все они отлиты из мышьяковистой бронзы [76]. Один из прямых ножей с уступом и шляпковидным навершием отлит из бронзы (основа — медь, олово — 8; рис. 19 *а*, 4), другой — с «шипом» и выступом на спине — имеет навершием диск со вмятиной и колечко под ним. Его рукоять и диск украшены типичным карасукским узором из треугольников (рис. 19 *б*) [77]. Там же есть прямой позднекарасукский нож с небольшим колечком, лезвие которого как бы «вставлено» в бронзовую же ручку (рис. 19 *а, 5*) [78]. Ручка прилита (вероятно, позднее) к готовому лезвию. Подобные ножи встречаются и на Среднем Енисее.

В районе Кызыл-Арыга найден еще один дугообразнообушковый нож с кольцевым расширением, не очищенным после отливки (рис. 15, *3*) [79]. Но самый большой нож (длиной 48 см, с лезвием длиной 34,5 см) с «шипом», ребристой ручкой с 5 выпуклостями и навершием в виде четырехгранного в сечении кольца найден на озере Кара-Холь (рис. 19 *а, 1*) [80]. Такой нож мог использоваться вместо меча.

К карасукскому периоду относятся 2 случайно найденных кельтообразных орудия со скругленными расширяющимися лезвиями (рис. 14, *1, 2*). Большой лопатообразный кельт с двумя отверстиями, охваченными валиком, поднят близ с. Усинского на р. Ус (рис. 14, *1*) [81]. Подобная лопатка найдена в кургане вместе с карасукским кинжалом в Восточном Казахстане [82]. Другой сечкообразный кельт с двумя ушками найден в 1970 г. в пос. Аржан на Уюке (рис. 14, *2*) [83]. Вероятно, он относится к концу бронзового века.

Прямых аналогий этим орудиям нет, но

---

[71] См.: Сунчугашев Я. И. Горное дело...

[72] См.: Маннай-оол М. Х. Отчет о работах экспедиции ТНИИЯЛИ в 1964 г.— Архив ИА АН СССР. Это погребение ошибочно отнесено Н. Л. Членовой к раннескифскому времени (см.: Членова Н. Л. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы.— КСИА, вып. 107. М., 1966).

[73] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, таблица I, *25—30*, с. 74.

[74] № 3564, происхождение не установлено; основа — медь, олово — 8. Анализ см.: Сунчугашев Я. И. Горное дело..., рис. 31, *1*, приложение 1, 6. Аналогии этому кинжалу не известны.

[75] ГЭ, № 5130-1. Ср.: Лев Д. Н. К истории горного дела. Л., 1934, рис. 31; Хлобыстина М. Д. Ранние минусинские кинжалы.— СА, 1970, № 4, рис.1; Черников С. С. Указ. соч., таблица 46, *5, 10*; Тереножкин А. И. Бронзовые кинжалы предскифского времени.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

[76] 2 — Кызыльский музей № 850 (Кок-Кежиг Барун-Хемчикского района), 3 — № 2355 (г. Кызыл), 6 — № 3563 (совхоз Уюк». ферма «Кашпей»), 19 *б* — пос. Хадын на р. Уюк; Сунчугашев Я. И. Горное дело..., рис. 31, *3, 4* и приложение 1, 3 и 2.

[77] Кызыльский музей, № 3975 (г. Кызыл). Ср.: Сунчугашев Я. И. Горное дело..., рис. 31, *5*; приложение I, 1. Дисковый нож найден у пос. Хадын, поступил в музей летом 1977 г.

[78] Кызыльский музей, № 2671 (с. Арголик).

[79] ГЭ, № 4610 (покупка С. А. Теплоухова, 1926 г.).

[80] ГЭ, № 2227-1 (куплен в 1958 г.). Ср.: Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— САИ, вып. В 3—12. М., 1971, таблица 4, *1*.

[81] Минусинский музей, № 676.

[82] См.: Лев Д. Н. Указ. соч., рис. 30.

[83] Хранился в 1971 г. в школе пос. Аржан.

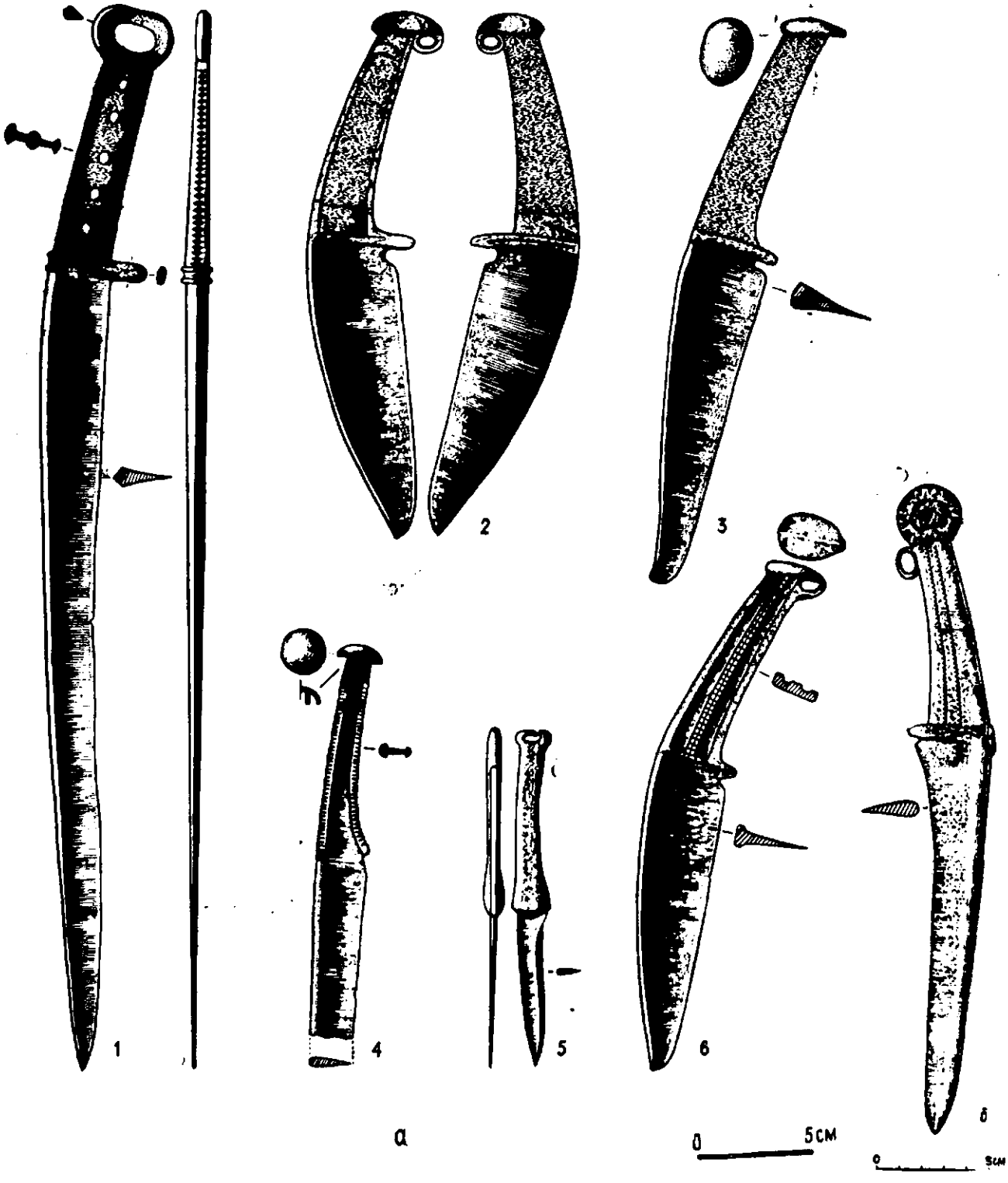

Рис. 19а. Карасукские бронзовые ножи из Тувы:
1 — озеро Кара-Холь, *2* — Кок-Кежиг, *3, 4* — г. Кызыл, *5* — пос. Арголик, *6* — ферма «Кашпей» совхоза «Уюк»

Рис. 19б. Карасукский бронзовый нож из Тувы (из пос. Хадын Пий-Хемского района)

близкие «лопатки» известны в Восточном Казахстане и Семиречье, а кельты с сечкообразными лезвиями встречаются в Монголии до самой Китайской стены [84].

Прекрасный втульчатый чекан со стилизованной фигуркой зверька найден также близ с. Усинского в Южных Саянах (рис. 14, *7*) [85].

Лапчатые подвески, близкие карасукским, в Туве найдены: одна на месте современного Кызыла (рис. 14, *4*) [86], а вторая — в погребении. Обе подвески относятся к редкому типу четырехлапчатых, бытовавшему, очевидно, уже в раннескифское время [87].

[84] См.: Кузьмина Е. Е. Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Гос. Эрмитажа.— СА, 1961, № 4; она же. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. В 4—9. М., 1966, с. 24—25; Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая.— СА, 1960, № 4, рис. 9.

[85] Минусинский музей, № 671. Об этих чеканах см.: Новгородова Э. А. Указ. соч., с. 118—119.

[86] ГЭ, № 5531—1430.

[87] См.: Новгородова Э. А. Указ. соч., с. 150—151.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УЮКСКАЯ ЭПОХА

ПАМЯТНИКИ РАННЕУЮКСКОГО ВРЕМЕНИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ В VII—VI вв. ДО Н. Э.

В 1958 г. мной указывалось, что на территории Тувы в уюкское время (таблица II) проживало «неоднородное в этническом отношении население, этнографические отличия внутри которого ярко отразились в различных по устройству типах могильных памятников. Наряду с различиями, памятники эти имеют и много общего как в погребальных обрядах, так и в материальной культуре. Все это позволяет считать, что в уюкское время в Туве существовал племенной союз, в который входили племена и этнические группы, сходные по культуре и хозяйственной деятельности, но, весьма вероятно, имевшие разное происхождение, а может быть, и разные языки» [1].

При этом отмечалось, что центр племенного союза, возможно, находился в Турано-Уюкской котловине, где в долине Уюка и по его притокам (Тарлык, Туран и Могой) расположены наиболее грандиозные курганы с погребениями племенных вождей.

В работах по описанию и классификации уюкской культуры и я, и мой ученик М. Х. Маннай-оол опирались не только на свои материалы [2], но и на результаты первых научных раскопок курганов скифского времени в Туве, произведенных именно в долине Уюка А. В. Адриановым в 1916 г., а также С. А. Теплоуховым в 1927 и 1929 гг. [3].

В настоящее время раскопан курган Аржан, расположенный на левом берегу Уюка

---

[1] Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении).— ВМУ, ифс, 1958, № 4, с. 86. Ср.: он же. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры.— СА, 1977, № 2.

[2] См.: Кызласов Л. Р. Указ. соч.; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970. Признание уюкской культуры см.: Jettmar K. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1965, S. 170—171.

[3] См.: Кызласов Л. Р. Краткая история археологического изучения Тувы.— ВМУ, си, 1965, № 3, с. 63—66.

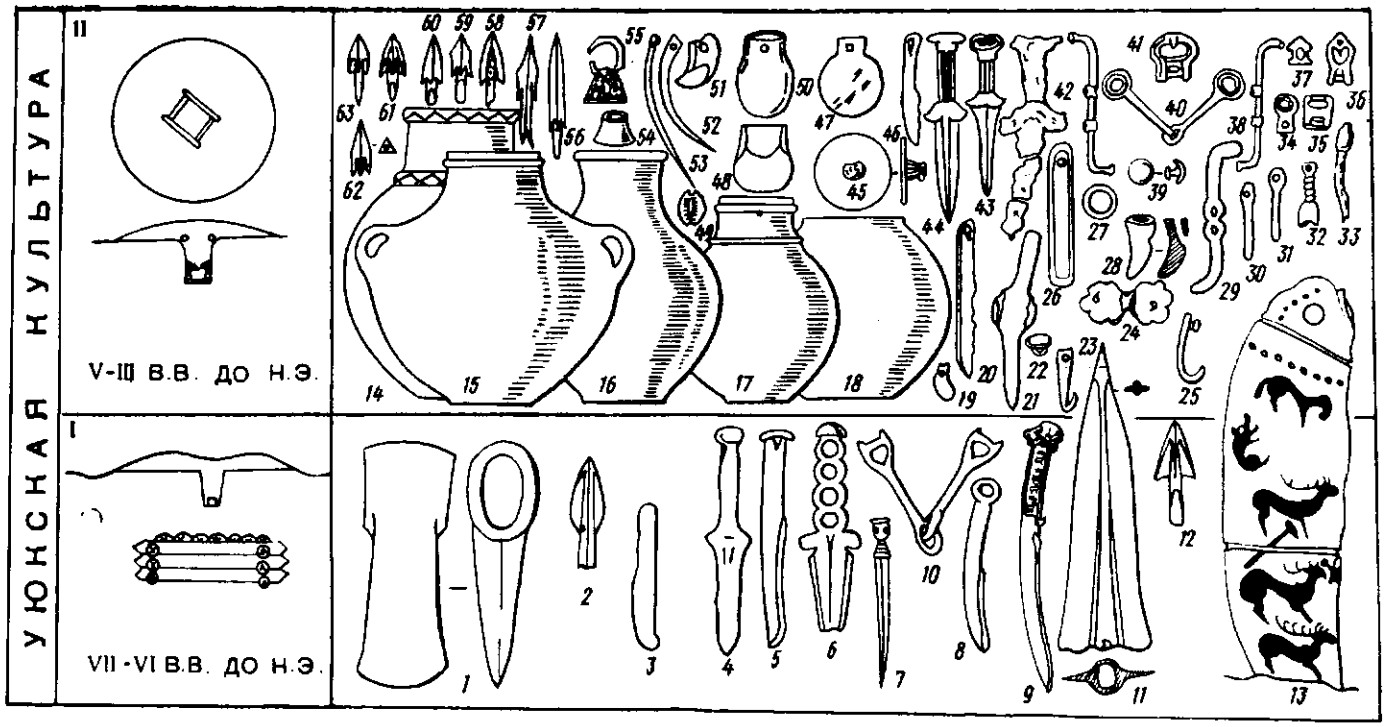

Таблица II. *Уюкская культура.*

I этап: разрез погребения и рисунок сруба кургана № 22 у дер. Успенской (1926 г.); 1 — в устье р. Ус (Красноярский музей, № 96-8); 2 и 3 — покупка в с. Туран (1929 г.); 4 — урочище Этыг-Тайга (район г. Чадана), найден в 1943 г. (Кызыльский музей, № 842); 5 — найден близ с. Туран (Кызыльский музей, № 840); 6 — Тува (Кызыльский музей, № 849); 7 — покупка в с. Туран (1929 г.); 8, 9 — покупка в с. Туран (1927 г.); 10 — находка в пос. Чкалова на р. Уюк (Кызыльский музей); 11 — найдено в отвале ограбленного кургана на р. Могое близ с. Уюка (1929 г.); 12 — из кургана № 22 у дер. Успенской (1926 г.); 13 — схема оленного камня из с. Туран (Кызыльский музей).

II этап: план и разрез кургана № 94 (35) у с. Туран (1927 г.); 14, 30, 58 — из кургана № 130 (36) по р. Туран (1929 г.); 15—17, 31, 52 — курган № 128 (34) по р. Туран (1929 г.); 18 — из кургана № 131 (37) по р. Туран (1929 г.); 19 — из кургана № 47 на р. Уюке (1916 г.); 20 — погребение на кирпичном заводе в г. Кызыле (1956 г.); 21—23, 44, 46, 60 — из кургана № 132 (38) по р. Туран (1929 г.); 24 — покупка в с. Туран (1927 г.); 25, 53, 62, 63 — из кургана № 126 (32) по р. Туран (1929 г.); 26 — из кургана № 94 (35) по Усинскому тракту близ с. Туран (1927 г.); 27, 29, 33—38, 40, 41 — из кургана № 93 (34) по Усинскому тракту близ с. Туран (1927 г.); 28 — из кургана № 23 у дер. Успенской (1926 г.); 32 — из кургана № 153 (59) у с. Уюк (1929 г.); 39, 47, 49—51, 54— из кургана № 121 (27) по р. Туран (1929 г.); 42 — из кургана № 52 (1916 г.) по р. Уюк; 43 — из кургана В-3 у г. Казылган (1954 г.); 45 — из кургана № 129 (35) по р. Туран (1929 г.); 48, 56, 57, 59, 61 — из кургана № 68 (9) на г. Бай-Даг (1927 г.); 55 — из кургана № 40 на р. Бегире (1916 г.).

Камень: 13, 26; глина: 14—18; дерево: 33; бронза: 1—12, 20—25, 27, 29—32, 37—41, 43—48, 50, 53—54, 61—63; рог марала: 28, 34—36; кость: 19, 51, 52, 56—60; золото: 55; железо: 42; раковина: 49

в совхозе Уюк. Здесь вскрыто грандиозное сооружение, построенное ради погребения одного из самых ранних и особо высокопоставленных уюкских вождей[4]. Раскопки кургана Аржан подтвердили правильность нашего обоснования особой роли долины Уюка в судьбах племенного союза скифского времени на территории Тувы и укрепили название целой эпохи (уюкская) в истории племен древней Тувы.

Раскопки кургана Аржан значительно обогатили наши знания по раннеуюкской культуре.

Теперь оставлены сомнения, которые испытывали некоторые исследователи по отношению к выделенному нами в 1958 г. раннему этапу уюкской культуры (VII—VI вв. до

[4] См.: Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 16. Кызыл, 1973; они же. Третий год раскопок кургана Аржан.— В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 192—195; Грязнов М. П. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 3. Л., 1975; Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры.— СА, 1977, № 2.

н. э.) [5]. Одни из них, не имея твердых представлений о культурах скифской эпохи и этапах их развития, то «выделяли» курганы VII—V вв. до и. э., то поспешно отрекались от них, определяя «хронологические рамки казылганской культуры V—III вв. до н. э.». Другие заявляли, что «это время в истории Тувы пока нам неизвестно», и поэтому ошибочно утверждали, что «остальные вещи таблицы Л. Р. Кызласова частью также могут датироваться и V в. до н. э.». Даже обоснованно датированные мной VII—VI вв. до н. э. раннеуюкские оленные камни вопреки фактам относили к V в. до н. э. [6].

Своеобразную позицию в этом вопросе занял А. Д. Грач. Первоначально он распространял на Туву пазырыкскую культуру и «выделял» ее «центральноазиатский вариант». В дискуссии о понятии «археологическая культура» (октябрь 1968 г.) он считал, что археологи «наплодили уйму культур и культурочек. Что ни деревня — то культура. Исследователи, утратившие широкий взгляд на вещи, стали увековечивать свои имена в искусственно создаваемых дробных культурах».

Спустя всего 3 года, А. Д. Грач, не рассматривая аргументированные классификации, вместо одной выделенной в Туве нами уюкской культуры скифского времени предложил названия сразу четырех культур: «монгун-тайгинского типа» («доскифского времени»), алды-бельской, саглынской и улуг-хемской [7]. Таким образом, в научную литературу вносятся необоснованные членения памятников уюкского времени.

М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол приступили к раскопкам кургана Аржан в 1971 г., когда каменной насыпи его уже не существовало. К тому времени она была разобрана и развезена для строительных работ по Северной Туве. Мне пришлось видеть курган целым и описывать его дважды — в 1947 и 1955 гг. [8]. Тогда не было материальных возможностей для его раскопок. В 1955 г. перед разборкой каменной насыпи мы обмерили курган Аржан.

По грандиозности своей это пока единственное известное в Туве древнее погребальное сооружение [9]. Находилось оно на северо-западной окраине центрального поселка совхоза «Уюк». Местами осыпавшееся по краям, цилиндрическое сооружение с отвесными стенками было сложено из миллионов обломков скалы (от мелкого щебня до огромных кусков свыше центнера). Диаметр кургана с севера на юг составлял около 118 м, а с востока на запад — 126 м. Вершина была плоской и даже вогнутой, а борта возвышались до 3,5 м над окружающим уровнем почвы. Наивысшая точка находилась на юго-восточном крае сооружения.

В 32 м от подножия располагалось выложенное из обломков скалы плоское каменное неполное «кольцо» (разрыв с северной стороны). Ширина этой каменной «дорожки» 2—2,5 м. В 5 м от «кольца» с восточной стороны кургана располагалось второе полукольцо шириной до 3 м. Оба полукольца состояли из примыкавших друг к другу округлых каменных выкладок.

Курганы аржанского типа обнаружены мной в 1960 г. в верховьях Элегеста, на правом берегу Хендерге, в 1—1,5 км к западу от бывшего сумонного центра пос. Ак-Тал. Здесь в распадке сухого потока находится около 10 огромных чисто каменных курганов от 20 до 40 м в диаметре и до 2—3 м высотой. На них растут лиственницы и пихты; все курганы ограблены, о чем свидетельствуют большие воронки. Высокогорное расположение долины Хендерге (чайлаг для летнего выпаса скота) заставляет предполагать, что

---

[5] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 75 и таблица II. Ср. рецензию Л. Р. Кызласова в СЭ, 1961, № 4. Решающий материал по этому этапу приведен в книге М. Х. Маннай-оола (указ. соч., с. 78—83).

[6] См.: Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—57 гг.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 6. Кызыл, 1958, с. 231; Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960, с. 192; Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 9. Кызыл, 1961, с. 134—135; она же. Об оленных камнях Монголии и Сибири.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 33. Признание в собственных ошибках см.: Членова Н. Л. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы.— КСИА, вып. 107. М., 1966.

[7] См.: Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени.— СА, 1967, № 3; он же. Новые данные о древней истории Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 15. Кызыл, 1971, с. 94—99. Хронику см. СА, 1970, № 2, с. 300.

[8] См.: Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция.— КСИИМК, вып. 26. М.—Л., 1949, с. 126; Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан..., с. 70.

[9] Его знали и прежние ученые (см.: Клеменц Д. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году.— СТОЭ, т. II. СПб., 1895, с. 73; Granö J. G. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden China in den Jahren 1906 und 1907.— JSFO, v. XXVI. Helsinki, 1909, S. 5; Appellgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, S. 36—37; Кызласов Л. Р. Краткая история археологического изучения Тувы; Дерпгольц В. Ф. Древнее сооружение Тувы — конденсатор паров наземной атмосферы.— «Природа», 1964, № 8.

под этими курганами может залегать вечная мерзлота.

Раскопки кургана Аржан выявили, что все его погребальные камеры первоначально были сооружены из дерева и установлены на горизонте; затем сложены каменные стены вокруг и покрытие из камней сверху.

Общеизвестно, что погребальные сооружения, установленные на горизонте, без могильных ям, появляются в Западной и Южной Сибири, в Казахстане и Средней Азии в конце бронзового века. Но особенно характерны они для памятников переходного типа (VIII—VII вв. до н. э.) [10] и раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) [11].

При изучении кургана Аржан, отмечая особую сложность его конструкции, нельзя не видеть, что план центральной погребальной камеры восходит к дандыбай-бегазинским оградам. Ведь квадратный деревянный сруб, где находились основные захоронения, располагался в центре второй большой квадратной камеры [12]. Именно так размещены ограды в больших дандыбаевско-бегазинских сооружениях. Некоторые из них тоже без дромосов (Айдарлы 5, Дандыбай 11 и др.) [13].

Курган сближается с памятниками раннескифского времени и тем, что в нем отсутствует глиняная посуда. Керамики нет, например, в майэмирских курганах Западного Алтая, в больших курганах долины Чиликты и в Бесшатыре. В раннеуюкское время в Туве, за редкими исключениями, вообще не было обычая устанавливать в могилы пищу в глиняных сосудах. Поэтому посуду этого этапа мы плохо знаем.

Таким образом, после раскопок кургана Аржан можно сказать, что могилы дандыбай-бегазинской культуры — несомненные предшественники Аржана, и, даже без анализа его инвентаря, ясно, что Аржан входит в круг наиболее ранних памятников саков или их ближайших сородичей. Сакским, более близким курганам Бесшатыра, является каменный курган, раскопанный экспедицией Института этнографии АН СССР в Эрзинском районе Тувы (могильник Хондей, № 1; раскопки В. П. Дьяконовой 1961—1962 гг.). Коническая насыпь кургана сложена (диаметр около 25 м, высота 4,5 м) из обломков скалы, он окружен каменным кольцом (в 17—19 м от насыпи) со «входом» с востока. Под насыпью на горизонте стояла деревянная камера (5,5×4,5 м) из 9 венцов бревен, сложенных клеткой, и с крышей-накатом из 8 бревен. На полу лежали череп и разрозненные кости взрослого человека, а также позвонки и ребра овцы [14].

Так как дандыбай-бегазинских памятников на территории Тувы нет, следует полагать, что люди, сооружавшие курган Аржан, так же как и погребенные в нем, были пришельцами с запада из центральноказахстанских степей. То же самое относится к сакам Чиликтинской долины и Семиречья.

Теперь уже при учете известного инвентаря ясно, что курган Аржан был сооружен в середине VII в. до н. э. Таким образом, уюкским племенным союзом в раннее время руководила сакская племенная верхушка. Однако, скорее всего, раннесакская группа в Туве была незначительной по численности, ибо основное население того времени продолжало оставаться местным.

Погребальные памятники рядового населения раскопаны много раньше, чем «царский» курган. Наиболее близки Аржану могилы-цисты, установленные на горизонте под

---

[10] См.: Кызласов Л. Р. и Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы.— КСИИМК, вып. 32. М.—Л., 1950, рис. 40; Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане.— МИА, № 145. Л., 1968, с. 46—50; Мартынов А. И. Новый район карасукской культуры.— СА, 1964, № 2, с. 124—128; Членова Н. Л. Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае. — КСИА, вып. 134. М., 1973, с. 119.

[11] См.: Левашева В. П. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры.— СА, 1958, № 1, с. 171—174; Сосновский Г. П. Археологическая Бурят-Монгольская экспедиция.— В кн.: Отчет о деятельности Академии наук за 1929 г., вып. 2. Л., 1930, с. 154; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 46—47, рис. 10; Могильников В. А. Исследования в лесостепном Прииртышье.— В кн.: Археологические открытия 1966 года. М., 1967, с. 152; Мошкова М. Г. Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. — КСИА, вып. 107, с. 45; Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья.— В кн.: Проблемы скифской археологии. МИА, № 177. М., 1971; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

[12] См.: Грязнов М. П. и Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан, план (с. 192). План деревянных конструкций Аржана напоминает круг из снизок вампума, символизирующий конфедерацию ирокезов, где снизка каждого старейшины вплетена в общий круг (см.: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 233).

[13] См.: Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан...

[14] К сожалению, устройство кургана не достаточно тщательно зафиксировано автором раскопок (см.: Дьяконова В. П. Отчет о полевых работах второго археологического отряда ТКАЭ в 1961 г. и Дополнения к отчету об археологических работах в Эрзинском районе ТАССР за 1961—1962 гг.— Архив ИА АН СССР, № 2374 и 2510).

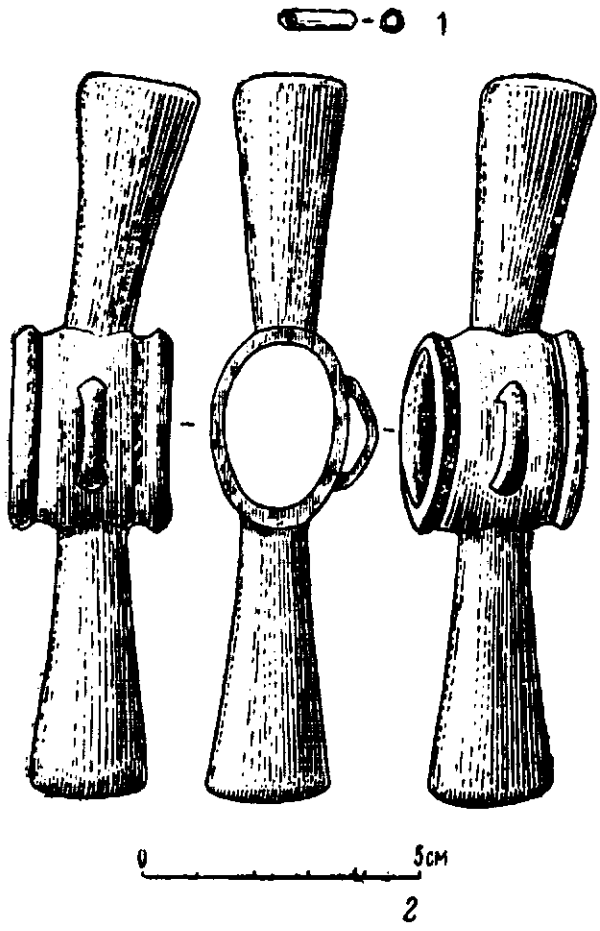

Рис. 20. Бронзовые пронизка (*1*) и боевой молот (2) из цисты кургана № 15 могильника Шанчыг

округлыми каменными курганами. Несколько таких курганов было раскопано нами в 1960 г. на левом берегу Элегеста в могильнике Шанчыг[15], а также в других районах Тувы.

Курган № 15 имел округлую уплощенную насыпь (диаметр 8 м и высота 0,45 м), сложенную из обломков скалы (5—25 кг) и земли так, что на задернованной поверхности всюду выступали камни. При разборке северо-восточной полы насыпи на глубине 20 см обнаружено впускное погребение № 1 — остатки полуразрушенного скелета подростка (отсутствовали кости таза, череп и некоторые другие), ориентированные плечами на северо-запад. При разборке западной половины насыпи на глубине 0,25 м лежали 3 обломка трубчатых косточек животного и еще 2 — на горизонте под южной полой[16].

В центре на горизонте выявлено погребение № 2 — основное. Это — разграбленная циста (наибольшие ее размеры 2,76×1,34, высота до 0,5 м), вытянутая с запада на восток. Восточная ее половина сооружена из плит, установленных на ребро прямо на древний почвенный слой, западная — сложена из обломков скалы. Сверху на цисте лежали остатки нарушенного грабителями покрытия из крупных обломков скалы. Внутренние размеры цисты 1,3×0,67 м. В ней захоронены останки взрослого человека, скорее всего, мужчины (по сохранившемуся тазу). Кроме таза на месте оказались только скорченные ноги, кости рук, ключица и несколько ребер. Скелет первоначально лежал сильно скорчено на левом боку, головой на запад[17]. При нем обнаружены втульчатый боевой молот с двумя бойками (*1*), обломок венчика лепного сосуда с защипным валиком под горлом (*2*) и бронзовая трубочка-пронизка (*3*) (рис. 20, 21, *2*).

После зачистки материкового слоя по всей площади кургана в трех местах выявлены небольшое количество древесных угольков и 2 обломка одного чашевидного сосуда (рис. 21). Под северной полой погребение (№ 3) совершено в неправильной подчетырехугольной яме глубиной 0,4 м от древнего горизонта. Яма (1×0,65 м) вытянута с запад-северо-запада на восток-юго-восток. В сильно скорченном положении на правом боку лежал в яме головой на запад скелет молодой женщины 18—20 лет (недавно оформившиеся коренные зубы). Брахикранный череп лежал на каменной плитке (21×17 см). При расчистке в тазе обнаружены тонкие косточки черепа и всего скелета неродившегося младенца. Очевидно, женщина умерла при родах, так как утробный плод полностью сформирован[18].

Курган № 16 находился в 17 м к востоку от кургана № 15. Насыпь кургана № 16 в форме неправильного овала; вытянута с северо-запада на юго-восток на 10,2 м (поперек — 5,6 м; высота 0,45 м). Она была сложена из обломков скалы (от 5 до 50 кг) и сильно расплылась. При разборке восточной половины насыпи найдены в кучке кости овцы: хвосто-

[15] См.: Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан..., рис. 5—12. Эти курганы еще в 1961 г. датированы мной VII—VI вв. до н. э. (см.: Кызласов Л. Р. Рецензия на книгу: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (т. I. М.—Л., 1960).— СЭ, 1961, № 4, с. 228). А. Д. Грач не упоминает об этих курганах, что приводит к искажению истории исследования памятников этого времени (см.: Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы, с. 96).

[16] См.: Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан..., рис. 5.

[17] Там же, рис. 6 и 7.

[18] Там же.

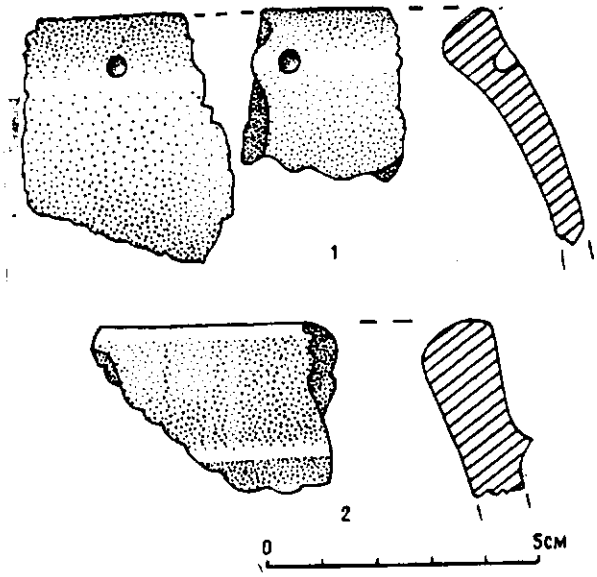

Рис. 21. Обломки сосудов из кургана № 15 могильника Шанчыг

вые, бедро, голень, позвонок, обломки трубчатых на глубине 16 см от репера 5. В северной поле насыпи (на глубине 17 см от репера 3) обнаружены обломки уюкских сосудов (№ 1 и 2); у одного из них есть рифление по всей поверхности боковины [19].

После снятия насыпи на горизонте в двух местах выявлены скопления древесных углей и золы. В центре на горизонте стояла циста (2,3×1,31 м и высота 0,5—0,63 м; внутренний промер: 1,77×0,92 м), сложенная из обломков скалы. В цисте лежал сильно скорченный скелет взрослого мужчины, на левом боку, головой на запад. Его руки согнуты в локтях, а ладони подложены под голову. Кости плохой сохранности, правая сторона черепа раздавлена. Это долихоцефал — европеоид с узким лицом (теменные швы сросшиеся, нижняя челюсть на месте коренных зубов облитерирована), 50—60 лет [20].

Курган № 18—2 имел круглую насыпь (диаметр 6 м) из обломков скалы и земли.

В центре на древнем горизонте стояла циста-ящик; ее составляли 3 большие плиты (0,7×0,4 и 0,4×0,37 м), поставленные на ребро с трех сторон, а между ними и с восточной стороны выложены стенки из небольших плиток, положенных плашмя. Циста вытянута с запада на восток (1× 0,74 м, высота 0,45 м), на ее земляном дне лежал скорченно на левом боку головой на запад ске-

[19] Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан..., рис. 9. *3, 4,* 10.

[20] Там же, рис. 10, 11.

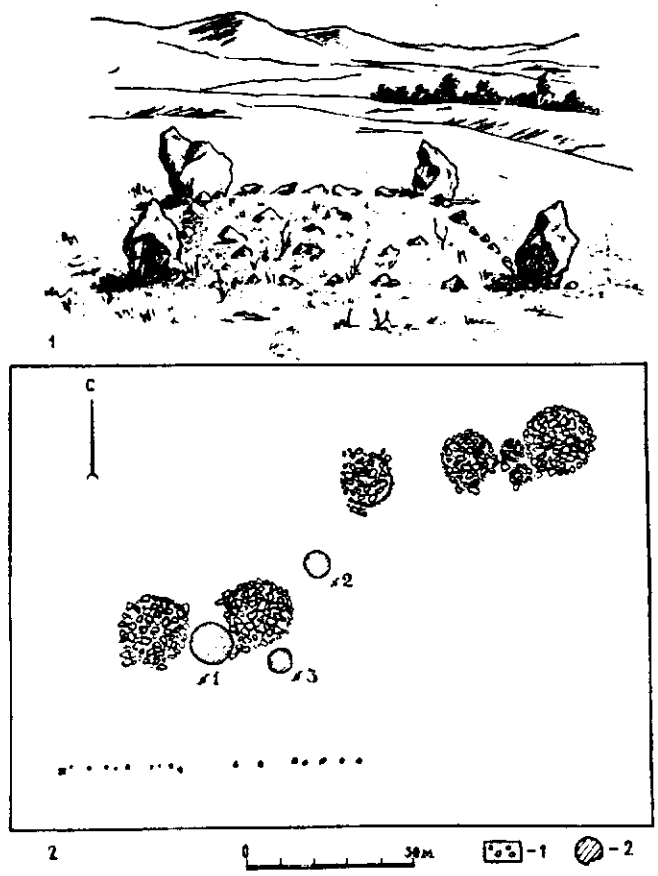

Рис. 22. Раннеуюкские памятники:
1 — внешний вид оградки с маяками на р. Эрзин, *2* — план могильника I в пос. Кызыл-Тей на р. Саглы: *1* — валуны, *2* — погребения в цистах, *3* — балбалы (внизу)

лет ребенка лет 5—6 (длина скелета 0,8 м; молочные коренные зубы еще крепкие). Скелет был прикрыт одной плитой (0,79×0,46× ×0,02 м), а вся циста перекрыта другой плитой (0,85×0,5×0,05 м). При зачистке у затылка найдена серьга-колечко из бронзовой проволочки в 1,5 оборота.

Два подобных же кургана раскопаны нами в 1957 г. в Юго-Западной Туве на границе с Монголией. Там, в долине Саглы, на северо-восточной окраине пос. Кызыл-Тей, находилась группа округлых курганов, сложенных из крупных речных валунов (рис. 22, *2*).

Курган № 1 (диаметр 11 м, высота 0,58 м) обложен по окружности валунами до 50—70 кг. На горизонте обнаружены остатки скелета человека, первоначально лежавшего на боку головой на запад, очевидно, в цисте из валунов. Возле черепа разбросаны лишь кости рук, лопатка и шейный позвонок.

Курган № 2 (диаметр 6×7 м, высота 0,25 м) также обложен по окружности наи-

более крупными валунами (до 100 кг). В центре, на горизонте, лежал полуистлевший скелет человека, головой на запад.

В 1960 г. подобный курган был раскопан нами и в Центральной Туве, в 3—4 км к югу от 60-го км тракта Кызыл—Шагонар, под горой Кезек-Даг. Курган № 1 — округлая чисто каменная насыпь (диаметр около 12 м, высота 1,12 м) из обломков скалы до 30—50 кг, пересыпанных щебенкой. У насыпи вершина уплощенная; узкая круговая уплощенность прослеживается и по слегка задернованным полам, края которых выложены особенно большими обломками скалы. В центре плашмя лежали плиты (100×60 см), служившие покрытием цисты, сооруженной из обычных обломков скалы на горизонте. Стенки цисты, вытянутой с востока на запад, разрушены грабителями, поэтому проследить ее размеры не удалось. На горизонте под плитами в бывшей цисте лежали в беспорядке разрушенные отдельные кости и зубы человека.

Трупоположения головой на запад, нередко в погребальных сооружениях на уровне горизонта, обычны и для саков низовьев Сырдарьи. Саки Памира укладывали своих умерших в могилы чаще всего на боку, в сильно скорченном положении. Скорченно на левом боку лежали непотревоженные скелеты и в кургане Аржан.

Рассмотрим немногочисленные находки из описанных выше погребений Шанчигского могильника. В кургане № 15 обнаружены бронзовые молот и пронизка, обломки двух лепных сосудов (рис. 20, 21); в кургане № 16 лежали обломки еще двух сосудов, а в кургане № 18—2 найдена бронзовая серьга.

Боевые каменные молоты с двумя бойками и просверленным проухом известны в энеолите и в эпоху бронзы [21]. Литой медный двуобушковый молоток конца III тыс. до н. э. находился в одном из погребений ямной культуры [22].

Раннеуюкский боевой молот не очень похож на упомянутые выше прототипы. Он отлит из бронзы [23] в двусторонней форме; у него два плоских снизу конических бойка, сужающихся под небольшим углом ко втулке, расположенной в центре. Края втулки обособлены закраинами, подобными закраинам на втулке майэмирского топора [24]. Сбоку посредине имеется петля, за которую боевой молот подвешивался к поясу (рис. 20, *2*). Подвешивание подобных молотов или секир воспроизведено на оленных камнях [25].

Наиболее близкий по форме двусторонний бронзовый молот найден в раннем сакском могильнике Уйгарак (датирован VI в. до н. э.) [26].

Что касается бронзовой трубочки-пронизки (1,1×0,3 см), то подобные ей встречаются в памятниках и позднебронзового и раннескифского времени, например в карасукских и тагарских могилах Хакасии.

В цисте № 15 обнаружены венчики от двух лепных сосудов с хорошо заглаженной поперек темно-серой и серо-желтой пятнистой поверхностью, с примесью крупных зерен гравия в слабообожженном тесте глины. Один из сосудов (с толстым венчиком и налепным валиком ниже обреза горловины), судя по накипи, предназначался для приготовления пищи; возможно, он был баночной формы (рис. 21, *2*). Другой, утонченный, с пояском ямочных вдавлений под горловиной имел хорошо залощенную внутреннюю поверхность и, возможно, сферическую форму. Видимо, использовался для приема пищи (рис. 21, *1*).

Сосуды с валиком под венчиком характерны для степных культур конца эпохи бронзы и начала раннего железного века [27]. Они обычны и для всех этапов уюкской культуры. Ямочки под венчиком также встречаются на посуде раннего железного века и на раннеуюкских горшках [28].

---

[21] См.: Минаева Т. М. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске.— КСИИМК, вып. 16. М.—Л., 1947, рис. 42, 5; Мерперт Н. Я. и Смирнов К. Ф. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС.— КСИА, вып. 84. М., 1961, рис. 1—6; Рыбалова В. Д. Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге.— АС, вып. 6. Л., 1964, рис. 1; Формозов А. А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом.— «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», 1950, № 15, с. 68—70.

[22] См.: Федорова-Давыдова Э. А. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области.— ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, рис. 5—17.

[23] 9% олова, основа — медь (см.: Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве.— МИА, № 149. М., 1969, с. 136 (7) и рис. 31, *6*).

[24] См.: Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, вып. 18. М.—Л., 1947, рис. 4, *7*.

[25] См.: Радлов В. В. Атлас древностей Монголии, вып. 2. СПб., 1893, таблица 73, *1*; Маннай-оол М. Х. Оленные камни Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 13. Кызыл, 1962, таблица 2, *1—2*.

[26] См.: Вишневская О. А. Указ. соч., с. 18, 73 122 и таблица XXI, *7*. Ср. Яковенко Э. В. Резной молоток из Среднего Поднепровья.— СА, 1969, № 2.

[27] См.: Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 296, рис. 4; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88. М.—Л., 1960, таблицы 41, 55, 57, 58; Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». — МИА, № 14. М.—Л., 1950, таблица 30.

[28] См.: Смирнов К. Ф. Указ. соч., рис. 6, 10, 61, 62, 63. Ср.: Сунчугашев Я. И. Указ. соч., рис. 22

В кургане № 16 обнаружены 3 обломка стенок гладкого сосуда с одним желобком по тулову и 2 обломка стенки сосуда со сплошной рифленой поверхностью (сохранилось 6 поперечных желобков). Сосуды с рифленой поверхностью встречаются среди посуды степной поздней бронзы, но они же нередко бывают и в уюкских могилах [29]. Наконец, в цисте № 18—2 с ребенком лежала кольцевидная серьга из бронзовой проволоки в 1,5 оборота, с приостренным концом. Подобные сережки известны с энеолита и до раннескифского времени.

Каменные курганы рядового населения со скорченными захоронениями на левом боку в цисте на горизонте имеют инвентарь раннеуюкского времени (VII—VI вв. до н. э.) и посуду, характерную для уюкской культуры Тувы [30]. Эти памятники наиболее близки по погребальному обряду и материальной культуре к захоронениям в кургане Аржан. Они доказывают, что Аржан не был в Туве изолированным явлением. Выделяются, таким образом, раннеуюкские погребения, относящиеся по всем своим особенностям и по хронологии к «аржанской» этнической группе.

М. П. Грязнов поставил задачу: «Установить место изучаемых памятников в системе археологической периодизации данного района по комплексу всех определяющих их данных (устройство, погребальный обряд, вещи). После этого — определять дату по аналогиям с хорошо датированными типами вещей не отдельных памятников (курганов, могил и проч.), а всего этапа или культуры в целом». Выполнив эту задачу, мы тем не менее не можем согласиться с его выводом, что «аржанскому этапу нет места в существующей периодизации эпохи ранних кочевников в Туве», что курган Аржан относится к VIII—VII вв. до н. э. [31]. Ведь М. П. Грязнов, вопреки собственной установке, рассмотрел изолированно один из курганов, определил его датировку и даже установил особый аржанский этап.

Но взятый не сам по себе, а в общей совокупности однокультурных ему рядовых памятников, курган Аржан вместе с остальными курганами аржанской этнической группы хорошо «укладывается» в ранний этап уюкской культуры, относящийся к VII—VI вв. до н. э.

По нашему мнению, аржанская этническая группа была сакской по своему происхождению и составляла в Туве аристократический династийный род, господствовавший над другими этническими группами, входящими в уюкский племенной союз. Известно, что племенной строй приводит к выделению особо знатных аристократических родов, которые узурпируют власть и формируют племенные объединения из родов насильственно подчиненных или завоеванных, а следовательно, зачастую относящихся к иным по происхождению этническим общностям.

Карл Маркс указывал: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в результате смешения победителей с покоренными племенами и т. д.» [32].

Именно такая картина раскрывается при изучении раннеуюкских археологических памятников. Кроме аржанской группы в Туве в VII—VI вв. до н. э. сосуществовали несколько этнических группировок, различающихся преимущественно особенностями погребальных сооружений и обряда. Эти группы были выявлены мной и М. Х. Маннай-оолом [33].

Наиболее близка аржанской группа каменных курганов с кольцом или с подквадратными оградками. Они содержат погребения в цистах на горизонте, вытянутых с востока на запад. К ним примыкают квадратные ограды с вертикальными столбами по углам. Под плоскими округлыми закладками из плит, в мелких узких ямах в них, лежат вытянуто на левом боку, головой на северо-запад, скелеты взрослых без вещей. Такие курганы с квадратными оградами или с кольцом раскопаны впервые нами в 1955 г. на р. Эрзине, и потому оставившее их население может быть условно названо эрзинской этнической группой (рис. 22, *1*; 25; 28).

---

[29] См.: Черников С. С. Указ. соч., таблица 54, *3*. Ср. уюкский рифленый сосуд из кургана в котловине Деспен (ГЭ ОИПК, № 1788-7). Аналогичные сосуды, в том числе и рифленые, обнаружены при раннеуюкских медеплавильнях в отрогах Танну-Ола (см.: Сунчугашев Я. И. Указ. соч., рис. 22). Ср.: Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 120—121 и рис. 3, *4*.

[30] Подобные могилы раскопаны и в соседней Монголии (см.: Волков В. В. Указ. соч., рис. 10, *2*).

[31] См.: Грязнов М. П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан.— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Ноябрь 1975 г. Л., 1975, с. 6—9; он же. Курган Аржан в Туве и вопросы сложения культур скифо-сибирского типа.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), ч. II. Киев, 1975, с. 6—7.

[32] Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 465).

[33] См.: Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., с. 78—83.

Эрзинские погребальные сооружения имеют аналогии прежде всего на территории Монголии и Забайкалья [34]. Позднее, но в сакско-усуньское время, аналогичные по устройству курганы появляются в Семиречье, на Тянь-Шане и Памире [35].

Выделяется также зубовская этническая общность, называемая нами так по первому кургану этого типа, раскопанному в 1962 г. у пос. Зубовка М. Х. Маннай-оолом [36]. Для нее характерны округлые каменные курганы с погребениями в неглубоких ямах, обложенных плитами, иногда — в каменных ящиках или деревянных срубах. Скелеты лежат скорченно на боку, головой на запад или северо-запад.

А. Д. Грач объявил курганы зубовской этнической группы особой «алды-бельской культурой VII—VI вв. до н. э.», отнеся туда же, в качестве царского, и курган Аржан [37]. С этим нельзя согласиться. Курган Аржан, как показано выше, сопоставим с каменными курганами с цистами на горизонте, ибо его погребения также совершены на горизонте. В зубовских же (или, по А. Д. Грачу, «алды-бельских») курганах захоронения находятся в ямах. «Алды-бельская культура», по характеристике А. Д. Грача, — это совокупность памятников зубовской этнической группы. Она не включает одновременные ей аржанскую, эрзинскую и другие группы. По А. Д. Грачу, «алды-бельская культура» существовала только в VII—VI вв. до н. э., сменяясь к V в. до н. э. иной культурой. Это тоже неверно. Выше показано, что характерная для уюкской культуры посуда существовала в VII—VI вв. до н. э. и ее же продолжали употреблять в V—III вв. до н. э. Одиночные погребения раннего этапа в цистах на горизонте или в ямах (в каменных ящиках или срубах) заменяются семейно-коллективными захоронениями на последующем этапе. Это не смена культур, а отражение определенных общественно-экономических и ритуальных сдвигов. Археологам известно аналогичное изменение в обряде соседней тагарской культуры, располагавшейся по северную сторону Саян. Там в первой стадии (VII—V вв. до н. э.) также были распространены одиночные погребения в узких ямах, в каменных ящиках или деревянных камерах, а во второй стадии (IV—III вв. до н. э.) появляются коллективные могилы в больших квадратных срубах [38].

Аржанская, эрзинская, зубовская группы памятников характеризуют не все еще могильники VII—VI вв. до н. э., известные в Туве. Нами в 1958 г. была намечена успенская группа. К сожалению, из-за того, что сооружения успенского типа мало раскопаны, группа эта пока малочисленна. Курганы успенской группы имеют земляные насыпи и деревянные срубы в ямах [39]. Их «провинциальной» разновидностью можно считать земляные курганы VII—VI вв. до н. э. с погребениями в ямах из Северо-Восточной Тувы [40].

Аржанская, эрзинская, зубовская и успенская группы памятников, относящиеся к раннему периоду уюкской эпохи (VII—VI вв. до н. э.), отражают неоднородность населения и указывают на сосуществование в Туве в данный период различных этнических групп. Эта неоднородность подтверждается и палеоантропологическими исследованиями останков людей скифского времени из Тувы. Так, В. П. Алексеев констатирует, что «смешение различных типов еще продолжало иметь место в скифское время, а это, в свою очередь, говорит о продолжающемся контакте между группами, характеризовавшимися принадлежностью к разным расовым типам» [41].

О сосуществовании разнородных по происхождению этнических группировок сообщают и письменные источники. Плиний («Естественная история», VI (19), 17), описывая

---

[34] См.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. 2. СПб., 1881, фиг. 1, 4, 16—18 и 23; таблицы I, *2* и II, *10*; Волков В. В. Указ. соч., рис. 10—13; Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в.— СА, 1957, № 2, с. 205, 225, 226; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948, с. 119.

[35] Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 19—30; Труды Института истории АН Киргизской ССР, т. I. Фрунзе, 1955, с. 126; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., рис. 45 и 58; Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, таблицы 50, 51, 64.

[36] См.: Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., с. 81; он же. Новые материалы скифского времени в Туве.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 11. Кызыл, 1964, с. 280—281.

[37] См.: Грач А. Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.

[38] См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 222—224, 261—262.

[39] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 75; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время, с. 78—79.

[40] См.: Дэвлет М. А. Археологические исследования в Тодже в 1969 г.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 14. Кызыл, 1970, с. 243; она же. Археологические раскопки в Тодже в 1970 г.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 15, с. 255—262.

[41] См.: Алексеев В. П. Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 7. Кызыл, 1959, с. 255; он же. Основные этапы истории антропологических типов Тувы.— СЭ, 1962, № 3, с. 57.

азиатские скифские племена, живущие «по ту сторону Яксарта», сообщает, что «количество скифских народов бесконечно... знаменитейшие из них: саки, массагеты, даи, исседоны, астаки, румники, пестики, гомотоды, гисты, эдоны, камы, камаки, эвхаты, котнеры, энтузианцы, псаки, аримаспы, антракаты, хроазы, этаи. Сюда, как говорят, пришли и напайцы от палеев» [42].

Учитывая подвижность подобных, в основном скотоводческих племенных и родовых, подразделений, можно представить достаточно пеструю картину обитания в скифское время в бассейне Верхнего Енисея нескольких этнических групп. Они различались погребальными обычаями, но были объединены в один племенной союз. Их общая «скифская» материальная культура прослеживается прежде всего в единстве типов уюкской глиняной посуды, которая, однако, на раннем этапе была более разнообразной, чем в V—III вв. до н. э.

▼

Каменные курганы с кольцом и цистами на горизонте наиболее близки курганам с цистами. *Бай-Даг баары III, курган № 1* на левом берегу Шурмака, стекающего на север с хребта Танну-Ола, на западном склоне горы Бай-Даг баары. Курган сложен из крупных обломков серого гранита, его диаметр 12 м. Насыпь обнесена кольцом из более крупных обломков скалы. Кольцо (диаметром 17,5 м) казалось отступающим от округлой курганной насыпи, так как пространство между ними было задернованно (рис. 23, *1*).

Подобные каменные курганы с кольцами и цистами известны как среди памятников уюкской культуры Тувы, так и среди одновременных синхронных могильников Северо-Западной Монголии [43].

При раскопках кургана № 1 выяснилось, что пространство между полами и кольцом было почти сплошь засыпано обломками гранита. Вероятно, курган первоначально был сплошным, и лишь после того как более низ-

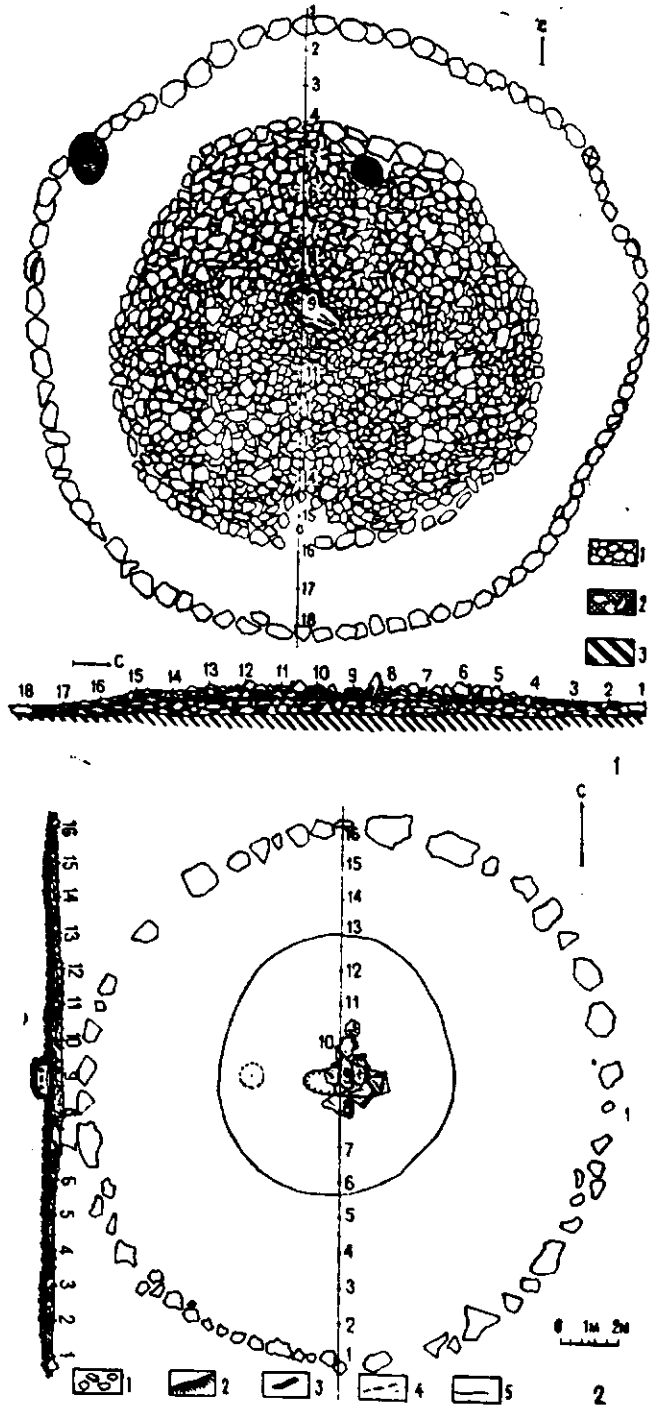

Рис. 23. Планы раннеуюкских курганов:
1 — Бай-Даг баары III, курган № 1 (*1* — камни, *2* — чернозем с камнями, *3* — материк), *2* — Шанчыг, курган № 4 (*1* — камни с землей, *2* — материк, *3* — кострище, *4* — граница кострища на горизонте, *5* — граница кургана)

[42] Древние авторы о Средней Азии. Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940, с. 126—127. Ср.: Библия (Книга судей израилевых, III, 5, 6): «И жили сыны израилевы среди хананеев, хеттеев, аморреев, ферезеев, евеев (гергесеев) и иевусеев; и брали дочерей их себе в жены, и своих дочерей отдавали за сыновей их, и служили богам их».

[43] См.: Потанин Г. Н. Указ. соч., фиг. 1, 4, 16—18 и 23; Волков В. В. Указ. соч., рис. 10, *1*. Курганы с кольцами, относящиеся к скифо-сакскому и усуньскому времени, известны в Семиречье и на Тянь-Шане, а также в Центральной Монголии и Забайкалье (Археологические памятники Таласской долины, с. 19—30; Труды Института истории АН Киргизской ССР, т. I, с. 126; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., рис. 45 и 58; Евтюхова Л. А. Указ. соч., с. 205, 225, 226; Дебец Г. Ф. Указ. соч., с. 119).

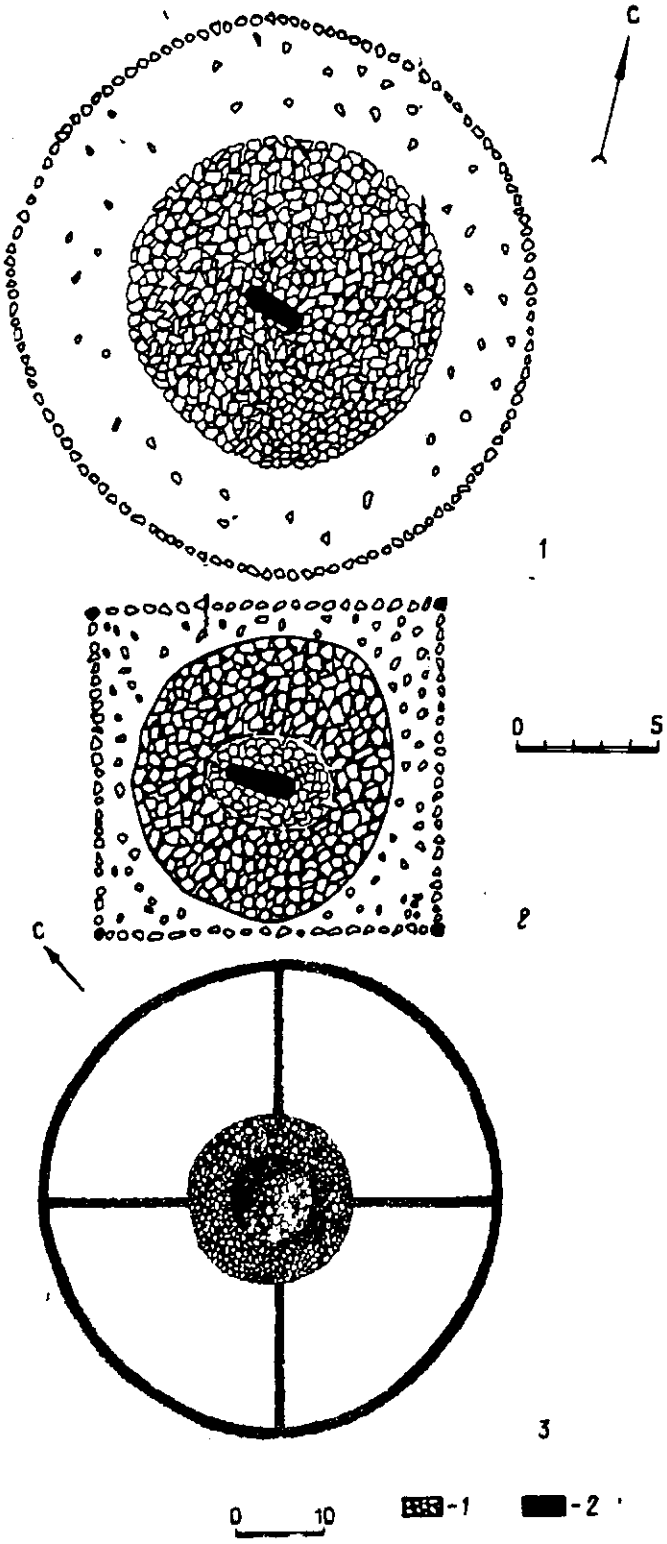

Рис. 24. Планы раннеуюкских курганов:
1, 2 — могильник Шараш, *3* — могильник Шурмак-Тей (*1* — камни, *2* — цисты)

кие полы задерновались, он принял вид кургана с кольцом, благодаря незадернованности края его, выложенного из более крупных камней. Но возможно также, что полы специально присыпали землей.

После снятия насыпи в центре обнаружены плохо сохранившиеся кости скелета взрослого человека (сохранились куски черепа, кости рук и ног — рис. 23, *1*), положенного в цисте на горизонте головой на северо-запад. Лежал ли он на боку или на спине — установить невозможно. Инвентаря нет. Как форма кургана, так и ориентировка погребенного (головой на северо-запад) характерны для уюкской культуры Тувы.

Курган № 1 в могильнике у горы Шараш (к югу от 60-го км тракта Кызыл—Шагонар) имел округлую насыпь (диаметр 11 м, высота 1,6 м) из обломков скалы. Вокруг сложено кольцо из больших обломков скалы диаметром 19 м. Между кольцом и насыпью заметно ровное задернованное пространство с виднеющимися кое-где камнями. На дне грабительской воронки сохранилась циста со стенками, сложенными из хорошо подобранных плит. Циста вытянута с запада на восток. Ее внутренние размеры 2,1×0,6 м при глубине 0,8 м. Сохранились 3 большие плоские плиты от перекрытия цисты, давно нарушенного грабителями (рис. 24, *1*).

Каменные курганы с подквадратными оградками[44] *и цистами на горизонте* исследованы в соседних могильниках у гор Шараш и Кезек-Даг в 1960 г.

Курган № 2 Шарашского могильника имел округлую насыпь (диаметр 9,5 м, высота 1,3 м) из обломков скалы. Его окружала подквадратная ограда из больших обломков скалы, ориентированная сторонами почти по странам света. Длина сторон 12 м (север), 11,8 м (восток), 11,7 м (юг) и 10,8 м (запад). По углам ограды стояли врытые в землю островерхие обломки скалы высотой 0,45—0,6 м (рис. 24, *2*).

В грабительском колодце по центру расположена циста, стоящая на горизонте. Стенки ее выложены из 7 рядов, хорошо уложенных в перевязку плашмя плит на высоту 0,9 м. Верхние плиты сходятся в виде ложного свода, но сверху циста была перекрыта

[44] Такие курганы известны также в скифское и гунно-сарматское время на Памире, в Семиречье, Монголии и Забайкалье (см.: Литвинский Б. А. Указ. соч., таблицы 50, 51, 64; Потанин Г. Н. Указ. соч., вып. 2, с. 52 и 63, таблицы I, *2* и II, *10* и др.; Волков В. В. Указ. соч., рис. 10, *3*; Евтюхова Л. А. Указ. соч., с. 205, 225; Дебец Г. Ф. Указ. соч., с. 119; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч.).

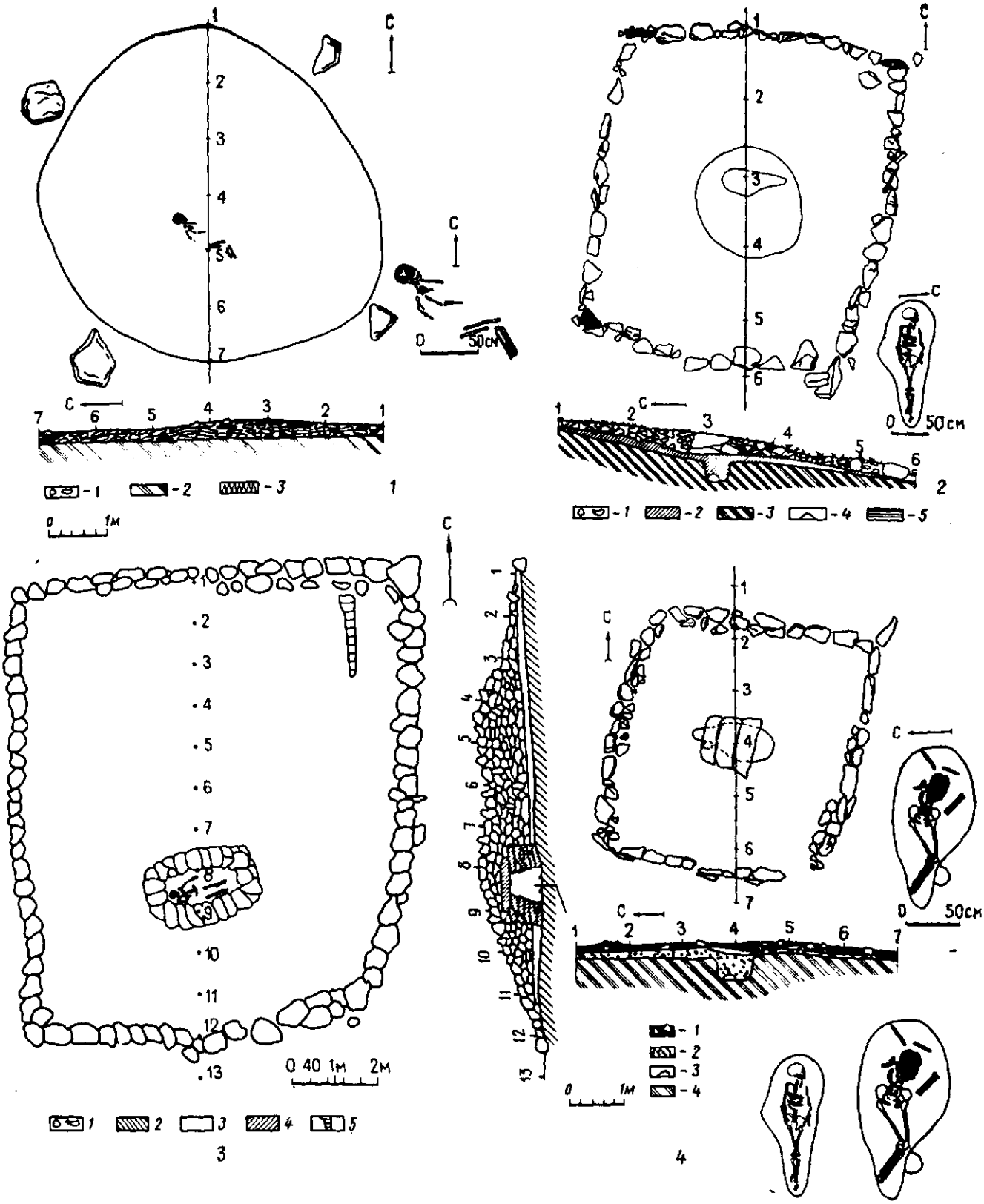

Рис. 25. Планы раннеуюкских курганов:

1 — курган № 2 в горах, в 14 км от Кызыла (*1* — дерновый слой с плитами, *2* — материк (песок), *3* — погребение); *2* — ограда 2 II Эрзинского могильника (*1* — дерновый слой с камнями, *2* — песчаная почва (бурого цвета), *3* — материк (белый песок), *4* — погребение, *5* — вертикально установленные плиты); *3* — Кезек-Даг, курган № 2 (*1* — слой камней и щебня, *2* — плиты и стенки цисты, *3* — земля, *4* — материк, *5* — плита, врытая на боку); *4* — ограда 3 I Эрзинского могильника (*1* — дерновый слой с камнями, *2* — бурая песчаная почва с камнями, *3* — погребение, *4* — материк — белый песок со щебнем)

Рис. 26. Погребение в цисте на горизонте (Кезек-Даг, курган № 2)

положенными поперек плитами. Внутренние размеры цисты 2,25×0,6 м; она вытянута с запада на восток.

Курган № 2 у горы Кезек-Даг подчетырехугольной формы (11,13×10 м, высота 1,46 м) в виде пирамиды из чистого камня (от 2—5 до 100 кг) и щебня, со слегка задернованными полами (рис. 25, *3*). В центре заметно углубление (2×2 м и до 0,4 м глубиной), где торчали крупные обломки скалы. После снятия верхнего слоя чистого камня пошел слой обломков скалы с землей. На глубине 60—65 см обнаружена циста, перекрытая 3 плитами (1,25×1,05×0,2 м). Наиболее крупная плита лежала в западной части покрытия, вытянутого с запада на восток. Стенки цисты, стоящей на горизонте, сложены из плитняка (рис. 26). Циста овальной формы, вытянута с запада на восток. Ее наружный обмер — 2,55×1,95 м, внутренний — 1,6×0,75 м при высоте стенок от горизонта 0,72 м. Толщина стенок 0,55—0,65 см.

В цисте на горизонте лежал скелет женщины 40—50 лет, вытянуто на спине, головой на запад (рис. 26, *2*). К тому же времени относится, по-видимому, *курган № 2*, исследованный нами в горах в 14 км от Кызыла, слева от дороги на курорт Чедер (левый берег Каа-Хема против пос. Кок-Тей). Это округлый курган (6 м в диаметре), очень плоский. Возле пол его лежали по четырехугольнику 4 больших камня (длиной 0,6—1 м); расположение камней напоминало четырехугольную оградку. Насыпь состояла из обломков плитняка и кусков скалы. На горизонте, скорченно на левом боку, головой на северо-запад, лежал скелет взрослого человека плохой сохранности, очевидно, в разваленной цисте (рис. 25, *1*).

Как видим, курганы с погребениями в цистах на горизонте имеют разное наружное устройство и некоторые отличия в ориентировке трупоположений. Наряду с преобладающей западной ориентировкой изредка встречается и северо-западная, которая особенно распространена в могилах развитой уюкской культуры, начиная со второго этапа.

По-видимому, к раннеуюкскому же периоду необходимо отнести и другие раскопанные нами могилы, сходные с описанными выше по наружному виду, но различающиеся наличием мелких узких ям, в которых совершены захоронения.

Округлые каменно-земляные курганы (№ 1 и 2) раскопаны в 1962 г. в могильнике под горой Могой близ пос. Кочетово [45]. Курган № 1 имел овальную (6×5 м), вытянутую с севера на юг, земляную насыпь высотой 0,33 м. В центре ее виднелись небольшие камни. При расчистке обнаружена панцирная закладка подовальной формы (1,5×1,1 м) из плиток, вперемешку с крупной галькой. Под закладкой, вытянутой с юго-востока на северо-запад, выявилась подчетырехугольная яма (1,36×0,57 м, глубина 0,4 м), засыпанная лёссом с галькой (рис. 27, *2*).

[45] Аналогичный курган, раскопанный М. Х. Маннай-оолом, содержал инвентарь VII—VI вв. до н. э. (См.: Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., с. 15—16).

В закладке над ямой были мелкие кости овцы, а в засыпке (на глубине 0,3 м) обнаружена челюсть овцы. На дне, вытянуто на спине, плечами на северо-запад, лежал скелет подростка (длина 0,95 м) без черепа; отсутствовали также левые плечевая и бедренная кости.

Курган № 2 имел овальную насыпь (5,6×5 м, высота 0,28 м), вытянутую с запада на восток. По окружности насыпи кое-где были врыты вертикально стоящие плитки, образующие неполную кольцевую оградку (рис. 27, *1*). В центре крупные плиты прикрывали слабо различимую яму, вероятно, подчетырехугольной формы (1,6×0,6 м, глубина 0,5 м). Скелет девушки 16—17 лет (длиной 1,55 м) лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад.

В могильнике Шанчыг на Элегесте в 1957 г. нами был раскопан *курган № 4 с* кольцом (рис. 23, *2*) [46]. Кольцо (диаметр 16 м) выложено из больших обломков скалы. В центре его находился округлый курган (диаметр около 7 м, высота 0,3 м), сложенный из мелких обломков скалы с землей. Плоское задернованное пространство между насыпью и кольцом скрывало редкую наброску мелких камней. В центре на горизонте расчищена панцирная кладка из нескольких плит (от 0,5 до 1 м длиной), прикрывавшая яму. К западу от ямы на горизонте располагалось круглое пятно (диаметр 0,7 м) прокаленной земли, с тонким слоем золы и угольков — след поминального костра.

Подпрямоугольная яма (2,2×0,85 м, глубина 0,4 м) вытянута с востока на запад. На дне ее лежали остатки скелета взрослого человека, поврежденного грабителями (отсутствовал череп, перемешаны ребра). Судя по расположению таза и ног, скелет первоначально лежал вытянуто на спине, головой на запад.

В 1955 г. в Южной Туве раскопаны подквадратные ограды из крупных обломков скалы с вертикально установленными высокими каменными столбами по углам. Внешне они напоминают раннетагарские оградки VII—VI вв. до н. э. (рис. 22, *1*) и сходны в этом с курганом № 2 могильника Шараш.

Эрзинские могильники (I Эрзинский могильник, ограды № 1—3; II Эрзинский могильник, ограды № 1, 2) расположены на правом берегу Эрзина, с южной стороны скал Кара-Бом, к северо-западу от пос. Сарыг-Булун. Раскопано 3 типа погребальных сооружений.

[46] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 28 план.

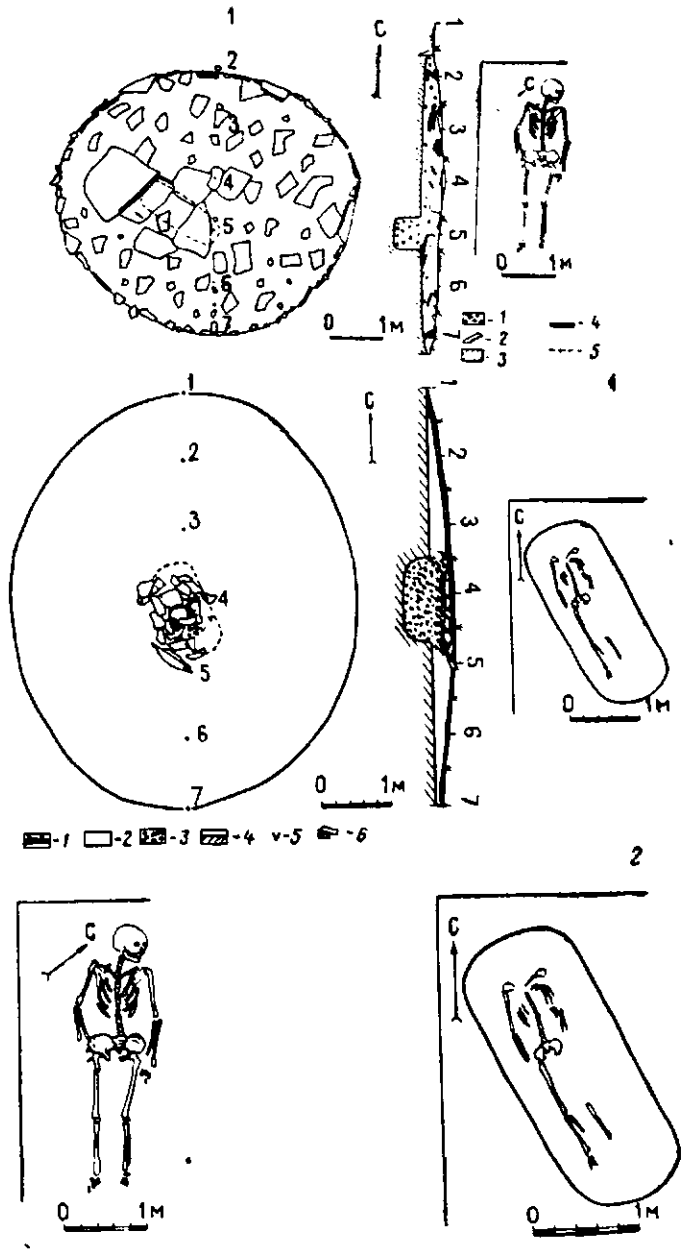

Рис. 27. Планы курганов Могойского могильника: *1* — курган № 2 (*1* — галька, *2* — плиты, *3* — материк, *4* — плиты на ребре, *5* — граница ямы), *2* — курган № 1 (*1* — дерновый слой, *2* — лёсс, *3* — речная галька, *4* — материк, *5* — кости животных, *6* — камни)

а) Большие квадратные ограды из крупных обломков скалы (12×12, 13×13 м), с вертикально установленными высокими (около 1 м) каменными столбами по углам, с плоскими округлыми курганчиками (диаметр около 5 м) из камней посредине (рис. 28). Ограды эти ориентированы углами почти по странам света. Раскопаны 2 ограды (I Эрзинский могильник, № 1—2).

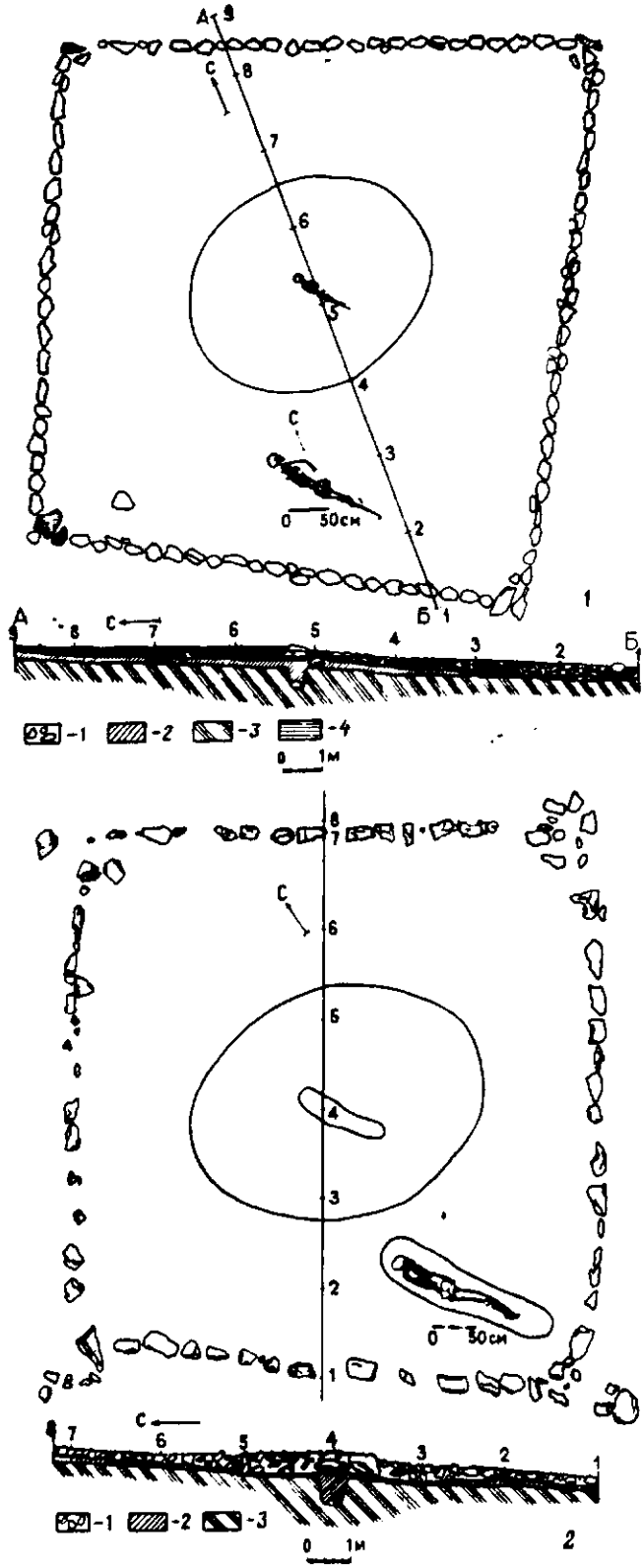

Рис. 28. Планы оград 1 и 2 I Эрзинского могильника (*1*):

1 — дерновый слой с камнями, *2* — песчаная почва желтого цвета, *3* — материк (песок белого цвета), *4* — вертикально установленные плиты; (*2*): *1* — дерновый слой с камнями, *2* — желтая песчаная почва, *3* — материк

б) Квадратные оградки из больших обломков скалы с такими же вертикальными столбами по углам, засыпанные камнями, но более мелких размеров (8×8 или 6×6 м), ориентированные сторонами по странам света с небольшими отклонениями (рис. 25, *2*). Раскопаны 2 оградки (II Эрзинский могильник, № 1—2).

в) Плоский квадратный курган (5×5 м), края которого выложены плоскими плитами, а середина сплошь вымощена камнями. Стороны его ориентированы почти по странам света. Вертикальных столбов по углам нет (рис. 25, *4*; I Эрзинский могильник, № 3).

При раскопках обнаружено, что внутренняя поверхность всех оградок целиком засыпана мелкими обломками камней, которые позднее были задернованы, за исключением центральной части, оставшейся незадернованной из-за более высокого уровня засыпки в центре.

И те и другие оградки дали одинаковый погребальный обряд. В центре их под закладками из больших плитообразных обломков скалы (диаметр закладок до 3 м) заметны узкие грунтовые ямы, в которых вытянуто, на левом боку, головой на северо-запад (с небольшими отклонениями иногда), лежали скелеты людей без сопроводительного инвентаря, что, очевидно, было обычным, так как погребения не ограблены.

Исключением можно считать погребение в плоском квадратном (5×5 м) каменном кургане (оградка № 3 I Эрзинского могильника), под которым оказалась грушевидная яма, вытянутая с запада на восток (длина 1,55 м, наибольшая ширина 1 м и глубина 0,42 м); здесь скелет лежал на спине вверх коленями; он ориентирован плечами на восток-юго-восток. Черепа нет (рис. 25, *4*).

I Эрзинский могильник, ограда № 1. Посредине округлый курган, диаметром около 5 м. Ограда (13×13 м) сложена из крупных обломков гранита. По углам стояли вертикально камни до 40—55 см высотой. В центре кургана — закладка из крупных плит, а под ней в узкой яме (глубина 0,5 м) лежал вытянуто на левом боку, головой на северо-запад, скелет женщины (30—35 лет) смешанного типа. Лицо повернуто на северо-восток (рис. 28, *1*).

I Эрзинский могильник, ограда № 2. Плоский овальный курган (5×6 м). Ограда (12×12 м) сложена из крупных обломков гранита. Угловые камни повалены. Под закладкой из больших плит видна узкая яма (2,08×0,35—0,5 м, ее глубина 0,83 м). В ней лежал вытянуто на левом боку скелет евро-

неоидного мужчины (40—45 лет) головой на северо-запад и лицом на северо-восток (рис. 28, *2*).

II Эрзинский могильник, ограда № 1. Ограда квадратная (6×6 м). Стороны ее ориентированы по странам света. По углам стояли вертикальные плиты высотой до 1,1 м. В плоском центре под плитами в узкой яме (глубиной 0,3 м) лежал скелет ребенка плохой сохранности. Скелет вытянут и ориентирован головой на северо-запад.

II Эрзинский могильник, ограда № 2. Посредине округлая уплощенная насыпь диаметром около 3 м. Подквадратная ограда (8,1×7,5 м) сложена из больших обломков (до 100 кг) скалы. По углам ее стояли высокие камни (0,8—1,15 м). В центре, под закладкой из трех плит, выявлена узкая яма, расширяющаяся посредине (1,85×0,75 м, глубина 0,3 м). Скелет женщины (25 лет) смешанного типа первоначально лежал на левом боку, вытянуто, головой на запад-северо-запад, лицом к северу (рис. 25, *2*).

Судя по предварительным заключениям антропологов, изучавших черепа людей раннеуюкского этапа, в Туве в VII—VI вв. до н. э. жило разнородное в антропологическом отношении население. Преобладали, очевидно, европеоиды (как брахикраны, так и долихоцефалы), но существовало и население смешанного типа с налетом монголоидности, проявляющимся преимущественно в уплощенности лица.

Наконец, нельзя не упомянуть, что к этому же, вероятно, периоду относятся встречающиеся преимущественно на юге Тувы, и особенно часто в Северной Монголии, керексуры особого вида.

Эти курганы в плане напоминают колесо с 4 спицами, расположенными «крестом». Один из таких курганов осмотрен нами по северную сторону Танну-Ола на правом берегу Шурмака в местности Шурмак-Тей у горы Мюрк. В центре его из обломков скалы сложена каменная насыпь (диаметр 19 м), от которой строго на 4 стороны отходят выложенные из больших камней дорожки, доходящие до большого, также выложенного из камней, кольца, окружающего курган (рис. 24, *3*). Диаметр всего кольца около 53 м, ширина дорожек — «лучей» и кольца — 1—1,2 м. В центральной насыпи (высота около 2,5 м) находилась глубокая воронка диаметром около 9 м, свидетельствующая о разграбленности погребения. К сожалению, и остальные известные нам курганы этого типа разграблены.

Два аналогичных кургана расположены по южную сторону Танну-Ола. Один находится в могильнике у горы Кызыл-Хая на речке Тыттыг-Хем (диаметр 30 м, высота до 2,5 м, диаметр окружающего кольца 60 м). Интересно, что к востоку от насыпи, внутри кольца, лежал большой и плоский, сильно окатанный, серо-розовый гранитный валун (0,97×0,84 м, толщина 0,14 м), с обеих сторон которого выбиты изображения, характерные для вертикально установленных оленных камней Забайкалья, Монголии и Тувы. С одной стороны на нем изображен «домик с двускатной крышей» (высота его 0,6 м, ширина до 0,53 м), а с другой стороны нарисован такой же «домик» вокруг которого — сцена охоты всадника с луком на горных козлов и кабанов. Фигуры животных переданы довольно реалистично в характерном «скифо-сибирском» стиле (рис. 29) [47].

Очевидно, камень с изображениями связан с курганом, возле которого он лежит. Это подтверждает раннюю датировку керексур такого типа.

Дело в том, что стилистические особенности фигур животных совпадают с хорошо датированными их изображениями, найденными в курганах VII—VI вв. до и. э. (особенно это касается кабанов и козлов) [48].

Третий такой курган (диаметр 45 м, при диаметре кольца 156 м) мне довелось видеть в котловине Деспен во время работы экспедиции 1947 г.; 4 перемычки располагались с небольшими отклонениями от направлений по странам света. Этот самый большой из известных курганов типа «колеса», к сожалению, также основательно разграблен. По данным Г. Н. Потанина, «керексуры» в виде колеса особенно широко распространены в Северо-Западной Монголии и, очевидно, характерны для живших на этой территории племен так же, как и оградки с вертикально установленными по углам камнями [49].

---

[47] Курган с камнем был найден мной еще в 1947 г. (см.: Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Указ. соч., с. 120—121) и осмотрен вновь в 1955 г. Впоследствии тюрколог И. А. Батманов ошибочно увидел в непонятых им изображениях кабанов «следы надписи среди петроглифов». Отмечаю это в качестве курьеза (см.: Батманов И. А. и Кунаа А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. 2. Кызыл, 1963, с. 40—41).

[48] См.: Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965, с. 62, таблицы 17—18 и рис. 10; Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан, с. 194.

[49] См.: Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Указ. соч., с. 123. Четвертый подобный курган находится в могильнике Хондей близ пос. Нарын (раскопки В. П. Дьяконовой, 1962 г.); Потанин Г. Н. Указ. соч., вып. 3, с. 53—54 и фиг. 3.

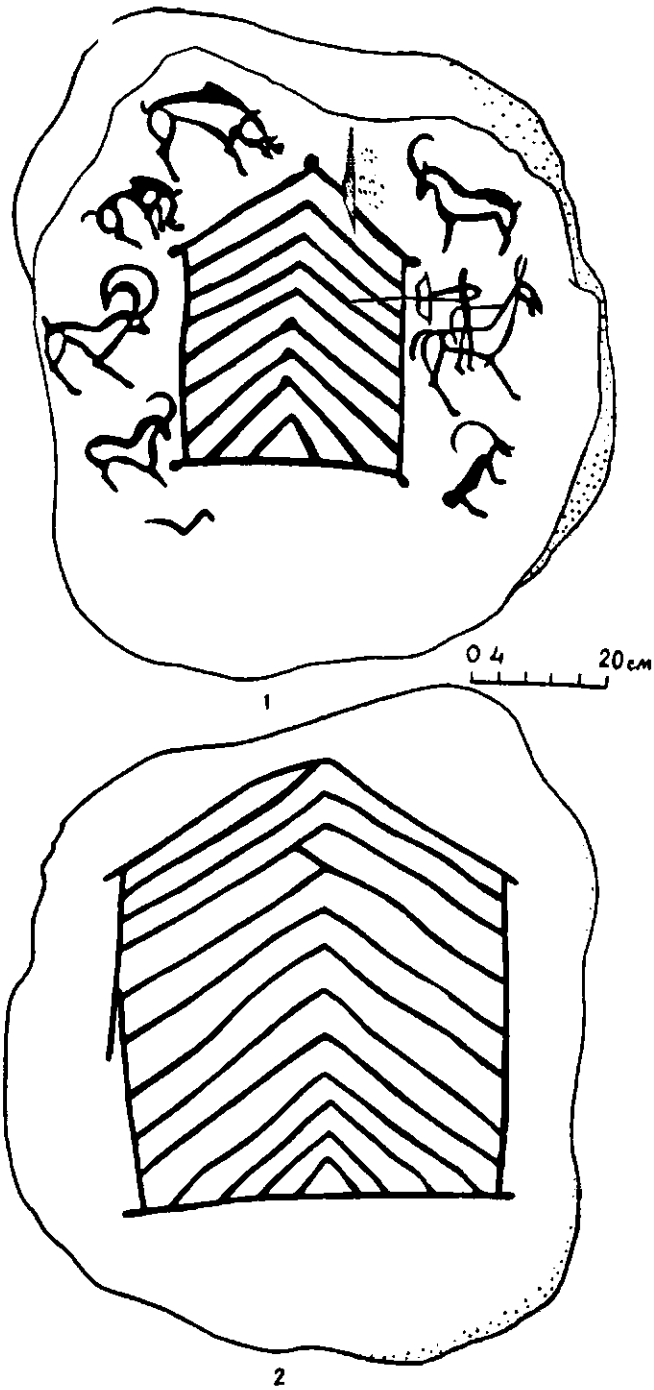

Рис. 29. Серо-розовый гранитный валун с рисунками с двух сторон.
Лежал у горы Кызыл-Хая на р. Тыттыг-Хем (ныне в Кызыльском музее)

▼

Раннеуюкских оленных камней VII—VI вв. до н. э., кроме найденного у горы Кызыл-Хая, известно несколько. Еще в 1958 г. я обособил известные стелы из с. Туран (Кызыльский музей) и Уюк-Аржан (Минусинский музей). Теперь подтвердилось предположение, что оленные камни относятся к раннеуюкскому времени: обломок оленного камня с изображениями обнаружен в кургане Аржан [50].

Причина распространения оленных камней к западу от их основного ареала (Забайкалье, Монголия, Тува, Юго-Западный Алтай), на что нами указано еще в 1950 г., пока не известна. Недавно наиболее западным был камень из Оренбургской области, а теперь к нему следует присоединить аналогичные стелы, открытые в Причерноморье, на Северном Кавказе, в Румынии и Болгарии. Эти памятники лишний раз подчеркивают глубокую правоту С. В. Киселева, который писал о судьбах населения скифского времени: «Великий пояс степей уже тогда соединил Восточную Европу и Северную Азию единством культуры и художественных идей» [51].

Стоянки уюкцев настолько слабо изучены, что в настоящее время нет возможности составить полное представление о быте раннеуюкского населения. Только пункт № 2 у горы Хайыракан возможно относить (по обломкам посуды) к раннеуюкскому времени. Если это так, то обнаруженные там остатки деревянного пола от жилого сооружения типа избы свидетельствуют об оседлом быте населения, жившего в постоянных поселках.

Наиболее характерные случайные находки раннеуюкского этапа (топор, ножи, кинжалы, удила, шило, наконечники стрел и копий) уже опубликованы [52].

Привожу здесь сводные таблицы рисунков предметов VII—VI вв. до н. э. из Тувы, хранящихся в Кызыльском и Красноярском музеях, а также в Эрмитаже (рис. 30—33). Публикуем предметы, найденные в Кызыле: двуушковый четырехгранный кельт из мышьяковистой бронзы, подобный раннетагарским кельтам (рис. 33, *1*), кольчатый и однопетельный бронзовые ножи (из оловянистой бронзы), объединенные общим признаком — они змейчатообушковые с оттянутым к

[50] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы... Ср.: Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан.

[51] См.: Кызласов Л. Р. и Маргулан А. Х. Указ. соч.; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., с. 29—30; Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям.— «Thracia», т. I. София, 1972; Киселев С. В. Указ. соч., с. 303.

[52] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, таблица II, *31—42*.

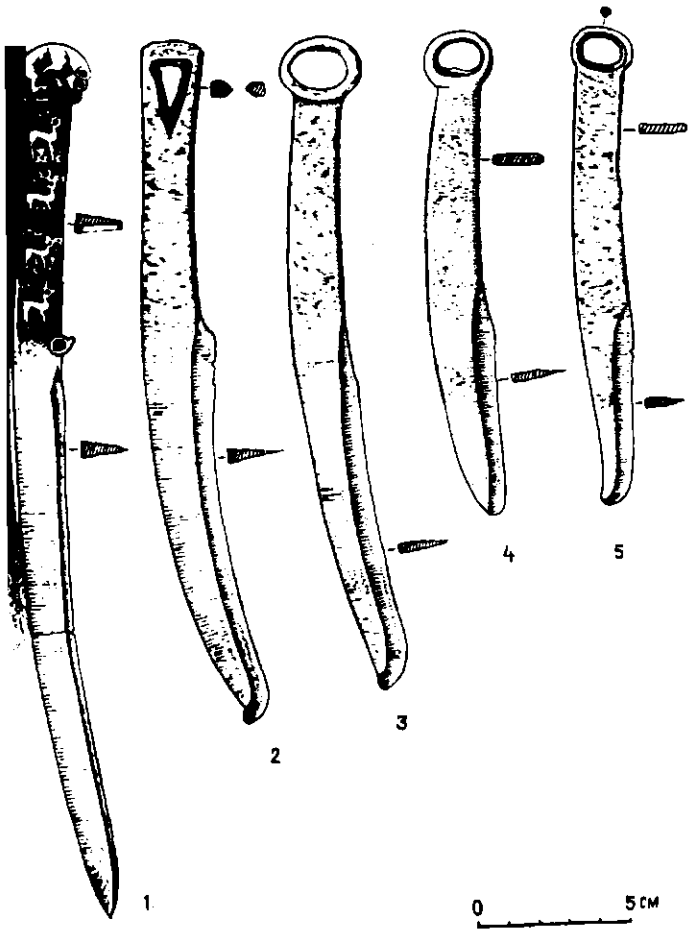

Рис. 30. Раннеуюкские бронзовые ножи:
1, 4 — с. Туран, *2* — близ Кок-Тея, *3* — Чеди-Паш на р. Каа-Хем, *5* — г. Кызыл

спинке концом лезвия (рис. 30, *2*, *5*) [53]. Подобное лезвие отличает и второй кольчатый нож, найденный в урочище Чеди-Паш на правом берегу Каа-Хема (рис. 30, *3*) [54]. Эта особенность вообще присуща ножам VII—VI вв. до н. э.

Особо отметим редкие для Тувы золотые украшения. Это давно найденный «по реке Бом-Кемчик» спиральный браслет из тонкой золотой ленты с подвижными колечками подсоединения на концах (рис. 34, *3*). Он куп-

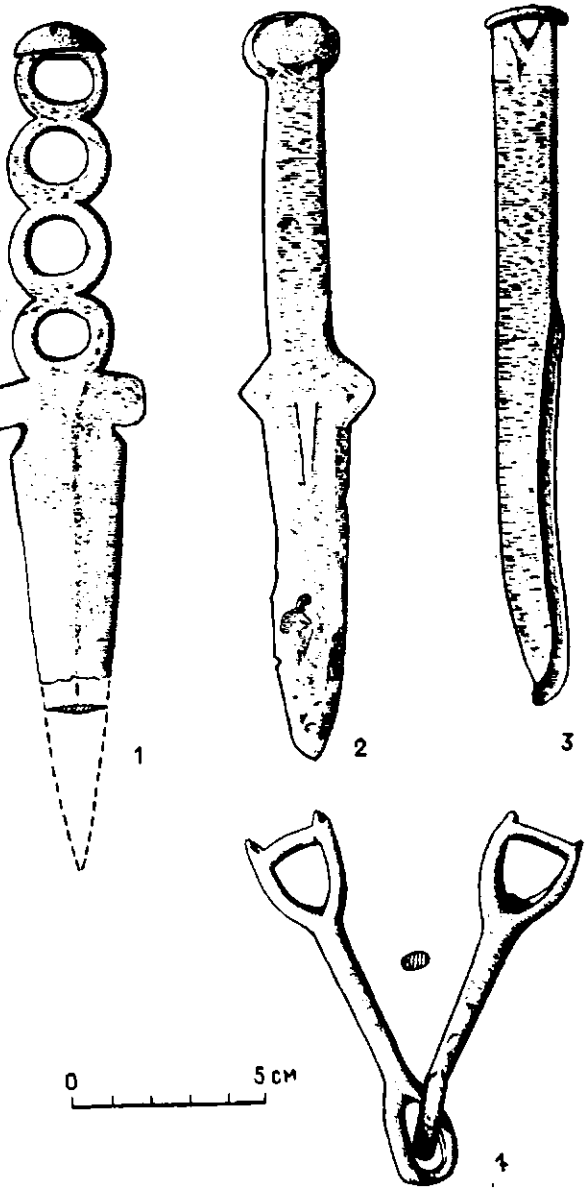

Рис. 31. Раннеуюкские бронзовые предметы:
1 — Тува, *2* — Этыг-Тайга у с. Чадан, *3* — с. Туран, *4* — пос. Чкалова на Уюке

лен у известного собирателя инженера И. А. Лопатина и ныне хранится в Эрмитаже. Форма браслета обычна для аналогичных украшений степных районов Сибири и Восточной Европы [55], но сам предмет, несомненно, изготовлен на месте. На это указывают его простота и оригинальность. Прямые аналогии ему не известны.

[53] Кельт (Кызыльский музей; найден весной 1963 г. в Кызыле на Пролетарской улице. Ср.: Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей.— ТОИПКГЭ, т. 1 Л., 1941, таблица 1, *3* и V) и ножи (Кызыльский музей, кольчатый, № 3561 и однопетельный, № 3564) подвергнуты спектральному анализу (см.: Сунчугашев Я. И. Указ. соч., рис. 31 и приложение III).

[54] См.: Маннай-оол М. Х. Отчет о раскопках экспедиции ТНИИЯЛИ за 1962 г.— Архив ИА АН СССР.

[55] ГЭ, Отдел зарубежного Востока, шифр СК-566. Ср.: Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I.— САИ, вып. Д 3—9. М.—Л., 1962, таблицы 7, *4*, 9, *3*, 11, *3*; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага—Л., 1966, рис. 152, 154.

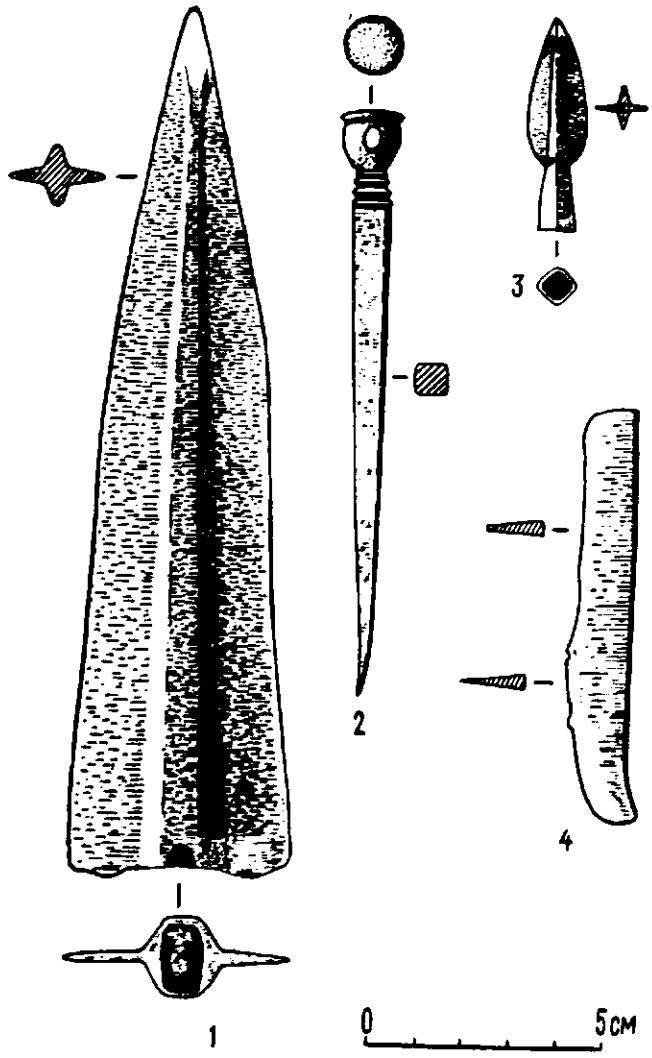

Рис. 32. Бронзовые предметы VII—VI вв. до н. э.:
1 — р. Могой близ с. Уюка, *2—4* — с. Туран

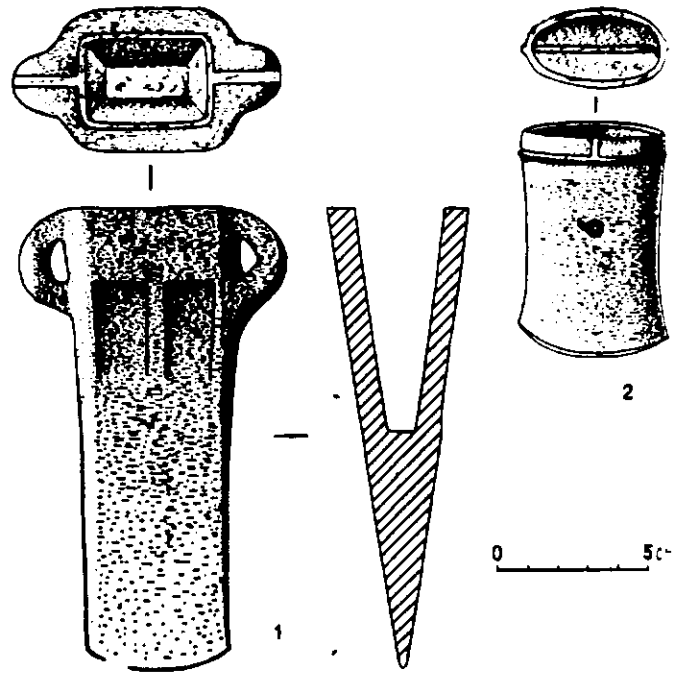

Рис. 33. Раннеуюкские бронзовые кельты:
1 — г. Кызыл, *2* — с. Туран

Золотой трехлопастный кулон (18 г) со сквозным трубчатым отверстием (рис. 34, *1*) найден при промывке золота в июле 1955 г. на золотом прииске Бай-Сют по одноименной реке в Каа-Хемском районе. 16 июля того же года кулон показали мне в облуправлении треста «Тувзолото», и после заключения о его древнем происхождении он передан на хранение в Кызыльский музей [56].

Аналогичные «стреловидные» кулоны известны среди южносибирских древностей. Например, трехлопастный бронзовый (отлитый с дефектами) кулон из с. Лугавского хранится в Минусинском музее (рис. 34, *2*) [57]. Другой кулон, сделанный из двухлопастного бронзового наконечника стрелы, найден в составе ожерелья в могиле VII—VI вв. до н. э. на Верхней Оби, а третий — в Причулымье [58]. Эти находки объясняют, как носили в составе ожерелий подобные кулоны в раннескифское время, а также почему эти кулоны похожи на бронзовые двух- и трехлопастные наконечники стрел по форме.

Уюкский золотой кулон подтверждает ценность подобных украшений, поскольку их отливали не только из бронзы, но и из золота. Он свидетельствует также об эксплуатации золотого прииска на р. Бай-Сют уже в уюкскую эпоху (там и раньше при промывке встречались золотые пронизки, бисер и бусы уюкского времени).

Отметим еще один аспект данной находки. В одной из своих работ Б. Н. Граков, обсуждая фракийские бронзовые стрелки-монеты, обнаруженные и в Скифии, поставил вопрос: не могли ли стрелы «служить скифам первобытной разменной монетой»? В связи с положительным отношением к такому предположению, автор исследовал распространение этого явления за пределами Скифии. Он писал: «Что касается Сибири, то мы пока не

[56] Кызыльский музей, № 2468 (драгоценные металлы, № 186).

[57] Минусинский музей, № 7403. Выбор случаен, так как сплошного обследования музеев не сделано и таких кулонов, видимо, много.

[58] См.: Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.— МИА, № 48. М.—Л., 1956, с. 59, таблица 19, *1*; Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 128, рис. 37, *17*.

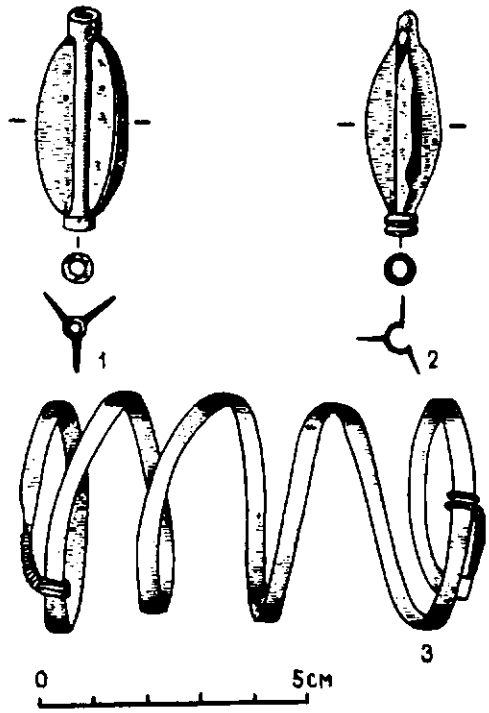

Рис. 34. Раннеуюкские украшения:
1 — золотой кулон с приска Бай-Сют, *2* — бронзовый кулон из с. Лугавского, *3* — золотой браслет из Бом-Хемчика (уменьшен в 2 раза)

можем сказать по поводу нашей догадки ничего определенного»[59].

Мне кажется, что стреловидные кулоны из Южной Сибири и в особенности золотой кулон-«стрелка», бывший, без сомнения, определенным эквивалентом стоимости, подтверждают обоснованное предположение Б. Н. Гракова.

Наконец, следует рассмотреть еще одну группу случайных находок — уюкские котлы «скифского» (точнее — тагарского) типа, отлитые преимущественно из мышьяковистой бронзы[60]. Эти котлы издавна случайно обнаруживали тувинцы. Как древние предметы такие котлы приобретали сакральное значение. Их употребляли в шаманистских и ламаистских мистериях. Об этом сообщают дореволюционные авторы. Фотографию одного из таких котлов (с двумя гладкими ушками и без поддона), найденного в Бай-Тайге и используемого в Барлыкском хурэ в качестве курильницы, опубликовал в 1915 г. С. Р. Минцлов[61]. В 1927 г. обломок бока котла с остатком округлой ручки приобрел в районе дер. Знаменки на Каа-Хеме С. А. Теплоухов[62].

В Кызыльском музее хранятся 6 котлов. Один из них тагарский, вероятно, передан из Минусинского музея. Он аккуратно отлит, у него типичные для тагарских котлов ручки в виде замкнутого круга с одним гвоздевидным отростком сверху (рис. 35, *1*)[63].

Другой котел — также на полом коническом поддоне, отлит значительно хуже, имеет следы ремонта в виде заплат и заново прилитой ручки. Ручки, с гвоздевидными отростками сверху, приварены к краю венчика, подобно казахстанским и скифским котлам (рис. 35, *2*)[64]. Третий котел на поддоне, с остатками округлых ручек на венчике (рис. 35, *3*), найден близ пос. Чаа-Холь. Четвертый котел с округлыми ручками и утраченным поддоном (рис. 35, *4*) также найден у пос. Чаа-Холь[65]. Пятый котел с яйцевидным корпусом и округлыми ручками не имел поддона (рис. 35, *5*)[66], как и котел из Бай-Тайги. Шестой котел, найденный при вспашке поля, раздавлен трактором, оторвавшим и поддон. Этот котел схож с тагарскими по круговым ручкам с тремя гвоздевидными выступами и украшению тулова четырьмя поясами валиков (рис. 35, *6*, *7*)[67].

Не все котлы одновременны и, несомненно, не все они относятся к раннеуюкскому времени. Их хронологические определения — дело будущего. Но обломок котла найден среди шлаков раннеуюкской медеплавильни № 2 в Он-Кажаа[68]. Следовательно, анало-

---

[59] Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Ариапте.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 114.

[60] См.: Сунчугашев Я. И. Указ. соч., приложение III, *8*, *9*.

[61] См.: Минцлов С. Р. Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига, б/г, с. 208—209, 260—261.

[62] ГЭ, ОИПК, № 5130-19.

[63] На бумажной этикетке сохранились старый № 10089 и отметка белилами с затертым номером. Так метили предметы в Минусинском музее. Известно, что Минусинский музей подарил Тувинскому музею небольшую археологическую коллекцию. Ср.: Левашева В. П. и Рыгдылон Э. Р. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее.— КСИИМК, вып. 43. М., 1952.

[64] Найден в Барун-Хемчикском районе, в обрыве берега Барлыка (1954 г.).

[65] Кызыльский музей, № 158 и 275 (по отчету).

[66] № 2079. Найден в 1953 г. в урочище Чушкут в верховьях Час-Адыр вблизи Чаа-Холя.

[67] № 3688 (поступил 23 августа 1960 г.). Котел найден на глубине 30 см в урочище Кара-Хову на пашне колхоза «Вперед» вблизи Чаа-Холя. Ср.: Левашева В. П. и Рыгдылон Э. Р. Указ. соч., рис. 44, *1*.

[68] См.: Сунчугашев Я. И. Указ. соч., с. 79; он же. О выплавке меди в древней Туве.— СА, 1966, № 4, с. 189. Котел другого типа с боковыми ручками найден в могиле V—IV вв. до н. э. (см.: Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., с. 42 и 85).

Рис. 35. Котлы из мышьяковистой меди:
1 — тагарский котел, *2* — р. Барлык, *3, 4* — пос. Чаа-Холь, *5* — Чушкут на р. Час-Адыр близ Чаа-Холя, *6, 7* — Кара-Хову близ Чаа-Холя

гичные котлы употребляли в Туве уже с раннеуюкского этапа.

▼

Памятники горного дела и древней металлургии (рудники, медеплавильни и т. п.), относящиеся к уюкской эпохе, исследовал Я. И. Сунчугашев, использовавший и материалы, добытые нашей экспедицией [69]. Поэтому приводим здесь только не публиковавшиеся данные о наших раскопках в августе 1962 г. древней медеплавильни в отвале шлаков № 4 на р. Он-Кажаа. Это местонахождение отвалов древних медных шлаков в Тандинском районе открыл и обследовал Я. И. Сунчугашев в июне 1962 г.

Древняя медеплавильня находилась на высокой надпойменной террасе правого берега небольшой речки Он-Кажаа (левого пересыхающего притока Элегеста), в 21 км к север-северо-востоку от пос. Хову-Аксы, по старой дороге Хову-Аксы — Он-Кажаа — Карасук — пос. Элегест. Ближайшие древние медные рудники расположены в урочище Узун-Ой в 8 км к северо-востоку от этого местонахождения. Терраса находится с северной стороны горы Бош-Даг, при впадении в Он-Кажаа слева ручьев Чаа-Суг и Чираа-Суг (Аржан).

Я. И. Сунчугашев, детально описавший местонахождение, обнаружил 6 выходов древних медных шлаков, имеющих вид слабо заметных, уплощенных, округлых возвышений, расположенных цепочкой с север-северо-запада на юг-юго-восток. Он дал нумерацию этих шлаковых отвалов, составил план и необходимую документацию [70]. При осмотре местонахождения мы избрали для раскопок отвал № 4, не имевший четко выраженных очертаний. Поверхность в данном месте была ровной, хотя на глаз видна была еле заметная «припухлость». На поверхности кое-где чуть виднелись выходы шлаков, так как дерн здесь тонкий — густая трава на шлаках не растет.

Заложили раскоп 8×12 м (вытянутый с севера на юг) с центральной осью север—юг, с отметками через 2 м. В процессе работы с западной стороны дополнительно был расчищен участок (4×4,7 м), где оказалась плавильная печь (рис. 36, 37). После снятия дерна на поверхности раскопа обозначились неправильные очертания шлакового отвала, который был нами разобран до материка. Шлак залегал тонким слоем до 12—14 см. Под этим слоем, на желтом суглинке, следов прокала не обнаружено. Только в одном месте, в округлой ямке (0,52×0,4 м, глубина 0,25 м), без следов прокаливания, лежали куски шлаков (особенно крупные на дне), древесного угля и 2 кости животного (рис. 36).

Слой мелкого шлака в раскопе всюду довольно равномерен, сходя на нет в северном и южном концах. Много крупных кусков шлака (до 20×15×8 — 6 см), но были и мелкие. В этом слое найдены обломки песчаниковых плиток (из песчаника сложены все окружающие горы), не крупнее 20×20 см. Много разнообразных костей (особенно осколков трубчатых) домашних животных от крупного и мелкого рогатого скота и лошадей (ребра, позвонки, трубчатые, челюсти овцы, копыто жеребенка, рог козы, астрагал коровы, фаланга коня) [71]. Все они необгорелые, но потемневшие под влиянием шлаков.

Среди шлаков также всюду встречались обломки глиняных лепных сосудов с темно-серой поверхностью, подобных которым до наших раскопок в Туве не было известно. Все они плоскодонные. Это преимущественно баночные сосуды: а) с «жемчужинами», выдавленными изнутри, под горловиной; б) с рядом ямок под горловиной. Кроме того, одиночно встречены обломки других, в том числе и кувшинообразных, сосудов: в) баночного с защипным валиком под горловиной и рядом ямок, идущих выше его; г) узкогорлого сосуда с двумя защипными валиками под горловиной; д) узкогорлого сосуда с налепным рассеченным валиком, идущим на стыке шейки и тулова; е) от узкогорлого сосуда, но с высокой прямой шейкой и желтой лощеной поверхностью; ж) от баночного сосуда с налепным рассеченным валиком под горловиной и рядом «жемчужин» ниже его [72]; з) боковина кувшина с рифленой поверхностью.

Подобные находки непроизводственного характера (обломки кухонных сосудов и костей домашних животных) свидетельствуют, что литейщики какое-то время (сезон) жили здесь на месте работ, вероятно, в легких наземных жилищах (типа шалашей), так как культурного слоя поселения или следов зем-

[69] См.: Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве.

[70] См.: Сунчугашев Я. И. Отчет о полевых исследованиях за 1962 г.— Архив ИА АН СССР.

[71] Определение В. И. Цалкина (крупный рогатый скот — 10/1, мелкий рогатый скот — 13/3, лошадь — 14/2).

[72] См.: Сунчугашев Я. И. Горное дело..., рис. 22 и 38.

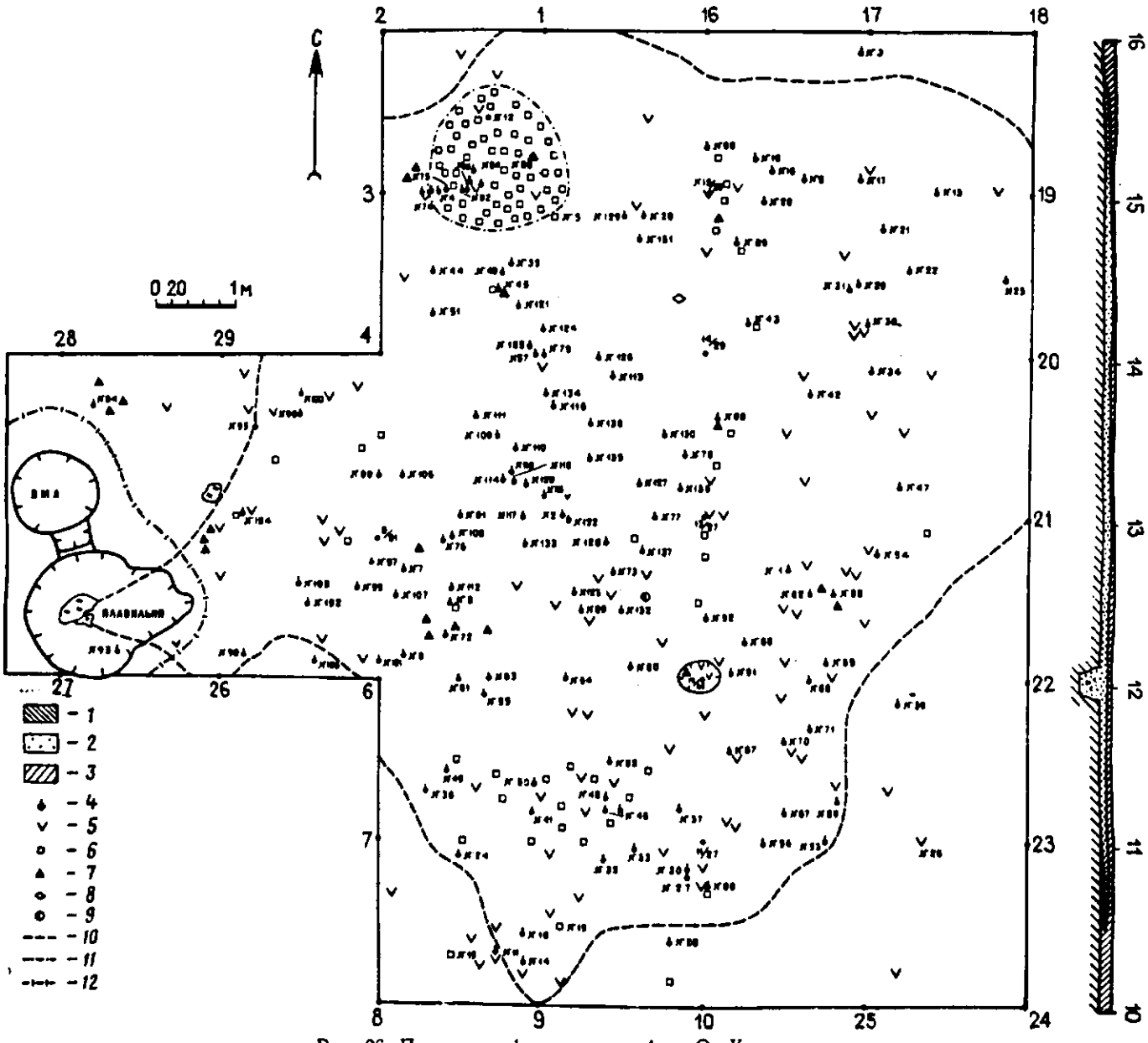

Рис. 36. План и профиль раскопа 4 на Он-Кажаа:

1 — дерновый слой, *2* — слой шлака, *3* — материк, *4* — находки, *5* — кости животных, *6* — обломки обожженной глины, *7* — древесный уголь, *8* — медная руда, *9* — сплав металла, *10* — граница сплошного залегания шлаков, *11* — граница сплошного залегания обломков обожженной глины, *12* — граница нижнего слоя шлаков

лянок не обнаружено (если не считать одной подозрительной впадины на самом юг-юго-восточном краю цепочки шлаковых куч).

Остальные находки носят производственный характер. Это большое количество обломков глиняных толстых плоскодонных тиглей (типа горшков) или других производственных сосудов, иногда с отверстиями в стенках и днище (рис. 38), литейных «шишек» и глиняных литейных форм (для отливки лепестковых украшений со спиралями, пластинчатых ножей и т. п.), сопел-трубок, обожженной глиняной обмазки.

В северо-западном углу раскопа обнаружено сплошное пятно (1,77×1,7 м, толщина до 12 см) обломков обожженной глины (рис. 36), но земля не прокалена. Здесь же оказались обломки сопел, литейных шишек, тиглей, шлака и немного древесного угля.

Кроме того, среди шлаков в раскопе найдены обломки каменных плит-терок, кусок каменной «колотушки», орудия из кости (про-

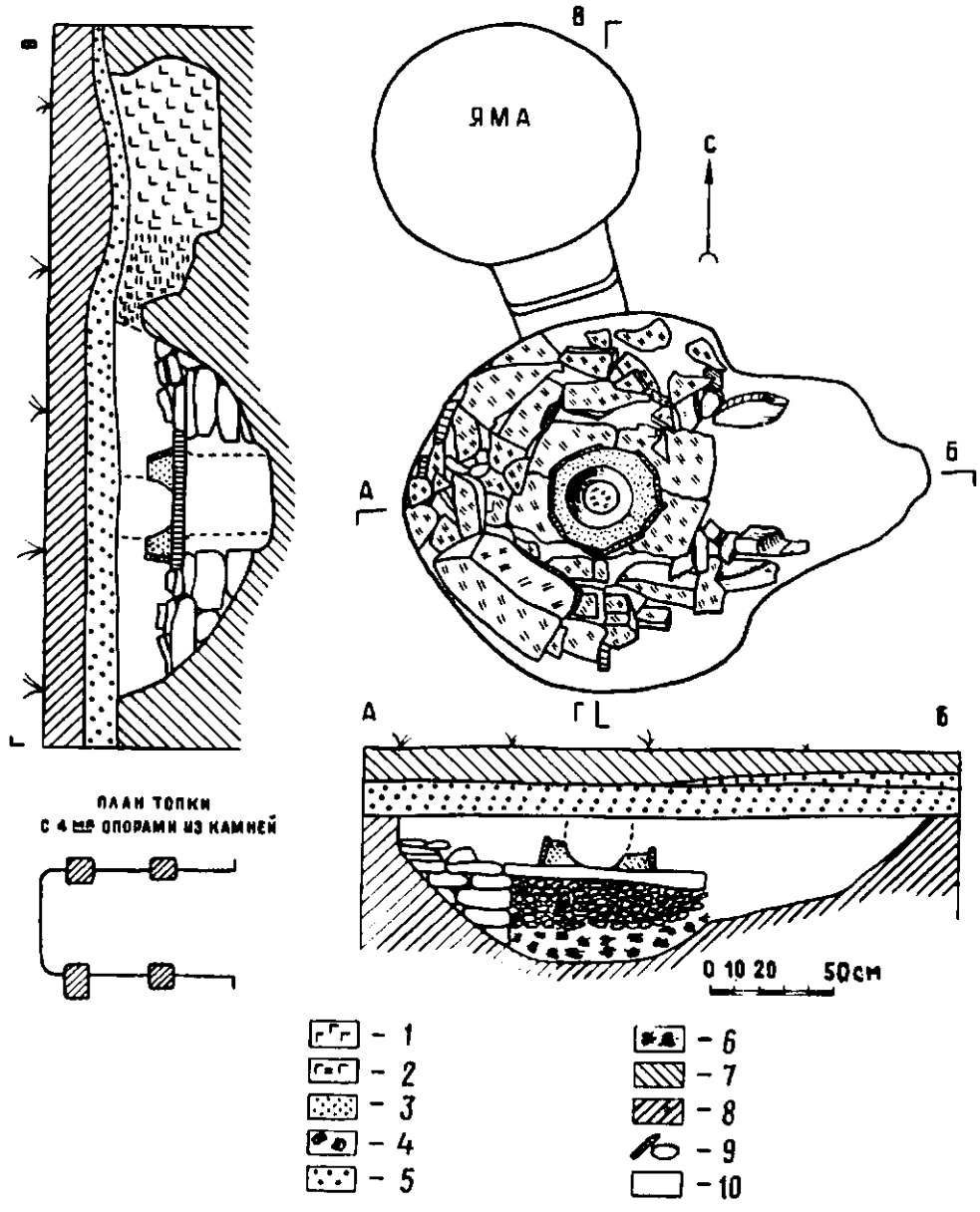

Рис. 37. План и разрез плавильной печи в раскопе 4 на Он-Кажаа:
1 — супесь, *2* — серая земля с золой, *3* — формовочная глина, *4* — древесный уголь, *5* — слой шлака, *6* — слой желтой глины со шлаками, *7* — дерн, *8* — материк, *9* — камни и плиты, *10* — серая земля

колка и 2 «трепала» из ребер), а также сплавы металлов, куски руды, медные сплески, обломки породы со следами медной зелени и т. п.

Так как широкая полоса шлака уходила под западную стенку раскопа, то с этой стороны мы сделали «прирезку», где и обнаружена в яме медеплавильная печь (рис. 37). Печь перекрывал особый слой шлака с измельченным древесным углем; этот слой, в свою очередь, с восточной стороны был перекрыт тем более поздним общим слоем шлака, который фиксируется по всему раскопу (рис. 36, 37) [73]. На верхнем уровне в центре лежали каменные плитки (рис. 36).

Очевидно, слой шлака основного раскопа накопился за счет плавки в глиняных сосудах-тиглях, обломки которых встречены в

[73] Сначала это вызвало предположение, что здесь находилась более ранняя медеплавильня, но в следующем 1963 г. Я. И. Сунчугашев произвел обширные дополнительные раскопки вокруг и других печей не обнаружил. Ср.: Сунчугашев Я. И. Горное дело..., рис. 23, 34, 37, 41, 42.

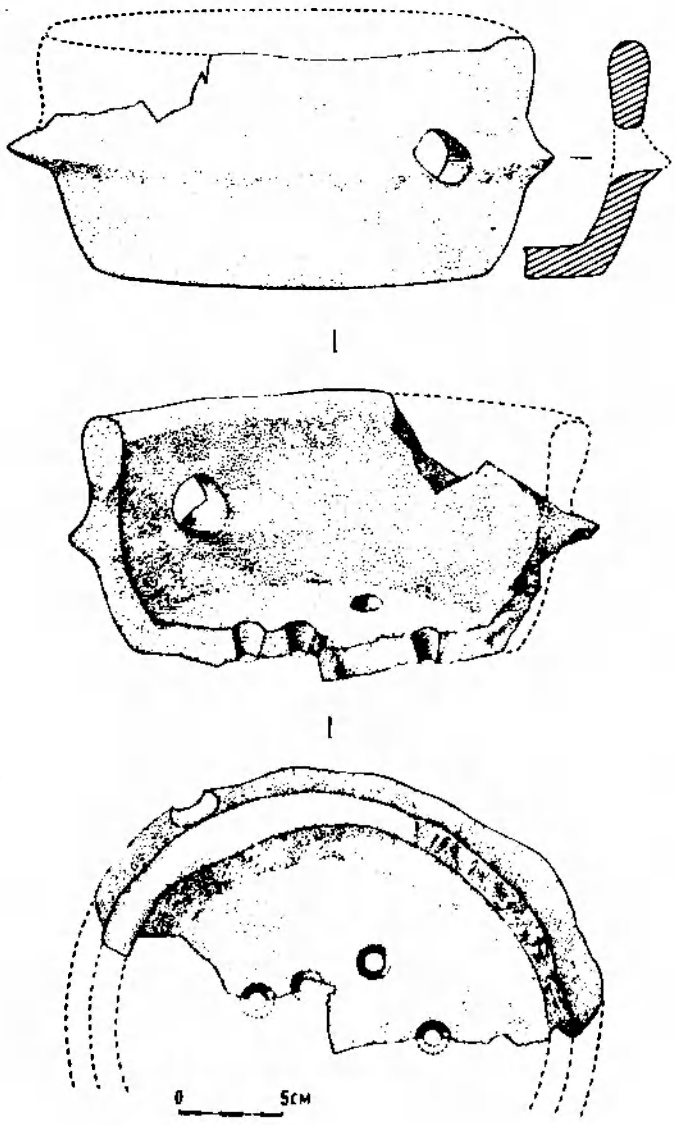

Рис. 38. Часть сосуда для промывания толченой руды из раскопа 4

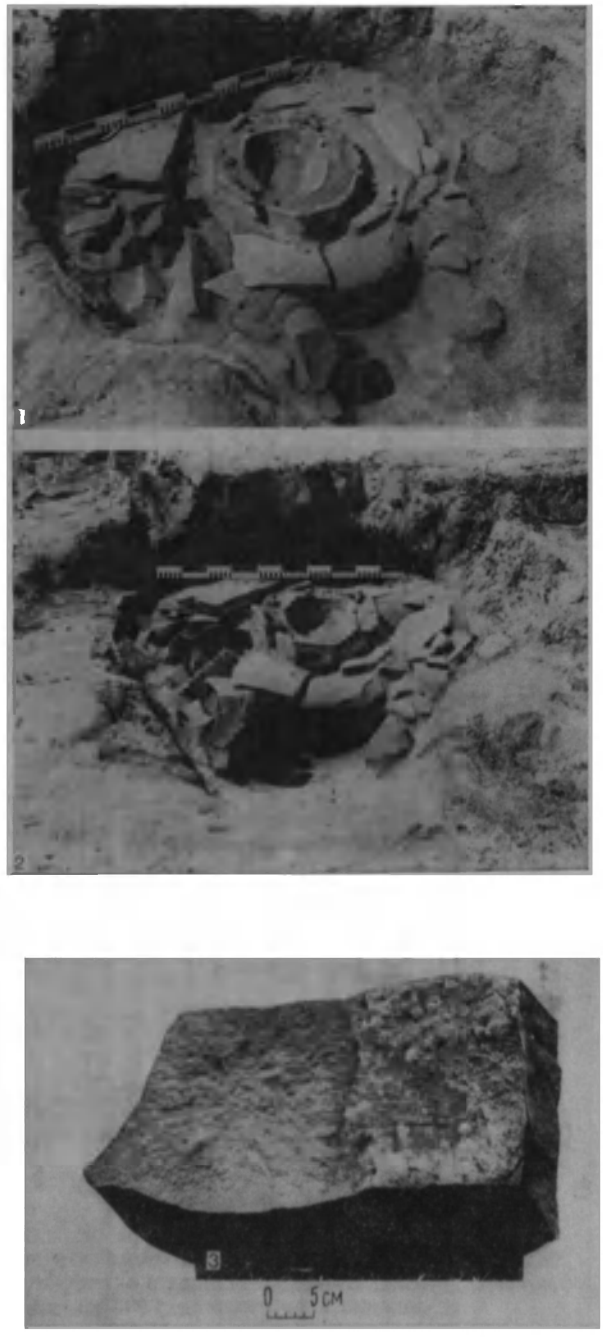

Рис. 39. Плавильная печь (*1, 2*) и плита для дробления руды (*3*) (раскоп 4 на Он-Кажаа)

большом количестве вместе с кусочками обожженной глины и древесного угля. Эти тигли могли быть установлены в северо-западном углу раскопа, где обнаружено сплошное залегание обожженной глины.

Сначала для медеплавильни была вырыта грушевидная в плане яма (2,13×1,56 м), вытянутая с запада на восток. Восточный конец ее сужен до 0,8—0,6—0,2 м, а западный — похож на чашу с пологими стенками и округлым дном (рис. 37). Наибольшая глубина ямы 0,6 м от уровня древнего горизонта (рис. 39, *1, 2*).

Затем строители сложили в яме из речных валунов и плит крепких горных пород (откуда-то привезенных) печь с тремя каменными стенками. С восточной стороны, по грушевидному отростку ямы, проходил вход в прямоугольную «топку» — камеру (0,78×0,44 м, высота 0,35 м) (рис. 37). Трубы не было, и дым, очевидно, выходил через загрузочное отверстие камеры. Стенки печки сложены (вероятно, на глиняном растворе) в 3 слоя камней и сверху перекрыты плитками. Внутри ка-

меры по стенкам стояли 4 столба из четырехгранных валунов (11—10×9 или 15×10 см в поперечнике), вбитых в землю на глубину до 10 см. На эти столбы (в целом высотой до 0,45 м) опиралась центральная плита (0,76×0,5 м, толщина 6—8 см), перекрывавшая камеру топки сверху. Плита лопнула от жара на 4 части (рис. 37, 39).

В камере топки после снятия центральной плиты обнаружен слой древесного угля (толщиной до 20 см), поверх которого лежали обугленные головни длиной 20—40 см и толщиной 6—8 см. Ниже находился слой рыхлой желтой глины (толщиной до 14 см), где найдены оплавившиеся куски медных шлаков со значительным содержанием меди (8—9%, как показал позднее анализ) [74].

Сверху на центральной плите расчищено следующее сооружение: 9 каменных плиток (первоначально их было 10) установлены по кругу диаметром 45 см. Высота плиток 10 см. Внутри круга находилась «чаша» из кольца серой, мелкой, спекшейся, но легко рассыпающейся в руках, «формовочной» глины. «Чаша» (диаметр 26 см) имела углубление в 10 см до центральной плиты. Она представляла собой ничто иное, как отпечаток низа плоскодонного глиняного тигля, который был вынут из этого «гнезда» после последней плавки (рис. 39, *1, 2*).

Возможно, здесь находилась комбинированная плавильня, где первоначально использовали нижнюю печь для получения из руды «черной» меди, которую затем переплавляли в верхнем тигле-горне. Вряд ли топка служила только для подогревания тигля снизу (что, конечно, происходило при второй части операции), тем более, что в ней обнаружено достаточное количество шлаков.

Судя по отпечатку, диаметр тигля-горна около 30 см (в средней части тулова), а высота около 30 см. Возможно, конечно, и другое объяснение выявленного «агрегата».

С северной стороны медеплавильни расположена вторая округлая яма диаметром около 1 м (1,07×0,99 м) и глубиной 0,47 м. Сверху яма имела подход к медеплавильне в виде двух уступов. Ширина прохода, сужающегося к плавильне, — 0,5—0,4 м, длина — 0,3 м (рис. 37). Проход заполнен серой землей вперемешку с золой. Вероятно, из этой ямы в свое время были подведены меха с соплами к тиглю-горну, стоявшему в верхней «чаше». В яме находок не оказалось.

При обследовании окружающей местности в 74 м к север-северо-западу от объекта № 4 на плато была осмотрена песчаниковая плита (0,52×0,3×0,1 м) с явно выработанным углублением, вероятно, от дробления на ней руды (рис. 39,*3*). Кроме того, в нашу коллекцию поступила каменная колотушка из порфирита с четко выделенной рукоятью, найденная Я. И. Сунчугашевым (он участвовал в раскопках объекта № 4) в 250 м к востоку от раскопа № 4 на глубине 0,2 м в отвале древних шлаков № 1.

Полученные нами материалы при раскопке отвала № 4 в Он-Кажаа использованы Я. И. Сунчугашевым. Следует согласиться с его датировкой (ранний этап уюкской культуры VII—VI вв. до н. э.) медеплавилен (со шлаковыми отвалами), исследованными на Он-Кажаа и Западном участке в Хову-Аксы. При описании керамики этих местонахождений Я. И. Сунчугашев правильно указал формы сосудов, сближающиеся с посудой позднебронзового периода, и сосуды уже уюкского облика. Преимущественное большинство при этом составляют обломки баночных сосудов с поясками из бугорков (с «жемчужником») под горловиной, с валиками или пояском из ямок под венчиком [75].

Обломки именно таких двух сосудов (с валиком под горлом и с пояском из ямок) оказались в раннеуюкской цисте № 15 могильника Шанчыг, а остатки рифленого сосуда были в цисте № 16.

Что касается баночных сосудов с поясками из бугорков, выдавленных изнутри, то такая посуда еще не встречена в могилах. Но она в свое время была распространена в Туве. Об этом свидетельствуют обломки аналогичных сосудов, поднятых нами на развеянных стоянках у горы Хайыракан и в урочище Шолу (около 60 км к северо-западу и столько же к северо-востоку от Он-Кажаа). В целом эта посуда очень похожа на раннетагарскую. Еще в 1958 г. мной указывалось, что «особенно сильно было влияние тагарского очага бронзовой металлургии и тагарской культуры в целом». Хотя проблема уюкско-тагарских связей еще не затрагивалась, однако и случайные находки, и описанная выше посуда, а также другие источники делают необходимой ее постановку [76].

[74] См.: Сунчугашев Я. И. О выплавке меди в древней Туве, с. 190.

[75] См.: Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве, с. 41, 42, 77, 88, 89; рис. 22, 38, 41.

[76] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 84, 86, 87. Ср. фото предметов, собранных С. Р. Минцловым в 1914 г. (См.: Минцлов С. Р. Указ. соч., с. 208—209) и Дэвлет М. А. Археологические исследования в Тодже в 1971—1972 гг.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 16, с. 215.

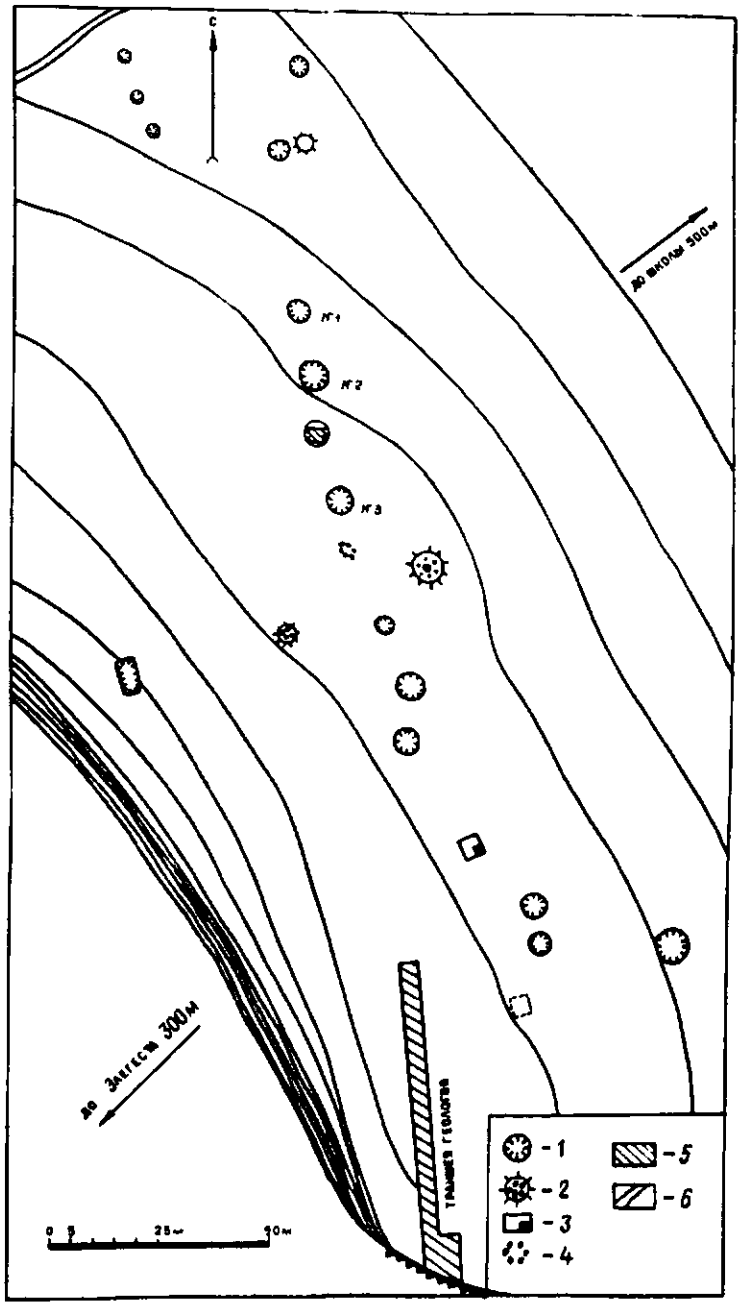

Рис. 40. План юго-западного могильника в пос. Хову-Аксы: *1* — ямы, *2* — каменные курганы, *3* — дом, *4* — каменный круг, *5* — траншея геологов, *6* — дорога

Следует подчеркнуть, что уюкские типы посуды (кувшины, горшки, баночные) с характерным валиком под венчиком и рифлением боковой поверхности обнаружены в раннеуюкских металлургических комплексах и погребениях в цистах, относящихся к VII—VI вв. до н. э.

ПОЗДНИЕ УЮКСКИЕ ПАМЯТНИКИ V—III вв. до н. э.

В. 1962 г. мы обследовали древние рудники на участках «Южный», «Промежуточный» и «Средний» на горе Кара-Хая близ пос. Хову-Аксы. Они детально описаны Я. И. Сунчугашевым в полевых отчетах за 1959—1962 гг., в его статьях и в книге.

Близ горы Кара-Хая с древними рудниками, у старого пос. Хову-Аксы (по-русски «Огневка»), расположено несколько древних могильников. Наиболее ранние относятся к уюкской культуре, и, очевидно, к эпохе бронзы. Ясно, что здесь на левом берегу Элегеста, где стоит пос. Хову-Аксы, были поселения и кладбище тех рудокопов эпохи бронзы и уюкского времени, которые добывали медную руду на горе Кара-Хая, расположенной в 2,5—3 км к северу от пос. Хову-Аксы.

Поэтому мы решили раскопать несколько могил на юго-западном могильнике Хову-Аксы, который расположен на запад-юго-западной оконечности поселка, на вершине плоской горы, обрывающейся крутой террасой левого берега Элегеста. К север-северо-западу это плато подходит к безымянной островерхой сопке (высота до 250 м), а к северо-востоку оно граничит с Горной улицей поселка. Здесь расположено 15 округлых ям со слабо заметными «отвалами» земли вокруг. Они вытянуты цепочкой с северо-запада на юго-восток. Рядом с ними еще 3 каменных кургана, раскопанных грабителями, и овальное «кольцо» из 6 камней (рис. 40).

Мы раскопали 3 «ямы», которые оказались ограбленными уюкскими курганами V—IV вв. до н. э., первоначально имевшими земляные насыпи. Остатки пол этих насыпей — отмеченные выше «отвалы» вокруг ям. Насыпи полностью опустились в погребальные ямы. Следовательно, эти курганы — наиболее южные из известных нам уюкских земляных курганов. Они расположены непосредственно у самого подножия хребта Танну-Ола, стоящего «стеной» всего в 5 км к югу от пос. Хову-Аксы за рекой.

Могила № 1 — внешне овал (6×7 м), вытянутый с запада на восток, окруженный слабо видными остатками земляной насыпи (диаметр 9×9,8 м; см. рис. 41). В засып-

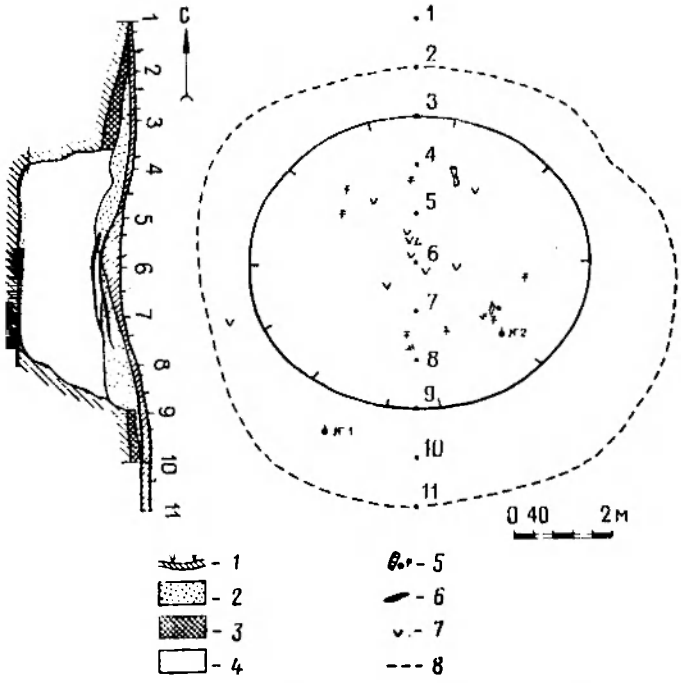

Рис. 41. План и профиль могилы 1 в Хову-Аксы:
1 — дерн, *2* — серый лёсс с гравием, *3* — погребенный дерн, *4* — перемешанное заполнение, *5* — дерево, *6* — угольный слой, *7* — кости животных, *8* — граница старого кургана

ке ямы на разных уровнях разбросаны кости домашних животных (в том числе челюсть лошади), обломки дерева, угольки. Засыпка в основном состояла из перемешанной земли, поверх которой залегал слой серого лёсса с горным гравием вперемешку, из которого состояла первоначально насыпь (рис. 41). В центре, под дерном и слоем лёсса (на глубине 0,5—0,6 м), один над другим залегали кострища (слой древесного угля); а ниже (глубина 1,24 м от 0) лежало около 10 обломков скалы, еще ниже (глубина 1,62 м от 0) найдена нижняя челюсть собаки, а с глубины 1,7 м обнаружены разбросанные кости человека и домашних животных. В целом в яме № 1 находились кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки и косули.

Погребение ограблено. Черепа и кости трех взрослых и одного подростка лежали в перемешанном состоянии у запад-юго-западной стенки сруба. Яма первоначально была квадратной (4,25×4,25 м, глубина 2,16 м от 0) со скругленными углами. Стенки ее ориентированы на север-северо-запад, восток-восток-север, юг-юго-восток и запад-запад-юг (рис. 41, 42, *1*).

Внизу яма сужена до 3,45×3,45 м. На дне ее стоял деревянный сруб или, точнее, полусгнившие его остатки. Он срублен из бревен (диаметром около 20 см) в 3 венца, но систему их перевязки в углах установить не удалось, так как они сгнили и древесина спрессовалась. Сруб (примерно 2,6×2,6 м, высота около 60 см) также ориентирован по странам света стенками, как и яма (рис. 43, *1*).

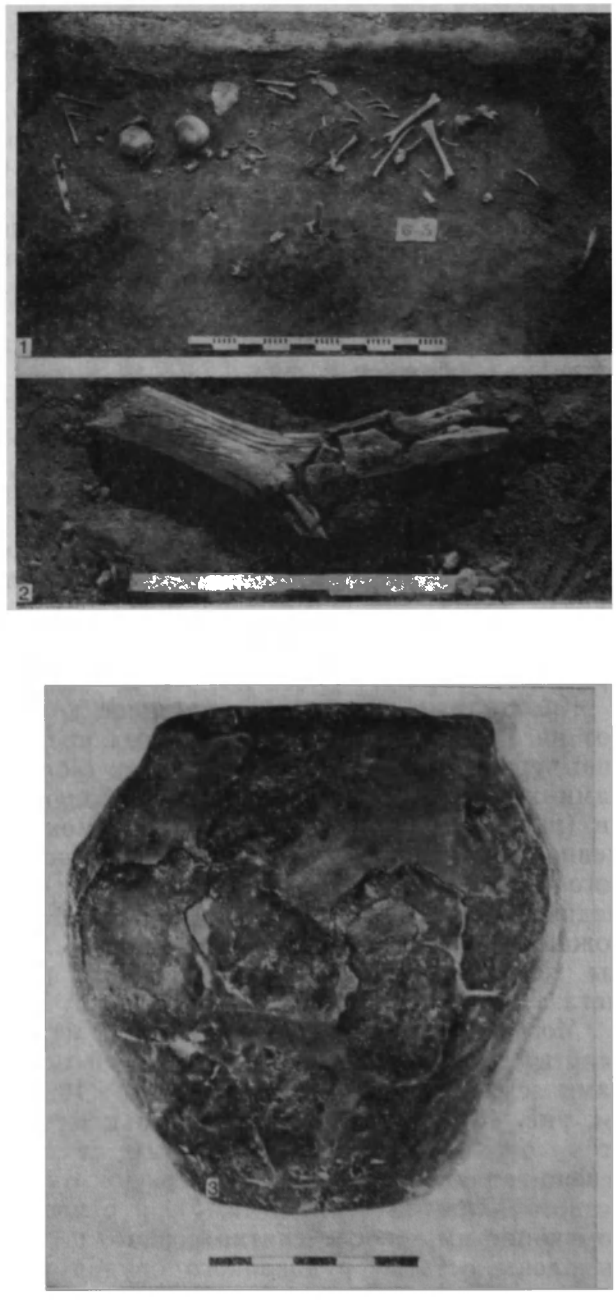

Рис. 42. Могильник в Хову-Аксы:
1 — погребение в могиле 1 (с востока), *2* — остатки кирки из рога марала в яме 2, *3* — сосуд из могилы 1

Судя по остаткам, крыша состояла из плах или бревен, расколотых повдоль пополам (однорезин); она застелена с север-северо-запада на юг-юго-восток. Пол сруба лежал на двух лагах (бревнах), положенных в длину с север-северо-запада на юг-юго-восток (ширина их 20—23 см) в 1,2 м друг от друга (рис. 43, *2*). Пол из плах (ширина 20—25 см; сохранились 2 плахи) лежал в длину с восток-восток-севера на запад-запад-юг.

Здесь же, в перемешанном состоянии, находились обломки 5 сосудов; 3 из них — узкогорлые кувшинообразные с высокими шейками (рис. 44, *1, 2*). У одного есть слив и рассеченные валики под горловиной и внизу шейки; второй — гладкий, третий (с шаровидным туловом) — расписной (красные и коричневые узоры, в виде входящих друг в друга углов). Такие кувшины с росписью в уюкских курганах встречены впервые (рис. 45, *1*) [77]. Есть малые сосуды: сферический округлодонный и бочковидный без шейки (рис. 45, *2*, 42, *3*).

Кроме того, обнаружены костяное кольцо (от посоха?) и фрагменты железных предметов: черешковый кинжал в обломках с остатками кожаных ножен, 2 конические пронизки (рис. 46). Здесь же оказался обломок каменного песта (со следами работы) точно такого же по форме, как и песты из древних медных рудников Хову-Аксы (рис. 47, *1*). На кожаных ножнах кинжала сохранились следы малахитовой окраски от медного предмета.

Могила № 2 — внешне овал (8×7,2 м), вытянутый с севера на юг, окруженный остатками земляной насыпи (диаметр 12×10,9 м; см. рис. 48). Она находится в 7 м к юго-востоку от ямы № 1. Под дерновым слоем, в северо-западной поле, найден черешок от железного кинжала (? рис. 46, *5*), а в восточном конце ямы, после снятия первого штыка, выявлены остатки рудокопного орудия типа кирки, сделанной из толстого ствола рога марала (длина 0,42 и толщина 0,1 м; см. рис. 42, *2*). Подобные орудия найдены на древних рудниках Хову-Аксы [78].

Засыпка ямы состояла из перемешанной земли, на которую сверху попали куски погребенного дерна. Насыпь была первоначально покрыта слоем серого лёсса с гравием и мелкой галькой. В засыпке встречались косточки домашних животных (в том числе челюсти овцы), кусочки дерева и угольки. На глубине 0,6 м от 0 обнаружен завал из камней (камни 0,65×0,3×0,1 и 0,4×0,25×0,1 м), а под ними лежали косточки скелета младенца (1—2 лет) и раковина каури (рис. 53, *3*) — впускное детское погребение. Обломки скалы сложены в форме каменного «ящика», где лежал детский скелетик без черепа, скорченно на левом боку, головой на северо-запад (рис. 48). Обломки детского черепа обнаружены в засыпке восточной части ямы.

Под впускным погребением расчищено овальное кострище (2,4×1,8 м) в виде угольной линзы (глубина 1 м от 0; см. рис. 48). Ниже обнаружено несколько костей от скелета взрослого (лопатка, ключица, два ребра, нижняя челюсть и левая плечевая), а под ними находилось второе кострище (2,3×1,8 м) на глубине 1,6 м от 0 (см. рис. 49, *1*).

Здесь же (на глубине 1,4 м) заметны остатки наката крыши сруба, которая осела и четко выявилась на глубине 2,13—2,3 м от 0) (рис. 43, *3* слева). Накат состоял из двух рядов круглых бревен, лежащих с севера на юг. Между рядами бревен видна прослойка из бересты. Юго-западный угол наката и сруба слегка обожжены. Вообще на поверхности наката много обожженных кусочков дерева и угольков. Яма четырехугольная (4,4×4,4 м по верху и 4×4 м у дна), но со скругленными углами и вогнутыми сторонами (рис. 43, *3*). Стороны ее ориентированы строго по странам света. Глубина ямы (истинная) 3,08 м от 0. Размеры сруба 3,7×3,7 м снаружи и 3,2×3,2 м внутри. Высота его стенок около 0,7 м. Сруб состоял из трех венцов лиственничных бревен (диаметр 0,18—0,25 м), сильно сгнил, но в углах его прослежена отчетливо рубка в обло.

В центре, на полу, сохранились кости голеней и фаланги пальцев ног человека, по положению которых можно заключить, что останки взрослого первоначально уложили скорченно на правом боку, головой на северо-запад (рис. 43, *3* справа). На этих костях лежал «бронзовый» вток (рис. 50, *3*). Вдоль южной стенки сруба в дерево вбиты «бронзовые» гвозди с остатками войлока (рис. 51, *2*); очевидно, здесь висел войлочный ковер. В юго-западном углу обнаружено «бронзовое» дисковое зеркало с петлей (рис. 51, *1*). Затем найдены целый каменный пест с выработанной рукояткой (рис. 47, *2*) и обломки красноглиняных сосудов: узкогорлый кувшин, украшенный рассеченными валиками под

---

[77] Ближайшие расписные сосуды известны в Семиречье (см.: Абетеков А. К. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу. — КСИА, вып. 107).

[78] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 73—74 (ГЭ, коллекция 1660-19, 20, 21, 27, 28, 44).

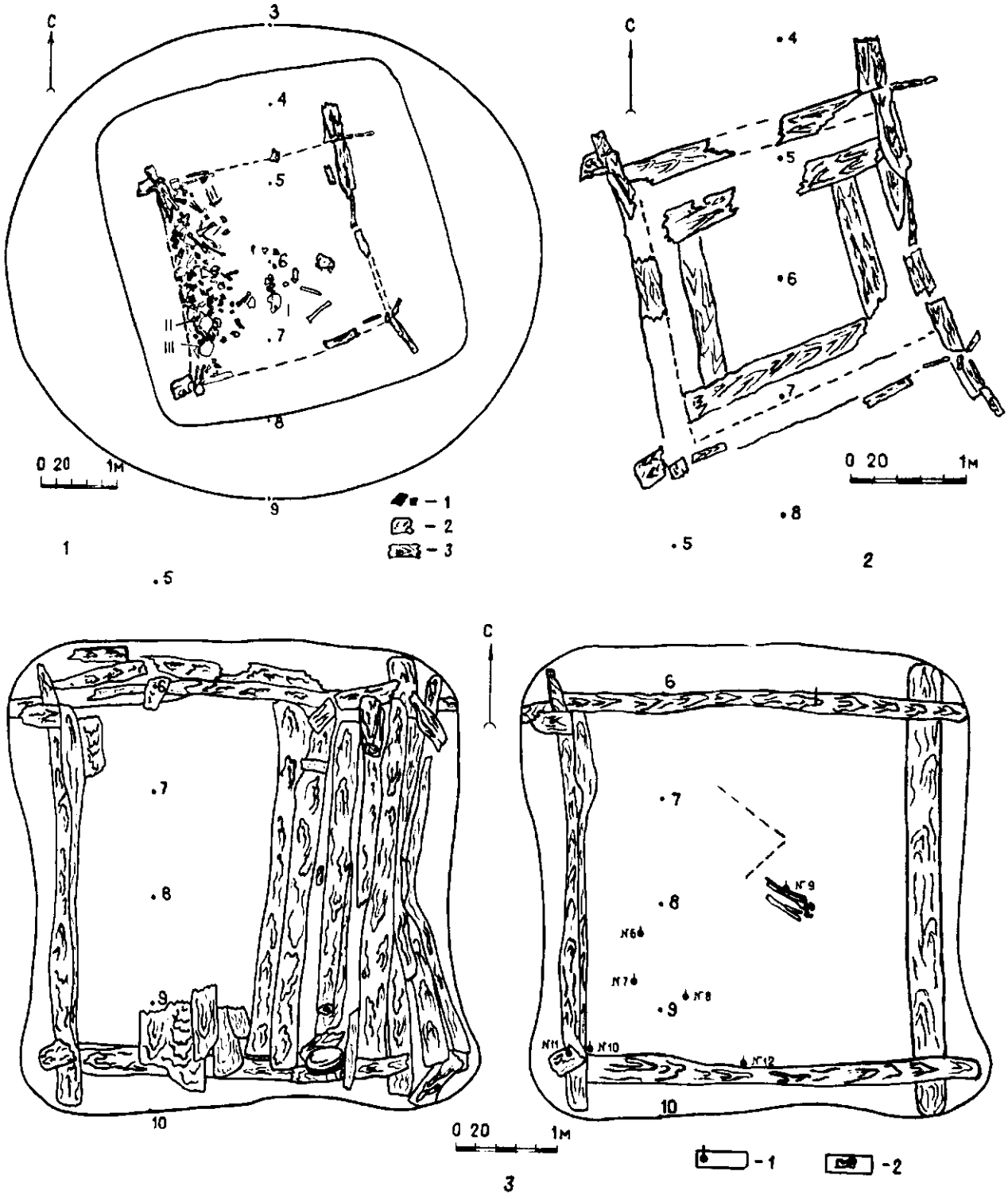

Рис. 43. Планы ям и устройство срубов в Хову-Аксы:
1 — погребение в яме 1 (*1* — обломки сосудов, *2* — плитки, *3* — дерево), *2* — низ сруба в могиле 1, *3* — планы наката и сруба в могиле 2 (*1* — находки, *2* — дерево)

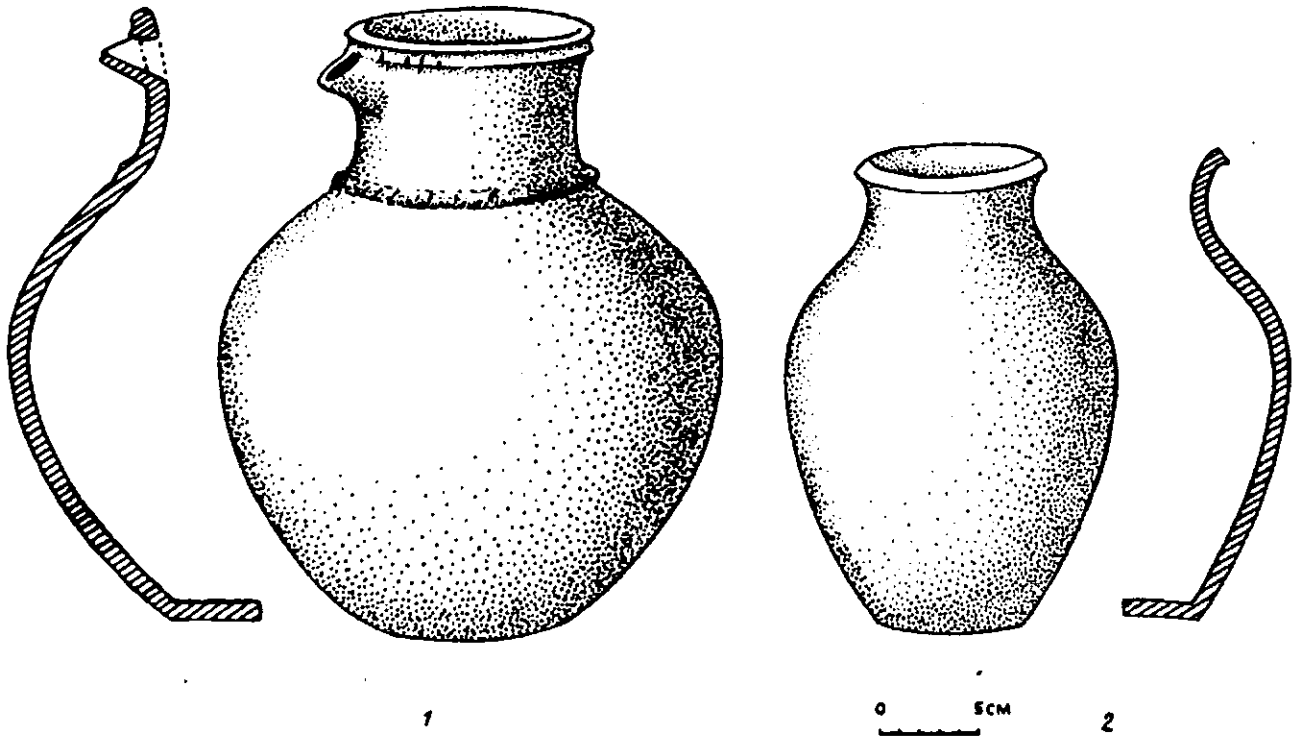

Рис. 44. Кувшины из сруба 1

венчиком и вокруг шейки, а также сферический сосуд со следами росписи черной краской (рис. 49, *3, 4*).

Судя по находкам, в срубе находилось парное захоронение мужчины и женщины. От мужчины сохранились остатки ног, а женщина лежала, видимо, в юго-западном углу, где найдено зеркало и обломки сосудов. Из костей домашних животных в этом кургане обнаружены лишь кости мелкого рогатого скота.

Могила № 3 находилась в середине ряда «ям», в 8 м к юго-востоку от могилы, раскопанной Я. И. Сунчугашевым в 1961 г. (рис. 40). Диаметр ямы 6,54 м, глубина 0,54 м от окружающего уровня почвы, не считая остатков пол насыпи кургана (диаметр 11,2×10 м); насыпь вытянута с запада на восток (рис. 52).

Под дерном залегает верхний слой бывшей насыпи, состоящей из древнего выброса материкового грунта со щебнем, остатки древесного угля, косточки, несколько больших камней и остатки деревянного столба. В центре, в засыпке (на глубине от 0,3 до 0,7 м от 0), расчищено кострище (1,7×1,7 м) в виде двух прогнутых слоев (рис. 52) древесного угля и золы. В нем найдены: обломок черепа, зуб и кости лошади. Это — остатки тризны.

Ниже в засыпке ямы встречены обугленное дерево, кости домашних животных, камни. На глубине 1,3 м обгорелое дерево и угли были в большом изобилии, очевидно, это — остатки наката сруба (рис. 52). Основное заполнение ямы — светлый суглинок с большим содержанием мелкого щебня и галек. Грунт — чистый белый песок.

Яма была четырехугольной, со скругленными углами. Ее размеры по верху 4,5×4,5 м, а на дне (глубина 3,25 м от 0 и 3,65 м истинная от кола № 6) — 3,8×4,1 м. Яма ориентирована стенками по странам света. На дне ее сохранились остатки прямоугольного сруба (4×3,7 м), вытянутого с запада на восток. С южной стороны сохранились 3 венца бревен (толщина 25—30 см) на высоту 0,8 м. Поверх сруба 2 толстых (диаметр 30 см) бревна-переводины (в 0,7 м друг от друга) несли крышу из досок; от крыши сохранились лишь мелкие остатки. Доски уложены с севера на юг. Пол сохранился плохо. Он, кажется, был дощатым и постелен с запада на восток.

Под северо-восточный угол сруба подложен плоский камень для устойчивости всей конструкции при ее сооружении.

Кости захоронения раскиданы при ограблении могилы и измельчены так, что число погребенных установить невозможно. По вещам захоронение было парным — мужчина с

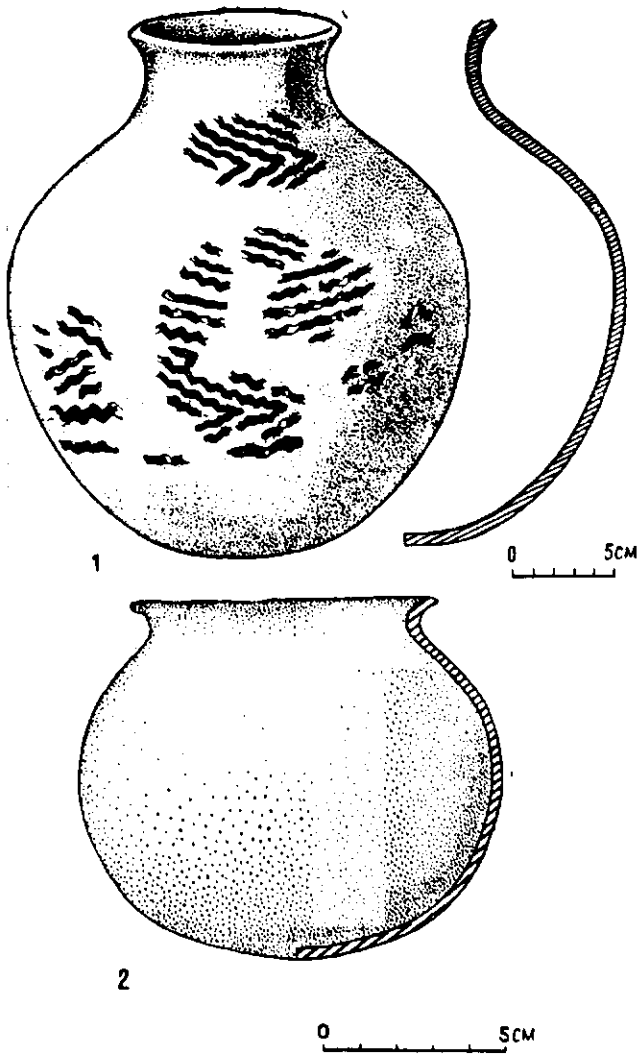

Рис. 45. Сосуды из сруба 1

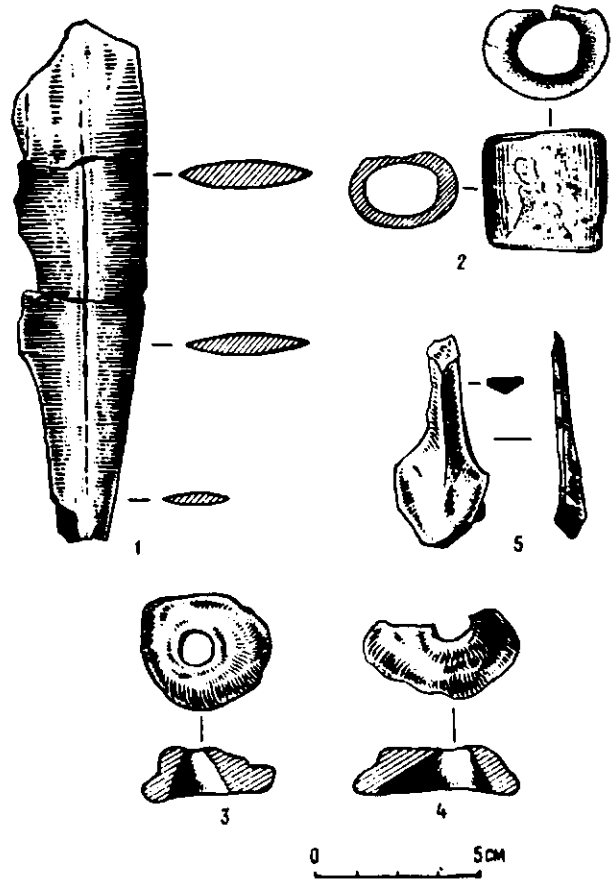

Рис. 46. Предметы из могил 1 (*1—4*) и 2(*5*).
1, 3—5 — железо, *2* — кость

женщиной. Здесь сохранились вток (рис. 50, *2*) и 6 наконечников стрел из «бронзы» (трехлопастный и трехгранно-трехлопастные черешковые), с остатками сухожильной обмотки в местах соединения с древками (рис. 50, *1*), обломок каменного песта (рис. 47, *3*), серебряная серьга из проволоки (рис. 53, *4*), фрагменты кожаного прошитого предмета, пластинки от серебряного листа, зеленая бисеринка (рис. 53, *1*) и 3 четырехлепестковые нашивные бляшки из листового золота с выдавленной розеткой из выпуклостей посредине (рис. 53, *2*). В яме лежали кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади.

▼

Несмотря на разграбленность могил, раскопки остатков земляных курганов в пос. Хову-Аксы показали, что земляные курганы уюкской культуры Тувы были распространены по всей котловине от Саянских гор до хребта Танну-Ола. Но самое главное, в V—IV вв. до н. э. добычей меди в рудниках района Хову-Аксы занималась какая-то часть уюкских племен Тувы. Это подтверждают найденные в могилах орудия рудокопов (остатки орудий из рогов марала и каменные песты), которые не встречены в земляных курганах других районов Тувы. Они показывают, что горное дело и металлургия занимали видное место в деятельности местных уюкцев.

До раскопок в юго-западном могильнике Хову-Аксы не было связующих данных для памятников древнего горного дела и металлургии с погребальными комплексами уюкского времени.

Очевидно, люди, оставившие свой могильник близ древних рудников, здесь же отливали бронзовые предметы. Они употребляли и другие металлы (железо, серебро и золото). Спектральный анализ 11 предметов (гво-

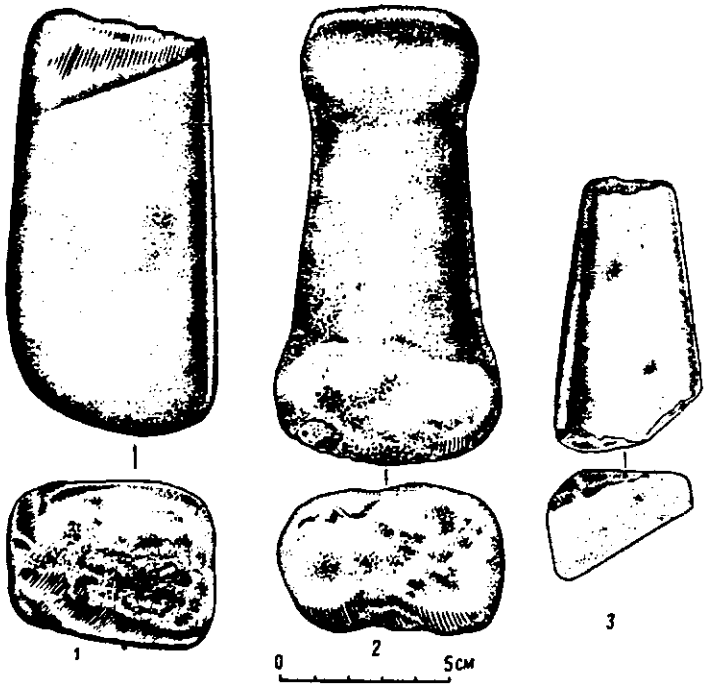
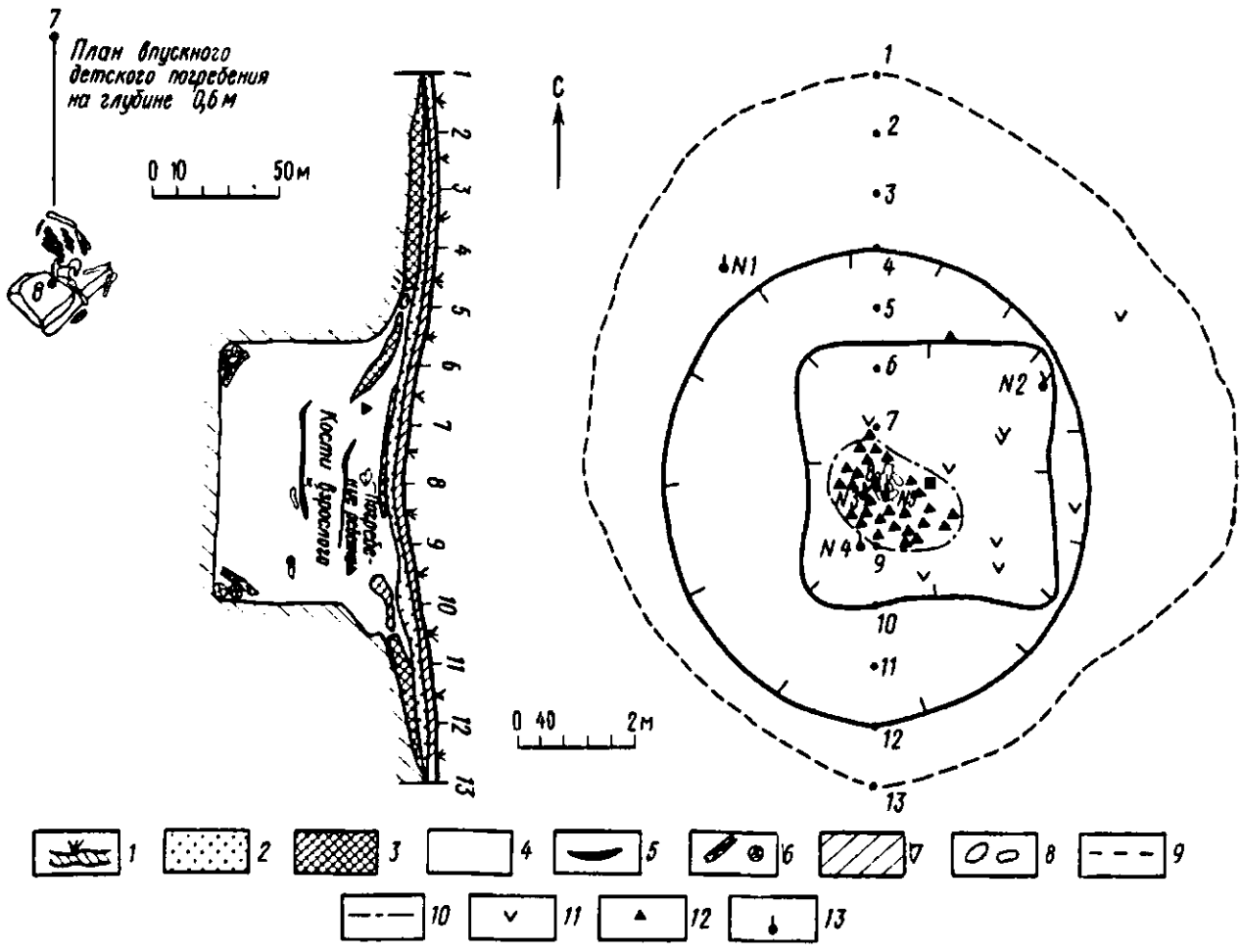

Рис. 47. Каменные песты из могил Хову-Аксы:
1 — из могилы 1, *2* — из могилы 2, *3* — из могилы 3

Рис. 48. План и профиль ямы 2 могильника Хову-Аксы:
1 — дерн, *2* — серый лесс с правием (щебнем), *3* — погребенный дерн, *4* — перемешанное заполнение ямы, *5* — угольный слой, *6* — дерево, *7* — материк, *8* — камни, *9* — граница старого кургана, *10* — граница кострища (глубина 1 м), *11* — кости животных, *12* — древесные угли, *13* — место находки

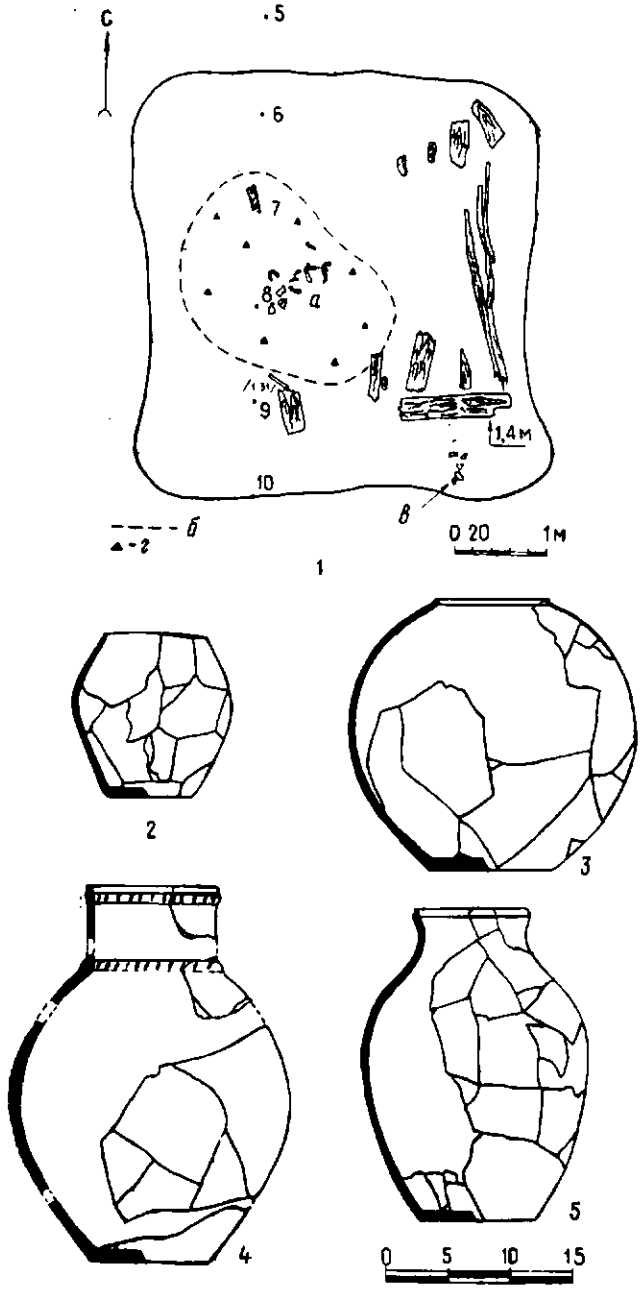

Рис. 49. Могильник в Хову-Аксы:
1 — один из планов могилы 2 (на глубине 1,3—1,6 м от репера 8), *а* — кости скелета, *б* — граница погребения, *в* — плиты, *г* — угольки; *2, 5* — сосуды из могилы 1; *3, 4* — сосуды из могилы 2

зди, зеркало, втоки, наконечники стрел) выявил, что все они отлиты из сплава мышьяковистой меди (мышьяк от 1,2 до 3) с ощутимой примесью никеля (от 0,18 до 1) и других элементов в очень малых дозах. Серьга из могилы № 3 отлита из низкопробного серебра с примесью меди, а также олова и марганца [79]. Результаты анализа доказывают местное производство металлов, ибо руды в Хову-Аксы имеют те же самые микропримеси. Например, медные руды с большим содержанием никеля находятся на Северном участке хову-аксинского рудного поля. Эти медно-никелевые руды с добавлением мышьяка создавали тот самый сплав, из которого отлиты «бронзовые» предметы, найденные нами в земляных курганах Хову-Аксы. Очевидно, древние медные рудники этого района, возникнув в позднем бронзовом веке, продолжали действовать и на втором этапе уюкской эпохи, когда уже широко употреблялось железо.

По останкам людей из могилы № 1 выяснилось, что рудокопы в физическом отношении были также неоднородны, как и все население уюкской культуры Тувы. Здесь оказались умеренно долихокранные европеоидные черепа взрослого мужчины (30—40 лет) и юной девушки (около 14 лет), а также мезокранный череп пожилой женщины (старше 50 лет) монголоидного облика [80].

В сезон 1962 г. нами обнаружены земляные уюкские курганы еще в двух местах. У подножия Танну-Ола, на р. Тургеи (южная окраина дер. Сосновки), на горке за кладбищем и оросительной канавой, осмотрено около 50 земляных курганов (до 10—15 м в диаметре) со вмятинами на насыпях. Некоторые насыпи после ограбления осели в могильные ямы, подобно памятникам, раскопанным в Хову-Аксы. На правом берегу Межегея в горах, по старой дороге Алаак — Кызыл близ бригады колхоза им. Кочетова, в хлебах обнаружены 3 земляных кургана диаметрами 15—25 м и высотой до 0,8 м. Сверху, в центре их насыпей, можно видеть впадины — провалы, образовавшиеся при оседании накатов срубов. Эти курганы, а также насыпи, раскопанные С. А. Теплоуховым в 1926 г. у с. Успенского, свидетельствуют о том, что земляные курганы уюкской культуры были широко распространены в Тандинском районе к югу от Улуг-Хема и вплоть до хребта Танну-Ола.

Ко второму этапу уюкской культуры (V—IV вв. до н. э.) относятся, очевидно, большие земляные курганы с плоской вершиной, находящиеся в долине Уюка, по его левому берегу (рис. 54). В 17 км от Турана по дороге в совхоз «Уюк» неподалеку от соленого озера, слева от дороги, расположен один из таких огромных курганов. Из земляной на-

[79] Анализ произведен в лаборатории ИА АН СССР.
[80] Предварительное заключение И. В. Перевозчикова (Институт антропологии МГУ).

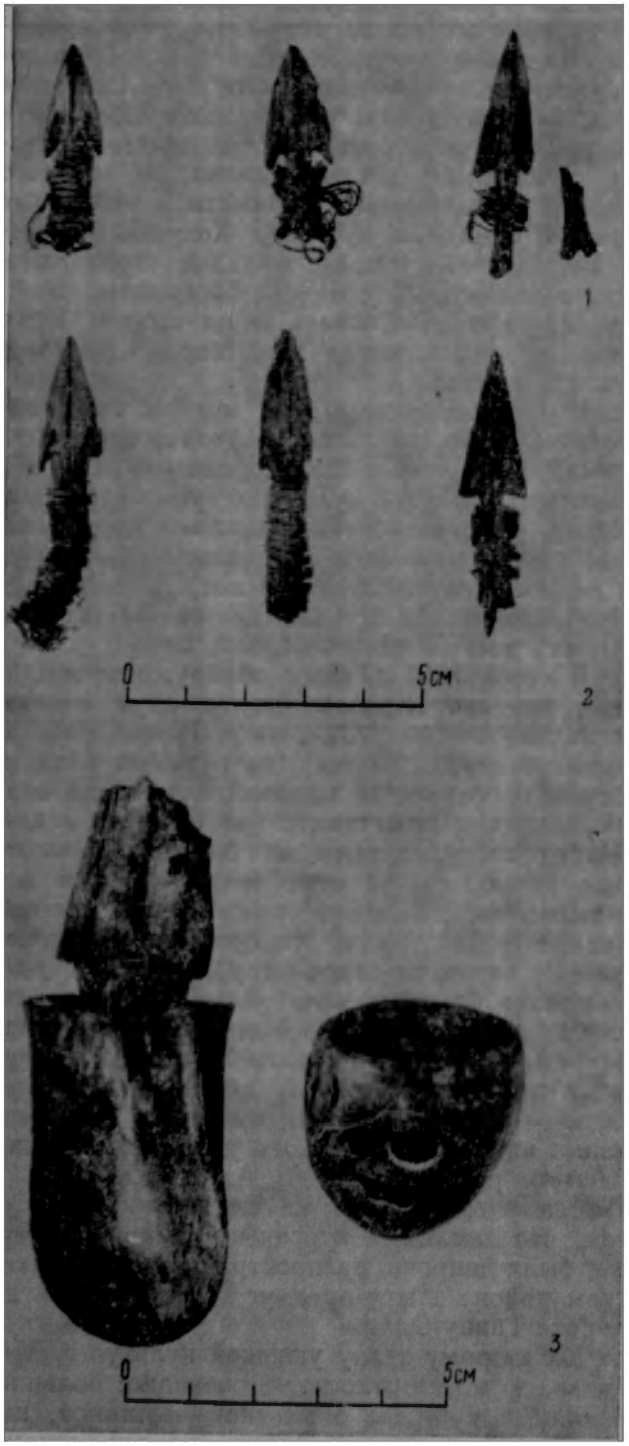

Рис. 50. Предметы из могил 2(*3*) и 3(*1*, *2*) в Хову-Аксы:
1 — бронза, сухожилия и дерево, *2*, *3* — бронза и дерево

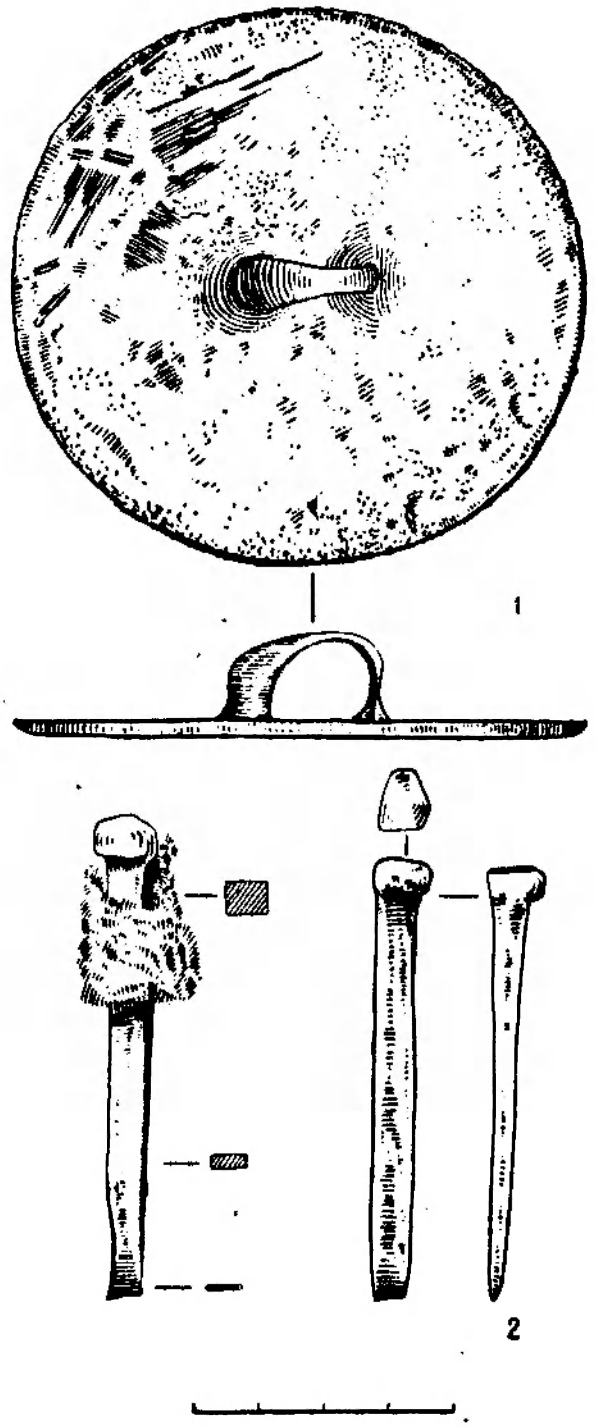

Рис. 51. Бронзовые предметы из могилы 2:
1 — зеркало, *2* — гвозди (один с остатками войлока)

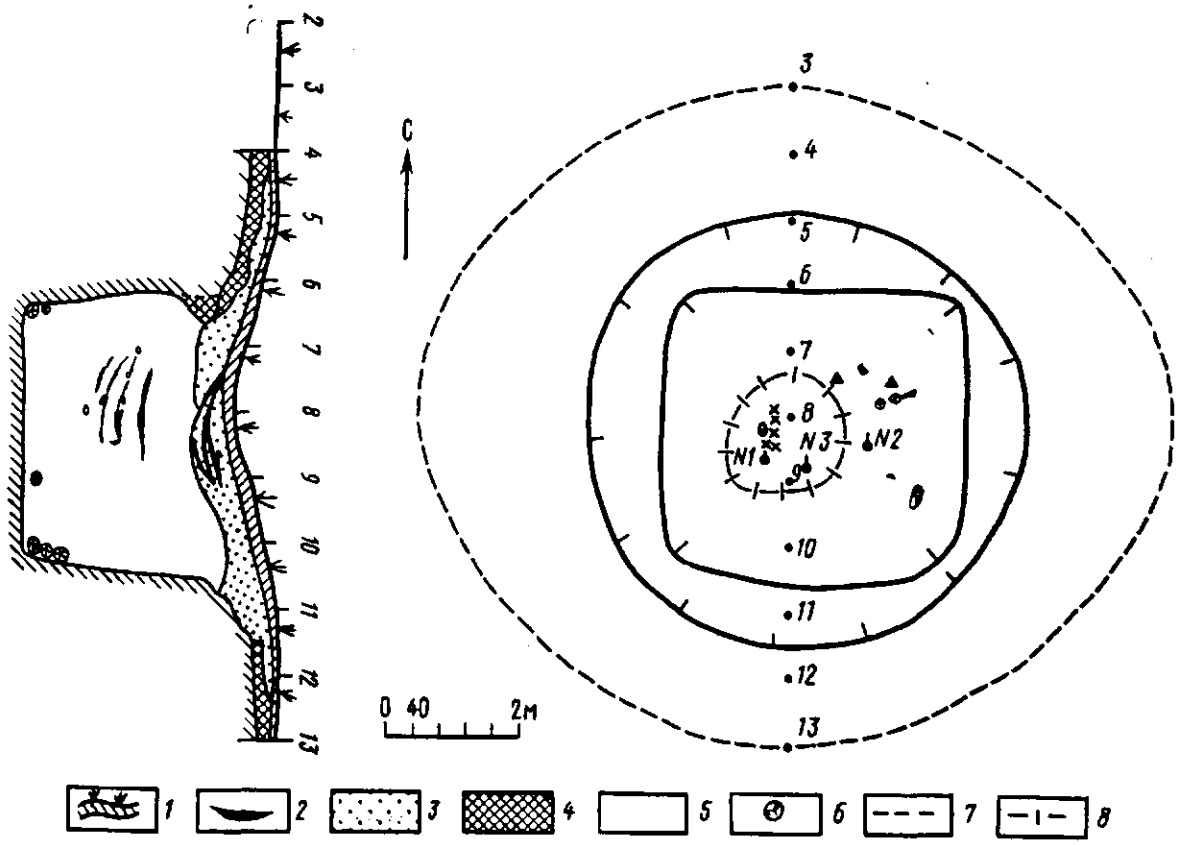

Рис. 52. План и профиль ямы 3 могильника Хову-Аксы:
1 — дерн, *2* — угольный слой, *3* — выброс материкового грунта со щебнем, *4* — погребенный дерн, *5* — перемешанное заполнение, *6* — бревна, *7* — граница старого кургана, *8* — граница кострища (глубина 0,3—0,7 м)

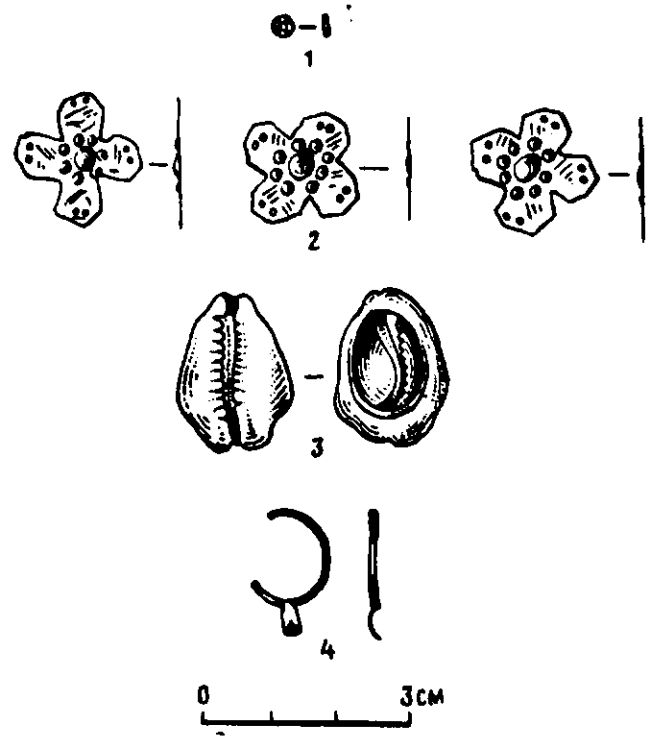

Рис. 53. Предметы из могил 2(*3*) и 3(*1, 2, 4*):
1 — зеленый бисер, *2* — золотые нашивные бляшки, *3* — раковина каури, *4* — серьга из сплава серебра и меди

Рис. 54. Земляной курган в долине Уюка к западу от г. Турана

сыпи этого круглого кургана с плоской вершиной кое-где торчат большие обломки скалы. Его диаметр около 90 м при высоте 2,25 м. Диаметр плоской части вершины насыпи — 70 м. С северной, западной и южной сторон его неподалеку видны большие плоские ямы, из которых брали землю для насыпи. Вокруг всего кургана, плотно одно возле другого, на 25—30 м по радиусу, расположены аккуратно выложенные на поверхности степи каменные кольца диаметром 2—2,5 м. Только с западной стороны насыпи кольца эти имели больший диаметр — до 10 м. Каменные кольца сооружены явно после насыпи кургана, иначе их потревожили бы строители кургана. Они все не тронуты, без следов раскопок, и к тому же некоторые из них оказались на краю указанных выше ям (для вынимания земли на насыпь), то есть сооружены после того, как эти ямы появились. У всех других больших земляных курганов этого типа на Уюке вокруг насыпей расположены аналогичные кольца, выложенные из обломков скалы; эти кольца носят чисто ритуальный характер.

Нами раскопано последнее кольцо (2,5 м в диаметре), расположенное в 29 м к юго-востоку от насыпи большого кургана. Кольцо раскопано как в середине, так и снаружи вокруг камней, на глубину 0,5 м, но под дерновым слоем ничего, кроме нетронутого материка, не оказалось. Такие огромные земляные курганы с кольцами нигде, кроме долины Уюка, в Туве не встречаются. С этим заключением согласуются наблюдения всех исследователей о могильных памятниках Тувы. Именно эти земляные курганы были первыми научно исследованными памятниками уюкской эпохи. По месту первых раскопок в долине р. Уюк мной и дано условное название той эпохи, к которой они относятся. Так как данные о раскопках двух первых уюкских курганов, произведенных А. В. Адриановым в 1916 г., до сих пор не введены в научный оборот, приводим здесь их краткую публикацию.

Оба кургана (№ 47 и 52) находились в степи по левому берегу Уюка «в полуверсте от озерка близ устья левой протоки реки Тарлыка, в одной версте ниже заимки Матвея Михайлова». Они были раскопаны 20—31 августа 1916 г. «шахтой» (4,26×4,26 м) [81].

Курган № 47, писал А. В. Адрианов, как «первый земляной в моих раскопках очень меня интересует» [82]. У него была округлая насыпь с плоской вершиной (высота 1,6 м и диаметр 84 м). В 40—45 м с юго-восточной стороны располагалось полукольцо в виде каменной дуги длиной около 40 м и шириной

[81] Дневник раскопок, произведенных А. В. Адриановым в Урянхайском крае (рукопись). Архив Музея археологии Томского университета, № 78. Вещи хранятся там же, коллекция № 6041.

[82] Адрианов А. В. Курганная степь на Усть-Тарлыке, на Уюке (второе письмо).— «Сибирская жизнь», № 224 от 16 октября 1916 г., Томск.

до 2 м. На половине высоты в насыпи обнаружен слой редко разбросанных камней. Несмотря на отсутствие впадины, курган все же был в древности ограблен. Об этом свидетельствовали беспорядочно разбросанные кости человека на глубине 0,54 м. На глубине 1,3 м обнаружены бревна, а на глубине 2,1 м расчищен костяк какого-то «хищника», лежавшего на правом боку. Дно ямы находилось на глубине 4,25 м от уровня древнего горизонта. Судя по описанию, в квадратной яме размещалось необычное двухъярусное деревянное сооружение в виде двух срубов, стоящих друг на друге. И яма, и квадратные срубы ориентированы углами по странам света.

Первоначально до сооружения срубов в восточном углу на дне ямы был разложен костер, от которого остались мелкие угли, зола и обожженная земля. После того как костер прогорел, соорудили нижнюю погребальную камеру — сруб (2,18×2,05 м, высота 0,81 м) в 4 венца. Пол из тесаных плах (4—5 см толщиной) лежал на двух балках, которые связаны со срубом зарубками в лапу. Стены сруба — внутри плоские из тесаных бревен — однорезин. Потолок из 9 бревен (диаметр 27 см) плотно накрывал камеру, так как концы бревен «ровно отпилены» и имеют выпиленные прямоугольные пазы, ложившиеся на бревна сруба. Сверху потолок сплошь закрыт пластами бересты. Затем, на 4 угла нижнего сруба, поставлены столбы (диаметр 20—23 см и высота 2,84 м) комлями вверх. На них (по северо-западной и юго-восточной сторонам) уложены балки, державшие бревна потолка верхней камеры. Потолок находился на глубине 1 м от верха насыпи. Стенки верхней камеры состояли из 5 венцов бревен, концы, которых зарублены на острия.

По данным дневника, в нижней камере находились истлевшие потревоженные кости 4 человек. Они первоначально, вероятно, лежали головой на северо-запад, так как 3 сохранившихся черепа размещались у северо-западной стенки. Здесь же найден череп неопределенного животного. В погребении обнаружены шаровидная бусина из плющеного золота с прикипевшей железной окисью, обломок железа с остатками грубой шерстяной ткани, 2 костных наконечника стрел, 4 бронзовых трехгранно-трехлопастных наконечника стрел с короткими черешками (с остатками древков и сухожильных обмоток), один трехлопастный черешковый наконечник (рис. 55). Кроме того, на полу камеры лежали комочки гипса, окислившегося железа, «медная бляшка с ремешком», обработанное дерево, клык

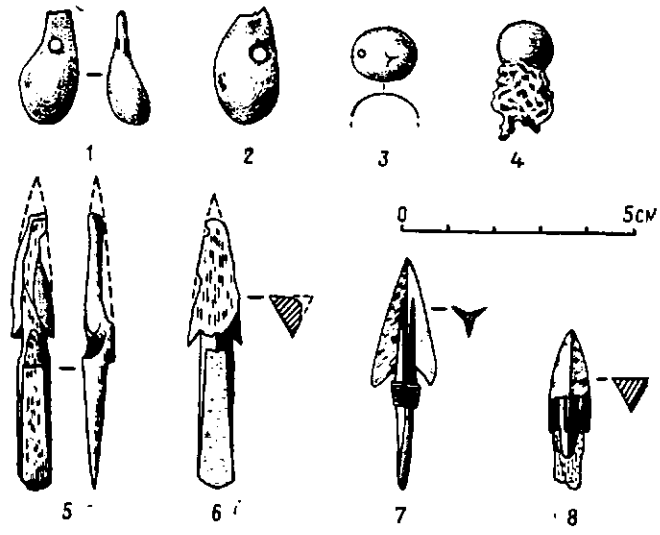

Рис. 55. Инвентарь уюкского кургана № 47 (А. В. Адрианов, 1916 г.):
1, 2 — подвески из клыков марала, *3, 4* — золотые бляшка и бусина (с прикипевшей окисью железа), *5, 6* — костяные наконечники стрел, *7, 8* — бронзовые наконечники стрел с деревом и сухожилием

животного (медведя?), астрагал барана и «обломки какого-то предмета № 12».

В верхней камере вместе с остатками скелетов двух взрослых найдены кости овцы, конский зуб и клык хищника. От ограбленного инвентаря богатой могилы сохранились черепок, кусочки железа, 2 подвески из атрофированных клыков марала и золотая полушарная бляшка с отверстиями для пришивания (рис. 55, *1—3*).

Курган № 52 находился примерно в 155 м к юго-западу от кургана № 47. В центре под земляной полусферической насыпью с уплощенной впадиной сверху (диаметр 23,5 м и высота 1 м) оказалась квадратная яма (3,9×3,9 м) глубиной около 4,7 м от древнего горизонта. На дне ее сохранился сильно сгнивший деревянный сруб (внутренние размеры около 3,5×3,5 м), ориентированный, как и яма, углами почти точно по странам света. Первоначальная высота сруба около 1 м. Пол камеры из тонких досок (ширина 18 см и толщина 1 см), а потолок из колотых плах, настеленных с северо-запада на юго-восток.

На полу скорченно на левом боку, головами на северо-запад, лежали друг за другом 2 скелета взрослых людей, из которых центральный был крупнее. При первом мужчине находилось много предметов вооружения и снаряжения. За стопами его ног положен бронзовый вток, у сгиба бедра и голени найдены остатки кожаного колчана с 17 брон-

зовыми наконечниками стрел (черешковыми трехгранными шипастыми, рис. 56, *4—9, 14*), сохранившими остатки древков и сухожилий. Острия стрел обращены к ступням. У бедра правой ноги лежал окислившийся железный меч — акинак с крыловидным перекрестием (рис. 56, *10*). Меч, по-видимому, висел на ремне с двумя бронзовыми пронизками, сохранившими остатки ремня. Бóльшая из пронизок (рис. 56, *1*) лежала у таза, а меньшая — у правого предплечья (рис. 56, *2*). Под тазом оказался оселок (рис. 56, *15*) из светло-серого сланца в виде изящного бруска со сверлиной, но без следов стачивания [83]. И там же, справа у таза, лежала золотая желобчатая пластинка — обшивка с отверстиями, охватывающая какой-то длинный предмет (рис. 56, *3*).

У второго скелета, лежавшего вдоль юго-западной стенки, найдены обломок оселка (со стертостью верхнего края отверстия от ношения) и 3 бронзовых, изогнутых и сломанных, пластинчатых предмета (рис. 56, *11—13*).

При раскопках в насыпи, над могильной ямой, обнаружены остатки тризны — кости и зубы конского черепа. Земляные курганы, раскопанные А. В. Адриановым на левобережье Уюка ниже устья Тарлыка, относятся к середине I тыс. до н. э.

16 больших и малых земляных курганов в Турано-Уюкской котловине в 1927 и 1929 гг. раскопаны экспедицией С. А. Теплоухова. Из-за ограбленности часть их также имела вид впадин, подобно могилам в Хову-Аксы. Хотя полный отчет о раскопках уюкских курганов С. А. Теплоухов не опубликовал, все же некоторые данные приведены в литературе [84]. Чтобы читатели, хотя бы до некоторой степени, смогли представить прежнее богатство захоронений в земляных курганах долины Уюка, приводим рисунки предметов из раскопок С. А. Теплоухова. Среди них много произведений искусства, выполненных в «зверином» стиле (рис. 57—58).

▼

Кроме земляных курганов нами раскопаны и другие типы позднеуюкских могил. В 1955 г. на р. Шурмак, по северную сторону хребта Танну-Ола, в могильнике Бай-Даг баары II (на южном склоне одноименной горы) раскопаны 2 могилы. Могильник состоит из трех рядов впадин (всего их 24), расходящихся радиально в 3 стороны от большого (25-го) углубления, обнесенного кольцом из камней. Это *каменное кольцо* (*№ 1*) в виде круглой впадины глубиной до 0,4 м от уровня окружающей поверхности. По краям впадины аккуратно выложено из больших обломков (до 30—40 кг) скалы в один ряд кольцо диаметром 8—8,5 м (рис. 59, *1*).

Расчистка кольца показала, что в центре его находилась подпрямоугольная яма (3,5×2,8 м, глубина до 1,7 м), вытянутая почти с севера на юг; на полу ее расчищен настил из горбылей, лежащих по диагонали с северо-востока на юго-запад. Яму первоначально перекрыли поперек горбылями, поверх которых в центре, очевидно, были уложены обломки скалы, обнаруженные по бортам ямы (рис. 59, *1*). Судя по остаткам костей и другим находкам, здесь совершено погребение одного взрослого человека (вероятно, мужчины). Ему положили пищу в сосудах, мясо крупного и мелкого рогатого скота [85], а также предметы вооружения из железа (среди них проушной сильно износившийся клевец — рис. 59, *3*). Здесь лежало большое количество обломков от нескольких красных лощеных сосудов. Это сферические сосуды со слабо отогнутым венчиком и поперечным рифлением тулова, а также узкогорлые кувшины с валиками под венчиком и горловиной, украшенные концентрическими кругами из валиков по тулову, лепные сосуды с валиками и спиралями.

Рядом с каменным кольцом нами раскопано и *грунтовое погребение № 2*. Оно ограблено. В центре округлой впадины (диаметр около 5 м и глубина 0,44 м) расчищена подпрямоугольная яма (1,8×1,1, глубина 1,2 м), вытянутая с севера на юг. Судя по сохранившимся остаткам дерева, дно ямы некогда имело пол из горбылей, а сверху яма была перекрыта горбылями поперек. Грабители, орудовавшие в погребении, часть человеческих костей и предметов выбросили на борт ямы, где они и обнаружены в куче, под дерновым слоем (рис. 59, *2*).

При разборке выяснилось, что кости (нижние челюсти, кости рук и ног, обломки тазовых костей и др.) принадлежат 4 скелетам: два из них — останки взрослых людей,

[83] Ср.: Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

[84] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 75—84; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., рис. 9—11, 13—15, 17—22; Полторацкая В. Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве.— АС, вып. 8. Л., 1966.

[85] По определению В. И. Цалкина, 3 кости от одной особи крупного рогатого скота и 4 кости от одной особи мелкого рогатого скота.

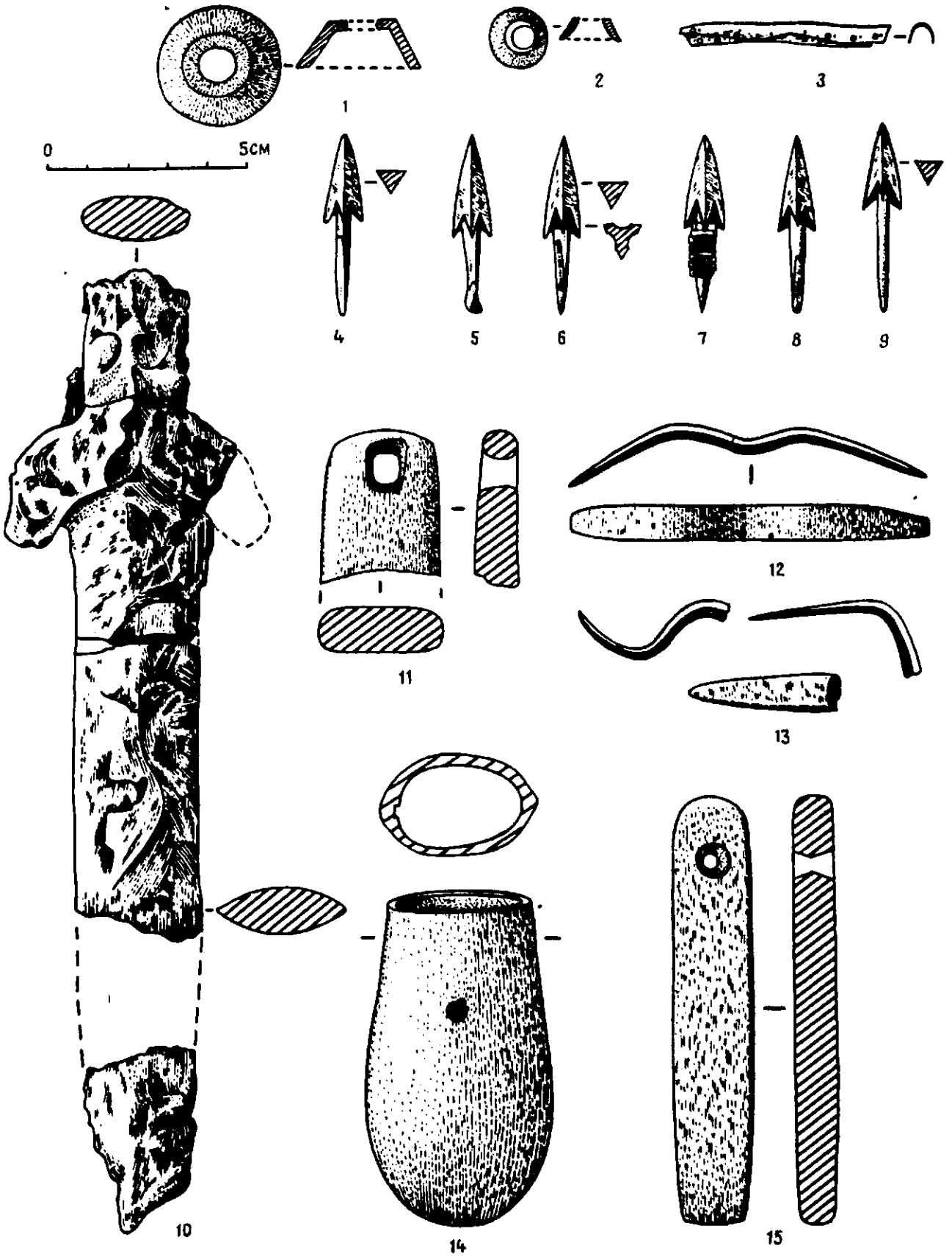

Рис. 56. Инвентарь кургана № 52:
1, 2, 4—9, 12—14 — бронза, *3* — золото, *10* — железо, *11, 15* — камень

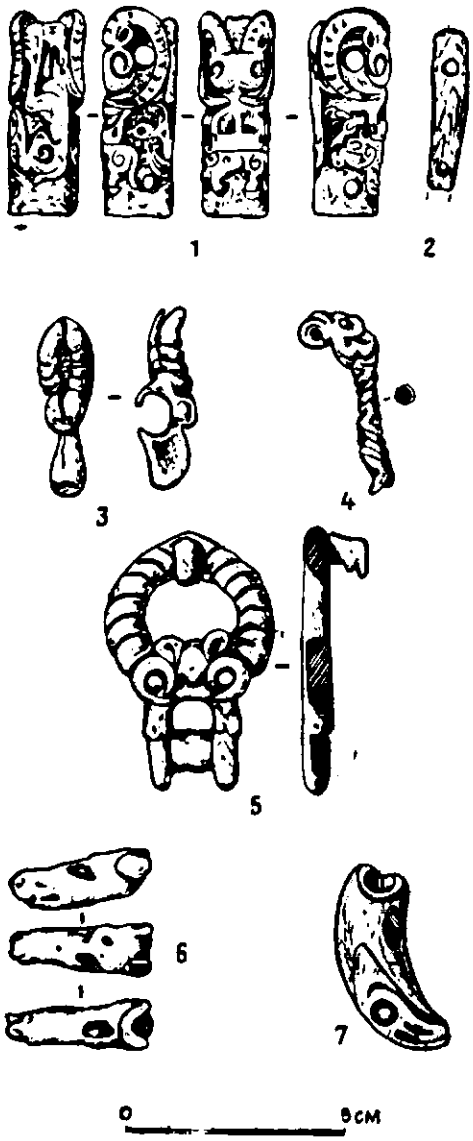

Рис. 57. Предметы «звериного» стиля из земляных курганов Турано-Уюкской котловины (С. А. Теплоухов, 1927-1929 гг.)
1—3, 5, 7 — из кургана № 93, *4* — из кургана № 151, *6* — из кургана № 132. *1, 6, 7* — кость и клык кабана, *2* — дерево, *3, 5* — бронза, *4* — железо и золото

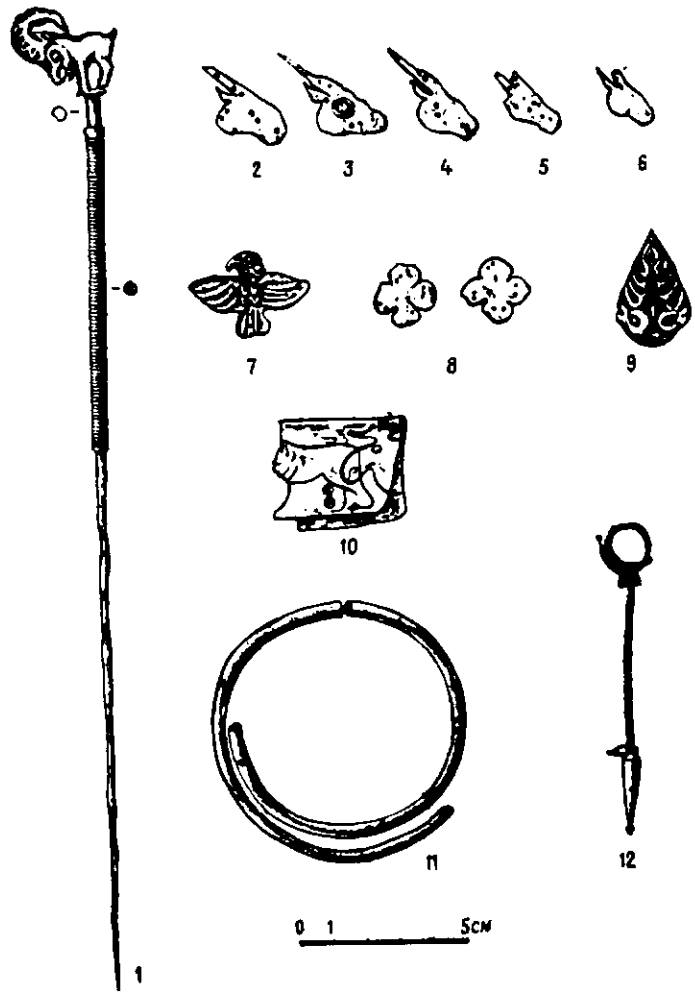
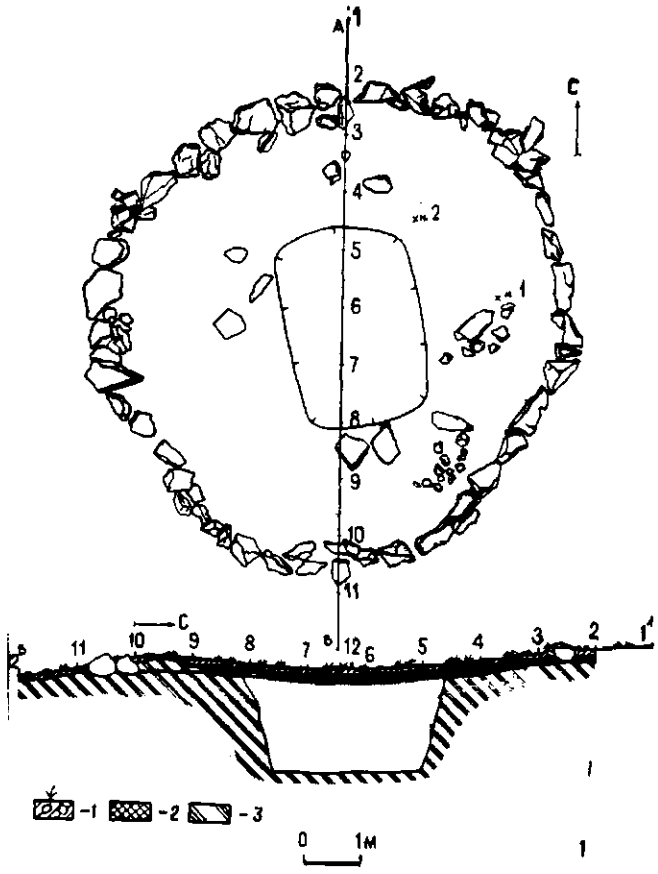

Рис. 58. Предметы из земляного кургана № 126 на р. Туран (С. А. Теплоухов, 1929 г.):
1 — золото и медь, *2—9, 12* — золото, *10* — кость, *11* — медная трубочка, покрытая золотом

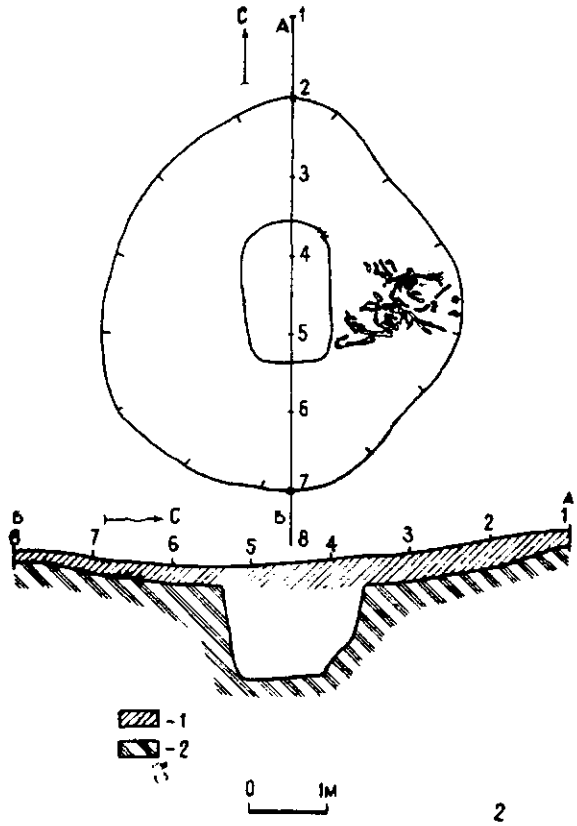
один — юношеского возраста и один — подростка 8—10 лет.

Здесь же найдены обломки двух красных лощеных лепных сосудов, очевидно, сферической формы с низкими чуть отогнутыми венчиками, украшенными защипными валиками, а также 8 обломков неопределенных железных предметов. По бортам ямы выявлены остатки небольших кострищ. В яме первоначально, вероятно, находилось семейное погребение по обряду трупоположения, возможно, ярусное.

В 1956 г. на кирпичном заводе Кызыла (на правом берегу Улуг-Хема) мной доследовано случайно обнаруженное в глиняном карьере *погребение в каменном ящике*. В отвесной стенке карьера (на глубине 2 м от уровня современной почвы) прослежена закладка из толстых обломков плит (длина 40 и толщина 10 см). Под ней — крышка ящика (его высота 0,66 м) из двух длинных тонких (3 см) плит, находящих одна на другую. Дном его был грунт (глубина 2,67 м). Ящик составлен из двух прямоугольных продольных плит (1,25×0,66×0,06 м) и двух квадратных торцовых плит (0,66×0,66×0,05 м), прикрывавших короткие стороны. Внешний размер ящика 1,35×0,66 м, внутренний — 1,25×0,56 м. Толщина плит 3—6 см. Ящик вытянут с юго-востока на севе-

1

2

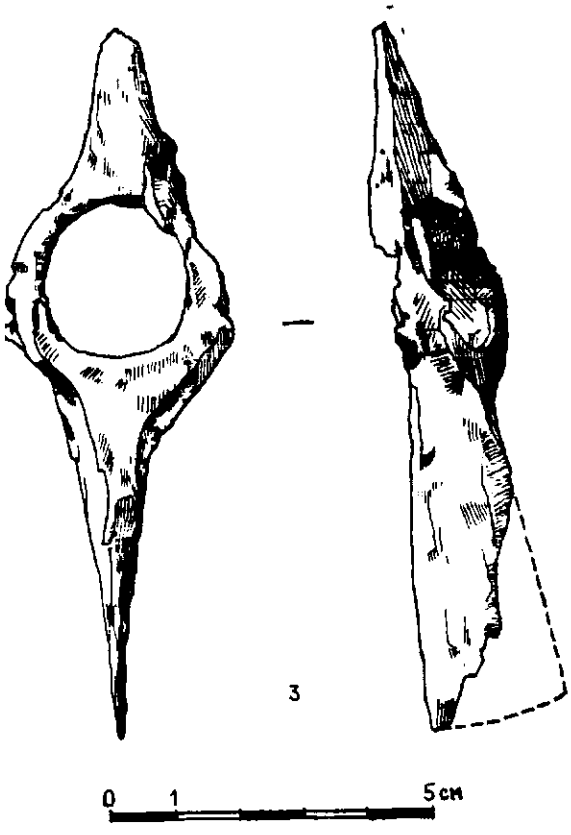

Рис. 59. Памятники, раскопанные в могильнике Бай-Даг баары II на р. Шурмак.
План и профиль могилы 1 (*1*)
(*1* — дерновый слой с камнями, *2* — чернозем, *3* — материк).
План и профиль могилы 2 (*2*)
(*1* — дерн, *2* — материк).
Железный клевец из могилы 1 (*3*)

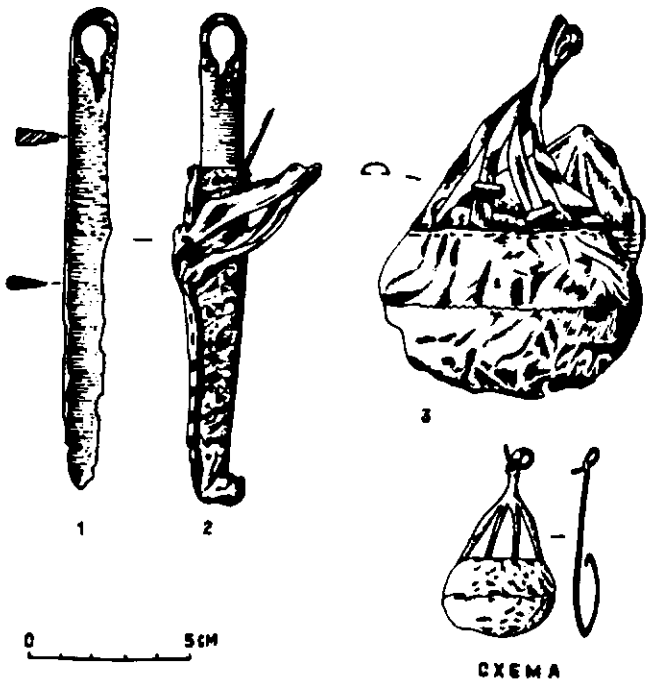

Рис. 60. Предметы из каменного ящика в Кызыле: *1* — бронза, *2, 3* — кожа и бронза

ро-запад. В нем скорченно, на левом боку, головой на северо-запад (как обычно в уюкских могилах), лежал скелет взрослой женщины смешанного физического типа. При ней найдены кусок кожи от мешка или сумки без следов швов и уцелевшая маленькая овальная сумочка, сшитая из кожи нитками, скрученными из двух сухожилий. Внутри сохранилась подкладка из шерстяной ткани. Передняя часть сшита из двух кусочков кожи, а задняя — цельная. Кромка шита через край, а затем сумочку вывернули на лицевую сторону. Подвешивалась она, вероятно, к поясу, за ремешок с отверстием. С другой стороны ремешок разрезан на 4 части. На каждую из них сначала надели бронзовую обоймицу, а затем концы вшили в переднюю стенку сумочки. Две обоймицы утеряны (рис. 60, *3*).

Кроме того, у пояса находился бронзовый однопетельный змейчатообушковый нож в отлично сохранившихся кожаных ножнах с ременной петлей для подвешивания. Ножны сшиты толстой крученой сухожильной нитью прямым швом. Конец ножен несколько смят (рис. 60, *1, 2*).

Нож позволяет отнести погребение в каменном ящике к IV—II вв. до н. э., ибо аналогичные ножи известны во второй стадии тагарской культуры и на рубеже переходного тагарско-таштыкского этапа в Хакасско-Минусинской котловине [86].

А. В. Адрианов в 1916 г. раскопал также в логу Мунгаш-Чирик на Бегирэ (приток Пий-Хема) еще 2 уюкских кургана, имевших вид каменно-земляных колец с плоскими западинами в центре. Первоначально это были округлые каменные курганы, подвергшиеся затем разграблению или переустройству в связи с впускными захоронениями. Так как других курганов уюкского времени А. В. Адрианов не раскопал, следует опубликовать здесь и эти памятники.

Курган № 39 — задернованная округлая впадина (диаметр 4,27 м), обнесенная валом — кольцом из камней с примесью земли. Высота вала 0,6—1,08 м, диаметр кольца около 11,5 м. Вокруг, в 0,7 м от края насыпи, кажется, есть еще одно кольцо из одиночных редко поставленных камней. Курган раскопан траншеей с юга на север. В центре ямы (на глубине 0,45 м от поверхности земли) обнаружены 2 круглых жернова из гранита. Сначала лежал нижний жернов (диаметр 25 см и высота 6,8 см; диаметр отверстия 3,5 см), а под ним верхушкой кверху находился верхний полусферической формы (диаметр 21,2 см, высота 7,2 см; диаметр отверстия внизу — 3,5 см, вверху — 6,7 см, с тремя ямками вращения). На 30 см глубже жерновов (на глубине 0,87 м от поверхности) выявилась яма (3×2,4 м), вытянутая с севера на юг. В ней (на глубине около 1 м от поверхности) вдоль южного края вытянуто на спине, головой на восток, с левой рукой, согнутой в локте так, что кисть огибала череп, лежал обложенный камнями скелет мужчины (около 35 лет). Под скелетом посыпаны мелкие угольки, а на поясничном позвонке обнаружен единственный предмет — железная пряжка лировидной формы, с неподвижным шпеньком, подвижным сдвоенным щитком и обоймой, надвинутой на пряжку. Судя по пряжке (рис. 61, *12*), это — впускное погребение раннего периода (II—I вв. до н. э.) шурмакской культуры, примечательное наличием в закладке могилы, над скелетом, старой ручной мельницы из парных жерновов [87].

Основное уюкское погребение кургана находилось внизу на дне ямы (глубина 4,18 м).

[86] См.: Киселев С. В. Указ. соч., с. 265. О погребениях в каменных ящиках в Туве см.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 80—81; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., с. 20—21, 86—87.

[87] Жернова в коллекцию не взяты. Еще более ранний нижний жернов ручной мельницы найден в тагарском кургане Салбык (III в. до н. э.) в 1956 г. (вместе с курантом зернотерки).

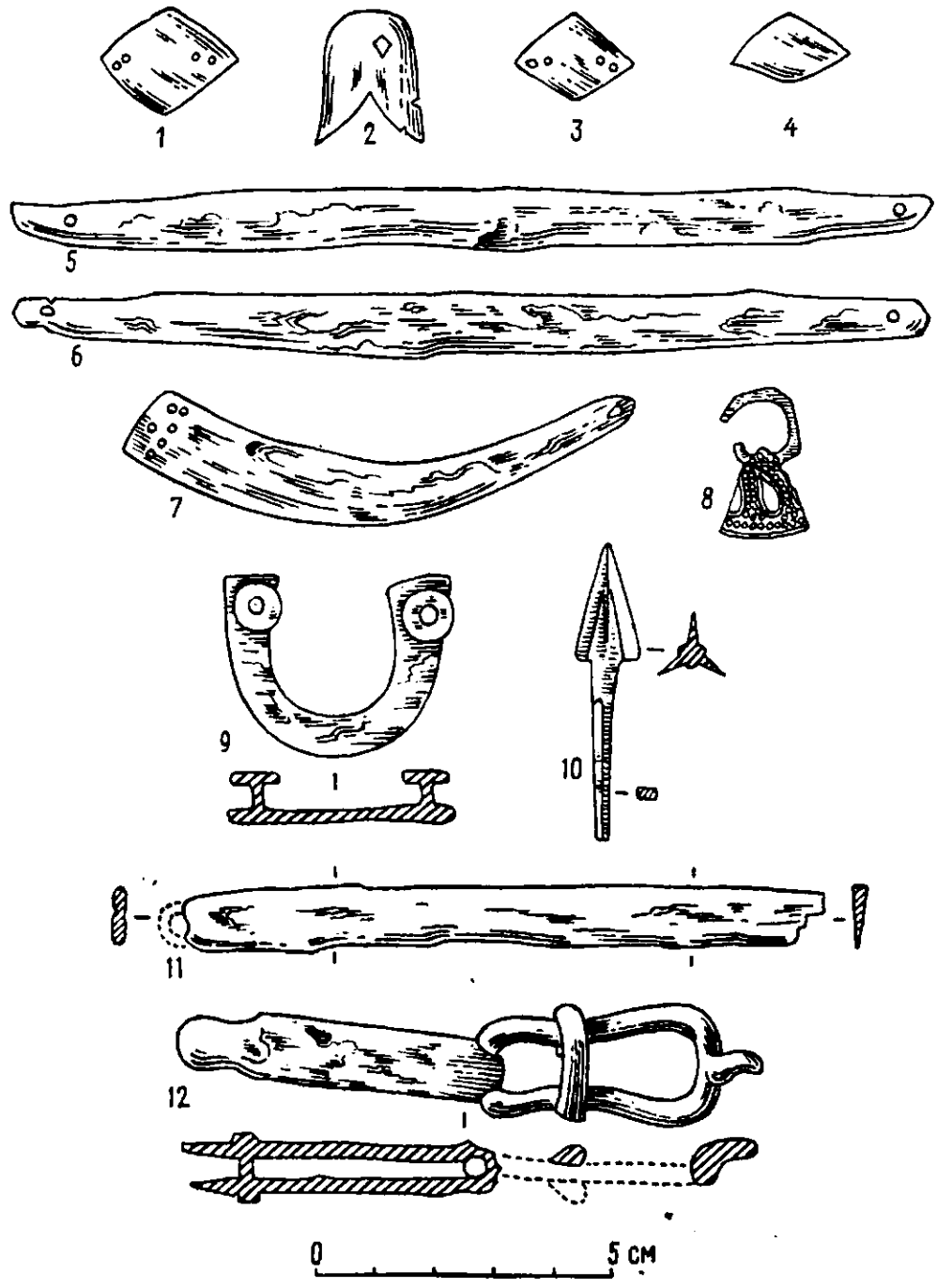

Рис. 61. Инвентарь курганов № 39 (*1—6, 12*) и 40 (*7—10, 11*), раскопанных А. В. Адриановым в 1916 г. на р. Бегирэ:
1—10, 11 — из уюкских погребений, *12* — из впускного погребения раннешурмакского времени. *1—8* — золото, *9, 10* — бронза, *11, 12* — железо

Там стоял деревянный сруб из двух венцов бревен (диаметр 18 см), скрепленных «в лапу». Внешние его размеры 2,36×2,49 м; внутренние 1,95×1,8 м. Пол сооружен из тонких плашек, настеленных в длину с запада на восток, так же как и дощатая крыша сруба, поверх которой (слоем толщиной 0,5 м) были навалены камни. Сруб, очевидно, ориентирован сторонами по странам света. Под бревнами встречались угольки, а под южной стенкой, на дне ямы, находились остатки костра (угли, зола) и пятно красной прокаленной земли (0,9×0,36 м). Костер на дне ямы был разожжен перед установкой в ней сруба.

В северо-западном углу сруба лежали 2 черепа взрослых людей. Один принадлежал глубокому старцу. Хотя другие кости скелетов поломаны и лежали в беспорядке, все же первоначально скелеты взрослых лежали, скорее всего, головами на запад-северо-запад. С ними же погребен и ребенок, кости которого обнаружены как в завале грабительского хода (на глубине 1,4 и 2,5 м), так и на дне. В центральной части могилы лежали кусочки железного ошлаковавшегося предмета с кусочками дерева и в разных местах 6 золотых пластинок от украшения одежды, с отверстиями для пришивания (рис. 61, *1—6*).

Кроме того, в могиле встречены кости барана и черепки сосуда в грабительском ходу.

Курган № 40 — плоское каменное задернованное кольцо (диаметр 8,5 м) со слабо заметной впадиной. Курган замечателен тем, что на восточной поле его, в середине каменного кольца, стоял оленный камень в виде столба из темно-серого песчаника (высота 2,84 м, в поперечнике 31×26,7 см). Судя по описанию и несовершенному рисунку Адрианова, на северной стороне плиты были выбиты (сверху вниз): круг, разделенный по диаметру чертой (диаметр кружка 11 см), затем «ожерелье», какая-то фигура, пояс с заткнутым за него «Г»-образным предметом и еще один кружок в самом низу. На южной стороне камня (около 1 м и выше основания) «контуром выбита фигура козла (?)», но, судя по рисунку Адрианова, — стоящего благородного оленя. На восточной грани иной техникой («широкими отчетливыми выемками») выбита, очевидно, много позднее, древнехакасская тамга.

Это редкий случай, когда оленный камень стоит у одновременной могилы, инвентарь которой может его датировать[88]. При вскрытии траншеей оказалось, что яма до глубины 1 м забита камнями. На глубине 0,8 м, «на довольно ограниченном пространстве», встречены черепки двух сосудов: большого толстостенного и небольшого «пузатого, узкогорлого, со стоячей шейкой (с орнаментом)». Отмечены еще черепки третьего горшка, найденного в завале ямы среди обломков костей барана (к сожалению, всех этих сосудов в коллекции не оказалось). Могильная яма сверху круглая в плане, а внизу она прямоугольная (глубина 1,87 м). Первоначально в ней находилась деревянная камера с потолком и полом, но дерево так истлело, что остатки гнилушек рассыпались в руках. На дне могилы разбросаны обломки костей скелета молодого человека (судя по зубам, тазу и эпифизам). Бедренная кость вертикально стояла в завале, выше дна могилы. Встречались угольки, черепа и кости грызунов, астрагалы и ребра барана.

Из разграбленного инвентаря сохранились: изогнутая золотая пластинка с отверстиями для пришивания, железный пластинчатый нож, бронзовый трехлопастный черешковый наконечник, бронзовое подковообразное украшение с двумя кнопками для пристегивания к ремню (рис. 61, *7, 9, 10, 11*).

Особенно ценная находка — золотая серьга редкой формы, заканчивающаяся широким конусом, украшенным 4 «запятыми» (в виде мелких гнезд из припаянных на ребре тонких пластинок), а между ними — золотой зернью (рис. 61, *8*). Отверстие конуса снизу закрыто пластинкой с 8 дырочками. Вероятно, серьга имела 4 подвески. Судя по находкам и аналогиям к ним, курган относится, скорее всего, к V в. до н. э.[89].

Значит, и оленный камень, стоявший в его восточной поле, можно датировать тем же временем. Несмотря на недостаточно точный рисунок А. В. Адрианова, ясно, что оленные камни подобного типа (с изображением стоящих оленей и т. п.) относятся к V в. до н. э.[90].

Особо следует отметить, что при дальнейших исследованиях любых изваяний, оленных камней, стел и менгиров вокруг них необходимо производить раскопки. Нужна «привязка» этих памятников к определенным курганам, жертвенным кострищам, ямам или к находимым под дерном черепкам. Без датиров-

---

[88] Оленный камень — валун, лежавший на месте у большого кургана — «колеса» с восточной стороны, описан мной выше (Кызыл-Хая на р. Тыттыг-Хем). Обломок оленного камня найден в насыпи кургана Аржан (см.: Грязнов М. П. и Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан. с. 194). Оленный камень, стоявший возле кургана на Элегесте, отмечен еще в 1888 г. (Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors. 1931. S. 38. abb. 332). На курганах же найдены и западные оленные камни — в Оренбургской области и в Болгарии (см.: Кызласов Л. Р. К изучению оленных камней и менгиров.— КСИА, вып. 154. М., 1978).

[89] Аналогичные золотая серьга, железный нож и бронзовое украшение найдены С. М. Сергеевым в кургане № 14 у с. Быстрянского на Алтае (см.: Завитухина М. П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае.— АС, вып. 8. Л., 1966, рис. 3). Такая же золотая серьга из кладоискательской добычи начала XVIII в. известна по рисунку в книге Н. Витзена (см.: Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 3.— МАР, № 15. СПб., 1894, приложения, с. 132, таблица III, *3*).

[90] Наблюдения С. А. Теплоухова опубликованы нами (см.: Кызласов Л. Р. К изучению оленных камней и менгиров, рис. 1).

ки и определения культурной принадлежности ни каменные изваяния, ни стелы с надписями, ни менгиры не станут полноценными историческими источниками.

Большой ряд вертикально установленных каменных менгиров был осмотрен нами дважды при разведках 1947 и 1955 гг. Расположен этот ряд в степи Кёжээлиг-Хову на плато правого берега Тес-Хем в Эрзинском районе (в 6 км ниже пос. Сарыг-Булун и в 2 км к северу от пос. Бай-Даг). Ряд из 6 менгиров вытянут с северо-востока на юго-запад, как и ряды оленных камней. Высота столбов от 0,4 до 1,7 м, расстояние между ними от 1,5 до 3 м. Лишь на одном столбе (третий с северо-востока), на восточной плоскости, сверху выбито изображение лося, а ниже — трех козлов друг под другом. Судя по стилю, эти изображения относятся к уюкской эпохе [91]. Поэтому, вероятно, сам ряд также относится к уюкскому времени. Это подтверждается, возможно, рыбообразным камнем, который лежал возле описанного ряда.

В связи с рядами стел и менгиров необходимо сказать о еще одном виде памятников уюкской эпохи — менгирах или стелах, стоящих внутри небольших каменных оград, сооруженных из плит, врытых на ребро. Эти памятники, вероятно, имеют прямое отношение к оленным камням или их разновидности. Во всяком случае они одновременны; это доказывается тем, что в разных местах Монголии нередко именно оленные камни стоят внутри таких оградок [92]. В Туве ничего подобного пока не известно. Зато есть редкие случаи более позднего переиспользования менгиров, стоящих внутри таких оградок, например, для написания древними хакасами руноподобных надписей [93]. Известно, что рунические эпитафии нередко писали на любых древних менгирах, оленных камнях или изваяниях.

У большинства менгиров в оградах нет изображений или же это стелы с одновременно выбитыми на них рисунками разного характера, в том числе козлами уюкского типа.

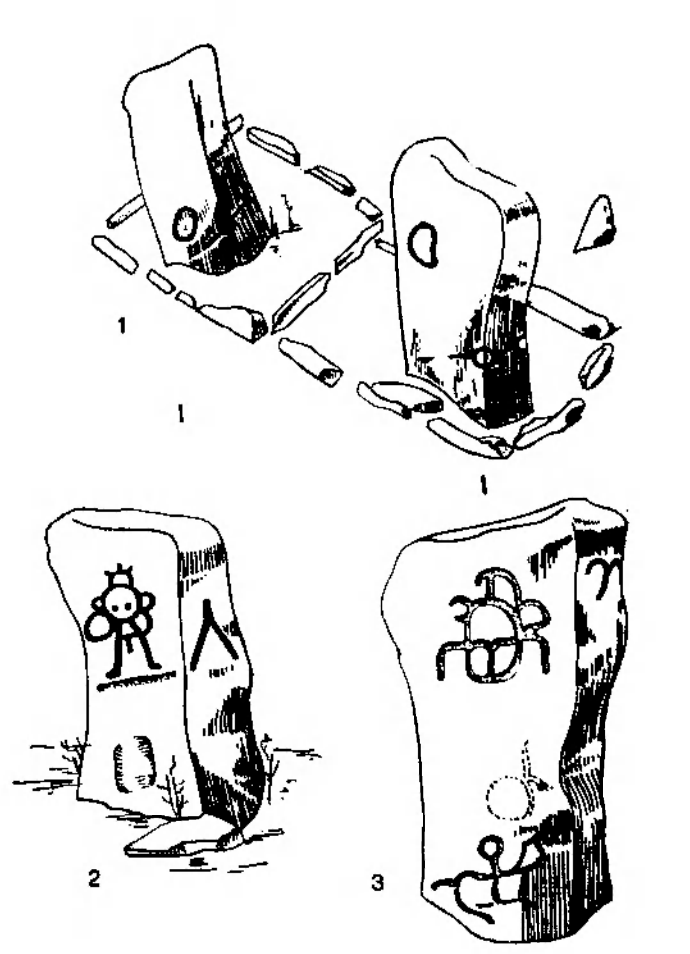

Рис. 62. Уюкские стелы, стоящие в прямоугольных оградках:
1—2, 3 — в урочище Таарбол на р. Торгалыг, *4* — в Хачи-Хову близ Саглы

---

[91] См.: Маннай-оол М. Х. Древнее изображение горного козла в Туве.— СА, 1967, № 1.

[92] См.: Радлов В. В. Атлас древностей Монголии, вып. 1. СПб., 1892, таблица V, *2, 3*; Спарё J. G. Archaologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909.— JSFO, v. XXVIII. Helsinki, 1912, t. X—XI; Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, таблица XVI, *1—3*.

[93] См.: Боголюбский И. С. Исследование древностей Минусинского округа и верховьев реки Енисея в 1882 г.— ИВСОРГО, т. XIV, № 3, 1883, с. 14—15.

Узкие оградки из плит со стоящими внутри них вертикальными плитами обнаружены нами, например, в 1959 г. в трех местах возле западной оконечности горы Хайыракан у дороги из пос. Пичуры (на левом берегу Улуг-Хема) к тракту, ведущему в Кызыл. В двух оградках стояло по 2 менгира, а в третьем случае — в двух соединенных оградках стояло 5 вертикальных плит.

В 1957 г. в Юго-Западной Туве, в бассейне Саглы, нами обнаружена другая группа интересных памятников этого типа. В 12 км от пос. Кызыл-Тей к северо-востоку (по старой дороге в Хандагайты после переезда речки Кыыды-Халыын) в урочище Хачи-Хову в двух прямоугольных оградках из плит стоят огромные каменные столбы. Оградки примыкают друг к другу по линии север-северо-восток — юг-юго-запад (рис. 62, *4*). В юг-юго-западной оградке (2,2×1,7 м) стоит четырехгранный столб из серого сланца (0,64×0,4 м) высотой 2,4 м. На юг-юго-западной его грани выбит знак в виде двух, соединенных вершинами треугольников и черты, идущей посредине треугольников вверх. В север-северо-восточной оградке (2,1×1,6 м) стоял посредине столб (0,4×0,3 м) высотой 1,75 м. На юг-юго-западной его грани выбиты (сверху вниз) сакральные знаки: стоящий козел и 9 тамгообразных полустершихся знаков. Среди них есть такой же знак из треугольников с ручкой, что и на соседней стеле. Ближе всего он напоминает изображение спаренной секиры или боевого молота с ручкой, подобного найденному нами в одной из цист могильника Шанчыг. Аналогичные козлы, тамгообразные знаки, «секиры» или спаренные треугольники нередко изображали как на оленных камнях, так и на стелах, стоящих внутри оградок в Монголии и Туве [94].

Таким образом, изображение козла и другие выбитые сакральные знаки относятся, как и сами стелы с оградками, к уюкской эпохе (VII—III вв. до н. э.).

Это обстоятельство полностью перечеркивает «открытые» А. Д. Грачом возле стел Хачы-Хову так называемые «древнейшие тюркские погребения с сожжением», которые автор раскопок бездоказательно отнес к VI—первой половине VII в. н. э. Раскопанные им возле описанных стел «кольцевые выкладки» не содержали никаких датирующих материалов. В их мелких ямках находились лишь зола и обломки кальцинированных неопределенных косточек [95].

Необходимо упомянуть, что на позднем этапе (V—III в. до н. э.) известно гораздо больше уюкских поселений, хорошо определяющихся по многочисленным обломкам характерной для этого времени глиняной посуды, каменным зернотеркам и пестам. Среди стоянок, описанных в главе I, к этому времени относятся такие, как Ангачи II № 3 и 4 (частично), Ангачи III № 8; Чааты № 3 и 7; Хайыракан № 1 и 5; Боянкольчик № 6 и 7.

В 1960 г. мелкие фрагменты уюкских сосудов и обломок выработанного куранта зернотерки из силурского песчаника были обнаружены нами на пашне, в верховьях Элегеста, у подножия хребта Танну-Ола (в 3 км от правого берега против устья Хендерге, впадающей слева).

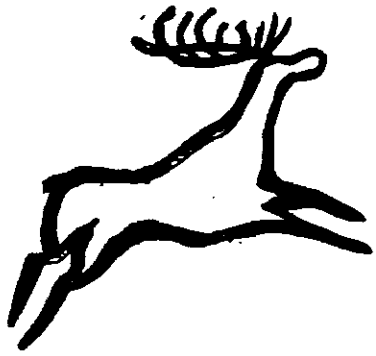
---

[94] Cranō J. G. Op. cit., t. X—XI; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время..., с. 23—38, рис. 2, *4*; Волков В. В. Указ. соч., рис. 24, *1*; «Эртний судлал-угсаатны эуйн бутээл». Studia Archeologica. T. II, fasc. Улаанбаатар, 1963 (на монгольском яз.), с. 18, рис. 6, *42*; с. 20; Granō J. G. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907.— JSFO, v. XXVI. Helsinki, 1909, fig. 9, t. VI, *j*, fig. 35. Ср. сакральные знаки и тамги народов Сибири: Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965 (особенно таблицы 9, 19, 65).

[95] См.: Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. Та же ошибка допущена А. Д. Грачом при определении времени аналогичного комплекса в верховьях Хемчика (см.: Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге.— ТТКАЭ, т. II. М.—Л., 1966, с. 105—106). Ср.: Кызласов Л. Р. «Древнетюркские» чеурядицы.— СТ, 1977, № 5.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГУННО-ШУРМАКСКАЯ ЭПОХА

ГУННСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

К концу III в. до н. э. появляется первое письменное свидетельство, касающееся населения территории Саяно-Алтайского нагорья и северо-западной части современной Монголии. В «Исторических записках» (Ши цзи) отца китайской историографии Сыма Цяня рассказывается о том, что вступивший в 209 г. до н. э. на престол державы центральноазиатских гуннов (сюнну) шаньюй Маодунь с успехом вел большие завоевательные походы, расширяя во все стороны границы своего государства. При описании этих событий сказано: «При Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству» (то есть Китаю. — *Л. К.*). Около 201 г. до н. э. Маодунь «покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились ему и стали считать шаньюя Маодуня мудрым»[1].

В чем же проявилась мудрость создателя первого мощного государства центральноазиатских степных скотоводов и земледельцев? Неужели в том, что сразу после тяжелых боев с сильными восточными и западными врагами (дунху и юэчжами), после того, как Маодунь отвоевал у ханьцев Ордос и восстановил древние южные границы гуннов с Китаем, он бросил войска на далекий север, чтобы завоевать чужие для гуннов горные области Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Западного Забайкалья? Для чего ему понадобилось проливать кровь лучших гуннских воинов в войне с сильными племенными союзами уюкцев Тувы, пазырыкцев Алтая, тагарцев Хакасско-Минусинской котловины и людей культуры «плиточных могил» Монголии и Забайкалья? Именно они

[1] Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, с. 50; Таскин В. С. Материалы по истории сюнну, вып. 1. М., 1968, с. 39 и 41.

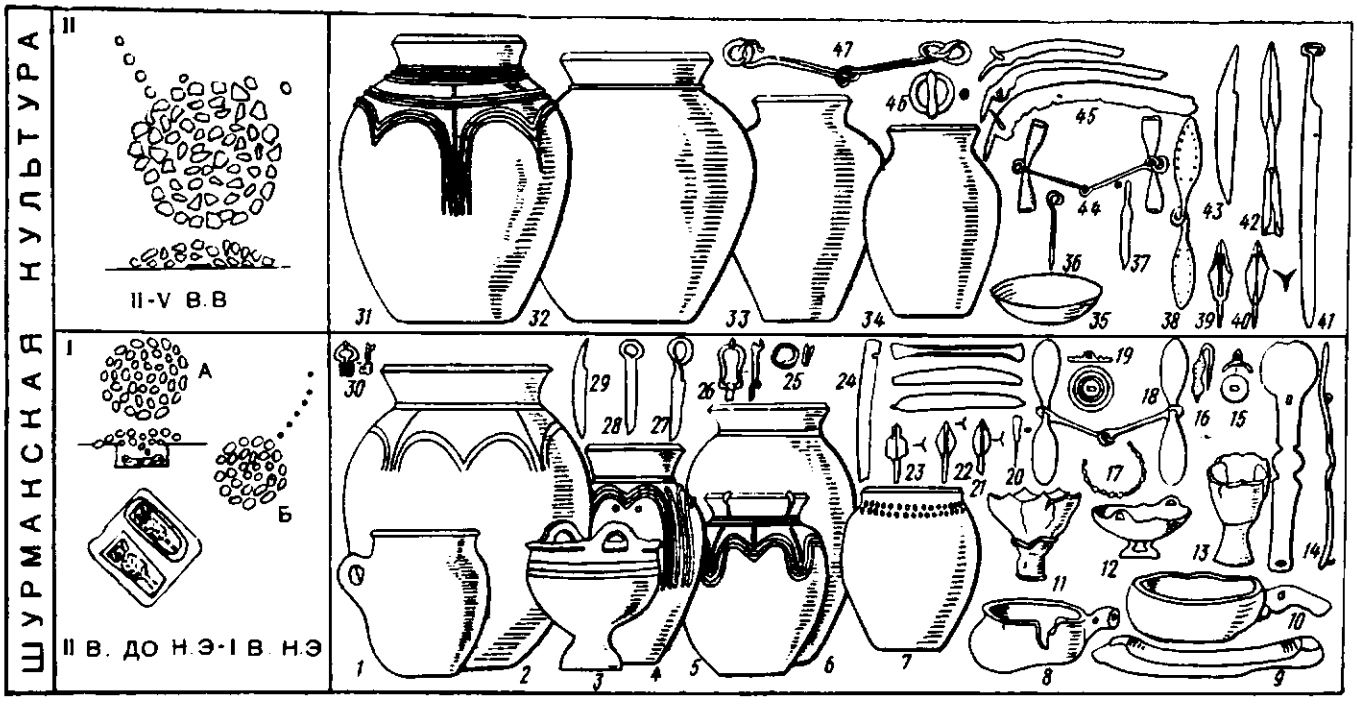

Таблица III. *Шурмакская культура.*

I этап: А — погребения под каменным курганом в колоде и деревянном гробу (р. Туран, курган № 120 (26), 1929 г.); Б — план насыпи поминального кургана № 124 (30) на р. Туран (1929 г.) с рядом камней; 1, 13, 21, 25, 30 — курган № 70 (11) на г. Бай-Даг (1927 г.); 2, 14, 15, 18, 27, 28 — курган № 91 (32) на г. Бай-Даг (1927 г.); 3, 16, 17, 20 — курган № 160 (66) у с. Уюк (1929 г.); 4 — курган № 120 (26) на р. Туран (1929 г.); 5 — курган № 115 (21) на р. Туран (1929 г.); 6, 11, 19 — курган № 87 (28) на г. Бай-Даг (1927 г.); 7 — урочище Чер-Чарык (р. Хемчик); курган № 52 (1926 г.); 8, 10 — курган № 92 (33) у «Чингизхановой дороги»; 12, 23, 24, 29 — урочище Чер-Чарык (р. Хемчик), курган № 47 (1926 г.); 26 — дер. Атамановка, курган № 11 (1926 г.); 22 — курган № 86 (27) на г. Бай-Даг (1927 г.); 9 — курган № 30 у дер. Краснояровки (1926 г.).
II этап: план и разрез кургана № 1 (с сожжением) в урочище Шурмак-Тей на р. Шурмак; 31, 35, 46, 47 — курган № 77 (18) на г. Бай-Даг (1927 г.); 32 — курган № 69 (10) на г. Бай-Даг (1927 г.); 33, 38, 45 — с. Атамановка, курган № 10 (1926 г.); 34, 36, 37, 39, 40—44 — урочище Шурмак-Тей, курган № 1 (1955 г.).
Камень: 9; глина: 1—7, 31—34; дерево: 8, 10; бронза: 19, 25, 30; рог марала: 24; золото: 16, 17; железо: 11—15, 18, 20—23, 26—29, 35—47

скрываются под именами хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли «Исторических записок» Сыма Цяня [2]. Все это делалось при подготовке большой и длительной войны с Китаем. Как увидим, великий шаньюй гуннов вынужден был предпринять большой поход против далеких северных племен и при этом поступил по-своему вполне мудро. Но вернемся к археологическим памятникам Тувы.

В 1958 г. нами была выделена и описана шурмакская культура, памятники которой распространены на территории Тувинской АССР. Известные в то время шурмакские материалы удалось подразделить на 2 последовательных этапа (таблица III), установить их датировку, а также определить хронологические пределы культуры в целом (II в. до н. э. — V в. н. э) [3]. В настоящее время количество раскопанных памятников шурмакского типа увеличилось в результате полевых исследований руководимой нами Тувинской археологической экспедиции Московского университета (1959—1978 гг.) и экспедиций других научных учреждений. Новые источники позволяют уточнить некоторые детали и в целом подтверждают правильность выделения шурмакской культуры, а также ее хро-

[2] См.: Таскин В. С. Указ. соч., с. 136, прим. 111. Подробно см.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 472—473, 560—561; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 161—166.

[3] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении).— ВМУ, ифс, 1958, № 4, с. 89—98. Теперь известны и переходные памятники III—II вв. до н. э. (см.: Савинов Д. Г. Погребения с бронзовой бляхой в Центральной Туве.— КСИА, вып. 119. М., 1969; Трифонов Ю. И. Новый тип памятников раннего железного века в Туве.— КСИА, вып. 147. М., 1976).

нологию и периодизацию. Подтверждена и данная нами общая характеристика исследуемой культуры, и оценка исторической обстановки, которая сложилась тогда в этом уголке Южной Сибири [4].

Шурмакская культура относится к раннему железному веку. Она почти синхронна памятникам хорошо изученной таштыкской эпохи (I в. до н. э. — V в. н. э.) соседней Хакасско-Минусинской котловины, лежащей к северу от Саянского хребта, но связанной с Тувой течением Енисея [5]. Ранний ее этап совпадает со временем распространения в Северной Монголии и Забайкалье культуры центральноазиатских гуннов (II в. до н. э. — I в. н. э.) [6]. К сожалению, археологические памятники Монголии и Забайкалья, относящиеся ко II—V вв. н. э. еще не известны. Также не изучены и синхронные шурмакским курганы соседних с Тувой территорий Горного Алтая и Северо-Западной Монголии.

При современном уровне наших знаний, бесспорно, однако, что шурмакские памятники Тувы образуют самостоятельную культурную область, которая была заселена особой племенной группировкой, отличающейся специфическими обрядовыми, культурно-историческими и антропологическими особенностями. Самоназвания шурмакских племен мы не знаем, но нет сомнения в том, что шурмакцы не гунны. В этом убеждает внимательное сопоставление всех шурмакских материалов, в особенности палеоэтнографических данных, с известными гуннскими памятниками, которые хорошо известны по раскопкам в Монголии и Забайкалье. Потому нами выделена особая шурмакская культура местных племен Тувы, хотя и указано, что гунны около 201 г. до н. э. захватили территории Тувы и Хакасско-Минусинской котловины, а затем совершали туда разорительные набеги вплоть до середины I в. до н. э.[7]. Только С. И. Вайнштейн и В. П. Дьяконова считают, что «новые группы кочевого населения — вероятно, какая-то часть гуннских племен — проникают в Туву и смешиваются с местными племенами. Антропологический тип населения Тувы в связи с этим подвергся изменениям». Эти авторы ошибочно заявляют, что материалы шурмакских больших курганов, раскопанных в урочище Кокэль, каким-то образом свидетельствуют о гуннской принадлежности и таштыкского Оглахтинского могильника [8].

Известно, что в Южной Сибири имеются памятники, непосредственно связанные с гуннами. Так, в Хакасии, на левом берегу Абакана (в 8 км к югу от г. Абакана), исследованы остатки дворца гуннского наместника, проживавшего здесь в начале I в. до н. э. И в Туве есть памятники собственно гуннской культуры, свидетельствующие не о торговых или иных взаимосвязях, а о непосредственном пребывании самих гуннов в бассейне Верхнего Енисея. Посуда и другие предметы гуннской материальной культуры резко отличаются от шурмакских. Они происходят с развеянных стойбищ, из древних горных выработок на железо и, по-видимому, из разрушенных погребальных сооружений [9].

Еще в 1926 г. С. А. Теплоухов обнаружил на песчаных дюнах по левому берегу Боянкольчика развеянное стойбище и собрал там некоторый подъемный материал: фрагменты двух гладких сосудов, обломок куранта зернотерки из серого камня и «когтевидную» подвеску из белого прозрачного нефрита [10]. На этих же дюнах в 1960 г. нами собраны в одном месте (пункт № 5): аналогичная «когтевидная» подвеска, сделанная из известняка, обломок известнякового колечка и фрагменты красноглиняного лепного сосуда с резным линейно-волнистым орнаментом [11]. Об-

---

[4] См.: Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969; Мандельштам А. М. К гуннской проблеме «Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий». Новосибирск, 1975.

[5] См.: Киселев С. В. Указ. соч., с. 393—484; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха...

[6] См.: Доржсурен Ц. Умард хунну. Улан-Батор, 1961; Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962; Давыдова А. В. Иволгинское городище.— СА, т. XXV. М., 1956; она же. Иволгинское городище — памятник хунну в Забайкалье. АКД. Л., 1965; Сосновский Г. П. Дэрестуйский могильник.— ПИДО, 1935, № 1—2; он же. Раскопки Ильмовой пади.— СА, т. VIII, М.—Л., 1946; Коновалов П. Б. Погребальные памятники хунну. АКД. Новосибирск, 1975; он же. Погребальные сооружения хунну.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура востока Азии, т. III. Новосибирск, 1975; он же. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.

[7] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 97.

[8] См.: Руденко С. И. Указ. соч., с. 22 (непонятно, почему С. И. Руденко в книге о гуннах понадобилось публиковать шурмакские предметы и посуду — см. таблицы VIII, *9*, и XXVI, *1—3*); Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э.— первых веков нашей эры.— ТТКАЭ, т. 2. М.—Л., 1966, с. 257. Ср.: Кызласов Л. Р. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? — «Наука и жизнь», 1969, № 12.

[9] См.: Киселев С. В. Указ. соч., с. 479—484; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 161—166; он же. О памятниках ранних гуннов.

[10] Материал опубликован (см.: Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов, рис. 1, *1* и 2).

[11] Дюны по берегу Боянкольчика, пункт № 5 см.: Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов, рис. 1, *2*, *4* и 3, *5*.

ломки гуннских сосудов подняты нами также на дюнах по берегу Чааты (№ 4 и 5 частично).

Предметы, найденные в стойбище на Боянкольчике С. А. Теплоуховым и мной, не встречаются в памятниках шурмакской культуры (исключение составляет зернотерка общераспространенной формы). Зато они характерные находки для гуннских памятников II—I вв. до н. э. (дэрестуйский этап) [12]. Например, такие же по форме каменные «когтевидные» привески и колечки известны среди находок на Иволгинском городище и в его могильнике в Забайкалье, а также в доме гуннского наместника в Хакасии [13]. Обломки сосудов, собранные здесь, также гуннские. Это — боковинки лощеного вазообразного сосуда, сделанного на ручном круге (с плотным серым тестом, насыщенным мелкими белыми включениями), фрагменты лепного, желтого, грубо заглаженного сосуда (с черным в изломе тестом, насыщенным гравием), с конической сужающейся горловиной и не выделенным венчиком, и, наконец, обломки красноглиняного сосуда с линейно-волнистым орнаментом. Аналогичные по форме, технике изготовления и орнаменту гуннские сосуды найдены в Иволгинском городище и в доме гуннского наместника. В Иволгинском городище обнаружены и подобные зернотерки [14]. Таким образом, описанные находки и отсутствие культурного слоя позволяют заключить, что на дюнах по берегам Боянкольчика во II—I вв. до н. э. существовало временное гуннское стойбище, видимо, из нескольких юрт.

В Каа-Хемском районе Тувы в 1962—1963 гг. на урочище Кара-Суг, в 25 км к югу от ключа Чеварлык (в междуречье Бай-Сюта и Бурен-Хема, правых притоков Каа-Хема) были открыты геологами и археологом Я. И. Сунчугашевым древние горные выработки по добыче железной руды (магнетита и гематита). Выработки имеют вид задернованных воронкообразных ям (от 5 до 20 м в диаметре). Около них найдены и железные шлаки, оставшиеся от производства кричного железа на месте. В 1963 г. здесь был расчищен один из древних карьеров. В нем на глубине 1,5—2 м выявлены кости мелкого рогатого скота; на глубине 2,5 м обнаружены обломки двух сосудов, а на глубине 3 м оказались древесный уголь и зола, которые указывают на применение здесь огневого способа добычи железной руды.

Несомненно, что кости скота — это остатки мясной пищи древних рудокопов, а в сосудах они держали жидкую пищу или воду. Найденные фрагменты посуды важны как для определения времени добычи здесь железа, так и для выяснения этнической принадлежности рудокопов. Найдены обломки двух кувшинов для воды в редком и любопытном сочетании. Это фрагменты узкогорлого кринкообразного сосуда конца второго этапа (III в. до н. э.) местной уюкской культуры и обломки типичного гуннского большого кувшинообразного сосуда [15].

Уюкская «кринка» была лепной, хорошо заглаженной, с красной, пятнистой от неравномерного обжига, рифленой поперек, как бы гофрированной поверхностью и с черным, насыщенным гравием, тестом глины. Подобные сосуды часто встречаются в позднеуюкских могилах IV—III вв. до н. э. вместе с оружием и орудиями труда, сделанными уже из железа [16].

Что касается гуннского вазообразного кувшина, то он имеет светло-серое, аморфное тесто глины, с белыми известковистыми включениями. Черепок его — крепкий, звонкий, черепицеобразный. Все тулово этого сосуда, сделанного на ручном гончарном круге, покрыто характерными редкими полосами вертикального лощения. У сосуда довольно широкая горловина (23,5 см диаметр) и массивный отогнутый наружу венчик (общий диаметр 27,5 см). По его плечику проходил налепной горизонтальный валик. Подобные сосуды — частая находка в раннегуннских памятниках дэрестуйского этапа [17].

---

[12] Все памятники культуры центральноазиатских гуннов подразделяются мной (в курсе лекций «Ранний железный век Сибири», читаемом на историческом факультете МГУ) на два этапа: дэрестуйский (II—I вв. до н. э.; памятники: Иволгинское городище и его могильник, Дэрестуйский могильник, могильники Ургун-Худуй и верховье Джиды, дом Ли Лина и др.) и суджинский (I в. до н. э.— I в. н. э.; могильники: Ноин-Ула, Суджинский в Ильмовой пади, Черемуховая падь, Бурдун, Наймаа-Толгой I и др.). О датах этих памятников см.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 85, 126, 163, 164.

[13] См.: Давыдова А. В. Иволгинское городище..., рис. 25, *6*, 13—16; Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов, рис. 1, *3* (хранятся в ГИМе; *4* случайно найденные бело-нефритовые целые подвески хранятся в Минусинском музее — № 44, 45, 49, 50).

[14] См.: Давыдова А. В. Иволгинское городище..., с. 272—285, рис. 9, 11, *3*, 16 *б*. Обломки сосудов из дома Ли Лина хранятся в ГИМе.

[15] См.: Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве.— МИА, № 149. М., 1969, рис. 51; Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов, рис. 3, *1—4*.

[16] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 77, 82; Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге.— ТТКАЭ, т. I. М.—Л., 1960, рис. 18.

[17] См.: Давыдова А. В. Иволгинское городище..., рис. 10, *1*.

Такое сочетание гуннской и уюкской посуды могло быть лишь на рубеже III и II вв. до н. э. Как указывалось выше, гунны в 201 г. до н. э. завоевали земли бассейна Верхнего Енисея; именно тогда уюкский племенной союз прекратил свое существование и возникла новая шурмакская культура, сменившая в Туве уюкскую.

Совместная находка уюкского и гуннского сосудов в одной из древних выработок на железную руду в Кара-Суге датирует выработку концом III — началом II в. до н. э. и дает возможность заключить, что местные уюкские племена добывали здесь железную руду еще в V—III вв. до н. э., когда в погребениях этой культуры повсеместно стали встречаться предметы, сделанные из железа; совместная находка уюкского и гуннского сосудов позволяет сделать вывод, что гунны, сразу после завоевания этой территории, сами предприняли разработку железных месторождений в Туве.

Последнее обстоятельство весьма существенно. Оно указывает на экономические причины гуннского завоевания районов Саяно-Алтайского нагорья и Южного Забайкалья, чрезвычайно богатых месторождениями железа, меди, золота, олова и т. п. Иволгинское городище было поселком металлургов, литейщиков, кузнецов и прочих мастеров, снабжавших гуннский племенной союз необходимыми предметами вооружения, орудиями труда и быта. Ведь исконные земли гуннов в равнинах Ордоса, Гоби и степях современной Монголии (где они обитали до завоевания северных горных районов в конце III в. до н. э.) почти лишены рудных месторождений полезных ископаемых.

Вот причина того, что оформившийся в конце III в. до н. э. гуннский племенной союз, захватив всю Центральную Азию, около 201 г. до н. э. ринулся на завоевание северных районов, богатых месторождениями рудного сырья. Мудрость шаньюя Маодуня и его советников состояла, очевидно, в том, что для многотрудной борьбы с ханьским Китаем и другими врагами гуннам нужны были не только спокойные северные тылы, но и нужна была постоянная горнорудная, металлургическая и ремесленная база для снабжения войск предметами вооружения и походного снаряжения. Именно тогда в Центральной Азии возникло большинство гуннских ремесленных поселений и городков [18].

[18] См.: Киселев С. В. Древние города Монголии.— СА, 1957, № 2, с. 92—93; Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии. Улан-Батор, 1970, с. 36 и карта 1.

Во время этого завоевания были разгромлены уюкский и тагарский племенные союзы на Енисее, пазырыкцы на Горном Алтае и носители культуры «плиточных могил» в Забайкалье. Тогда-то и появились первые памятники гуннской материальной и духовной культуры в захваченных северных землях, в том числе и описанные выше.

Отметим находку гуннских сосудов в западной части Тувы возле г. Чадана. Здесь в 1958 г., при разливе р. Чадан, пастухи нашли в земле 2 больших вазообразных сосуда, очевидно, из размытой в этом месте гуннской могилы. Сделаны они на ручном гончарном круге. Целый сосуд (высота 52 см) хранит на дне квадратный отпечаток шипа гончарного круга. Его темно-серая поверхность имеет вертикальное лощение и характерный для гуннских вазообразных «бочек» орнамент: 3 резные линии вокруг горла и пояс по плечику, состоящий из 2 параллельных налепных валиков, с зигзагом из валика между ними [19]. Подобные сосуды известны в Иволгинском городище в Забайкалье. Сходны с нашей вазообразной «бочкой» так называемые «погребальные урны» из курганов гуннской знати в Ноин-Уле [20]. Вторая ваза (серая и лощеная) дошла до нас в обломках. Ее отдельно сформованное горло имело резко отогнутый венчик (диаметр 20 см) с оттянутым валиком снизу и другим подобным валиком, проходящим по основанию горла. Сосуд украшали 2 орнаментальных пояса. В первом поясе между двух горизонтальных валиков идут 2 резные волнистые линии. Во втором поясе 2 волнистые линии заключены между прямыми резными. На первом поясе орнамента располагались 2 небольшие ручки в виде выступов.

Аналогичные вазы с валиками по горловине, подобный орнамент и ручки-выступы, — все это характерно для посуды дэрестуйского этапа гуннской культуры [21].

Таковы материалы из разнообразных памятников (стойбище, древний рудник, могила) Тувы, непосредственно принадлежащие центральноазиатским гуннам, на том раннем

[19] Сосуды поступили в Кызыльский музей в октябре 1960 г., № 3723. Дар чабана Чажан-оола Ондара из колхоза «30 лет Октября» (см.: Кызласов Л. Р. О памятниках ранних гуннов, рис. 3, *6—9* и 4).

[20] См.: Давыдова А. В. Иволгинское городище..., рис. 9; Руденко С. И. Указ. соч., рис. 51-Ж, К; таблицы XXVI, *4* и XXVII, *8*; Козлов П. Дары Монголии.— «Советская Азия», 1930, № 3—4, рис. 6.

[21] См.: Давыдова А. В. Иволгинское городище..., с. 274—284, рис. 11, *3*, 12; она же. Новые данные об Иволгинском городище.— Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 3. Улан-Удэ, 1960, рис. 6, *4*, 10; Сосновский Г. П. Дэрестуйский могильник, рис. 4.

этапе развития их культуры, который относится ко II—I вв. до н. э. и, по нашему предложению, может быть назван дэрестуйским. Добавим, что в числе случайных находок из Тувы известны те же литые монеты «у шу» (выпущенные в конце II в. до н. э.), что и встреченные в поздних гуннских погребениях Дэрестуйского могильника в Забайкалье [22].

Таким образом, можно заключить, что некоторые памятники гуннов известны теперь не только на территориях Монголии и Забайкалья, но и в бассейне верхнего и среднего течения Енисея, то есть в Хакасии и Туве. Все они хорошо подтверждают письменные сообщения о завоеваниях гуннами этих территорий на рубеже III—II вв. до н. э. и затем в 49 г. до н. э. Заметим, что в Туве уже открыты и памятники гуннов, относящиеся к суджинскому этапу их культуры (I в. до н. э. — I в. н. э.). Видимо, к этому периоду принадлежат редкие могилы погибших здесь гуннов, обнаруженные А. М. Мандельштамом у горы Бай-Даг на Улуг-Хеме. В устройстве погребальных сооружений и в обряде их видны присущие гуннам палеоэтнографические особенности. Они известны и по письменным источникам, и по археологическим раскопкам гуннских могил в Монголии и Забайкалье.

Наличие в Туве собственно гуннских памятников показывает, насколько ошибочно утверждение С. И. Вайнштейна, что шурмакские племена представляют собой якобы смешение хуннских племен с местными племенами Тувы и что погребения их «характеризуются свойственным хуннам обрядом (погребения в деревянных гробах и др.)» [23]. Тогда не обособились бы памятники собственно гуннов.

Следует подчеркнуть, что никогда гунны в Хакасии и Туве не жили большими группами, оставляя на время лишь наместников, свои гарнизоны (не всегда состоявшие из собственно гуннских воинов) и, вероятно, своих рудознатцев и мастеров. Известно, что в 74—56 гг. до н. э. местные племена Хакасии и Тувы изгнали гуннов и даже совершали сокрушительные набеги на гуннские земли, находившиеся на территории современной Монголии. В 49 г. до н. э. Чжичи-шаньюю пришлось вновь завоевывать северные земли, но с уходом его орды в Среднюю Азию, где в 36 г. до н. э. гунны были совершенно разбиты, территории Тувы и Хакасско-Минусинской котловины навсегда освободились от недолговечной и не имевшей прочной опоры власти гуннов [24].

Учитывая значение гуннских завоеваний III—I вв. до н. э. для истории племен Саяно-Алтайского нагорья, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что в этническом и историко-культурном смысле облик археологических культур этого района определяло основное, преобладающее в количественном отношении, местное население. Поэтому следует изучать конкретные культуры местных племен: таштыкскую в Хакасско-Минусинской котловине и шурмакскую в Туве. Нам известно, что та и другая просуществовали вплоть до VI в. н. э., то есть еще 400 лет после исчезновения власти гуннов над Центральной Азией. Это показывает самостоятельность их развития.

В работах по археологии Южной Сибири, отдавая предпочтение преобладающему числу однокультурных памятников того или иного времени, необходимо выделять памятники сосуществовавших на одной территории различных этнических групп как местного, так и пришлого происхождения [25]. Это способствует проникновению исследователей в подлинную этническую историю древнего населения, раскрывает динамику и сложность исторического процесса, показывает исторические возможности археологической науки [26].

Говоря о шурмакской культуре в Туве, мы должны при описании раннего ее этапа уделить определенное внимание и небольшому числу гуннских памятников как археологическому свидетельству кратковременного пребывания в бассейне Верхнего Енисея представителей чуждой для шурмакских племен иноземной этнической группы.

---

[22] Сборы С. А. Теплоухова, 1929 г., район г. Турана. — ГЭ, коллекция № 5133-25. Ср.: Сосновский Г. П. Дэрестуйский могильник, рис. 3 (монеты отливали с перерывами с 118 г. до н. э. до 618 г. н. э.).

[23] Подробности еще не опубликованы (см.: Мандельштам А. М. Исследование могильников Бай-Даг II и Часкал II.— В кн.: Археологические открытия 1966 года. М., 1967, с. 128; он же. К гуннской проблеме..., с. 4—5. Взгляды С. И. Вайнштейна см.: История Тувы, т. I. М., 1964, с. 36).

[24] См.: Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 50—93; Таскин В. С. Указ. соч., вып. 2. М., 1973, с. 37—39. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 161—166.

[25] См., например: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха...; он же. Этапы древней истории Тувы...; он же. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.).— ВМУ, син, 1960, № 1; он же. Этапы средневековой истории Тувы.— ВМУ, си, 1964, № 4; он же. Курганы тувинцев.— ВМУ, си, 1964, № 5.

[26] См.: Кызласов Л. Р. Роль археологических источников в изучении истории малых народов Сибири.— «История СССР», 1975, № 6.

РАННЕШУРМАКСКИЕ МОГИЛЫ И СТОЯНКИ

В 1962 г. нами открыт замечательный раннешурмакский могильник в урочище Кара-Даш на левом берегу Хендерге, левого притока Элегеста. Две соседние сопки Кара-Даш возвышаются в 5 км к северу от пос. Ак-Тал и в 1,5 км к северу от горы Куйлуг-Даг.

Здесь, в 150 м от берега реки, дугой с юго-запада на северо-восток, протянулась цепочка из 12 чисто каменных раннешурмакских курганов (диаметр от 3—5 до 12—15 м, высота 0,5—2 м). К востоку от северо-восточного кургана расположена небольшая оградка со стоящей внутри ее стелой, а на юг отходит цепочка из 6 уюкских каменно-земляных курганов (диаметр 5—10 м) с кольцами (диаметр до 20 м; см. рис. 63). К северу от могильника Кара-Даш, вокруг двух соседних сопок, имеется еще множество малых и больших уюкских курганов с кольцами и квадратными оградками.

Среди шурмакских памятников наше внимание привлекли 2 кургана, расположенные посредине цепочки. От них с северной стороны, двумя как бы сходящимися дугами, отходят ряды из каменных вертикально врытых (высота 0,2—1 м) плит-«столбиков» (рис. 63). От северо-восточного кургана (на север, с отклонением к северо-западу) отходит ряд из 13 плит на 23,2 м от насыпи (высота от 0,27 до 1,05 м). У некоторых плит верх давно обломан. На первой плите, стоящей у самой насыпи с северной стороны, выбито точечной техникой силуэтное изображение бегущего марала со стилизованными рогами (рис. 64, *1*). От юго-западного кургана (к север-северо-западу с отклонением на север) отходит ряд из 17 вертикальных плит (с небольшим перерывом после 8-го камня; в разрыве могло стоять первоначально еще 3 ныне увезенных столбика). На 7-м камне с северной стороны выбито изображение силуэта марала (рис. 64, *2*), по-видимому, с недоделанными рогами.

Вероятно, это раннешурмакский могильник родовой группы «Марал». Между прочим, раннешурмакские «писаницы», как и ряды каменных столбиков, зафиксированы нами здесь впервые. До этого ряды каменных столбиков были известны лишь у поминальных шурмакских курганов [27].

Северо-восточный *курган № 1* нами раскопан. Насыпь его сложена из обломков скалы (от 0,1 до 30—50 кг). Полы слегка задернованы. Следов ограбления не видно, лишь с северной и восточной сторон некоторое количество камней вывезено недавно на строительство в пос. Ак-Тал. Диаметр насыпи 12×11 м. Высота насыпи над современным уровнем почвы с северной стороны — 0,85 м и с южной — 1,49 м. Верхний слой насыпи состоял из чистого камня, но под ним находился нижний слой (толщина 20—35 см), состоявший из камней и земли (рис. 65).

При разборке верхнего слоя в разных местах в камнях обнаружены отдельные кости овцы и коня, а также скопления их. На се-

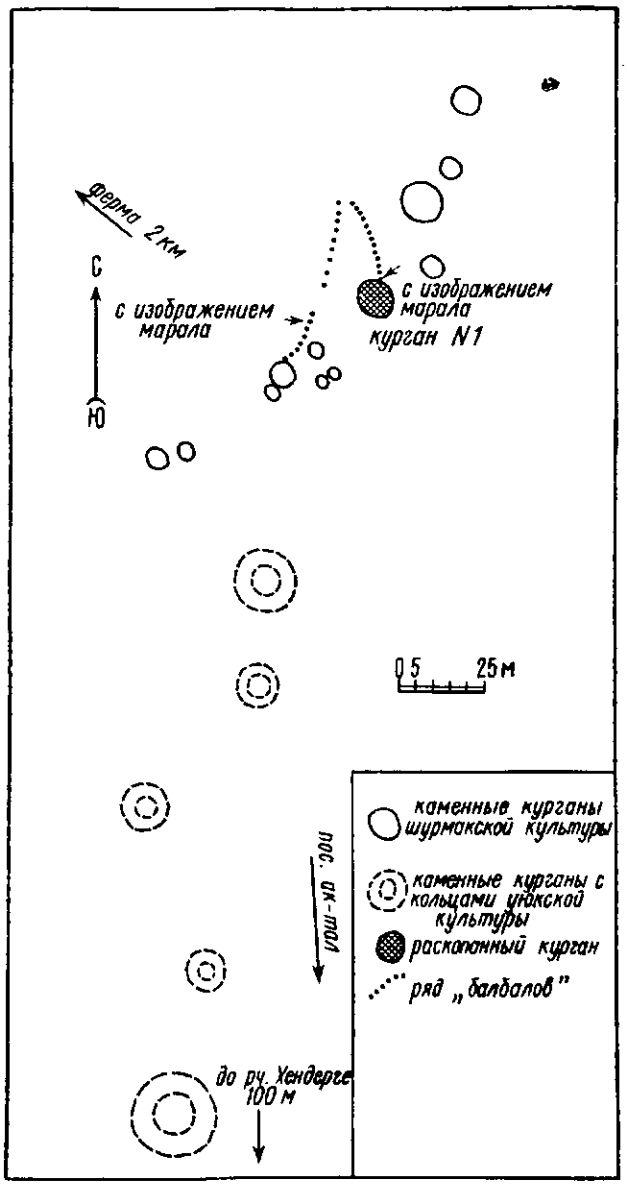

Рис. 63. План могильника Кара-Даш

[27] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 95 и таблица I, Б.

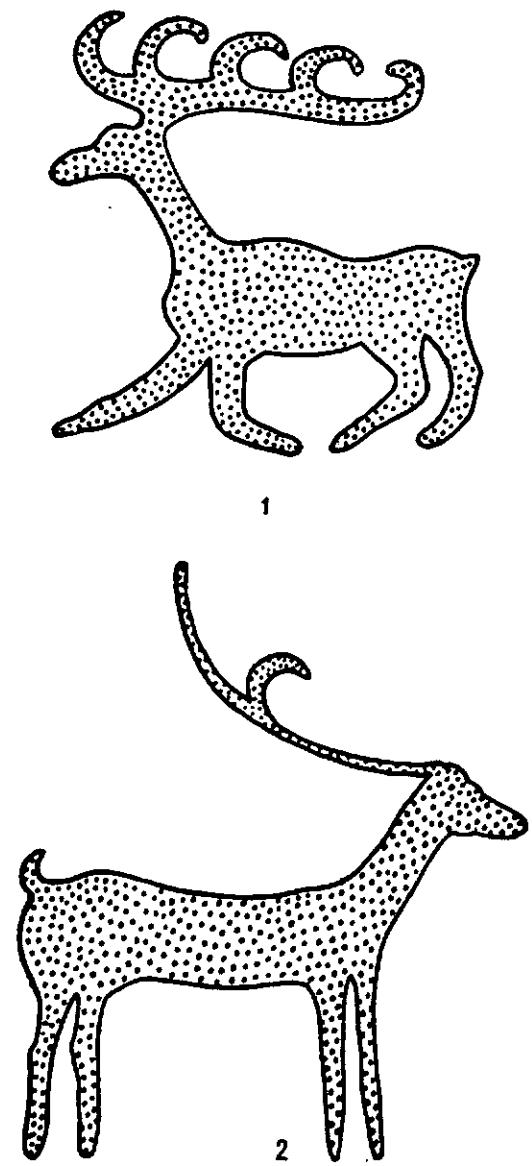

Рис. 64. Фигуры маралов, выбитые на менгирах раннешурмакских курганов в урочище Кара-Даш

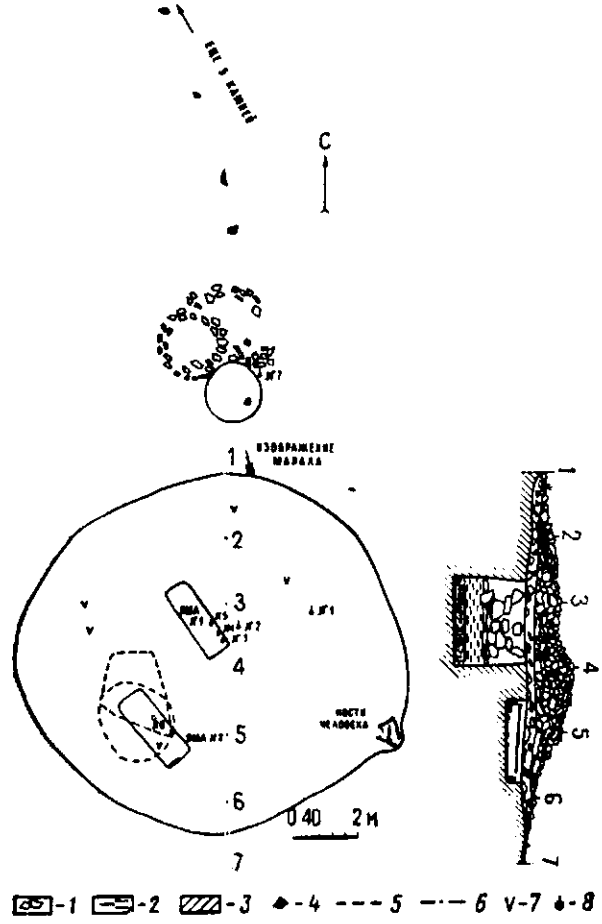

Рис. 65. План и профиль кургана № 1 в урочище Кара-Даш:
1 — слой камней с землей, *2* — желтая глина, *3* — материк, *4* — каменные столбики, *5* — граница кострища в насыпи (глубина 1,35 м от кургана № 4), *6* — граница кострища на горизонте, *7* — кости животных, *8* — места находок

веро-восток от центра, на глубине 0,5 м от верха насыпи в этом месте, обнаружены остатки специально разбитого с целью поедания мозга черепа барана (здесь же рог, челюсть, ребра и позвонки его). В западной части насыпи (на глубине 0,6 м от кола № 4) найдены кости лошади: таз, зубы, ребра, шейный позвонок и бабки. В северной поле (на глубине 0,5 м) разбросаны отдельные кости лошади. В центре (на той же глубине) также встречаются кости лошади. По-видимому, все эти остатки заупокойной пищи не имеют прямого отношения к шурмакской эпохе, когда был сооружен курган. Они попали в него много позже.

Об этом свидетельствуют 5 металлических предметов (находки № 1—5), относящихся примерно к XV—XVI вв., обнаруженных в центре и восточной части насыпи (ниже описанных костей животных), преимущественно в нижней части верхнего слоя из чистых камней (рис. 65) на глубине от 0,56 до 1 м от центрального кола № 4. Здесь найдены: ключ от замка, отлитый из бронзы (№ 5), половинка удил (№ 1), широкий плоский наконечник стрелы — срезень (№ 2), обивка седла с заклепками (№ 4) и подпружная пряжка (№ 3). Все предметы выкованы из железа (рис. 66).

Глубокое залегание этих предметов позволяет предположить, что здесь находились остатки впускного одиночного захоронения,

которое было разграблено тогда, когда еще труп полностью не разложился, так как костей человека в центре насыпи не оказалось. Очевидно, отдельные кости этого взрослого человека (явно позднее подхороненные после разложения ограбленного трупа на поверхности) обнаружены нами под юго-восточной полой курганной насыпи (рис. 65).

Близ северной полы насыпи находились округлая каменная насыпь (внутри которой стоял второй каменный столбик) и каменная выкладка в виде кольца (рис. 65). Они раскопаны на снос, но кроме обломка венчика неопределенного сосуда (№ 7), найденного сбоку, здесь ничего не обнаружено. Вероятно, насыпь и выкладка сооружены позже и прямого отношения к кургану не имеют. Нижележащие остатки относятся к шурмакской культуре и связаны с подстилающим каменно-земляным слоем курганной насыпи. На поверхности этого слоя, в юго-западной части кургана, обнаружены отдельные кости овцы, древесные угли и остатки поминального костра (глубина 1,35 м от кола № 4). Это кострище неправильной ромбической в плане формы (3,2×2,2 м), вытянуто с северо-запада на юго-восток (рис. 65). При снятии каменно-земляного слоя в западной половине кургана встречены одиночные кости овцы. После зачистки поверхности материка в центре выявилась в виде светлого пятна могильная яма № 1. Ее заполнение состояло из гравия, перемешанного с серой землей, резко отличающейся от темного суглинка материка.

Под нижним слоем насыпи в юго-западной части кургана и на горизонте расчищено более раннее поминальное кострище, овальное в плане (2,48×2,08 м); оно вытянуто с северо-запада на юго-восток. При расчистке кострища, оставшегося от поминально-жертвенного костра, разожженного сразу после похорон над свежезасыпанной могильной ямой № 2, в нем обнаружена сначала каменная крышка (16×16 см), а затем под ней вазообразный раннешурмакский сосуд с арочным орнаментом (№ 6, рис. 67, *2, 3*). Судя по белому кольцу, насохшему на плотно прилегавшей крышке, в сосуде первоначально было какое-то питье из молока (рис. 67, *2, 3*). Сосуд на поминках поставили в ямку (диаметр 20 и глубина 23 см), выкопанную в засыпке могильной ямы № 2. Эта могила обнаружилась после зачистки материкового слоя под кострищем (рис. 65).

Яма № 1 — подчетырехугольной формы (2,5×0,8 м, глубина 2,25 м от древнего горизонта) (рис. 65) вытянута с юго-востока на северо-запад. Следов покрытия не было. На

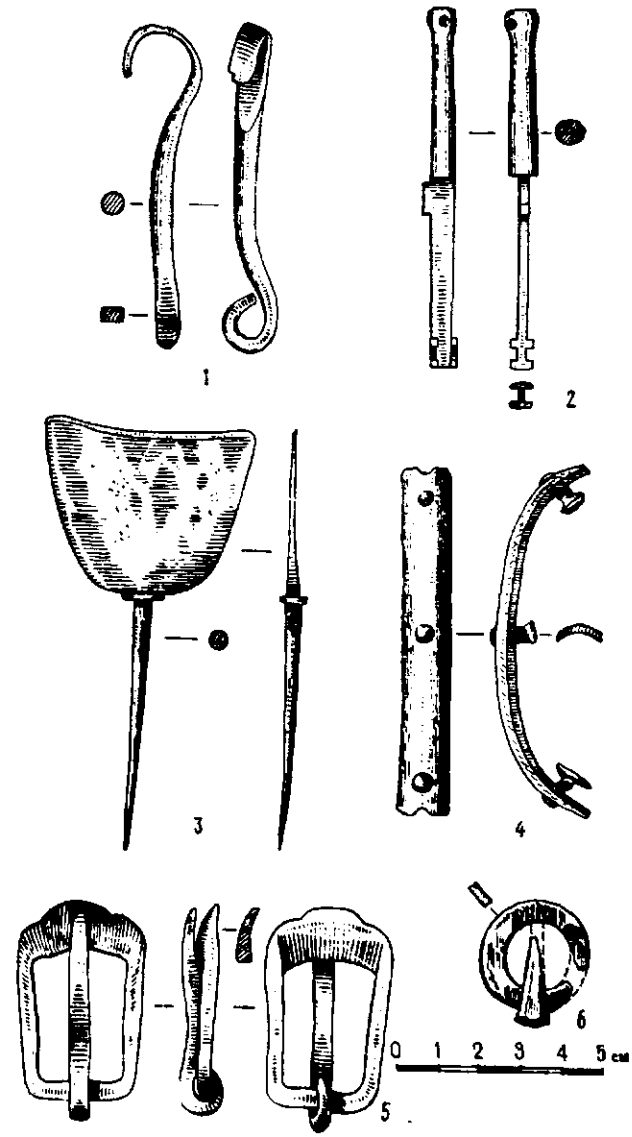

Рис. 66. Железные предметы из позднего впускного погребения (*1—5*) в курган № 1 урочища Кара-Даш и пряжка (*6*) из кургана № 3 могильника Шанчыг

глубине 0,35 м в яме появились угловатые обломки скалы, образующие плотную закладку, залегавшую до глубины 1,4 м. Размеры камней от 0,3×1,5×0,8 до 0,6×0,52×0,1 см. Вес их от 1 до 60 кг. В самом низу по всей яме залегали плиты (0,7×0,7×0,1 до 1,3×0,3×0,06 м). Нижняя плита весила 150 кг. Закладка, несомненно, была предназначена, чтобы воспрепятствовать ограблению.

Под плитами залегала засыпка из желтой глины, под которой на глубине 1,9 м появился гроб (рис. 68, *3*) из досок, вытесанных теслом из ствола лиственницы. По многочисленным зарубкам видно, что лезвие тесла шириной 5 см. Пазы выбраны стамеской. Ни сле-

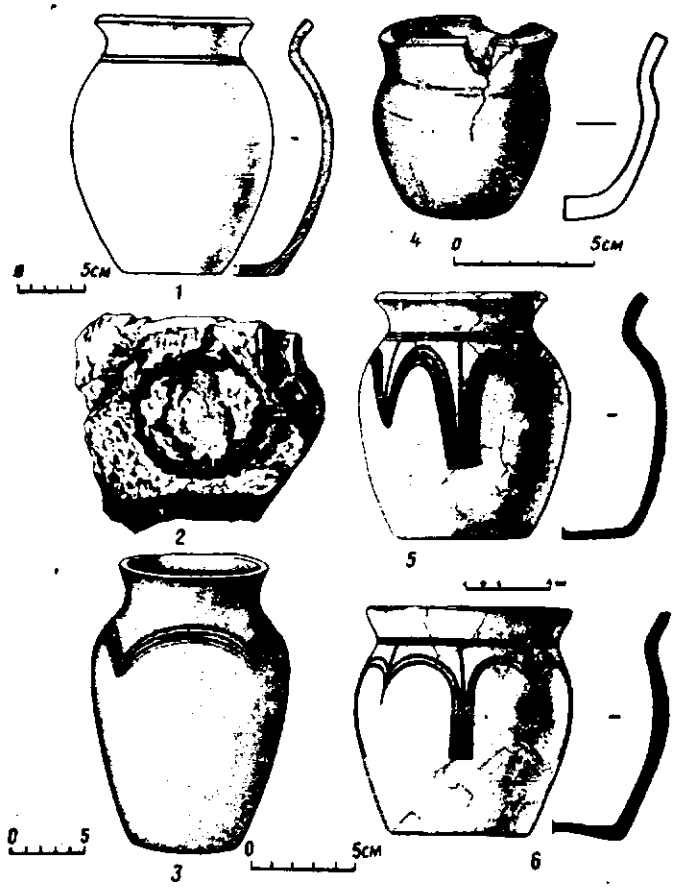

Рис. 67. Сосуды шурмакской культуры:
1 — сосуд из поминального кургана № 6 в могильнике Шанчыг, *2, 3* — сосуд с каменной крышкой с поминального кострища кургана № 1 в Кара-Даше, *4* — детский сосуд из могилы 2 кургана № 1 в Кара-Даше, *5, 6* — сосуды из детского впускного погребения 1 кургана № 3 в Шанчыге

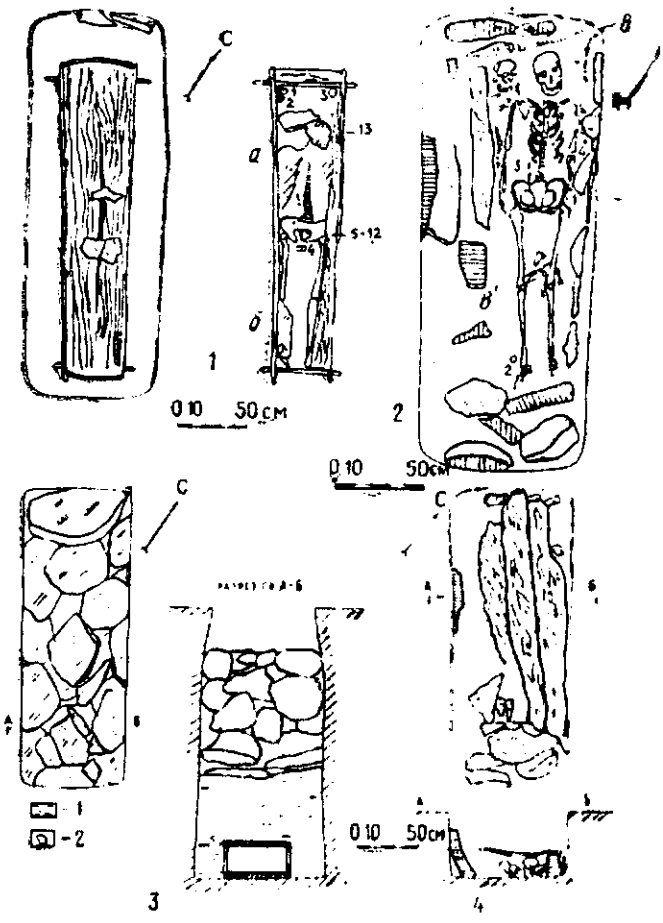

Рис. 68. Погребения в кургане № 1 урочища Кара-Даш
1, 3 — могила 1 (*а* — ткани, *б* — остатки сапог); *2, 4* — могила 2 (*в* — хвостовые кости овцы, *в*¹ — кости овцы), (*3*): *1* — желтая глина, *2* — камни; № 1 — железный нож, № 2 — сосуд, № 3 — железный нож с кольцевой ручкой, № 4 — железный предмет

дов других орудий, ни гвоздей не обнаружено. Длина гроба, расширявшегося в головной части (с северо-западной стороны), — 2,28 м. Крышка состояла из одной, треснувшей вдоль доски длиной 2,2 м и шириной 0,54—0,4 м. Толщина доски 0,02 м (рис. 68, *1*). Концы стесаны на острие. По бокам в крышке имелось по 2 четырехугольных отверстия (2,5×1 см), которыми она закреплялась на шипах боковых стенок (рис. 69).

Дно — доска толщиной 0,02 м, длиной 2,28 м и шириной 0,55 и 0,43 м. В ней также по бокам по 2 отверстия (2×1; 2,5×1 см) для скрепления с боковыми стенками посредством сыромятных ремней или деревянных шипов (рис. 70). Крышка и дно хорошо отесаны и скруглены по краям.

Ящик составляли 2 боковые доски (их длина 2,28 м, ширина 0,33 и 0,27 м) с прямоугольными прорезями по концам (0,13×0,03 м), в которые входили заостренные большие шипы (12×8 см) торцовых стенок. Эти шипы, в свою очередь, имели сверху и снизу пазы (3,5×0,8 см), в которые загонялись клинышки (8×0,3 см), прочно скреплявшие основу ящика (рис. 70). Торцовые доски имели размеры: 0,49×0,33 м (в головах) и 0,31×0,27 м (в ногах). Их толщина — 0,03 м (рис. 69, *2* и 70).

Общая высота гроба в головах составляла 0,38 м и в ногах 0,32 м (рис. 70). Несмотря на сравнительно хорошую сохранность, необходимо отметить, что крышка, юго-западная боковая стенка и головная торцовая стенка гроба имели большие трещины (рис. 69), а северо-восточная стенка лопнула и прогнулась вовнутрь (рис. 68, *1*). После извлечения на воздух доски вскоре стали трухлявыми, и сохранить гроб не удалось, зато он был изучен и полностью зафиксирован (рис. 69, 70). На юго-западной стенке сна-

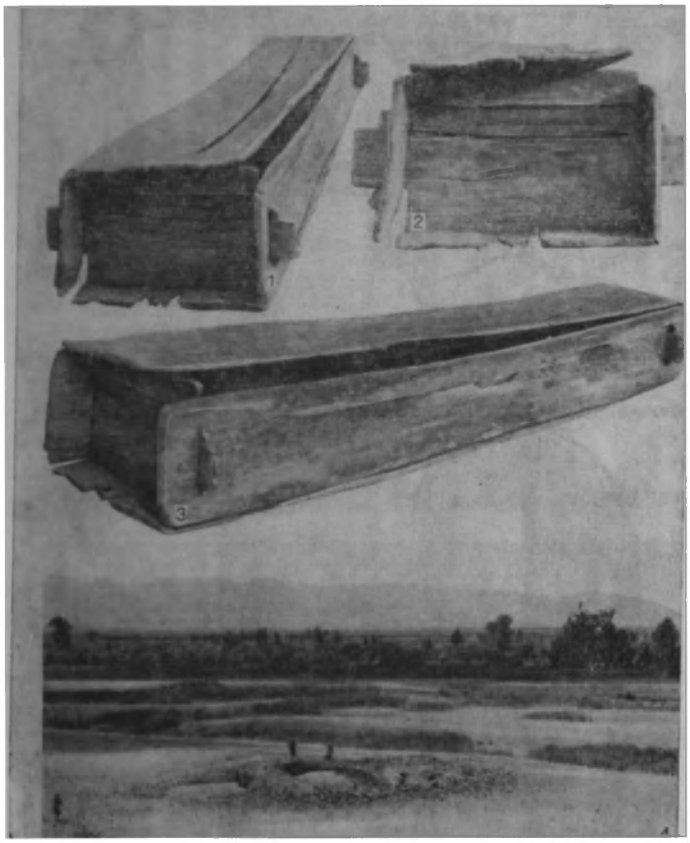

Рис. 69. Деревянный гроб из могилы 1 кургана № 1 могильника Кара-Даш (*1—3*). Раскопки погребального № 3 (справа) и поминального № 6 (слева) курганов шурмакской культуры в могильнике Шанчыг (*4*)

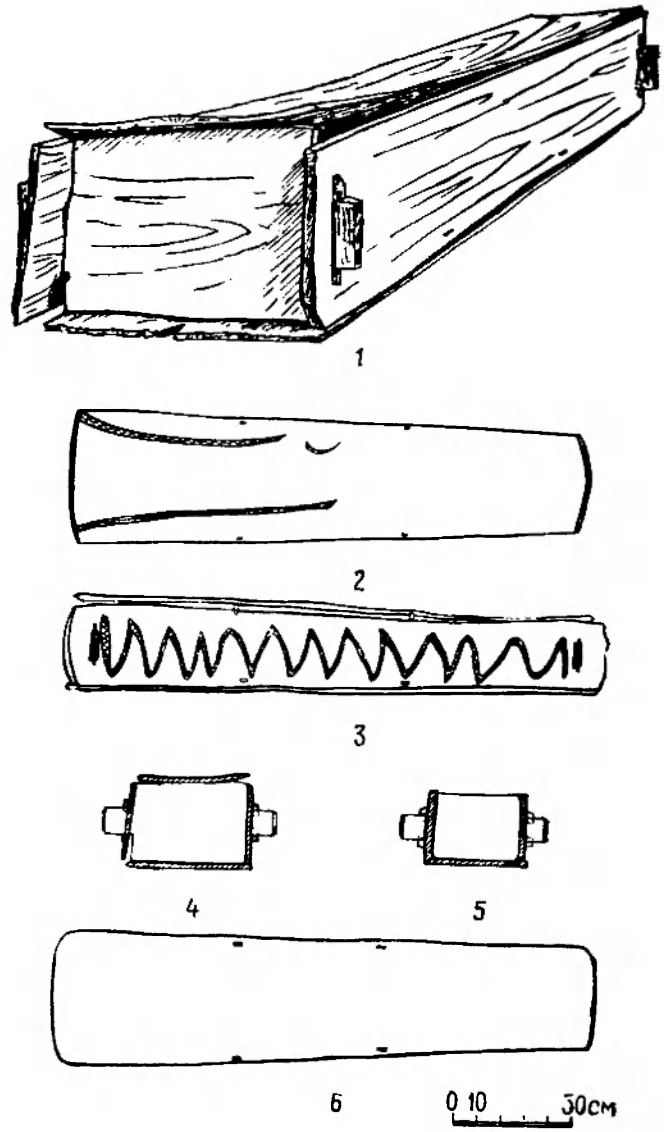

Рис. 70. Чертежи гроба из могилы 1 кургана № 1 могильника Кара-Даш:
1 — чертеж гроба, *2* — крышка, *3* — правая наружная сторона, *4* — передний торец, *5* — задний торец, *6* — дно гроба

ружи нанесен красной краской отчетливый зигзаг, а на крышке различались отходящие от головной части 2 широкие изогнутые красные линии с короткой «скобкой» у одной из них (рис. 70). Других следов раскраски ни снаружи, ни внутри не было. Назначение узоров не ясно. Возможно, что на боковых стенках изображены змеи — божества подземного мира. Подобной сохранности гроб с раскраской обнаружен в раннешурмакских могилах Тувы впервые.

В гробу находились останки взрослого мужчины, лежавшего вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицом на северо-восток. Под его головой стоял камень (25×10×7 см), с которого череп сполз. Небольшой камень был и на ногах (рис. 68, *1*). Сухость грунта и расположение кургана в высокогорной долине способствовали сохранению на голове, шее, плечах и ногах некоторого количества усохших мягких тканей, остатков одежд и деревянных предметов.

До извлечения скелета удалось проследить, что на ногах были надеты длинные, выше колен, сапоги из кожи с мягкой подошвой (типа ичигов) с тесемчатыми завязками на щиколотках (рис. 68, *1*). При этом голенища (длина 38 см) отделились, как раз по линии завязок, от головок (длина их 14 см). Видны были также остатки короткого (до бедер) кожаного халата, на правом плече которого сохранился двойной шов, прошитый сухожильными нитками. Различались также плохо сохранившиеся остатки, облегающей голову, кожаной шапочки, с налегающими на

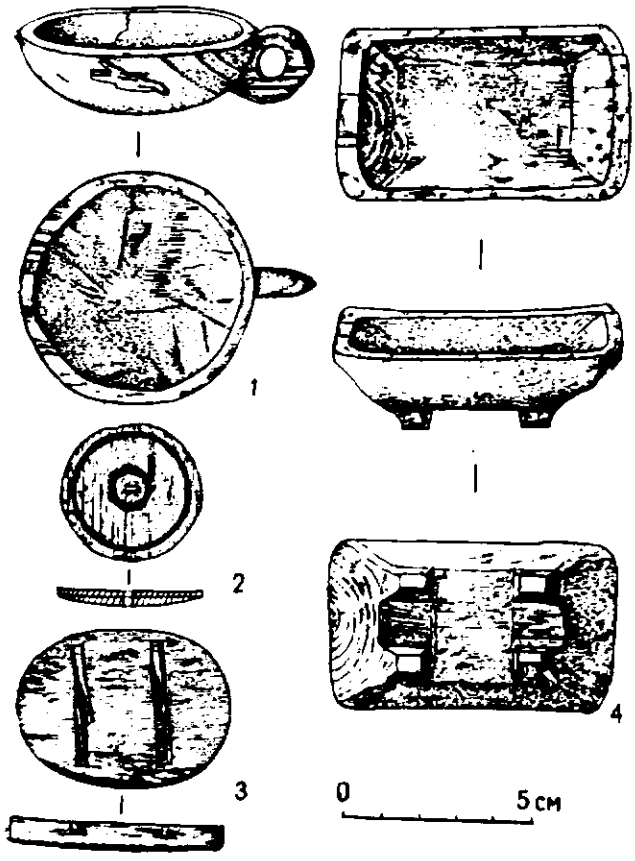

Рис. 71. Деревянные модели сосудов из могилы 1 кургана № 1 могильника Кара-Даш

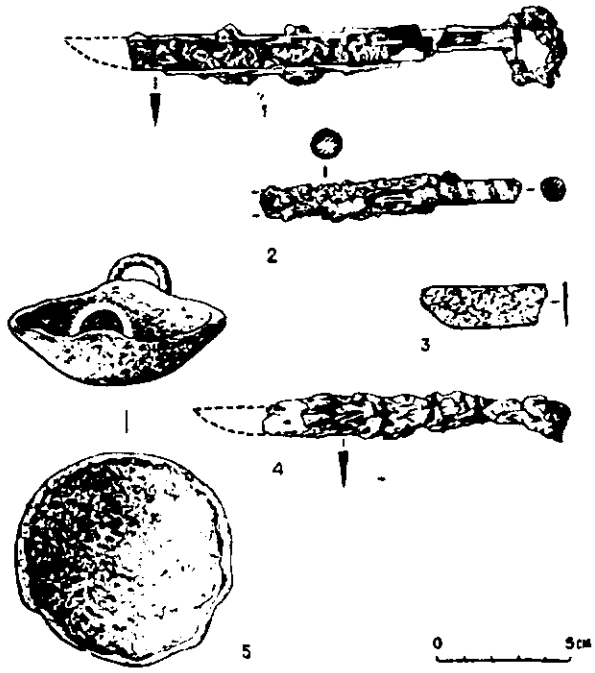

Рис. 72. Железные предметы и их модели из могилы 1 кургана № 1 могильника Кара-Даш: *1, 4* — ножи, *2* — остатки модели дротика с обломком древка, сохранившим спиральную раскраску, *3* — пластинка, *5* — модель чаши

уши клапанами. Покрой этих вещей установить было трудно.

При погребенном обнаружены преимущественно уменьшенные модели реальных предметов, а не сами предметы. Подобная замена обычна для обряда шурмакских и таштыкских племен. В головах стояли модели сосудов (рис. 71). В западном углу находились хорошо сохранившиеся деревянные модели: корытце на 4 ножках (№ 1) и выпуклодонный ковшичек с петлеобразной ручкой (№ 2; рис. 68, *1*). В них лежала черная масса (остатки мяса?). В северном углу стояла железная миниатюрная чаша с двумя дужками-ручками и выпуклым дном (№ 3), сильно окисленная (рис. 72, *5*).

Между бедер у таза (рис. 68, *1*) обнаружено овальное деревянное донце миниатюрной «шкатулки» (№ 4), с 4 деревянными гвоздиками, проходившими с боков в специально выбранные пазы. Этими гвоздиками, возможно, крепились истлевшие стенки (рис. 71, *3*).

С левой стороны, у таза, возле левой руки, под прогнувшейся доской гроба, лежали вещи (№ 5—12). Это — фрагмент листочка плющеного золота (№ 5), наклеенный прежде как украшение, и пучок моделей стрел (№ 7; около 10) с деревянными, нарочно сломанными древками (окрашенными в черный цвет) с двумя красными широкими полосами у выреза для тетивы и возле наконечника. В 6 древков вставлены маленькие железные, сильно коррозированные, трехлопастные наконечники (один лопаточкообразный). 7-е и 8-е древки имели цельнодеревянные «наконечники» с двумя красными «глазками» на черных головках (рис. 73). 3 таких же «глазка» нанесены под железным наконечником одной из стрел. А под 3 другими наконечниками видны по 2 красных «глазка». Таким образом, нами впервые найдены «видящие» глазастые стрелы, о которых часто упоминается в фольклоре саяно-алтайских тюрков (рис. 73, *2, 4—8* и 74).

Возле пучка стрел лежали 2 сломанные модели луков «М»-образной формы, сделанные из тонких щепочек (№ 6 и 11). Как и древки стрел, они выкрашены в черный цвет, а по их «рогам» (с вырезом для тетивы) проходит зигзаг, нанесенный красной краской (рис. 75). Подобный зигзаг был и на стенке гроба. Здесь же обнаружены железный нож с кольцом на ручке в деревянных ножнах,

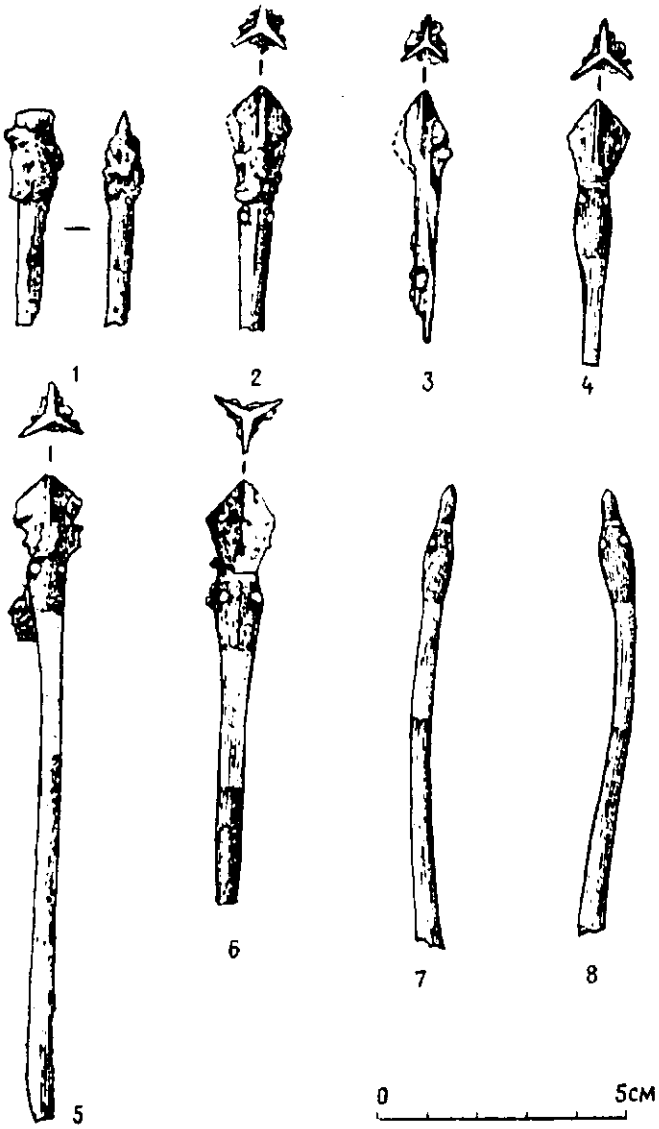

Рис. 73. Раскрашенные древки стрел с железными миниатюрными наконечниками (*1—6*) или цельнодеревянные (*7—8*) из могилы 1 кургана № 1 могильника Кара-Даш.
2, 4—8 — «глазастые» стрелы с нарисованными на черных головках древков красными «глазками». Шейки древков и «носики» окрашены в красный цвет, а все древко — в черный

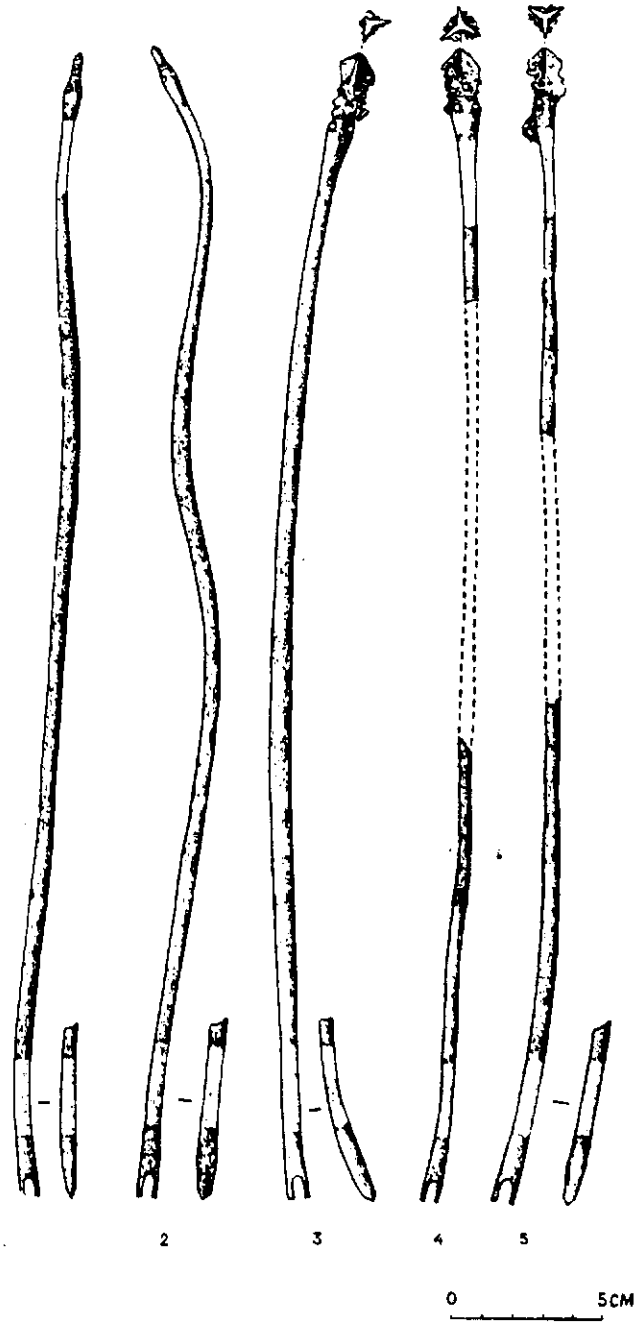

Рис. 74. Сохранившиеся раскрашенные стрелы из могилы 1 кургана № 1 могильника Кара-Даш.
Все древко окрашено в черный цвет; под головкой и у выреза для тетивы — красные пояски; красные кольца и «глазки» нанесены под наконечниками на «головках»

обтянутых железными кольцами (№ 8), черешковый нож (№ 9), железная пластинка (№ 10) и деревянное древко с надетой на конце железной сильно окисленной трубкой (№ 12), возможно, от наконечника дротика (рис. 72, *1—4*).

Последним предметом, найденным в основном погребении, был деревянный диск с двумя отверстиями для пришивания и концентрическими окружностями, нанесенными красной краской на гладкой стороне (№ 13). Он лежал слева у лица скелета (рис. 71, *2*). Остатки жертвенного мяса — кости овцы (таз и бедренные) находились у левой стопы.

Яма № 2, по-видимому, была дополнительной могилой, очевидно, членов семьи мужчины из основного погребения. Это можно

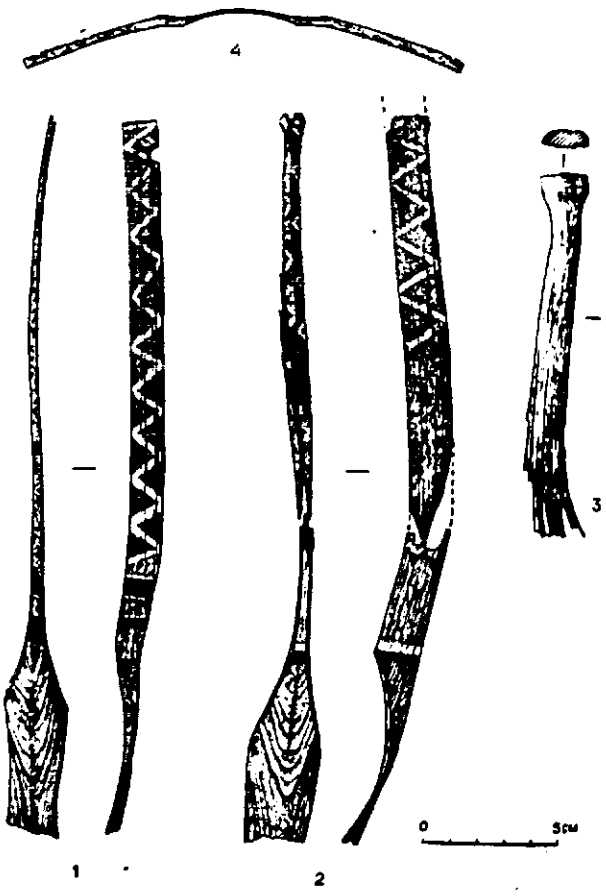

Рис. 75. Остатки деревянных моделей лука, выкрашенных в черный цвет с красными поясками и зигзагообразными украшениями (*1, 2*), *3* — остатки деревянного предмета неизвестного назначения, *4* — схема модели лука из могилы 1 кургана № 1 в урочище Кара-Даш

предположить по ее расположению в юго-западном секторе кургана (рис. 65). Над ней дважды совершались поминки с разведением жертвенных костров: а) сразу после погребения, когда был зарыт и сосуд с жертвенно-поминальной пищей (рис. 65, 67, *2, 3*), и б) после сооружения нижнего слоя насыпи из земли и камней. Яма № 2 была прямоугольной, также вытянутой с юго-востока на северо-запад. Длина ее 2,52 м, ширина 1 м в головной части и 0,9 м в ногах; глубина 0,55 м от древнего горизонта (рис. 68, *2, 4*).

При расчистке заполнения, на глубине 0,38 м, выявлены 3 плахи, расположенные несколько наискось; они закрывали лежащие под ними скелеты. Длина досок 2,1; 2 и 1,1 м; ширина 0,25; 0,18; 0,2 м; толщина 1 см. На досках в разных местах находились 4 фаланги пальцев рук и ног, вытащенные грызунами (рис. 68, *4*). В юго-восточной части ямы открыта закладка из камней от 0,34×0,16×0,9 до 0,5×0,35×0,12 м. Под плахами лежали скелеты женщины и грудного младенца, находившегося под правым плечом матери (рис. 68, *2*). Стенки ямы укрепляли камни, поставленные на ребро. Это обрамление не образовывало каменного ящика, ибо не было четкого сплошного ряда камней (от 0,21×0,17×0,6 до 0,55×0,4×0,04 м) с юго-западной и юго-восточной сторон (рис. 68, *2*).

Скелеты женщины и ребенка лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Длина скелетов — женщины 1,75 м и ребенка 0,56 м. Слева от черепа в углу находились хвостовые позвонки овцы — остатки курдюка. Кости овцы положены также между колен (лопатка, ребра и трубчатые; рис. 68, *2*).

С левой стороны таза находился сильно коррозированный железный нож (№ 1), с правой стороны таза лежал другой железный нож с кольчатой ручкой (№ 3). У правой стопы стоял лепной, миниатюрный горшочек из плохо обожженной глины (№ 2), а у левого локтя найден обломок окисленного железного предмета (№ 4; рис. 67, *4*).

Еще один шурмакский могильник обнаружен в межгорной котловине в 3 км к северо-востоку от левого берега Хендерге и в 5—6 км к восток-северо-востоку от пос. Ак-Тал. Это в 20—25 км по дороге Хову-Аксы — Хендерге. Здесь по обе стороны дороги находятся 4 огромных кургана из больших обломков скалы (диаметр 25—50 м и высота 1—3 м). Они ограблены; сохранились огромные воронки. Справа от дороги стоит отдельная наклонная плита (кёжээ).

К раннему этапу шурмакской культуры относятся также расположенные рядом курганы № 3 и 6 могильника Шанчыг. Это единый комплекс из могильного (№ 3) и расположенного рядом с ним с восток-северо-восточной стороны поминального кургана (№ 6), что довольно обычно для памятников раннего этапа этой культуры (рис. 69, *4*). *Курган № 3* — округлая насыпь из мелких обломков скалы, слегка задернованная и покрытая кое-где кустиками караганы. Диаметр кургана 14 м, высота от современного уровня почвы 0,64 м. Насыпь сложена из чистого камня, ее высота от древнего уровня почвы 1,12 м (рис. 76). В центре, на глубине 0,35 м, в насыпи обнаружены мелкие раздробленные кости лошади и черепок лепного сосуда (№ 1). К западу от центра и в северо-восточной поле кургана на глубине 0,6 и 1 м обнаружены неопределимые кости животных. На глубине 0,6 м к северо-западу от центра найдена небольшая круглая железная пряжка с по-

движным язычком (рис. 66, *б*; № 3), а ниже ее лежал позвонок животного.

В северной части кургана обнаружено погребение № 1, впускное в насыпь на глубину 0,44 м. Это — погребение ребенка около 3—4 лет; от его скелета сохранилась лишь черепная крышка, обращенная затылочной частью на запад и глазницами к востоку. Очевидно, здесь было погребение по обряду трупоположения, головой на запад. Это подтверждается находкой двух сосудов, некогда поставленных в головах ребенка, сразу же возле черепа (рис. 76). О земледелии у шурмакских племен свидетельствуют находки в одном из сосудов чешуек проса. Очевидно, в сосуде была пшенная каша. Небольшие вазообразный и горшковидный сосуды, украшенные арочным резным орнаментом и вертикальными лопастями, можно считать типичными сосудами раннего этапа шурмакской культуры (рис. 67, *5, 6*).

Таким образом, впускное погребение № 1 стратиграфически подтверждает, что сам курган и лежащие ниже погребения предшествуют ему. Как увидим, основное погребение относится к той же эпохе, что и погребение ребенка, которое было дополнительным и поэтому впускным.

При расчистке материкового слоя в центре кургана обнаружено погребение № 2 на горизонте, от которого сохранились полуразбросанные кости взрослого человека лет 45—55, судя по стертости коронок зубов верхней челюсти. Определяются кости голени и бедра левой ноги, лежащей под углом друг к другу, как бы в согнутом положении. Далее, к западу, находились лучевая и плечевая кости руки. Судя по расположению этих костей, скелет, скорее всего, первоначально положили на правом боку скорченно, головой на запад. Но череп его (без нижней челюсти) обнаружен к северу от описанных костей, а к югу от них находились кости другой руки и неопределимые обломки костей (рис. 76). Погребение № 2 сильно потревожено давним ограблением, но возможно предположить и захоронение расчлененного трупа.

Однако на следы ограбления как будто бы указывают находки костей и черепки сосуда в насыпи над погребением № 2.

Погребение № 3 — совершено в подчетырехугольной яме (1,87×0,95 м), расширяющейся в ногах (в головах — 0,8 м, а в ногах — 0,95 м) и вытянутой на северо-запад. Глубина ямы от древнего горизонта 0,91 м. Яма засыпана землей и камнями, но в верхней части ее засыпки встречались куски сгнившего дерева от бывшего некогда наката

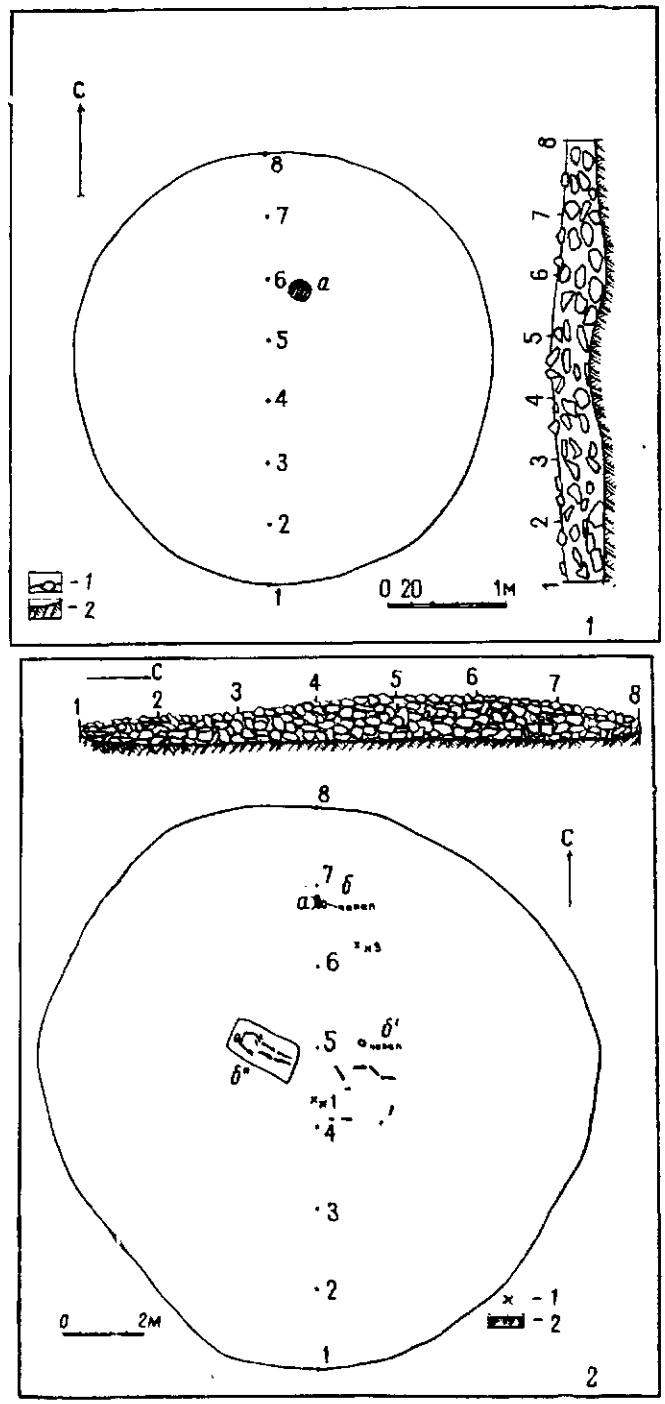

Рис. 76. Планы и разрезы раннешурмакских курганов в могильнике Шанчыг.
2 — погребальный курган № 3 (а — сосуды № 6 и *7*, *б* — погребение № 1, *б'* — погребение № 2, *б''* — погребение № 3, *1* — место находки, *2* — материк), *1* — относящийся к кургану № 3 поминальный курган № 6 (*а* — сосуд, *1* — земля, *2* — материк)

или покрытия (рис. 76). В могиле оказался скелет взрослого человека плохой сохранности, лежавший на спине вытянуто, головой на северо-запад. Длина его 1,62 м. Черепная коробка лежала на левом боку, глазницы обращены к северо-востоку. В области несохранившегося таза, вдоль ног и у головы, встречены мелкие кусочки полусгнивших досок, что заставляет предполагать в прошлом наличие дощатого гроба. Предметов нет. Возможно и в этом случае допустить давнее ограбление, так как в самом верхнем слое засыпки ямы обнаружено ребро человека, вероятно, происходящее от того же скелета, но брошенное в грабительском ходу. Вся погребальная обрядность погребения № 3 позволяет и его отнести к раннему этапу шурмакской культуры.

В этом кургане встречены однокультурные, но разные по положению погребения: основное в яме, вероятно, сопроводительное скорченное погребение на горизонте и дополнительное впускное погребение ребенка.

Курган № 6 расположен в 2 м к востоку-северо-востоку от насыпи кургана № 3. Это круглая плоская насыпь (диаметр 3,5, высота 0,16 м) из мелких обломков скалы и земли. Под насыпью в ямке стоял раздавленный сосуд. Диаметр ямки 0,18 м, ее глубина 12 см от древнего горизонта. Сосуд типично шурмакский, вазообразный, украшенный только двумя резными поясками вокруг шейки. Он торчал из ямки почти на половину высоты и потому вокруг и сверху был обложен камнями и присыпан землей (рис. 76, 67, *1*). Таким образом, курган № 6 надо считать поминальным; здесь «хоронили» в сосуде жидкую пищу, предназначенную для погребенного [28]. Потому этот курган сооружен возле погребального кургана № 3.

Еще один поминальный курган с двумя разбитыми вазообразными сосудами (один из них стоял в ямке с золой и угольками) был случайно перекрыт уйгурским земляным курганом № 5 в могильнике Чааты I и раскопан нами в 1958 г.

Поминальные курганы [29] нередко располагаются вплотную к погребальным курганам с северо-восточной стороны, причем поминальные насыпи прикрывают северо-восточные полы погребальных курганов. Расположение поминальных насыпей само по себе может быть хорошим стратиграфическим свидетельством того, что поминальные памятники сооружали позднее погребальных. Их расположение с северо-востока от погребений позволяет сделать вывод, что эти памятники сооружались во взаимной связи.

Так как в таких случаях сосуды из погребений и поминальных сооружений аналогичны, то нужно предполагать малый срок, проходивший между моментом погребения и, очевидно, последними поминками. Такой вывод позволяет считать слившиеся памятники целым и в сущности одновременным комплексом. При описании могилы № 2 в кургане Кара-Даш № 1 отмечен наиболее ранний случай, когда ваза с поминальным питьем была врыта непосредственно в засыпку могильной ямы, очевидно, сразу же после погребения и до сооружения насыпи.

Чаще поминальные курганы не связаны непосредственно с погребениями. Обычно под этими округлыми каменными насыпями, в центре, на горизонте или в небольших ямках находят только раннешурмакские сосуды (рис. 77, *2*, *4*) с жидкой поминальной пищей, накрытые плитками. Реже вместе с сосудами под насыпью залегают угли от небольших поминальных костров, еще реже вместе с сосудами и углями встречаются и кости домашних животных (лошади и овцы) или только кости домашних животных без углей.

Таким образом, обнаружение во всех поминальных курганах глиняной посуды, которая только в редких случаях сопровождалась костями домашних животных, есть свидетельство того, что основной поминальной пищей служила молочная или растительная, а не мясная. Очевидно, молочная и растительная пища преобладала и в жизни. Это свидетельствует об оседлости шурмакцев.

Кроме сосудов лишь в нескольких поминальных памятниках встречены другие предметы. В одном памятнике с обломками сосуда найдены целый курант зернотерки и куски железного шлака; в другом (с двумя сосудами) — оказались железная пластинка и миниатюрная округлодонная чаша с двумя ручками, подобная найденным в могилах; в третьем памятнике (с тремя сосудами) была аналогичная миниатюрная чаша с ручками, но на трех ножках [30].

5 поминальных курганов обособлены от остальных рядом камней (эта особенность

---

[28] Ср.: Кызласов И. Л. Поминальные памятники таштыкской эпохи.— СА, 1975, № 2.

[29] Впервые шурмакские поминальные курганы выделены и описаны нами в 1958 г. (см.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 94—95). Первый поминальный курган разрыт случайно на Улуг-Хеме в 1902 г.; вазообразный сосуд из него Г. П. Сафьянов передал в Минусинский музей (хранится без номера, но с этикеткой).

[30] Краснояровка, 1926 г., № 30; Бей-Хем, 1916 г., № 29 и Ак-Туруг, 1957 г., № 3.

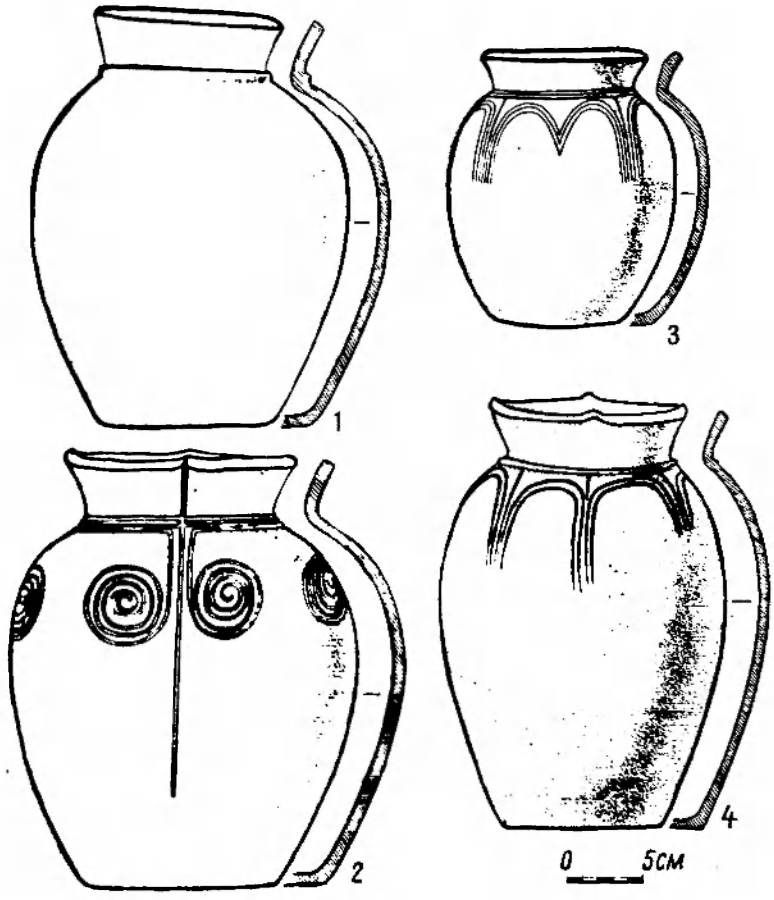

Рис. 77. Раннешурмакские (*2—4*) и позднешурмакскне (*1, 5*) сосуды. *1, 3, 5* — из погребений, *2, 4* — из поминальных курганов. *1* — Бай-Даг, № 71, *2* — Туран, № 124, *3* — Бай-Даг, № 87, *4* — Туран, № 117, *5* — Шурмак-Тей I

характерна и для погребальных курганов Кара-Даша): от северо-восточной полы каждого кургана, отгибающейся на север дугой, шел ряд камней, поставленных через определенные промежутки друг от друга (1—1,5—2 или 3 м). Число вертикально врытых камней колеблется от 2 до 7 (чаще 6) [31], и эти «усы» тянутся на протяжении от 1,5 до 10,5 м. В одном случае «ус» состоял из 17 камней; он растянут на 42,5 м. Высота камней 0,2—0,5 м и до 1 м.

Под всеми этими курганами, как и обычно, находилось лишь по одному шурмакскому сосуду. Каменные жертвенно-поминальные курганы и «выкладки», под которыми также обнаруживаются только сосуды с жидкой пищей или питьем, известны на соседних территориях в ту же гунно-шурмакскую эпоху. Например, курганы с «усами», а также поминальные выкладки возле «усуньских» курганов в Казахстане или жертвенные «площадки» вокруг больших гуннских курганов в горах Ноин-Ула в Монголии [32].

Остается упомянуть еще один вид памятников раннего этапа шурмакской культуры — *поселения*. Напомним, что к этому времени относятся стоянки Чааты № 3 (частично), 5 и 6; Хайыракан № 3 и 4; Боянкольчик № 10. На поселениях много находок обломков зернотерок. Очевидно, большинство этих стоянок — остатки шурмакских стойбищ, состоявших из юрт. В 1962 г. Я. И. Сунчугашев обнаружил довольно редкий для Тувы объект — городище раннего типа, вероятно, относящееся к гунно-шурмакской эпохе. Занимаясь поисками памятников горного дела, Я. И. Сунчугашев только осмотрел его. Древняя крепость, обнесенная земляными валами, рвами и сильно заросшая лесом, находится на пра-

[31] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., таблица III, Б. Эти курганы раскопал С. А. Теплоухов в 1929 г. на реках Туран и Могой (№ 110, 114, 120, 124, 144).

[32] См.: Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.— ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959; он же. Могильник Сангуыр II.— ТИИАЭ, т. 12. Алма-Ата, 1961; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 245—246; Доржсурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 40—41.

вом берегу Каа-Хема, при впадении в Бурен ключа Кызыл-Довурак, на левом его берегу. Валы имеют ширину до 1,5 м и высоту до 1 м, а рвы глубиной 0,6 м и шириной 1,5 м. Крепость выступает на 170—200 м по косогору южного склона горы. Другая половина ее уходит в густой лес. Неподалеку от городища находятся древние выработки и плавильные печи.

▼

Еще не наступило время для полных обобщений раннешурмакских материалов. Однако источники, добытые А. В. Адриановым, С. А. Теплоуховым, Л. Р. Кызласовым, Я. И. Сунчугашевым и М. Х. Маннай-оолом, при учете публикаций других исследователей, позволяют дать определенную характеристику изучаемой культуры.

В целом к раннему этапу шурмакских памятников относятся: округлые каменные курганы с погребениями (А, Б, В); большие, слитые в одну фигурную в плане насыпь, родо-племенные курганы-кладбища со многими десятками могил (Г); редкие грунтовые могилы (Д); поминальные каменные курганы; древние горные выработки на железо и *некоторые сыродутные горны*[33], а также остатки поселений и наскальные рисунки.

Могилы под округлыми каменными курганами (диаметр от 2,5 до 14 м, высота 0,2—1,5 м)[34] по внутреннему устройству и деталям обряда разделяются на 3 группы: а) погребения в гробах или в деревянных камерах, б) погребения в ямах, в) погребения в деревянных колодах.

А. Погребения в гробах или в деревянных камерах совершались в ямах (от 1,3×0,7 до 3,2×2,2 м, на глубине 0,3—2,25 м). Могильные ямы имели прямоугольную, реже овальную, форму и обыкновенно сужались ко дну. Гробы (от 1,9×0,4 до 2,6×0,6 м, высота 0,2—0,4 м) из лиственничных досок расширялись в головах и сужались к ногам. Короткие торцовые стенки их врублены в длинные. Изредка эти гробы — простые ящики. Бывают даже «ящики» из досок, не связанных между собой, причем крышку заменяли ветви карагана, а дно — подстилка из тальниковых веток. Иногда внутри в головах дощечкой отгорожено специальное отделение (0,2×0,4—0,5 м) для сопроводительной пищи. Лучше всего сохранился гроб из Кара-Даша. Также на шипах, без единого гвоздя, сбиты обычно и другие гробы. Гроб из Кара-Даша особенно интересен росписью, нанесенной красной краской (очевидно, киноварью). Вероятно, и на других раннешурмакских гробах должна была быть подобная раскраска. В одной из шурмакских могил II в. до н. э. гроб представлял собой сруб в один венец из лиственничных жердей толщиной до 7 см[35].

Как правило, это одиночные погребения. Но единично встречены в одной яме: 2 гроба со скелетами мужчины и женщины — погребение семейной пары; гроб с погребением взрослого (обложен камнями) и скелет ребенка просто на доске; ярусное погребение двух взрослых в гробах, когда последующее захоронение намеренно опущено в ту же яму, и, наконец, погребение трех мужчин в отдельных, рядом стоящих гробах, в одной большой яме. В последнем случае над ними общее перекрытие из 16 тополевых жердей опиралось на поперечные балки, которые лежали на 4 столбах (высотой 0,86 м), установленных по углам могильной ямы.

Иногда под одной насыпью кроме основных погребений в гробах были еще дополнительные захоронения в отдельных ямах, но без гробов. Это или детские, или реже женские захоронения. В дополнение к основному мужскому захоронению в гробу в глубокой яме в кургане № 1 Кара-Даша находилась мелкая могила женщины и ребенка, скелеты которых были обставлены некрупными камнями по форме гроба и прикрыты досками. Судя по стратиграфии и находкам, эти дополнительные погребения в целом одновременны основным, то есть совершены несколько лет спустя.

---

[33] *Эти типы памятников подробно исследованы* (см.: Сунчугашев Я. И. Указ. соч., с. 103—130).

[34] У кургана Кара-Даш, № 1 (раскопки Л. Р. Кызласова, 1962 г.) от северо-восточной полы отходил на 23 м на север ряд из 13 каменных столбиков высотой 0,2—1 м. У кургана № 4 под горой Курже (раскопки А. В. Адрианова, 1915 г.) у северо-восточной полы расположен один вертикальный камень. У кургана № 53 Уюк-Тарлык (раскопки А. В. Адрианова, 1916 г.) на запад на 19 м отходил ряд из 6 столбиков (до 0,35 м высотой). Насыпи трех курганов обставлены по кругу врытыми на ребро плитками (гора Курже, № 4; Сыын-Чюрек, № 1) (см.: Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—57 гг.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 6. Кызыл, 1958, с. 225). Такой же курган, но пустой см. (ТТКАЭ, т. I, с. 144; МТ-58-XI). Подобные оградки известны среди синхронных курганов на р. Или (см.: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., с. 148). Раньше они есть у курганов Горного Алтая (см.: Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960).

[35] Хадын, 1956 г., № 1 (см.: Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—57 гг., с. 219).

Изредка под курганной насыпью встречается ямка, в которой стоит одиночный вазообразный сосуд, прикрытый вместо крышки каменной плиткой. Этот сосуд с каким-то питьем (судя по осадку на «крышке», типа кумыса) ставили на поминках, сразу после похорон, до сооружения курганной насыпи, но после засыпки могил. На засыпке или рядом на горизонте нередко встречаются остатки жертвенных костров[36].

Деревянные камеры отличаются от гробов в сущности лишь размерами и прямоугольной формой. Их сооружали из тополевых или лиственничных досок, иногда со стенками в 2 венца, причем короткие стенки врублены в длинные. Эти камеры имеют покрытие из досок или горбылей и дощатое дно[37]. Иногда дно ямы покрыто корой лиственницы, но чаще дном служил грунт. В тех случаях, когда дерево истлевало, на стенках ямы сохраняются следы досок. Если концы длинных стенок камер выступали, то вдоль коротких сторон за срубом устанавливали каменные плиты.

Камеры сооружали при необходимости захоронения нескольких умерших сразу. В них погребены семейные пары (мужчина и женщина), а иногда целое семейство (мужчина, женщина и юноша). В одном случае в деревянной камере погребены сразу 5 человек: женщина, двое мужчин разного возраста и дети, положенные поверх взрослых.

Во всех погребениях скелеты лежат вытянуто на спине, головами на северо-запад (73%). Но встречаются и ориентированные на север, запад и юго-запад. Иногда под головы подложены каменные плитки и скелеты лежали по-старому (по-уюкски) скорченно, на левом боку (Уюк-Тарлык, 1916 г., № 50, погребение II). Погребения в гробах сопровождались иногда захоронением людей, положенных без вещей на борту ям (на горизонте) головой на северо-запад. Встречаются также дополнительные, впускные в насыпь детские погребения того же времени.

Б. Погребения в ямах под округлыми каменными курганами отличаются от погребений группы А прежде всего отсутствием всяких деревянных конструкций. Отметим, что под насыпями встречаются остатки жертвенных костров и обломки сосудов. Могильные ямы прямоугольны (от 1,5×0,45 до 2,6×1,5 м, их глубина 0,4—2 м). Иногда скелеты вокруг, по стенкам ямы, обставлены небольшими камнями и плитками. Одиночные скелеты лежат вытянуто на спине прямо на грунте, изредка на досках. Лишь один ребенок лежал на доске, он прикрыт доской сверху. В одной разграбленной яме находились в беспорядке останки 6 человек: двух женщин, мужчины, подростка и двух младенцев; в другой яме обнаружены скелеты двух взрослых. В третьей яме был скелет женщины, умершей от рака[38]. Скелет лежал скорченно, на правом боку (Успенское, курган № 2, 1926 г.).

Дважды под одной насыпью обнаружено по 2 ямы, а однажды — 3 ямы, слившиеся в одну в результате постепенного подхоранивания, спустя краткое время после первого захоронения. Погребения имеют одинаковый инвентарь.

Ориентировка погребенных в ямах почти такая же, как и у захоронений в гробах, но с небольшим отличием. Здесь случаев с ориентацией головой на северо-запад и запад почти поровну. Кроме того, есть скелеты, ориентированные на север, юг и восток.

В. Погребения в колодах, как и в гробах, совершали под округлыми, каменными курганами[39]. Кроме того, многие из них оказались впущенными в предшествующие курганы уюкского времени[40]. Обычно это одиночные погребения, прикрытые сверху деревянными крышками (8 колод), но встречаются парные и даже коллективные в одной яме. Колоды (от 0,5×0,3 до 2,35×0,85 м, их высота от 0,17 до 0,31 м) чаще всего выдолблены или выжжены из стволов лиственницы и имеют корытообразную форму. Внутренние размеры колод: от 0,72×0,22 до 2×0,52 м; их глубина 0,14—0,26 м.

В одном случае в квадратной яме, ориентированной углами по странам света, стояла колода с погребением младенца и рядом в деревянном гробу из вертикально поставленных досок лежал скелет молодой женщины (р. Туран, 1929 г., № 120). В другом случае в прямоугольной яме (3×2 м, глубина 1,15 м), вытянутой с северо-востока на юго-запад, сто-

---

[36] Туран, 1929 г., № 110; Ак-Туруг, 1957 г., Б—3 (см.: Вайнштейн С. И. Указ. соч., с. 222); Кара-Даш, 1962 г., № 1 (раскопки Л. Р. Кызласова).

[37] Бай-Даг, 1927 г., № 87 (28) и № 91 (32); Туран, 1929 г., № 110 (16 Б) (раскопки С. А. Теплоухова). Ак-Туруг, 1957 г., Б—3. Размеры курганов от 2×1,2 до 2,22×1,72 м, высота 0,2—0,4 м.

[38] См.: Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.—Л., 1965, с. 146.

[39] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 91. 4 колоды с сопровождающими погребениями без колод (в двух случаях) под тремя насыпями: Уюк-Тарлык, № 50, погребение 3 (раскопки А. В. Адрианова, 1916 г.); Бай-Даг, 1927 г., № 70 (11) и р. Туран, 1929 г., № 120 (26 б) — раскопки С. А. Теплоухова.

[40] 7 колод: «Чингисханова дорога», 1927 г., № 92 (33); р. Туран, 1929 г., № 96 (2) и Хендерге, 1953 г., № 1.

яли 2 большие колоды со скелетами взрослых и рядом с ними просто на дне ямы находились 3 скелета детей и подростков. Во всех этих случаях скелеты лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад (11), запад (3) и однажды на север. В 7 случаях под головами умерших лежали каменные плитки.

Г. Погребения в больших курганах-кладбищах раскопаны на западе Тувы. В могильнике Кокэль, исследованном в Сут-Холе в 1959—1966 гг., на небольшом плато, среди обычных округлых раннешурмакских курганов, обнаружены 10 больших каменных насыпей (от 3,9×2,5 до 29×14 м) неправильной формы, приближающейся к вытянутому овалу. Наибольшая насыпь (№ 11) имеет размеры около 68×26 м. Высота насыпей от 0,28 до 1—1,6 м. Насыпи чаще вытянуты с северо-запада на юго-восток или с севера на юг[41]. Подобный курган раскопан и в долине р. Алаш[42].

От одного из кокэльских курганов (№ 11) на северо-восток отходит ряд из 5 вертикальных камней, дугой отгибающийся на север. От другого кургана ряд из 3 камней (высота до 0,2 м) шел на северо-запад (№ 4). Здесь же под северо-западной полой обнаружено поминальное кострище, в центре которого стоял сосуд, вероятно, с жертвенным питьем. Северо-западная часть кургана № 4 — это пристроенный к погребальному сооружению особый жертвенно-поминальный курган.

Обычно под насыпями курганов-кладбищ на горизонте обнаруживаются остатки костров, в которых сжигалась жертвенная пища на первых поминках. Нередко эти кострища перекрывают могильные ямы. Часто кострища дополняются жертвенно-поминальными вертикальными валунами или каменными столбиками, стоявшими под насыпями в разных местах (№ 11, 26, 37, 39). Только в одном случае (№ 7) зафиксирован ряд из 5 столбиков, стоявших в линию с запада на восток. У столбиков находятся остатки сосудов с поминальной пищей (однажды сосуд зарыт в центре кострища) и отдельные пожертвованные умершему предметы. Сосуды с поминальным питьем покрывали вместо крышки каменными плитками.

В больших курганах выявлено от 3—5 до 25—46 могильных ям. В кургане № 11 Кокэля обнаружена 141 могила. В другом кургане, в одной большой бесформенной яме, оказалось 9 отдельных погребений, впущенных сверху в разное время, иногда попадавших друг на друга и даже повреждавших более ранние могилы. При этом все погребения относятся к одному культурно-историческому этапу и имеют относительно одновременный инвентарь.

Большие курганы, без сомнения, вырастали с течением времени. Это были уже не семейные или большесемейные усыпальницы, но целые родо-племенные кладбища. Каждого сородича хоронили рядом с могилой предыдущего в отдельной яме, досыпая сверху общую каменную насыпь. Хотя подхоранивание производилось не всегда определенно с одной стороны насыпи, но чаще его совершали с северного или северо-западного конца. Курганная насыпь постепенно удлинялась на северо-запад, что подтверждается завершающим подсоединением с северо-запада жертвенно-поминального курганчика с рядом каменных столбиков.

Отметим, что в этих курганах изредка бывают дополнительные погребения на горизонте и впускные в насыпи, также относящиеся к раннешурмакскому времени. Под большими курганами оказались все типы раннешурмакских захоронений. Преобладают погребения в дощатых гробах (48%), затем встречаются погребения на досках, прикрытые досками (30%), погребения просто на грунте в ямах (17%), погребения в деревянных камерах (4%) и на подстеленной тополевой коре (1%).

Если в курганах № 26 и 39 оказалось *лишь по одному погребению в колоде, а в* курганах № 12 и 37 по 2 погребения, то в самом большом кургане № 11 в колодах захоронено 19 взрослых и детей. В дощатых гробах (от 1,6×0,3 до 2,6×0,5—0,3 м, высота 0,2—0,3 м) погребено большинство умерших. Сосуды с жидкой пищей обычно ставили за головной стенкой гроба. Иногда в гробах поперечными досками отгорожены особые отделения («отсеки»)[43] для размещения заупокойной пищи в глиняных или деревянных сосудах, а также для укладывания туда некоторых предметов обихода.

Как правило, погребения одиночные. Но обнаружены и парные захоронения двух мужчин, мужчины и женщины, женщины и двух

---

[41] См.: Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960; они же. Памятники в могильнике Кокэль...; Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.— ТТКАЭ, т. 3. Л., 1970; Дьяконова В. П. Большие курганы — кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.); она же. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г.— ТТКАЭ, т. 3.

[42] См.: ТТКАЭ, т. 1, М.—Л., 1960, с. 86—95.

[43] ТТКАЭ, т. 3, с. 54, рис. 79; рис. 96; с. 103, рис. 26 и 38.

детей. Они уложены в одном или двух гробах, в яме на досках, редко — в деревянной камере. В нескольких ямах оказались кенотафы, то есть могилы без останков человека, утонувшего или погибшего где-либо на чужбине. В одной яме лежала доска-ложе, а в другой находился пустой гроб. В «могилы» поставлены сосуды с питьем, положены мясо и сопроводительный инвентарь (оружие, ножи и т. п.).

Обычно скелеты людей размещены вытянуто на спине головами на северо-запад или запад. Встречаются также скелеты, ориентированные на север, юго-запад и восток. Очень редко скелеты лежат скорченно на правом или левом боку [44]. Изредка под черепом умершего или на дне ямы рассыпаны зерна посевной конопли (*Cannabis sativa* L.) или проса (*Panicum miliaceum* L.) В этих курганах захоронено много убитых взрослых и детей смешанного физического типа. На скелетах отчетливо видны следы насильственной смерти, иногда остались застрявшие в костях железные наконечники стрел. Были обнаружены расчлененные трупы или их части. Как большую редкость отметим случаи трупосожжения. Кальцинированные кости человека захоронены в отдельном гробу, а также в обкладке из камней. В третьем случае отмечена кучка неопределенных кальцинированных костей, лежащих за пределами гроба у черепа [45]. Весьма вероятно, что в данном случае были кальцинированные кости животных, а погребение в обкладке из камней не раннешурмакское. Изредка в головной части могил встречаются черепа лошадей, коз или овец.

Д. Грунтовые могилы раннешурмакского времени известны в незначительном количестве в Западной Туве. Весьма вероятно, что их вообще было немного и появились они в значительной степени случайно, когда по непредвиденным причинам не удалось своевременно насыпать сверху каменный курганчик.

Раннешурмакские грунтовые могилы на поверхности степи отмечены небольшими впадинами, которые выделяются благодаря более зеленой траве или вообще не имеют внешних примет. Исключением можно считать яму, вокруг которой набросано кольцо из обломков скалы, а от него на северо-восток отходит ряд из двух вертикально вкопанных плиток, как у шурмакских памятников [46].

Грунтовые ямы подчетырехугольной формы (от 2,2×0,5 до 2,7×1,8 м, глубина 1—2, 15 м) вытянуты в основном с юго-востока на северо-запад. Одиночные погребения находились, как обычно, в дощатых гробах, вытянуто на спине, головой на северо-запад. Парное погребение мужчины и женщины размещалось на подстилке из тальниковых веток; оно покрыто настилом из тополевых плах, опирающихся на поперечные. Скелеты также лежали головой на северо-запад, но мужчина лежал на спине, а женщина — на правом боку, по старой традиции.

Как исключение в могиле с каменным кольцом сверху останки мужчины находились в гробовидном ящике из каменных плит (очевидно, по старой уюкской традиции), покрытом плитами. Скелет лежал на спине, головой на северо-восток.

▼

Все описанные типы погребальных сооружений относятся к первому этапу шурмакской культуры, и поэтому рассматривать их следует совместно. Изучая устройство раннешурмакских погребальных сооружений, мы находим им аналогии среди широкого круга памятников степной зоны, относящихся к гуно-сарматской эпохе.

Как известно, у сарматов Поволжья и Западного Казахстана на рубеже III в. до н. э. появились погребения в дощатых гробах и колодах, крышки и стенки которых (подобно гробу из Кара-Даша) иногда разрисованы красной и черной красками. Такие погребения особенно характерны для сарматов во II в. до н. э. — I в. н. э., то есть во время, синхронное раннему этапу шурмакской культуры [47].

Аналогичные захоронения в дощатых гробах, колодах или просто на досках и подстилках обычны также для катакомбно-подбойных погребений Средней Азии II в. до н. э.— IV в. н. э. [48].

---

[44] ТТКАЭ, т. 3, с. 117, рис. 49; с. 159, рис. 111; т. 2, с. 218, рис. 41.

[45] ТТКАЭ, т. 2, с. 233 и рис. 66; т. 3, с. 115, 161, 194, 239—269.

[46] ТТКАЭ, т. 1, с. 98—103; т. 2, с. 63, 70, 71.

[47] См.: Синицин И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья.— СА, т. VIII; Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1952, № 1; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, Д1—10. М., 1963, с. 22.

[48] См.: Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры.— СА, вып. XXVI. М., 1956; Барузднн Ю. Д. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1954 г.).— ТИИ АН КиргССР, т. II. Фрунзе, 1956; он же. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1955 г.).— ТИИ АН КиргССР, т. III. Фрунзе, 1957;

Погребения в колодах характерны для курганов Горного Алтая в V в. до н. э.— I в. н. э.[49]. Они изредка встречаются в Хакасско-Минусинской котловине во II—I вв. до н. э.[50] и даже в ханьском Китае и Японии, где известны и дощатые гробы[51].

У гуннов на дэрестуйском этапе (II—I вв. до н. э.) также известны захоронения под округлыми каменными курганами или выкладками, а иногда и грунтовые могилы. У них распространены погребения в дощатых гробах, деревянных камерах и реже — просто в ямах, в глиняных сосудах и однажды в колоде. Гроб в яме (всегда ориентированный по линии север—юг) обкладывали по бокам камнями, которыми яму заваливали и сверху[52]. Но на суджинском этапе (I в. до н. э.— I в. н. э.) гробы в могилах гуннов всегда ставили в простые срубы или в двойные погребальные камеры; появляются 2 типа курганов. Гробы при этом снаружи нередко окрашены красной краской и также имеют в головной части «отсеки» для укладывания пищи и установки сосудов[53].

При всем различии устройств шурмакских и гуннских курганов следует отметить совпадение размеров, формы и конструктивных особенностей шурмакских гробов и дощатых гробов рядовых гуннов из курганов Забайкалья. Гуннские гробы тоже расширены в головной части, сделаны из тонких досок, причем также «стенки гроба на углах были скреплены без гвоздей. Короткие стенки входили четырехугольным зубом в пазы, сделанные в длинных стенках или были врублены»[54].

Что касается особого отделения («отсека») для сосудов и пищи в гробах, то этот признак совсем не гуннский. Больше того, у гуннов на дэрестуйском этапе он, кажется, отсутствовал, а появился позже, в суджинское время, когда при двойных погребальных сооружениях «отсеком» становилось пустое пространство между срубом и головной стенкой гроба[55]. Такие же дощатые гробы, покрытые лаком или краской, с отделениями для сосудов и бытовых предметов употреблялись по всей Юго-Восточной Азии в период Чжаньго и ханьское время[56].

Таким образом, погребения в дощатых гробах и колодах были достаточно широко распространены в гунно-сарматскую эпоху от Волги до Забайкалья и от Алтая до Ферганы, а также в странах Юго-Восточной Азии. Однако всюду мы видим отличия в устройстве погребальных сооружений, конструкции гробов и камер, в деталях обряда. Эти отличия носят палеоэтнографический характер и позволяют выделять отдельные культуры, связанные с определенным этносом.

Упомянем еще о совпадениях некоторых особенностей шурмакских курганов и памятников второй половины I тыс. до н. э. на окружающих территориях. Ряды из вертикально вкопанных камней (от 1 до 17, высота 0,2—1 м), отходящие от некоторых шурмакских поминальных и погребальных курганов на северо-восток (реже на запад), аналогичны рядам каменных столбиков у некоторых горноалтайских каменных курганов[57].

Коллективные «длинные» каменные курганы, образовавшиеся в результате подхорон-

---

он же. Кара-Булакский могильник.— ИАН КиргССР, сон, т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961; Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинобад, 1955, с. 22—69; Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе.— КСИИМК, вып. 64. М., 1956, с. 75; он же. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины.— В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

[49] См.: Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время; Грязнов М. П. Раскопки на Алтае.— СГЭ, вып. I. Л., 1940, с. 17—18.

[50] См.: Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, с. 69—70 (курган № 1, могила И; курган № 3, могила А). Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 160, прим. 1.

[51] Bergman F. Archaeological researches in Sinkiang especially the Lop—Nor region. Stockholm, 1939, Терехова Н. Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае.— СА, 1959, № 3, с. 33—34; Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958, с. 77, 79, 88.

[52] См.: Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья.— ТТКОПОРГО, т. 3, вып. 2—3. Иркутск, 1902; там же, т. 4, вып. 2. М., 1902; Сосновский Г. П. Дэрестуйский могильник; Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах.— СА, 1971, № 1.

[53] См.: Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади; Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы; Коновалов П. Б. Погребальные сооружения хунну.

[54] Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади, с. 57; Коновалов П. Б. Погребальные сооружения хунну, с. 21.

[55] См.: Коновалов П. Б. Погребальные сооружения хунну. Ср. рис. 6, 10, 13 и рис. 20—22.

[56] «Каогу», 1966, № 1, с. 11, 15; № 3, с. 123; Воробьев М. В. Указ. соч., с. 77, 88; он же. Древняя Корея. М., 1961, с. 70—75. Поэтому ошибочно утверждение С. И. Вайнштейна о том, что погребения шурмакских племен «характеризуются свойственным хуннам обрядом (погребения в деревянных гробах и др.)» (История Тувы, т. 1, с. 36).

[57] См.: Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, с. 230; он же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 26 и рис. 2; он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время, с. 26 и 325—326 (от 4 до 9 камней на восток).

ния умерших в отдельных ямах (с каменными «подушками» под головами), есть в Фергане[58]. Коллективные захоронения в склепах обычны для второй стадии тагарской культуры и синхронной таштыкской эпохи в соседней Хакасско-Минусинской котловине, где, кроме того, известны и грунтовые могилы II в. до н. э.— I в. н. э.[59].

Как видим погребальные сооружения и обряд, распространенные в Туве, достаточно своеобразны для того, чтобы говорить об особой этнической группировке, оставившей памятники местной самобытной культуры раннего железного века — памятники шурмакской культуры. Этот вывод подтверждает анализ инвентаря раскопанных курганов.

▼

5 групп описанных нами могил относятся к одному времени и имеют аналогичную посуду и инвентарь. Поэтому рассмотрим их совместно.

Прежде всего необходимо указать на одну важную особенность инвентаря раннешурмакских погребений. По существовавшему тогда обычаю в могилы, наряду с натуральными предметами, часто укладывали не сами предметы, а их уменьшенные или миниатюрные модели-заменители. Эти модели изготовляли специально для погребального обряда по образу и подобию действительных вещей: разнообразные сосуды (особенно деревянные), орудия труда, предметы вооружения, конского снаряжения и т. п.

Такая особенность погребального инвентаря не свойственна племенам предшествующей уюкской культуры. Не известна она и для сопредельных территорий, за исключением бассейна Енисея. Только в Хакасско-Минусинской котловине в синхронную таштыкскую эпоху были особенно распространены обрядовые модели-заменители. Там ритуальные миниатюры распространились еще в инвентаре тагарской культуры (вторая стадия)[60]. Как увидим, многие формы шурмакских предметов имеют ближайшие параллели среди таштыкских древностей Среднего Енисея.

Из вещей, найденных в могилах, прежде всего отметим брошенный в засыпке наконечник кирки для копки могильных ям, сделанный из рога марала. Такими орудиями взрыхляли землю еще уюкские рудокопы, отсыпая ее затем деревянными лопатами. Очевидно, подобные кирки употребляли и в раннешурмакское время.

Мясную пищу укладывали не во все погребения, но в большинстве случаев у ног погребенных (редко в головах) найдены кости овец, преимущественно от задней части туши. Чаще всего клали стегно (таз, бедро, голень) или заднюю ногу (бедро и голень), иногда — заднюю ногу и голову овцы. Очень редко встречаются ребра и курдюк. По этому набору видно, что наиболее ценными и почетными частями туши овцы считались голова и задняя нога или стегно полностью. Эти части туши наиболее почетны и у современных тюркоязычных скотоводов[61]. Мясо часто клали на деревянных блюдах.

Костей других домашних или диких животных не обнаружено, за исключением могил, в которых соответственно найдены: череп козы, зубы лошади, черепа лошадей без нижней челюсти (в южном углу между гробом и стенкой ямы) и кости собаки.

Жидкую молочную или растительную пищу устанавливали в глиняных сосудах всегда у головы погребенных (в головной части гробов доской отгораживали особое отделение для пищи и хозяйственных предметов) и в единичных случаях у ног. В одну могилу ставили от одного до трех глиняных сосудов с пищей или питьем. Сосуды с каким-то молочным напитком (кумыс?) нередко закрывали вместо крышек гладкими каменными плитками, на которых после медленного высыхания остался белый налет творожистого вида. В одном из сосудов мы заметили чешуйки проса, свидетельствующие, что он был наполнен пшенной кашей[62]. Несколько сосудов с чешуйками проса обнаружены и в могилах под большими курганами.

Среди раннешурмакских сосудов в настоящее время можно выделить типы: 1) вазообразный, 2) баночный, 3) горшковидный, 4) котловидный и 5) кружковидный. Все они леплены от руки ленточным способом и обожжены на костре.

Самым распространенным типом шурмакской посуды были вазообразные сосуды с тем-

---

[58] См.: Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник.— КСИИМК, вып. 69. М., 1957.

[59] См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 260—285 и 409—422; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха...

[60] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха...; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 265, 276.

[61] См.: Айтбаев М. Т. Пища киргизов.— ИАН КиргССР, сон, т. V, вып. 1. Фрунзе, 1963, с. 17—18.

[62] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 92.

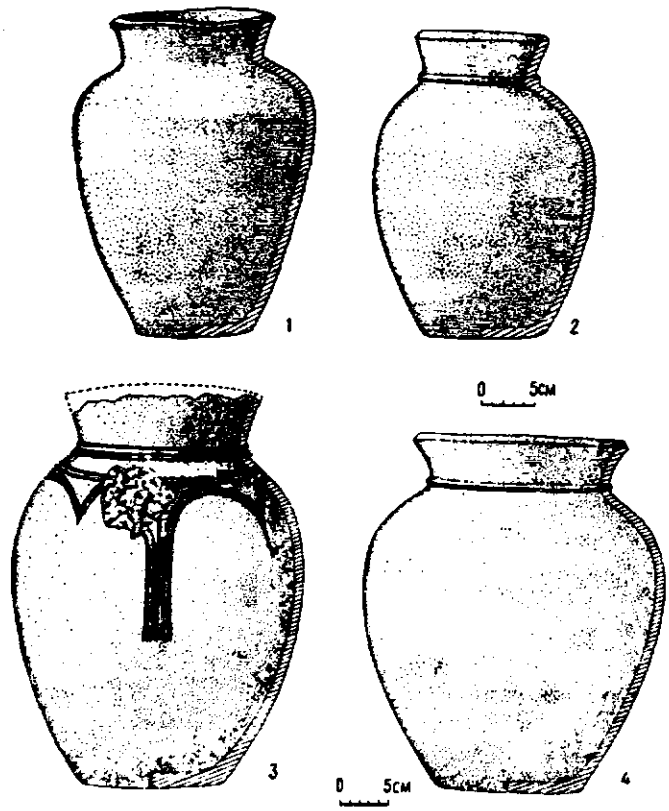

Рис. 78. Сосуды из позднешурмакских могил:
1 — дер. Атамановка, № 10, *2* — Бай-Даг, № 71, *3* — Бай-Даг, № 77, *4* — Бай-Даг, № 69

но-серой поверхностью (иногда с желтыми пятнами), заглаженной или даже слабо залощенной (рис. 67, 77, таблица III, *2*, *4—6*). Все они отличаются выпуклыми боками, наличием узкой шейки и развернутым венчиком со срезанным наружу верхним краем.

Орнаментированы они довольно однообразно резными и налепными, главным образом «арочными», узорами. Встречаются сосуды только с двумя или тремя резными желобками вокруг шейки (таблица III, *6*) или даже совсем гладкие, но в большинстве случаев орнамент сложнее, хотя 2—3 желобка или же 1—2 валика, идущие вокруг шейки, почти всегда обязательны. От валиков вниз опускаются или вертикальные линии, образующие лопасти с концами резных парных дуг (таблица III, *2*), или вертикальные налепные валики, которые с концами парных дуг из валиков (таблица III, *4*), или из резных линий (таблица III, *5*) образуют свисающие (замкнутые или незамкнутые) лопасти и фестоны.

Иногда как дополнение к основному узору встречаются налепные круглые шишечки (таблица III, *4*) [63] или округлые, вдавленные ямки. Изредка вазообразные сосуды имеют вокруг шейки 1—2 рассеченных налепных валика. Часто встречаются налепы на венчике, обычно в виде 4 остроугольных выступов вверх (таблица III, *5* и рис. 77, *2*, *4*) [64]. У одного из таких сосудов с остроугольными выступами вокруг шейки есть 2 желобка и валик, от которого вниз свисают 4 пары спиралей из валиков (рис. 77, *2*) [65].

Аналогичные шурмакским вазообразные сосуды в небольшом числе известны только на изыхском этапе таштыкской эпохи по Среднему Енисею, ибо туда в середине I в. до н. э. проникла волна населения из Тувы [66]. Пока не известно, как объяснить обнаружение в могильной яме тагарского шестикаменного кургана, раскопанного на восточном берегу Большого озера (северо-западная часть Хакасско-Минусинской котловины), типичного для шурмакской культуры Тувы вазообразного сосуда с арочным узором [67]. Необходимо также обратить внимание на преобладание вазообразных узкогорлых сосудов, хотя и иных типов, по всей Центральной Азии в гуннский и сяньбийский периоды. Характерно, что специальные арочные украшения шурмакских ваз находят себе полную аналогию в таких же «арочных» орнаментах гуннских бронзовых котлов. На глиняной посуде этот орнамент встречен только на изыхском этапе в таштыкских памятниках Хакасии [68].

Баночные сосуды сравнительно редки. Они высокие и имеют почти цилиндрическую форму со слабо выраженной шейкой и чуть отогнутым венчиком. Чаще баночные сосуды гладкие, но есть банки с горизонтальным валиком вокруг шейки и вертикальными свисающими валиками. В одном из поминальных курганов найден сосуд баночного типа с двумя поясками каплевидных вдавлений на шейке (таблица III, *7*). Подобные по форме баночные гладкие сосуды изредка встречаются среди посуды гуннов дэрестуйского этапа [69].

[63] ТТКАЭ, т. 2, табл. 4, *4*.

[64] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 13, *4* и с. 165; ТТКАЭ, т. 3, табл. V, *8*.

[65] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 13, *2*. Это сосуд из поминального кургана.

[66] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., табл. IV, *46*, с. 50.

[67] См.: Мартынов А. И. Результаты раскопок Большеозерского могильника.— ИЛАИ, вып. 2. Кемерово, 1970, рис. 24, *11*.

[68] См.: Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы, рис. 29; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 13, *5—7* и с. 61.

[69] ТТКАЭ, т. 2, таблицы IV, *14*, *17*, *18*; VII, *24*; Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г., таблица I, *1*, *9*, *13*; Дьяконова В. П. Большие курганы — кладбища на могильнике Кокэль, таблицы IV, 26; VI, *21*; Давыдова А. В. Иволгинское городище, рис. 10, *3*.

Горшковидные сосуды особенно многочисленны. Они подразделяются на высокие и низкие, приземистые. Высокие горшки на первый взгляд напоминают вазообразные, но отличаются широким горлом, слабо выгнутым туловом и сильно отогнутым венчиком с косо срезанным наружу верхом. Почти всегда они имеют по 4 торчащих вверх остроугольных выступа, 1—2 горизонтальных валика вокруг шейки; ниже находятся особые «дуги» (из валиков) с прямоугольным верхом, свисающие концы которых образуют лопасти. Иногда между лопастей расположены в линию 3—4 выпуклые шишечки-налепы или же плечико сосуда украшено только шишечками-налепами, сгруппированными по 3. У одного горшка треугольники из шишечек разделены короткими вертикальными валиками, отходящими от горизонтального валика вокруг шейки, а также 4 длинными валиками, свисающими вниз от каждого остроугольного выступа на венчике.

Низкие приземистые горшки сделаны грубее и часто украшены лишь одним-двумя горизонтальными валиками по шейке или же только 4 остроугольными выступами по венчику[70]. В детских могилах обнаружены миниатюрные горшочки (рис. 67, *4*).

Близкие по типу горшковидные сосуды (иногда также с остроугольными выступами на венчике) известны среди таштыкской посуды на Среднем Енисее. Изредка схожие по форме гладкие горшки встречаются и у гуннов[71].

Котловидные глиняные сосуды нередко находятся в раннешурмакских погребениях. По форме они подражают бронзовым котлам, распространенным на широком просторе степной зоны в скифскую и гунно-сарматскую эпохи[72]. Они имеют по 2 ручки, вертикально налепленные на венчиках, вместительные чаши и полые конические поддоны. Подразделяются они на виды, подражающие: а) бронзовым «скифским» котлам и б) бронзовым «гуннским» котлам.

Бронзовые котлы «скифского» типа продолжали употребляться и в раннешурмакское время. Один такой котел найден в кургане № 7 Кокэля, а в детском погребении кургана № 11 обнаружены 3 бронзовые подвески, в виде миниатюрных котлов «скифского» типа, аналогичные раннеташтыкским котлам[73]. У глиняных котлов, подражающих бронзовым «скифским», разнообразные формы ручек: округлые (таблица III, *3*), треугольные или округлые с тремя выступами сверху. Отверстия их ручек полукруглые, круглые или треугольные. Сосуды эти обычно гладкие или опоясаны под горловиной резными желобками (таблица III, *3*), реже — налепным веревочным валиком[74]. На соседних территориях Восточного Казахстана, Среднего Енисея и в Мариинско-Ачинском лесостепном районе такие глиняные котлы появились на рубеже III—II вв. до н. э. У гуннов их нет. На Среднем Енисее их употребляли до III в. н. э. включительно[75].

Гуннские бронзовые котлы найдены непосредственно в памятниках центральноазиатских гуннов, а также на более широкой территории евразийских степей. Известны основные типы гуннских котлов: а) котлы на полом прорезном коническом поддоне и б) ведровидные котлы с плоским дном[76]. Среди шурмак-

---

[70] ТТКАЭ, т. 2, таблицы IV, *3, 5, 10—12, 15, 16*; V, *1, 2, 6—8, 12, 13, 15, 18—20, 23, 24, 26*; VI, *3—6, 9, 11, 12*; VII, *2, 3, 13—17, 19, 20, 22, 23*; Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г., таблица I (без *1, 9, 13*); Дьяконова В. П. Большие курганы — кладбища на могильнике Кокэль, таблицы IV, *6, 7, 15, 17, 20, 21, 24, 25—29*; V, *1—9, 12—17, 21, 22, 24, 27*; VI, *8—11, 16, 17, 22, 31*.

[71] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 11, *5*; 17, *5*; 60, *3* и таблица IV, *50, 152, 190, 195*; Давыдова А. В. Иволгинское городище, рис. 8, *1*.

[72] См.: Левашева В. П. и Рыгдылон Э. Р. Шалоболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее.— КСИИМК, вып. 43. М., 1952; Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея.— СА, 1959, № 1.

[73] См.: Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль..., с. 189, рис. 9; Дьяконова В. П. Большие курганы — кладбища на могильнике Кокэль, с. 100 и 195.

[74] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., таблица III, *96*; Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль..., таблицы IV, *6—9*; V, *4, 5, 10, 11*; VI, *1, 2*; VII, *4—9, 12*; Дьяконова В. П. Большие курганы — кладбища на могильнике Кокэль, таблицы IV, *2—4, 9—12, 14, 16*; VI, *1—3, 5—7, 12, 14—15, 23*; она же. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г.— ТТКАЭ, т. 3, таблица II, *5, 6*.

[75] См.: Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции.— КСИИМК, вып. 64, рис. 22; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 40—41 и таблица IV; Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971, рис. 10, 95, *1*, с. 157—158, 174, 175; Мартынов А. И. Тисульские курганы тагарской эпохи. Кемерово, 1972, таблицы 104, *10, 12, 13, 24*, 105, *25*, 109, *2*, 118, *13*, 133, *22*; он же. Алчедатский курган.— ИЛАИ, вып. 5. Кемерово, 1974, рис. 8, *2*, 9, *9*.

[76] См.: Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, рис. 29; Доржсурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол, рис. 8, *3*; Давыдова А. В. Иволгинское городище, рис. 18, *6*; Такач З. Каталаунская гуннская находка и ее восточноазиатские связи.— Acta Orientalia, t. V, 1—2. Budapest, 1955; Davydova A. V. The Ivolga gorodishche.— Acta Archaeologica, t. 20. Budapest, 1968, fig. 16, *51*, 17, *1*, 20.

ских глиняных котлов, подражающих «гуннским» бронзовым, есть обе их разновидности. Котлы первого типа обычно гладкие. Они также имеют полые конические поддоны. Подражание «гуннским» котлам выражается в особой форме ручек, которые приобретают подчетырехугольные очертания и такие же отверстия. Иногда на ручках намечены выступы, а чашу котла опоясывает рассеченный налепной валик. Реже отверстия ручек имеют полукруглые очертания. Как правило, к двум или трем центральным высоким выступам ручек, по бокам их, прибавлено еще по низкому выступу — совершенно таких же, как и у ручек бронзовых «гуннских» котлов. Один из таких котлов опоясан ниже горловины гладким валиком с отходящими вниз заостренными отростками. В промежутках между ними расположены вертикальные ряды из двух-трех налепных шишечек [77].

Глиняные котлы, подражающие бронзовым «гуннским» котлам первого типа, встречаются редко. Кроме Тувы они известны лишь в первой половине I тыс. н. э. в низовье Сырдарьи (городище Алтын-Асар) [78].

Что касается ведровидных гуннских котлов второго типа, то часть их с ручками, а другая — нет. Котлы без ручек воспроизводили сами гунны и в глине [79]. В шурмакских могилах обнаружены и бронзовые модели-котелки без ручек, и глиняные ведровидные котлы с округлыми ручками [80].

Среди раннешурмакской посуды известны и редкие кружковидные сосуды. То это высокие кружки с отогнутым венчиком и округлой ручкой (таблица III, *1*), то сосуды, приближающиеся по форме к вазообразным или бочонковидным. Подобную посуду с округлым дном употребляли в Туве еще в уюкское время [81]. Как известно, глиняные кружки особенно широко были распространены в гунно-сарматскую эпоху (Кавказ, Нижнее Поволжье, Казахстан и Средняя Азия) [82]. Известны они в позднетагарское время в Марпинской лесостепи (там найдены даже кубки на полом коническом поддоне с боковыми петлевидными ручками) и в раннеташтыкских могилах Среднего Енисея. Обломки нескольких кружек обнаружены и на гуннском Иволгинском городище в Забайкалье [83].

Среди орнаментов на глиняных сосудах первого этапа шурмакской культуры Тувы можно выделить следующие типы: валиковый (гладковаликовый, веревочно-валиковый, рассеченно-валиковый и спиральный), выпуклоналепной (шишечки и остроугольные налепы на венчиках), штампованный (круглоямочный и овальноямочный) и резной (линейный, арочный, фестончатый). Все эти типы украшений сосудов встречаются в раннеташтыкское время (изыхский этап, I в. до н. э.— I в. н. э.) в соседней Хакасско-Минусинской котловине. Там для посуды характерны те же орнаментальные приемы и композиции: обрамление горловины валиком или желобком, свисающие вертикальные валики, «подвешенные» спирали, лопасти и фестоны.

Конечно, в раннеташтыкское время употребляли несравненно большее число типов сосудов и типов их орнаментики, однако очевидно: все типы раннешурмакских сосудов и их узоров известны среди посуды памятников изыхского этапа ташгыкской эпохи. Это объясняется, как уже показано нами, тем, что часть раннешурмакского населения Тувы в середине I в. до н. э. проникла в Хакасско-Минусинскую котловину и наряду с другими этническими группами приняла участие в сложении своеобразной культуры таштыкской эпохи Среднего Енисея. Кроме установившихся таким образом прямых родственных связей, необходимо указать и на продолжавшиеся в начале нашей эры постоянные политические контакты населения бассейна Верхнего и Среднего Енисея [84].

---

[77] См.: Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—57 гг., таблица IV, *103*; он же. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г., рис. 95,таблица III, *2*, *15*; Дьяконова В. П. Большие курганы — кладбища на могильнике Кокэль, таблица VI, *4*.

[78] См.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 111; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, рис. 3, *194—195*; рис. 15, *185—186*; рис. 16, *15*.

[79] См.: Доржсурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол, рис. 8, *3*; Давыдова А. В. Иволгинское городище, рис. 16 б. Ср. найденные на Среднем Енисее ведровидные котлы с ручками (ГЭ, № 5531—2007; Минусинский музей, № 10134).

[80] ТТКАЭ, т. 3, с. 37, рис. 49, *3* и с. 199, таблица IV, *8*.

[81] ТТКАЭ, т. 2, с. 282, таблица V, *16*; т. 3, с. 10, рис. 6; с. 199, таблица IV, *1*, *5*. Ср.: Маннайоол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970, рис. 15, *1*.

[82] См.: Левина Л. М. Указ. соч.; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., таблицы 7, 8, 11; Черников С. С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г.— ИАИ Казахской ССР, са, № 108, вып. 3. Алма-Ата, 1951, таблица IX, *3* и др.

[83] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 49, рис. 12, *5*, табл. IV, *49*, *148*; Мартынов А. И. Тисульские курганы тагарской эпохи, таблицы 73, *6*; 90, *4*; 104, *14*; 105, *19*; 106, *17*, *19*; 108, 109 и др.; Davydova A. V. Op. cit., fig. 7, *6*, 7.

[84] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 40—72 и 164—166.

Эти связи запечатлелись на многих сторонах духовной и материальной культуры населения Тувы того времени.

Помимо глиняной посуды в раннешурмакских погребениях обнаружены металлические сосуды. Это бронзовый котел «скифского» типа, накрытый деревянным столиком, который стоял слева от скелета в одном из погребений. У него округлые вертикальные ручки, 2 рельефных валика, опоясывающих его ссуженную горловину, сильновыпуклый низ тулова и полый снизу конический поддон. Котел этот старый, так как дефекты и особенно трещины по его горловине укреплены железными заплатами с помощью заклепок. Наличие глиняных котлов того же «скифского» типа, а также подвесок, в виде аналогичных миниатюрных котлов, несомненно, указывают на изготовление бронзовых котлов «скифского» типа в раннешурмакское время. Наряду с этим в быту населения употреблялись оба типа «гуннских» котлов. В одной могиле найдена бронзовая модель котла (высота 13,5 см), верх которого оформлен «по-скифски» (с двумя гладкими ручками), но в его полом коническом поддоне, так же как и в «гуннских» котлах, есть гранецневидные отверстия [85].

В шурмакских погребениях, как и в раннеташтыкских грунтовых могилах, часто встречаются железные (в таштыкских — бронзовые), специально изготовленные для погребального обряда, миниатюрные сосуды-модели. Это клепаные кубковидные сосуды на полых конических поддонах (таблица III, *13*), иногда с остроугольными выступами по венчику (таблица III, *11*). Чаще это котловидные сосудики в виде низкой и широкой чаши с двумя округлыми ручками и на конических поддонах; некоторые из них имеют прорезные поддоны (таблица III, *12*), а другие, подобные им, стоят на трех ножках. Кроме того, встречаются полусферические выпуклодонные чаши с двумя ручками и без поддонов (рис. 72, *5*). Таким образом, известно 5 типов железных миниатюрных сосудов-моделей, не имеющих себе прямых аналогий [86].

В раннешурмакских могилах обычно находятся разнообразные деревянные сосуды или их модели, вырезанные из дерева. Для этих целей употребляли древесину березы, тополя, ивы, а также корневища и березовые наросты (рис. 71).

Это прежде всего овальные, корытцеобразные блюда на 4 коротких ножках, в том числе и миниатюрные. Их употребляли в качестве столиков для еды, а в могилы ставили с разнообразной мясной и растительной пищей (на них обнаружены остатки мяса, ребра овцы и чешуйки проса) [87]. Аналогичные столики — обычная находка в катакомбно-подбойных могилах Средней Азии, а также в курганах Горного Алтая [88].

Для размещения пищи предназначались также тарелкообразные сосуды.

Жидкие напитки устанавливали в выдолбленных из ствола дерева цилиндрических сосудах: а) бадейках с отверстиями для ременной дужки, б) чайникообразных сосудах с выступающим носиком или сливом. Аналогичные деревянные сосуды известны среди раннеташтыкских [89].

Во многих могилах обнаружены лежачие долбленые бочонки, с вырезанными кольцами по бокам и иногда с выступающим продольным гребнем, заткнутые деревянными пробками. Они предназначены для хранения и перевозки какого-то напитка, вероятно, кумыса. Иногда они раскрашены красной и черной красками. Боковые кольца не позволяли бочонку подгнивать, а гребень служил опорой при выливании напитка. Подобные бочонки широко распространены в Хакасско-Минусинской котловине и в Барабинской лесостепи во II в. до н. э.— I в. н. э. [90]. Но в шурмакской культуре и у гуннов нет глиняных воспроизведений этих бочонков, известных как на Среднем Енисее, так и на широких пространствах Евразии в гунно-сарматскую эпоху [91].

---

[85] ТТКАЭ, т. 2, с. 249, рис. 80. Бронзовый котел на Алтае (см.: Сорокин С. С. Погребение эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка.— АС, вып. 18. Л., 1977, рис. 4, *1*).

[86] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., таблица III, *104—106*; Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—57 гг., таблица IV, *109, 110*; ТТКАЭ, т. 2, с. 224, рис. 47, *5*; таблица I, *6*; т. 3, рис. 12, *23*, 17, *5*, 20, *7*, 60, *1*, 80, *10*.

[87] ТТКАЭ, т. 2, таблицы I, *8* и X, *10—17*; т. 3, рис. 27, *4*, рис. 82, *1*, 87, *4*, 97, *1*, таблица VII, *12—14, 20—24* и др.

[88] См.: Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время, таблица 55; Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1954 г.), с. 64; Кожомбердиев И. Указ. соч., с. 67.

[89] ТТКАЭ, т. 2, таблицы I, *7* и II, *4, 5*; т. 3, рис. 83, *3*, 87, *3*; таблица VII, *2, 3, 5, 10*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха...

[90] ТТКАЭ, т. 2, таблица IX; т. 3, рис. 80, *9*, 82, *2*, 87, *1*; с. 110; таблица VII, *15—17, 19, 26, 27*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., таблица IV, 72; Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница.— СА, 1965, № 3; Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Указ. соч., рис. 15, *1—4, 6* — пробки, рис. 68, *1*, с. 233—234.

[91] Об этом см.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 46—48, 67—70 и 105. Ср.: Арсланова Ф. Х. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша.— ИАН КазССР, сиаэ, вып. 2. Алма-

Кроме того, в раннешурмакских могилах обнаружены деревянные модели сосудов для питья, в виде узкогорлых кувшинчиков, бокалов, выпуклодонных или плоскодонных чашек и кружек, вырезанные изогнутым железным резцом из корней или березовых наростов [92]. Для разливания жидкостей служили черпаки, а также особые ковши с выпуклым дном и выступающей в сторону ручкой-сучком (с коническим насадом на конце для роговой ручки) [93]. В одной могиле 2 подобных ковша стояли на головной части колоды с детским погребением. Выступающая ручка одного ковша сделана в форме конской ноги с копытом (таблица III, *10*), подобно уюкским, тагарско-таштыкским и пазырыкским ковшам. Второй ковш имел в сучке втулку для приставной, вероятно, роговой утраченной ручки (таблица III, *8*) [94].

В раннешурмакских могилах неоднократно обнаружены деревянные ложечки-лопаточки, мутовочки и палочки-«вилки» для еды (часто лежат в сосудах). Найдены и берестяные туески с деревянными днищами, прибитыми деревянными же гвоздиками. Дважды встречены кружки, вырезанные из дерева и бересты, имеющие 2 концентрические окружности, нанесенные красной краской, и пару маленьких отверстий для пришивания в центре (рис. 71, *2*). Однажды найдены остатки лаковой чашечки. Укажу, что мутовочки, берестяные туески и лаковые чашечки встречаются в раннеташтыкских грунтовых могилах Хакасско-Минусинской котловины [95].

Интересно, что в Туве так же, как и в обряде таштыкских памятников соседней Хакасско-Минусинской котловины, в могилы изредка клали специально сделанные для погребального обряда уменьшенные модели конских уздечек. Так как ременная основа уздечек не сохраняется, то находят лишь (целыми и в обломках) железные миниатюрные удила с лавролистными плоскими псалиями, форма которых специфична для шурмакской культуры (таблица III, *18*). Найден роговой псалий с двумя отверстиями. Авторы раскопок могильника Кокэль, где только однажды обнаружены миниатюрные удила, называют удилами и найденные в могиле XXVI кургана № 26 железные предметы плохой сохранности. Это 2 кольца (диаметр около 5 см) из частично перекрученного прута, с нанизанными на них железными же петлями с отростками. К одной из петель прицеплена подобная петля-пробойчик, а к другой прикреплены 2 восьмеркообразных звена. В одном из этих звеньев торчит конец какого-то продолжавшегося здесь предмета. Описанные детали не характерны для удил. Скорее всего, это кольца с остатками железной цепочки и пробоев, вбивавшихся в какой-то деревянный предмет.

К уздечкам, возможно, относятся некоторые железные колечки и выпукло-вогнутые бляшки с петлей (таблица III, *15*), встречаемые при них. Из других предметов к конскому снаряжению следует относить железные изогнутые фигурные пластины с двумя петельками (таблица III, *14*), очевидно, конские наносники [96].

Уменьшенные модели уздечек с двудырчатыми псалиями найдены и в таштыкских могилах [97]. Аналогии же роговым двудырчатым псалиям, железным бляшкам с петлей, а также до некоторой степени лопаточкообразным псалиям (хотя шурмакские псалии в целом очень своеобразны) мы найдем в древнейших памятниках гуннов (II—I вв. до н. э.) [98].

В раннешурмакских могилах часто встречаются остатки оружия, главным образом луков и стрел. При этом не только в мужских могилах, но и в женских рядом со скелетами лежат и наконечники стрел. Боевые луки шурмакцев были сложными, того самого типа, который найден в гуннских памятниках

Ата, 1962, таблица IV, *3*. Такие сосуды известны в Корее, Японии и Китае (см.: Воробьев М. В. Древняя Корея, рис. 36, *1—3*, рис. 37, *5*; «Каогу сюэбао», 1960, № 2, с. VII).

[92] ТТКАЭ, т. 2, таблица II, *1—3*; т. 3, рис. 87, *2*, 93, 97, *4*; таблица VII, *1*, *5*, *6*; рис. 235, таблица I, *12*, *13*; II, *1*; III, *7*. Ср.: Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов..., рис. 4, *2*.

[93] ТТКАЭ, т. 2, таблицы II, *6—8*, *10*, *13* и X, *2*, *5*, *8*, *9*; т. 3, рис. 83, *2*; таблица VII, *11*, с. 235, таблицы I, *2*, *8*, *9* и II, *19*.

[94] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы... Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 105, таблица IV, *77*; Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, таблица XXI; Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Указ. соч., с. 233, рис. 95, *4*.

[95] ТТКАЭ, т. 2, таблица X, *1*, *3*, *4*, *6*, *7*; т. 3, рис. 49, *2*, *4*, рис. 106, *1*; таблица VII, *4*, *7—9*; с. 235, таблица I, *7*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 106—108; он же. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад?

[96] ТТКАЭ, т. 2, рис. 47, *2*, таблица I, *1*; т. 3, рис. 9, *2*, *7*; 37, *5*; 51, *8*, *9*; 52, *8*.

[97] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 88, 129, 130; он же. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад?

[98] См.: Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние памятники Западного Забайкалья.— Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902 г., т. I. М., 1905, с. 498, рис. 66; Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, рис. 43; Давыдова А. В. Новые данные об Иволгинском городище, рис. 13; она же. Иволгинское городище, рис. 18, *5*; Эрдейи И. Раскопки в Ноин-Уле. Acta Archaeologica, t. XIV, 3—4. Budapest, 1962, fig. 17.

Забайкалья и в синхронных могилах Горного Алтая, Поволжья и Средней Азии[99]. Они состояли из деревянной основы и оклеивались сухожилиями, роговыми накладками и сверху берестой. Длина лука в распущенном состоянии 0,8—1,2 м. Луки укладывали чаще поверх умершего, наискось от правого плеча к левой голени или вдоль левого бока. Роговые накладки от них найдены в 18 могилах.

Для этого типа «гуннских» луков характерны 2 пары роговых концевых накладок с вырезами для привязывания тетивы и трех срединных накладок; 2 накладки скругленные зажимающие, а центральная — лопаточкообразная с расширяющимися концами (таблица III, *24*).

В большинстве мужских погребений находились не сами луки, а их тонкие деревянные модели (длина от 0,6 до 1,2 м), к сожалению, редко сохраняющиеся. Все они окрашены красной и черной красками[100]. Лучше других сохранившаяся модель лука из Кара-Даша имела форму, приближенную к «М»-образной, плоскую широкую центральную часть, вырезы для тетивы по концам и окраску в виде узора из трех поперечных линий и длинного зигзага до самого конца лука, упирающегося в поперечную линию (рис. 75). Весь этот узор нанесен красной краской по белой древесине и только у центральной плоскости пространство между поперечными линиями окрашено в черный цвет.

Обозначает ли раскраска модели лука обмотку сухожилиями действительных боевых сложных луков — сказать трудно. Укажу только, что раскраска деревянных предметов красной зигзагообразной линией — излюбленная манера «шурмакцев». Так раскрашивали даже гробы, а не только простые бытовые предметы (шкатулки, ящички и т. п.). Что касается аналогий, то лишь в обряде таштыкских племен соседней Хакасско-Минусинской котловины известны модельки сложных «М»-образных луков, несколько отличающихся по устройству[101]. Существовали также деревянные модели луков, составленные из трех отдельно вырезанных частей.

В тех раннешурмакских могилах, где сохраняется дерево, сохраняются и древки стрел. Все они, как и модели луков, нарочно сломаны — так требовал обряд. Древки (от 0,4—0,5 до 0,7 м) делали из березы или ивы; их окрашивали в черный цвет, за исключением двух красных поясков (ширина 2,7—3 см) возле наконечника и близ выреза для вставления тетивы. Чаще всего в древки вставлены металлические и, реже, костяные наконечники; древки без оперения.

Есть цельнодеревянные стрелы: томары и клювовидные. Томары подобны стрелам, еще недавно употреблявшимся народами Саяно-Алтая при охоте на белку. Ими можно было оглушить пушного зверька, не испортив шкурки. Поэтому у них притупленный толстый ударный конец. Аналогичные томары и вообще раскрашенные древки стрел известны в таштыкских памятниках[102].

Клювовидные стрелы имеют ударный конец, схожий с головкой водоплавающей птицы. После тонкой красной «шейки» идет черная выпуклая головка, а далее опять — черный клювовидный заостренный конец. Между головкой и острым концом есть узкий красный поясок. В тех случаях, когда древки имеют металлические наконечники, острый клювовидный конец древка срезан, и черешок наконечника вбит в выпуклую его головку.

Среди стрел клювовидных и с железными наконечниками, обнаруженных нами в погребении мужчины № 1 в кургане Кара-Даш, впервые найдены «глазастые» стрелы (рис. 73, 74). Эти «глазки» в виде точек, нанесенных красной краской, располагались на передней части окрашенных в черное выпуклых головок. «Глазки» изображали перед поперечным красным пояском (у клювовидных) или под железным наконечником (у стрел с наконечниками). Пара красных глазок находилась с одной стороны головки древка, а с другой стороны, посредине, располагался еще один подобный же глазок. Такая стрела с «глазками» имела «круговой обзор», и ничто «не могло ускользнуть» от ее «взора».

Это открытие заставляет вспомнить героические сказания тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья, в которых сказочные луки и стрелы наделены свойствами ходить, разговаривать и поражать врагов. У шорцев,

---

[99] См.: Сосновский Г. П. Раскопки Ильмовой пади, рис. 13; Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, таблица 4; Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник.— ИАН КиргССР, сон, т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961, рис. 11; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971; Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов..., рис. 10.

[100] Роговые накладки см.: ТТКАЭ, т. 2, таблица I, *4*; т. 3, рис. 12, *19—22*, 20, *12—19*, 21, *9—13*, 52, 111 и 112; с. 235, таблица I, *23, 28, 32—38*. Деревянные луки см.: ТТКАЭ, т. 3, рис. 25, *13, 14*, 34, *6, 7*, 70, *4*, 76, *4, 6*; таблица IX.

[101] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 110, 126—128.

[102] ТТКАЭ, т. 2, рис. 15, таблица III; т. 3, рис. 34, таблица I (правая сторона); с. 236, таблица II, *7*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 127—129, таблица IV, *105*. Окрашенные древки в Фергане (см.: Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник, с. 27).

алтайцев, хакасов и бурят в сказках фигурируют золотые «живые» и «мыслящие» стрелы, которые богатыри посылают в качестве послов. Они даже ночью среди толпы умеют «увидеть» человека, к которому посланы, и передать привязанное к ним письмо или рассказать нужное. В сказках алтайских тубаларов такие стрелы называются «ко́сты ок», то есть «стрела с глазами», и при этом упоминаются 9-глазые стрелы [103].

Нет сомнения, что эти весьма архаичные представления о «живых», имеющих душу предметах, восходят к гораздо более ранним периодам истории человечества, чем гунно-сарматская эпоха. Напомню, что у древних тюрок VI—VIII вв., по указанию письменных источников, «вместо предписания на бумаге, употребляется стрела с золотым копьецом, с восчаною печатью» [104]. Поэтому нет ничего удивительного в употреблении «живых и видящих» стрел «с глазами» и в раннешурмакское время.

В раннешурмакских погребениях II в. до н. э., совершенно так же, как в синхронных памятниках сарматов на западе и гуннов на востоке, наряду с преобладающими железными наконечниками стрел, еще встречаются в небольшом количестве наконечники, отлитые из бронзы [105]. Они не похожи на синхронные бронзовые наконечники сарматов и гуннов, не похожи и на предшествующие наконечники уюкского времени. Один из них трехперый ярусный (с выступающей вперед головкой и тремя заостренными назад перьями) схож с железными ярусными. Другой, трехперый со скругленной ударной частью и горизонтальным «срезом» перьев внизу, не имеет прямых аналогий.

В Кокэле найдены еще трехлопастные треугольные бронзовые наконечники с ромбическим контуром ударной головки, совершенно совпадающие с аналогичными железными. Есть также трехперые со скругленным основанием. Все они черешковые. Единственная втульчатая бронзовая четырехперая стрела, очевидно, ранняя, переиспользованная шурмакцами [106].

Гораздо разнообразнее железные черешковые наконечники стрел. Они делятся на 8 основных типов: 1) трехлопастные треугольноперые (таблица III, *22* и рис. 73, *2—4, 6*), 2) трехлопастные лавролистноперые (таблица III, *21*), 3) трехлопастные с шейкой и уступом, 4) трехлопастные ярусные (таблица III, *23*), 5) четырехгранные шиловидные, 6) трехгранные и 7) плоские лопаточкообразные узкие (рис. 73, *1* и таблица III, *20*), 8) плоские ромбические.

В целом преобладают мелкие наконечники (длина 1,5—2 или 3—4 см), как это было во II—I вв. до н. э. в Средней Азии и Нижнем Поволжье [107], однако трехлопастных наконечников «сарматского» типа («с опущенными жальцами») на Енисее нет.

Четырехгранным шиловидным, трехлопастным с шейкой и плоским лопаточкообразным типам раннешурмакских наконечников стрел (которые имеют иногда уступ у черешка) прямых аналогий в синхронных культурах нет. Трехгранные наконечники, довольно редкие в Туве, встречаются на рубеже нашей эры у сарматов, в подбойно-катакомбных памятниках в Средней Азии и у гуннов [108]. Трехлопастные ярусные наконечники имеют некоторые вариации форм, но все они отличаются наличием выступающей вперед трехлопастной или, реже, цельной головки (таблица III, *23*). Такие ярусные наконечники известны в I в. до н. э.— I в. н. э. у гуннов, а также в раннеташтыкских памятниках Хакасско-Минусин-

---

[103] См.: Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893, с. 144; Веселовский Н. И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение.— ЗВОРАО, т. XXV. Пг., 1921, с. 276; Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936, с. 57.

[104] Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 229—230.

[105] См.: Абрамова М. П. Указ. соч., с. 62; Давыдова А. В. Иволгинское городище..., с. 286, рис. 19, *1*; Davydova A. V. Op. cit., fig. 17, *29—35*.

[106] ТТКАЭ, т. 3, рис. 47, *1*, 57, *1*; с. 198, таблица III, *27—29, 33*. С. И. Вайнштейн ошибочно относит к раннешурмакскому времени основное погребение кургана № 1 в урочище Кара-Чога на Хендерге, где «обнаружен колчан с бронзовыми черешковыми стрелами» (см. его «Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956—57 гг.», с. 232 и таблица IV, *88—91*). Как показывает его же публикация (см.: Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 г.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 2. Кызыл, 1954, с. 146, таблицы V—VI), это — уюкский курган с погребением, в который позднее было впущено шурмакское погребение в колоде. После разграбления от него остались лишь колода да обломки вазообразного сосуда в верхней части засыпки ямы. Колода предохранила от разграбления лежащее ниже уюкское погребение мужчины с колчаном. Это подтверждает уюкский тип трехперых бронзовых наконечников.

[107] См.: Абрамова М. П. Указ. соч.; Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— КСИИМК, вып. 64; Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2.

[108] См.: Синицин И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья.— СА, т. VIII, с. 75; Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1954 г.), с. 66; Кожомбердиев И. Новые данные о Кенкольском могильнике.— КСИИМК, вып. 80. М., 1960, рис. 15, *5*; Дорж-сурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол, с. 43.

ской котловины и на Верхней Оби [109]. Типологии и хронологии их еще нет.

В первых веках нашей эры на Алтае и Енисее, Оби и Томи появились трехлопастные ярусные наконечники крупных размеров [110].

Трехлопастные лавролистноперые наконечники встречаются редко. Аналогичные стрелы появляются в Средней Азии на рубеже нашей эры [111].

Наконец, необходимо рассмотреть наиболее распространенный тип раннешурмакских наконечников стрел — трехлопастных треугольноперых, среди которых есть и мелкие и средние по размерам наконечники. Этот тип стрел подразделяется на подтипы: а) с горизонтальным срезом низа лопастей или слегка скругленным (подобные относят в Средней Азии к I—III вв. н. э.); б) с ромбическим контуром головки, когда грань лопасти преломляется посредине (подобные относят в Средней Азии ко II—IV вв.) [112]; в) тупоугольные с вытянутым низом, когда грань лопасти преломляется вверху [113].

Все эти наконечники в особенности же подтип б, обычно считаются довольно поздними. Во всяком случае трехлопастные с ромбическим контуром головки (б) в Поволжье и Средней Азии датируются III—V вв. [114]. Соглашаясь с тем, что наконечники подтипа б действительно распространены в указанное время, позволю заметить, что появились они, вероятно, много раньше. В раннешурмакских могилах Тувы подобные по форме, но малые по размерам наконечники найдены (вместе с лопаточкообразными) в погребениях с железными кольчатыми ножами, которые твердо датируются II—I вв. до н. э., а также с обычным раннешурмакским инвентарем (таблица III, *3, 12, 13, 15—18, 20, 22, 24, 27*) [115]. Таким образом, наиболее поздней датой из допустимых мы можем считать здесь лишь I в. н. э. или с натяжкой II в., но не позднее. Об этом же говорит наличие таких наконечников у гуннов Забайкалья [116].

Очевидно, что ромбовидные мелкие наконечники (подобные раннешурмакским, длиной 2—4 см) существовали уже во II в. до н. э.— II в. н. э., а более крупные распространились в III—V вв. Именно такое положение, как будет показано далее, фиксируется в Туве.

Очень часто трехлопастные наконечники из раннешурмакских могил имеют надетые на черешок полые костяные свистульки с тремя отверстиями. Свистящие стрелы с аналогичными свистульками были особенно характерны для гуннов, но они встречаются и в подбойно-катакомбных синхронных погребениях Средней Азии [117].

Что касается плоских ромбических наконечников, то они встречаются чрезвычайно редко в раннешурмакских могилах, в памятниках дэрестуйских гуннов и несколько позднее в таштыкских склепах [118].

Наконец, необходимо указать на редко встречающиеся костяные наконечники стрел. Все они ланцетовидные, четырехгранные в сечении, с плоскими черешками и подразделя-

---

[109] См.: Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, VI.— ТГСКОРГО, т. 4, вып. 2, таблица II; Бернштам А. Н. К вопросу о социальном строе восточных гуннов.— ПИДО, 1935, № 9—10, рис. 10 (перевернуты); Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 110; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.— МИА, № 48. М.—Л., 1956, таблица XXXVIII, *15*.

[110] См.: Комарова М. Н. Томский могильник.— МИА, № 24. М., 1952, рис. 27, *11, 18, 20, 22, 23, 26, 27*; Ермолаев А. Нишимская коллекция. Красноярск, 1914; Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов..., рис. 5.

[111] См.: Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел, с. 82. Ср.: История Тувы, т. I, с. 45, рис. 7

[112] См.: Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел, рис. 6; Кожомбердиев Н. Новые данные о Кенкольском могильнике, рис. 15, *1—4*; он же. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе.— ИАН КиргССР, сон, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, рис. 6. Ср.: Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов..., рис. 5—8, 10.

[113] Все эти типы см.: ТГКАЭ, т. 2, таблица III, *5—12, 18—26, 42, 45, 46*; т. 3, таблица I, *1—6, 18—24, 27—29, 32—34, 37—40, 48—51, 54—59, 66* и др.

[114] См.: Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел, рис. 6; Минаева Т. Погребения с сожжением близ гор. Покровска.— УЗ СГУ, т. VI, вып. 3. Саратов, 1927; Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk. 1927, abb. 62, *e*; Schmidt A. V. Kačka.— ESA, t. I. Helsinki, 1927.

[115] Бай-Даг, 1927 г., № 86 (27); с. Уюк, 1929 г., № 160 (66); Кара-Даш, 1962 г., № 1, погребение 1; Уюк-Тарлык, 1916 г., № 50 (на горизонте).

[116] См.: Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, таблица IV, *7* (из Ильмовой пади. — ГЭ, № 1354-75).

[117] См.: Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, таблица IV, *10—12*; Давыдова А. В. Новые данные об Иволгинском городище, рис. 13; Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940, с. 8.

[118] ТГКАЭ, т. 2, таблица III, *42*; т. 3, с. 237, таблица III, *3*. Ср.: Davydova A. V. Op. cit., fig. 16, *44, 45*; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 51, *4*; Хазанов А. М. Указ. соч., таблица XIX, *40*. Д. Г. Савинов, не зная этих находок, ошибочно утверждает, что «первые плоские наконечники стрел в достоверных комплексах Южной Сибири появляются не ранее середины IX в.» (Савинов Д. Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время.— Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 345).

ются лишь по типу перехода ударной головки к черешку: а) с плавным переходом и б) с подрезанным переходом. Подобные наконечники известны в соседних раннеташтыкских памятниках Енисея, а также на Верхней Оби и редко у гуннов [119].

Кроме того, обнаружены остатки моделей берестяных колчанов с деревянными днищами и железными крючками [120]. Из другого наступательного оружия найдены модели втульчатых наконечников копий и дротиков [121], чаще уменьшенных или миниатюрных, иногда с древками (общая длина 0,4—0,72 м при толщине древка 1 см). Однажды найдено копье длиной 1,5 м.

Наконец, специфичны только для раннеташтыкских грунтовых могил Среднего Енисея (I в. до н. э.— I в. н. э.) и для раннешурмакских могил Верхнего Енисея, определенные в свое время нами [122], деревянные модели мечей и кинжалов из могильника Кокэль.

Обычно эти модели кладут по 2 в погребения мужчин-воинов. Однажды у правого бедра скелета лежало 2 пары таких моделей сразу, а в другом случае и по левую и по правую сторону положили по модели меча и еще модель кинжала. Иногда из-за истлевания в могиле сохраняется лишь одна модель меча, хотя, несомненно, первоначально укладывалось по 2 модели на одного воина, как это оказалось и в раннеташтыкских грунтовых могилах.

Ножны раннешурмакских моделей мечей и кинжалов украшены узорами, нанесенными резьбой и красной краской в виде парных треугольных фигур и елочного орнамента. Перекрестий нет. У деревянных ручек с обеих сторон вырезы, как бы для удобного обхватывания пальцами. Интересно, что нередко между деревянными ручками и «ножнами» вставлена чуть видная железная пластина-вкладыш, имитирующая железный клинок [123]. Модели железных мечей с кольчатым навершием сходны с дальневосточными мечами ханьского времени.

Из оборонительного вооружения найдено немногое. В одном мужском погребении обнаружен ряд окислившихся, заходящих друг за друга, прямоугольных пластин из железа,— по-видимому, остатки панциря. В другом погребении — на груди останков воина обнаружен железный диск, возможно, центральный умбон от защитного кожаного доспеха.

Многочисленные и разнообразные предметы вооружения свидетельствуют о большом развитии военного дела у раннешурмакских племен, о неспокойной жизни, о постоянных военных столкновениях. Особенно наглядно это отражают останки самих погребенных. Нередко не только у мужчин, но и у женских скелетов отсутствуют черепа. При этом сохраняются все признаки того, что головы были отрублены и где-то затерялись, ибо при этом обнаруживаются разрубленные шейные позвонки, порубленные плечевые кости. Иногда отрубленные в бою головы люди находили много позже захоронения трупов и дохоранивали в ту же могилу. Тогда черепа в нетронутых могилах лежат поверх гробов. В других случаях на черепах имеются следы ударов мечей, принесших смерть, или обнаруживаются застрявшие в грудных позвонках, подвздошных костях, а иногда просто в грудной клетке костяные или железные трехлопастные наконечники стрел [124].

Ножи железные встречаются при остатках мясной пищи. Они делятся на 2 типа. В наиболее ранних могилах (II—I вв. до н. э.) обнаружены ножи с кольцом нормальных или уменьшенных размеров (рис. 72, *1* и таблица III, *27, 28*) и пластинчатые однопетельные ножи по форме, подражающие более ранним бронзовым. В более поздних (I в. до н. э.— I в. н. э.) могилах постоянно встречаются дугообразные ножи с черешком (таблица III, *29*), часто заключенные в деревянные ножны. При них постоянно находятся железные цепочки из восьмеркообразных перекрученных звеньев [125].

Железные ножи с кольцом твердо датируются II в. до н. э.— I в. н. э. по многочисленным их находкам в памятниках широкой степной полосы от Волги до Забайкалья и далее на восток. Известны они не только у сарматов и центральноазиатских гуннов, но и на Среднем Енисее, в Мариинской лесостепи, на Верхней Оби, Алтае, а также по восточным

---

[119] ТТКАЭ, т. 2, таблица III, *1—4*; т. 3, таблица II, *1—5*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 31, *1*; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Обн, таблица XXXII; Davydova A. V. Op. cit., fig. 12, 24, 25.

[120] ТТКАЭ, т. 3, рис. 25, *9*, 29, *6*, 40, *2, 3*, 57, *5*, 60, *2*, 70, *3*, 76, *2, 3*; с. 114, рис. 44; с. 235, таблица I, *25, 26*.

[121] ТТКАЭ, т. 2, таблица III, *37—41*; т. 3, таблицы II, *28, 39, 40, 49—53* и III, *74*; с. 237, таблица III, *9, 10*.

[122] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 111—112, рис. 36, *16—19*.

[123] ТТКАЭ, т. 2, таблица XI; т. 3, рис. 27, *1*, 76, *1, 5*, 87, *5*: с. 203, таблица VIII; с. 235, таблицы I, *14, 18, 39*; II, *9—13, 24*; III, *11*.

[124] ТТКАЭ, т. 2, рис. 25; т. 3, с. 248.

[125] ТТКАЭ, т. 2, таблица VIII; т. 3, рис. 12, *1—6*, 17, 21, *2*, 25, *2—4*, 29, *1—3*, 80, *5*; таблицы X и XII, *36—42*.

окраинам казахстанских степей. Есть они и в ханьском Китае [126].

На тех же пространствах (на рубеже н. э. и до V в.) распространены и дугообразно-обушковые ножи.

От костюмов людей до нас дошли лишь плохо сохранившиеся остатки. Это преимущественно обрывки грубых шерстяных или изредка тонких шелковых тканей от нижней и верхней одежды, куски войлока, возможно, от теплых халатов и чулок. Обувь кожаная мягкая: однажды была найдена обувь, украшенная шелковой нашивкой. В могиле одной женщины оказались остатки шерстяного головного убора с полусферической бронзовой бляхой на нем. В Кара-Даше (№ 1) мужчина был одет в кожаный халат (с рукавами типа «реглан»), кожаную шапочку с клапанами на ушах и в мягкие короткие кожаные сапоги с ременными завязками на щиколотках.

От ременных и шерстяных поясов сохраняются пряжки. Бронзовые пряжки встречаются редко. 3 из них типично таштыкские, привезенные из Хакасско-Минусинской котловины. 2 пряжки 1-го типа (таблица III, *30*) и одна (в виде рамки с неподвижным шпеньком) 6-го типа [127].

Из железных пряжек чаще всего встречаются не пряжки, а кольца (одно или два), за которые завязывались концы поясов. Кроме того, известны лировидные пряжки с неподвижным шпеньком и длинными подвижными щитками (таблица III, *26*), аналогичные сарматским III—II вв. до н. э., тагарско-таштыкским и раннеташтыкским (I в. до н. э. — I в. н. э.), а также их костяным подражаниям из гуннских памятников II—I вв. до н. э. [128]. Другие округлые железные пряжки с подвижным язычком (рис. 66, *6*) также обычны для синхронных памятников II в. до н. э. — I в. н. э. [129]. Только в некоторых могилах Кокэля встречены и другие более редкие типы поясных пряжек. Это трапециевидные с подвижными щитками и шпеньком, похожие на таштыкские пряжки 6-го и 8-го типов. Другие пряжки имеют вид четырехугольной рамки с подвижным язычком. Подобные известны среди сарматских III—II вв. до н. э. и I—II вв. н. э., а также среди более поздних таштыкских. В гуннских курганах Ноин-Улы (I в. н. э.) тоже встречаются железные подквадратные пряжки с подвижным язычком [130]. Железная овальная пряжка с подвижным язычком и щитком (в которое вставлено дополнительное кольцо) находит себе аналогии среди сарматских I—II вв. и в пряжках из среднеазиатских подбойно-катакомбных могил того же времени [131].

Наконец, только в курганах № 37 и 39 Кокэля найдены 3 пряжки особой формы: длинные лировидные, но с длинными же подвижными язычками, крепящимися на поперечном штыре, вделанном в нижней трети рамки. Аналогичные бронзовые пряжки в Восточной и Центральной Европе относят к I — началу II в. н. э.

Близкие по типу пряжки найдены С. С. Сорокиным в Горном Алтае, а также в сарматских курганах рубежа нашей эры в Нижнем Поволжье и Западной Европе [132]. Рассмотренные выше типы шурмакских пряжек позволяют отнести раннешурмакские могилы к II в. до н. э. — I—II вв. н. э. Показательно, что в них не найдено тех типов бронзовых пряжек, которые характерны для III—V вв. Из предметов женского обихода в могилах часто встречаются специально изготовленные для погребального ритуала (несомненно, по образцу предметов, употреблявшихся в быту) модели деревянных шкатулок, ящичков и

---

[126] См.: Синицин И. В. Указ. соч., рис. 25, *1*; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, таблица XXVI, *12, 13*; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 98, 163, рис. 29, *3*; Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска.— АС, вып. 3. Л., 1961, рис. 4, *11—12*; Черников С. С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г., таблица IX, *4*; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., с. 178; Давыдова А. В. Новые данные об Иволгинском городище, с. 158.

[127] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., таблица III, *107*; ТТКАЭ, т. 3, с. 42, рис. 57, *3* и таблица XI, *54*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 36, 39, рис. 7, 8; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, с. 111, 116, таблицы 33, *10* и 41, *15*.

[128] См.: Мошкова М. Г. Указ. соч., таблица 25, *4, 15*; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 109, таблица IV, *5* и *60*; Давыдова А. В. Иволгинское городище, рис. 21, *1*.

[129] См.: Мошкова М. Г. Указ. соч., таблица 25, *31, 32*; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 39, 83, таблица IV, *9*; Абрамова М. П. Указ. соч., с. 63; Синицин И. В. Указ. соч., рис. 25, *2, 3*; Давыдова А. В. Новые данные об Иволгинском городище, с. 158, рис. 8, *2*.

[130] ТТКАЭ, т. 3, таблицы XI, *32, 34—38, 41, 42, 58* и XII, *13, 30—32, 48* и рис. 68, *3*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 8, *4, 8, 9*; 9, *3—7*; Мошкова М. Г. Указ. соч., таблица 25, *33*; Руннич А. П. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы.— СА, 1961, № 1, рис. 2—3; Доржсурен Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол, рис. 7, *6*.

[131] ТТКАЭ, т. 3, таблица XI, *25*. Ср.: Руннич А. П. Указ. соч., рис. 2, *2*; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины, рис. 4, *19—21*.

[132] ТТКАЭ, т. 3, таблица XII, *33, 34, 47*; Синицин И. В. Указ. соч., рис. 25, *2*; Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов..., рис. 6, *6—8*; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1974, с. 355, рис. 19.

«сундучков», иногда на пирамидальных невысоких ножках, вставлявшихся на шипах в особые гнезда дна. Эти шкатулки имеют вид деревянных, собранных на шипах, прямоугольных или кубических ящичков, все плоскости которых украшены зигзагом или сеткой из пересекающихся линий, нанесенных красной краской или резьбой. Крышки у них четырехскатные. Другой тип их (продолговатый с крышкой и ручкой в торце) напоминает современные пеналы [133].

В этих шкатулках обычно находятся или миниатюрные модели предметов, связанных с женским трудом и туалетом (модели железных скребков для обработки шкур, шильев, резцов, ножей — все они с деревянными ручками; модели глиняных пряслиц), или сами подобные предметы (железные шилья, пинцеты, ножи, пряслица; деревянные палочки для еды, ложечки), а также небольшие обломки металлических раннеханьских зеркал (долгое время употреблявшихся в быту, судя по стертости изломов) и амулетов (бронзовое изображение головы птицы).

Подобные деревянные шкатулочки с предметами женского туалета и обихода известны в таштыкских памятниках. Там же, а также в погребениях гуннов найдены употреблявшиеся в быту обломки ханьских зеркал. Впрочем, употребление обломков ханьских зеркал в гунно-сарматскую эпоху известно широко от Центральной до Средней Азии, от Поволжья и до Сибири [134].

При мужских скелетах в раннешурмакских могилах нередко встречаются деревянные приборы для добывания огня (иногда лежащие в кожаном мешочке с ремешками), состоящие из дощечки со сверлинами и деревянного стерженька. Подобные приборы известны у гуннов; их употребляли в гунно-сарматскую эпоху повсеместно [135].

Из других бытовых предметов (в погребениях без шкатулок) при скелетах обнаружены: железные пинцеты-щипчики, шилья, глиняные и каменные пряслица, узкий костяной гребень, точильные камни, бронзовая бляха (или зеркальце) с петлей (таблица III, *19*), железные скобки и пластины с гвоздиками, деревянные резные антропоморфные фигурки (очевидно, идолы или онгоны) [136]. Костяные трубчатые игольники и лопаточки аналогичны таштыкским и гуннским. Изредка встречаются изделия из рога (ручки ножей и т. п.) [137].

Среди личных украшений известны витые шейные гривны из золотых пластинок (с петельками для матерчатых завязок сзади; таблица III, *17*), аналогичные по форме раннеташтыкским, и серьги трех типов. Это золотые серьги в виде вопросительного знака с листовидным щитком впереди (таблица III, *16* — в данном случае щиток развернут), спирали в 1,5 оборота из бронзовой проволоки (таблица III, *25*), которые во II в. до н. э. — I в. н. э. были широко распространены от сарматов до усуней [138], а также серьги из расплющенной проволоки в виде подвесных спиралей [139]. Есть украшения из плющеного золота на деревянной основе, в виде покрытых резьбой костяных пирамидок, золотых и бронзовых круглых бляшек и листков, костяного диска с двумя сверлинами для шнурка, костяные застежки и пряжки-подвески и резная из дерева пластинка в форме лошадки [140].

Разнообразны раннешурмакские бусы из цветной пасты, камня, сердолика, бронзы и стекла; их многочисленные аналогии встречаются в памятниках II—I вв. до н. э. из окружающих Туву районов. Это цилиндрические бусы из белой пасты, шаровидные из синей пасты, реповидные каменные, сердоликовые четырехгранные и округлые, реповидные и бочковидные бусы голубого и синего стекла, спаренные стеклянные, кубиковидные голубо-

---

[133] ТТКАЭ, т. 2, рис. 69; таблицы II, *12* и XII; т. 3, рис. 88, *9*, с. 236, таблица II, *23*.

[134] История Тувы, т. I, с. 53; ТТКАЭ, т. 2, рис. 55, таблица XIV, *11*; т. 3, рис. 88, *3*. Ср.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 85—86, 118—120; Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, рис 65; Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, VI.— ТТКОПОРГО, т. 4, вып. 2, с. 50, таблица II; Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, рис. 59, *1*; Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1955 г.), рис. 5, *1*; Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Указ. соч., рис. 31; Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975; Древности Нижнего Поволжья. — МИА, №78. М., 1960, рис. 17, *7*.

[135] ТТКАЭ, т. 2, рис. 51; т. 3, с. 93, рис. 13; с. 235, таблица II, *2*, *17*. Ср.: Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, с. 52—53, рис. 46 и таблица 25.

[136] Подобный у гуннов см.: Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы, рис. 64. Ср.: ТТКАЭ, т. 2, с. 217, рис. 40; т. 3, с. 115, рис. 45; таблица III, *1*.

[137] ТТКАЭ, т. 2, таблица XIV; т. 3, рис. 36, 74, *1*, 88; таблица XIII, с. 235; таблицы I, *1*, *4*, *5*, *30* и II, *14*.

[138] ТТКАЭ, т. 3, рис. 74, рис. 80, *1*, *2*, рис. 132. Ср.: Абрамова М. П. Указ. соч.; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., с. 176.

[139] ТТКАЭ, т. 2, рис. 54; т. 3, с. 170, рис. 132, *2*. Ср.: Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973, таблица I, *13*; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, таблица 45, *5*.

[140] ТТКАЭ, т. 3, рис. 29, *4*, *5*, 65, *1*, *2*, *5*, *6*, 74, 78, *4*, 80, *1*, 132, 163, 166.

го стекла, бронзовые пронизки и колечки. Но место производства их не выявлено.

В одном из погребений II—I вв. до н. э. найдена очень важная находка: над скелетом, среди камней засыпки ямы, лежала ручная мельница из двух жерновов, сделанных из крупнозернистого гранита (диаметры 0,25 и 0,21 см). Нижний жернов был плоским, а верхний — полусферическим с тремя ямками для укрепления вставлявшейся деревянной ручки. Вторая каменная мельница «современного типа» была найдена при другом шурмакском погребении под насыпью кургана № 7 в Кокэле. К сожалению, С. И. Вайнштейн и В. П. Дьяконова, производившие раскопки этого кургана, не придали надлежащего значения такой находке и не опубликовали ни рисунка, ни подробного описания жерновов [141].

Между тем установка жерновов в могилы женщин отмечена в гунно-сарматское время в Средней Азии, а в соседней Хакасско-Минусинской котловине еще более ранний нижний жернов ручной мельницы найден в тагарском кургане Салбык (III в. до н. э.) в 1956 г. вместе с курантом зернотерки [142].

Наличие ручных мельниц наряду с простыми зернотерками из курганов, поселений и стойбищ свидетельствует о более значительном развитии земледелия у шурмакских племен Тувы по сравнению с предшествующим уюкским временем. Ручная мельница предполагает не только расширение посевных площадей, но и применение пашенных орудий типа рала с использованием тягловой силы домашних животных [143]. Особое значение земледелия отразилось в ритуальном посыпании умерших шурмакцев зерном посевной конопли и посевного проса. Кстати, как известно, просо — это не только крупяная культура, но и мучная. Впрочем, шурмакцы сеяли и другие культуры. Это видно по находкам серпов в поздних могилах той же культуры.

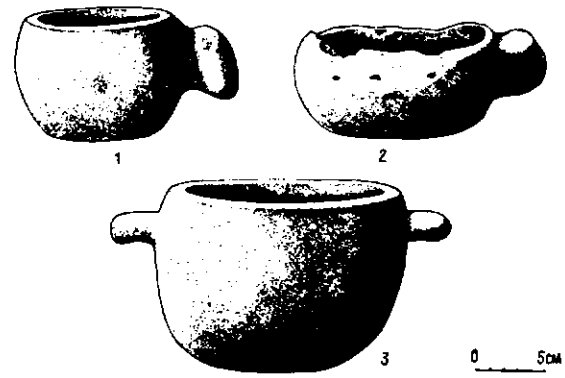

Рис. 79. Каменные курильницы из Тувы:
1 — г. Кызыл, *2* — урочище Бом близ Усть-Элегеста, *3* — урочище Кызыл-Эрик на Тес-Хеме. *1* — мрамор, *2* — песчаник, *3* — волокнистая порода

Найденная в одной из могил Кокэля остроконечная костяная подвеска-застежка аналогична такой же поделке из раннешурмакского поминального кургана на р. Каргы, ошибочно отнесенная А. Д. Грачом «к древнетюркскому времени» [144].

Наконец, необходимо упомянуть однажды найденную в могиле каменную плошку грушевидной формы. В этой связи следует обратить внимание на некоторые случайно обнаруженные каменные сосуды, очевидно, также относящиеся к раннешурмакскому времени.

В 1960 г. сотрудники нашей экспедиции в 4 км от Кызыла на восток (в 1 км к северо-северо-востоку от первой близ Кызыла сопки со скалой и в 20 м к югу от усадьбы инкубаторной станции), на заезжанном лёссовом полотне грунтовой дороги в Каа-Хем, заметили чуть видневшуюся мраморную овальную курильницу с выступом-ручкой (рис. 79, *1*). Обследование показало, что дорога проходит по старой развеянной дюне. При расчистке лёсса обнаружено лишь незначительное количество угольков.

В Кызыльском музее (№ 2384) хранится аналогичная песчаниковая курильница с ручкой в виде округлого выступа (рис, 79, *2*), найденная при строительстве шоссе Кызыл — Усть-Элегест, в урочище Бом, в 22 км от Кызыла. Третий светильник из блестящего серого волокнистого камня, похожий на сосуд с двумя ручками (рис. 79, *3*), обнаружен в Юго-Восточной Туве (Эрзинский район) в урочище Кызыл-Эрик на р. Тес-Хем (Кызыльский музей, № 3909). Аналогичные мраморные сосудики с ручкой-выступом или дву-

[141] Подробности см. выше при описании кургана № 39, раскопанного А. В. Адриановым в 1916 г.; ТТКАЭ, т. 2, с. 189. Ср.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., с. 94, 98.

[142] Археологические работы в Таджикистане в 1955 году. Сталинобад, 1956, с. 39; Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы, с. 109. Жернов и зернотерка из кургана Салбык хранятся в Абаканском музее. О наличии зернотерок и жерновов в таштыкском поселении см.: Зяблин Л. П. Работа Копенского отряда.— В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969, с. 238.

[143] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., с. 179—182. Ср. сообщение источников: «В северных странах стужа рано настает и хотя неудобно сеять просо, но в земле хуннов сеяли» (Бичурин Н. Я. Указ. соч., т. I, с. 76).

[144] ТТКАЭ, т. 3, рис. 29, *4*; т. 1, с. 48, рис. 52.

мя ручками известны в могилах «среднесарматского» времени (I в. до н. э. — II в. н. э.). Такой же сосуд найден и в бывшей Тобольской губернии [145]. Более грубые каменные сосуды с боковой ручкой-выступом подобраны в Восточном Казахстане и Монголии (хранятся в Гоби-Алтайском музее). Они также, вероятно, относятся к периоду около рубежа н. э. [146].

Таким образом, памятники ранних шурмакцев в настоящее время оценены обобщенно от II в. до н. э. до I—II вв. н. э. Разделение этих памятников на более дробные этапы — дело будущего. При этом, естественно, уже сейчас четко выявляются и наиболее ранние курганы II—I вв. до н. э., и могилы I—II вв. н. э.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНИХ ШУРМАКЦЕВ

Типичным памятником позднего этапа шурмакской культуры, который дал культуре свое имя, можно считать *курган № 1*, расположенный в могильнике Шурмак-Тей у горы Мюрк на правом берегу Шурмака в Тес-Хемском районе. Это округлый каменный курган (диаметр 7,6×7,1 м), от насыпи которого на северо-запад отходит ряд из 5 больших валунов (рис. 80). Он раскопан ТАЭ в 1955 г.

Под насыпью в центре кургана оказалось погребение по обряду трупосожжения в виде кучки углей (диаметр около 0,6 м) и мелких пережженных косточек человека, лежащих на уровне горизонта. Здесь же лежали 2 необожженные трубчатые кости ноги барана. Трупосожжение совершено на стороне. Позднее кальцинированные кости вместе с углями были перенесены на место погребения (рис. 80).

Под насыпью обнаружены остатки двух сосудов. К юго-востоку от трупосожжения находилось донце одного сосуда, а к югу от него стоял вазообразный гладкий лепной сосуд, типичный для позднего этапа шурмакской культуры (рис. 77, *5*). К западу от погребения на горизонте лежал также типичный для этой культуры дугообразнообушковый желез-

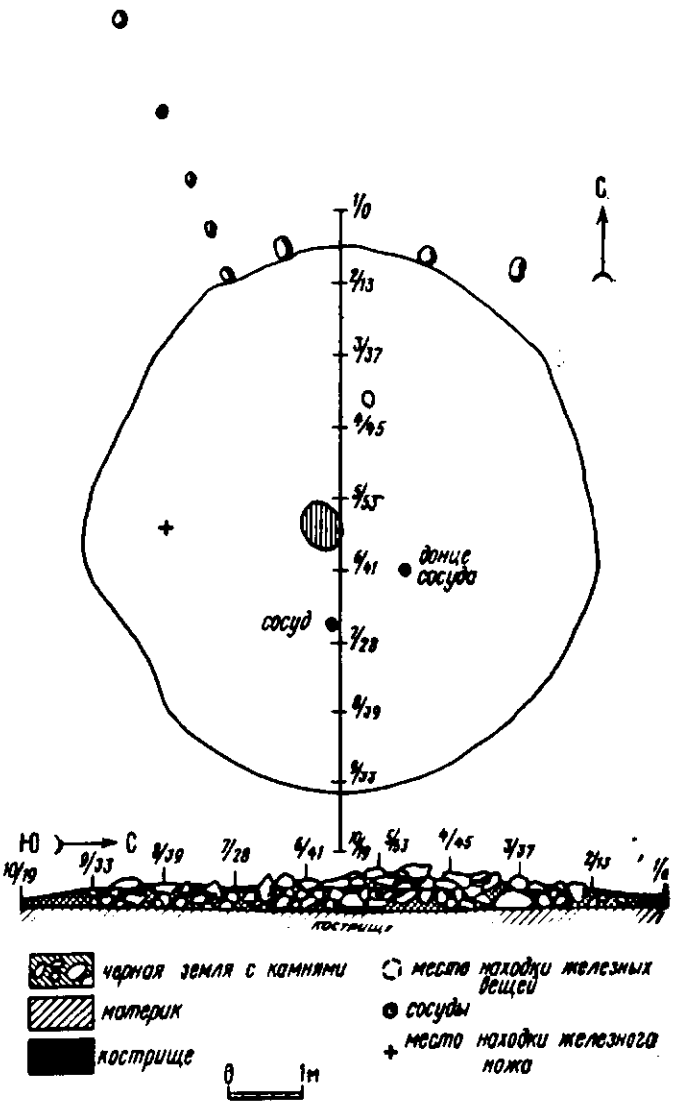

Рис. 80. План и профиль позднешурмакского кургана № 1 в урочище Шурмак-Тей

ный нож (рис. 81, 7). Севернее трупосожжения, под насыпью на камне (рис. 80), была в древности уложена целая кучка побывавших в огне железных вещей: 1) прямой длинный «нож» с кольцом, — очевидно, модель меча; 2) тонкие миниатюрные удила со своеобразными пропеллеровидными псалиями, сохранившиеся от модели узды; 3) втульчатый наконечник «дротика» или модель копья; 4) проколка или шило с колечком; 5) обломок чашевидного предмета с заклепками; 6) 2 трехлопастных наконечника стрел типа, характерного для «эпохи переселения народов» (III—V вв. н. э.[147] — рис. 81, *3*, *4*); 7) малый

[145] См.: Синицин И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, № 78. М., 1960, рис. 11, *8*, 13, *9*, 38, *4*, *5*, *7*; с. 198, рис. 11, *17*; Абрамова М. П. Указ. соч., рис. 2—5; ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, с. 218, рис. 272.

[146] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, таблица IX, *166*. Фотографии двух каменных сосудов из Гоби-Алтайского музея нам любезно предоставил В. В. Волков в 1964 г.

[147] Ср.: Schmidt A. V. Kačka.— ESA, t. I. Helsinki, 1927, p. 41, fig. 30, *k*—*m*.

дугообразнообушковый нож. Под насыпью найдены еще 3 кости зайца.

Все предметы достаточно характерны для гунно-сарматской эпохи и позволяют считать, что это погребение относится, очевидно, к позднему этапу шурмакской культуры [148].

В 1927 г. на горе Бай-Даг близ Шагонара С. А. Теплоухов раскопал небольшие округлые *каменные курганы № 69 (10), 71(12) и 77(18)* диаметром 8—10 м и высотой 0,6—1 м. Под их насыпями на горизонте находились угольные прослойки и слегка обожженная земля. Очевидно, остатки кострища приносились со стороны еще неостывшими. Пепел, несомненно, бывших трупосожжений автор раскопок не заметил, даже в том безусловном случае, когда в кургане № 69 на шурмакское трупосожжение наслоилось впускное погребение по обряду трупосожжения раннего этапа аскизской культуры (XI—XII вв.) [149]. И в этом случае отмечена только особо мощная «угольная прослойка и обуглившаяся земля толщиной 0,15 м, диаметром до 3,5—4 метров» [150].

Во всех случаях под пятнами трупосожжения в небольших ямках (глубиной до 0,3—0,4 м) обнаружено от одного до трех позднешурмакских вазообразных сосудов или их обломков. Возле кострищ железные предметы лежали поодиночке или в кучке, аналогично положению сосудов и предметов в кургане № 1 Шурмак-Тея. В кургане № 69 оказались двусоставные крюковые удила с дополнительными подвижными кольцами (рис. 82, *2*); в кургане № 71 был только вазообразный сосуд с валиком по горловине и обломки двух других вазообразных сосудов (рис. 77, *1*, 78, *2*). В кургане № 77, кроме обломков сосуда со сложным узором из валиков (рис. 78, *3*; в 0,4 м от него к северо-востоку), в кучке обнаружены железные предметы: обломки округлодонной чаши, двусоставные крюковые удила с дополнительными подвижными кольцами (рис. 82, *1*), круглая пряжка с подвижным язычком [151] и накладка.

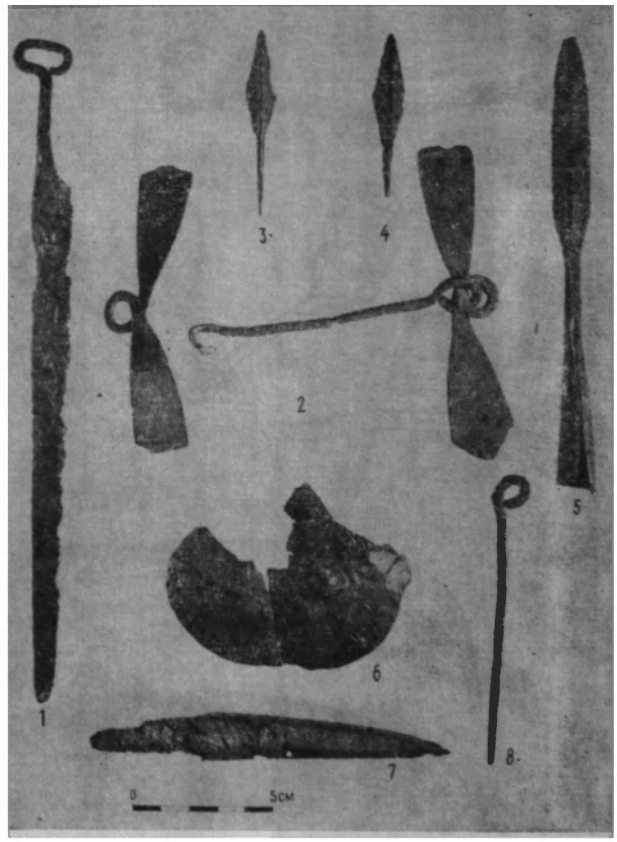

Рис. 81. Железные предметы и их модели из позднешурмакского кургана № 1 в Шурмак-Тее

Возможно, позднешурмакским был и курган № 31, раскопанный экспедицией Института этнографии АН СССР в 1959 г. в могильнике Кокэль (диаметр 4,2 и высота 0,35 м). Под его северо-западной полой на горизонте обнаружено кострище 0,95×0,7 м и «несколько мелких обломков кальцинированных костей не установленной принадлежности». 3 аналогичных кургана без вещей с кострищами на горизонте и «жженными костями», а также необожженными костями лошади и овцы раскопал в 1929 г. С. А. Теплоухов [152].

Кроме курганов с трупосожжением на горизонте, к позднешурмакскому периоду относятся курганы, под которыми содержатся погребения в гробницах из каменных плит, опущенных в грунтовые ямы. В них обнаружены погребения по обряду трупосожжения или по старому обряду трупоположения. Что каменные гробницы сооружены позже раннешур-

[148] Вызывает удивление заявление С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой, что «курган, раскопанный в долине Шурмака, нельзя признать характерным для этой культуры, так как погребение в нем было совершено по обряду трупосожжения» (?) (ТККАЭ, т. 2, с. 186).

[149] Ср.: Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура).— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

[150] Теплоухов С. А. Отчет о раскопках в Туве в 1926, 1927 и 1929 гг. (рукопись).— Архив МЭН СССР. В курган № 69 впущено погребение XI—XII вв., а в курган № 77 впущено тувинское погребение с конем, относящееся к XVI—XVII вв.

[151] См.: Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы..., таблица III, *124, 128—130*.

[152] См.: Вайнштейн С. И. Отчет за 1959 г. (рукопись). — Архив ИА АН СССР, № 1958; Раскопки С. А. Теплоухова: Куи-Бар, 1929 г., № 101; р. Туран, 1929 г., № 119 и 122.

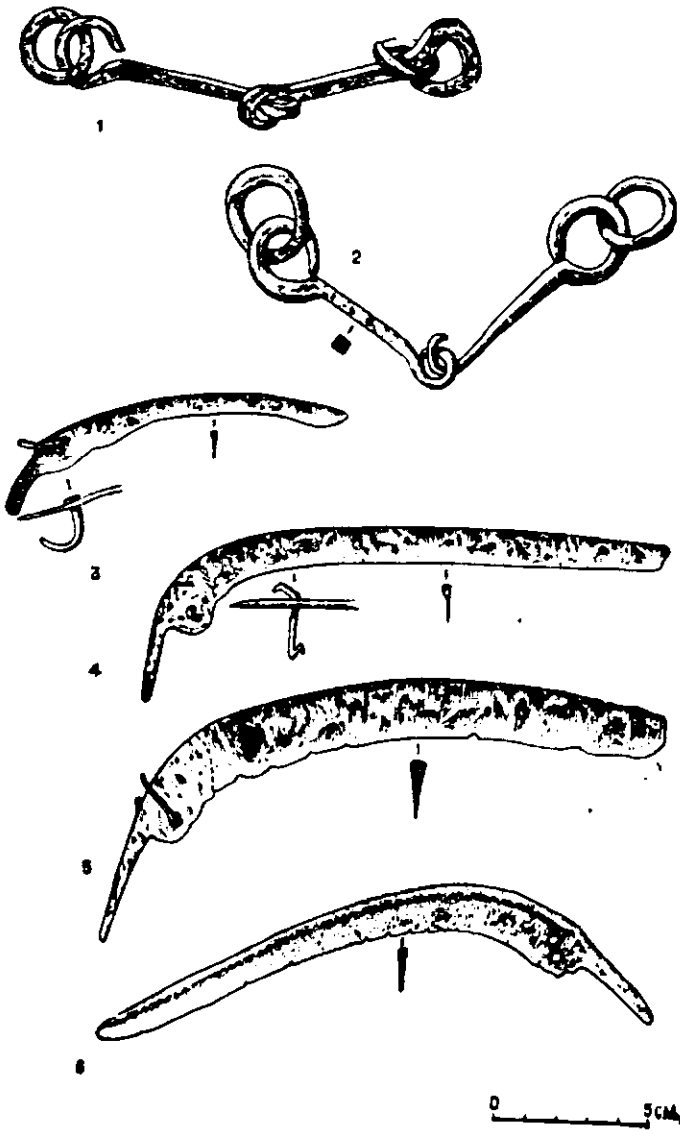

Рис. 82. Позднешурмакские удила и железные серпы: *1* — Бай-Даг, № 77, *2* — Бай-Даг, № 69, *3—6* — дер. Атамановка, № 10

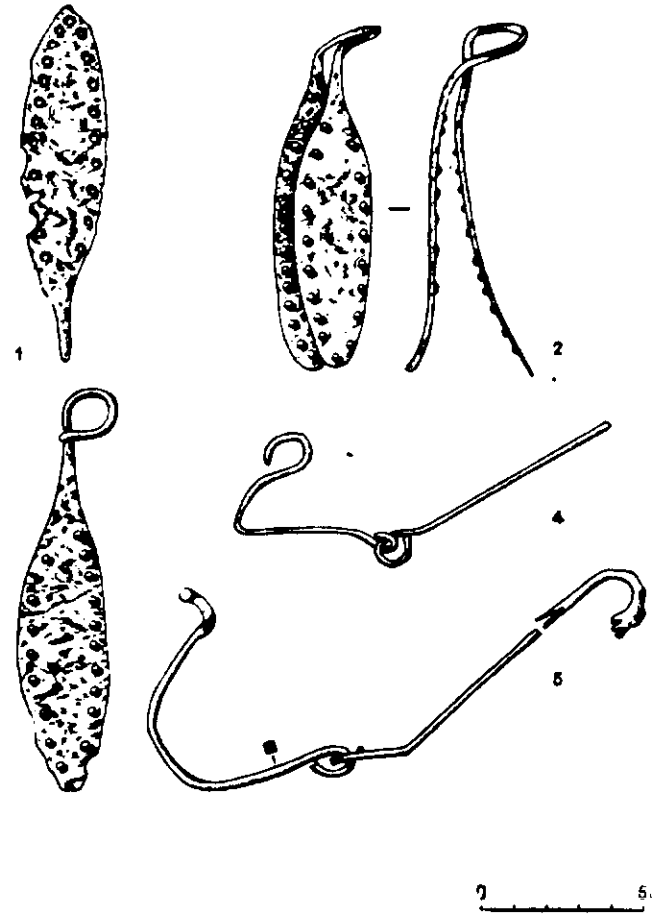

Рис. 83. Позднешурмакские модели удил с псалиями из кургана № 10 в дер. Атамановка

макских могил, подтверждает стратиграфия кургана № 53 в Кокэле, где гробница (с трупосожжением на дне) впущена в каменный курган с ранним погребением в деревянном гробу. Яма с гробницей врезана наискось первой яме, что свидетельствует о незнании поздними могильщиками места предшествующей могилы. В этой гробнице (1,2×0,7 — 0,4 м), вытянутой с севера на юг, обнаружены кусочки железа, обломок точила и миниатюрный ножик, подобный ножичку из кургана в Шурмак-Тее (рис. 81, *7*). От мясной пищи остались кости ноги овцы [153].

В 1926 г. у дер. Атамановка (ныне пос. Кочетова) С. А. Теплоухов раскопал округлый *каменный курган № 10* (диаметр 6,2 м и высота 0,4 м). Среди камней в юго-восточной части насыпи лежали 4 железных серпа малой величины (один из этих серпов миниатюрный — длиной 8,5 см, а другие — уменьшенные — до 15,7 см; рис. 82, *3—6*), а в восточной части (в 2,5 м от центра) найдены пара железных миниатюрных удил и 2 лавролистных псалия, украшенных выпукло-вогнутыми «жемчужинами» (рис. 83). В северо-восточной поле (на глубине 0,3 м) врыт гладкий вазообразный сосуд позднего типа с расширяющейся горловиной (рис. 78, *1*); возле него лежала кость лошади. Оказалось, что сосуд врыт в засыпку могильной ямы, вытянутой с запада на восток и наполовину выходящей за пределы насыпи. На глубине 1 м расчищено женское погребение (скелет лежит на спине вытянуто, головой на восток) в каменной гробнице (1,6×0,4 м, высота

[153] ТТКАЭ, т. 2, с. 233 и рис. 66.

0,3 м) [154] из вертикально поставленных песчаниковых плит. Покрытие — из бревен.

В 1915 г. на гребне горы Курже (Бом) А. В. Адрианов раскопал *курган № 3*. Это было цилиндрическое сооружение (диаметр 12 м, высота 1 м) с отвесными стенками, округлое в плане, аккуратно выложенное из каменных плиток. На плоской вершине его имелось 5 впадин. В верхнем слое камней были обломки ребер барана. На горизонте обнаружены железные двусоставные кольчатые удила и трехлопастный черешковый наконечник стрелы с упором и ромбическим контуром ударной головки (рис. 84, *2, 3*) [155]. Здесь же в разных местах оказались фаланги пальцев ног человека и раздробленные кости овцы. Погребение, очевидно, было совершено на горизонте, ибо при прокопке первого штыка в нем выявились кости скелета взрослого человека (тазовые, крестец, позвонки, ребра), лежавшие по линии север—юг. При них найдены кости взрослого и молодого баранов, 2 фаланги, ребра и позвонки лошади. При остатках скелета обнаружен кусок роговой накладки сложного лука (рис. 84, *1*).

В 1916 г. на левом берегу Уюка, близ устья его левого притока Тарлыка, А. В. Адрианов раскопал округлый *каменный курган № 58*. Под насыпью оказалось 2 погребения взрослых людей в мелких углублениях (до 0,4 м). Раздавленные камнями скелеты по бокам обставлены мелкими плитками и камнями. Они лежали на спине вытянуто, головами на северо-запад. Северо-восточный скелет посыпан мелкими угольками. У левого виска черепа лежали 2 железных трехлопастных наконечника стрел, а на черепе был дугообразно-обушковый нож. Возле черепа находились обломки раздавленного шурмакского сосуда. И нож, и оба наконечника стрел однотипны с аналогичными предметами из кургана в Шурмак-Тее и, безусловно, датируют курган III—V вв. (рис. 84, *4—6*).

Ко второму этапу шурмакской культуры можно относить *поминальные курганы*, в которых стояли вазообразные сосуды без орнамента. Округлая каменная выкладка кургана № 14 у Атамановки, раскопанного С. А. Теплоуховым в 1926 г., достигала 6 м в диаметре и 0,3 м в высоту. В неглубокой ямке под насыпью стояли гладкие вазообразные сосуды. Один — узкогорлый, а другой — с резко расширяющейся горловиной. По технике лепки, серой нелощеной поверхности и грубому дресвянистому тесту эта посуда ближе всего к кухонной керамике VI—VIII вв. из Хакасско-Минусинской котловины. Здесь такая посуда тоже была бытовой; широкогорлый сосуд закопчен и имеет следы нагара. По особенностям вазообразных сосудов этот наиболее поздний шурмакский поминальный курган отнесен мной к V—VI вв. [156].

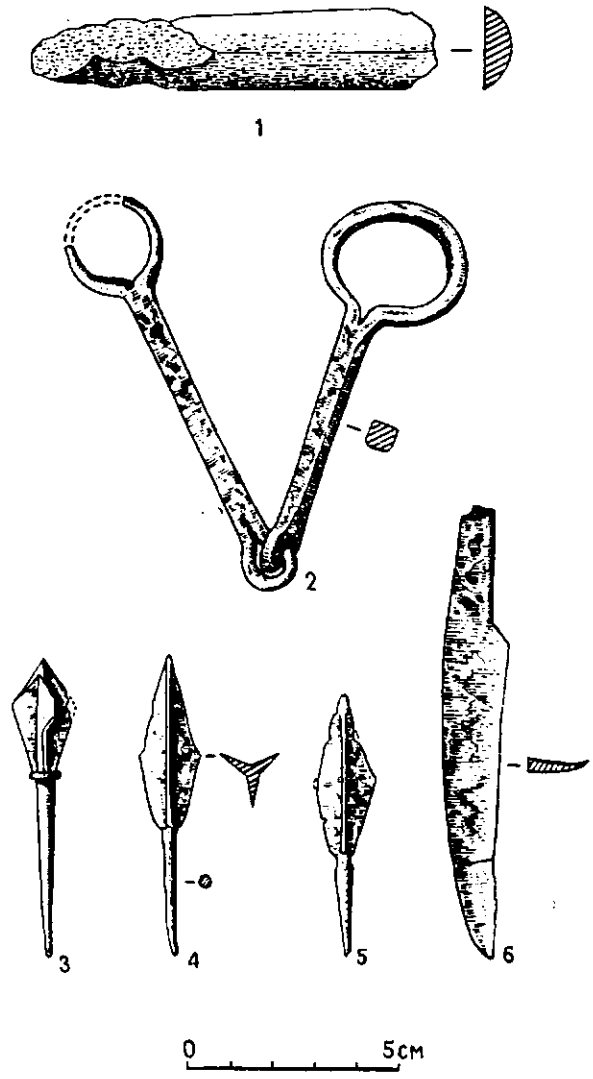

Рис. 84. Предметы из позднешурмакских курганов:
1—3 — из кургана № 3 на горе Курже, *4—6* — Уюк-Тарлык, курган № 58. *1* — рог, *2—6* — железо

[154] См.: Теплоухов С. А. Отчет о раскопках (рукопись). Насыпь, вероятно, сдвинута потому, что ее соорудили позднее после последних поминок. Возможно, к этому же времени относится погребение в «каменном ящике» из долины р. Алаш (КХ-58-V).— ТТКАЭ, т. 1, с. 98—102.

[155] Крупные трехлопастные наконечники с ромбическим контуром, как говорилось, относятся к III—V вв. Ср.: Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел, рис. 6; Rau P. Op. cit., abb. 68, *e*.

[156] См.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.), с. 56, таблица I, *32, 33*.

В округлом каменном кургане № 7, раскопанном в могильнике Куйлуг-Хем II сотрудниками Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР в 1966 г., посредине в ямке стояли вазообразный и горшковидный (украшенный валиками) сосуды, а вокруг находилось пятно обожженной земли. В камнях основания насыпи в кучке обнаружены 5 малых слабоизогнутых черешковых серпов, подобных серпам из кургана № 10 с женским погребением близ Атамановки [157]. Шурмакские серпы малых размеров, но это не уменьшенные модели, сделанные специально для погребального обряда, а рабочие орудия. Они хранят следы сработанности и оттяжки лезвий расковкой. Часть серпов имеет малую изогнутость почти прямого лезвия при сильном отгибе черешкового конца. Другая часть более изогнута. И те и другие особенности характерны для аналогичных черешковых серпов I—V вв. н. э. из Восточной Европы. Особенно близок малый серп из позднесарматской могилы, крепившийся к деревянной ручке также с помощью черешка и гвоздика-заклепки [158].

Один из поздних поминальных курганов шурмакской эпохи раскопал в 1959 г. на Хемчике А. Д. Грач. Он не сумел правильно оценить полученные материалы и дважды ошибочно заявил, что в кургане «обнаружен инвентарь времени древних тюрков» или что там найдена «группа предметов древнетюркского времени (возможно, кыргызских)» [159]. Между тем это цельный, чисто шурмакский комплекс, все предметы которого относятся к III—V вв. н. э. Необходимо рассмотреть его подробнее. У кургана БТ-59-5 подпрямоугольная (10×5,75 м, высота 0,43 м) в плане насыпь, вытянутая с юго-востока на северо-запад. На горизонте под насыпью, по оси кургана, в ямки вкопаны 4 широкогорлых шурмакских сосуда. Близ четвертого сосуда, под северо-восточной полой насыпи, находилась (как и полагается в позднешурмакских курганах) кучка железных предметов. Типично шурмакские — 2 дугообразнообушковых ножа, двусоставные кольчатые удила, круглая пряжка с подвижным язычком, кольцо и все другие предметы. Например, кольчатый крюк от колчана имеет специфический для шурмакцев раздвоенный конец [160]. Из двух наконечников стрел — один знакомый нам черешковый с упором и ромбическим контуром трехлопастной головки (ср. рис. 84, *3*). Второй трехлопастный фигурный наконечник с перехватом в нижней трети головки встречается реже. Оба типа этих наконечников известны в Средней Азии в памятниках III—V вв. [161].

Наконец, рассмотрим 6 панцирных пластинок, лежавших в той же кучке и, видимо, более других предметов смутившие А. Д. Грача. Одна из пластин — длинная — внешне похожа на поздние, но остальные — короткие с одним прямым и другим скругленным концом. Все они имеют парные отверстия. Подобные пластинки, как известно, составляли панцири как скифской, так и гунно-сарматской эпох. Аналогичные длинные и короткие железные панцирные пластинки известны из одинцовских могил на Верхней Оби и из гуннских памятников Забайкалья [162].

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что поминальный курган БТ-59-5 относится со всем инвентарем к III—V вв. н. э. и по культурной принадлежности его надо считать шурмакским.

До сих пор полностью не выявлены и не изучены писаницы шурмакской культуры. В настоящее время в связи с выявлением характерных особенностей стиля таштыкских наскальных изображений можно утверждать, что и у шурмакцев наряду с контурными точечными по технике фигурами (рис. 64) были распространены характерные резные изображения охотничьих сцен [163]. Такие по стилю изображения были распространены не только в Хакасско-Минусинской котловине и Туве,

[157] В раскопках И. У. Самбу (4-й отряд СТЭАН) в составе шурмакских поминальных или могильных курганов найдены 13 серпов в 1967 г. (Ортаа-Хем I, курганы 1 и 4), серп в 1968 г. (Ортаа-Хем II, курган 9) и свыше 8 серпов в 1969 г. (Ортаа-Хем III, курганы 4 и 5, 7) (Архив ИА АН СССР, № 3521, 3826, 3927). Серпы в шурмакских могилах находил и Ю. И. Трифонов (см.: Археологические открытия 1966 года. М., 1967, с. 130).

[158] См.: Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. Памятники Нижнего Поволжья.— МИА, № 60. М., 1959, с. 506, рис. 60, *11*. Ср.: Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, рис. 38; Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, рис. 40, *3*; Геннинг В. Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье.— ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, рис. 29, *8*. У гуннов найдены серпы иного типа (Davydova A. V. Op. cit., fig. 16, *39—43*).

[159] Грач А. Д., Нечаева Л. Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960, с. 191, таблица III, *4—8*; Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге.— ТТКАЭ, т. 2, с. 99—105, рис. 27—31.

[160] Ср.: ТТКАЭ, т. 3, рис. 60, *2*, 73, *8*.

[161] Ср.: Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел, рис. 6, 7, *4—6*, *11*, *12*.

[162] См.: Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968; Хазанов А. М. Указ. соч.; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, таблица 41, *11*; Davydova A. V. Op. cit., fig. 16, *38*.

[163] См., например: Дэвлет М. А. Обследование наскальных изображений правобережья Улуг-Хема.— В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 206.

но и в Северо-Западной Монголии [164]. Работа по исследованию искусства гунно-сарматской эпохи еще впереди [165].

▼

Как видим, в нашем распоряжении не появилось сколько-нибудь существенных новых материалов по позднешурмакскому этапу по сравнению с 1958 г. Тем не менее вряд ли есть теперь возможность настаивать на полной замене в это время обряда трупоположений на обряд трупосожжений. Очевидно, что наряду с новым обрядом трупосожжений продолжали употреблять и старый обряд. Впрочем, в статье 1958 г. мной осторожно указывалось, что «по мере накопления материалов этот вывод еще должен быть проверен». По-видимому, только значительный приток новых источников позволит установить истинную картину в истории шурмакской погребальной обрядности.

Как уже говорилось, на рубеже III—II вв. до н. э. (около 201 г. до н. э.), согласно сообщениям китайских летописей, Северо-Западная Монголия, районы Верхнего и Среднего Енисея подверглись завоеванию гуннов, племенной союз которых в Центральной Азии настолько усилился, что стал серьезной угрозой даже для Китая. Уюкский и тагарский племенные союзы Енисея потерпели поражение и прекратили свое существование, а занимаемые ими территории на некоторое время вошли в сферу гуннских владений. Этими причинами обусловлены конец уюкской культуры и возникновение новой шурмакской культуры на рубеже III и II вв. до н. э. Появилось новое, вероятно, тюркоязычное население с новой самобытной культурой. Все причины сложных изменений можно понять лишь после того, как будут изучены синхронные памятники Северо-Западной Монголии и накопится большой материал по самой шурмакской культуре Тувы. Особенно не достает изученных поселений этого периода. Но сейчас уже достаточно ясно, что по сравнению с уюкским временем в Туве изменился физический тип населения. Антропологическое обследование черепов, происходящих из шурмакских могил, показало, что в Туве появилось население смешанного монголоидно-европеоидного типа [166].

Археологический облик шурмакской культуры достаточно ясен. Это одна из культур гунно-сарматской эпохи, на которой центральноазиатские связи отразились полнее всего. Преобладание вазообразных сосудов (типа, характерного только для шурмакской культуры) находится в связи в первую очередь с преобладанием вазообразных (но иных типов) узкогорлых сосудов во всей Центральной Азии в гуннский и сяньбийский периоды. Характерно, что специфичные «арочные» украшения шурмакских ваз находят себе полную аналогию в таких же «арочных» орнаментах гуннских бронзовых котлов. На те же связи указывает и погребальный обряд, в особенности погребения в деревянных гробницах и гробах. Впрочем, погребения в дощатых гробах и колодах были широко распространены в эту эпоху от Волги до Забайкалья и от Алтая до Ферганы, а также в странах Юго-Восточной Азии.

Много сходного в погребальной обрядности имеют памятники шурмакской культуры с соседней таштыкской культурой Хакасско-Минусинской котловины. Это в первую очередь обычай укладывания в могилы моделей-заменителей подлинных вещей. Нередко модели миниатюрны. Впрочем, эта же особенность характерна и для могил уландрыкского этапа Горного Алтая (II—I вв. до н. э.) [167]. Наличие в шурмакских памятниках вещей, типичных для гуннов или для таштыкцев Среднего Енисея, объясняется не только обменными взаимосвязями, но и прямыми контактами. Во-первых, пребыванием племен Саяно-Алтайского нагорья во II—I вв. до н. э. под властью гуннов, а во-вторых, переселением части населения Тувы под напором гуннов с юга дважды (на рубеже III—II вв. и в середине I в. до н. э.) на север через Саянский хребет. Какая-то часть уюкцев и ранних

---

[164] См.: Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха..., рис. 32, *1*, с. 91; он же. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 9. Абакан, 1963, с. 159; Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры.— АС, вып. 13. Л., 1971; Волков В. В. Древние колесницы Монгольского Алтая. Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал. Уланбаатар, 1972, рис. 5—6.

[165] Не могут быть признаны шурмакскими писаницы Сыын-Чурека, бездоказательно отнесенные к этому времени С. И. Вайнштейном (см.: Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 48—53).

[166] См.: Алексеев В. П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы.— СЭ, 1962, № 3; Алексеев В. П., Гохман И. И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль.— ТТКАЭ, т. 3. Л., 1970.

[167] Уландрыкский этап (II—I вв. до н. э.) выделяется по новым данным, полученным на Алтае. Автор раскопок ошибается в хронологической и культурной оценке этих памятников (см.: Кубарев В. Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972).

шурмакцев участвовала в сложении своеобразной таштыкской культуры Среднего Енисея.

Хозяйство шурмакских племен, как и предшествующих им уюкцев, по-прежнему базировалось на скотоводстве и земледелии. Однако и в том и другом произошли некоторые изменения. Скотоводство, видимо, стало более подвижным. Вероятно, часть населения вела полукочевой образ жизни. В погребениях, особенно поздних, иногда встречаются модели уздечек или удила, которые как бы подчеркивают конный быт умерших. Изредка в головной части могил лежат черепа лошадей, овец и коз. Кроме того, из мясной пищи в могилы помещают излюбленную пищу подвижных скотоводов — заднюю часть овцы, а костей крупного рогатого скота уже не встречается. Очевидно, в это время в Туве распространяется и такое надежное передвижное жилище, как войлочная юрта.

Однако основной пищей населения была не мясная, а молочная и растительная. Земледелие также сделало большой шаг вперед: наряду со старыми зернотерками появилась более продуктивная ручная мельница (за 12 часов работы ручная мельница дает 50 кг муки, а зернотерка — только 10 кг). Употребление ручной мельницы предполагает значительное расширение посевных площадей и получение гораздо большего количества зерна, чем прежде. Это дает возможность допускать, с одной стороны, появление примитивных пахотных орудий (типа сохи) с использованием как тягловой силы быков и коней, а с другой стороны, необходимость более прочной оседлости для той части населения, которая специализируется на земледелии.

Засевались, конечно, не только просо и конопля, остатки которых постоянно встречаются в могилах в качестве посыпки или в составе пищи во многих сосудах. Для проса достаточно иметь деревянную ступку, а не каменную мельницу, хотя и просо шло на муку. Сеяли, очевидно, такие хлебные злаки, как пшеница и ячмень, для жатвы которых уже имелись железные серпы (таблица III, *45* и рис. 82, *3—6*). Серпы подтверждают наличие пашенного земледелия.

Появляются, очевидно, обособленные производственные группы, одни из которых по преимуществу занимаются скотоводством, другие — земледелием. Если полукочевники летом уже живут в юртах, то земледельцы, вероятно, по-прежнему — в домах или полуземлянках. Значение охоты по сравнению с предшествующим периодом снижается: мало встречается охотничьих стрел, а из костей диких животных лишь однажды найдены кости зайца.

Чрезвычайно важно, что в это время основные орудия и оружие изготовляются уже из железа. Железо победило бронзу. Это свидетельствует не только о развитии кузнечного дела, но и о значительно возросшей добыче железной руды, перерабатываемой металлургами в сыродутных горнах. Сильно падает добыча золота, хотя изделия из листового золота единично встречены с погребенными. Вообще же по сравнению с уюкским периодом шурмакские могилы очень бедны. Это объясняется тем, что периодически территория Тувы подвергалась грабительским гуннским набегам и длительное время была землей, подвластной гуннам. Поэтому, может быть, шурмакские могилы не отражают так ярко социальную дифференциацию внутри местного населения, хотя имеются погребения людей, о которых гораздо больше заботились, чем об остальных. Именно при них находят наиболее обильный, разнообразный инвентарь и золотые украшения. Это были конные воины-лучники, знавшие и защитное вооружение — панцири.

В период господства в Центральной Азии сменивших гуннов сяньбийцев (I—III вв.) и жуаньжуаней (IV—V вв.) в Туве продолжается шурмакская культура, и у нас нет никаких данных для того, чтобы предполагать чье-то господство над этой территорией вплоть до середины VI в., когда она входит как составная часть в первое для этого района государство — тюркский каганат VI—VIII вв.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭПОХА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ

Обобщенное подробное исследование археологических, эпиграфических и письменных источников, относящихся ко времени пребывания населения Тувы в составе раннесредневековых государств — древнетюркского и уйгурского каганатов, — уже опубликовано нами [1]. В этой главе приводятся документальные материалы, добытые в Туве экспедицией Московского университета и нашими предшественниками.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.

В середине VI в. территория Тувы входит в сложившееся тогда на громадных просторах от Великой стены до Каспийского моря и от Алтая до Тянь-Шаня первое государство под главенством алтайских тюрок — «тюркский каганат» VI—VIII вв. Вышедшие с соседнего Алтая тюрки лишь в небольшом числе осели в Тувинской котловине, смешавшись здесь с племенами аборигенной шурмакской культуры, возможно, уже к тому времени также тюркоязычных. Политические, экономические и культурные связи племен всего тюркского каганата значительно нивелировали культурные особенности населения Тувы того времени, что наглядно отражено в археологических памятниках эпохи каганата. В Туве появились обычные для тюрок VI—VIII вв. погребения с конем, поминальные сооружения в виде оградок с каменными изваяниями (изображавшими покойных воинов) и рядами камней (поставленными по тюркскому обычаю по числу убитых врагов), идущими от оградок на восток. Особенно многочисленны в Туве тюркские каменные изваяния людей.

[1] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 18—87.

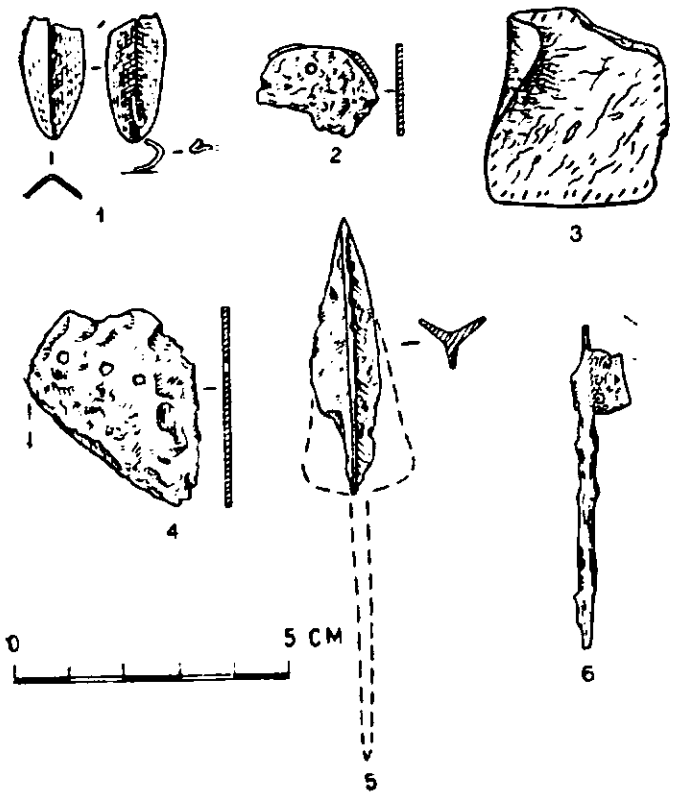

Рис. 85. Предметы из древнетюркских поминальных сооружений:
1—3 — из кургана № 1 в Сарыг-Булуне, *4—6* — ограда 2 в Шурмак-Тее. *2, 4—6* — железо, *1* — бронза, *3* — кожа

Наша экспедиция раскопала 5 древнетюркских поминальных памятников: 4 оградки и интереснейшее сооружение типа известных орхонских поминальников тюркских каганов [2].

В могильнике Шурмак-Тей у горы Мюрк (на правом берегу Шурмака в Тес-Хемском районе) была раскопана *оградка* (4,8×4,8 м), сложенная из плит, врытых на боку. Плиты эти (толщиной до 0,25 м) несколько наклонились от времени наружу, несмотря на подсыпанные землю и камни; они возвышаются на 0,05—0,25 м над поверхностью земли. Оградка ориентирована сторонами на север-северо-запад, запад-юго-запад, восток-северо-восток и юг-юго-восток. Внутри она заполнена землей с большим количеством окатанных булыжников и обломков скалы (от 0,5 до 60—80 кг). Засыпка была плоской, и ее поверхность превышала уровень современной почвы на 0,35 м. С юг-юго-восточной стороны к оградке пристроена невысокая округлая насыпь (1,65×2,9 м, высота 0,35 м). С восток-северо-востока к оградке примыкает вторая такая же насыпь (2,4×1,7 м) из земли с камнями. Посредине ее стояла наклонившаяся в сторону ограды вертикально вкопанная плита (высота 0,33, ширина 0,35 и толщина 0,08 м) [3].

От этой плиты, символизирующей на поминках умершего человека, на восток-северо-восток отходит ряд из 32 вертикальных вкопанных камней-балбалов, стоящих на протяжении 303 м (с промежутками, в среднем по 4,3 м). Некоторых камней уже явно не достает, так как встречаются разрывы до 9 м. Очевидно, первоначально камней было больше. Высота этих каменных столбиков-балбалов от 0,2 до 0,4 м.

Засыпка оградки состояла из гумусной земли и камней. В нижнем слое насыпи найдены угли в трех местах площади оградки, очевидно, от небольших костров диаметром до 0,2 м.

Расчистка материка выявила овальную яму (1,2×0,7 м, глубина 0,26 м), вытянутую с запада на восток в север-северо-западной половине оградки. В той же яме, засыпанной серым суглинком, оказались астрагал и зуб лошади, железная пластинчатая накладка с отверстиями (от панциря?) и 2 трехперых плохо сохранившихся (вероятно, сломанных) наконечника стрел VI—VIII вв. (рис. 85, *4—6*). В других местах оградки на материке найдены 2 конских зуба.

После расчистки выявилось, что оградка составлена из плит (ширина 0,55 м, толщина от 0,05 до 0,15 м и длина от 0,5 до 1 м) серого гранита, которые вставлены в узкие, выкопанные в земле, канавки. С наружной стороны под плиты оградки подсыпан валик из земли с булыжниками, чтобы плиты не падали.

Нами исследована насыпь, пристроенная к оградке с юг-юго-восточной стороны. В месте присыпания насыпи плит у оградки не было. Они оказались поваленными и лежали в самой насыпи, что свидетельствует о более позднем ее сооружении. Насыпь состояла из земли и камней. Под ней обнаружены зуб лошади и ямка (диаметр 0,3 м, глубина 0,4 м), в которой лежали булыжники, древесные угли и обломки челюсти барана.

Во второй насыпи, находящейся с восток-северо-восточной стороны, найдены отдельные угольки, обломки челюсти и малая фаланга лошади. Таким образом, прослеживаются лишь следы поминальных жертвоприношений как в оградке, так и перед «главной» плитой, стоящей с восток-северо-востока. Насыпь с

[2] См.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.).— ВМУ, сни, 1960, № 1, с. 57—68, рис. 3, 4, 6.

[3] См.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата, рис. 4.

юго-восточной стороны, очевидно, дополнительная; возможно, она приостроена при более поздних поминках какого-то близкого сородича.

Вторая оградка раскопана нами на западе Тувы в Барун-Хемчикском районе у г. Кызыл-Мажалык. В 4 км от него к востоку находится известная Бижиктиг-Хая (Писаная скала). В 1 км к юго-востоку от скалы на ровной степи расположена каменная оградка. Возле нее находятся каменные изваяния людей (очевидно, женщины и мужчины; может быть, супружеская пара) очень редкого в Туве типа. Это объемные сидящие (поджав ноги) фигуры, установленные некогда на особых шипах в кольцевые каменные базы [4].

Оградка (4,65×5 м), ориентированная сторонами почти точно по странам света, состояла из плит серого слоеного девонского песчаника. Эти плиты (длина от 1,5 до 2,75 м, толщина 10 см, ширина 1—1,2 м) — слабо отвалившиеся наружу. Они вставлены на боку в предварительно выкопанные в земле глубокие (до 0,5 м) канавки. Плиты выдавались под уровнем современной почвы на 0,35—0,5 м. Внутри оградка была засыпана землей с галькой, под слоем которой лежал мягкий лёссовый грунт. На грунте в двух местах обнаружены в ничтожном количестве мелкие угольки, кусочки гнилушек и небольшой кол у северной стенки [5]. По размерам плит эта оградка приближается к поминальным «саркофагам» знати орхонских тюрок.

Еще 2 оградки раскопаны близ пос. Кызыл-Тей на р. Саглы в Южной Туве (Овюрский *район*). В 800 м к западу от поселка, не доходя горки Кызыл-Тей, была расположена компактная группа из 8 поминальных оградок с 5 «бабами» и балбалами с восточной стороны. 7 оградок построены в линию с юга на север, причем оградки IV и V устроены так, что одна сторона у них общая. Оградка VIII (малая) расположена к востоку от общего ряда против оградки III. Из 5 «баб», стоящих здесь, 3 оказались разбитыми, а 2 — целые. Сами оградки тоже потревожены [6]. Большинство окружающих их плит выдернуто жителями пос. Кызыл-Тей и использовано для строительных работ.

У оградки I стояло целое каменное изваяние (№ 1) из плиты серого диорита. Изваяние изображает усатого мужчину в халате с отворотами и двумя застежками на левой поле; в правой его руке — рюмка на поддоне, а левая лежит на мече, подвешенном на поясе; на бритой голове — круглая шапочка, а в ушах — типичные для VI—VIII вв. серьги с шариком вверху и подвеской внизу. Высота изваяния 1,08 м, ширина в плечах 0,4 м [7].

У оградки II стоял небольшой четырехгранный (0,2×0,24 м) валун высотой 0,22 м. Это «баба» № 5 с отбитой и утерянной головой. На валуне лишь сохранился низ острого рельефного подбородка. У оградки IV стояло изваяние № 4 — тоже валун с отбитой головой (высота 0,4 м), с обработанной верхней поверхностью и сохранившимся вырезом воротника одежды (рис. 86, *2*). У оградки VI лежало вывернутое из земли изваяние (№ 3) с отбитой головой (высота 0,88 м). Это — валун из серого гранита, верхняя часть которого хорошо обработана кругом железным шпунтом. На изваянии изображены халат без отворотов с поперечными нашивками на рукавах выше локтей и на груди. В правой руке он держит сосудик с высоким горлом и узким поддоном, а левая рука лежит на поясе, показанном лишь двумя врезными линиями; слева у пояса подвешен овальный мешочек с украшением в виде парной валюты (рис. 86, *1*) [8].

Наконец, у северной оградки (VII) стояло целое изваяние № 2; это — четырехгранный валун серого гранита (высота 0,87 м, ширина 0,21 м и толщина 0,2 м), на верху которого тщательно выбито безусое лицо (рис 86, *3*) [9].

В этой группе нами раскопаны южные оградки I и II. *Оградка I* (3,5×3,2 м). Плиты, обрамляющие ее первоначально, вывезены в поселок, но от них кое-где сохранились узкие и длинные ямки. Внутреннее пространство заполнено землей и речными слегка задернованными валунами. По бокам и в центре лежали особенно большие валуны (до 50—70 кг). Высота насыпи внутри оградки достигала 0,31 м над уровнем окружающей почвы. Насыпь несколько распространилась и на наружные стороны оградки. На горизонте обнаружено маленькое зольное пятно (диаметр 5 см) и под-

[4] Изваяния описаны и опубликованы (см.: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24. М., 1952, с. 90, рис. 30—31). В 1955 г. они обнаружены нами в том же виде, что и в 1947 г. (см.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 5, *1, 2*).

[5] См.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата, рис. 3.

[6] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 4.

[7] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 3, *4*. Изваяние (№ 2839) сдано в Кызыльский музей.

[8] Вслед за нами изваяние вновь найдено А. Д. Грачом (см. его «Древнетюркские изваяния Тувы». М., 1961, рис. 76). Ср. рецензии Л. Р. Кызласова и Я. А. Шера на эту книгу (СА, 1964, № 1).

[9] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 1, *3*. Изваяние (№ 2839-2) сдано в Кызыльский музей.

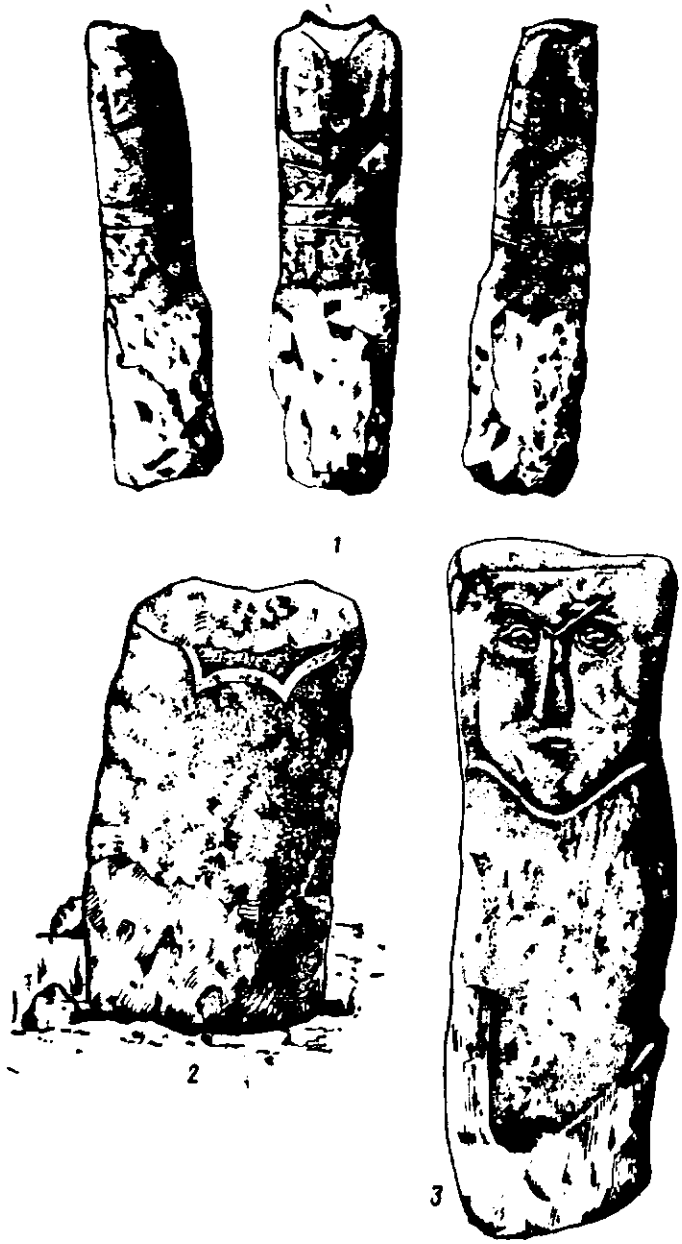

Рис. 86. Древнетюркские каменные изваяния, стоявшие возле поминальных оградок в пос. Кызыл-Тей на р. Саглы:
1 — изваяние № 3, *2* — изваяние № 4, *3* — изваяние № 2

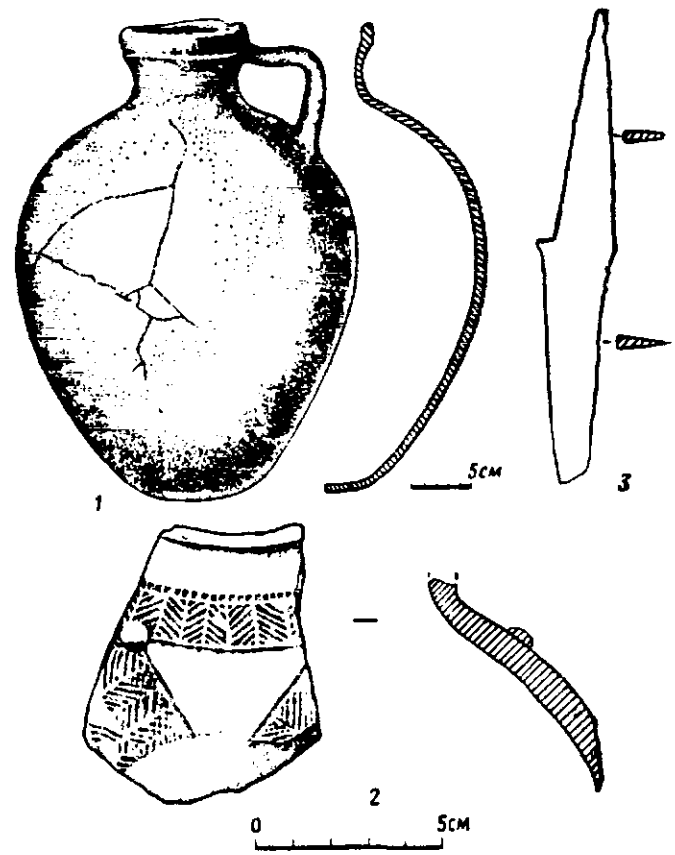

Рис. 87. Предметы из древнетюркских поминальных сооружений:
1 — иноземный кувшин из кургана № 1 в Сарыг-Булуне, *2* — обломок «кыргызской» вазы, позднее заброшенный в тот же курган, *3* — старый нож из оградки I в пос. Кызыл-Тей

ле него сильно износившийся железный черешковый ножик (№ 1; рис. 87, *3*). С восточной стороны, лицом на восток, стояло изваяние № 1, от которого на восток же отходил ряд из 9 балбалов на протяжении 30 м от оградки (рис. 88, *1*).

Оградка II (4,75×3,6 м). Она находилась в 4 м к северу от оградки I. От оградки II на восток отходил не один, а два ряда балбалов, что встречается чрезвычайно редко. Первый ряд (из 7 каменных столбиков-валунов) отходил от юго-восточного угла оградки на 24,4 м в длину. Второй ряд начинался от обломанного изваяния № 5, которое стояло по центру оградки. Он состоял из 5 балбалов, отходящих на 19,5 м к востоку. В обоих рядах есть большие промежутки, первоначально балбалов было больше. Оградка II прямоугольная, вытянута с севера на юг. Внутренняя засыпка из земли и валунов возвышалась над уровнем современной почвы на 0,21 м. Края ее составляли врытые на ребро по прямоугольнику плиты, которых сохранилось 10 (рис. 88, *2*). Эти плиты возвышались над поверхностью насыпи на 10—12 см. Вставлены они, как и в оградке I, в вырытые в материке канавки глубиной 0,32—0,35 м. Общая высота плиток, врытых на боку, равнялась 0,66—0,68 м. Под насыпью на горизонте расчищено пятно золы диаметром 8 см. Оно располагалось ближе к юго-восточному углу оградки. Наши раскопки оградок подтвердили их поминальное назначение. Отметим, что к северу

от группы оградок близ Кызыл-Тея есть еще одна оградка из плит, посредине которой лежит длинная плита без изображений.

Опишем также и другие обнаруженные нами в Туве древнетюркские поминальные оградки с каменными изваяниями или же без них. В Овюрском районе, в 5 км к западу от поселка Кызыл-Тей за горой Кызыл-Тей, в Саглы слева впадает ручей Мугур, на горке правого берега которого расположены 2 оградки VI—VIII вв. друг возле друга, в ряд с юго-запада на северо-восток. Оградки сооружены из врытых на ребро плит и заполнены, принесенными с ручья, галькой и валунами. Юго-западная оградка (3,5×3,5 м) плоская. Плиты ее выступают на 15—20 см. С юго-восточной стороны оградки, лицом на юго-восток, стояло изваяние № 6, выбитое из треугольного в сечении валуна серого гранита так, что ребро камня проходило посредине лица и груди. На голове изображена круглая плоская шапочка. Рук нет, но высечен халат без отворотов и пояс, разделенный на прямоугольники [10]. Высота изваяния 0,73 м и ширина в поясе 0,3 м. Балбалов нет, но в 5 м к юго-востоку в землю вертикально врыта, углом вверх, треугольная плита с наискось заполированными гранями.

В 3 м к северо-востоку расположена другая оградка (4×4 м), ориентированная сторонами по странам света. В 1,4 м от нее к юго-востоку стояло каменное изваяние № 7. Оно сломано под корень при схватке двух яков.

Изваяние № 7 из серого гранита, с объемно и тщательно вытесанной головой, трехгранное в сечении. Ребро проходит по линии носа и груди. На фигуре изображены рубашка с прямым срезом и легкий халат без отворотов (правая пола сверху) с поперечными нашивками на рукавах выше локтей и на груди. Одежда подобна халату изваяния № 3 у пос. Кызыл-Тей. В правой руке мужчины сосуд с узким горлышком и узким поддоном. Левая рука лежит на поясе, на котором видны наборные бляшки, и сбоку подвешен меч. Высота изваяния — 0,95 м, ширина плеч — 0,23 м, его толщина — 0,15 м [11]. В ушах серьги той же формы, что и у кызыл-тейского изваяния № 1.

Поселок Кызыл-Тей расположен на левой высокой террасе при слиянии Саглы с ее левым притоком Орта-Халыын. Эту речку нужно переезжать, когда едешь из пос. Хандагайты в Кызыл-Тей. Перед переездом, налево от дороги, разбросано около 8 тюркских поми-

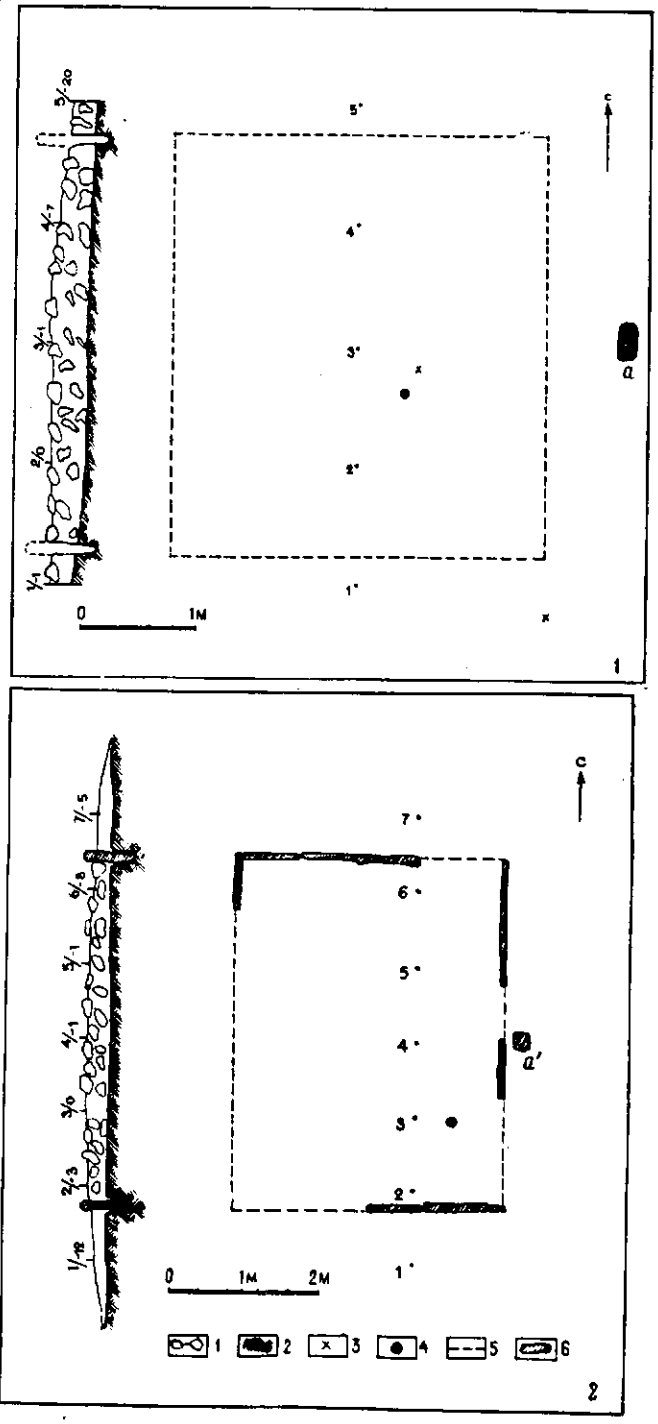

Рис. 88. Планы и профили поминальных оградок VI—VIII вв. в пос. Кызыл-Тей на р. Саглы:
1 — № 1, *2* — № 2
(*а* и *а'* — каменные изваяния № 1 и 5). *1* — земля с камнями, *2* — материк, *3* — нож, *4* — зольные пятна, *5* — граница оградки, *6* — каменные плиты

[10] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 3, *3*. Изваяние вывезено нами в Абакан и сдано в Хакасский областной музей.

[11] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 3, *2*. Изваяние передано музею кафедры археологии МГУ.

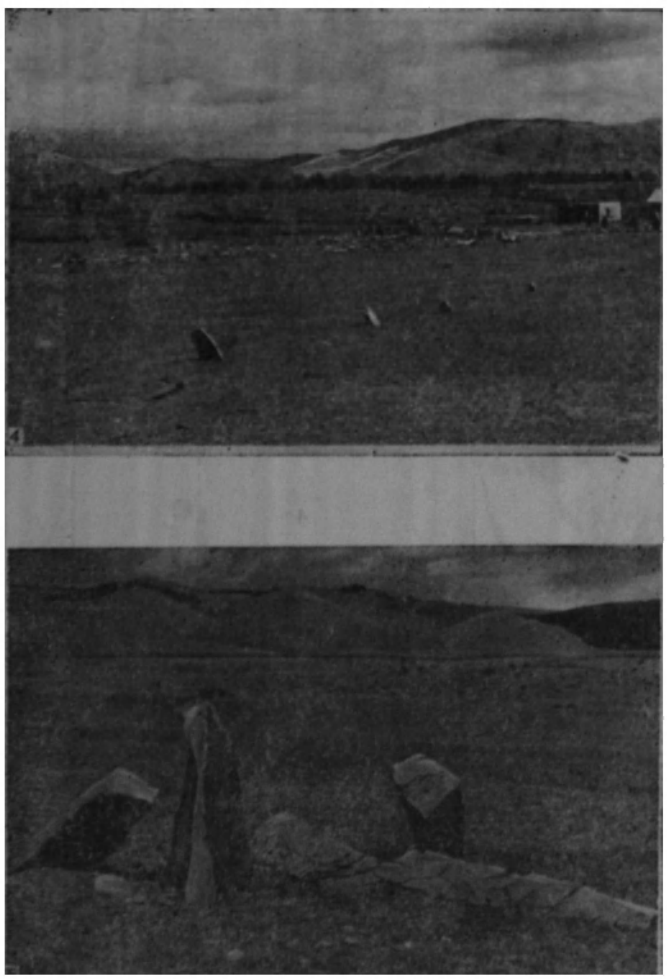

Рис. 89. Древнетюркские памятники VI—VIII вв. *1—3*—каменные изваяния: с р. Боршин-Гол, МНР (*1*) из г. Шагонара (*2*) и р. Чиргакы (*3*); *4* — древнетюркская оградка с балбалами, отходящими на восток в пос. Кызыл-Тей (на втором плане — уюкский могильник № 1); *5* — сооружение из 5 столбов у пос. Кызыл-Тей

←

нальных оградок с балбалами, но без изваяний. Сам пос. Кызыл-Тей расположен на большом древнем могильнике, состоящем из каменных курганов, с насыпями из речных валунов, и тюркских поминальных оградок VI—VIII вв. с балбалами и «бабами», но чаще без них. Среди домов разбросаны 13 квадратных оградок из валунов и плиток с балбалами на восток (8 оградок расположены в школьном дворе и вокруг него). У двух оградок имеется по одному изваянию из гранитных валунов, вкопанных лицом на восток. На изваяниях слабо выбиты лица. Северная «баба» (№ 8) имеет высоту 0,4 м, ширину 0,35 м и толщину 0,2 м. К югу от нее находится «баба» № 9 (высота 0,35 м, ширина 0,29 м) [12].

На улицах в западной части поселка выявлено еще около 5 полуразрушенных поминальных оградок. В 400 м к юго-западу обнаружена еще одна маленькая оградка (1,5×1,5 м) с 16 балбалами, отходящими в ряд на восток на 85,5 м; многих из них уже не достает (рис. 89, *4*). Высота балбалов 0,1—0,4 м. Неподалеку от оградки расположено одинокое сооружение из 5 вертикально врытых столбов, из которых 2 уже упали, а 3 столба стоят наклонно (рис. 89, *5*).

Проезжая из Хандагайтов в Саглы по территории МНР, мы были поражены пустынностью этого района в археологическом отношении — кругом только голые горы и ложбины. Лишь в долине Боршин-Гола, на левом берегу, нам удалось видеть несколько плоских каменных курганов, а по правому берегу у гор встретились 2 тюркские поминальные оградки из плит (засыпанных внутри валунами), лежащих в ряд с севера на юг. Возле южной оградки лицом на восток стояло узкое изваяние из серого гранита (рис. 89, *1*).

В Дзун-Хемчикском районе в окрестностях городища Бажын-Алак нами открыто 3 неизвестных прежде древнетюркских изваяния, стоявших возле обычных поминальных оградок. Наиболее примечательное изваяние стоит на правом берегу Чадаана, в 8 км от городища, вверх по течению реки и в 2 км к юго-

[12] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 1, *4*.

востоку от горы Друг. Здесь, среди пашни, расположены 2 оградки из плит в ряд с север-северо-востока на юг-юго-запад, на расстоянии 3,7 м. Север-северо-восточная оградка внутри завалена валунами (2,4×2,4 м), так же как и юг-юго-западная (3,55×3,5 м). В 1,4 м к восток-юго-востоку от последней стоит каменная фигура (высота 1,1 м), наклонившись вперед, лицом на восток. Она изваяна из четырехгранного столба (0,34×0,23 м) серого крупнозернистого гранита. На изваянии изображены пробор на лбу, два отворота халата, округлодонная чаша в правой руке и меч с прямым перекрестием в левой. В обоих ушах — каплевидные серьги [13].

В 3 км к юг-юго-западу от пос. Бажын-Алак на высоком прилавке гор по левому берегу Чадаана у горки Кара-Тей выявлено 5 поминальных оградок: 2 с изваяниями и 3 без них. Балбалов нет.

У крайней север-северо-восточной оградки не было плит: это — площадка из полузадернованных валунов (3×2,6 м), ориентированная сторонами по странам света. С ее восточной стороны стоял речной валун (0,18× ×0,16 м, высота 0,45 м) из серого гранита, на плоской восточной стороне которого выбито лицо человека с тщательно расчесанной бородой. В 41,8 м к юго-западу стояло лицом на восток второе изваяние — также гранитный валун (0,23×0,17 м, высота 0,4 м). На восточной его плоскости выбито круглое лицо с овальными ушами. Это изваяние стоит с восточной стороны площадки из валунов (2,3× ×2,3 м), ориентированной сторонами по странам света.

К юго-западу от площадки в 30—40 м есть еще 3 оградки-площадки из валунов, но лишь одна из них (малая) обрамлена врытыми на боку плитами. Наличие здесь площадок не случайно — так их и сооружали без плит. Подобные площадки встречаются и в Горном Алтае.

Две каменные фигуры древнетюркских воинов нам удалось обнаружить в Улуг-Хемском районе. В 3 км на северо-восток от берега Кара-Чааты (которая сливается с Ак-Чааты в 5 км ниже), в местности Чодураа к северо-востоку от пос. Кок-Тараа (по-русски: Зеленая роща), на р. Ак-Чааты есть две горки между логами Тоттыг-Чыланныг и Талдых-Чыланныг. В седловине между горок на пашнях в урочище Чыланныг обнаружен ряд разрушенных поминальных оградок (не менее трех), вытянутых с севера на юг. Возле одной оградки с восточной стороны первоначально стояло каменное изваяние, впоследствии перемещенное трактористами на 50 м к востоку.

Это изваяние — большой, некогда привезенный сюда с реки, валун серого гранита, с высеченным на плоскостях четырех его граней изображением усатого воина (с подбритой бородкой под нижней губой), в шапочке. В правой руке он держит кувшинчик на поддоне и с ручкой, а его левая рука лежит на рукояти меча. К поясу воина, с четко изображенными на нем бляшками, спереди подвешен коленчатый кинжал в ножнах, справа — сумочка (для огнива и трута), а сзади за пояс заткнута булава. Высота валуна 1,22 м, толщина 0,28 м и ширина по верху 0,35 м [14].

Еще одна фигура обнаружена в 1960 г. в г. Шагонаре по улице Мира у дома № 105. Оно расчищено грейдером возле поломанной поминальной оградки с восточной стороны, где стояла лицом на восток. Из-за болотистой почвы изваяние со временем значительно углубилось, и снаружи торчала лишь его макушка. Это большой речной валун серого гранита, на одной плоскости которого изображены только брови, глаза и нос (рис. 89, *2*) [15].

В том же году памятники периода древнетюркского каганата были открыты нами в высокогорной долине Хендерге, левого притока Элегеста в горах Танну-Ола. На левом берегу Карасука, левого притока Элегеста, на поляне одиночно стоит древнетюркская фигура человека из серого песчаника, обращенная лицом на северо-восток. Ни оградок, ни курганов поблизости нет. Это изваяние — узкий, треугольный в сечении камень (высота 1,26 м, ширина 35—38 см, толщина 13 см), верху которого придана форма головы с рельефно изображенными ушами, глазами, носом и ртом. Кроме этого, небрежно шпунтом выбит пояс (рис. 90, *1*).

В 4 км к юго-западу от пос. Ак-Тал в урочище Ак-Тал-Бажи (влево от дороги Ак-Тал — Карасук), в низкой пойме Хендерге, в кустах карагана, нами обнаружено около 10 тюркских поминальных оградок с балбалами — столбиками, отходящими на восток.

В 100 м к северо-западу от оградок находятся каменный курган и остатки разрушенной поминальной оградки. Возле нее валялась обломанная древнетюркская фигура, с чрезвычайно редким изображением. Это четырехгранный столб серого песчаника (высота

[13] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 3, *5*; он же. Тува в период тюркского каганата, рис. 5.

[14] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 2, *2*. Изваяние (№ 3112) вывезено и сдано в Кызыльский музей.

[15] Изваяние сдано нами в Кызыльский музей 2 сентября 1960 г.

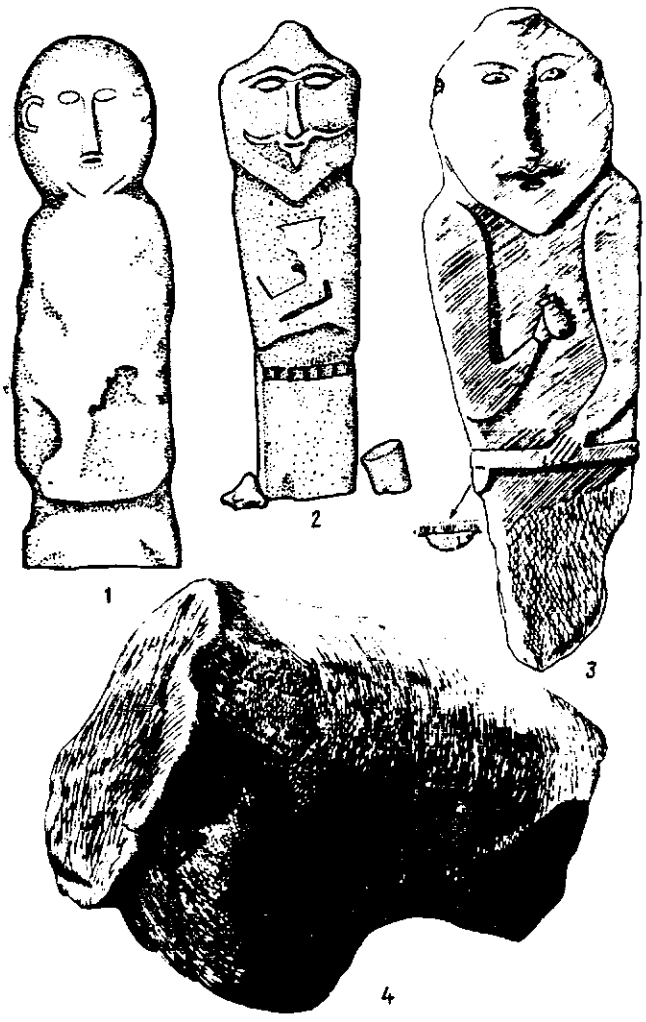

Рис. 90. Древнетюркские каменные изваяния людей (*1—3*) и льва (*4*):
1 — р. Карасук, *2* — р. Хендерге, *3* — Ак-Дурук, *4* — у кургана № 1 в Сарыг-Булуне

1,02 м, ширина 23—24,5 см и толщина 19 см) со скругленным верхом и изображением усатого воина с волосами, зачесанными на пробор, и серьгами в ушах; на уровне груди он держит в каждой руке по «отрубленной» голове человека. Ниже полоской изображен пояс, слева над ним налучье (?), а от правой руки свисают неопределенные предметы. Все изображения выбиты ямками шпунтом и углублены на плоскостях камня [16].

В 3 км к северо-западу от пос. Ак-Тал находится оградка (3,7×3,7 м) из плит, заваленная обломками скалы и ориентированная сторонами на север-северо-запад, юг-юго-восток, запад-юго-запад, восток-северо-восток. С восток-северо-восточной стороны в 1,4 м от нее стоит каменное изваяние мужчины (высота 1,76 м, толщина 20 см, ширина 50—38 см). Лицо усатое, с эспаньолкой. Мужчина держит чашу в правой неясно изображенной руке, у него пояс из квадратных блях (рис. 90, *2*). На правой боковой грани изваяния, сверху вниз, друг под другом, изображены козлы (схематичные и переданные неполным контуром); ниже их выбит коленчатый кинжал (длина 15 см) с резко отогнутой рукоятью.

От фигуры на восток-северо-восток идет ряд из 38 столбиков-балбалов (высота 0,2—0,4 м), поставленных через 3,8—4—4,5 м; затем их цепочка отгибается к северу и далее стоят еще 4 камня. Всего 42 балбала. От северного угла оградки на восток-северо-восток идет второй ряд из 8 балбалов. Второй такой случай встречен в долине Саглы и описан выше.

В 50 м к юг-юго-востоку расположена еще одна задернованная оградка (2,5×2,37 м; высота плит 12 см), у которой с восток-северо-восточной стороны в 24 см от оградки стояла каменная фигура в виде четырехгранного столбика (высота 73 см, ширина 20—23 см и толщина 17 см), на котором изображено лицо человека. Эти древнетюркские фигуры стояли лицом на восток-северо-восток [17].

На левом берегу Хендерге, если ехать вверх по течению от фермы, расположенной у ответвления дороги на озеро Хаак, в 3—4 км от фермы, обнаружено 5 древнетюркских оградок с балбалами, но без человеческих изваяний. В Эрзинском районе (Юго-Восточная Тува), на правом берегу р. Эрзин, в 2—3 км от скал Хара-Бом по дороге из Сарыг-Булуна в Мурен, между гор расположен могильник из округлых каменных курганов с кольцами и без них. Здесь же 3 тюркские поминальные оградки пристроены вплотную друг к другу в ряд по линии север—юг. Размеры средней ограды — 3×3 м, а боковых — 2×2 м. У каждой оградки посредине с восточной стороны стоит по каменному столбику (высота до 0,5 м). Оградки сверху засыпаны камнем. У южной оградки, на восток от «главной» плиты, лежат 5 поваленных столбиков-балбалов.

В 1954 г. на р. Хам-Дыт, в 12—15 км к северо-западу от пос. Хандагайты (Овюрский район), геологами найдено древнетюркское изваяние воина, с большим искусством высеченное древним скульптуром из силурского песчаника. Оно было осмотрено нами в следую-

[16] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 2, *1*. Изваяние сдано нами в Кызыльский музей 2 сентября 1960 г.

[17] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 1, *1, 2*. Малое изваяние вывезено и сдано нами в Кызыльский музей в 1962 г.

щем году на геологической базе АН СССР близ Кызыла (р. Каа-Хем) и затем отправлено в Москву. Ныне это изваяние находится в экспозиции Исторического музея. Оно привлекает внимание точной разработкой деталей одежды и вооружения. Поверх долгополого халата, застегнутого на левую сторону, надет нагрудник с бубенчиками по бокам. На руках — металлические браслеты. Особо интересна прическа: при гладко выбритой по бокам голове на макушке уложена коса, раздвоенная спереди. Точно такими же были прически таштыкских мужчин, известные по сохранившимся прическам в погребениях Оглахтинского могильника и по деревянной скульптуре из склепа Уйбатского чаа-таса. Такие же прически имеют терракотовые погребальные скульптуры танской эпохи, воспроизводящие тюркские моды в одежде и прическе. В ушах усатого воина изображены серьги [18].

Отметим еще два изваяния, хранящихся ныне в Кызыльском музее. Одно из них привезено с р. Чиргакы (ферма Чыраа-Бажи, Дзун-Хемчикский район) в 1962 г. (рис. 89, *3*). На валуне изображен усатый воин, держащий в правой руке небольшой округлодонный сосудик; его левая рука лежит на наборном поясе, к которому подвешен изогнутый кинжал в ножнах с прямыми навершием и перекрестием. В ушах изображены серьги в виде колец с каплевидными подвесками.

Второе изваяние в 1955 г. привезено из окрестностей Ак-Дурука (Чаа-Хольский район). Оно (высота 110 см, ширина 39 см, толщина 11 см) из серого песчаника, сзади не обработано (рис. 90, *3*).

Поминальным памятником высшей аристократии восточнотюркского каганата можно считать сложное сооружение, исследованное нами в 1955 г. на юго-востоке Тувы, в Эрзинском районе в Сарыг-Булунском могильнике (рис. 91). Этот могильник расположен на юго-западной окраине поселка Сарыг-Булун (в 400 м от метеорологической станции) на высокой надпойменной террасе левого берега Эрзина.

Центральное место в могильнике занимает своеобразный *курган № 1*. Это невысокий, слабо выдающийся над уровнем современной почвы, расплывшийся вал, замкнутый в виде

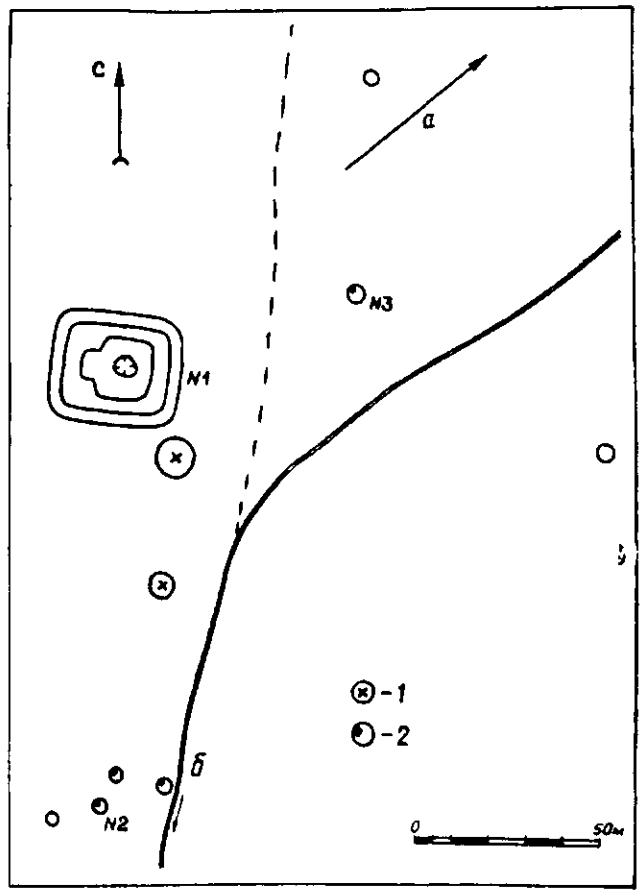

Рис. 91. План могильника близ пос. Сарыг-Булун с поминальным сооружением древнетюркской знати (курган № 1):
а — 400 м до пос. Сарыг-Булун, *б* — дорога в Саган-Толагой; *1* — разграбленные курганы, *2* — курганы с вертикально стоящими плитами с северо-западной стороны

четырехугольника, со скругленными углами. Он возвышается над уровнем окружающей степи на 0,26 м, а над уровнем внутреннего подножия — на 0,31 м. Ширина вала до 3,2 м. Четырехугольник из вала (35,8×29,15 м) ориентирован сторонами по странам света с небольшим отклонением. Вытянут он с запада на восток. Внутри вала, насыпанного из песка со щебнем и покрытого мелкой галькой, расположен оплывший курган (16×15 м) с подчетырехугольной песчаной насыпью (до 0,77 м над уровнем степи). Первоначально насыпь была пирамидальной (возможно, усеченно-пирамидальной), и стороны ее шли параллельно сторонам вала. Вершина кургана повреждена воронкой старых раскопок, произведенных по приказанию ламы из местного хурэ около 1910 г. По рассказу одного из участников этих раскопок (Бояная из сеока Со-

[18] См.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата, рис. 2; он же. История Тувы в средние века, рис. 3, *1*; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, таблица 38, *2*. Ср.: Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, рис. 62; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken. Wiesbaden, 1958, abb. 1.

ян 65 лет), здесь ничего не было найдено, хотя прокопали на глубину до 4 м (последнее подтвердилось при расчистке грабительской ямы). Диаметр воронки около 5 м и глубина ее 0,81 м от высшей точки ее борта. С западной стороны кургана расположена плоская подчетырехугольная площадка из песка (8,5× ×4 м), возвышающаяся над уровнем степи до 0,16 м.

С восточной стороны в курганную насыпь было неглубоко врыто каменное изваяние человека без головы, сидящего на поджатых вперед коленями ногах, в наброшенном на плечи кафтане, с небольшими отворотами воротника и плохо сохранившимися руками, лежащими на коленях. Изваяние № 1, изображавшее, по-видимому, женщину, имело небольшой пьедестал, высеченный воедино с фигурой. Ее лицо первоначально было обращено на восток (на танских женских статуэтках часто изображались короткополые кафтанчики, наброшенные на плечи, со свободно висящими рукавами).

В 4,2 м от изваяния № 1 к восток-юго-востоку находилось разбитое изваяние № 2, изображающее мужчину (без головы и с отбитыми руками), сидящего в той же позе, на поджатых вперед коленями ногах. У этой фигуры заметны остатки наборного пояса с подвесками, на котором справа подвешен округлый мешок, а слева — меч с прямой рукояткой и обломанным концом. Изваяние это также имело пьедестал, в настоящее время сильно поврежденный. Обе фигуры, очевидно, изображают супружескую пару, подобно аналогичным парам на памятниках Орхона (Кюль-Тегина и Бильгэ-Кагана). Возле этих фигур валялись обломки двух каменных львов с фигурными гривами (изваяние III и IV; рис. 90, *4*) [19]. Львы первоначально, вероятно, стояли друг против друга, как и скульптуры людей.

Все эти фигуры изваяны из серого рыхлого гранита; они повреждены уже очень давно. Еще в 1877 г. их видел Г. Н. Потанин, но уже без голов, поврежденными (у изваяния № 2 к тому времени были отбиты руки и пьедестал) [20]. В таком же виде они сохранились и до 1947 г., когда вновь были зафиксированы Саяно-Алтайской экспедицией [21]. Но с 1947 по 1955 г. изваяние № 2 и львы были снова сильно повреждены. От львов отбиты большие куски задних частей, а от изваяния № 2 сохранился лишь низ и плечи, а кусок, изображавший поясницу, отбит и заложен в фундамент метеостанции [22].

Как показали раскопки, насыпь кургана состояла из мельчайшего речного песка, а та галька, которой он был покрыт сверху, оказалась выбросом из грабительской ямы; она происходит из материкового слоя. Расчистка материкового слоя под насыпью ничего не обнаружила, кроме стоящего на грунте красного водоносного кувшина с вертикальной ручкой и небольшим сливом, а также деревянного колышка, вбитого в землю возле кувшина [23]. Вероятно, первоначально кувшин, установленный с какой-то жидкостью, привязали к этому колышку. К востоку от кувшина, в той же центральной части кургана, под насыпью оказалась часть полусгнившего бревна, а к северо-востоку от него находилась круглая (диаметр 2,2 м, глубина 3,2 м от самой высокой точки современного борта ямы) грабительская яма с отвесными стенками, забитая современным мусором.

Судя по рассказу арата Бояная и всей обстановке, выявленной нами, на месте, где вырыт грабительский колодец, первоначально не было ни повреждений материкового слоя, ни каких-либо сооружений или предметов.

Вскрытие площадки, прилегающей к кургану с запада, выявило остатки сгоревшего деревянного юртообразного сооружения, безусловно, одновременного с курганом, так как оно было скрыто не только площадкой, но и западной полой самой курганной насыпи. Здесь обнаружено около десятка тяжелых речных валунов. В свое время это была деревянная восьмигранная столбовая юрта, от которой сохранились нижние концы 13 столбов, вкопанных в землю на глубину до 0,5—0,9 м. Столбы в основном толщиной в 0,25—0,3 м и только самые тонкие — 0,1 м. Внутри восьмиугольника из столбов обнаружены обугленные остатки деревянных балок (одна из них длиной 2,83 м и толщиной 0,16 м) от стен и потолка юрты. Крыша, вероятно, была покрыта пластинами коры лиственницы, которые сверху придавливали тяжелые валуны.

Следы пожара видны по многочисленным головешкам и углям; их особенно много вдоль

[19] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 5—7. Ср.: Ся Най. Труды по китайской археологии. Пекин, 1961, таблица XXXVI, *2, 3*.

[20] См.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. 2. СПб., 1881, с. 73 и фиг. 35.

[21] Ср.: Евтюхова Л. А. Указ. соч., рис. 27—29 и с. 116, рис. 69.

[22] После раскопок кургана № 1 все изваяния были закопаны в траншее в восточной части кургана с тем, чтобы их затем вывезли в Кызыльский музей, в который мы сообщили об этом в 1955 г. Однако изваяния пока не вывезены.

[23] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 7, 8, *2*; он же. Тува в период тюркского каганата, рис. 6, 7.

восточной, юго-восточной и южной стенок. Посредине юрты в землю вбит небольшой деревянный колышек, а возле него небольшая кучка мелких угольков — остатки костра. При зачистке внутри юрты найдены лишь верхняя и нижние челюсти коня, зубы коровы и обломок рога косули. На одном из бревен лежала обломанная железная пластинка с отверстиями (рис. 85, *2*). Других находок в кургане не оказалось, кроме орнаментированного черепка от «кыргызской» вазы, обнаруженного в грабительской яме со свежими следами использования в качестве точилки для ножей (рис. 87, *2*). В грабительскую яму черепок этот явно заброшен вместе с прочим современным мусором (битое стекло, куски свежеструганного дерева, консервная банка, железное кольцо, лезвие перочинного ножа, скелет павшей лошади, зарытой тувинцами в 1942 г., и т. д.). Откуда происходит черепок, установить не удалось, но он определенно не имеет отношения к памятнику; видимо, он найден тувинцами где-то на стороне, а затем попал на свалку. Данная находка — пока единственное свидетельство того, что в этом районе в IX—X вв. также были распространены «кыргызские» вазы. В яме же найден обломок выпукло-вогнутого бронзового предмета с припаянным снизу крючочком (возможно, от брошки?) и квадратный кусочек кожи со следами швов (рис. 85, *1*, *3*).

Раскопки кургана № 1 доказали с несомненностью, что это не могильное, а поминальное сооружение, так как нигде никаких следов погребения нет.

Сходство плана кургана № 1 с поминальными памятниками орхонских тюрок VII—VIII вв., в том числе и с известными памятниками Бильге-Кагана, Кюль-Тегина и Тоньюкука, а также наличие здесь аналогичных орхонским сидящих каменных изваяний и статуй львов уже отмечены Л. А. Евтюховой [24].

Дату этого памятника (VII—VIII вв.) подтверждает и обнаруженный в кургане, неожиданный для здешних мест, большой кувшин с вертикальной ручкой, сделанный на гончарном кругу из тонкоотмученной красной глины [25]. Кувшинов такого типа не находили до нас в Южной Сибири. Это, вероятно, привозной из Средней Азии сосуд, так как точно такие кувшины в большом количестве открыты в слоях VII—VIII вв. в Усрушане (городище Мунчак-тепе), Согде (Пенджикент) и Семиречье, в частности на городищах Чуйской долины, в особенности на городище Ак-Бешим при моих раскопках 1953—1954 гг. [26].

К кувшинам из Чуйской долины этот кувшин (рис. 87, *1*) наиболее близок; его присутствие в кургане, без сомнения, свидетельствует о теснейших связях юга Тувы и Семиречья в VII—VIII вв., то есть в период существования восточного и западного тюркских каганатов.

Необходимо подчеркнуть также, что вместо сырцового, крытого черепицей, храмового сооружения, обычного для такого рода поминальных сооружений наивысшей орхонской знати [27], в кургане № 1 Сарыг-Булуна оказалась столбовая деревянная юрта, внутри которой у костра и совершались поминки. Такая юрта опровергает утверждения этнографов о том, что деревянные юрты у современных народов Саяно-Алтая появились лишь в XVII—XVIII вв. Как видим, юртообразный «храм» этого кургана свидетельствует о строительстве деревянных юрт на Саяно-Алтайском нагорье и в VII—VIII вв. Несомненно, к данному прототипу восходят и древнейшие типы деревянных жилищ современных саяно-алтайских тюркоязычных народов, подобные столбовой юрте хакасов (одаг) [28].

В небольшой степи в 2 км к запад-северо-западу от пос. Ак-Тал, в долине Хендерге, обнаружено второе поминальное сооружение знатных тюрок VI—VIII вв. Это большая ограда из врытых на боку плит (6×6 м), заваленная внутри обломками скалы; вокруг ограды прослеживаются подчетырехугольной формы (21×24 м) ров и вал со скругленными углами. Ширина земляного вала 2,8 м. Стороны вала ориентированы на восток-северо-восток, запад-юго-запад, юг-юго-восток, север-северо-запад. С восток-северо-восточной стороны у ограды стоит оббитая плита (ширина 0,7 м) плоскостью на восток-северо-восток. Далее на восток от рва, отгибаясь дугой на север с половины пути, стоял ряд из каменных столбиков-балбалов (некоторые упали) из плитняка (66 штук) на протяжении 400 м. Балбалы стоят через 2—4 м, их высота 0,3—0,5 м. С север-северо-западной стороны соору-

[24] См.: Евтюхова Л. А. Указ. соч., с. 117—118.

[25] По утверждению почвоведа В. А. Носина (Почвенный институт АН СССР), изучавшего почвы Тувы и видевшего кувшин, в этом районе нет глин, тем более таких, из которых изготовлен данный кувшин.

[26] См.: Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— ТКАЭ, т. II. М., 1959; Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины.— ТКАЭ, т. IV. М., 1960, с. 149.

[27] См.: Радлов В. В. и Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме.— СТОЭ, т. IV. СПб., 1897. Ср.: Северная Монголия, вып. II. Л., 1927.

[28] См.: Шибаева Ю. А. Из истории хакасского жилища. — КСИЭ, вып. X. М., 1950, рис. 1.

жения, у самого вала, находится вторая плоская оградка из плит (0,8×0,8 м), вероятно, дополнительная, созданная позже.

Третье, аналогичное сооружение, связанное с поминальным обрядом знатных тюрок, обнаружено в 1947 г. Саяно-Алтайской археологической экспедицией в котловине Деспен, лежащей по южную сторону хребта Танну-Ола, а четвертое сооружение открыто в Монгун-Тайге [29]. К сожалению, все эти поминальники не раскопаны.

Остается упомянуть о тюркских оградках, исследованных нашими предшественниками. А. В. Адрианов раскопал только одну поминальную оградку (№ 10) в 1915 г. в урочище Салдам близ устья Элегеста. *Оградка* (2,7× ×3 м) была засыпана землей и камнями не только внутри, но и вокруг. В ней ничего не оказалось [30]. С. А. Теплоухов в первый сезон своих работ в Туве в 1926 г., проезжая с Усть-Элегеста на Оттыг-Даш, не доехав 6 км до этой горы, обнаружил справа от дороги небольшую оградку из плит (1,75×1,5 м) с тремя камнями-балбалами, стоящими в ряд на восток от оградки. Перед ними лежал длинный валун, на одном конце которого выбито лицо человека.

С. А. Теплоухов раскопал 5 поминальных оградок VI—VIII вв. Оградки № 16 и 17 расположены на прилавке хребта Танну-Ола, в 2 км к юго-востоку от пос. Элегест (Щеки). *Оградка № 16* находилась в ложбинке в ряду из трех подобных же, выстроенных в ряд с севера на юг. Стороны ее (4×4 м) ориентированы строго по странам света. Внутри она была задернована, лишь кое-где выступали обломки скалы. В центре оградки, в ямке на глубине 0,5 м, обнаружена вторая фаланга лошади. *Оградка № 17* (3,5×3,5 м) находилась в 60 м к югу от оградки № 16. Она также располагалась в ряду из трех поминальных оградок, выстроенных с севера на юг. При раскопках в ямке, на глубине 0,5 м, найдена кость животного.

Еще С. А. Теплоухов раскопал на правом берегу Хемчика поминальные оградки № 43, 44 и 45. В урочище Саадак-Терек близ пос. Кызыл-Мажалык он обнаружил длинный ряд из 4 больших и 4 малых поминальных оградок, пристроенных друг к другу по линии север—юг. Расстояние между ними составляло от 0,3—0,5 м до 2 м. Ограды сооружены из врытых на ребро плит зеленого сланца толщиной до 5 см (выступают на 20 см). Внутренняя поверхность оградок ровная, не выступающая над окружающей степью. *Оградка № 43* (3,3×3,3 м) самая северная в ряду. Раскопки ничего не обнаружили. *Оградка № 45* (1×1,5 м) вторая с южного конца того же ряда. Она вытянута с запада на восток. При раскопках внутренней поверхности ничего не найдено.

Оградка № 44 (3,3×2,5 м) находилась в другом ряду из 7 поминальных оградок, выстроенных в ряд с севера на юг. Оградки из длинных (до 1,5 м) плит толщиной до 10 см едва возвышаются над поверхностью степи. Внутри оградки завалены галькой и потому слегка выступают над уровнем степи. В центре оградки № 44 две плашмя положенные плиты (0,7×0,3 м). Посредине, до глубины 0,7 м, залегали камни в ямке, а под ними найден крестец овцы [31].

Экспедиция Московского университета, выполняя неотложную работу по созданию сквозной периодизации древних памятников Тувы и учитывая материалы по древнетюркским погребениям, собранные другими экспедициями, не занималась раскопками погребальных сооружений древнетюркского периода. Не раскопал ни одного подобного кургана и А. В. Адрианов. Что касается полевых исследований С. А. Теплоухова (не опубликованы), то к VII—VIII вв. следует отнести 4 кургана [32]. В 1926 г. в степи Улуг-Хову на правом берегу Хемчика раскопаны курганы № 54 и 55 и в 1927 г. на горе Бай-Даг близ Шагонара раскопаны курганы № 84 и 90. Приводим краткие сведения из рукописного отчета исследователя.

Улуг-Хову, курган № 54. Высокий округлый курган (диаметр 16,5 м, высота 1,5 м, глубина воронки 1,8 м) из камня с глубоким воронкообразным углублением в центре и каменной плитой, врытой с юго-восточной стороны кургана. Плита (высота 1 м, ширина 0,3 м) ориентирована ребрами на северо-запад и юго-восток. Могила ограблена. Под впадиной яма овально-четырехугольной формы (глубина 2,5 м), ориентированная углами на север-северо-восток, восток-юго-восток, юг-юго-запад, запад-северо-запад. В северо-восточной половине ямы, ближе к средней линии, обнаружены в беспорядке кости взрослого

[29] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 8; Евтюхова Л. А. Указ. соч., с. 117; Грач А. Д. Указ. соч., с. 22, рис. 13.

[30] Дневник раскопок, произведенных А. В. Адриановым в Урянхайском крае (рукопись). — Архив Музея археологии ТГУ, № 78.

[31] Отчет С. А. Теплоухова о раскопках в Туве в 1926, 1927 и 1929 гг. (рукопись); Дневник С. А. Теплоухова № 3 по Туве за 1926 г. (тетрадь 16).— Архив МЭН СССР.

[32] Ср.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата, с. 53.

человека. У северо-западной стенки лежал скелет ребенка-уродца, головой на северо-восток.

В юго-западной половине ямы расчищены скелеты лошадей (2 скелета ближе к северо-западному углу и один в юго-западном углу). Лошади взнузданы и оседланы. У передних ног юго-западной лошади лежали костяные цурки-застежки от ременных пут. От кожаных частей сбруи сохранились лишь черные прослойки в земле и связанные с ними медные накладки, пронизки, пряжки и бубенчики-шаркунцы (рис. 92, *1, 5, 7, 8, 11*). На скелете крайней северо-западной лошади сохранилась железная, овальная кверху, накладка на переднюю луку седла, оправленная медным ободком, украшенным фестончатым прорезным краем (рис. 93, *1*) [33]. У головы коня лежали 2 черепа степного хорька (*Patorius eversmanni Lesson*). У скелетов лошадей в зубах находились железные удила с псалиями и кольцами (рис. 92, *10, 12*), стремена под ребрами и подпружные пряжки (2 стремени с восьмеркообразным завершением, 2 стремени с петлей на шейке, а третья лошадь имела стремена разных типов: одно — с узкой петлей на шейке, а другое — с восьмеркообразной петлей для путлища; рис. 93, *2—4*). У северо-западной лошади найдена железная подпружная пряжка и пальштабовидный наконечник тесла (рис. 92, *9, 14*). Остатки ее шерсти светло-желтого цвета. Среди костей человека обнаружены обломки железного клинка сабли (рис. 92, *15*) и нож, а также медная оковка деревянного предмета (сосуда?) с тремя заклепками (рис. 92, *6*). В северо-восточном углу ямы находились угольки и бедренная кость овцы. Все железные предметы окислены и сохранились в обломках.

Улуг-Хову, курган № 55. Курган имел круглую каменную насыпь (диаметр 7,5 м, высота 0,2 м) с небольшой впадиной. В яме на глубине 1 м обнаружены в беспорядке кости человека, без черепа, а также лошади (череп ее лежал в западной части ямы) и барана. Среди костей найдены костяная цурка-застежка, малая железная пряжка с подвижным язычком и изогнутый обломок железного псалия.

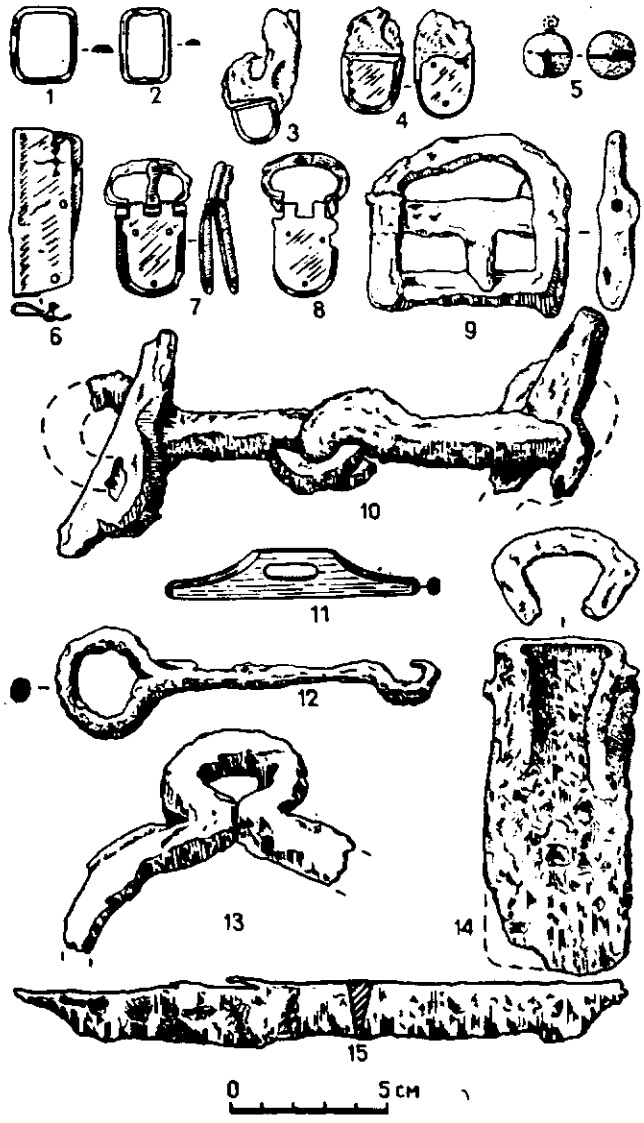

Рис. 92. Инвентарь древнетюркского погребения с конем в кургане № 54 урочища Улуг-Хову на Хемчике: *1—8* — медь (*3—4* — медь и кожа), *9, 10, 12—15* — железо, *11* — рог

Бай-Даг, курган № 84 (25). Широкое каменное кольцо (диаметр 4,5 м) из камней выступает на 0,25 м. Внутри — впадина диаметром 2,5 м. Под ней обнаружена яма (2×1 м, глубина 1,5 м), направленная длинной осью с юго-запада на северо-восток. На дне, в центре ямы, лежали височная кость взрослого человека и кости лошади, а в западной части найдены кости ребенка, овцы, костяная цурка-застежка, кончик лезвия железного ножа и обломок костяной пронизки в виде усеченного конуса.

Бай-Даг, курган № 90 (31). Округлая каменная насыпь (диаметр 8,4 м, высота 0,5 м) с впадиной (диаметр 3 м, глубина 0,3 м) в

[33] Накладка седла воспроизведена на рисунке, фото которого сохранилось в фонде С. А. Теплоухова в архиве МЭН СССР. Вещи (№ 4576) хранятся в Государственном Эрмитаже. Убедившись, что его схеме «противоречат данные» Л. Р. Кызласова, С. И. Вайнштейн поставил под сомнение наличие накладной арочной железной (публикуемой здесь) пластины на переднюю луку седла, не потрудившись разыскать в архиве указанную фотографию (см.: Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ, 1966, № 3, с. 72).

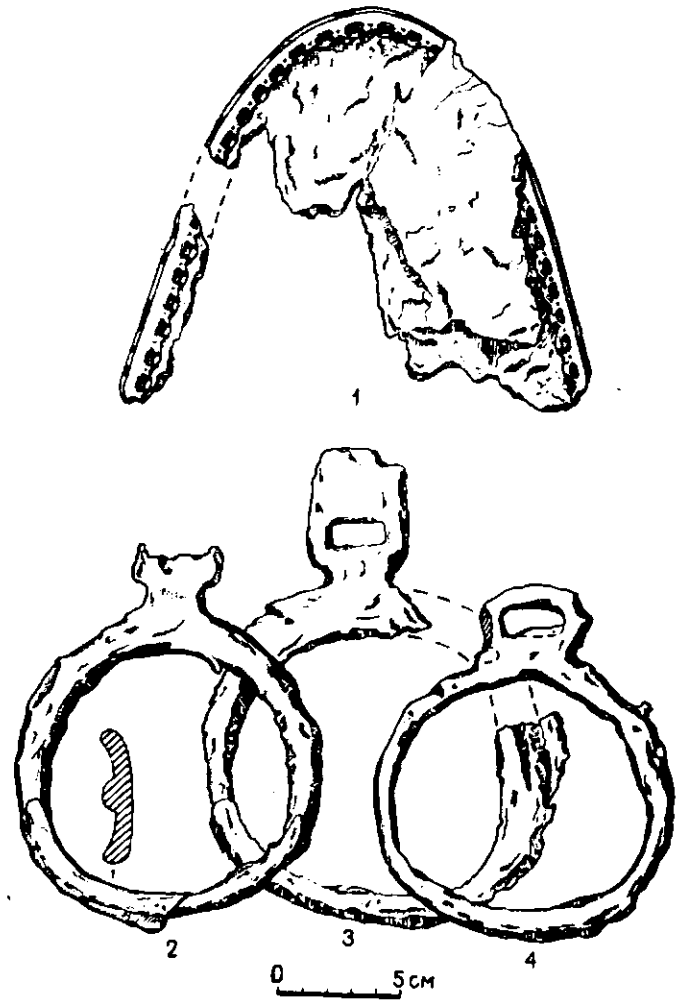

Рис. 93. Лука седла (*1*) и железные стремена (*2—4*) из погребения с конем в кургане № 54 в урочище Улуг-Хову на Хемчике (*1* — железо с медной оправой)

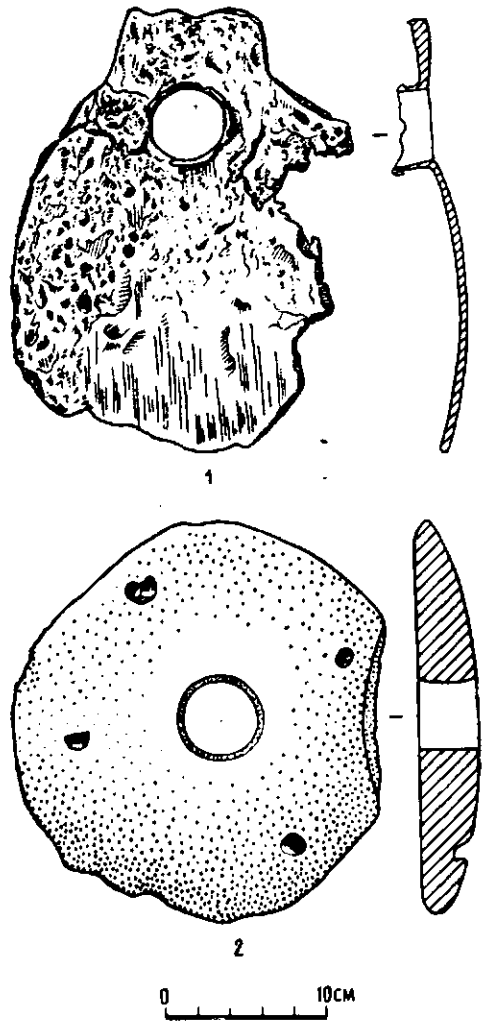

Рис. 94. Орудия труда из насыпи древнетюркского кургана № 90 (31) Бай-Дага:
1 — железный кетмень, *2* — гранитный верхний жернов ручной мельницы

центре. Во впадине (в 1 м к западу от ее центра) на глубине 0,1 м найдена железная сильно сработанная лопасть мотыги XIII—XIV вв.[34] типа кетменя, явно брошенная грабителями. В 1,5 м к востоку от центра впадины, на глубине 0,3 м, на борту могильной ямы, лежал круглый верхний жернов ручной мельницы (диаметр 0,24 м, толщина 3,8 см; диаметр отверстия 4—4,5 см) с 4 впадинами для вставления деревянной ручки (рис. 94). Жернов из серого крупнозернистого гранита, долго был в работе и вращался, судя по стертости ямок, против часовой стрелки. Ямки для вставления деревянной ручки разной глубины. Как выяснено нами при наблюдениях над этнографически известными ручными мельницами тувинцев и хакасов, при вращении ручкой, вставленной в мелкую ямку, верхний жернов легко скользит по поверхности и в таком случае мельница дает крупный помол зерна. Чем глубже углубление, тем больше давление верхнего жернова на нижний и тем мельче помол. Когда хотят получить самую мелкую муку, то ручку вставляют в наиболее глубокую ямку.

Это свойство работы жерновов известно с момента появления каменных ручных мельниц (на Енисее, как говорилось, самый ранний круглый жернов найден в Большом Салбыкском кургане, относящемся к концу тагарской культуры).

[34] См.: Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы.— ВМУ, си, 1964, № 4, таблица III, *64*. Аналогичные мотыги найдены в Каракоруме (Древнемонгольские города. М., 1965, рис. 114).

Могильная яма имела прямоугольную форму (2,5×2,2 м, глубина 1,8 м) и была вытянута с юга на север. Погребение разграблено. Отдельные кости взрослого человека и лошади попадались на разной глубине в засыпке и в разных частях ямы. На дне, в 0,25 м к северу от центра, обнаружены 2 скипевшихся трехлопастных наконечника стрел; на черешке одного наконечника была сломанная костяная свистулька (рис. 95, *1*). В 1 м к югу от центра ямы найден обломок деревянного гребня (рис. 95, *2*) [35].

▼

Древним тюркам VI—VIII вв. периодически приписывают в литературе всякие изобретения, которые нередко были сделаны за многие сотни лет до их появления. А. Н. Бернштам, например, заявлял, что «тюрки являются изобретателями пряжки с подвижным язычком, широко применяемой в одежде и в конской сбруе», а Л. Н. Гумилев утверждал, что тюрки стали известны «как народ, впервые освоивший в Центральной Азии промышленную добычу железа» [36]. В недавнее время С. И. Вайнштейн сразу «заставил» древних тюрок изобрести в VI в. стремена, жесткое седло и саблю [37].

На поверку, однако, всякий раз оказывается, что подобные заключения объясняются не особыми талантами древних тюрок и не естественным увлечением названных исследователей своей темой, а неосведомленностью их в истории развития материальной культуры [38].

После аргументированных специальных работ И. Л. Кызласова и А. К. Амброза выяснилось, например, что С. И. Вайнштейн и не подозревал о существовании седел с твердой основой и стремян, относящихся к предшествующему гунно-сарматскому времени. Теперь очевидно, что развитие форм верхового седла было не таким благополучно эволюционистским, каким представил его С. И. Вайнштейн. Реальная жизнь была богаче. Параллельно развивалось сразу несколько форм седел. Указав, что предложенным им этапам развития седла «противоречат данные», приведенные Л. Р. Кызласовым, Вайнштейн пытался умалить значение фактов, свидетельствующих о раннем употреблении иных форм седел с жесткой основой и цельной лукой арочного типа.

Берестяная обкладка арочной луки жесткого седла, найденная в одном из таштыкских склепов I—II вв. н. э., имеет прямые аналогии в бронзовых накладках ранних седел из Кореи и Японии, что признал А. К. Амброз, к сожалению, ошибочно поместивший в своей таблице таштыкскую луку не рядом с анало-

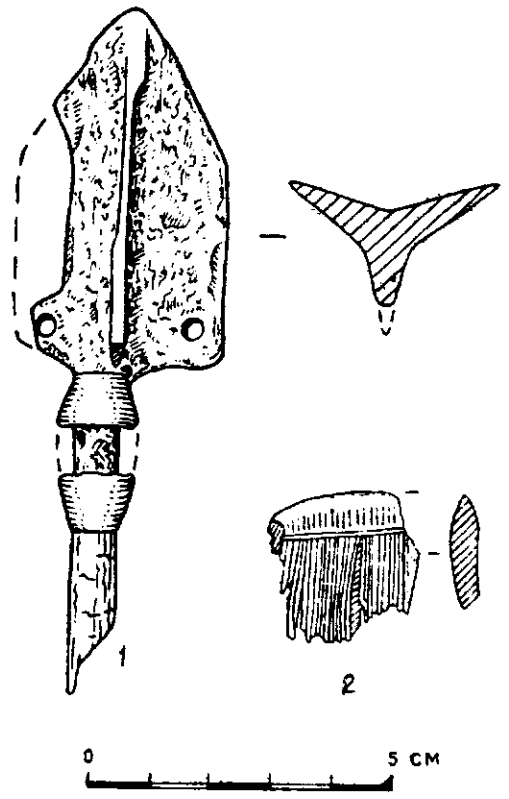

Рис. 95. Наконечник стрелы и деревянный гребень из древнетюркского погребения с конем в кургане № 90 (31) Бай-Дага
(*1* — железо и кость, *2* — дерево)

---

[35] Предметы из курганов Улуг-Хову № 55 и Бай-Даг № 84 и 90 хранятся в Государственном Эрмитаже (№ 4576-47—4576-49; № 4694-4-7; 4732-1-5).

[36] Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина».— МИА, № 14. М.—Л., 1950, с. 77; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 67.

[37] См.: Вайнштейн С. И. Указ. соч. Останавливаюсь на этой работе ввиду упрека С. А. Плетневой, сделанного мне в рецензии на мою книгу «История Тувы в средние века» (СА, 1971, № 1, с. 296).

[38] Ср.: Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— КСИИМК, вып. 64. М., 1956, с. 13—14; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, Д1-10. М., 1963, с. 40, таблица 25; Кызласов И. Л. О происхождении стремян.— СА, 1973, № 3; Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель.— СА, 1973, № 4 (с некоторыми заключениями А. К. Амброза нельзя согласиться, но это особая тема).

гичной корейской, а значительно выше, датировав ее более поздним временем [39].

С. И. Вайнштейн, к сожалению, не ознакомился и с древнейшим сохранившимся седлом VI—VII вв. из тюркского погребения с конем, раскопанного А. К. Кибировым в 1954 г. на Тянь-Шане (Кара-Куджур, курган № 1). Каракуджурское седло состоит из четырех частей (рис. 96, *2*). У него выступающие вперед прямые полки, скругленные только сзади; высокая, расширяющаяся кверху передняя лука арочной формы с большим вырезом, подобная кудыргинским, и сильно наклоненная задняя лука [40].

Такое по форме седло не может быть «вставлено» в «этапы» Вайнштейна — ему там нет места. В схему Вайнштейна не уместились также ни костяные луки из могильника Кудыргэ, ни сделанные на их основе убедительные реконструкции лук древнехакасских седел из Копёнского чаа-таса [41]. Нет места в ней и для оставшихся неизвестными автору металлическим передним лукам седел из Мелитополя (VII в.) и кургана № 2 Туяхты (IX в.), а также для железной накладки на высокую арочной формы луку седла из кургана № 54 в Улуг-Хову (рис. 96, *8*). Но все эти формы седел были в снаряжении средневековых всадников.

Во второй части своей статьи С. И. Вайнштейн рассматривает этапы развития «древнетюркской культуры» Тувы и утверждает (с. 76), что «в 1960 г. Л. Р. Кызласов опубликовал статью, посвященную Туве в эпоху тюркского каганата, но этапы развития древнетюркской культуры в Туве не выявил». Так С. И. Вайнштейн искажает историю вопроса и вводит в заблуждение читателей. В 1960 г. вышла не только статья «Тува в период тюркского каганата (VI—VIII в.)», но и другая моя статья «Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.)», а в 1964 г. опубликована работа из того же цикла «Этапы средневековой истории Тувы». Во всех этих трудах выявлены в исторической последовательности памятники и материальная культура всех этнических групп, населявших Туву в средневековый период (VI—XV вв.). Прослежены памятники, описаны обычаи и материальная культура древнетюркской этнической группы не только в периоды тюркского и уйгурского каганатов, но и в более поздние периоды пребывания Тувы в древнехакасском (IX—XII вв.) и даже древнемонгольском государствах (XIII—XV вв.) [42]. Правда состоит, следовательно, в том, что первая периодизация и хронологическая классификация всех известных археологических памятников (в том числе и древнетюркских) Тувы опубликованы задолго до периодизации Вайнштейна.

Что касается этой периодизации, то она основана на составленной Вайнштейном эволюции форм седел из древнетюркских курганов могильника Кокэль. Так как датировки курганов ошибочны, то и периодизация не может быть принята. Еще в 1960 г. мне пришлось указывать, что памятников VI — начала VII в. «(типа могильника Кудыргэ) в Туве пока не обнаружено» и древнейшие для Тувы погребения тюрок с конем отнесены мной к VII—VIII вв. Это положение сохраняет свою силу и в настоящее время [43]. Подчиняясь умозрительным представлениям об этапах развития седел из Кокэля — от простой формы к более сложной, — С. И. Вайнштейн произвольно объявил первый их тип «наиболее ранним» и потому отнес к VI—VII вв. инвентарь кургана № 23. На основании одного (!) этого кургана он «выделяет» так называемый «ишкинский этап в истории древнетюркской культуры в Туве» [44]. Ошибочность такого решения очевидна. Инвентарь кургана № 23 не соответствует ни «наиболее ранним могилам кудыргинского типа в Горном Алтае», ни подобным кудыргинским раннетюркским могилам Тянь-Шаня (например, Кара-Куджур, курган № 1) [45]. Курган № 23 по инвентарю надо от-

[39] См.: Амброз А. К. Указ. соч., рис. 2, *21* и *10*. Поздняя дата склепа № 1 Уйбатского чаа-таса (с. 97) — ошибка автора; он не заметил к тому же и полное тождество таштыкских и корейских арочных передних лук седла.

[40] Седло хранится в Историческом музее АН Киргизской ССР вместе с другим седлом из Кара-Булуна. Предварительное сообщение об этих находках см.: Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда.— КСИЭ, вып. 26. М., 1957, с. 86—87 (дата ошибочна).

[41] См.: Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 86—88.

[42] См.: Кызласов Л. Р. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.).— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960, с. 151—152; он же. Этапы средневековой истории Тувы, с. 71—72, 81—82, 90. То же см. «История Тувы», т. I. М., 1964, с. 129—130, 153.

[43] См.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата..., с. 53. Впрочем, Д. Г. Савинов и Ю. И. Трифонов оспаривают это положение, не приводя никаких доказательств (см.: Савинов Д. Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древне-тюркское время.— В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973; Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени.— Там же). Нет никакой возможности указать на все ошибки и неточности, приводимые в этих статьях.

[44] Вайнштейн С. И. Указ. соч., с. 76—77. Эту схему автор повторил и в своей книге «Историческая этнография тувинцев» (М., 1972, рис. 13).

[45] См.: Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965; Кибиров А. К. Указ. соч., с. 86.

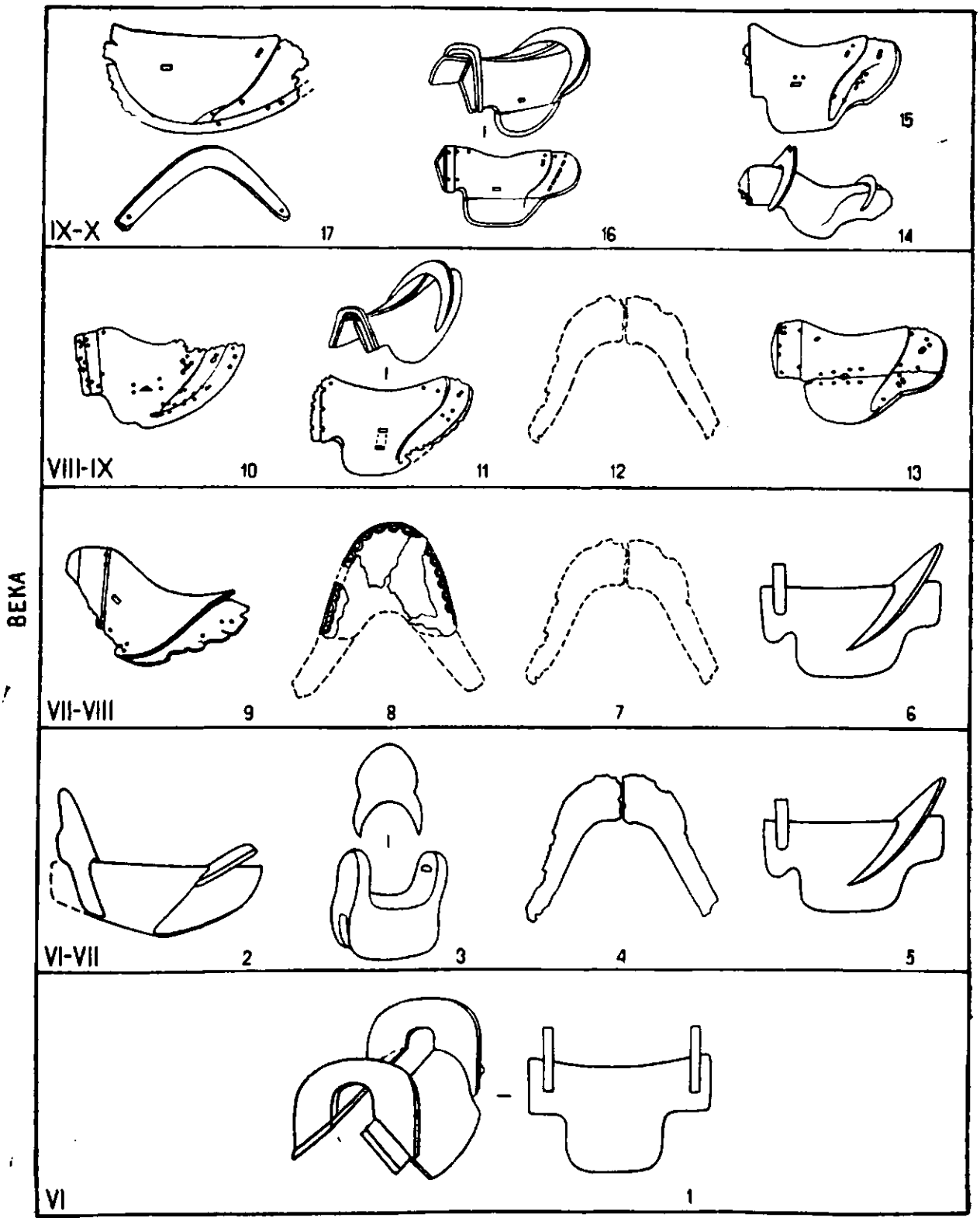

Рис. 96. Хронологическая таблица употребления разных типов седел в VI—X вв.:
1 — вэйское седло (по схеме А. К. Амброза), *2* — седло из кургана № 1 в Кара-Куджуре (Тянь-Шань), *3* — глиняная модель седла из пос. Ханска (Молдавия), *4* — передняя лука седла из Кудыргэ и совершенно аналогичные ей поздние луки седел типа Копёнского чаа-таса (*7*, *12*), *5*, *6* — танское седло (по схеме А. К. Амброза), *8* — лука седла из кургана № 54 в Улуг-Хову (Тува), *9* — седло из кургана № 17 Верхнечирюртовского могильника, *10* — из кургана № 13 Кокэля, *11* — из кургана № 6 Кокэля, *13* — из кургана № 22 Кокэля, *14* — из дер. Бородаевки (Нижнее Поволжье), *15* — из кургана № 47 Кокэля, *16* — из кургана № 2 Кокэля, *17* — из кургана № 23 Кокэля

нести к IX—X вв. (или, точнее, к середине IX в.), так как в нем найдены: лук «уйгурского типа, поздняя «рогатая» бронзовая пряжка с подвижным железным язычком, бронзовая поясная бляха особой формы, трехгранный в сечении костяной черешковый наконечник стрелы [46] и другие предметы, существовавшие не ранее второй половины VIII—IX вв. (гладкое тесло, роговые пряжки с тремя отверстиями, нож, железные наконечники стрел). Что касается слабоизогнутых роговых двудырчатых псалиев, то по форме они совсем не схожи с кудыргинскими. Аналогичные псалии также существовали в IX—X вв. [47]. Седла из кургана № 23 (со скругленными полками) отнесены Вайнштейном к «первому типу», который ошибочно объявлен «наиболее ранним». Упрощенный эволюционистский подход подвел автора. Как показал А. К. Амброз, наиболее ранние, после гунно-сарматских, вэйские седла VI в. уже имеют широкие лопасти с вырезами спереди и сзади. Аналогичны по типу и более поздние танские седла 637 г., отличающиеся наклонной задней лукой [48]. Эти седла схожи с древнетюркскими седлами 4-го типа (по Вайнштейну) и именно они должны считаться наиболее ранними. Седла 1-го типа по инвентарю кургана № 23 датируются IX—X вв.

В настоящее время синхронное бытование разных типов седел очевидно. Известно, например, что в недавнем прошлом у многих народов одновременно существовали разные по формам и назначению седла (военные, парадные, охотничьи, пастушеские, женские, детские, вьючные и т. п.). Различными они были и у степных народов в раннем средневековье.

Анализируя особенности инвентарей курганов Кокэля, приходим к выводу, что седла оттуда относятся к VIII—X вв. В Кокэле вообще нет раннетюркских седел. По нашей хронологии, самым ранним из древнетюркских седел можно считать седло из кургана № 1 Кара-Куджура (конец VI — начало VII в.), а также остатки седел с аналогичными арочными луками из Кудыргэ (рис. 96, *2, 4*). VII—VIII вв. в Туве датируется пока только накладка на арочную луку седла из кургана № 54 в Улуг-Хову (рис. 93, *1*) [49]. На Северном Кавказе седло со скругленной полкой найдено в погребении конца VII — начала VIII в. (рис. 96, *9*) [50]. К концу уйгурского периода (VIII—IX вв.) относятся седла из курганов № 6, 13 и 22 могильника Кокэль (2-й и 4-й типы, по Вайнштейну). В период древнехакасского государства (IX—X вв.) у кокэльских тюрок одновременно бытовали седла 1-го, 3-го и 4-го типов. Этим временем, по нашему мнению, датируются захоронения в курганах № 2, 23 и 47 Кокэля. Одновременны им и седла из дер. Бородаевки (Нижнее Поволжье) [51], а также из кургана № 2 Туяхты.

Изучение типов седел из древнетюркских погребений с лошадьми (рис. 96) показывает, что периодизация древнетюркских памятников, предложенная С. И. Вайнштейном, не выдерживает критики. Можно было бы указать и на многие другие его ошибки, но отметим только наиболее крупные (с. 78). Во-первых, как было показано выше, роговые псалии без скобы не исчезают к VII в., а их продолжают употреблять и в IX—X вв. Во-вторых, бытование луков с концевыми накладками совсем не ограничено VI—VII вв. Их использовали и далее, вплоть до монгольского времени [52].

В связи со статьей С. И. Вайнштейна рассмотрим вопрос о датировке погребений с конем и их ориентировке. Я уже разъяснял, что «главное заключается в определении времени инвентаря погребальных комплексов, хотя, конечно, ориентировка погребенных также имеет известное значение. По нашему мнению, до получения большой серии дополнительных материалов, к VI—VIII вв. в Туве, на основании датировки погребальных комплексов, относятся могилы с ориентировкой погребенного на север или северо-восток, а коня — на юг или юго-запад; к VIII—IX вв. — человек на восток или юго-восток, а конь на запад или се-

[46] См.: Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, рис. 10, *21, 26, 30, 31*; он же. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— ТТКАЭ, т. II. М.—Л., 1966, таблицы VI—VII.

[47] См.: Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), рис. 111; Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 62. М.—Л., 1958, рис. 25, *11, 12*; Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е 1—36. Л., 1973, таблица IV и с. 15. Ошибка А. А. Гавриловой относительно даты погребения в Усть-Теси повлекла ошибочные заключения Д. Г. Савинова и Ю. И. Трифонова (указ. соч.).

[48] См.: Амброз А. К. Указ. соч., с. 95—96, рис. 5, *3, 4*.

[49] Аналогичные луки имеют глиняные модели седел VII—VIII вв. от Молдавии до Западной Сибири (Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, рис. 1, *16*; Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35. М., 1953, с. 210, таблица XII, *2*).

[50] См.: Магомедов М. Г. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника.— СА, 1975, № 1, рис. 1, *15*.

[51] См.: Синицин И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, таблица 9.

[52] См.: Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы, таблицы I, *13* и II, *136*; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.— МИА, № 48. М.—Л., 1956, таблицы 59, *2* и 61, *15*.

веро-запад; к IX—X вв. — кенотафы без погребений людей, где кони лежат головой на север и ямы вытянуты с севера на юг» [53].

Неизвестные мне ранее курганы Кокэля (при учете в первую очередь комплексов вещей из погребений) теперь отнесены мной к VIII—IX вв. (захоронения № 6, 13 и 22, где люди ориентированы на восток, север-северо-восток и восток-северо-восток) и к IX—X вв. (курганы № 2, 23, 47, где люди ориентированы на северо-восток и восток-северо-восток). А. Д. Грач утверждает, что к VI—VIII вв. относятся только захоронения с широтной ориентировкой, а VIII—IX вв. следует датировать погребения с меридиональной ориентировкой [54].

Поддерживая мнение А. Д. Грача, Ю. И. Трифонов, еще не опубликовав полных комплексов из раскопанных им в Туве погребений с конем (опираясь только на ошибочные хронологии А. А. Гавриловой и С. И. Вайнштейна), трижды повторил, что ему удалось «твердо датировать наши памятники» VI—VIII вв. При этом одни из них он относит к VI—VII вв., а другие — к VII—VIII вв.

Можно подумать, что Ю. И. Трифонов наконец-то нашел в Туве погребения с конем кудыргинского типа, однако этого не произошло. За ранние он выдает курганы Аргалыкты VIII, № 2 и IX, № 1. Но изучение их инвентарей показывает, что узкая дата для этих погребений — первая половина IX—X вв. Инвентарь кургана № 2 из группы Аргалыкты VIII (удила со слабоизогнутыми роговыми псалиями и трехдырчатые роговые подпружные пряжки, а также стремена с восьмеркообразным завершением) [55] целиком совпадает с предметами из курганов № 2 и особенно № 23 Кокэля. Роговые двудырчатые слабопрогнутые псалии из кургана № 2 Аргалыкты VIII не похожи на кудыргинские прямые псалии с одним отогнутым концом [56].

С материалами из остальных курганов, содержавших погребения с конем, раскопанных в Туве Ю. И. Трифоновым, удалось познакомиться на археологической сессии в Москве в 1972 г. Ю. И. Трифонов исследовал 6 курганов в трех группах близ горы Аргалыкты (I, VIII, IX) и 5 курганов в двух группах близ Кара-Тала (I, IV) на левом берегу Улуг-Хема близ Шагонара. Всего он раскопал 12 погребений с конем, ибо в кургане № 1 Аргалыкты I оказались 2 ямы: погребение лошади с имитацией человеческого захоронения (кенотафа — 1) и обычное погребение с конем (2).

Рассмотрение инвентаря показывает, что все эти могилы относятся к одному времени — IX—X вв. Детальный разбор тем не менее выделил более раннюю группу захоронений первой половины IX в., то есть еще конца уйгурского периода. Это погребения Аргалыкты I, курган № 1 (погребение II) и Аргалыкты VIII, курган № 2, где люди положены головой на восток, а кони — на запад. К тому же времени относятся: А I—3, КТ IV—1 и 2, где люди ориентированы на восток-северо-восток, а лошади — в противоположную сторону. Именно в этих могилах обнаружены погребения в гробах из плит или плах, лук уйгурского типа, кольчатые удила с двудырчатыми роговыми псалиями (или эсовидными и прямыми с лопаточками железными псалиями), роговые трехдырчатые подпружные пряжки, бронзовые серьги и обломки глиняного сосуда.

Остальные курганы датируются второй половиной IX—X вв. В эту группу входят могилы Аргалыкты I, курган № 1, погребение I (кенотаф, где лошадь лежала головой на запад) и А I—4, А IX—1, КТ I—3, КТ IV—6, где люди лежали головой на восток при противоположной ориентировке лошадей. В ту же группу вошли курганы А I—5 и КТ IV—7, где люди уложены головой на восток-юго-восток, а лошади — в противоположную сторону.

Датировка второй группы погребений определяется IX—X вв. по следующим признакам: а) наличие фигурных, прямосрезанных удлиненных наконечников стрел; б) форма луков, явно восходящая к лукам уйгурского типа; в) появление железных бляшек наборных поясов, не употреблявшихся раньше конца IX в. (А I—5; А IX—1; КТ I—3; КТ IV—7) [57]; г) колчаны с бляхами-тройниками на ремнях; д) фигурные и круглые штампованные бляшки и наконечники; е) прямой двудырчатый железный псалий с отогнутым верхом и шишечкой (КТ IV—7) [58]; ж) большая остроносость роговых подпружных пряжек;

---

[53] Кызласов Л. Р. По поводу одного ответа.— СА, 1965, № 4, с. 284—285.

[54] См.: Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге.— ТТКАЭ, т. I. М.—Л., 1960, с. 147—148; он же. Древнетюркские изваяния Тувы, с. 91; он же. Новые данные о древней истории Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 15. Кызыл, 1971, с. 102.

[55] См.: Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 15, рис. 5.

[56] Ср.: Гаврилова А. А. Указ. соч., таблицы VII, *1*; XX, *35*; XXXI, *26, 34*.

[57] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 105; Левашева В. П. Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, № 24. М., 1952, с. 134, приложение 2 и рис. 5, *4—10*.

[58] См.: Левашева В. П. Указ. соч., рис. 5, *42*; Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас.— СА, т. XXIV. М., 1955, рис. 40, *4*.

з) монеты Кайюань тунбао, обычные в погребениях IX—X вв. в Южной Сибири (КТ I—3). Эти курганы нередко имеют юртообразную форму с округлой (иногда цилиндрической) оградкой-стенкой. Это тоже поздний признак для курганов с погребениями по обряду трупоположения с конем [59]. Несомненно, еще предстоит работа по детальной типологии и синхронизации таких погребальных комплексов, хотя общее число исследованных погребений с конем в Саяно-Алтайском нагорье пока недостаточно для выявления статистически надежных хронологических и этнических групп. Основные принципы ясны: это сопоставление комплексов вещей, а потом уже учет деталей погребального обряда и ориентировки.

▼

Рассмотрим употребление некоторыми историками и археологами термина «древнетюркское время» в расширенном значении. С. Г. Кляшторный, например, пишет: «Время сложения и существования на территории большей части Центральной Азии древнетюркских государств, т. е. почти всю вторую половину I тысячелетия н. э. принято (? — *Л. К.*) называть древнетюркской эпохой, или древнетюркским временем» — и ссылается при этом на работы А. Д. Грача [60].

И действительно, А. Д. Грач неоднократно старался обосновать «единое понятие древнетюркского времени». По Грачу, «хронологические границы древнетюркского времени охватывают период с VI в. по первую четверть X в., т. е. эпоху существования не только могущественных каганатов тугю, но и государств уйгуров и енисейских кыргызов» [61]. А. Д. Грач нередко ссылается на работы академика В. В. Бартольда. Но мнение В. В. Бартольда по этому вопросу вполне верно и определенно: «Общетурецким в современном смысле слово «турки» (тюрки. — *Л. К.*) тогда не было; преемники огузских каганов в Монголии, уйгурские каганы (с 744 г.), себя турками, насколько можно судить по их надписям, не называли, и китайцы были правы, не распространяя термина «турки» (в китайской транскрипции тукюе) ни на уйгуров, ни на кыргызов» [62].

Следует также напомнить, что в недавнем прошлом А. Н. Бернштам подверг справедливой критике националистические измышления некоторых турецких историков 30-х годов, представлявших древнетюркское общество «как единое национальное целое» с древнейших времен [63]. При этом А. Н. Бернштам, отчетливо различая «восточно-тюркский каганат и кыргызов», позволял себе делать описки типа: «общество древних орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.», «происхождение орхоно-енисейских тюрок» или даже писал «о древнейшем тюркском народе на берегах Орхона и Енисея в VI—VIII вв.» [64]. Тогда на эти неточности обратил внимание С. В. Киселев; он указал, что «задачей историка является прежде всего конкретное отображение прошлого. Изучение же источников уводит далеко от конструкции единого тюркского народа, якобы населявшего огромные пространства Южной Сибири и Центральной Азии». По С. В. Киселеву, очевидно «значительное различие в путях возникновения тюрок и кыргыз» [65].

Для чего же теперь А. Д. Грач усиленно пропагандирует единую «древнетюркскую культуру», «древнетюркскую общность», «древнетюркский историко-культурный комплекс» или даже какой-то особый «древнетюркский мир» в «древнетюркское время» [66]? Дело доходит даже до требования создания особой «древнетюркской археологии в СССР» [67]. Правомерен ли для советского историка и археолога такой подход к изучению истории Южной Сибири и Центральной Азии?

---

[59] Ю. И. Трифонов, не обосновывая, защищает свою ошибочную датировку и в других статьях (см.: он же. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени.— В кн.: Тюркологический сборник. 1972, с. 368; он же. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 186).

[60] Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии.— В кн.: Тюркологический сборник. 1972, с. 255.

[61] Грач А. Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени.— В кн.: Тюркологический сборник. М., 1966; он же. Новые данные о древней истории Тувы, с. 102; он же. Проблемы исследования культуры древнетюркских кочевников азиатских степей.— В кн.: Бартольдовские чтения 1974 (тезисы докладов). М., 1974, с. 21.

[62] Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, с. 553.

[63] Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, с. 29, 37, 85, 86.

[64] Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок..., с. 79—86.

[65] Киселев С. В. Рецензия на книгу: Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.— ВДИ, 1947, № 1, с. 90.

[66] Ср. также изложение доклада А. Д. Грача «Проблема древнетюркской общности» в Тюркологическом сборнике. 1972, с. 410.

[67] Грач А. Д. Древнетюркская археология в СССР.— В кн.: Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Л., 1967, с. 52—54. Ср.: Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы.

По нашему мнению, с такой концепцией нельзя согласиться, ибо она методологически неверна. Она не соответствует известному требованию исторического материализма вести периодизацию истории того или иного общества по общественно-экономическим формациям. Если принять древнетюркскую эпоху или древнетюркское время для истории Сибири и Центральной Азии, то с равным успехом, например, эпоху первобытнообщинного строя в Средней Азии следовало бы назвать древнеиранским временем, а эпоху становления раннефеодального общества в Восточной Европе надо называть древнеславянским или древнефинно-угорским временем и т. д. Порочность такого неклассового подхода очевидна. Поэтому, отстаивая марксистские методологические позиции, С. В. Киселев называл период VI—X вв. в истории Южной Сибири и Центральной Азии «эпохой сложения государств», справедливо рассматривая его как время становления и развития классовых раннефеодальных отношений [68].

Возражая А. Д. Грачу, я писал: «Известно, что древнетюркское время — это лишь период вхождения древних племен Тувы в государство тюрок-тугю с 555 по 745 г., что в 750—840 гг. Тува входила в состав другого государства — уйгурского каганата, и это, следовательно, был уже уйгурский период, что, наконец, с 840 по 1207 г. наступил период древнехакасского государства» [69]. Я и в настоящее время придерживаюсь той же точки зрения, имея в виду, что в VI—VIII вв. «начался процесс сложения феодальных отношений, к которым племена Тувы перешли, очевидно, непосредственно от первобытнообщинной формации, минуя рабовладение» [70].

Известно, что средневековые тюркоязычные народности, и племена: уйгуры, кыргызы, чики, азы, кимаки, тюргеши, карлуки, кыпчаки, курыкане, ягма и другие — тюрками себя не называли. Они имели различное происхождение, разные языки и наречия, а также значительные расхождения как в социально-экономическом развитии, так и в материальной культуре. Антропологический тип их представителей был также далеко не однороден. Археологи знают, что такие различия отчетливо проявляются в памятниках, оставшихся после этих народов. Например, что общего между кыргызско-хакасскими чаа-тасами VI—IX вв., уйгурскими погребениями в катакомбах под земляными курганами, курыканскими каменными «шатрами» и древнетюркскими погребениями по обряду трупоположения с конем под каменными насыпями? А различия в их поминальных и погребальных обрядах и т. п.? Даже в одних и тех же государственных объединениях на территории Тувы (тюркский, уйгурский и древнехакасский каганаты) не только не произошло никакой нивелировки культурных особенностей, но, наоборот, памятники каждой этнической группы отчетливо различались и обособлялись [71].

Попытки некоторых сторонников и сотрудников А. Д. Грача доказать этническую сплоченность и «единство материальной культуры» в VIII—IX вв. (все-таки не в VI—VIII вв.!) не состоятельны [72]. Д. Г. Савинов, например, опубликовал таблицу одиночных предметов VIII—IX и IX—X вв., которая, по мысли автора, должна демонстрировать такое единство в Хакасско-Минусинской котловине, Туве и на Алтае. Но в этой таблице опубликованы главным образом вещи из погребений IX—X вв., отражающие сильное воздействие на племена Саяно-Алтайского нагорья материальной культуры древних хакасов («кыргызов»), которые в 840 г. включили все эти территории в свое государство. Нарочитость подборки видна и в том, что, не обнаружив в Туве сердцевидных блях от конской сбруи, автор «призанял» их в Монголии (рис. 21, 22). Путаница в хронологических построениях отчетливо видна и в заключении Д. Г. Савинова: «Вторая группа памятников VII—VIII вв. содержит ряд предметов, встречающихся в памятниках кыргызов за Саянами уже после 840 г., что и является для них terminus ante quem. Судя по большому количеству параллелей в поздних кыргызских трупосожжениях Тувы, эта группа может относиться ко второй половине VIII в. — первой половине IX в., т. е. синхронна времени существования уйгурского каганата в Центральной Азии» [73]. Но тогда почему же это «вторая группа памятников VII—VIII вв.»?

---

[68] См.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 485 и сл.; он же. Южная Сибирь в VII—IX вв. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958.

[69] Кызласов Л. Р. Рецензия на книгу: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (т. I. М.—Л., 1960) — СЭ, 1961, № 4, с. 227.

[70] Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 55. Ср. с. 83—84, 121—125, 138, 172.

[71] См.: Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата; он же. Этапы средневековой истории Тувы; он же. История Тувы в средние века.

[72] См.: Длужневская Г. В. Типы погребений древнетюркского времени на территориях Тувы, Алтая и Монголии.— В кн.: Филология и история тюркских народов (тезисы докладов); Савинов Д. Г. Указ. соч.

[73] Савинов Д. Г. Указ. соч., с. 348 и таблица I. Из таблицы следует исключить бляшки (рис. *16—18*) и связанные с ними предметы VIII—IX вв. Вообще в этой статье содержится много фактических неточностей и ошибок. Например, забыв о позднешурмакских трупосо-

Почему не к «кыргызскому» времени (IX—X вв.), куда ведут все параллели, по заявлению автора, относится большинство этих вещей? Ведь ни у уйгуров, ни в период уйгурского каганата не было такого комплекса предметов, который искусственно сформировал Д. Г. Савинов.

Только с европоцентристских позиций все древние тюркоязычные племена являются кочевыми, а их культуры кажутся одинаковыми. Подменять терминами «древние тюрки», «древнетюркская культура», «древнетюркское время» наименования всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур не научно. Древние тюрки — это та этническая группа, которая сама себя называла народом тюрк («тюрк будун») [74], и только культуру этого народа следует называть древнетюркской, а время существования тюркских каганатов в VI—VIII вв. — древнетюркским временем. Лингвисты-тюркологи также не правы, когда подменяют термин «древнетюркоязычный» термином «древнетюркский» [75], хотя, конечно, им известна вся условность такой замены. Неудобство для них состоит и в том, что древние тюркоязычные племена и языки существовали задолго до древнетюркского периода VI—VIII вв. Так зачем же, даже условно, называть древнетюркским время, которое, строго говоря, древнетюркским не является?

Как показано выше, широкое употребление термина «древнетюркский» историками и археологами также неправомерно. Конечно, необходимо детально и в исторической последовательности исследовать все видоизменения термина «тюрк», подобно тому, как это сделано для термина «кыргыз» [76]. Судя по письменным источникам, термин «тюрк» первоначально в V и начале VI в. был самоназванием южных алтайцев. С созданием тюркских каганатов он, продолжая сохранять этническое значение («тюрк будун»), одновременно стал собирательным политическим термином для всего военного союза племен этого объединения. После крушения древнетюркского государства, как мы уже писали, этническая группа с именем «тюрк» сохраняла и свои погребальные обычаи (трупоположения с конем в Южной Сибири), и свое имя [77]. По сообщению источников, в VIII—IX вв. «они удерживали свое имя» и «томились» под властью уйгуров, а в середине X в. о тугю сообщают путешественник Ху Цяо и придворная хроника, которая добавляет, что «к этому времени тугю были крайне слабы» [78]. Фахрэддин Мубаракшах среди других тюркоязычных племен также выделяет племя, называвшее себя «тюрк» и в начале XIII в. [79]. Не исключено, что термин «тюрк» сохранил свое этническое значение у каких-то осколков «тюрк будуна» до современности. Возможно, это этнические группы «тюрк», до сих пор проживающие в Средней Азии [80]. Однако такие реликты не дают никаких оснований для выделения особого древнетюркского времени, приходящегося отчего-то на VI—X вв.

Историки или археологи, специализирующиеся по древней и средневековой истории Южной Сибири и Центральной Азии, не должны и не могут быть только тюркологами. Согласно письменным источникам и топонимике, на указанных территориях с древности проживали различные по языку, происхождению и физическому типу этнические группы и племена. Это ираноязычные саки, кетоязычные енисейцы, южносибирские самодийцы, угроязычные и тюркоязычные племена. К ним позднее добавились монголоязычные и тунгусоязычные группы. Не следует также забывать, что здесь же обитали такие племена, как, например, гунны, которые говорили на языках, недошедших до нас, вымерших языковых семей [81]. Учитывая сложность этнического состава древнего населения, все разнообразие его ду-

жжениях, Д. Г. Савинов пишет: «В Туве... в предтюркское время сожжение покойника никогда не практиковалось» (с. 341). На с. 344 автор, объединив могилы таштыкского времени и погребение с конем из двух могильников у заимки Усть-Тесь на р. Тубе и близ с. Кривинского на Енисее, объявил, что можно рассматривать «этот памятник как единовременный» (?!) и т. д.

[74] См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 28—30, 61—62 и др. Ср.: Поливанов Е. Д. Тукюэ китайской транскрипции турецкое тюрклер.— ИАН СССР, 1927, № 7—8; Pulleyblanck E. G. The Chinese name for the Turks.— «Journal of the American Oriental Society», vol. 85, No. 2. New Haven, 1965.

[75] См., например: Древнетюркский словарь. Л., 1969.

[76] См.: Кызласов Л. Р. Взаимоотношение терминов хакас и кыргыз в письменных источниках VI—XII веков.— «Народы Азии и Африки», 1968, № 4.

[77] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средневека, с. 78, 108, 163.

[78] Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, с. 329; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958, Bd I. S. 261—262, 390, 439.

[79] См.: Умняков И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха.— ВДИ, 1938, № 7, с. 115.

[80] См.: Ярхо А. И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934). — «Антропологический журнал», 1936, № 1, с. 55 и 59; Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. — СЭ, 1960, № 1; она же. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 72—77, 165—173.

[81] Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen.— «Central Asiatic Journal», vol. XVII, No. 1. Wiesbaden, 1973.

ховной и материальной культур, сложность взаимодействия разных этнических групп и его проявления, археологам при изучении этих территорий всего опаснее сваливать вместе разнородные по обрядовым особенностям и устройству погребальные сооружения и объявлять их древнетюркскими [82].

Молодые сотрудники А. Д. Грача по Саяно-Тувинской экспедиции (Д. Г. Савинов, Ю. И. Трифонов, Г. В. Длужневская и др.), некритически воспринявшие миф о том, что «ранние тюркские погребения с трупосожжением» обнаружены А. Д. Грачом в Западной Туве, внесли своими статьями значительную долю путаницы в вопрос о древнетюркском погребальном обряде. В настоящее время спорить об обряде древних тюрок-тугю бесполезно. Сторонникам точки зрения о трупосожжениях, присущих знати и рядовым тюркам, надо «немногое»: найти могилы с обрядом трупосожжений, датированные комплексом предметов VI—VIII вв. и относящиеся к тугю по каменным изваяниям и иным аксессуарам, описанным в письменных источниках. При этом следует установить различие погребений древнетюркской знати от могил рядового населения.

На территории восточного и западнотюркского каганатов таких могил не обнаружено. О чем же спорить? Новых археологических источников, которые могли бы изменить мою точку зрения, пока не появилось [83].

Следует остановиться еще на одном искажении моего мнения. Так, С. Г. Кляшторный, отметив, что «все обнаруженные до недавнего времени в Монголии памятники древнетюркской письменности относятся либо к эпохе Второго каганата, причем только к 20—30-м годам VIII в., либо к уйгурской эпохе (745—840 гг.)», задается вопросами: «Следует ли, исходя из этих фактов, сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычай устанавливать в погребальных комплексах тюркской знати стелы с историко-биографическими текстами возник лишь в эпоху Второго каганата? Что, следовательно, историческая письменность у тюрков возникла лишь в последние десятилетия Второго каганата?» [84]. Отвечая на эти вопросы, автор пишет: «Такой вывод делался. Приведем мнение Л. Р. Кызласова...» И далее следует взятый из моей статьи текст: «Установка вертикальных стел с надписями (у курганов, в рядах и одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-тугю и другими племенами, входившими в Первый тюркский каганат (552—630 гг.). Это государство занимало огромную территорию от Каспийского моря до Ордоса и от Алтая до Тянь-Шаня. С середины VI в. на этой территории вместе с алтайскими тюрками распространились присущие им погребальные сооружения с тюркским обрядом (курганы с погребениями по обряду трупоположения с конем) и поминальные сооружения (оградки из плит и камней, иногда с каменными фигурами людей и со столбиками-балбалами). Но ни на Алтае, ни в других бывших районах Первого тюркского каганата не обнаружено ни одной вертикальной стелы с надписью» [85].

Но ведь мы действительно не знаем, когда появилась древнетюркская руническая письменность. Только где же в моих словах можно найти отрицание письменности и историографической традиции в Первом тюркском каганате?

Ведь речь идет о том, что не было обычая устанавливать стелы с надписями в Первом тюркском каганате (552—630 гг.) и не более того. Разве тюрки-тугю, по мнению С. Г. Кляшторного, непременно должны были писать свои исторические, государственные и частные документы на каменных плитах, не ведая ни пергамена, ни бересты, ни дерева, ни других материалов для письма? В предыдущей статье 1960 г., посвященной той же теме, я писал: «Как известно, тюрки-тугю в VII—VIII вв. имели свою письменность на орхонском алфавите, несколько отличном от енисейского». При этом указывалось на предметы «с надписями из могил тюрок с лошадьми на Алтае, датированные археологически VII—VIII вв.», а также на то, что «хотя в обоих этих районах письменность была известна (в Туве не найдена), но здесь тогда не было обычая устанавливать памятные каменные стелы с эпитафиями» [86]. Обычай установки таких стел известен у древних хакасов на Енисее в VIII—XII вв.

С. Г. Кляшторному удалось вновь обнаружить в МНР древнетюркскую «каменную бабу» с надписью, относящейся к концу VII в. (к 688—691 гг.) [87]. Эта находка подтверждает

[82] Именно так поступила Г. В. Длужневская (указ. соч.).

[83] Ср.: Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени, с. 354—356, Ср.: Кызласов Л. Р. «Древнетюркские» неурядицы.— СТ, 1977, № 5.

[84] Кляшторный С. Г. Указ. соч., с. 261.

[85] Там же. Ср.: Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности.— СА, 1965, № 3, с. 43.

[86] Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, 1960, № 3, с. 97.

[87] См.: Кляшторный С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби.— В кн.: Studia Turcica. Budapest, 1971.

наше мнение о существовании письменности у тюрок в VII в., если только эта надпись не поддельная. Надпись не эпитафия. Сделана она на неподходящем для надписи подручном материале (стоявшей в этом месте более ранней «каменной бабе») и относится к периоду Второго тюркского каганата. Наконец, в 1956 г. Ц. Доржсурен нашел около Бугута (МНР) поминальный комплекс с балбалами и стелой, стоявшей некогда на черепахе. На трех гранях стелы есть согдийская надпись плохой сохранности, а на четвертой обнаружена санскритская надпись письмом брахми (пока не прочитана). Изданы только предварительные результаты чтения и интерпретации отрывочного согдийского текста, из которого, кажется, проистекает, что стелу установили тюрки или по приказу тюркского кагана. Издатели полагают, что это произошло в конце VI в.[88]. Однако их мнение еще нуждается в подтверждении.

Полное критическое исследование всего текста надписей (в том числе и еще не прочитанного брахми) и решающее их истолкование еще впереди. С нашей точки зрения, нет оснований так решительно утверждать, как С. Г. Кляшторный, по поводу Бугутского памятника: «Теперь несомненно, что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию...»[89].

Начнем, во-первых, с того, что Бугутский памятник не исследован археологами, и, следовательно, никто не доказал, что это «княжеское погребение», да к тому же — древнетюркское. По нашему мнению, достаточно обоснованному в ряде работ, все древнетюркские «княжеские» или каганские памятники — поминальные. Никто ни в одном из них не нашел никаких следов погребения.

Во-вторых, среди открытых в Монголии поминальных памятников (сходных лишь на первый взгляд) далеко не все сооружены древними тюрками: имеются и древнеуйгурские[90], и какие-то другие. О последних можно определенно сказать, что их оставили не тюрки-тугю, но определить их отношение к какому-то определенному этносу можно только после полных раскопок таких памятников[91].

В-третьих, Бугутский памятник, на котором отсутствует древнетюркская надпись (очевидно, этой письменности в то время еще не было), как раз и доказывает, что у древних тюрок в период Первого тюркского каганата не было обычая устанавливать памятные каменные стелы с эпитафиями. Из обрывков согдийского текста видно, что надпись имела историческое содержание. Ни одно слово не дает права считать этот текст эпитафией. Здесь отчетливо видно привнесение в тюркскую степь заведомо инородной традиции, ибо обычай устанавливать стелы на черепахах был чуждым для древних тюрок VI—VII вв. Использование чужеземного обычая, а также применение для надписи чужого международного языка того времени (согдийского) — все это подтверждает, что Бугутский престижный памятник тюрки ставили не для тюрок. Скорее всего, они исходили из дипломатических соображений и рассчитывали на иностранцев, часто посещавших центральные земли каганата.

В-четвертых, сооруженная тюрками Бугутская стела, для надписей которой избраны письмо брахми и согдийское, позволяет заключить, что в конце VI в. еще не было древнетюркской рунической письменности, которая, следовательно, появилась в VII в., что полностью совпадает с нашими материалами и представлениями[92]. Таким образом, наш вывод, который поставил под сомнение С. Г. Кляшторный, продолжает сохранять свое значение. Бугутский памятник подтвердил и второе заключение той же моей статьи: «Исключительное право установки стел самым прославленным полководцам, среди которых оказался лишь один каган, и отсутствие стел, посвященных памяти множества других каганов и древнетюркской знати (не говоря уже о поминальных оградках рядового населения), — все это свидетельствует о том, что и в период Второго каганата у тюрок-тугю в целом не было обычая ставить стелы с

---

[88] См.: Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута.— «Страны и народы Востока», т. X. М., 1971; Kljaštorny S. G. and Livšic V. A. The sogdian Inscription of Bugut revised.— Acta Orientalia ASH, t. XXVI, 1. Budapest, 1972.

[89] Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии, с. 263.

[90] Aalto P. Materialen zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. — JSFO, v. 60. Helsinki, 1958. p. 77—90 (Шивэт-улан).

[91] Например, памятник из Унгету, описанный Г. И. Боровкой (см.: он же. Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— В кн.: Северная Монголия, т. II, с. 77—78). Раскопки его были продолжены в 1976 и 1978 гг. Н. Сэр-оджабом и В. В. Войтовым.

[92] См.: Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности, с. 118; он же. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.), с. 68—69. Ср. теперь: Лившиц В. А. Происхождение древнетюркской рунической письменности.— В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы сообщений. Алма-Ата, 1976, с. 65.

эпитафиями в честь даже самых знатных людей»[93]. Таким остро-социальным был этот престижный обряд установки стел с надписями в память только наиболее выдающихся военных деятелей. И делалось это в немалой степени из дипломатических государственных соображений.

ГОРОДА И КРЕПОСТИ УЙГУРОВ VIII—IX вв.

В наших обобщающих работах, посвященных памятникам уйгурского периода в истории Тувы, подробно исследованы роль и значение городов, крепостей и замков, построенных уйгурами в VIII—IX вв.[94]. Здесь приведены материалы, полученные в ходе полевых работ на некоторых из этих памятников. Экспедиция Московского университета произвела обследование, топографическое изучение и съемку, а также разведочные раскопки на уйгурских городищах в Улуг-Хемском и Дзун-Хемчикском районах. В 1957 г. в окрестностях Шагонара на Улуг-Хеме обследована группа из 5 городищ. Со всех городищ сняты планы[95].

Самое большое среди этих поселений I Шагонарское городище — 235 (север-юг) × × 232 (запад-восток) м, то есть 5,45 га, расположено на правом берегу Шагонарчика. Оно дало интереснейший подъемный материал, состоящий из обломков сосудов (рис. 97, 98), шлаков и большого количества обломков верхних и нижних плит от 7 зернотерок[96]. Расплывшиеся валы городища шириной в среднем до 15 м, а их высота до 2 м; неглубокие рвы проходят с наружной стороны. Городище имело двое ворот с север-северо-запада и восток-северо-востока, башни по углам и еще по одной башне у ворот. От северо-восточного угла поселения на восток-северо-восток отходит вал (длиной около 2 км), доходящий, как мне удалось выявить в 1947 г., до базарной площади Шагонара, а затем до левого берега Улуг-Хема. С север-северо-западной стороны вала по всей его длине проходит ров. От северо-западного угла вал отходит в противоположную сторону (на запад-юго-запад). Он идет на протяжении 1,3 км и обрывается в Шагонарчик. Таким образом, первоначально I Шагонарское городище было форпостом, преграждавшим путь для едущих от устья Хемчика вверх по левому берегу Улуг-Хема. Его стена пересекала всю долину от Шагонарчика до Улуг-Хема. Дополнительной преградой было V Шагонарское городище на левом берегу Шагонарчика, в 1,5 км выше его устья.

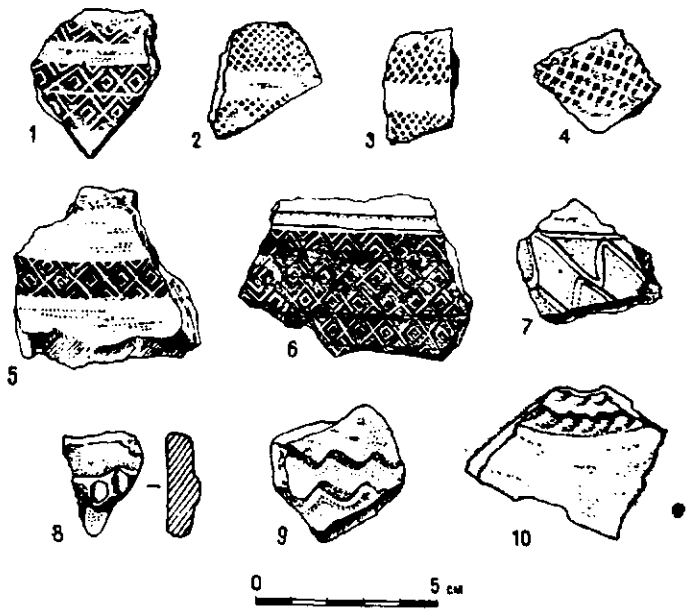

Рис. 97. Обломки сосудов, поднятых на I Шагонарском городище

Внутренняя поверхность I Шагонарского городища ровная. Здесь нами были заложены два шурфа и разрезан вал, оказавшийся глинобитным. Обследование показало, что тонкий культурный слой городища повсюду недавно распахан. Лучше всего он сохранился в его юго-западном углу. Шурф № 1 (2×4 м, до глубины 0,85 м) выявил лишь нетронутый материк. А в шурфе № 2 найдены обломки тех же сосудов, что и на поверхности, и об-

[93] Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности, с. 44.

[94] См.: Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы.— СА, 1959, № 3; он же. Этапы средневековой истории Тувы; он же. История Тувы в средние века, с. 59—63. Следует указать, что в статье С. И. Вайнштейна (Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 7. Кызыл, 1959) датировки, отнесение крепостей и длинных стен к уйгурам и история вопроса взяты из наших докладов и рукописного отчета (см.: Кызласов Л. Р. Отчет о работе Тувинской археологической экспедиции МГУ и ИИМК в 1957 г.— Архив ИА АН СССР, № 1581, с. 48—60), к сожалению, без ссылок. Заимствование доказывается, например, тем, что он использует данные мной названия и нумерацию шагонарских городищ (см.: Вайнштейн С. И. Там же, таблица VII, 2).

[95] См.: Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы, рис. 1—4.

[96] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 13, 2—7.

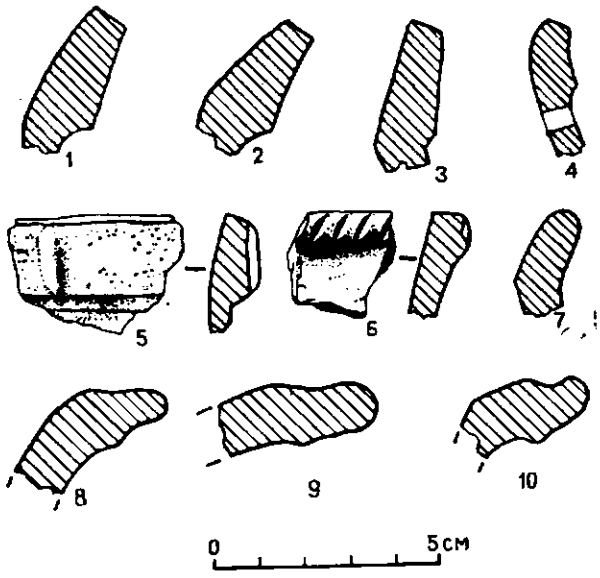

Рис. 98. Венчики сосудов:
1, 2, 4, 6, 7, 9, 10 — с I Шагонарского городища, *3, 5, 8* — из шурфа № 2

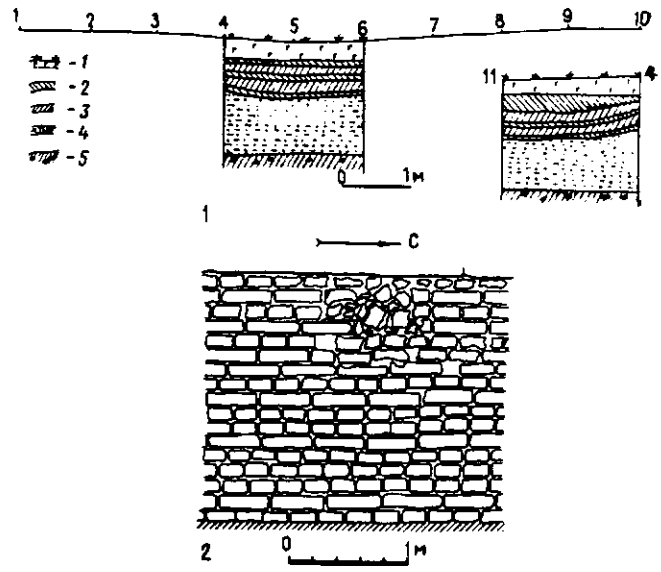

Рис. 99. Раскопки Шагонарских городищ:
1 — профили шурфа № 2 I городища (*1* — дерн, *2* — серый слой, *3* — темный слой, *4* — коричневый суглинок, *5* — материк); *2* — фасад западной стены цитадели III Шагонарского городища в раскопе № 1

ломок зернотерки (рис. 98, *3, 5, 8*)[97]. Шурф № 2 (2×2 м) заложен в небольшом круглом углублении диаметром 8 м и глубиной до 0,2 м. Это углубление на площади городища единственное; очевидно, первоначально оно было ямой или полуземлянкой. Под толстым дерновым слоем, до глубины 0,76—0,84 м, здесь шли перемежающиеся слои серого и бурого цвета, видимо, отложения размывов зимних и летних осадков (рис. 99, *1*). Ниже, до самого материка, шел мощный слой коричневого суглинка, в котором всюду встречались, как, впрочем и в верхних слоях, обломки сосудов и кости домашних животных. Обнаружены кости крупного ($^4/_1$), мелкого рогатого скота ($^2/_1$) и лошади ($^5/_1$). Материк выявился на глубине 1,6 м.

II, III и IV Шагонарские городища расположены в урочище Чер-Бажын, в 6 км к юго-востоку от первого городища, в пойме пересыхающей речки Чааты близ горы Бай-Даг. Эти городища расположены группой с севера на юг в 260 и 500 м друг от друга. Северное II Шагонарское городище (150×150 м) самое большое из трех по площади. Валы его достигают 2,5 м в высоту. Длина стен по верху вала: западная 151,4 м, северная 148 м, восточная 150 и южная 150 м. По углам сохранились остатки башен, а вокруг проходит ров (рис. 100). Ворота находятся в западной стене, и охранялись они еще одной башней. Ширина проема ворот 4 м. На внутренней, густо заросшей осокой, плоской площади (около 2,25 га) нет видимых остатков жилищ. Тщательный осмотр и зачистка старой ямы не дали никакого материала.

В 260 м к юго-востоку от II городища расположено III Шагонарское городище. Оно расположено в 4 км к юго-востоку от г. Шагонара и в 2 км к юго-востоку от пос. Кок-Чираа. Первоначально это был хорошо укрепленный замок (126×119 м) площадью около 1,5 га. Длина стен по верху вала: западная 119,7 м, северная 126 м, восточная 119 м и южная 126,2 м. Проемы северных и восточных ворот 3,5 и 9 м. В отличие от остальных городищ в замке была внутренняя квадратная цитадель (47×45 м, то есть около 0,2 га). Валы цитадели — остатки мощных стен, сложенных, как показала зачистка старой ямы в юго-восточном углу цитадели, из длинномерного сырцового кирпича (42×20×10 или 43×23×10 см); размеры этого кирпича характерны для сырцовых сооружений центральных и восточных районов Средней Азии VII—IX вв. Валы лучше сохранились (заметны остатки 10 башен и ворот со въездами в северной и восточной стенах), чем на других городищах. Высота валов от уровня глубоких рвов снаружи достигает 5,5 м, от уровня плоской внутренней поверхности городища — 2,8 м.

[97] Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, таблица II, *37*. Ср.: он же. Средневековые города Тувы, рис. 1.

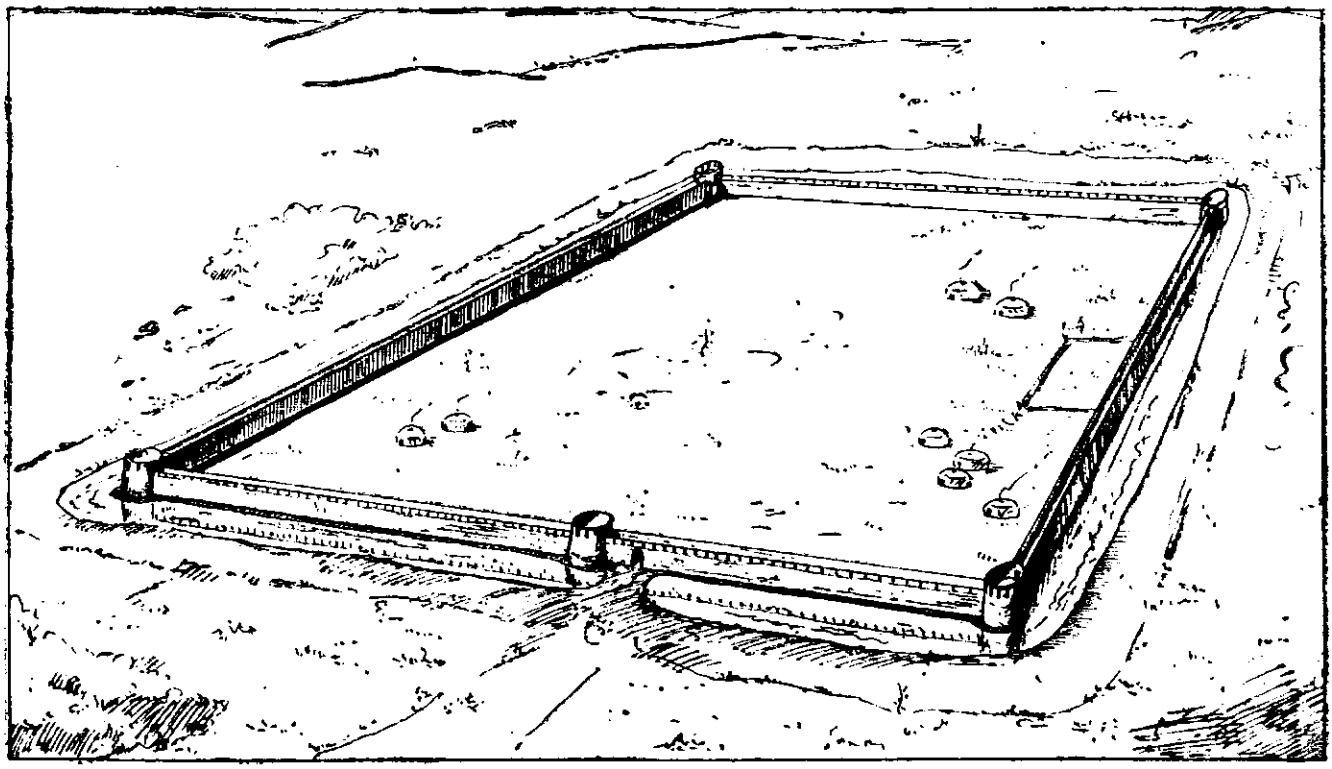

Рис. 100. II Шагонарское городище.
Опыт реконструкции

Угловые башни есть и у внутренней цитадели замка, которая также имеет ворота с северной и восточной сторон. Высота стен цитадели от уровня плоской поверхности городища достигает 2 м. Длина стен по верху вала: западной 44,6 м, северной 46,2 м, восточной 45,2 м и южной 47,2 м. Проем обоих ворот по 6 м.

Хорошая сохранность стен замка, несмотря на их оплывы, позволила создать его реконструкцию (рис. 101). Внутри замка никаких следов остатков каких-либо сырцовых или других жилых сооружений не обнаружено, так же как не найдено и подъемного материала. Исключением была бусина из белого молочного камня, поднятая внутри цитадели (рис. 102, *2*).

IV Шагонарское городище расположено в 500 м к юг-юго-западу от III городища, вверх по руслу Чааты; оно подквадратно в плане (в среднем 80×80 м, то есть около 0,64 га). Высота валов от плоской внутренней поверхности (без бугров и впадин) достигает 2 м. Это городище самое малое из всей шагонарской группы. Оно отличается от остальных отсутствием башен, но у него, как у I и III городищ, есть ворота в северной и восточной стенках[98]. Длина стен по верху вала: западная 80 м, северная 79,5 м, восточная 83,5 м и южная 76 м. Проемы северных и восточных ворот — 5 и 9 м. Подъемного материала не обнаружено.

Наибольшая площадь (538×375 м, то есть около 18,2 га) у городища Бажын-Алак, расположенного в Дзун-Хемчикском районе в пойме Чадаана, правого притока Хемчика. У этого городища мощные сырцовые стены без башен высотой до 2,5 м, широкие рвы и двое ворот в противоположных северо-западной и юго-восточной стенах. Юго-западная стена сильно размыта и прорезана старицей реки, основное русло которой теперь проходит к северо-востоку от городища. Длина стен по верху вала: северо-западная 378,7 м, северо-восточная 538 м, юго-восточная 372 м и юго-западная 531 м. Проемы северо-западных и юго-восточных ворот — 12 и около 27 м. В некоторых местах по северо-восточной стене выступают остатки сырцовой кладки. В 1957 г. северо-западная и часть северо-восточной стены были изрыты ямками, сделанными при выборке глины для кирпичного завода пос. Ба-

[98] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 10.

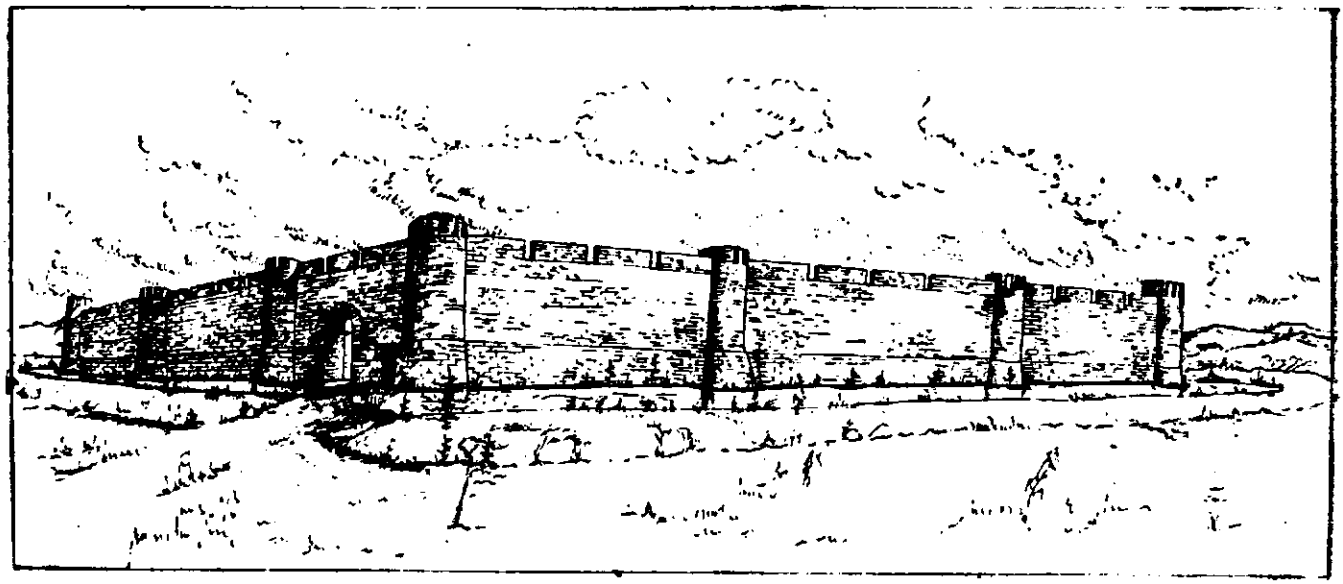

Рис. 101. III Шагонарское городище.
Опыт реконструкции замка

жын-Алак. В срезах ям всюду, на всю высоту стен, четко видна сырцовая кладка.

Бажын-Алакское городище — единственное из всех нам известных (если не считать III Шагонарское) городищ, где сохранились видимые остатки ряда строений. В северо-западной его части расположены 6 пар длинных земляных валов, объединенных в 3 параллельные группы, с продольными углублениями посредине каждого вала[99]. Пробные траншеи (№ 3 и 4), прорезавшие один из валов, выявили остатки каких-то длинных строений, разделенных частоколами из деревянных столбов на отсеки (рис. 103). Возможно, в них размещался некогда гарнизон крепости. Кроме косточек животных и каменного грузила из гальки (рис. 102, *4*), ничего не найдено.

В центре городища, между растущими здесь лиственницами и кустами караганы, расположена группа небольших холмов и впадин. Раскоп № 1 выявил остатки дома на фундаменте из плитняка, с очагом на глинобитном полу и фрагменты стенок серого сосуда, сделанного на кругу (рис. 104). Здесь найдены кости мелкого рогатого скота ($^{46}/_{2}$) и марала ($^{1}/_{1}$). Кроме того, на городище подняты: обломок куранта зернотерки, кусок оселка и игральный астрагал барана со стертой поверхностью (рис. 102, *1, 3*).

Вся остальная площадь городища, подвергавшаяся в недавнее время распашке с проведением оросительных канав, плоская, без видимых следов культурного слоя. В овальной яме, к востоку от раскопа № 1, был заложен раскоп № 2 (10×2 м), чтобы выявить характер этой ямы и наличие культурных наслоений. Раскоп доведен до глубины 1,5 м, но никаких следов культурных остатков не оказалось. Яма имеет естественное происхождение. К юго-востоку от раскопа № 2 на четырехугольном бугре был заложен контрольный шурф № 5 (2×2 м). Шурф показал, что и этот холм естественного происхождения. На глубине 0,5 м выявился материковый слой гальки.

▼

Все обследованные городища одновременны, так как и в подъемном материале, и при раскопках найдено одно и то же: обломки зернотерок и одинаковая керамика. Для определения времени и этнической принадлежности городищ наиболее важны обломки посуды, в основном типов: 1) уйгурских ваз, сделанных на кругу, и 2) баночных лепных сосудов, по преимуществу с накладным венчиком и прилепными выступами на нем, иногда украшенных налепными рассеченными валиками (рис. 97, 98).

[99] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 12.

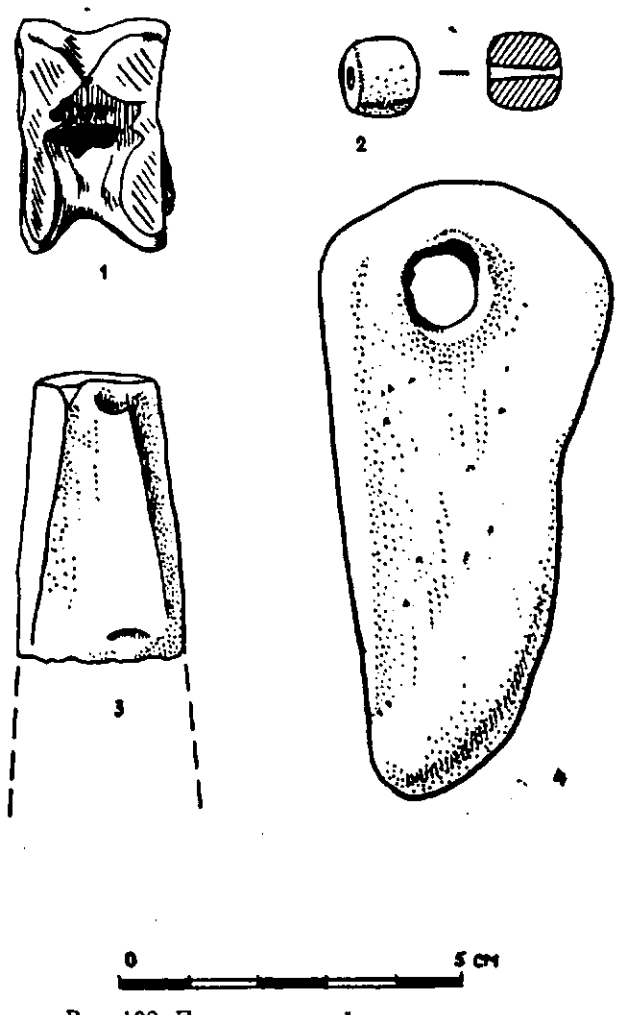

Рис. 102. Предметы из уйгурских городищ:
1, 3, 4 — из Бажын-Алакского городища (*1, 3* — сборы, *4* — из раскопа № 3); *2* — поднято в III Шагонарском городище (*1* — кость, *2—4* — камень)

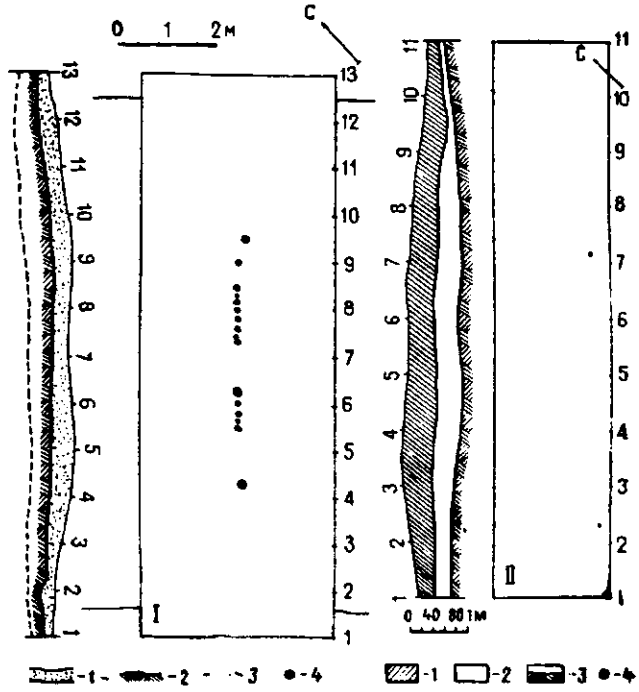

Рис. 103. Планы и профили траншей, проложенных поперек длинных строений Бажын-Алакского городища.
I — раскоп № 3
(*1* — лёсс, *2* — материк, *3* — граница низа раскопа, *4* — деревянные столбы);
II — раскоп № 4
(*1* — серый лёсс, *2* — глина, *3* — материк, *4* — деревянные столбики)

Оба типа сосудов характерны для четко обособленной группы погребений Тувы, относящейся к уйгурскому периоду ее истории (VIII—IX вв.). Такие сосуды найдены в погребениях двух уйгурских могильников на Чааты у г. Бай-Даг, то есть в непосредственной близости с группой четырех Шагонарских городищ. Эти могильники некогда были кладбищами населения, жившего в шагонарских крепостях и замках. Таким образом, мы имеем для уйгурского периода целый комплекс и городищ и могильников.

Однако не менее важно, что аналогичные сосуды найдены в уйгурских (как теперь можно утверждать) курганах и поселениях на территории древней родины уйгуров в Забайкалье по рекам Селенге [100], Саве, Чикою и вплоть до Онона (в 8 пунктах, по неопубликованным данным Г. П. Сосновского) [101].

В последние годы на территории от Байкала до верховий Амура раскопан ряд могильников VII—X вв., оставленных древними тюркоязычными племенами, и в том числе уйгурами. Об этом свидетельствуют как погребальный обряд, так и все особенности материальной культуры [102]. Археологи Забайкалья ошибаются, называя эти могильники монгольскими или искусственно воссоединяя их с памятниками более ранней бурхотуйской культуры. Распространение памятников древнетюркских племен до р. Шилки на восток также подтверждает мнение о том, что в Забай-

[100] Уйгурские древности в Забайкалье до сих пор не выделены (см.: Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, IV.—ТТКОПОРГО, т. III, вып. I. Иркутск, 1902, с. 53 и таблица XI).

[101] Архив ЛОИИМК, ф. 42, д. 235.

[102] См.: Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970; Орлов Ю. С. Поздние кочевники Верхнего Амура.— В кн.: Вопросы краеведения Забайкалья, вып. I. Чита, 1973; Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Новый могильник бурхотуйской культуры у с. Ононск.— ИСО АН СССР, сон, № 1, вып. 1, 1975; Ивашина Л. Г. Археологические раскопки Бурятского республиканского краеведческого музея в Еравне. — В кн.: Вопросы краеведения Бурятии, вып. 8. Улан-Удэ, 1975.

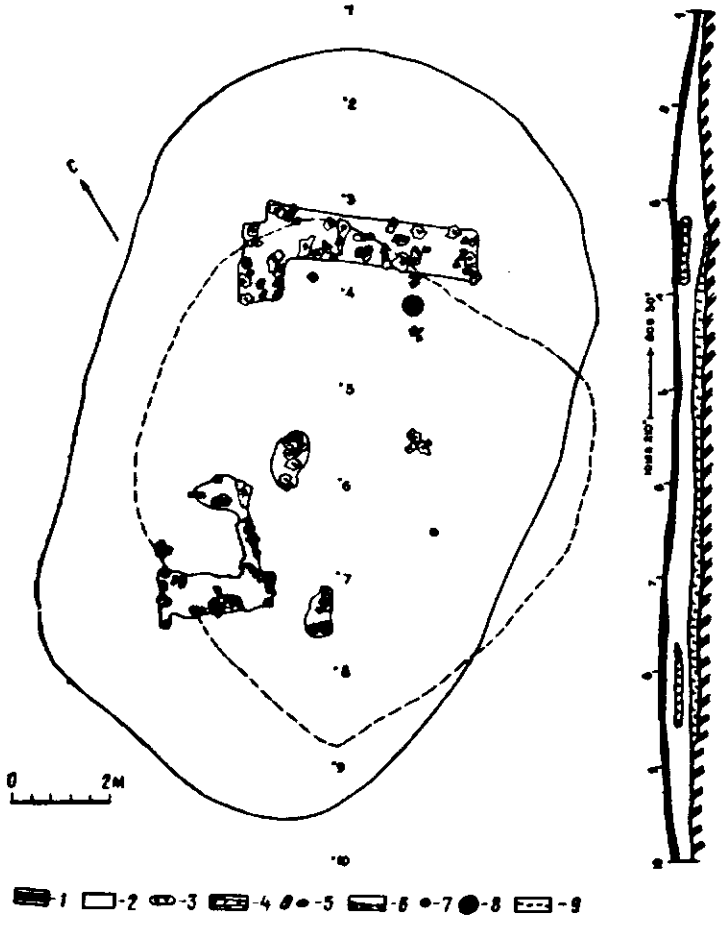

Рис. 104. План и профиль остатков здания № 1 на Бажын-Алакском городище
(*1* — дерн, *2* — темная земля, *3* — желтая глина, *4* — светлая глина, *5* — каменные плиты, *6* — материк, *7* — деревянные столбы, *8* — угольно-зольное пятно, *9* — граница распространения слоя светлой глины)

калье монголоязычные племена стали расселяться только после X в. [103].

О том же свидетельствует распространение аналогичных городищ-крепостей. Подобные городища обнаружены Д. А. Клеменцом в 1891 г. близ Хара-Балгаса — развалин бывшей уйгурской столицы Орду-Балык на Орхоне, а в 1894 г. подобные по плану и расположению городища открыты им на р. Хойту-Тамир. Группу из 4 городищ на Хойту-Тамире Д. А. Клеменц кратко описал как «громадные квадратные валы с плоской насыпью в середине замкнутого пространства; следов кирпичной кладки, черепицы, обожженной глины не видно нигде» [104]. 4 аналогичных четырехугольных городища (в середине одного из них также находилась прямоугольная цитадель) открыл на Аргуни еще в 1735 г. Г. Ф. Миллер [105].

▼

В 1959 г. нами были произведены первые разведочные раскопки на III Шагонарском городище.

Раскоп № 1 (6×2 м) и *прирезка* (2×2 м к северу) (рис. 105) заложены на ровном месте в цитадели, в 8,5 м от подножия южной и в 15 м от западной стены. Под толстым дерновым слоем залегал серо-желтый культурный слой толщиной 0,28—0,36 м. В нем в изобилии встречались кости овец, изредка лошадей и коровы, угольки и кости птиц. В разных местах обнаружены обломки серых желобчатых черепиц танского типа, без текстильных оттисков (рис. 106, *1*), и обломки двух глиняных чашек, типа широкодонных пиал (рис. 107, *1*), сделанных на гончарном кругу (с отпечатком шипа гончарного круга), с хорошо залощенной внутренней поверхностью (№ 7 и 8). Кроме того, встречались обломки, белых в изломе, терракотовых плиток, типа обмазки (не реагирующей на кислоту), а также много гнилушек. У южной стенки раскопа основания трех деревянных столбов (диаметр 18—19 см) врыты в ямки глубиной до 1 м; столбы сохранились на 75—90 см (рис. 105).

Судя по ровному рельефу поверхности, находкам черепицы и находкам опорных столбов, здесь стояло здание с черепичной крышей и каркасно-столбовой конструкцией.

Раскоп № 2 (2×2 м) заложен внутри городища за пределами цитадели, между юго-восточным углом цитадели и восточной основной стеной городища (в 18,5 м от южной и в 23 м от восточной стен городища). Копали его на глубину 0,7 м до материка, но культурного слоя не обнаружили. За исключением кости овцы (на глубине 0,4 м), ничего не найдено. Видимо, здесь не было жилых сооружений. Кроме того, у северного вала цитадели поднят

[103] См.: Кызласов Л. Р. Ранние монголы.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. Тюркоязычными земледельцами справедливо считал домонгольское население Читинской области еще А. И. Махалов (Древнее погребение из долины реки Читы.— В кн.: Материалы Забайкальского отдела Дальне-Восточного общества краеведения и Читинского краевого музея, вып. 2, археология. Чита, 1930).

[104] Клеменц Д. А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году.— СТОЭ, т. II. СПб., 1895, с. 58; Краткий отчет о путешествии Д. Клеменца по Монголии за 1894 год.— ИАН, 1895, т. III, № 3, с. 263.

[105] См.: Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 3.— МАР, № 15. СПб., 1894, приложение, с. 81—83.

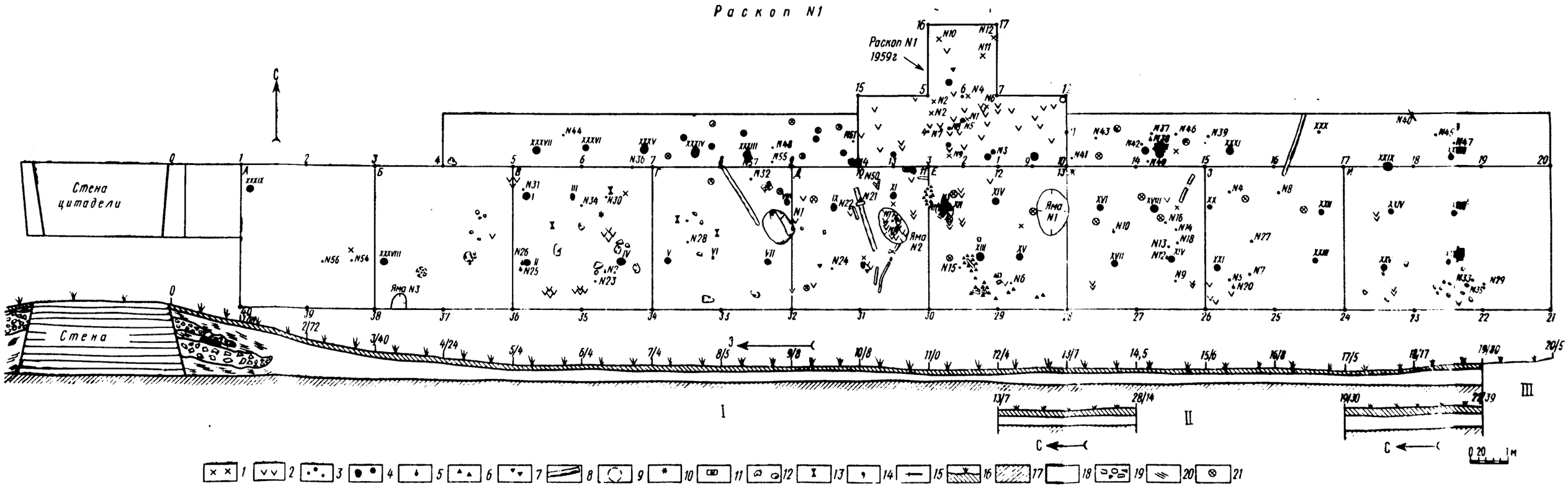

Рис. 105. План и разрезы раскопа № 1 в цитадели III Шаганарского городища: I — профиль раскопа № 1 (северная стенка), II — профиль центральной бровки, III — профиль западной стены.
1 — черепица, 2 — кости, 3 — керамика, 4 — деревянные столбы с номером, 5 — находки предметов, 6 — уголь, 7 — шлак, 8 — горизонтально лежащие куски дерева, 9 — пятно с углями и золой, 10 — кости рыбы, 11 — сырцовый кирпич, 12 — камни, 13 — руда, 14 — береста, 15 — валаш, 16 — дерн, 17 — материк, 18 — культурный слой, 19 — завал сырца, 20 — сырцовая крошка с заплывом, 21 — глинящая обмазка

Вклейка зак. 70 между стр. 150—151

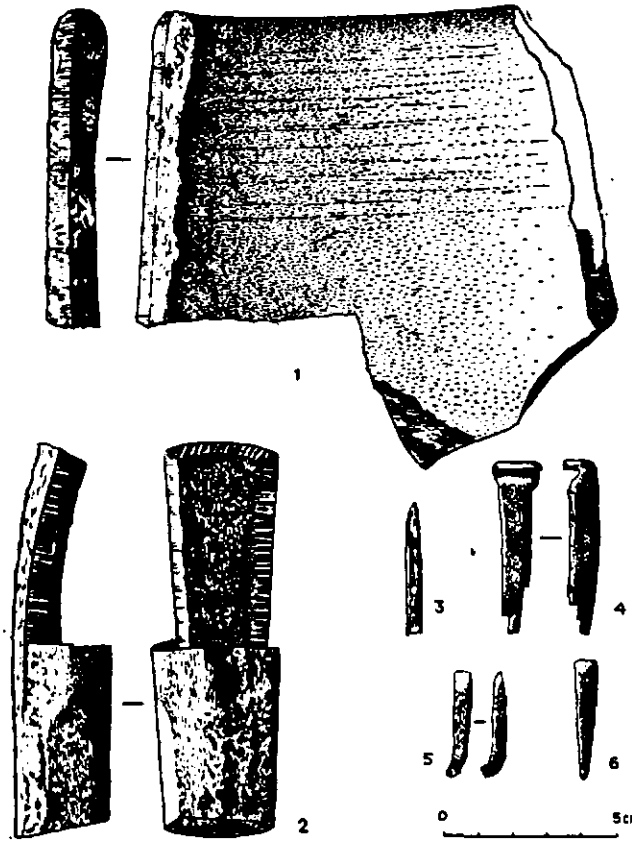

Рис. 106. Предметы из III Шагонарского городища (*1, 3—6* — из раскопа № 1, *2* — сборы): *1* — кусок черепичного желоба, *2* — рог марала со следами распилов, *3* — бронзовый стержень, *4—6* — железные гвозди

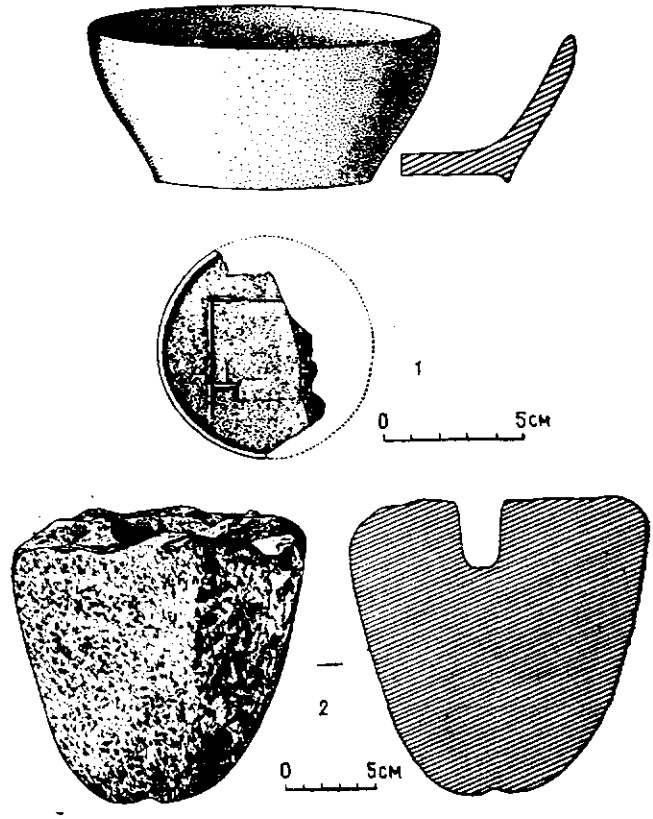

Рис. 107. Предметы из III Шагонарского городища: *1* — чаша, на дне которой сохранился отпечаток шипа гончарного круга (из раскола № 1), *2* — каменный подпятник от ворот замка (раскоп № 3)

на поверхности кусок рога марала со следами распилов мелкой пилкой толщиной до 2 мм вдоль и поперек (рис. 106, *2*).

В 1960 г. экспедиция продолжала раскопки на городище. Большой раскоп внутри цитадели (раскоп № 1) расширил раскоп № 1 1959 г. Затем была раскопана башня, находящаяся к востоку от северных ворот замка (раскоп № 2), и целиком исследованы восточные ворота замка (раскоп № 3).

Раскоп № 1 расположен в южной части цитадели, вытянут с востока на запад так, что им вскрыта западная стена цитадели. Первоначально были разбиты 8 квадратов 4×4 м (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З) и прямоугольник И (4×6 м) (рис. 105). Квадраты Д и Е примкнули к раскопу 1959 г. Затем к квадрату А примкнула двухметровая по ширине траншея, очистившая западную стену цитадели. Наконец, вдоль северной стенки раскопа были проведены 2 траншеи шириной 1,5 м, слившиеся с раскопом 1959 г., то есть продолжившие его на запад и восток. Продольный профиль запад — восток снимался по реперам 0—1... 20; кроме того, сняты поперечные профили по реперам 13—28 (в продолжение профиля 1959 г.) и 19—22 (рис. 105). При нивелировке за 0 принят 11-й репер.

Всюду на раскопанном пространстве под дерновым слоем лежал культурный слой серо-желтого цвета (суглинок), насыщенный костями животных, птиц и, реже, рыбьей чешуей, разнообразными обломками посуды, черепицы, остатками деревянных конструкций, шлаков, угля и золы; редко встречались кости (позвонки) крупного тайменя (длиной около 1,1 м, 13 лет, — определение Е. А. Цепкина), сырцовые кирпичи, руда, береста, камни, глиняная обмазка и т. п. (рис. 105). Из костей животных обнаружены кости крупного ($^{47}/_{2}$) и мелкого ($^{482}/_{15}$) рогатого скота, лошади ($^{43}/_{2}$) и дикого барана ($^{2}/_{1}$). Толщина культурного слоя нарастает к стенкам цитадели за счет разрушения верха сырцовых стен в виде завалов сырца и заплывов (рис. 105).

В квадратах Г, Д, Е, Ж, З были разбросаны жерди (толщина 10—12 см), куски бревен (диаметр до 20 см), обломки досок, частично обугленных, обмазка глиняная, много-

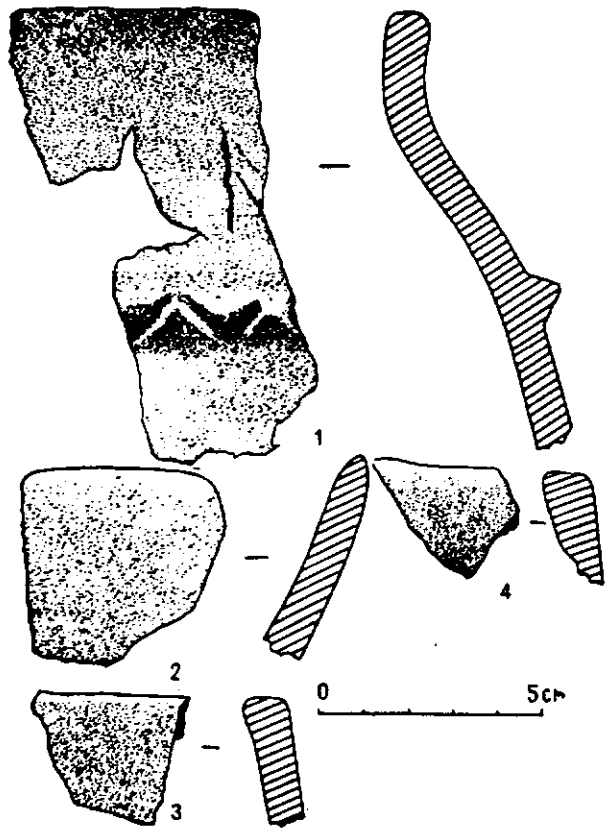

Рис. 108. Обломки сосудов из раскопа № 1 III Шагонарского городища

численные железные гвозди, зола и угли, — все это следы стоящего здесь деревянного каркасного здания, обмазанного глиной и покрытого крышей из желобчатой черепицы без текстильных оттисков. К этому сооружению относятся и 4 сырцовых кирпича у стенок квадратов Г и Д, а также плита желтого песчаника (1,01×0,78×0,12 м), уложенная (квадрат Г) как опорная база столба (рис. 105).

Цельного плана здания, очевидно, сгоревшего, получить на основании столь немногочисленных остатков не удалось. Это еще и потому, что все сооружения внутри цитадели стояли не на материке, а на своеобразных столбах-сваях. Такие сваи были тем более необходимы, что этот замок сооружен в целях обороны в низкой пойме Чааты, где очень близки грунтовые воды, особенно просачивающиеся в период весенне-летних разливов Торгалыка, Шагонарчика и Чааты и изредка в период сильного таяния снегов на хребте Тану-Ола, сплошь затопляющих низину между горами Бай-Даг и Аргалыгтыг-Даг (на левом берегу Шагонарчика). Так случилось, например, в наводнение 1959 г. Во рвах вокруг замка всегда стояла вода.

С запада на восток через всю цитадель можно проследить 3 ряда столбов (рис. 105). Всего выявлено 43 столба диаметром от 12 до 30 см. Каждый столб опущен в ямку глубиной от 0,7 до 1 м; нижние части столбов плоско спилены, и на них иногда сохранились обрывки бересты, которой их обернули для предохранения от загнивания. Верхушки некоторых столбов обгорели от пожара, а другие сгнили. Эти столбы, очевидно, не всюду сохранились; позднее их, видимо, выдернули, на что указывают разрывы в их рядах в квадратах А и Б.

В раскопе обнаружены ямы (№ 1—3). Яма № 1 (1,3×1 м) в квадрате Е запущена с поверхности современного дерна на глубину 25 см; она была заполнена красной глиной. Яма № 2 (1,08×0,7 м, глубина 0,4 м) вытянута с северо-запада на юго-восток; она находилась в самом культурном слое; это кострище — очаг с углями, золой, костями животных. В нее сверху попали: мелкий обломок черепицы и 2 гвоздя (квадрат Д). Очевидно, это — очаг, предшествующий строительству здания. Яма № 3 (квадрат Б) с зольным заполнением толщиной 6 см попала в раскоп лишь частично.

Всего в раскопе зафиксировано 60 находок: из них 40 — мелкие обломки посуды, сделанной на кругу, с серой, коричневой и черной поверхностью, обычно без орнамента (в одном случае — налепной рассеченный валик; рис. 108, *1*). Сосуды по форме баночные или бочковидные плоскодонные, а также чашевидные краснолощеные (рис. 108, *2—4*). Среди них выделяется обломок танского фарфора (двусторонняя желто-зеленая глазурь и серое высококачественное тесто). Остальные находки: черепица (также сильно раздробленная), гвозди с раскованным плоским верхом, бронзовый стержень (рис. 106, *3—6*), куски железа, руды и шлака. Найдены 3 трубчатые кости овцы со сверлинами неизвестного назначения (рис. 109). Особо отметим расчищенный в верху слоя в северо-восточной траншее обломок сильно окислившегося меча (рис. 109, *4*). Меч двухлезвийный, черешковый, старый, так как одно из лезвий уже сильно сточено. Вероятно, он был сломан и брошен в битве при взятии замка неприятелем, возможно, во время хакасского вторжения в 840 г. Очевидно, меч принадлежал уйгурам, так как подобные мечи у хакасов не известны. Кроме того, вряд ли хакасские воины уходили на войну со столь старыми мечами.

При расчистке фасада стены внутри цита-

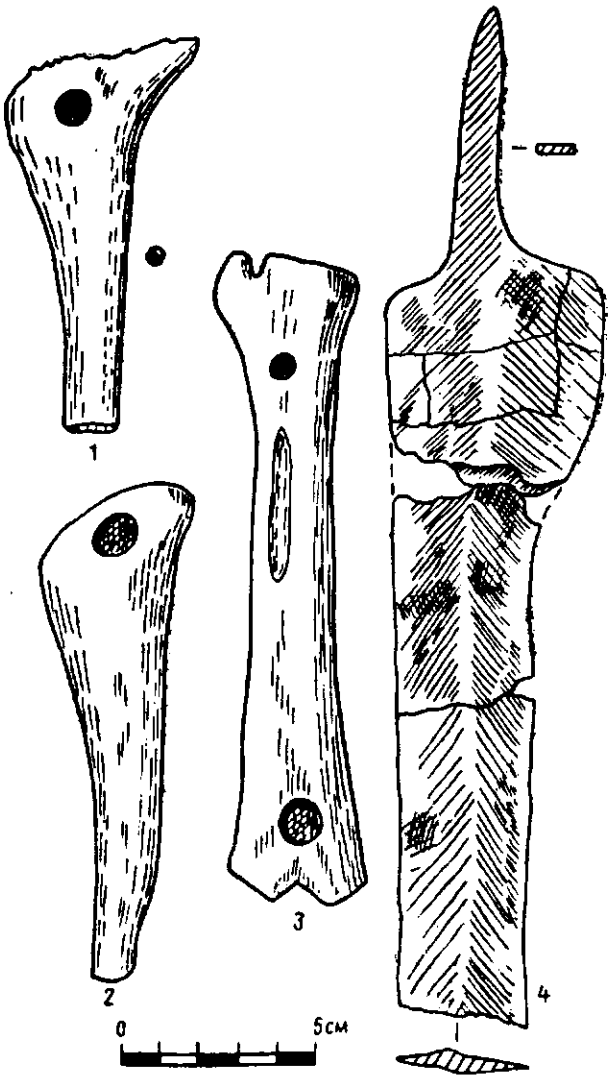

Рис. 109. Предметы из раскопа № 1 III Шагонарского городища:
1—3 — просверленные кости овцы, *4* — обломок старого железного меча

дели выяснилось, что она сложена из сырцового кирпича: 42×21×10 см; 42×22×10 см; 43×23×10 см; 44×23(22)×10(11) см (рис. 99, *2*), причем преобладали 2 последних формата. Шурф с наружной стороны цитадели (в нем найдены: угли, зола, обломки посуды, обмазка и кости животных) выявил несколько наклонные плоскости стены и равномерное сужение ее вверх (рис. 105). Стена сохранилась на высоту 2,12 м от уровня древнего горизонта, и ее ширина неравномерна в плане. В нашей 2-метровой по ширине траншее (рис. 105) южный обрез стены по верху достигал 3,48 м, а по низу — 4,61 м; северный обрез по верху — 3,94 м и по низу — 4,85 м. Судя по

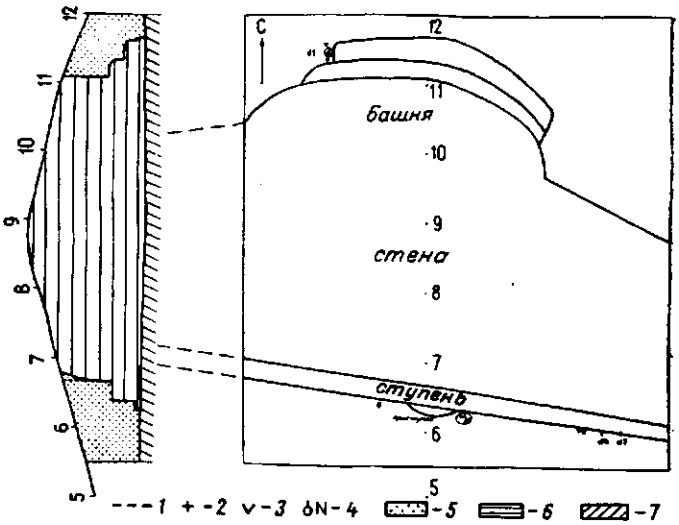

Рис. 110. План и профиль раскопа № 2 — башня северных ворот замка:
1 — граница зольного слоя, *2* — угольки, *3* — кости животных, *4* — находки, *5* — лёсс, *6* — глинобитная стена, *7* — материк

массе завала и расплыва сырца, стена первоначально была вдвое выше, около 4,5 м. На стене сохранилось 17 рядов кирпичей, положенных в перевязку, по особой системе. Кладка, считая снизу: тычок, ложок, три тычка, ложок, два тычка, ложок, тычок, два ложка, тычок, ложок, тычок, ложок, тычок (рис. 99, *2*). Верх стены в одном месте нарушен ямой.

Раскоп № 2 — башня (рис. 110) северных ворот. Раскоп (13×12,3 м) захватил всю башню и часть стены. Профиль снимали через середину башни по оси север—юг с реперными отметками через 2 м (рис. 110).

Южная сторона башни очень облезла, вал здесь пологий. Северная сторона — крутая, она переходит в сильно заплывший ров. Нивелировка показала, что верхушка башни возвышается на 3,14 м над уровнем внутренней поверхности замка и на 4,5 м над уровнем внешнего рва. Наивысшая точка башни (репер 9; рис. 110) поднята над уровнем древнего горизонта, где некогда сооружено основание башни, на 3,5 м. Таким образом, у репера 1 на современной плоской внутренней поверхности замка толща культурного слоя достигала 36 см от древнего горизонта. А современная поверхность заплывшего рва снаружи башни находится на 1 м ниже уровня материка, на котором поставлена башня. К сожалению, разрез всего рва нам произвести не удалось из-за отсутствия средств, но, судя по всему, он достигал глубины около 3 м.

Сама башня и внешние мощные стены III Шагонарского городища, как оказалось, были

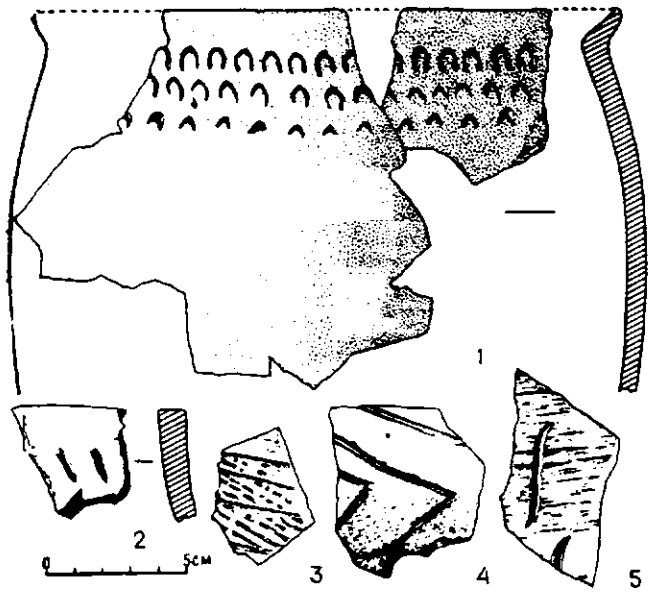

Рис. 111. Обломки сосудов из III Шагонарского городища:
1, 3, 5 — из раскопа № 2, *2, 4* — из раскопа № 3

глинобитными. Всюду на зачищенных фасадных плоскостях видны четкие горизонтальные слои высохшей отмученной глины, некогда залитой слой за слоем. Поверхность стены и башни пестрая желто-черно-коричневая, так как слои заливки содержали разную консистенцию глины, лёсса, часто с большим прибавлением крошки дробленых сырцовых кирпичей. Очевидно, заливку глиняных слоев строители замка совершали в деревянной опалубке. Крепость и монолитность всего сооружения исключительны — даже теперь кайлой можно было с трудом отбивать лишь небольшие куски.

Измерение толщины глиняных прослоек с южной стороны стены показало (сверху вниз): размытый лёсс (20 см), глина (7 см), лёсс (6 см), глина (5 см), лёсс (14 см), глина (6 см), лёсс (18 см), глина (11 см), лёсс (19 см), глина (10 см), лёсс (8 см). С северной стороны на башне видны следующие по толщине прослойки (сверху вниз): 8, 7, 8, 6, 7, 8, 6, 7, 3, 7, 3, 2, 4, 12, 10, 6 см.

Раскопки выявили, что стены крепости, подходя к башне, очень сильно снаружи расширялись, укрепляя башню (рис. 110). Сама башня или, точнее, ее основание была полукруглой, сравнительно немного (около 2,2 м) выступавшей перед расширением стен. Башня и стены имели отвесные фасадные плоскости. Южная плоскость стены совершенно ровная и изнутри крепости башня не выделялась. С южной стороны проходила во всю длину ступень шириной 60 см и высотой 80 см. Эта ступень создана при заливке монолитно с башней. Сохранившийся верх стены возвышается над ступенью еще на 1,5 м (2,3 м над уровнем древнего горизонта двора крепости). Никакого подъема наверх стены и на башне здесь не было. Небольшая глинобитная приступка (высотой 16 см), вероятно, помогала подниматься на ступень стены (рис. 110).

С южной стороны стены культурный слой двора крепости достигал 40 см толщины над древним горизонтом, и хотя он не выделялся четко среди продуктов разрушения верха стены, но в нем не было крупных кусков глины, обнаружены кости животных, небольшой костер (зола и угли) возле приступки и обломки сосудов в трех местах (№ 2—4) (рис. 110). Это — обломки лепных баночных уйгурских сосудов со скобчатым штампованным орнаментом[106] или S-образными вдавлениями (рис. 111, *1, 3, 5*). Кости животных найдены и на ступени стены. В раскопе обнаружены кости крупного (1/1) и мелкого рогатого скота (57/3), а также лошади (5/1). С наружной северной стороны башни выявлены 2 глинобитные ступени, созданные при заливке, монолитно с башней (рис. 110). Эти выступающие ступени, вероятно, усиливали основание башни против подкопов и размывания водой, заполнявшей ров. Ширина ступеней до 70 и 50 см, считая снаружи. Наружная ступень возвышалась на 60 см над материком, вторая ступень выше первой на 40 см. В углу, образованном северо-западным окончанием ступеней, на материке (глубина 1,62 м от репера 12) обнаружено несколько костей животных и верхний жернов (диаметр 25 см, толщина 6,7 см) ручной мельницы из серого плотного песчаника с тремя углублениями для деревянной ручки. Диаметр и глубина углублений для ручки соответственно: 1) 1,4 и 1,4 см, 2) 1,6 и 1 см, 3) 1,8 и 1,1 см. Центральное отверстие жернова сверху имеет диаметр 7 см и книзу сужается до 3,8 см (рис. 112). Так как жернов, лежавший на материке, перекрывала глинобитная масса разрушения верха башни, его, без сомнения, надо отнести ко времени существования крепости[107]. В этой же половине раскопа, в северо-восточном углу, на ма-

[106] Подобные орнаменты на курыканской посуде (озеро Байкал) и уйгурской (р. Онон) см.: Свинин В. В. К итогам археологических исследований на Байкале.— В кн.: Вопросы истории Сибири. Иркутск, 1971, рис. 6; Гришин Ю. С. Древние памятники среднего течения р. Онона.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, рис. 38, *8*.

[107] Аналогичные жернова VIII—IX вв. известны в Семиречье (см.: Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, таблица 9).

терике, лежали отдельные кости домашних животных (рис. 110).

Раскопки башни выявили технику сооружения наружных оборонительных стен, подтвердили наличие округлых выступающих башен и правильность предложенной нами реконструкции этого замка [108].

Сохранившаяся на высоту 3,5 м от древнего материка, раскопанная нами, часть башни, судя по общему уровню с верхом стены, возможно, была своеобразным стилобатом, на котором стояло круглое завершение башни. Значительное количество оплывов современного вала указывает на то, что башня, вероятно, достигала 7 м высоты при 6-метровых по высоте стенах. Таким образом, замок был очень величественным сооружением, и если учитывать еще и глубину рва (около 3 м), его, безусловно, можно считать почти неприступным для осаждающих. Мы решили также полностью раскопать восточные ворота крепости.

Раскоп № 3 (12×22 м) вытянут с севера на юг; он захватывал не только ворота, но и подходившие к ним концы восточной глинобитной стены (рис. 113). Техника сооружения та же, что и у башни в раскопе № 2. Разрезы вычерчивали по северному борту раскопа и бровке с осью запад — восток, проходящей поперек ворот (реперы 13—19, проставленные через 2 м; рис. 114).

В разных местах в раскопе найдено 77 костей животных, 5 мелких обломков сосудов (№ 2, 5, 6, 10, 12), обломок бронзовой чашечки (№ 4), остатки железных предметов (№ 9 и 16), куски шлака (№ 7, 8, 14) и руды, а также каменный подпятник ворот с углублением (№ 3; рис. 107, *2*) и чечевицеобразный железный отвал плуга (27,5×23,5 см) танского типа (№ 1; рис. 115). Такой плужный отвал впервые найден при археологических раскопках в Южной Сибири. Все известные до сих пор находки отвалов V—X вв. в Хакасско-Минусинской котловине относятся к разряду случайных. Особенно важно, что это отвал местного производства, ибо он выкован из железных пластин, в то время как китайские отвалы танской эпохи отливали из чугуна.

Определимые черепки происходят от баночных сосудов с насечками и елочным орнаментом (рис. 111, *2, 4*). Среди костей животных выделены кости крупного (6/1) и мелкого (25/2) рогатого скота, а также лошади (21/2). Еще найден клык дикого животного.

Раскопки выявили, как происходило сооружение ворот. Первоначально между глинобитными стенами крепости оставался проезд шириной 6,48 (внутренняя часть) и 6,72 (наружная) м. Но так как стены здесь ориентированы не строго с севера на юг, а с север-северо-востока на юг-юго-запад, то и проход оказался ориентированным с восток-юго-востока на запад-северо-запад. По каким-то причинам уйгурам было необходимо, чтобы ворота выходили строго на восток, и они этого добились, выравняв стенки за счет пристроек к стенам деревянных конструкций и дополнительной опалубки из сырцового кирпича (рис. 113). Таким образом, ширина ворот была сужена до 5 м. В толщи сырцовых пристенков были погребены толстые бревна лиственницы (диаметр 20—35 см), горизонтально лежащие в обрамлении стенок старых ворот и упиравшиеся с запада в вертикально забитые столбы (рис. 113; их диаметр 16—17 см), а с востока, снаружи, в толстые чурбаки (диаметр 24—28 см), заклиненные в стены. У одного из таких погребенных столбов и забит в качестве контрфорса (для его поддержки) старый ненужный отвал плуга. Затем его заложили вместе с этой конструкцией кладкой сырцовых кирпичей (рис. 113, № 1 и рис. 115).

После этого «новые» ворота были оформлены по низу опалубкой из горизонтально лежавших друг на друге трех бревен (по каждой стене), прибитых к вкопанным в ямки столбам (их диаметр 12—16 см), часть которых обрамляла внутренние углы ворот (рис. 113). Чрезвычайно интересным оказался «пол»; он (на глубине 80 см от репера 18 и 56 см от ре-

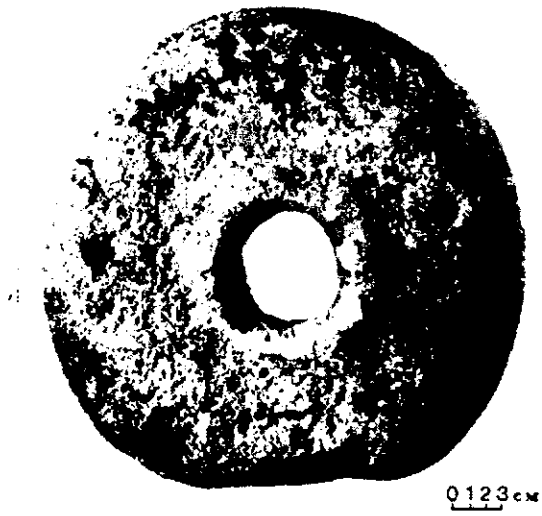

Рис. 112. Верхний песчаниковый жернов ручной мельницы из раскопа № 2

[108] См.: Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы, рис. 3; он же. История Тувы в средние века, рис. 11.

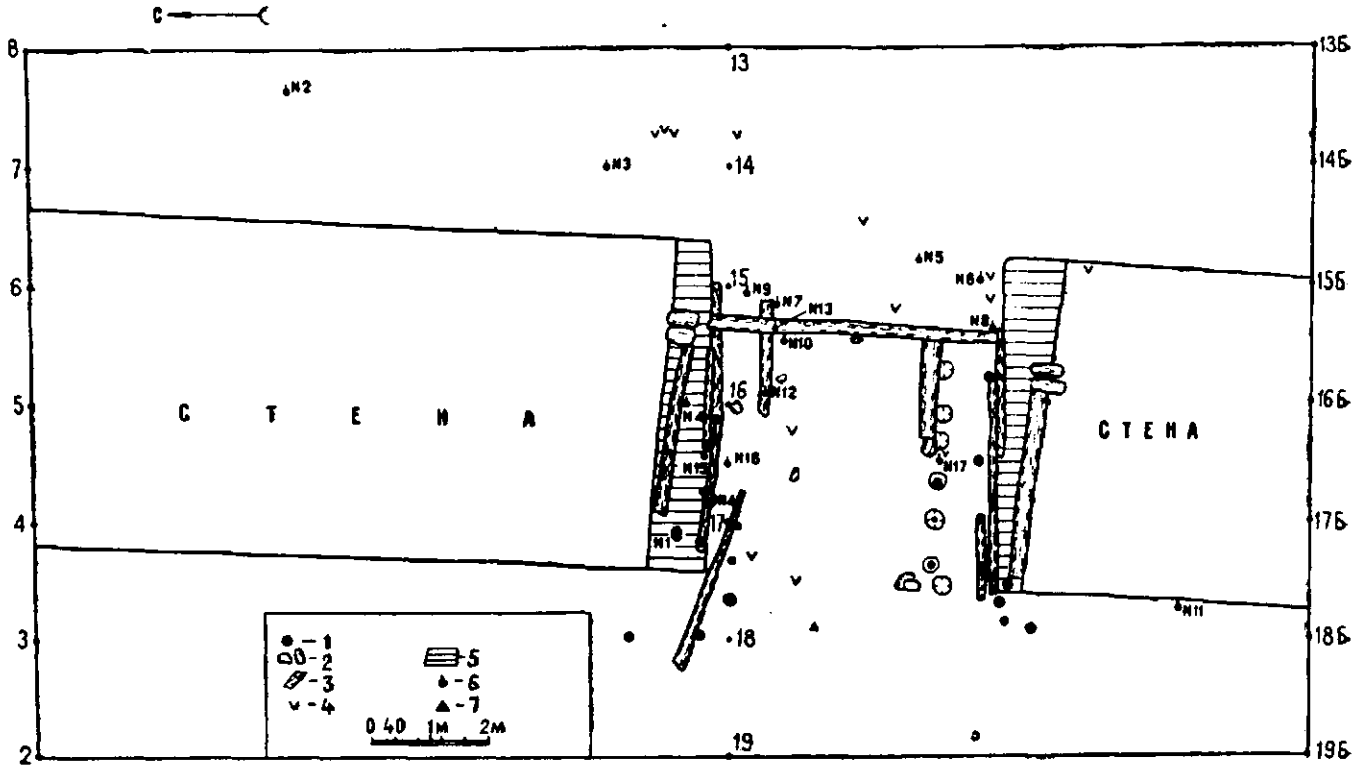

Рис. 113. План раскопа № 3 — восточные ворота замка: *1* — столбы, *2* — камень, *3* — дерево, *4* — кость животного, *5* — кирпичная кладка, *6* — находка, *7* — уголь

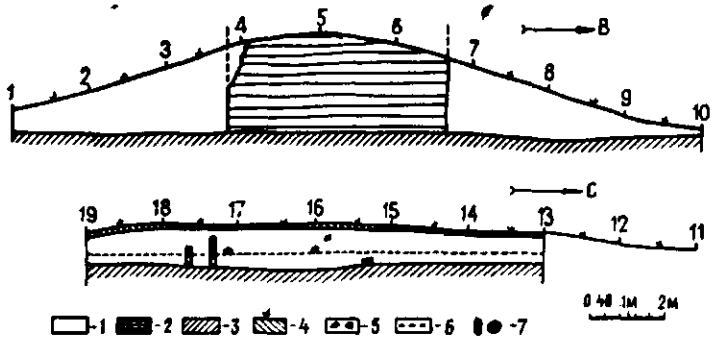

Рис. 114. Профили раскопа № 3 — восточные ворота замка:
1 — лёсс, смытый со стены, *2* — глинобитная стена, *3* — материк, *4* — дерн, *5* — обломки сырцовых кирпичей, *6* — верхняя граница заливки древней поверхности въезда, *7* — столбы и бревна

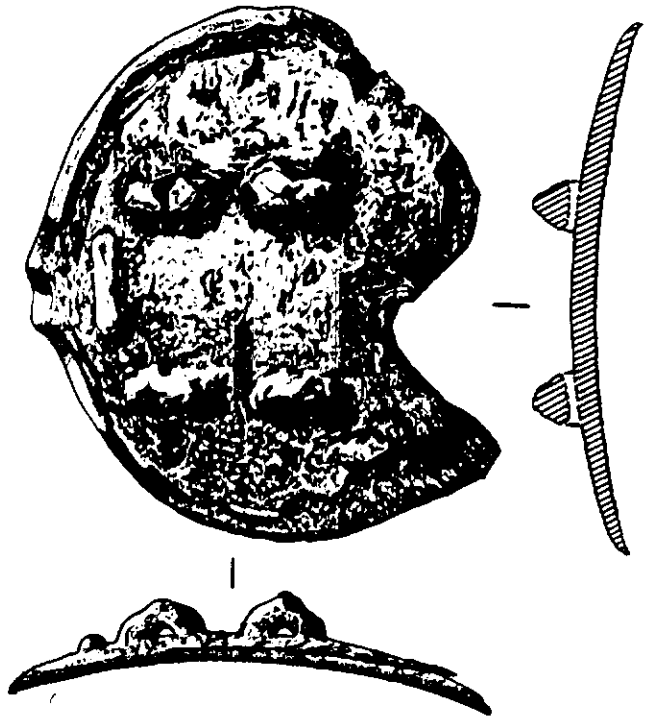

Рис. 115. Железный отвал плуга VIII—IX вв. из раскопа № 3 III Шагонарского городища

пера 14) на 28—45 см выше поверхности материка, находившейся на глубине 1,1 м от репера 18. На материк, вдоль сырцовых стенок, у восточного конца ворот положены бревна, параллельно которым повдоль проезда уложены еще два бревна (диаметр 25—35 см). На них, поперек ворот, уложили бревно длиной 5,5 м и диаметром 16—24 см (рис. 113, 114), концы которого заходили в сырцовые стенки. Все эти лиственничные бревна подкреплены обломками гранита и рядами столбов, идущими вдоль ворот внутрь крепости (от некоторых из них сохранились только ямки диаметром 20—24 см). Вдоль них также некогда лежали бревна (сохранилось одно бревно у северо-западного угла ворот; рис. 113). Сооруженную «клетку» заливали глиняным раствором с обломками сырцовых кирпичей и камней, так получалась как бы «сцементированная» гладкая поверхность въезда ворот толщиной 28—45 см (неравномерность слоя за счет выравнивания неровностей материка), которая затем площадкой заходила на 4 м внутрь крепости.

О том, что такой строительный прием характерен для центральноазиатских уйгуров, свидетельствуют материалы раскопок развалин города Орду-Балык на Орхоне, произведенных В. Л. Котвичем [109]. При разборке «пола» ворот найдены отдельные кости животных, гвоздик, черепки сосудов (№ 10, № 12) и обломки гранита.

Судя по находке подпятника (№ 3) за воротами, полотнища ворот находились с наружной стороны и вращались на штырях. Высота конусовидного подпятника 15 см и диаметр верхней площадки 14×16 см; углубление 3 см в диаметре и 4 см глубиной (рис. 107, *2*). Возможно, что другие полотнища находились с внутренней стороны ворот, хотя доказательств тому нет.

Исследования уйгурских городищ были продолжены экспедицией Московского университета в 1977 г. [110]. Другие уйгурские городища Тувы открыты в 1947 г. Саяно-Алтайской экспедицией ИИМК и ГИМ, работавшей под руководством С. В. Киселева [111]. Привожу здесь сведения об уйгурских городищах правого берега Хемчика, взятые из моего полевого дневника экспедиции 1947 г.

Первое городище находится в самых верховьях Хемчика, там, где река выходит из ущелья, в урочище Чон-Терек, в 6,5 км к запад-юго-западу от пос. Бай-Тал (прежний сумон Бай-Тээли-Холь). Крепость расположена в 500 м от правого берега Хемчика; она представляет собой четырехугольник (170×164 (155) м) из валов (ширина 12 м), ориентированных сторонами на запад-юго-запад, север-северо-запад, восток-северо-восток и юг-юго-восток. Земляные валы усыпаны галькой. Внутри их плоское пространство.

Второе городище находилось в 0,5 км к юго-западу от пос. Тээли; это — квадрат (270×270 м) из валов с оплывшими башнями по углам. Ширина валов, состоящих из земли, щебня и гальки, 10 м. Стороны квадрата ориентированы на юг-юго-восток, запад-юго-запад, север-северо-запад и восток-северо-восток. Трое ворот (разрыв вала) прослеживается с юг-юго-восточной (10 м), север-северо-западной и с восток-северо-восточной стороны.

Ниже по Хемчику, в местности Эльдиг-Кежиг, на протяжении 7 км с юго-запада на северо-восток проходит длинная стена. Она бесследно обрывается с обеих сторон в леса и болота. Местные жители считают ее древней дорогой, так как древний вал размыт и сверху сглажен; он состоит из гравия и гальки. Рвов вдоль стены нет. У северо-восточного конца ее, в пойме Барлыка (правого притока Хемчика), заметны оплывшие остатки третьего большого прямоугольного городища Эльдиг-Кежиг (500×250 м). Городище ориентировано сторонами по странам света. В северной стороне сохранились ворота и 2 «калиточки», а восточная стена совершенно смыта водами Барлыка, и на ее месте расположено старое сухое русло. Вокруг городища проходит густая сеть древних арыков, кое-где обновленных тувинцами.

В 1977 г. нами была открыта неизвестная науке крепость на левом берегу Хемчика на заболоченной р. Эдегей в 2 км к северо-западу от Ак-Довуракского рудника. Крепость расположена на невысоком плато к северо-востоку от невысокой сопки и называется Малгаш-Бажын. Это — квадрат (250×250 м) из обвалованных стен, обращенных по странам света. Высота их достигает 1,3—2,8 м. Ширина валов 17—29 м по низу и до 3 м по верху. Валы усыпаны галькой, из чего можно заключить, что стены сделаны обычным для уйгуров приемом — из «галькобетона», то есть глинобитные с галькой. Снаружи стены окружают рвы шириной от 10 до 20 м. Башни расплылись. В каждой стене ворота. Ширина западных ворот 10 м, восточных — 11, южных —

---

[109] См.: Котвич В. Л. Поездка в долину Орхона летом 1912 года.— ЗВОРАО, т. 22, вып. 1—2. СПб., 1914, с. VI.

[110] См.: Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Святилище Уйбатского города.— В кн.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

[111] См.: Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция.— КСИИМК, вып. 26. М.—Л., 1949, с. 123—124.

7 и северных — 8 м. Против ворот есть выездные перемычки во рвах шириной от 10 до 15 м. Внутренняя поверхность совершенно ровная и, кажется, без культурного слоя. 2 небольших шурфа, заложенные нами, ничего не обнаружили. Гарнизон уйгуров жил здесь, вероятно, в юртах.

На левом берегу Хемчика мы обследовали еще одну крепость, Балгаш-Бажын, остатки которой находятся посреди поселка Бора-Тайга на правом берегу р. Ак-Суг. Южная и частично восточная ее стены уничтожены в древности ныне высохшей протокой реки. Сохранились северная стена (длина 315 м, высота 2,5 м) и западная (300 м длиной). Сохранился отрезок восточной стены длиной 110 м. Посредине северной стены находились ворота. Видны размытые остатки башен. Все стены сделаны «глинобитом» из белой тонкоотмученной глины с небольшой примесью гальки. Масса заливалась в деревянную опалубку слоями толщиной 15—20 см. Поэтому массив стены очень крепок. Внутренняя поверхность крепости ровная, без следов строений или ям.

КУРГАНЫ УЙГУРОВ VIII—IX вв.

Типы погребальных сооружений VIII—IX вв. уже описаны нами [112]. Приводим дневниковые материалы раскопок.

Погребения в катакомбах или ямах под округлыми земляными курганами, иногда с ровиками вокруг, являются погребальными сооружениями уйгуров. Особенно важны могильники Чааты I и Чааты II, расположенные на надпойменной террасе правого берега Чааты, возле горы Бай-Даг. Это — кладбища Шагонарских городищ, расположенных по соседству в пойме реки. Их обнаружил С. А. Теплоухов в 1927 г. В 1958—1960 гг. курганы уйгуров исследовала экспедиция Московского университета [113].

Судя по рукописному отчету, С. А. Теплоухов не пытался оценить значение могильника в историческом плане или связать оставившее его население с какой-либо средневековой этнической группой тогдашнего населения Тувы. Не пытался он связать могильник и с соседними городищами. Впрочем, в архиве Теплоухова нами встречен листок с набросанными его рукой схемами погребений могильника и надписью сверху: «Культура чаа-тас». Это очень предварительное и ошибочное заключение, очевидно, сделано потому, что в могилах найдены вазообразные сосуды, сходные по формам и технике изготовления с так называемыми «кыргызскими» вазами — постоянной находкой в чаа-тасах VI—IX вв. в Хакасско-Минусинской котловине. Но могильник Чааты I резко отличается от чаа-тасов как по устройству погребальных сооружений, так и по обряду и в целом по культуре и этнической принадлежности оставившего его населения.

Это — могильник центральноазиатских уйгуров — хозяев Тувы с 750 по 840 г., а точнее, это — кладбище уйгуров, обитавших в III Шагонарском городище.

Могильник Чааты I (южный) расположен на краю высокой надпойменной террасы правого берега Чааты, в 300 м к юго-западу от подножия одинокой здесь горы Бай-Даг и в 600 м к восток-северо-востоку от III Шагонарского городища. Эта крепость хорошо видна с кладбища, как и, наоборот, кладбище видно с ближайшей к нему крепости. Могильник состоял из 30 округлых полусферических, но теперь плоских земляных курганов, со слабо выраженными ровиками вокруг. Расположены они тесно, неправильными цепочками. Диаметры курганов от 6 до 25—30 м. 7 курганов (№ 60—66; они же — № 7, 20, 22, 24, 27—29) раскопаны С. А. Теплоуховым в 1927 г., а 23 кургана раскопаны нами в 1958 (6 курганов) и 1959 гг. (17 курганов). Таким образом, могильник Чааты I раскопан полностью; это редкое явление в археологии Тувы [114].

Курган № 1 — плоская насыпь из лёсса 11,7 (север—юг) × 10,65 м, высотой 0,43 м. Ровик вокруг еле различим. В насыпи, на втором штыке, найден обломок венчика сосуда (рис. 116, *1*; 117, *1*). На горизонте у северной полы расчищен поминальный жертвенник, сложенный из 4 плоских камней, с остатками небольшого кострища из угольков и золы. Одинокий камень лежал и под южной полой насыпи. В центре выявилась входная яма (2,38 × 1,68 м в среднем), вытянутая с северо-

[112] См.: Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы, с. 68—71; он же. История Тувы в средние века, с. 64—77.

[113] С. И. Вайнштейн определил эти курганы как... «следы жилищ в виде холмообразных возвышений» (!) (Вайнштейн С. И. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве, с. 261).

[114] План могильника см.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 14. Коллекция предметов (26 номеров) из раскопок курганов № 1—6 в 1965 г. сдана на хранение в отдел Востока Государственного Эрмитажа. Коллекция предметов (58 номеров) из раскопок курганов № 8—19, 21, 23, 25, 26 и 30 в 1973 г. сдана на хранение в III археологический отдел ГИМа, № 2111 (по общей книге ГИМ № 102679).

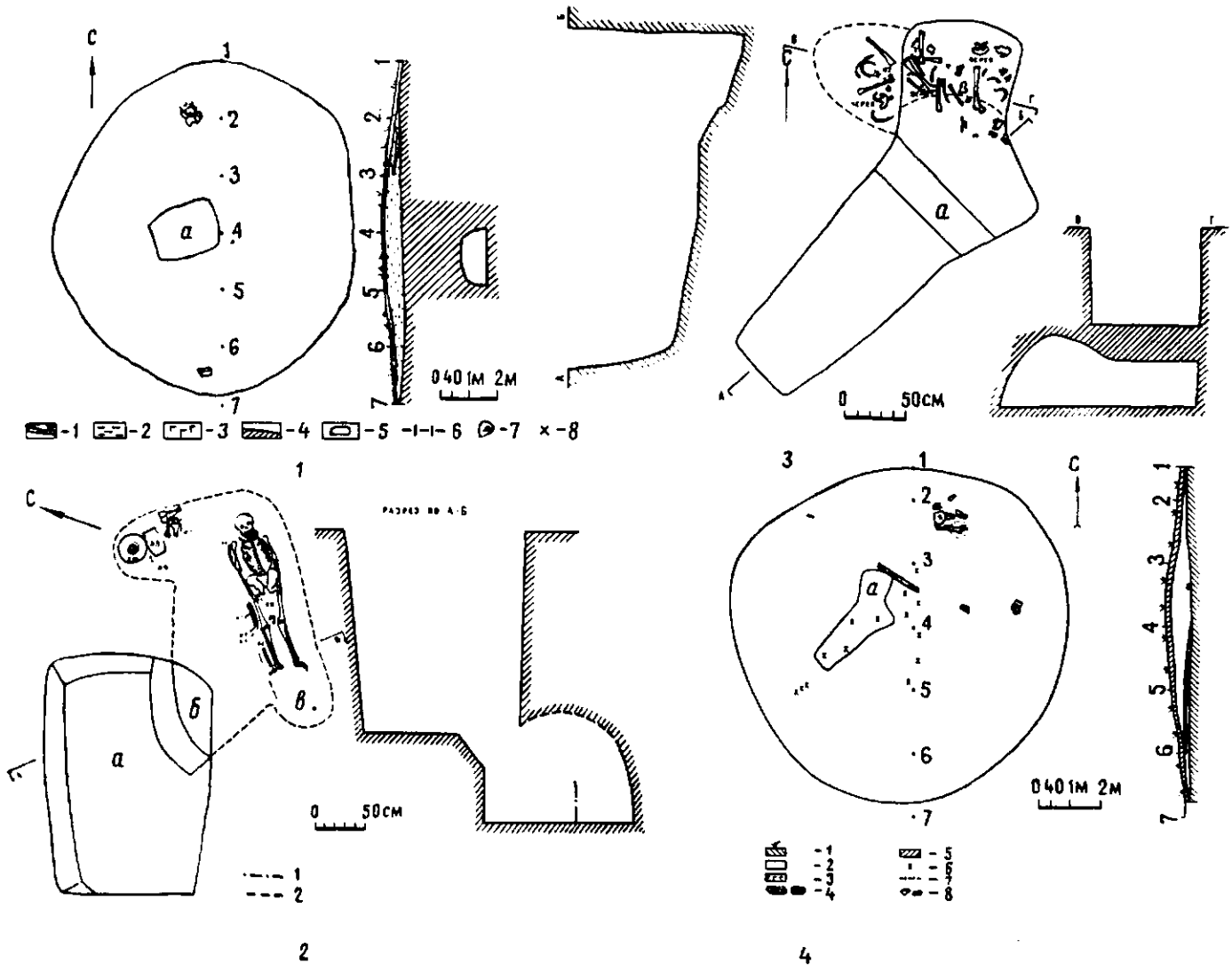
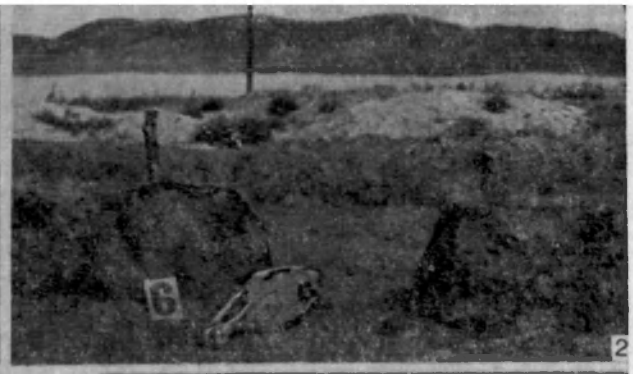

Рис. 116. Чааты I. Планы и профили курганов № 1 (*1, 2*) и 3 (*3, 4*).
(1): *а* — входная яма, *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — выброс из ямы, *4* — материк, *5* — западный конец катакомбы, *6* — граница кострища, *7* — камни, *8* — место находки костей, (2): *а* — входная яма, *б* — лаз, *в* — деревянный столбик, *1* — сохранившаяся стенка гроба, *2* — очертания катакомбы, (3): *а* — скос, (4): *а* — яма, *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — белый песок, *4* — дерево и уголь, *5* — материк, *6* — угольки в насыпи, *7* — граница кострища, *8* — камни

востока на юго-запад. Глубина ямы 2,05 м. На глубине 1,85 м от горизонта, вдоль юго-восточной стенки, лежали плохо сохранившиеся жерди, заслонявшие вход в катакомбу. Заполнение входной ямы — песок с мелкими камнями. В восточном ее углу обнаружен овальный лаз в катакомбу, первоначальная высота которого не может быть установлена из-за обрушивания лёсса над лазом и потолка катакомбы в древности. Вообще расчистка и обмер катакомб, вырубленных в лёссе, представляли значительные трудности из-за обрушивания грунта. Поэтому после снятия вертикальных размеров приходилось снимать весь, иногда значительный (до 3 м), слой лёсса над катакомбой, чтобы зафиксировать детали погребения.

Катакомба имела неправильную форму, ровный утрамбованный пол (на глубине 2,95 м от горизонта), и, судя по скосу юго-восточной стенки, высота ее достигала 1,13 м от пола. В катакомбе находились ниши — одна для конца гроба в ногах и другая — для съестных припасов — к северо-востоку от головы. Скелет первоначально лежал в деревянном гробу — ящике, который сохранился плохо. Собственно деревянной была только рама гроба, а стенки его состояли из пластин луба высотой 0,4 м. Луб остался на месте, а рама превратилась в труху (рис. 116, *2*).

6

25

13

11

16

37

Скелет мужчины (35—45 лет) лежал на спине вытянуто, головой на северо-восток. Сохранность костей хорошая. На черепе уцелели отдельные участки кожи, а внутри — ссохшийся мозг. В гробу, вдоль правой стороны скелета, найдены остатки лука со спущенной тетивой. Сохранились 4 роговые накладки. У правого бедра находился костяной четырехгранный наконечник стрелы, а между колен лежал высверленный из кости (часть головки бедра) предмет [115].

В левой нише обнаружены остатки мясной пищи — кости овцы (8/1): бедро, лопатка и часть таза. С ними — железный нож (рис. 118, *1*). Здесь же стояли высокая лепная ваза (с питьем) с узором из налепных валиков и гладкий лепной баночный сосуд (с жидкой пищей). Между ними лежала круглая бронзовая бляшка со штырьком [116].

Курган № 2 диаметром 12 м и высотой 0,55 м с такой же насыпью, как курган № 1. Ровик заметен только по более светлой здесь траве. Ширина его до 1,5 м. Под лёссовой насыпью на горизонте, к югу от центра, расчищены древесные угольки в двух кучках и ребро коровы. К северо-востоку от центра находился поминальный жертвенник, сложенный из небольших камней. Почти в центре выявилась входная яма (2,8×1,4 м, глубина 1,35 м), вытянутая с север-северо-запада на юг-юго-восток. В ее заполнении с поверхности и до дна встречались угольки. На глубине 1 м в север-северо-западном конце лежали наклонно до глубины 1,35 м остатки 6 жердей, заслонявшие лаз. Южная сторона каждой жерди стесана. Лаз был длинным и узким (1,54 м, высота 0,35—0,4 м). Перед ним, на дне входной ямы, вырублена овальная ступенька [117].

Катакомба (2,46×1,5 м) неправильной формы, близкая к овалу. Ее куполообразный потолок проходил на высоте 1,3 м от пола, а пол был на глубине 2,45 м от горизонта и 1,1 м от дна входной ямы. Вдоль камеры стоял гроб (1,96×0,58×0,58 м), где лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-восток, скелет мужчины 40—50 лет (рис. 117, *6*). Основа гроба состояла из деревянных брусьев, связанных без гвоздей. В вертикальных брусьях выдолблены отверстия, в которые проходили поперечины. Стенки, покрытие и дно гроба — из тонкого луба. Длина скелета 1,63 м, ширина таза 0,3 м. Справа у головы стоял лепной горшок [118].

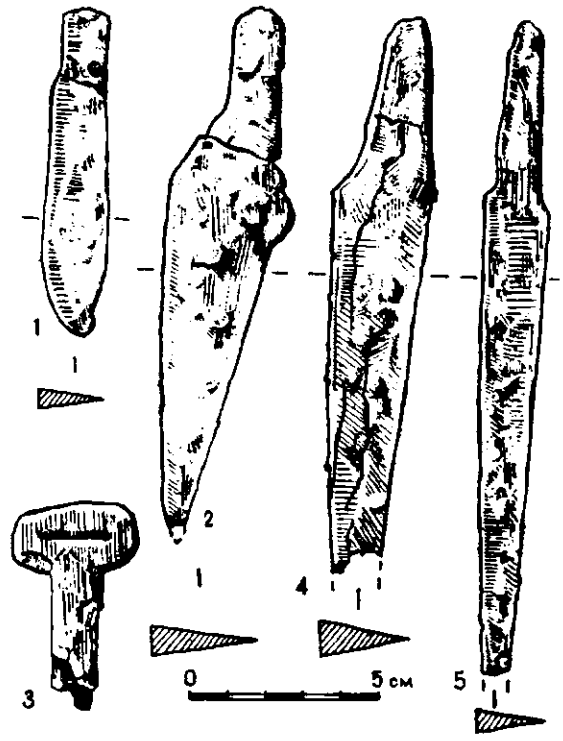

Рис. 118. Железные ножи уйгуров:
1, 2, 4, 5 — ножи (*1* — из кургана № 1, *2*, *4* — из кургана № 4, *5* — из кургана № 3), *3* — навершие железного предмета из кургана № 4)

Курган № 3 диаметром 10,5 м и высотой 0,6 м. На горизонте в северо-восточной поле находились жертвенник из камней и небольшое кострище из золы и углей. В восточной половине лежали еще 2 отдельных камня, а в центре — разбросанные угольки. В западной половине кургана расчищена входная яма, Г-образная в плане (рис. 116, *3, 4*). На борту ее уцелела жердь от перекрытия. В северном конце ямы сделан подбой, отходящий на за-

[115] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 23, *5*; 24, *1—3, 9*; 25, *7*.

[116] См.: там же, рис. 17, *1, 2*; 23, *3*.

[117] См.: там же, рис. 15.

[118] Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 19, *2*.

←

Рис. 117. Чааты I. Погребальные сооружения и детали обрядов:
1 — профиль насыпи кургана № 1, *2* — конский череп на горизонте в кургане № 19, *3* — погребение в кургане № 9, *4* — скелет без черепа в кургане № 17, *5* — входная яма и лаз в катакомбу в кургане № 15, *6* — погребение в деревянном гробу в кургане № 2, *7* — погребенне в кургане № 15

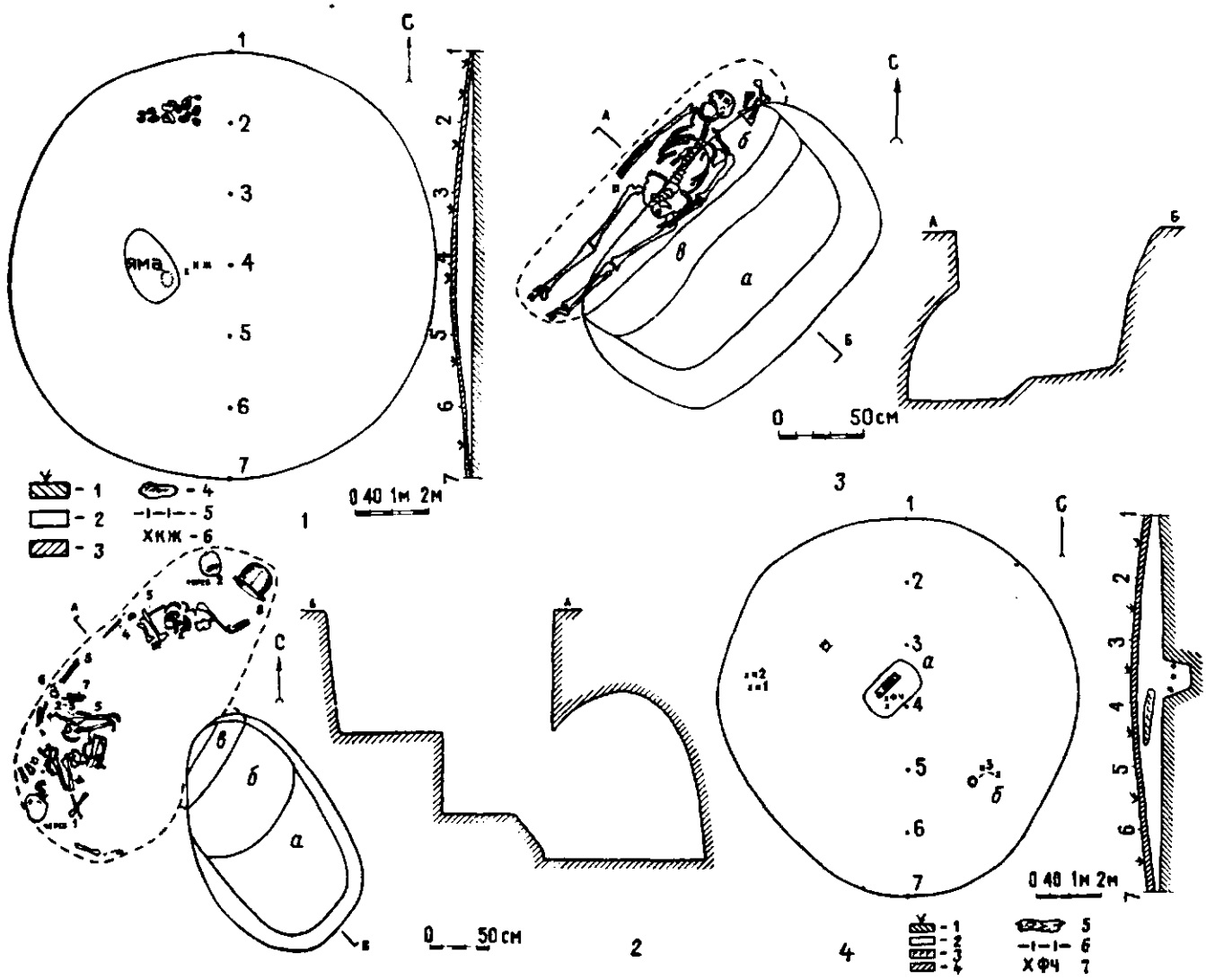

Рис. 119. Планы и разрезы погребений в курганах № 4 (*1, 2*) и 5 (*3, 4*).
(*1*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни, *5* — граница кострища, *6* — кость животного; (*2*): *а* — дно входной ямы, *б* — ступень, *в* — скос; (*3*): *а* — дно ямы, *б* — лаз, *в* — скос; (*4*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — белый песок, *4* — материк, *5* — дерево, *6* — граница кострища, *7* — фаланга человека

пад. В подбое в хаотическом беспорядке лежали кости скелетов двух подростков 14—16 лет и ребенка 5 лет. Часть косточек оказалась поверх подбоя в яме.

Вероятно, северная часть ямы — давний грабительский шурф и здесь, начиная от скоса входной ямы, первоначально находилась катакомба (с северо-запада на юго-восток; рис. 116, *3*). Найдены бусины: бело-пастовая, зеленого стекла и хрустальная[119], а также длинный железный нож (рис. 118, *5*). Судя по находкам, это могила девочки, мальчика и младенца.

Курган № 4 тоже ограблен в древности. Диаметр его 12 м, высота 0,5 м. Вокруг насыпи — еле различимый ровик. На горизонте в северо-восточной поле лежали камни жертвенника. С западной стороны расчищена яйцевидная в плане входная яма (2,06×1,26 м), вытянутая с северо-запада на юго-восток. В юго-восточном конце сверху на засыпке обнаружено кострище из золы с остатками пережженных косточек животных, а рядом к северо-востоку — необожженные кости жеребенка (путо и копыто; рис. 119, *1, 2*).

Яма сужена ко дну до 1 м по ширине. В засыпке встречены кости ноги овцы. Дно вы-

[119] Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 23, *6—8*.

явилось на глубине 1,05 м от горизонта. На глубине 0,7 м расчищены остатки заслона из жердей — однорезин (ширина 2 см, сохранившаяся длина 30 см). Две жерди упали сквозь лаз в катакомбу, так как в нее уже проникали грабители. Входная яма имела ступень, которая скосом переходила в катакомбу. Лаз овальный (0,9 м ширина и 0,76 м высота). Катакомба (2,94×1,35 м) овальная, вытянута с северо-востока на юго-запад. Дно ее на глубине 2,14 м от горизонта. Наивысшая высота потолка — 1,45 м.

В камере были разбросаны в беспорядке кости скелетов мужчины 40—50 лет, подростка 12 лет и ребенка 4—6 лет[120]. Мужчина лежал, очевидно, головой на северо-восток, так как череп его находился в северо-восточном конце катакомбы, а ноги были в юго-западном конце (рис. 119, *2*). Рядом с черепом стоял круглодонный железный старый котел с двумя ручками, а с правого бока — лук, от которого сохранилось 9 роговых накладок. С луком положен колчан, от которого осталось 8 железных наконечников стрел (2 трехлопастных и 6 ланцетовидных). От пояса мужчины уцелела железная овальная пряжка, а от пояса подростка осталась маленькая бронзовая пряжечка. Кроме того, найдены: костяной набалдашник ручки ножа (?) с остатками железного черешка внутри[121]; железное навершие с петлей и 2 ножа-кинжала (рис. 118, *2—4*).

Подросток первоначально лежал головой на юго-запад. Его скелет со следами повреждений: а) локтевая и лучевая кости правой руки, сросшиеся в локте; б) с правой стороны часть кости черепа отрублена сверху мечом наотмашь; от удара осталось овальное отверстие (5×3 см). Эта травма подростка — явно смертельная.

Курган № 5 диаметром 12 м и высотой 0,52 м. Его насыпь случайно перекрыла бывший здесь до того шурмакский жертвенно-поминальный курган II в. до н. э.— I в. н. э. Свидетельство тому: круглая ямка (0,25 м в диаметре), наполненная золой и угольками и обломками шурмакской вазы возле нее; другие обломки той же вазы (всего 16 фрагментов) оказались у западной полы кургана (рис. 119, *4*). Неподалеку от них обнаружено на горизонте еще одно кострище (0,2 м в диаметре) из золы и угольков.

В центре обозначилась яма уйгурского захоронения (1,9×1,2×0,82 м), в засыпке которой сверху обнаружена фаланга человека, а на глубине 0,55 м вдоль северо-западной стенки ямы лежала доска, которая прикрывала вход в катакомбу. Яма имела скос и лаз. Дно катакомбы (2×0,6 м, высота до 0,65 м) находилось на глубине 1 м от горизонта. На полу камеры головой на северо-восток лежал на спине мужчина (старше 35—45 лет). Длина скелета 1,56 м, ширина плеч 0,4 м и таза 0,3 м. Справа у черепа находились кости овцы: бедро, лопатка и часть таза (рис. 119, *3*).

Курган № 6 диаметром 8,7 м и высотой 0,35 м. Под северо-восточной полой насыпи, на горизонте, обнаружены остатки жертвенника из камней, а на борту ямы выявлено зольное пятно (40×30 см). Яма почти прямоугольная (2,3×1,35 м, глубина 1,35 м), вытянута с север-северо-востока на юг-юго-запад. В север-северо-восточном конце ее находился овальный лаз (ширина 1,05 м и высота 0,5 м). Возле него лежали гнилушки от деревянного заслона. За лазом в глубине оказалась незасыпанная катакомба с погребением (рис. 120, *1, 2*). Катакомба (2,05×1,33 м, высота 1,4 м) вытянута почти поперек входной ямы с северо-запада на юго-восток. Пол ее находился на глубине 2,3 м. Высота верха лаза от пола 1,22 м. Лаз скатом переходил в погребальную камеру.

У северо-восточной стенки лежал вытянуто на спине скелет взрослого, но без черепа, плечами на северо-запад. Не оказалось костей левого предплечья, ребра разбросаны. Обломки трухлявого дерева и обрывки луба показывают, что труп первоначально находился в гробу. Слева в головах в свое время была положена мясная пища (таз, бедро и лопатка овцы — $^6/_1$), а также поставлены питье в прекрасно сделанной на кругу уйгурской вазе и полужидкая пища в лепном горшке[122].

Хотя курганы № 3, 4 и 6 ограблены, но на насыпях внешних следов ограбления не заметно. Только в кургане № 3 обнаружен явный грабительский ход. Грабители точно проникали в катакомбы через входные ямы тогда, когда еще ни лазы, ни катакомбы не успели обвалиться. Очевидно, грабили современники.

Курган № 7(65) диаметром 11 (север — юг) × 12,5 м, высотой 0,6 м). Под западной половиной насыпи обнаружены 3 могилы: взрослого и двух младенцев. Первое погребение находилось в грунтовой яме с покатыми стенками (2×1 м, глубина от поверхности насыпи 1,8 м). Яма вытянута с запада на восток. Под деревянным настилом из тополевых

[120] Определение пола и возраста принадлежит антропологу И. В. Перевозчикову (МГУ).

[121] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 19, *1*; 23, *1, 2, 4*; 24, *4—8, 10*; 25, *1—6*.

[122] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 17, *3, 4*.

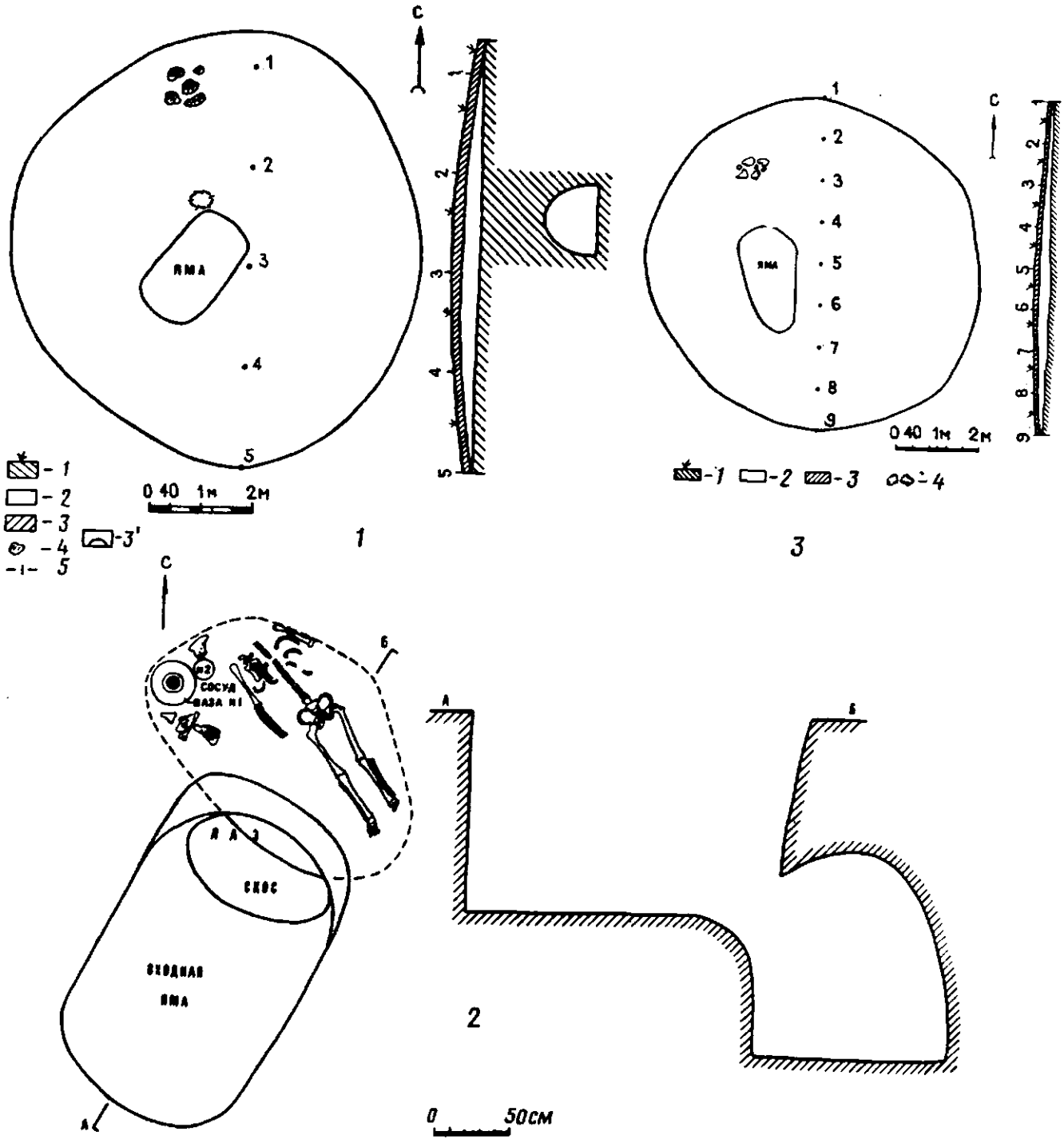

Рис. 120. Чааты I. Планы и профили курганов № 6 (*1*, *2*) и 23 (*3*).
(*1* и *3*): *1* — дерновый слой, *2* — лёсс, *3'* — погребение, *3* — материк, *4* — камни, *5* — очертания кострища

палок лежал скелет мужчины, головой на восток, с вытянутыми верхними и нижними конечностями. У левого локтя стоял лепной сосуд (рассыпался). Слева против черепа лежали кости овцы и железный нож с обломанным концом лезвия. На правом плече и на нижней трети левой голени найдено по паре роговых пластинок — концевых обкладок лука, обращенных концами друг к другу. По линии дуги, намеченной их положением, в средней ее части (у левого бедра) также лежали центральные роговые накладки. Общая

длина остатков лука 1,4 м. На поясничных позвонках обнаружена медная пряжка. С правой стороны у таза найдены: железная скобка, петля и круглая шляпка гвоздя [123]. У правой голени лежали 3 спекшихся железных наконечника стрел, кажется, четырехгранных в сечении.

Второе и третье (южное и северное) погребения младенцев находились на северо-запад от центра кургана в 2 м, в линзе рыхлой земли. При этом над южным погребением древний почвенный слой не тронут, а над северным почвенный горизонт нарушен, и в насыпной над погребением земле встречались угольки. Видимо, в могильной яме третьего погребения была сделана нишеобразная камера 0,5—0,6 м высотой, заключавшая второе погребение. Скелет младенца из второго погребения ориентирован головой на юг. Череп находился в 0,3 м к северу от черепа взрослого (между ним был твердый грунт). Снаружи у правого локтя младенца стоял горшок банкообразной формы с утолщенным венчиком, который уступом переходит к шейке. На верхних ребрах лежали 5 просверленных косточек ног мелкого животного, служившие, по-видимому, ожерельем-оберегом. Третье погребение находилось в 0,3—0,4 м от второго. Скелет лежал на спине вытянуто, с запада на восток, головой на запад. Слева стоял лепной баночный сосуд со слегка отогнутым венчиком (рис. 121, *1*). На верхних ребрах найдены просверленные костяные палочки, 2 просверленные кости лошади и просверленный клык медведя [124] от ожерелья.

Курган № 8 — плоская насыпь из лёсса (8,08 (север — юг) × 9,3 м, высота 0,16 м). После снятия насыпи и зачистки на западной половине обнаружена входная яма (2,42× ×1 м), вытянутая с севера на юг (рис. 122, *1*), глубиной 1,08 м. Яма была засыпана лёссом и песком. На глубине 0,9 м от горизонта в северной части ямы встретились фаланги пальцев человека, перемещенные сусликом. В северо-западном углу входной ямы выявился лаз в катакомбу в виде пещерки с округлым верхом шириной 0,69 и высотой 0,58 м. Этот лаз закладывали 11 крупных обломков скалы от 10—15 и до 50 кг (рис. 122, *2*). За-

Рис. 121. Чааты I. Сосуды из погребений.
Баночный (*1*) из кургана № 7 и ваза (*2*) из кургана № 27 (63)

[123] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 21, *1—7*; 22, *10, 11*. Данные о курганах, раскопанных С. А. Теплоуховым, приводятся в сокращении по его рукописному отчету. Коллекция из 7 курганов, раскопанных в 1927 г., хранится в Государственном Эрмитаже (№ 4659).

[124] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 22, *8*. Аналогичные амулеты см.: Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, № 142. М., 1967, с. 172, рис. 47, *15*.

кладка эта выступала от стенки ямы на 35 см. После разборки положенных друг на друга обломков скалы и расчистки входа обнаружена катакомба (в плане неправильный овал длиной 1,9 м). Она вытянута с северо-востока на юго-запад (рис. 122, *2*). Пол катакомбы находился на глубине 1,36 м от горизонта: он ровный, а потолок вырыт сводиком. На дне катакомбы вытянуто на спине лежал скелет мужчины лет 40—45, головой на север-северо-восток. Длина скелета — 1,65 м, ширина таза — 0,34 м, ширина плеч — 0,4 м. Скелет и череп хорошей сохранности, и только первые шейные позвонки и фаланги рук растащены сусликами [125]. К востоку от левой руки скелета находились, оставшиеся от мяса, кости барана ($^{12}/_{1}$): лопатка, часть передней ноги и позвонки. Здесь же лежал железный нож плохой сохранности и кусочки дерева — остатки его рукоятки. К югу от костей стоял сосуд баночной формы с 4 парами выступов у венчика и украшением из налепных рассеченных валиков, расходящихся на плечике «усиками» [126].

Курган № 9 — плоская насыпь (из лёсса и мелкого гравия) полусферической формы, диаметром 9,12 (север — юг) × 10,25 м и высотой 0,45 м. На горизонте, в северо-западной части, из 7 камней сложен жертвенник (1,6×1,3 м), под которым обнаружены зольное пятно (0,4×0,2 м, толщина 1 см) и угольки (рис. 122, *3*). При зачистке горизонта на западной половине выявлена входная яма, засыпка которой из перемешки (супесь с белыми вкраплениями и галькой) четко отличалась на фоне лёсса. Яма была подчетырехугольной, со скругленными углами (1,9× ×0,95 м, глубина 0,95 м); она вытянута с север-северо-востока на юг-юго-запад (рис. 122, *4*). В северной части ямы овальный лаз вел в катакомбу (0,6×0,5 м); лаз закрывали плохо сохранившиеся стоящие жерди (их диаметр 3,5 см). При входе в катакомбу дно лаза понижается до дна катакомбы, расположенного на глубине 1,25 м от уровня горизонта. Катакомба (1,6×0,9 м при высоте 0,65 м) расположена перпендикулярно к оси входной ямы (то есть с северо-запада на юго-восток); хорошо сохранился потолок катакомбы. Вдоль северо-восточной стенки лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, скелет женщины 30—35 лет (длина 1,45 м, ширина плеч 0,34 м и таза 0,27 м). К юго-западу от черепа размещались кости овцы ($^{6}/_{1}$): лопатка, бедро и хвостовые позвонки, а на них лежал сильно коррозированный нож с остатками деревянной ручки (рис. 123, *2*). Возле костей стояли глиняный кувшин с узким, невысоким горлом [127] и баночный высокий сосуд, покрытый нагаром (рис. 117, *3*; 124, *1*).

Курган № 10 — того же типа. По западному краю насыпи виден плохо сохранившийся ровик (1,2×0,2 м), а в других местах он, видимо, перекрыт оплывшей насыпью. Диаметр насыпи 11,6 м и высота 0,65 м. На горизонте над северной полой обнаружен сложенный из трех обломков скалы (21, 12 и 6 см) жертвенник, сильно прокаленный снизу. Под ним оказалось зольное пятно с мелкими угольками от сожженного кустарника (60×52 см, толщина прокала земли до 5 см; рис. 125, *1*). При зачистке горизонта под юго-восточной полой обнаружен обломок боковинки серого лепного сосуда, а в центре выявлена округлая яма (2,04×1,75 м, глубина 1,06 м). В северо-западной части ямы после ее расчистки (заполнена перемешкой лёсса, мелкого гравия и древесных угольков, которые, видимо, ссыпали с жертвенного кострища) выявлен лаз (ширина 0,48, длина 1 м). Лаз был перекрыт остатками положенных поперек жердочек (рис. 125, *2*). При расчистке лаза (на глубине 1,39 м от горизонта и 35 см от его верха) обнаружена трубчатая кость голени барана с вырезанным отверстием — мочеотводная трубка от детской колыбели (рис. 123, *1*) тюркского типа. Катакомба в плане имела неправильно овальную форму (2,16×1,34 м; глубина пола от уровня горизонта 2 м), потолок ее обрушился еще в древности. У северо-западной стенки на спине (рис. 125, *2*) лежал скелет женщины (25 лет) так, что верхняя часть его была отогнута от оси направления нижних конечностей: ноги в направлении с юго-запада на северо-восток, а голова — на восток-северо-восток. Женщина была убита, так как часть кости ее черепа отсечена (мечом?) и лежала возле. К востоку от черепа находились кости овцы (две лопатки и бедро), а к юго-востоку от него лежал баночный сосуд (рис. 124, *2*) и в нем окислившийся железный нож (рис. 123, *6*). Посредине лаза стояла узкогорлая «уйгурская» ваза, сделанная на гончарном кругу, с отбитыми в древности краями венчика [128]. Между вазой и баночным сосудом лежали мелкие косточки и позвонки овцы, а у ле-

[125] Пол и возраст погребенных определил В. П. Алексеев. По И. В. Перевозчикову, мужчине из кургана № 8 было 25—30 лет.

[126] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 20, *1*.

[127] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 18, *4*.

[128] Там же, рис. 18, *2*.

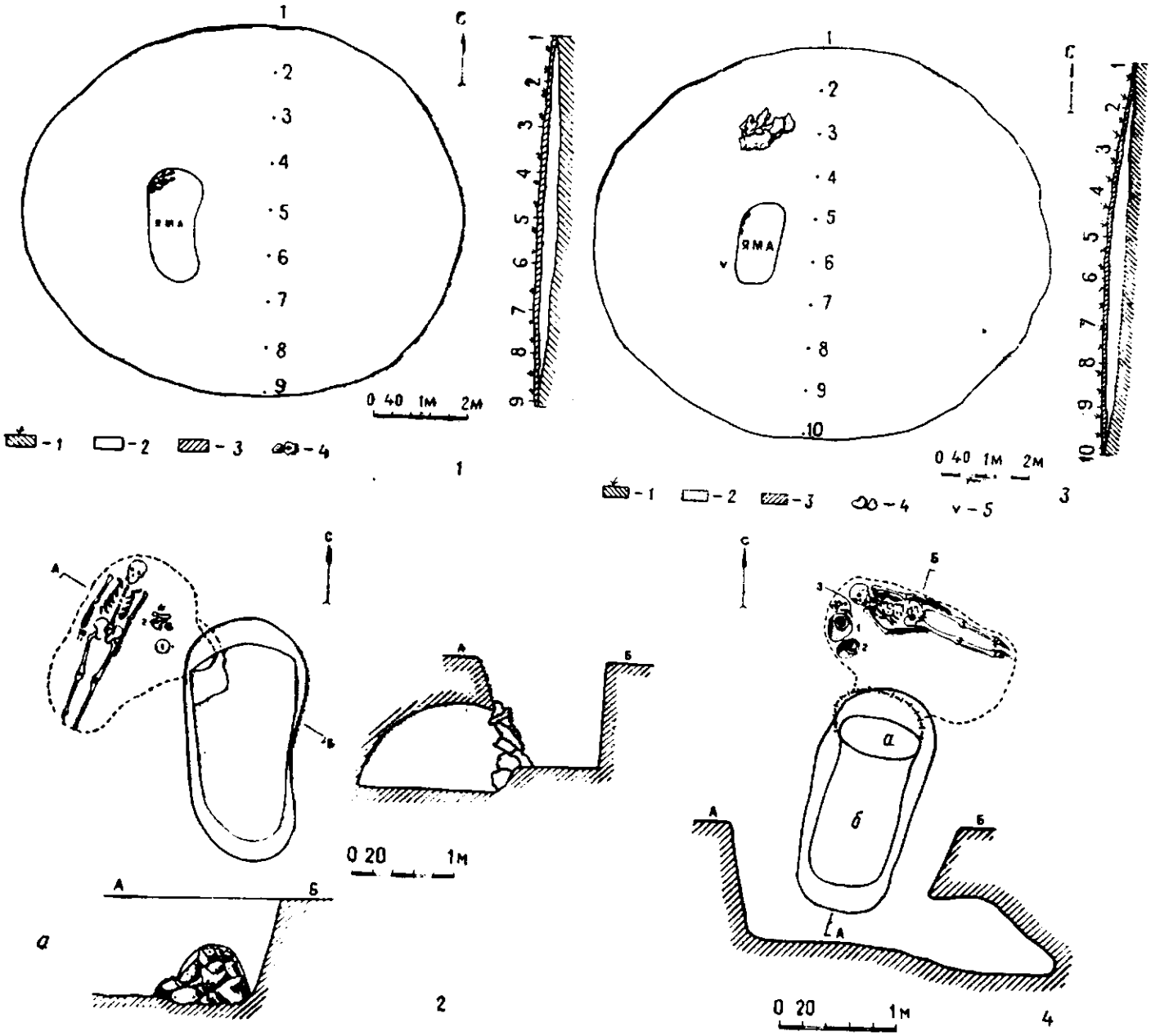

Рис. 122. Чааты I. План и профиль кургана № 8 (*1, 2*):
1 — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни, *а* — лаз, заложенный обломками скалы.
План и профиль кургана № 9 (*3, 4*):
1 — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни, *5* — кость, *а* — лаз, *б* — дно ямы

вого локтя скелета женщины находился целый (несколько раздавленный) череп овцы (всего 54 кости от одной особи). У вазы и подле скелета найдены остатки венчика деревянной чаши или блюда, обитые бронзовыми пластинками при давнем ремонте (рис. 126, *2*).

Курган № 11 диаметром 10,4 м и высотой 0,31 м. В северной части на поверхности насыпи выступали обломки скалы от жертвенника, сделанного из камней. После снятия насыпи (рис. 127, *1*) и расчистки удалось установить, что жертвенник состоял из 32 камней (15×10; 20×15 см), щебня и небольшого количества гальки. В восточной части под камнями жертвенника обнаружено зольное пятно (20×15 см, ширина 2—3 см).

В центре, на западной половине, расчищена овальная входная яма (1,9×0,9 м, глубина 1,16 м), вытянутая с юг-юго-востока на се-

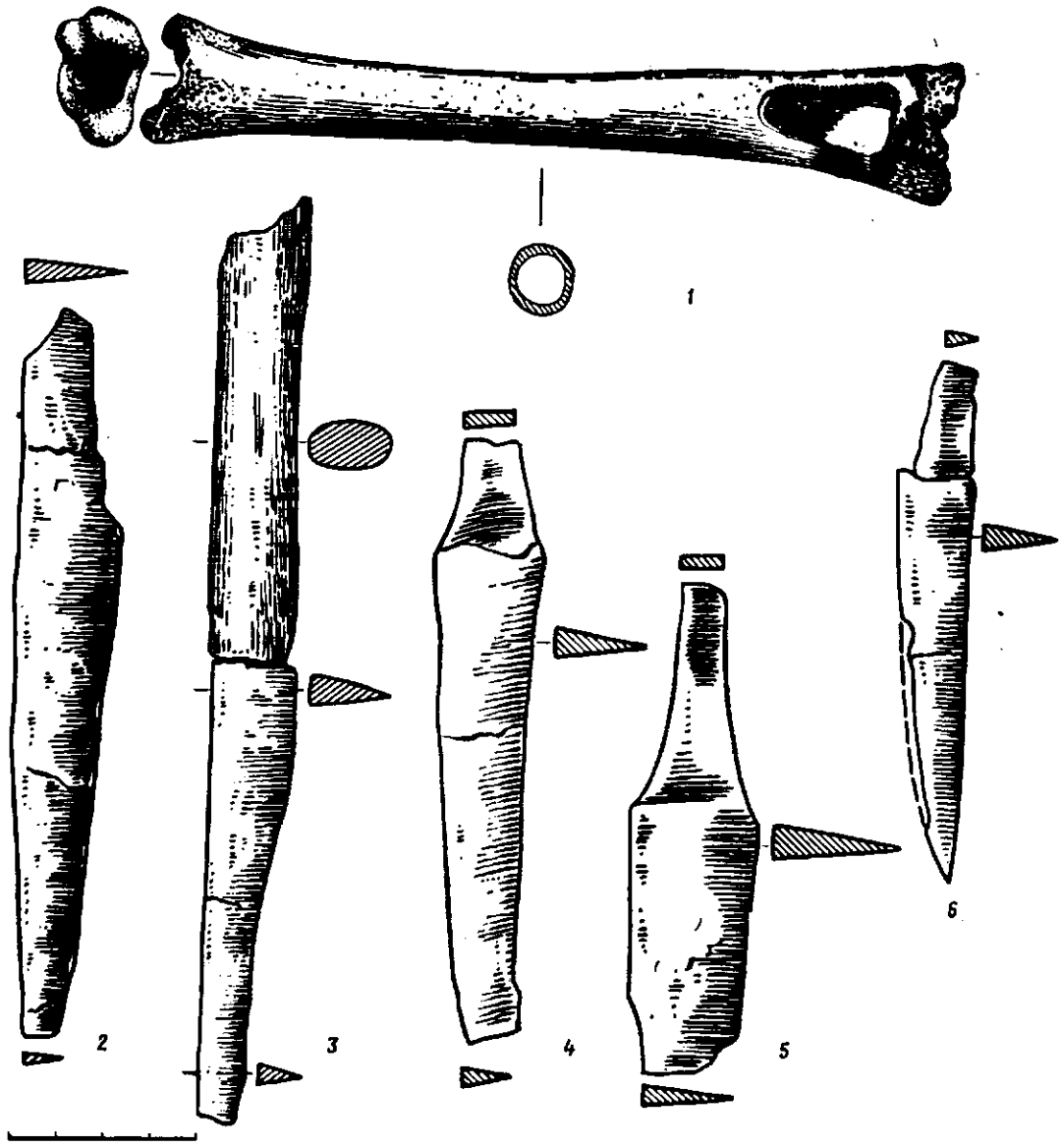

Рис. 123. Чааты I. Железные ножи и трубка от колыбели:
1 — из кургана № 10, *2* — из кургана № 9, *3* — нож с костяной ручкой из кургана № 26, *4* — из кургана № 18, *5* — из кургана № 17, *6* — из кургана № 10

вер-северо-восток. В верхних слоях ее засыпки встречались крупные (15×10 см) и мелкие (9×8 см) обломки скалы. В северо-западной части ямы с 3-го штыка стали встречаться гнилушки дерева от жердей перекрытия лаза, который шел подбоем под северо-западную стенку входной ямы. В северо-восточном углу ямы найдена сделанная из кости поделка с просверленным отверстием, вероятно, своеобразный пестик для растирания краски (рис. 128, *5*). При расчистке лаза (0,97×0,35 м) (рис. 127, *2*) обнаружены фаланги человека, которые, как и костяную поделку, вытащили сюда суслики. Катакомба овальная (1,7×1,05 м) с прямосрезанным северо-восточным концом. Пол ее — на глубине 1,92 м от горизонта. Камера вытянута параллельно входной яме. На дне у северо-западной стенки на спине лежал скелет женщины 55—60 лет. Левая ее рука положена на таз, а правая вытянута повдоль. Покойница ориентирована головой на север-северо-запад (рис. 127, *2*). Над рукой (на глубине 1,15 м от горизонта), также поднятая сусликами, лежала отшлифованная от длительного употребления округлая каменная (из агальматолита) поделка с ушком для привязывания сверху и небольшим углубле-

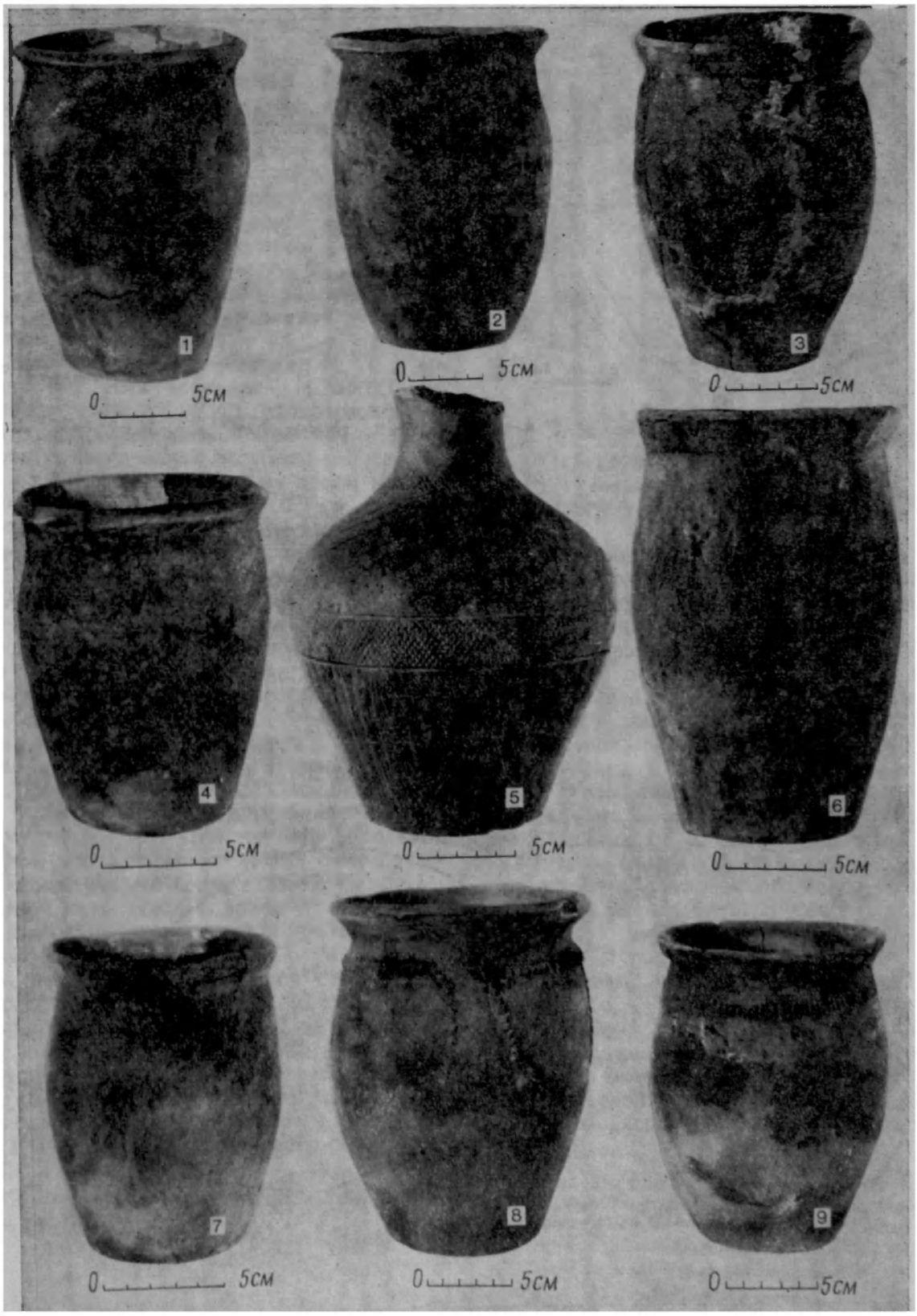
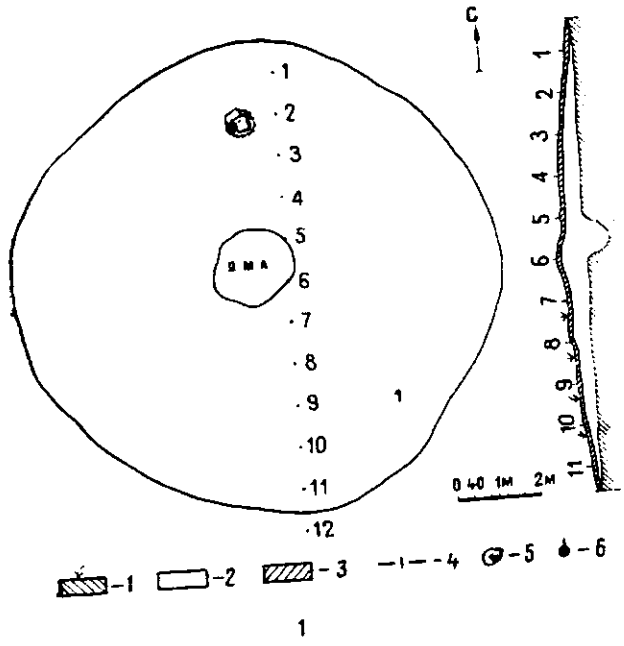
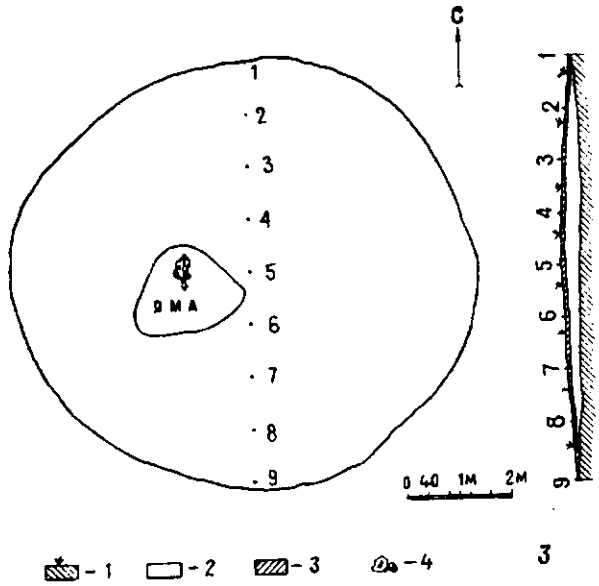

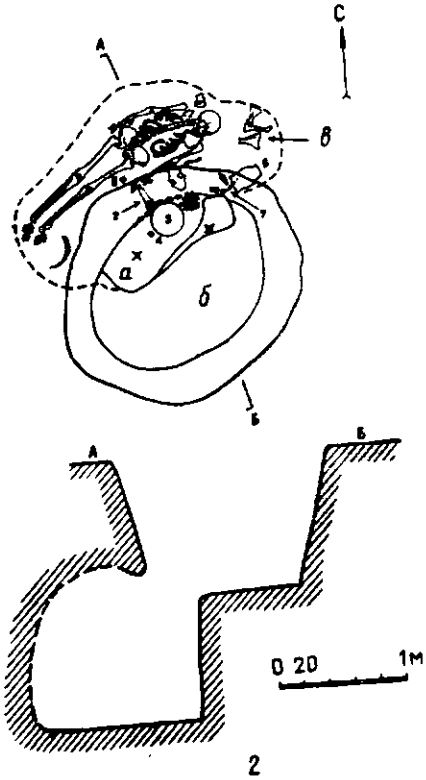
Рис. 124. Сосуды уйгуров:
1 — из кургана № 9, *2* — из кургана № 10, *3* — из кургана № 11, *4* — из кургана № 12, *5, 6* — из кургана № 13, *7* — из кургана № 14, *8* — из кургана № 15, *9* — из № 16

С
ЯМА
0 40 1М 2М
1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6

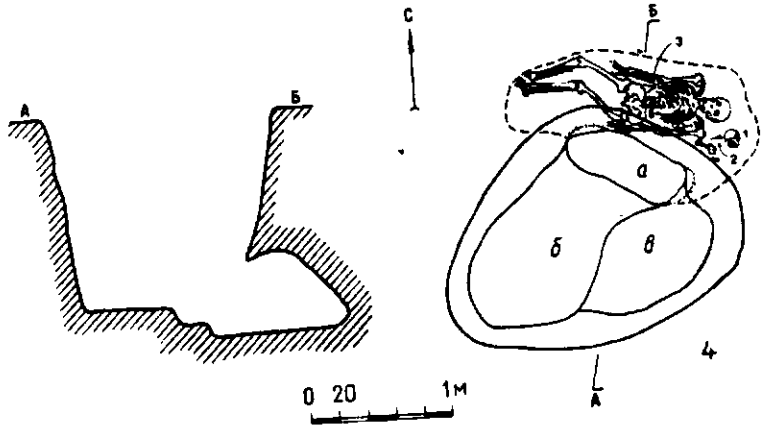
1

С
ЯМА
0 40 1М 2М
1 – 2 – 3 – 4

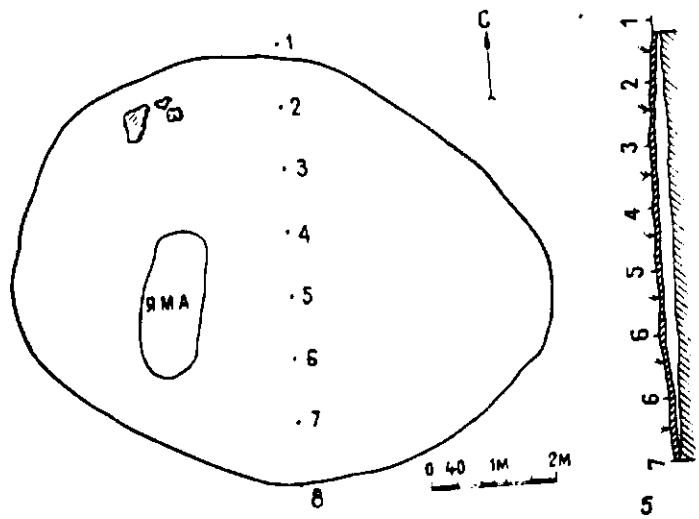
3

А
Б
В
а
б
С
0 20 1М

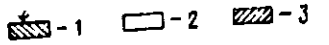
2

С
А
Б
0 20 1М
а
б
в

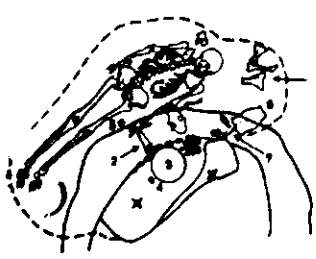
4

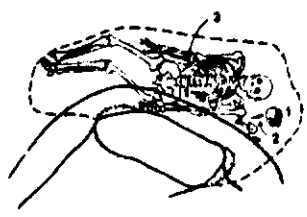

С
ЯМА
0 40 1М 2М

5

1 – 2 – 3 – 4

6

нием, — вероятно, «ступочка» для растирания красок (рис. 128, *4*). У плеча левой руки обнаружена яйцевидная бусина из серо-голубого шероховатого камня (рис. 128, *3*), на груди была подвеска из раковины моллюска со сверлиной (рис. 128, *1*), а у таза — аккуратно вырезанное из белого мрамора пряслице (рис. 129, *6*). В северо-восточном углу катакомбы стоял баночный лепной сосуд (рис. 124, *3*), а между ним и черепом находилась кучка костей овцы ($^8/_1$; бедро, 2 лопатки и ребро). Под ними лежал окислившийся железный нож со следами деревянной ручки.

Курган № 12 (диаметр 6,4 м, высота 0,1 м) того же типа, что и курган № 11. Жертвенника нет. Яма овальная (1,78×0,78 м, глубина от горизонта 0,7 м), расположена под юго-западной полой насыпи (рис. 127, *3*); яма вытянута с север-северо-востока на юг-юго-запад; ее засыпка состояла из лёсса, множества мелкого щебня (5×2; 1×0,5 см) и гальки (2×1 см). Дно входной ямы выявилось на глубине 0,7 м от горизонта в западной половине, а на восточной стороне за скосом находилось углубление ямы до 0,98 м. Под восточной стенкой, на уровне дна входной ямы, вышло дно подбоя неправильной овальной формы (1,7×0,6 м). Высота лаза 0,3 м. В подбое лежал на спине, изогнуто по форме подбоя, скелет женщины 35—40 лет плечами на север, с отгибом черепа на север-северо-запад (рис. 127, *4*). Длина скелета 1,56 м, ширина плеч 31 см, ширина таза 34 см. У правого локтя стоял баночный лепной сосуд с шероховатой нижней половиной (рис. 124, *4*), а в ногах лежал узкогорлый грушевидный лепной сосуд также с шероховатым низом [129]. У кисти правой руки обнаружено пряслице из стенки серого сосуда (рис. 129, *5*), а у локтя левой руки — 2 изогнутых железных окислившихся стерженька.

Курган № 13 — овальный (6,8 (север — юг) ×8,6 м, высота 14 см). Под северо-западной полой выявлены остатки каменного жертвенника (рис. 125, *5*) из трех обломков скалы (30×40 см и 10×15 см). Золы и угля нет. Входная яма овальной формы (2,4×1 м, глубина 0,86 м), вытянута с север-северо-востока на юг-юго-запад; она находилась на западной половине. На глубине 1,1 м во входной яме начинается ступенька, спускающаяся наклонно вниз и обрывающаяся лазом (85×50 см, высота 40 см) в катакомбу. Лаз перегорожен остатками вертикально поставленных жердей. В засыпке ямы и катакомбы встречались мелкие угольки. Сама катакомба неправильной формы: наибольшая длина 2,6 м, ширина 1,75 м, глубина 1,66 м. У северной стены лежал (вытянуто с запад-северо-запада на восток-юго-восток) скелет без черепа (длина 1,6 м, ширина плеч 0,4 м, ширина таза 0,31 м). Судя по отрубленному шейному позвонку, человек обезглавлен, вероятно, ударом меча в битве, а голову, очевидно, подобранную на поле боя позднее погребения трупа затем забросили в катакомбу через лаз, и поэтому череп лежал у правой кисти скелета. Это — погребение мужчины 40—45 лет [130]. Воин до того, как ему отрубили голову, был ранен двумя стрелами в грудь; среди верхней части ребер, под ключицей, обнаружен костяной черешковый наконечник стрелы с четырехгранной ударной частью (рис.

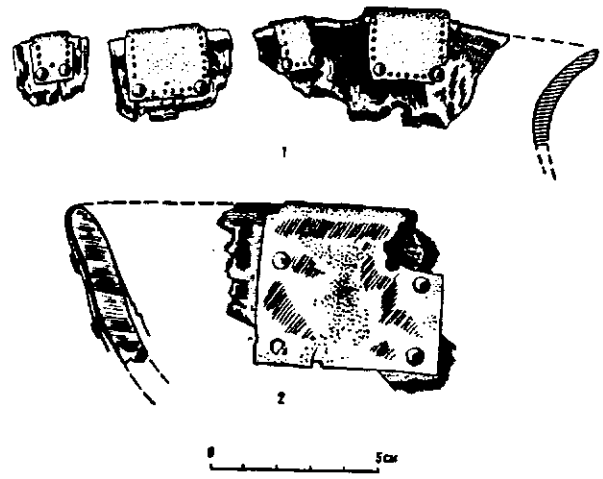

Рис. 126. Остатки деревянных сосудов со следами ремонта медными пластинками:
1 — из кургана № 18, *2* — из кургана № 10 Чааты I

[129] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 18, *3*.

[130] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 16, *1*. По заключению И. В. Перевозчикова, мужчине было 25—30 лет.

Рис. 125. Планы и профили курганов № 10 (*1*, *2*), 14 (*3*, *4*) и 13 (*5*) Чааты I.
(*1*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — кострище, *5* — камни, *6* — керамика; (*2*): *а* — лаз, *б* — дно ямы, *в* — кости овцы; (*3* и *5*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни; (*4*): *а* — лаз, *б* — дно ямы, *в* — ступень

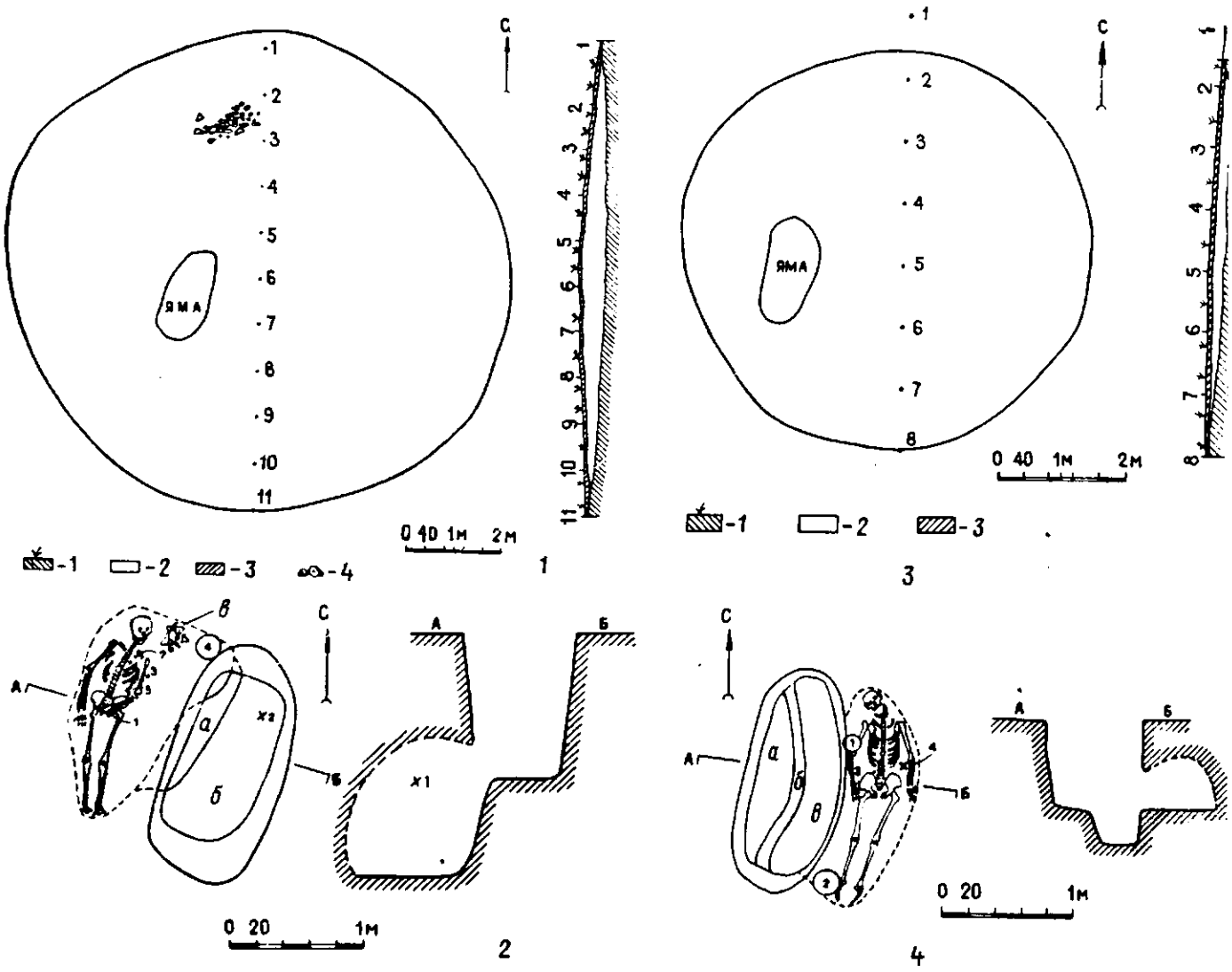

Рис. 127. Планы и профили курганов № 11 (*1*, *2*) и 12 (*3*, *4*) могильника Чааты I (*1*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни; (*2*): *а* — лаз, *б* — дно входной ямы, *в* — кости овцы; (*3*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк; (*4*): *а* — дно ямы, *б* — скос, *в* — углубление

130, *1*), а ниже, среди ребер левой половины груди, найден железный трехлопастный черешковый наконечник другой стрелы (рис. 130, *2*). На поясной части скелета обнаружены сильно окислившиеся обломки железной прямоугольной пряжки.

В западной стене катакомбы вырезана ниша, где уложены кости овцы (череп, ребра, лопатки и позвонки — $^{12}/_{1}$) и с ними сильно окислившийся железный черешковый нож. К югу от костей стояли сделанная на кругу серая «уйгурская» ваза с отбитым венчиком (рис. 124, *5*) и высокий лепной, гладкий баночный сосуд (рис. 124, *6*).

Курган № 14 диаметром 8,2 (север — юг) × 8,86 м и высотой 20 см с насыпью из лёсса и гравия. Яма подтреугольной формы оказалась у центра, в западной половине кургана. На ее засыпке сверху лежал большой обломок скалы (0,5×0,3 м) и несколько мелких (рис. 125, *3*). Наибольшие промеры ямы: 1,98×1,68 м. На глубине 1,36 м от горизонта в юго-восточной части выявлена ступенька, а на глубине 1,5 м было дно входной ямы. Лаз в катакомбах находился в северо-восточной стенке (ширина 0,82 м, высота 0,52 м); его перекрывали лиственничные жерди диаметром 3,5—4 см (рис. 125, *4*). На 10 см ниже дна входной ямы обнаружено дно катакомбы (1,82×0,86 м, высота 0,6 м), вытянутой с запад-северо-запада на восток-юго-восток. Потолок катакомбы не обрушился. Скелет муж-

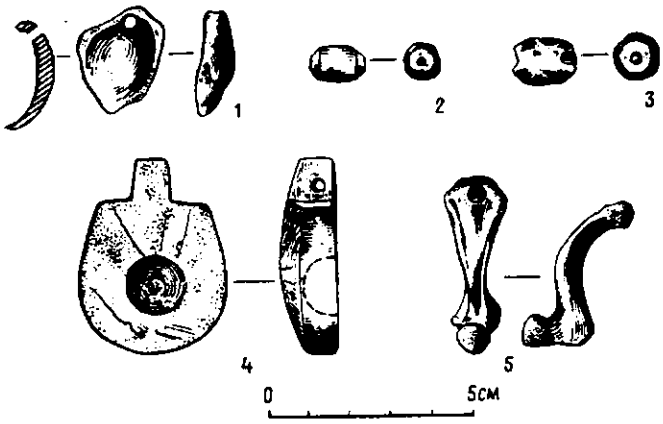

Рис. 128. Предметы туалета и украшения из курганов № 11 (*1, 3—5*) и 17 (*2*).
1 — раковина, *2* — желто-зеленое стекло, *3* — камень, *4* — камень-агальматолит, *5* — кость

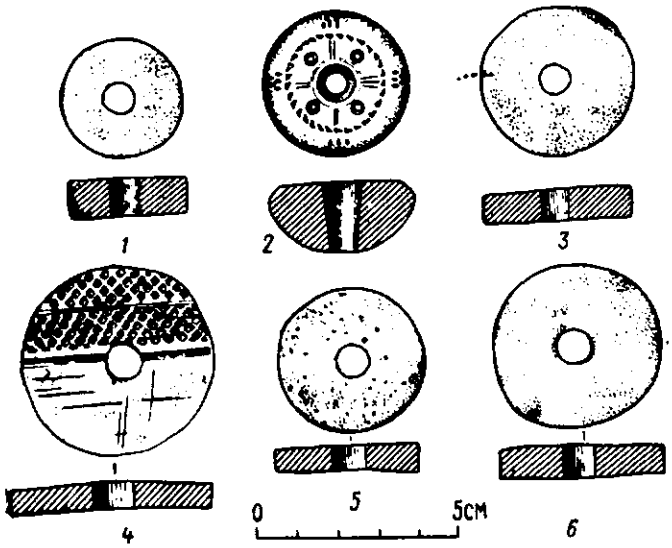

Рис. 129. Пряслица уйгуров из курганов № 15 (1), 23 (2), 30 (3), 19 (4), 12 (5), 11 (6).
1 — из зеленоватого кварцита, *2, 4, 5* — глина (*4, 5* — из боковин старых сосудов), *3, 6* — из мрамора

чины 50—55 лет лежал на спине с чуть согнутыми в коленях ногами по той причине, что катакомба оказалась короткой. Скелет ориентирован головой на восток. Под ним на полу прослежены остатки полусгнившей подстилки, — по-видимому, бересты. Длина скелета 1,61 м, ширина плеч 0,44 м и таза 0,31 м. К югу от черепа стоял баночный небольшой лепной гладкий сосуд (рис. 124, *7*). Возле него — кости барана ($^{14}/_{1}$) и окислившийся нож в обломках. У пояса лежала окислившаяся, плоская, квадратная, железная пряжка.

Курган № 15 диаметром 8,32 (север — юг) × 8,9 м и высотой 0,35 м того же типа,

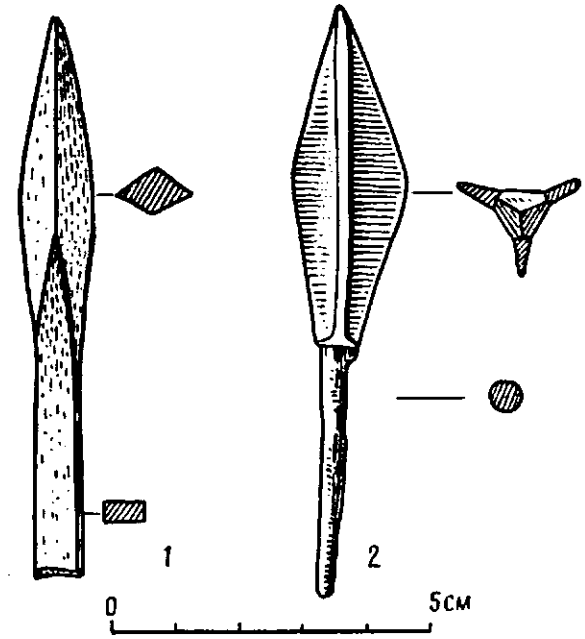

Рис. 130. Наконечники стрел, которыми был убит погребенный в кургане № 13 могильника Чаты I.
1 — кость, *2* — железо

что и курган № 14. На горизонте обнаружены (в центре и под северной полой) 7 обломков скалы разного размера, возможно, от раскиданного жертвенника, но следов золы нет (рис. 131, *1*). Яма овальная (2,36×1,04 м, глубина 1,15 м), вытянутая с север-северо-востока на юг-юго-запад. Ко дну она несколько сужается (1,36×0,92 м). В север-северо-восточном конце ее оказался лаз (длина 0,9 и высота 0,34 м; рис. 117, *5*). Катакомба (1,86×1 м) вытянута с востока на запад, ее высота 0,91 м, а пол на глубине 1,76 м от горизонта. Скелет женщины 55—60 лет лежал вытянуто на спине, головой на восток (рис. 117, *7*; 131 *2*). Длина скелета 1,6 м, ширина таза 0,32 м. К югу от черепа стоял баночный сосуд (рис. 124, *8*), украшенный по плечику налепным рассеченным валиком, от которого с трех сторон свисают прямые валики, с четвертой стороны — разрыв, и края валика отогнуты усиками. Нижняя половина сосуда имеет шероховатую разделку поверхности. Севернее сосуда лежали кости овцы (бедро, лопатка, позвонки — $^{12}/_{1}$); у плеча скелета находился окислившийся изношенный железный ножик. У левого локтя было заполированное от длительного употребления пряслице из зеленого кварцита (рис. 129, *1*).

Курган № 16 диаметром 9,7 (север —

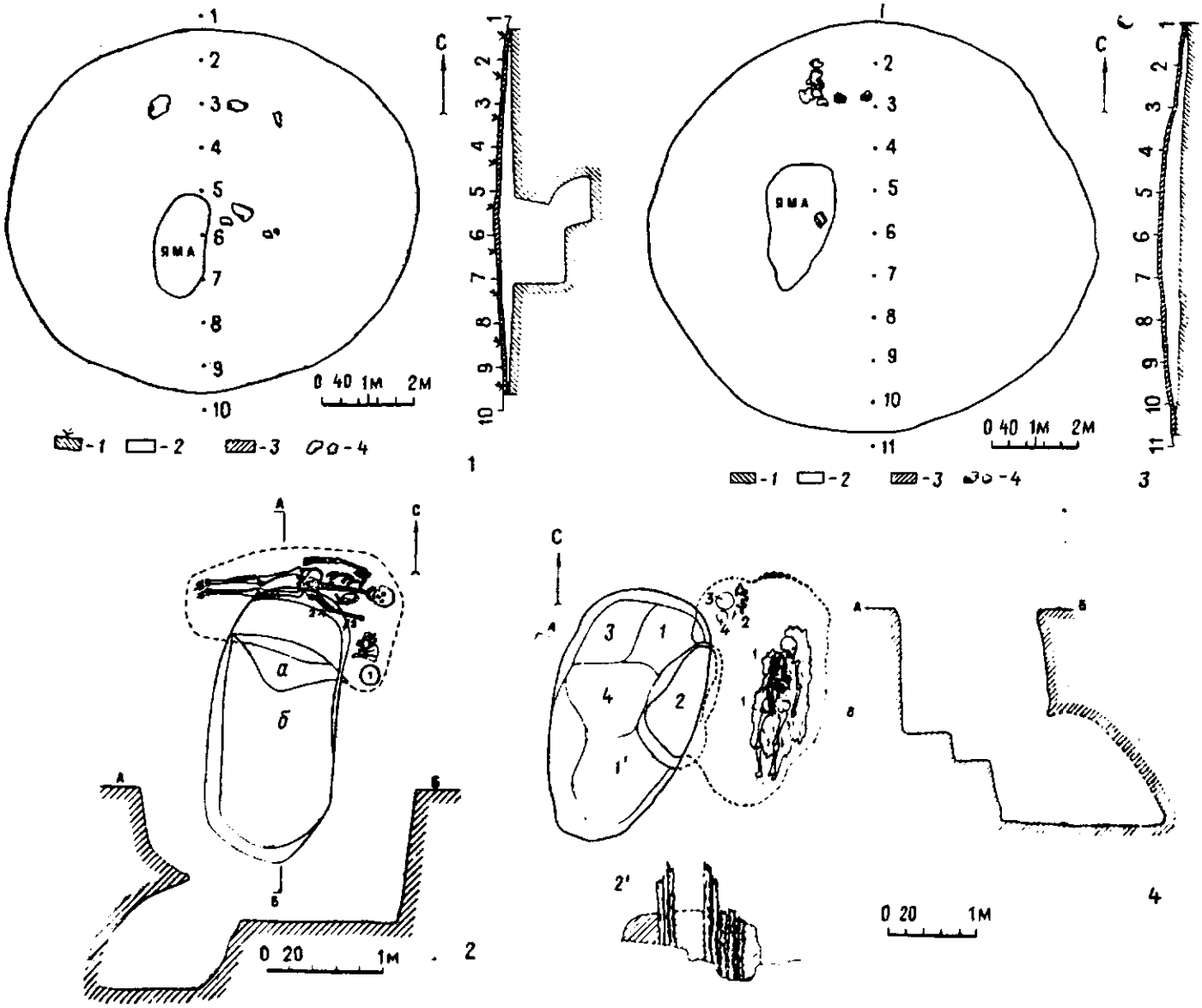

Рис. 131. Планы и профили курганов № 15 (*1, 2*) и 16 (*3, 4*) могильника Чаати I.
(*1* и *3*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни; (*2*): *а* — лаз, *б* — дно входной ямы; (*4*): *1* — дно ямы, *2* — лаз, *3* — уступ, *4* — углубление, *2'* — вид лаза до расчистки

юг) ×10,16 м и высотой 0,36 м. Под северной полой на горизонте оказались 9 обломков скалы — жертвенник, а в центре (на западной половине) расположена овальная яма (3,04×1,68 м), расширяющаяся к север-северо-востоку (рис. 131, *3*). На уровне горизонта, поверх засыпки ямы, лежал еще один большой обломок скалы. В центре ямы на глубине 1,76 м оказалось углубление еще на 20 см (рис. 131, *4*). В северо-западном углу ямы обнаружен уступ неясного назначения. В ее восточной части вырыт лаз, уходивший под стенку. Дно этого лаза (наибольшая длина 1,57 м, ширина 0,76 м) ниже дна входной ямы на 0,8 м. На глубине 0,62 м от уровня горизонта у восточной стенки входной ямы встретились жерди заслона; они закончились на глубине 1,96 м. Эти лиственничные жерди (их диаметр 4—6 см) хорошо сохранились. 7 жердей стояло (восьмая жердь упала в древности) вертикально вдоль стены, опираясь на дно лаза, которое совпадало с уровнем дна катакомбы (рис. 131, *4*).

Катакомба (2,7×1,56 м) неправильной овальной формы. Дно ее находилось на глубине 2,55 м от уровня горизонта. Потолок полуобвалился в древности. В ней лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-восток,

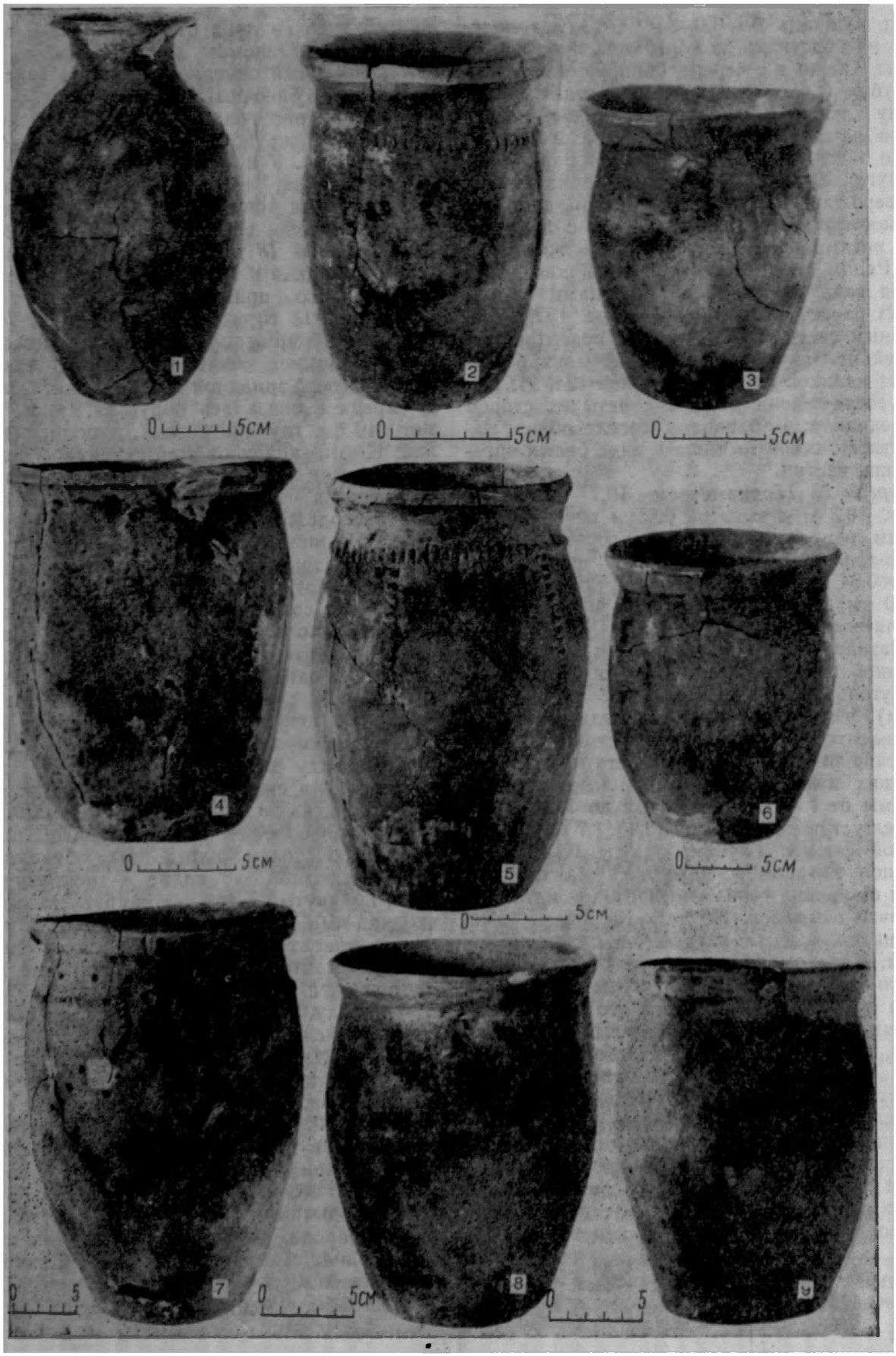
скелет мужчины 45—50 лет[131]. Скелет находился на подстилке из коры типа луба и был покрыт (даже на черепе обнаружены остатки) лубом (рис. 131, *4*). Длина костяка 1,66 м. Между ключицей и ребрами, а также справа у таза лежало по прямоугольной железной, сильно окислившейся пластине (от панциря?), но других следов железа не обнаружено. В северо-западном углу катакомбы находились кости и череп домашней козы с обломанными рогами ($^{16}/_{1}$) и окислившийся железный нож. Рядом стояли лепная, яйцевидная, узкогорлая ваза, украшенная фестонами из налепных рассеченных валиков (рис. 132, *1*), и баночный сосуд с шероховатой поверхностью нижней половины и пояском из двух рассеченных валиков по плечику (рис. 124, *9*). Ваза и сосуд имели налепы с четырех сторон под венчиком. В баночном сосуде обнаружены остатки какой-то пищи в виде белых органических частиц.

Курган № 17 диаметром 10,7 (север — юг) × 10,3 м и высотой 0,55 м со слабо заметным ровиком вокруг. На горизонте под северо-западной полой вскрыт жертвенник (1,45×0,64 м) из 5 обломков (средний размер 35×30 см) песчаниковой скалы и возле него лежала челюсть овцы (рис. 133, *1*). Кость овцы оказалась также на горизонте под северо-восточной полой насыпи. Входная яма подчетырехугольной формы (2,2×1,32 м, глубина 1,33 м), вытянута с юг-юго-запада на север-северо-восток. В север-северо-восточном конце ее расчищен овальный лаз с остатками полусгнивших жердей заслона. У лаза глубина дна ямы от горизонта доходит до 1,4 м. Далее шел уступ в катакомбу (2,4×1,7 м) неправильной формы. Глубина уступа 0,84 м, то есть пол катакомбы находился на глубине 2,24 м от уровня горизонта. Потолок катакомбы почти осыпался. Но там, где он местами сохранился, высота катакомбы доходила до 1,28 м. Катакомба вытянута с северо-запада на юго-восток. У северной стены катакомбы лежал на спине скелет взрослого без черепа, плечами на запад (рис. 117, *4*). Ширина плеч 0,44 м, таза 0,39 м, длина скелета 1,42 м. Человек, безусловно, был убит, так как большая лучевая кость левого предплечья рассечена каким-то острым тяжелым орудием, — вероятно, мечом. Следов сращения кости нет. Отсутствие черепа в непотревоженном грабителями погребении, очевидно, свидетельствует, что человеку отсекли голову, и было погребено лишь одно тело. Под скелетом сохранились кусочки луба от подстилки. В западной части катакомбы лежали кости овцы ($^{7}/_{1}$), железный окислившийся нож (рис. 123, *5*) и стоял баночный, лепной сосуд с украшением из рассеченных валиков, свисающих от валика, окружавшего сосуд по плечику (рис. 132, *2*). У правого плеча скелета лежала стеклянная, почти цилиндрическая, со скругленными концами желтовато-зеленая бусина с бежевым верхним слоем (рис. 128, *2*).

Курган № 18 диаметром 11 м и высотой 0,4 м. Западная и восточная полы насыпи были несколько примяты проходящими здесь дорогами. На горизонте, в северной части кургана, обнаружен жертвенник, сложенный из 13 обломков скалы (1,2×0,9 м) так, что камни северо-западной части лежат кругом. В середине оказалась округлая ямка (диаметр 40 см, глубина 20 см), наполненная золой. К юго-западу от жертвенника в нижнем слое насыпи лежали 2 обломка теменных костей черепа человека (рис. 133, *3*). Входная яма расположена в центре; она имела форму неправильного овала (2,64×1,6 м и глубина 1,3 м), вытянутого с север-северо-запада на юг-юго-восток. На глубине 1,27 м в западной части ямы появились остатки лиственничных жердей заслона лаза. На глубине 1,1 м в восточной части ямы обнаружена лопатка ягненка и еще одна его кость лежала в центре. Яма ко дну сильно сужена. Дно ее юг-юго-восточного конца появилось на глубине 1,3 м. Оно постепенно (70 см) понижалось к север-северо-западу до 1,45 м от горизонта, затем переходило в скос (шириной 20 см) и, наконец, в ступень на глубине 1,68 м. К западу от ступени расположен овальный лаз (1,35× ×0,5 м). Потолок катакомбы обвалился, а сама катакомба в плане — неправильный овал, вытянутый в том же направлении, что и входная яма (длина 2,05, ширина 1,4 м по полу и соответственно 2,2 м и 1,68 м по стенке). Пол катакомбы находился на глубине 2,5 м от горизонта (рис. 133, *4*).

На полу, покрытый остатками истлевшей бересты, лежал (вероятно, мужской) скелет без черепа, вытянуто на спине с север-северо-запада на юг-юго-восток, плечами на север-северо-запад. Человек этот, видимо, был убит в бою, так как левая плечевая кость его разрублена чем-то острым и не срослась. Голову он потерял, вероятно, при тех же обстоятельствах, что и убитые из курганов № 13 и 17. Любопытно, что голову его, потерянную на поле брани, родичи долго не могли найти, а когда нашли остатки черепа, то и закопали их в насыпь, как раз над тем местом, где должна бы покоиться голова в могиле

[131] По И. В. Перевозчикову, это — скелет женщины 25—30 лет (?).

1
0 5см
2
0 5см
3
0 5см
4
0 5см
5
0 5см
6
0 5см
7
0 5
8
0 5см
9
0 5

(рис. 133, 3) [132]. На месте головы в катакомбе стоял гладкий, баночный сосуд (рис. 132, *3*); у правого плеча лежал окислившийся нож (рис. 123, *4*); а у правой кисти были остатки истлевшего узкогорлого, деревянного кувшинчика, растрескавшегося еще в древности и починенного наложением четырех бронзовых пластинок с такими же гвоздиками (рис. 126, *1*). У юго-западной стенки находились остатки мясной пищи — кости овцы (череп, лопатка, бедро, позвонки — $^{59}/_{1}$).

Курган № 19 диаметром 8,15 (север — юг) × 9,5 м и высотой 0,32 м того же типа, что и курган № 18. На горизонте в северной части обнаружен жертвенник из большого плоского обломка скалы (60×40 см), а с ним несколько более мелких камней. В центре кургана, у северо-восточного края входной ямы, лежал череп коня с треугольным отверстием, пробитым в лобной кости. Рядом находилась половина нижней челюсти, а другая ее половина оказалась неподалеку к юго-востоку от черепа [133]. Эта находка свидетельствует о намогильной тризне, для которой убили лошадь, съели ее, а череп положили у могилы (рис. 117, *2*).

Входная яма подчетырехугольной формы (2,1×1,2 м, глубина 1,12 м), вытянута с северо-востока на юго-запад. Яма сильно сужалась в глубину. От заслона лаза осталась лишь труха. Лаз овальной формы (80×40 см; высота относительно дна входной ямы 23 см) оказался у северо-западной стены. От верхней границы лаза до дна катакомбы 0,9 м. До пола катакомбы от линии древнего горизонта 1,74 м. Катакомба вытянута с юго-запада на северо-восток. Длина по полу 1,9 м; наибольшая длина 2,1 м; ширина по полу 1,2 м; наибольшая ширина 1,3 м. У северо-западной стенки лежал на спине вытянуто скелет женщины 50—55 лет головой на северо-восток, лицом к юго-востоку. Череп женщины имел кольцевую деформацию. Длина скелета 1,52 м, ширина плеч 0,4 м и таза 0,38 м. В области груди лежало пряслице, сделанное из боковинки «уйгурской» вазы с оставшимся характерным сетчатым орнаментом на одной половине (рис. 129, *4*). Сосудов в этой могиле не было. К юго-востоку от черепа лежала оставшаяся от мяса кучка костей овцы ($^{7}/_{1}$).

Курган № 20 (66) диаметром 10,7 м и высотой 0,4 м. В насыпи на глубине 0,25 м в 1,2 м к югу от центра найден скелет старика в скорченном положении: нижние его конечности согнуты в коленях, верхние — вытянуты вдоль костяка. Скелет, обращенный головой на восток, лежал на правом боку. Кроме того, под насыпью в поверхностной части материкового грунта найдены истлевшие скелеты двух младенцев. Первый лежал под центром насыпи, на глубине 0,95 м от ее поверхности, а второй находился на глубине 0,7 м, в 4 м к западу от центра. При втором скелете была берцовая кость овцы, просверленная у конечного эпифиза [134]. Это сумак — мочеотводная трубка жестких колыбелей, типа, до недавнего прошлого распространенного у тюркоязычных степных народов.

К юго-западу от центра насыпи шел ход в могильную камеру. Он вытянут с юго-востока на северо-запад на 2 м; его ширина — 1,5 м. Юго-западная и северо-западная стенки хода отвесны, а юго-восточная и северо-восточная стенки в верхней части несколько наклонны. Дно хода ступенчатое. Глубина первой ступени (на юго-востоке) от поверхности степи 1,7 м, ширина 0,3 м; вторая ступень была на глубине 2,3 м, ширина 0,3 м; третья ступень шла наклонно, под северо-западную стенку хода к камере до глубины 3,4 м. При входе в камеру стоял наклонно сильно истлевший заслон из трех тополевых однорезин, промежутки между которыми были заполнены ветвями караганника. Ширина сохранившейся части заслона 0,7 м, высота 0,4 м. В засыпке хода встречались мелкие угольки. Катакомба (3×1,5 м, высота 1,5 м, глубина дна 3,2 м) вытянута с юго-запада на северо-восток (рис. 134).

На дне камеры лежал скелет женщины на спине вытянуто, головой на север-северо-восток. Правая рука вытянута повдоль скелета, кисть левой находилась на левой подвздош-

[132] Изучая эти случаи убийств, заключаем, что бои происходили в Туве и, вероятно, неподалеку от кладбищ, так как иначе отрубленные головы нельзя было бы найти и подхоронить в могилы.

[133] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 16, *3*, *4*.

[134] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 22, *1*.

←—

Рис. 132. Сосуды уйгуров:
1 — из кургана № 16, *2* — из кургана № 17, *3* — из кургана № 18, *4* — из кургана № 21, *5* — из кургана № 23, *6* — из кургана № 25, *7* — из кургана № 26, *8*, *9* — из кургана № 30

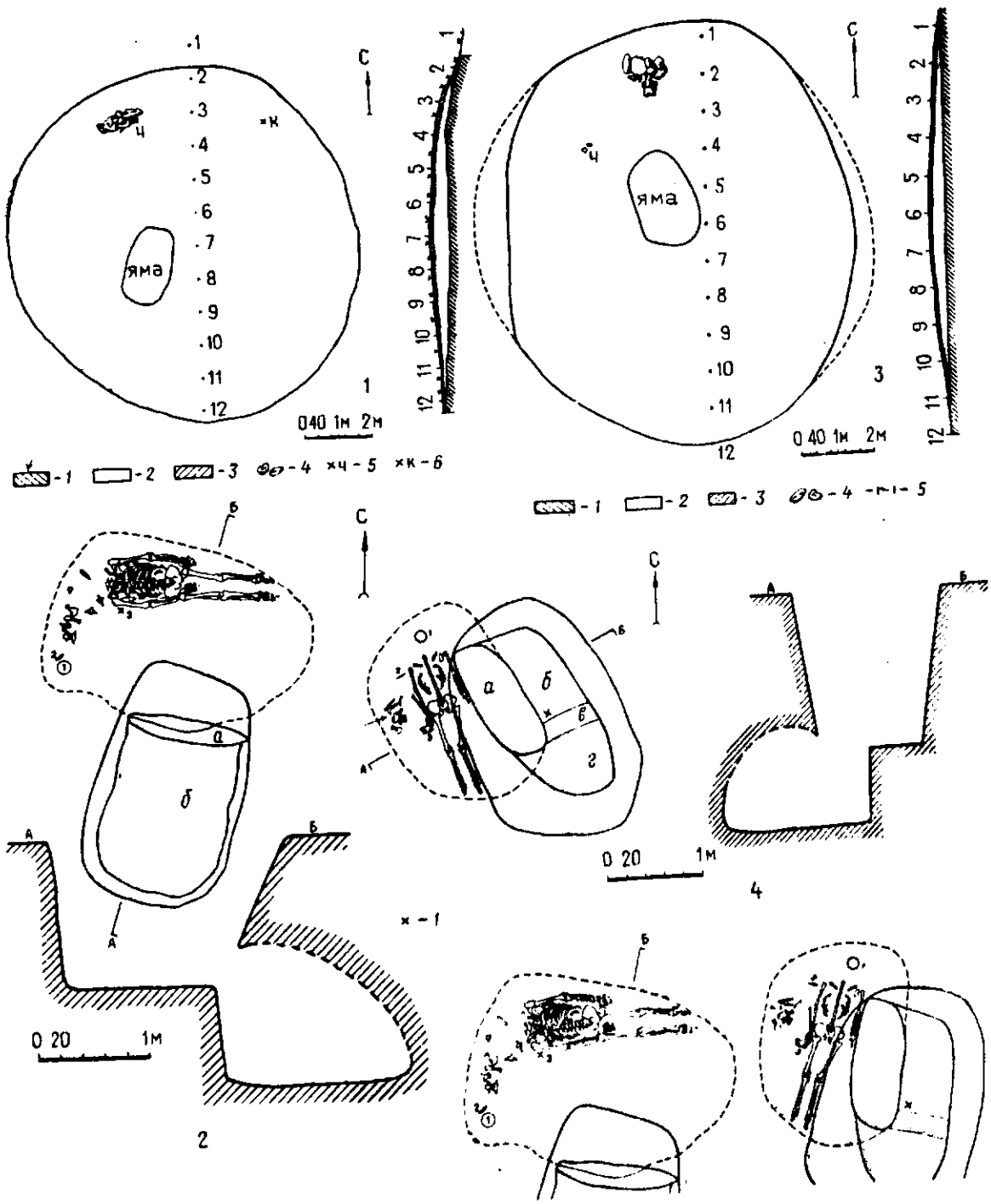

Рис. 133. Планы и профили курганов № 17 (*1*, *2*) и 18 (*3*, *4*) могильника Чааты I. (*1*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни, *5* — челюсть барана, *6* — кость барана; (*2*): *а* — лаз, *б* — дно ямы, (*3*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни, *5* — кострище, *ч* — два обломка черепа человека; (*4*): *а* — лаз, *б* — ступень, *в* — скос, *г* — дно входной ямы

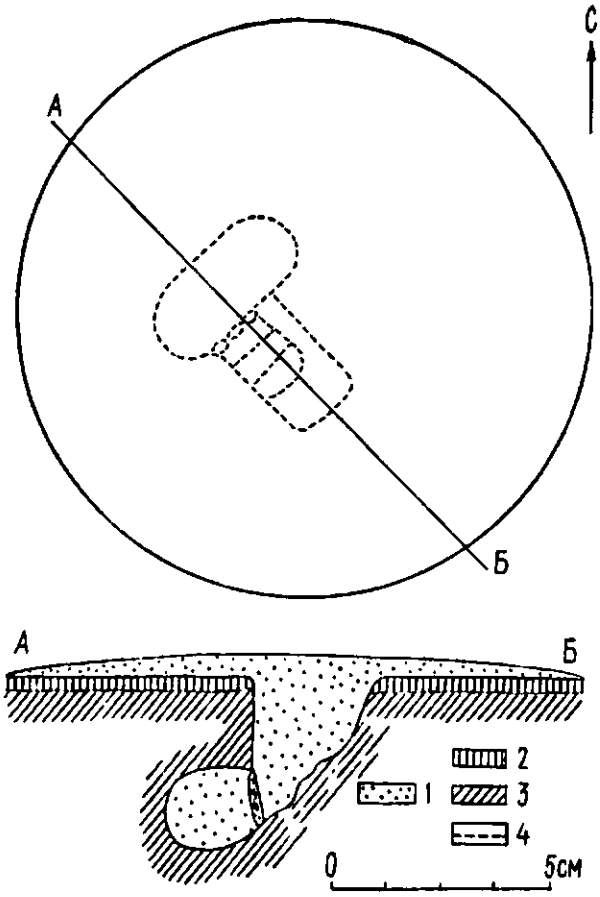

Рис. 134. План и профиль кургана № 20 (66) могильника Чааты I (по С. А. Теплоухову)
1 — лёсс, *2* — дерн, *3* — материк, *4* — план катакомбы

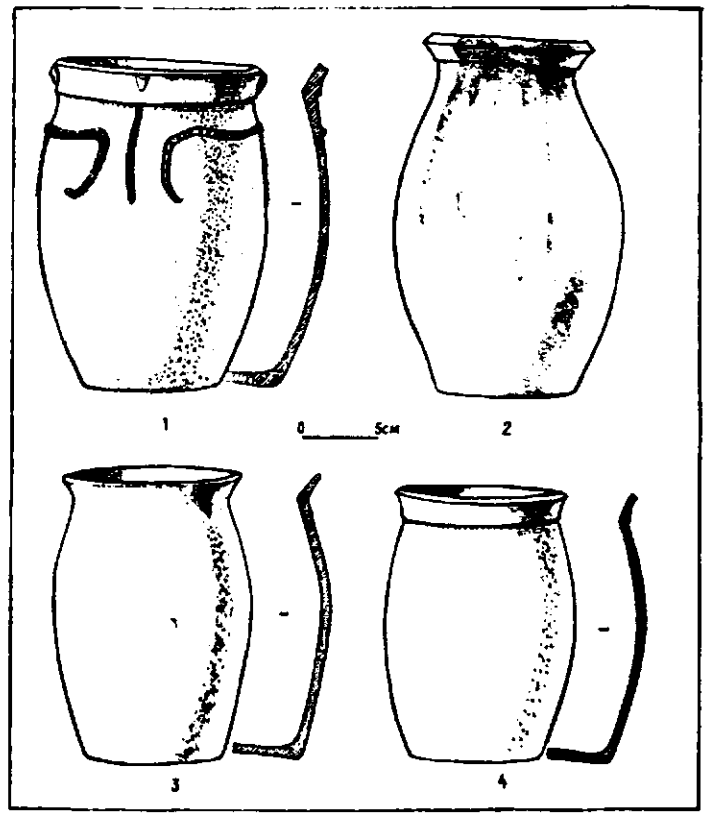

Рис. 135. Сосуды из курганов, раскопанных С. А. Теплоуховым в могильниках Чааты I
(*1* — из кургана № 20 (66), *4* — из кургана № 29 (64) и Чааты II
(*2* — из кургана № 74, *3* — из кургана № 78)

ной кости. С левой стороны вдоль скелета шел след узкой прослойки истлевшего дерева. У левого бедра найден игольник из трубчатой кости [135]. В 0,5 м к востоку от головы лежали кости овцы (череп, таз, кости передней и задней конечностей). Среди них обломок черешка железного ножа и медная скобочка с медным гвоздиком — оковка деревянного сосуда (?). К востоку от них стоял серый лепной сосуд с уступом и 4 налепами на венчике. Он украшен узором из рассеченных налепных валиков (рис. 135, *1*).

Курган № 21 диаметром 6,8 м (север — юг) × 7,4 м и высотой 0,35 м того же типа (рис. 136, *1*), что и курган № 20. Жертвенник состоял из одного плоского камня (40×50 см). На западной половине кургана выявлена овальная могильная яма (2×1,35 м, глубина 0,8 м), вытянутая с северо-запада на юго-восток. В ее засыпке встречались угольки, а в юго-восточном углу сверху стояли 3 сильно сгнившие жердочки (от покрытия?). Катакомбы в кургане не было, и прямо на дне ямы лежал на спине скелет мужчины 50—55 лет (рис. 136, *2*), головой на северо-запад. Длина скелета 1,6 м, ширина плеч 0,39 м и таза 0,33 м. У его левого локтя стоял гладкий баночный сосуд (рис. 132, *4*).

Курган № 22 (62) диаметром 6 м и высотой 0,35 м. Под центральной частью насыпи обнаружены границы могильной ямы овальной формы, вытянутой с юг-юго-запада на север-северо-восток. Длина ямы 2,2 м, ширина 1,8 м, глубина 1,45 м от горизонта. На дне ямы лежал скелет мужчины на спине, головой на север-северо-восток. Левая верхняя конечность согнута в локтевом суставе, и кисть ее лежала на тазовых костях, а правая верхняя конечность вытянута вдоль скелета. Слева у черепа находились кости овцы (лопатки, бедро, позвонки и ребра).

Курган № 23 диаметром 8 м и высотой 23 см. После снятия насыпи под северо-западной полой обнаружен жертвенник из кам-

[135] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 22, *2*.

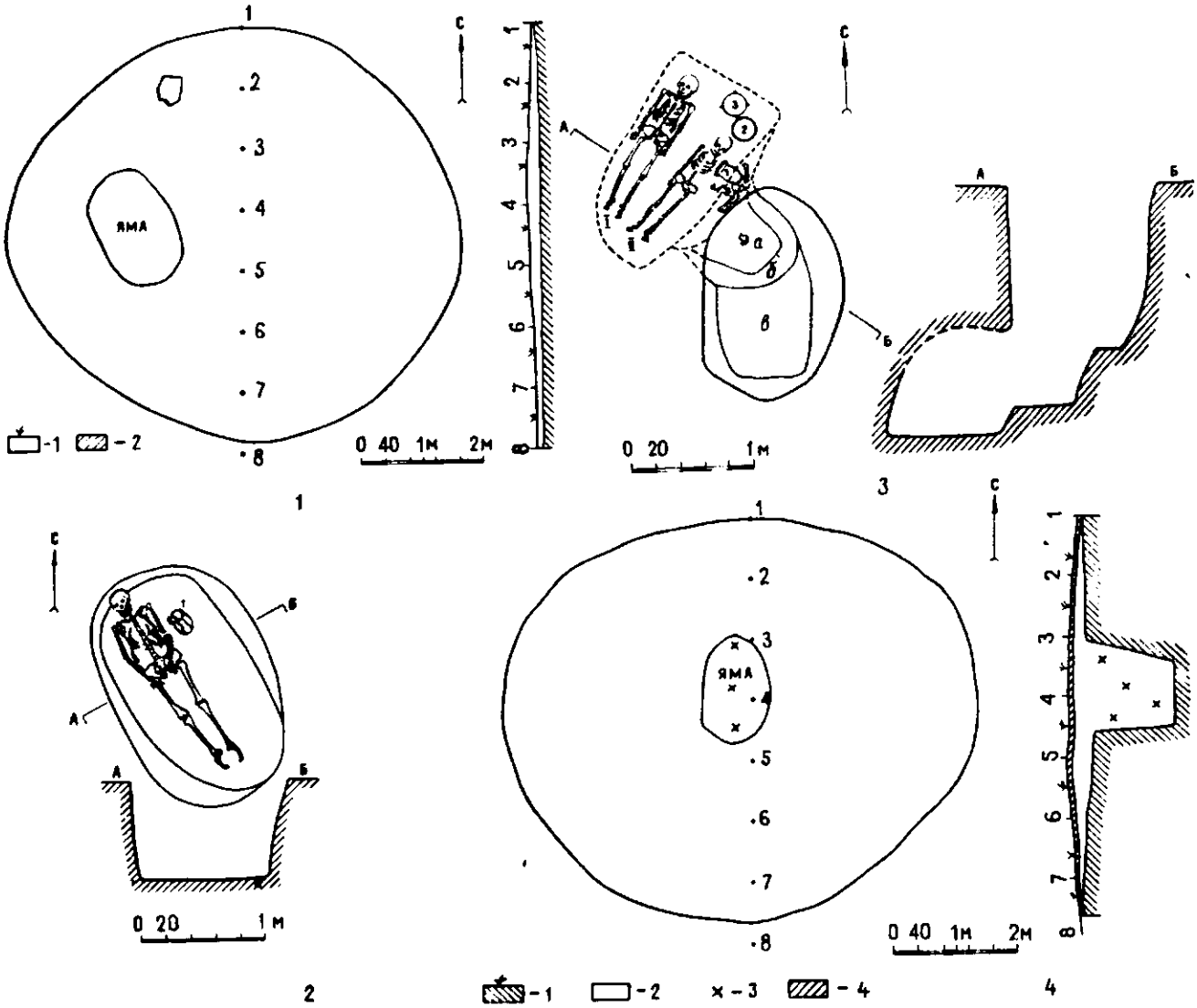

Рис. 136. Планы и профили курганов № 21 (*1, 2*) и 25 (*3, 4*) могильника Чааты I.
(*1*): *1* — лёсс, *2* — материк; (*3*): *а* — лаз, *б* — скос, *в* — дно ямы; (*4*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — угольки, *4* — материк

ней, а на западной половине выявлена могильная яма, вытянутая с север-северо-запада на юг-юго-восток (рис. 120, *3*). Длина ее 2,5 м, ширина юг-юго-восточного конца 0,7 м, а север-северо-западного — 1,4 м. Наибольшая глубина ямы 1,1 м. У обоих концов ямы были ступеньки и между ними покатое с востока на запад (от 0,95 до 1,1 м) углубленное дно. Катакомбы не было. На дне ямы вытянуто лежали два скелета головой на север. Это скелеты женщины-матери 25—30 лет и ребенка 20—25 месяцев. Длина скелета женщины 1,5 м, ширина плеч 0,31 м и таза 0,32 м. Длина детского скелета 0,60 м [136]. У правого локтя женщины лежало глиняное пряслице полушарной формы с орнаментом (рис. 129, *2*), а на ступеньке и в нишке северной стенки стояли 2 сосуда баночного типа, совершенно сходные, с кольцом налепного рассеченного валика по плечику и 4 свисающими валиками по сторонам (рис. 132, *5*) [137]. Между сосудами лежали кости овцы (2 лопатки, бедро и позвонки — $^{15}/_{1}$).

Курган № 24 (60) диаметром 12 м и высотой 0,6 м. Вокруг насыпи заметен отлогий ровик. В центре насыпи на глубине 0,15 м найдены сильно истлевшие кости, не поддающиеся определению, а на глубине 0,4 м и 0,6 м

[136] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 16, *2*.

[137] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 20, *2*.

выявлены отдельные угольки. На горизонте, в 1 м от центра, обозначились округлая в плане яма 1,3 м диаметром. Стенки ее отвесны, и лишь в север-северо-восточном направлении яма расширена. На глубине 1 м от горизонта в яме выявилась ровная площадка: имевшая у север-северо-восточного края крутой уступ высотой 0,3 м. От уступа яма отлогой норой уходила в глубину на север-северо-восток. Ступенчатый ход шел с юг-юго-запада на 2,3 м на север-северо-восток до обширной сводчатой камеры (длина 2 м, ширина 1,5 м) овальной в сечении, находящейся уже под северо-восточным сектором насыпи. Глубина дна камеры от поверхности степи 1,7 м. Камера вытянута с запада на восток. На дне лежал скелет мужчины на спине, головой на восток, с вытянутыми верхними и нижними конечностями. У левого плеча находились кости и 2 черепа овец и среди них железный клинок ножа. На поясничных позвонках лежала квадратная медная пряжка [138]. К юго-востоку от костей овец стояли глиняные сосуды: ваза с тремя поясами мелкоромбического орнамента и вертикально-лощеным низом (рис. 137, *2*) и широкогорлая лепная банка с сильно отогнутым венчиком.

Курган № 25 диаметром 6,64 (север — юг) ×7,6 м и высотой 15—20 см. Жертвенника не обнаружено. Овальная входная яма (1,78×1,13 м, при глубине 1,37 м) находилась в центре (рис. 136, *4*). В ее засыпке встречались мелкие угольки от сжигания кустарников. Лаз перекрывали жердочки, совсем сгнившие. В лаз, расположенный в северо-западном углу, вела ступенька (глубина 1,84 м). Наибольшая длина лаза равна 0,9 м, ширина 0,68 м и высота 0,62 м. Катакомба (1,76×1 м, высота до 0,95 м) вытянута с юго-запада на северо-восток. Юго-западный конец ее закруглен, а северо-восточный срезан прямо. Глубина пола 2,07 м от горизонта (рис. 136, *3*).

В камере находились погребения двух детей (рис. 136, *3*). Северо-западное погребение (I) — скелет девочки около 14—16 лет (длина 1,21 м, ширина таза 0,25 м и плеч 0,29 м) лежал вытянуто, головой на север-северо-восток. Юго-восточное погребение (II) — скелет ребенка 6—7 лет лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Длина скелета 1,05 м (ширина таза 0,21 м и плеч 0,26 м). Отсутствовали кости левой руки. Погребенным были поставлены 3 сосуда с жидкой и кашеобразной пищей. Один из них гладкий, два богато орнаментированы (рис. 132, *6*) [139]. Рядом с сосудами лежали кости передней части овцы (2 лопатки, шейные позвонки и другие $^{17}/_{1}$) и обломки железного ножа. При зачистке под скелетами обнаружены остатки древесных волокон, возможно, от подстилки.

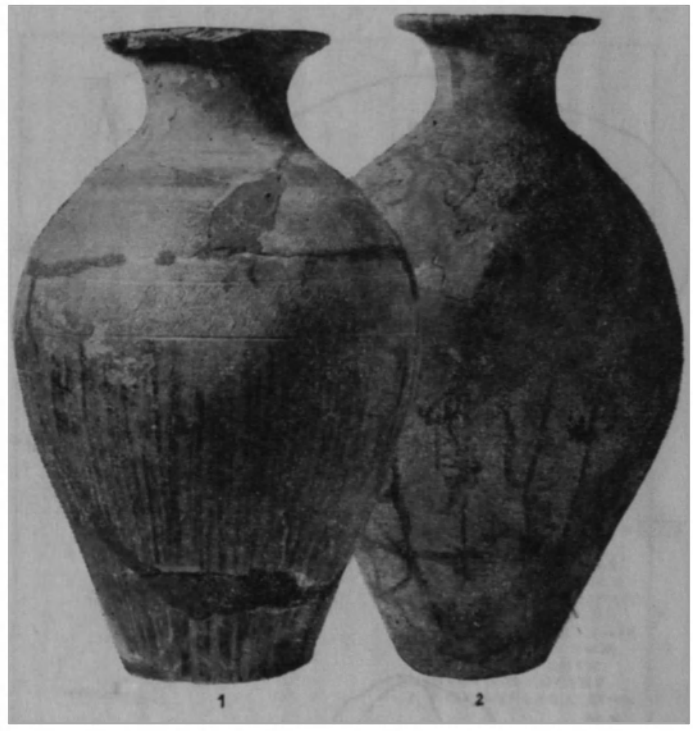

Рис. 137. Вазы уйгуров из курганов:
1 — из кургана № 29 (64), *2* — из кургана № 24 (60)

Курган № 26 имел расплывшуюся овальную (диаметр 5,5 (север—юг) × 7,08 м, высота до 10 см) насыпь. Под ней на горизонте в юго-западной поле обнаружен камень (32×24 см). Яма (2,2×1,6 м, глубина 0,95 м) неправильной формы (рис. 138, *1*) выявлена в западной половине насыпи. Катакомба тоже неправильной формы (рис. 138, *2*). Она расположена к востоку от ямы; наибольшая длина ее 1,77 м, ширина 0,87 м, глубина от горизонта 1,25 м. Потолок катакомбы обрушился в древности. На полу лежал вытянуто на спине скелет старика плохой сохранности (даже череп полусгнил), головой на север-северо-восток. Длина скелета 1,4 м, ширина таза 0,24 м. Кости наполовину растащены сусликами (рис. 138, *2*). К востоку от скелета лежали кости овцы ($^{3}/_{1}$), окислившийся нож с костяным черенком (рис. 123, *3*) и ремонтированный в древности глиняный сосуд баночного типа с 4 налепами под венчиком,

[138] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 22, *6*.

[139] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 20, *3, 4*.

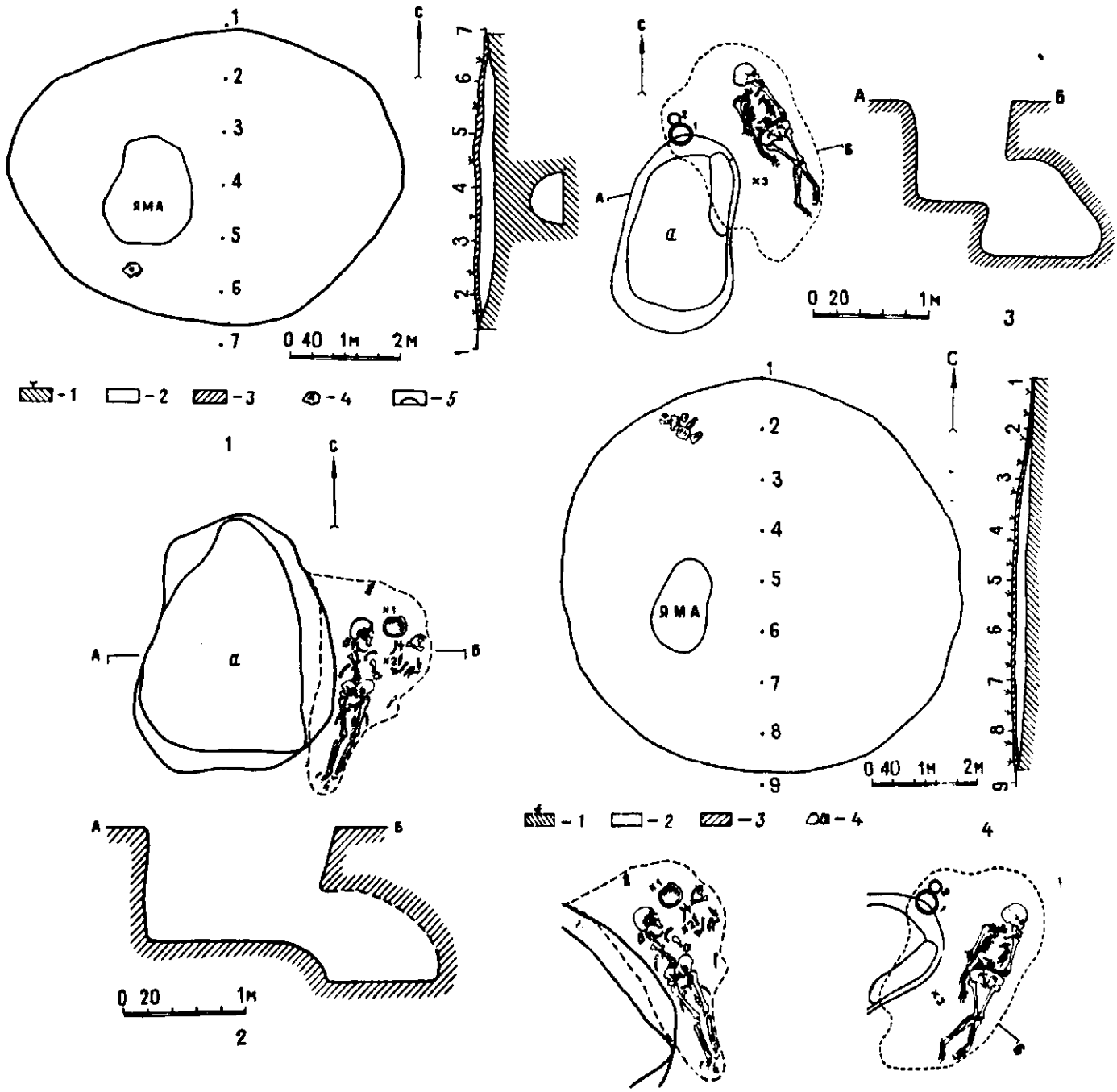

Рис. 138. Планы и профили курганов № 26 (*1, 2*) и 30 (*3, 4*) могильника Чааты I.
(*1*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камень, *5* — погребение; (*2* и *3*): *а* — дно ямы; (*4*): *1* — дерн, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — камни

«усиками» из рассеченного валика и шероховатой нижней половиной (рис. 132, *7*).

Курган № 27 (63) имел овальную насыпь диаметром 12 (север—юг) × 15 м и высотой 0,8 м. На горизонте в юго-западном секторе насыпи обнаружена яма (2,8×1,1 м), вытянутая с юг-юго-запада на север-северо-восток. Наклонное дно ее постепенно углублялось на север-северо-запад. Стенки почти отвесны. У дна ямы в север-северо-восточной стенке обнаружен вход в катакомбу, заставленный заслоном (ширина 0,7 м) из 4 толстых досок (до 0,1 м шириной каждая). Заслон в верхней части сгнил, и поэтому высоту его восстановить трудно. Он вытянут с востока на запад. Восточная часть его находилась под

центром насыпи. В засыпке входной ямы в разных местах обнаружены ребра барана и отдельные угольки. Дно входа в катакомбу находилось на глубине 1,45 м от горизонта, а дно катакомбы — на глубине 1,7 м.

Длина камеры 2,5 м, ширина 2 м. Камера вытянута с востока на запад. У ее северной стенки, на берестяной подстилке, лежал на спине, головой на восток, скелет женщины. Череп ее был деформирован. Плечевые кости лежали повдоль. Кости правого предплечья находились в области плеча, кости левого предплечья лежали у черепа, фаланги левой руки найдены у подвзошной кости. У правой нижней конечности отсутствовали кости стопы.

В 0,6 м к юго-западу от черепа стояла ваза, сделанная на кругу (рис. 121, 2), а рядом с ней были обломки склепанного из пластин железного котла с двумя горизонтальными ручками и плоским дном (диаметр 0,25 м, высота 0,26 м). В котле лежали угольки. Возле сосудов, ближе к скелету, размещались кости овцы (череп, позвонки, лопатки, ребра, часть таза) и быка (ребра, лопатки, позвонки, плечо). Между костями животных находился железный ножик [140]. Под сосудом найдены кусочки сгнившего дерева, обрамленного железными оковками с заклепками. У низа левой голени лежало пряслице из белого мягкого (мелкокристаллического) камня, а на поясничных позвонках — железная пластинка. Вдоль скелета с северной стороны обозначилась тонкая полоска истлевшего дерева длиной 1,25 м.

Курган № 28 (61) диаметром 15,5 м и высотой 0,75 м. На горизонте обнаружена яма (длина 3—4 м, ширина 2 м), ориентированная с юга на север. Центр ямы находился под центром насыпи, где на глубине 0,25 м найдены черепок и мелкие угольки. Дно ямы было покатым; две плохо выкопанные ступени на дне углублялись с юга на север. Стенки ямы, кроме восточной, отвесные. Вторая ступень заканчивалась под северной стенкой, где у дна глубокая ниша служила погребальной камерой (2,5×2 м, высота 1 м). От центра насыпи камера находилась в 1,5 м. Дно на глубине 3,5 м от горизонта. Камера вытянута с северо-запада на юго-восток. Вход в нее заставлен деревянным заслоном-решеткой (1,2×1 м). От решетки сохранились только части звеньев, но конструкция все же ясна.

В деревянном округлом брусе, лежащем горизонтально на дне входа, имелось 12—

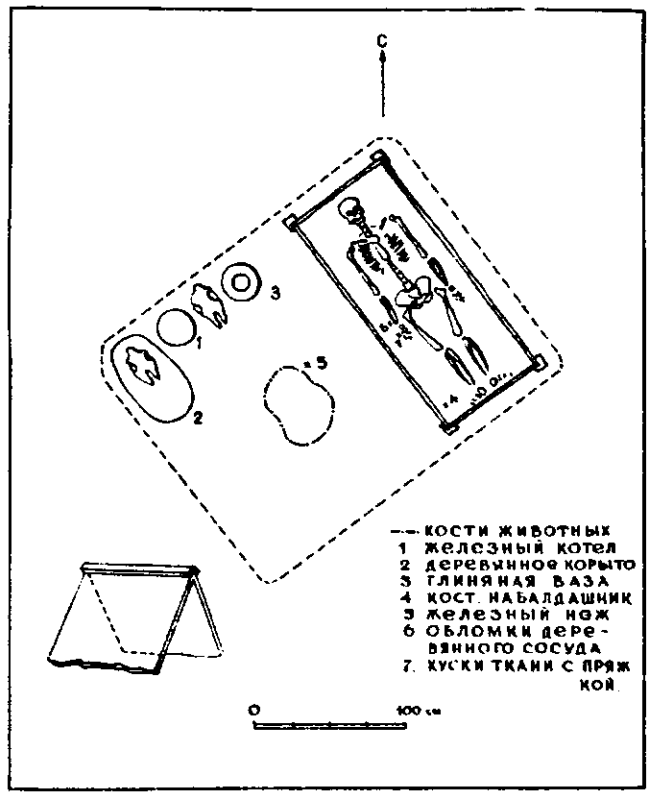

Рис. 139. План погребения в кургане № 28(61) могильника Чааты I (по С. А. Теплоухову)

13 четырехугольных пазов, сделанных приблизительно на равном расстоянии друг от друга. В эти пазы вставлены вертикальные четырехугольные в сечении палки. В палках на расстоянии 14—15 см пробиты сквозные четырехугольные отверстия, в которые горизонтально продеты деревянные прутья. Верхняя часть решетки превратилась в труху.

В северо-восточной половине камеры, на берестяной подстилке, в деревянном четырехугольном ограждении обнаружен скелет мужчины. Ограждение (2×0,65 м и высотой 0,3 м) сделано из 4 тонких досок (толщиной 2 см), концы которых находились в пазах вертикальных угловых колышков. Судя по отдельным сохранившимся кускам бересты, найденным на скелете, ограждение было прикрыто берестой [141]. Оно вытянуто с юго-востока на северо-запад. Скелет (длина 1,75 м) плохой сохранности лежал на спине, головой на северо-запад, с руками, вытянутыми вдоль тела (рис. 139). У правого предплечья лежал усохший узкогорлый деревянный сосуд, трещины горла которого затянуты бронзовыми наклад-

[140] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 22, 7.

[141] С. А. Теплоухов, очевидно, обнаружил гроб с лубяными стенками; такой же, как в соседних могилах.

ками на заклепках. У кисти правой руки заметны остатки ткани плотного переплетения со швами в складку. К одной кромке пришита оборванная полоска бледно-голубого шелка. На одном обрывке ткани каким-то образом укреплена бронзовая поясная пряжка с обрывками ремня [142]. В южном углу ограждения обнаружено костяное навершие. На юго-западной половине камеры находились остатки погребальной пищи и сосуды. Вдоль северо-западной стенки, от угла, лежало истлевшее деревянное плоское корыто (длина 65 см, ширина 30 см, высота 13 см) с положенными на нем черепом и костями овец. Рядом с корытом стояли железный клепаный круглодонный котел с вертикальными ручками и узкогорлая ваза, сделанная на кругу (рис. 139) [143]. Между котлом и вазой располагался череп овцы. В центре юго-западной половины катакомбы размещались кости овцы (крестец, лопатки, ребро) и быка (ребра), а также нож железный и обломки второго большого клинка с отпечатками деревянных ножен. На дне камеры встречались угольки.

Курган № 29 (64) диаметром 14,2 (север—юг) × 17 м и высотой 0,8 м земляной насыпи. На горизонте, к западу от центра, выявлена подчетырехугольная яма (2,2×1,6 м), вытянутая с юго-запада на северо-восток. Ее наклонное дно углублено на северо-восток до глубины 2,8 м. Стенки отвесные. У дна в северо-восточной стенке обнаружен вход в катакомбу, заставленный заслоном (1×1 м) из 5 вертикальных обугленных однорезин (их диаметр 0,15—0,2 м) с перекладиной (ширина 0,18 м) наверху. Камера овальной формы (2×1,2 м), вытянута с северо-запада на юго-восток. Дно ее ниже входа на 0,3 м. Скелеты юноши и младенца лежали рядом, вытянуто на спине, головой на юго-восток. Череп юноши находился в 1,73 м от заслона. Скелет младенца лежал ближе к входу, в 0,32 м от юноши. Стопы их были на одной линии, а череп младенца находился против левого локтя юноши.

Под скелетами залегала подстилка из веток тополя и акации. В 0,92 м к югу от черепа юноши стоял серый, лепной, баночный сосуд с уступом под шейкой (рис. 135, *4*). На дне его обнаружена беловатая масса с чешуйками проса. К северо-западу, в 0,5 м от черепа юноши, возле сосуда стояла изношенная медная округлодонная чаша-котел со следами оторванных железных ручек. Она выбита из одного тонкого листа красной меди (диаметр горла и плечиков 33 и 37 см; высота 19 см, толщина 1 мм). Чаша стояла на углях, а в ней были кости задней части овцы. К северу от горшка, в 0,64 м от черепа юноши лежала на боку узкогорлая ваза, сделанная на кругу (рис. 137, *1*). К югу от плеча, в 0,3 м, находились кости передних ног овцы, бедро быка и кость лошади. Среди них — железный ножик. Вдоль левого бедра юноши обнаружены центральная роговая накладка от лука [144] и обломок черешкового железного наконечника стрелы.

Курган № 30 с очень плоской насыпью (диаметр 7,76 (север—юг) × 7,6 м, высота 0,25 м). Под северо-западной полой оказался каменный жертвенник (1,2×0,85 м) (рис. 138, *4*) из 8 обломков скалы (15×18 см в среднем). Овальная входная яма (1,85× ×1,05 м, глубина 0,9 м) в западной половине насыпи вытянута с север-северо-востока на юг-юго-запад. В засыпке — угольки, гравий. Овальный лаз оказался в северо-восточной части ямы (длина 0,65 м и высота 0,48 м). Катакомба — неправильный овал (1,9×1,25 м, высота 0,9 м). Глубина пола от горизонта 1,4 м. Потолок сохранился. В катакомбе положен вытянуто на спине скелет старухи-горбуньи 60 лет, с сильно искривленным позвоночником (деформированные позвонки) и полностью облитерированной нижней челюстью; ее левая рука лежала на животе. Череп имел кольцевую деформацию. Длина скелета 1,36 м, ширина плеч 0,34 м и таза 0,27 м. Зубов нет, а в верхней челюсти сохранились прорези только коренных зубов. В западном углу катакомбы стояли два баночных лепных сосуда: гладкий и с шероховатой нижней половиной (рис. 132, *8, 9*). Близ правой руки находилось пряслице из белого мрамора (рис. 129, *3*). Сохранились кости овцы ($^{7}/_{1}$).

Могильник Чааты II (северный) у горы Бай-Даг, на надпойменной террасе правого берега Чааты, находится в 354 м к север-северо-западу от уйгурского могильника Чааты I. Он соотносится со II Шагонарским городищем, которое расположено в 500—600 м к западу от кладбища. Могильник содержал не только земляные курганы уйгуров, но и каменные курганы других эпох. С. А. Теплоухов в 1927 г. среди разновременных курганов исследовал 4 уйгурских (№ 74, 76, 78, 79; рис. 140). Осмотр этого могильника нами в 1958 г. показал, что на нем сохранились небольшие уйгурские курганы. Два из этих кур-

[142] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 22, *5*.

[143] Там же, рис. 18, *1*; 21, *10*; 22, *9*.

[144] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 21, *8, 9*; 22, *12, 13*.

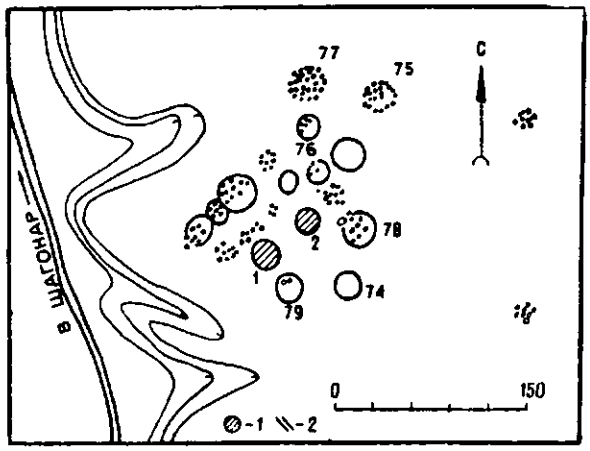

Рис. 140. План могильника Чааты II. Курганы № 1, 2 (*1*) раскопаны Л. Р. Кызласовым в 1960 г., курганы № 74—79 раскопаны С. А. Теплоуховым в 1927 г. (*2* — дорога)

ганов были раскопаны нами 33 года спустя, в 1960 г. (рис. 140).

Курган № 1 — это плоская округлая насыпь из лёсса диаметром 8 (север—юг) × ×7,8 м, высотой 27 см. Насыпь сильно оплыла, и потому до раскопок в северо-западной поле были видны камни — остатки жертвенника, который затем был расчищен (рис. 141, *1*). Его составляли обломки скалы (до 40 кг). При зачистке материка у края северо-восточной полы обнаружены 2 обломка боковины серого лепного сосуда. На западной половине прослеживается грушевидная в плане входная яма (1,76×1,2 м), вытянутая с северо-востока на юго-запад. Яма заполнена лёссом с пестрой перемешкой. Глубина ее от горизонта 0,96 м (рис. 141, *2*). Вдоль северо-западной стенки ямы найдены кости ребенка: нижняя челюсть, кость руки, позвонок (рис. 141, *2*), смещенные сусликом. Здесь же был лаз в обвалившуюся катакомбу овальной формы (1,86×1 м, глубина пола от горизонта 0,92 м, высота 0,52 м), вытянутую с северо-востока на юго-запад.

В катакомбе лежали в очень тонких берестяных гробах два ребенка вытянуто на спине, головой на северо-восток. Кости и гроб восточного скелета (I) растревожены сусликами и сохранились плохо. Береста покрытия сползла в лаз (рис. 141, *2*). В головах скелета (I) лежал раздавленный лепной баночный сосуд с узким дном и расширенным горлом. Длина скелета (II) 1,19 м. Возраст около 4—5 лет. Гроб скелета (II) сохранился лучше всего. Он имел берестяную покрышку. Длина его 1,29 м, ширина в головах 0,31 м и в ногах 0,18 м (рис. 141, *2*). В ногах обнаружен сильно окислившийся железный предмет (нож?).

После разборки погребений I и II обнаружено относительно более раннее погребение ребенка (III), частично перекрытое погребением II. Здесь в небольшом углублении (0,77×0,39 м) лежал плохо сохранившийся скелет (растащен сусликами) без гроба (рис. 141, *2*). У головы найден бесформенный железный предмет, а у колена лежало пряслице, сделанное из стенки сосуда. По этой находке можно заключить, что погребена девочка; возраст 1,5—2 года. Ее скелет лежал на спине, головой на север-северо-восток.

Курган № 2 имел округлую, сильно оплывшую насыпь диаметром 7,3 (север—юг) × ×7,5 м, высотой 0,32 м, из лёсса, прикатанную дорогой (рис. 141, *3*). В северной поле на поверхности видны камни жертвенника, при расчистке которого следов костра не обнаружено.

В центре на горизонте расчищена входная подпрямоугольная яма (1,6×0,72 м), вытянутая с северо-востока на юго-запад. Возле нее лежали 2 камня; третий камень (44×26× ×11 см) на глубине 38 см от древнего горизонта найден в яме (рис. 141, *3*). Обнаружены также 2 деревянных столбика, один на борту, а другой в яме возле плиты (рис. 141, *3*). На глубине 0,8 м от горизонта оказалась фаланга пальцев ноги человека, перемещенная сюда сусликом. Общая глубина входной ямы 85 см от горизонта. В юго-западном ее конце обнаружен лаз шириной 76 см и высотой 26 см от дна входной ямы. Лаз закрывал вырубленный из лёсса «кирпич» (рис. 141, *4*).

Катакомба была искривленной (наибольшая длина 2,3 м, ширина 0,6 м), вытянутой с северо-запада на юго-восток, потому и труп положен на спине искривленно. Голова от пояса направлена на запад, а ноги от таза ориентированы на юго-восток. Это скелет женщины 25—30 лет с затылочной деформацией на черепе. Он лежал на глубине 1,05 м от горизонта. Женщина, вероятно, была убита, так как справа от ее головы лежал отрубленный нижний конец левой плечевой кости. Он сохранил четкий след среза (рис. *141, 4*).

В северо-западном углу катакомбы стоял лепной баночный сосуд (рис. 141, *4*). Высота катакомбы: 28 см над черепом и 50 см на уровне лаза.

Курган № 3 (74) имел земляную насыпь диаметром 7 м и высотой 0,35 м. На глубине 0,4 м, в западной половине насыпи, обнаружена четырехугольная яма (1,8×0,85 м), вытянутая с юго-запада на северо-восток. Стен-

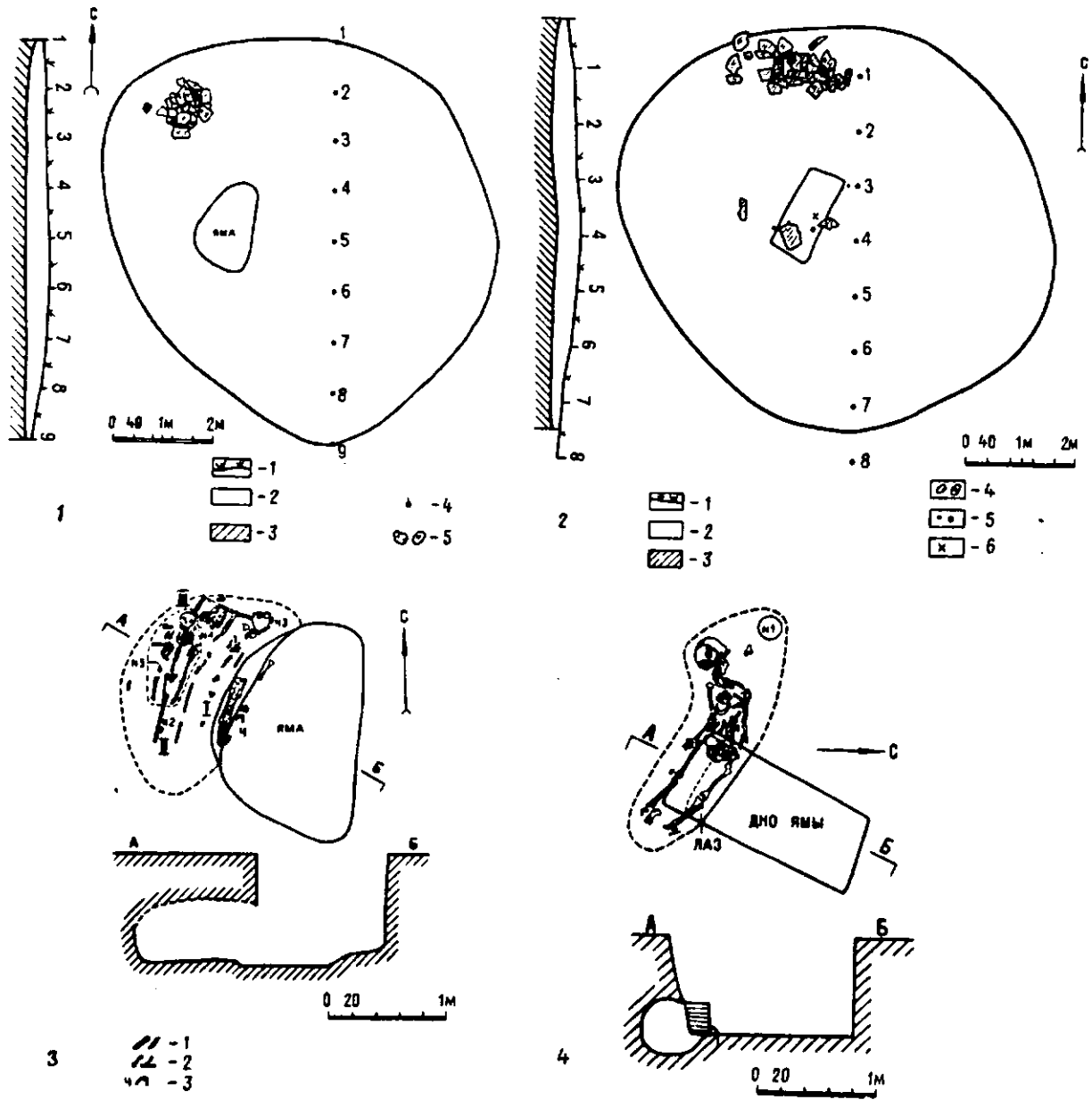

Рис. 141. План и профили курганов № 1 (*1*, *2*) и 2 (*3*, *4*) могильника Чааты II.
(*1*): *1* — слой дерна, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — находка, *5* — камни; (*2*): *1* — слой дерна, *2* — лёсс, *3* — материк, *4* — каменные плиты, *5* — деревянные столбики, *6* — фаланга ноги человека; (*3*): *1* — береста, *2* — кости, *3* — нижняя челюсть человека из погребения

ки ее отвесны. Дно — на глубине 2 м от поверхности насыпи. Внизу северо-восточной стенки встречен заслон из крупных камней (ширина 0,7 м, высота до 0,6 м). Заслон вытянут с юг-юго-востока на север-северо-запад. Он находился посредине западной стенки катакомбы. Дно камеры на 0,25 м ниже дна у лаза. Камера овальная (2×1,1 м, высота 0,7 м; дно на глубине 2,3 м от верха насыпи), вытянутая с юга на север (рис. 142). Скелет мужчины лежал на спине вытянуто, головой на юг. Он лежал на трех досках, уложенных в поперечном направлении: одна под плечами, другая под тазом, третья под стопами (рис. 143). Длина скелета 1,55 м. В черепе, в области лобной кости, около височного шва видно трехлопастное отверстие, пробитое наконечником стрелы. Значит, человек этот был убит. Длина досок 0,74 м, ширина 0,1 м и толщина 0,02 м. Концы досок стесаны. В 0,1 м к западу от черепа стоял узкогорлый закопченный лепной сосуд, с потеками красного цвета

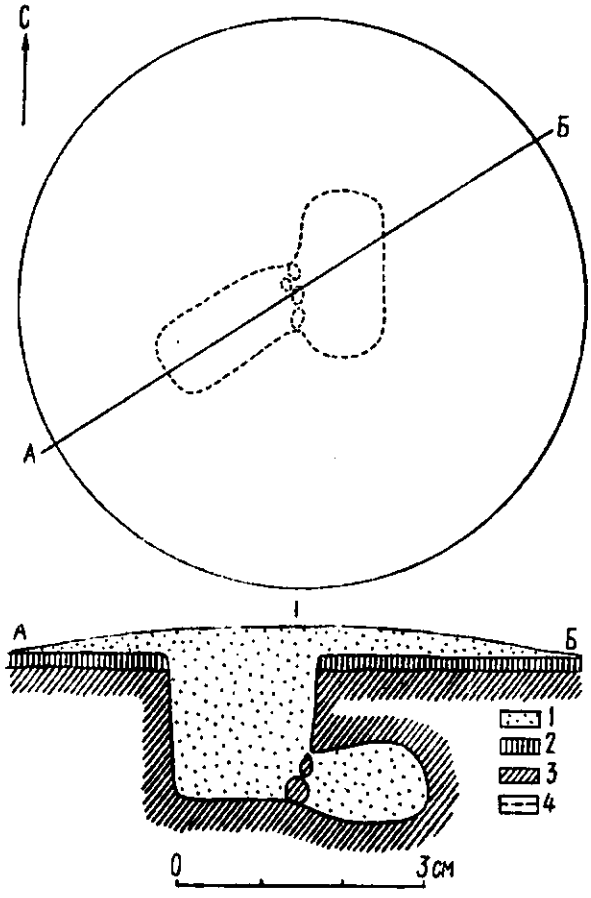

Рис. 142. План и профиль кургана № 3 (74) могильника Чааты II (по С. А. Теплоухову):
1 — лёсс, *2* — дерн, *3* — материк, *4* — план катакомбы

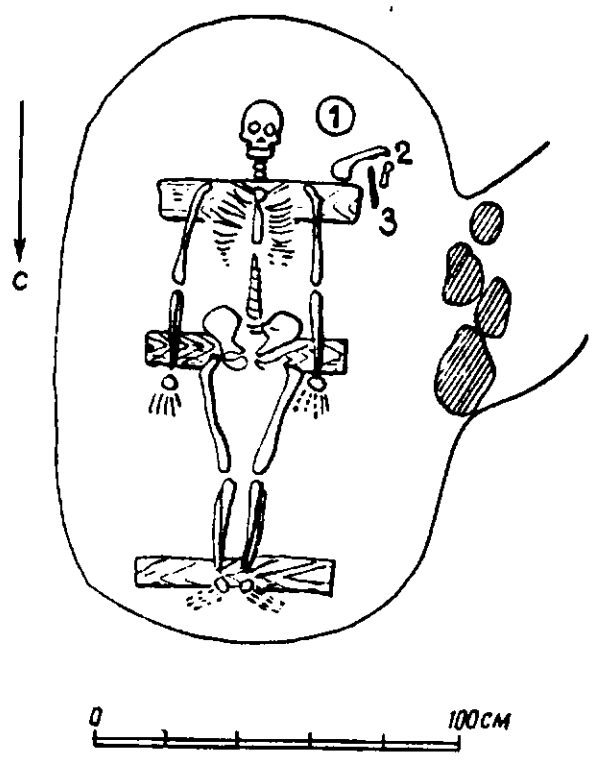

Рис. 143. Погребение в кургане № 3 (74) могильника Чааты II (по С. А. Теплоухову):
1 — сосуд, *2* — кости барана, *3* — нож

вниз по тулову (рис. 135, *2*). У правого плеча (к западу) лежали кости передней части овцы и среди них железный узкий нож.

Курган № 4 (76) имел округлую насыпь диаметром 7 м, высотой до 0,15 м из земли, но кое-где торчали отдельные камни[145]. В центре насыпи — могильная подчетырехугольная яма (1,85×1,1 м, глубина 1,8 м). Стенки отвесны, только северо-западная несколько отлога. На дне лежали два скелета мужчин вытянуто на спине, головой на северо-восток. Только у северо-западного скелета левая кисть находилась на костях таза. К северо-востоку у черепа юго-восточного скелета стоял узкогорлый лепной сосуд, точно такой же формы, как в кургане № 3 (74). В том же направлении у черепа второго скелета расположены: кости овцы, обломки железного ножа и грубая лепная банка с оббитым горлом и налепными рассеченными валиками, расходящимися загнутыми «усиками» с одной стороны.

Курган № 5 (78) — округлая земляная насыпь диаметром 8,2 м и высотой 0,5 м. В центре насыпи торчит несколько камней (до 0,6—0,7 м шириной). Ниже горизонта стени камней нет. Под насыпью обнаружена четырехугольная входная яма (2,3×1,5 м, глубина 1,8 м от поверхности насыпи), вытянутая с юго-запада на северо-восток. В засыпке встречались угольки. В нижней части северо-восточной стенки шел лаз в катакомбу. Камера подчетырехугольной формы (2,1×1,1 м), с обвалившимся потолком, вытянута с юга на север. Дно ниже входной ямы на 0,2 м, то есть на глубине 2 м от верха насыпи. Ход подходил к катакомбе под острым углом. На дне лежал скелет женщины вытянуто на спине, головой на юг; кисть левой руки лежала на лобке. К западу в 0,25 м от черепа стояла серая лепная банка, с отогнутым венчиком и шероховатой поверхностью (рис. 135, *3*). С юго-западной ее стороны находились кости крестца и передней части овцы и среди них —

[145] С. А. Теплоухов, копая «колодцем» только центральные части курганов, не зафиксировал каменных жертвенников, которые были и в раскопанных им курганах. Это доказывается редким указанием на камни, а также нашим доследованием пол теплоуховских курганов в 1960 г. и обнаружением в них жертвенников.

прямой черешковый нож. У правого плеча обнаружено пряслице из белого камня [146]

Курган № 6 (79) имел земляную насыпь диаметром 7 м и высотой 0,2 м. На западной половине насыпи выявлена подчетырехугольная яма (1,7×1,3 м, глубина 1,4 м), вытянутая с юг-юго-запада на север-северо-восток. На дне ее лежал на спине скелет женщины, головой на север-северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела, а ноги согнуты в коленных суставах. Череп женщины имел кольцевую деформацию. С левой стороны возле черепа размещались кости овцы.

▼

Раскопано 36 уйгурских курганов. В могильнике Чааты II остались нераскопанными еще 5—6 уйгурских курганов (рис. 140). Не найденные до сих пор кладбища следует искать возле других известных уйгурских крепостей как в Туве, так и в Монголии, где погребения древних уйгуров продолжают оставаться неизвестными.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ УЙГУРСКОГО ПЕРИОДА VIII—IX вв.

Погребения по обряду трупоположения с конем, относящиеся, по нашему мнению, к уйгурскому периоду, раскопаны С. А. Теплоуховым в 1927 г. у горы Бай-Даг. Эти курганы № 72 (13) и 75 (16) находились возле уйгурских земляных курганов и в могильнике Чааты II (рис. 140). Такое их расположение, вероятно, подтверждает не только одновременность захоронений, но и тесные взаимоотношения уйгуров с этнической группой продолжавших проживать в Туве тюрок-тугю.

Курган № 72 (13) имел округлую каменную насыпь диаметром 8,5 м и высотой 0,8 м. На уровне горизонта обнаружено впускное тувинское погребение. Более раннее древнетюркское погребение находилось в прямоугольной яме (2,3×1,6 м, глубина 0,5 м). Скелет старика (за 60 лет) лежал на правом боку, со слегка подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела. На поясничных позвонках лежала бронзовая поясная пряжка (впоследствии утерянная),

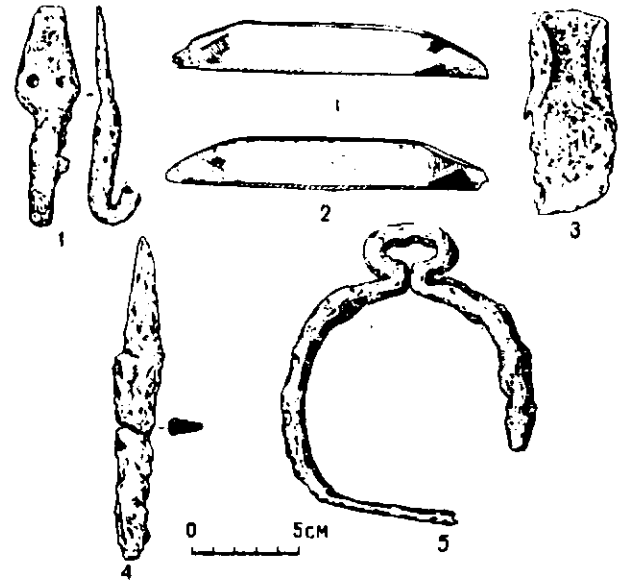

Рис. 144. Предметы из кургана № 72 могильника Чааты II:
1, 3, 4, 5 — железо, *2* — кость

имевшая овальную форму, широкий язычок и щиток из двух пластин языковидной формы (5×3 см). Под тазом расчищено железное тесло (рис. 144, *3*). Перед скелетом лежал берестяной колчан (длина сохранившейся части 0,8 м, ширина 13,5 см). Нижний его конец находился против темени, а лицевые кости черепа лежали на колчане. На колчане обнаружены: железный крюк и роговые накладки центральной части сложного лука (рис. 144, *1, 2*).

Вдоль юго-западной стенки головой на северо-запад лежал скелет лошади. У левой ее лопатки найдено стремя с восьмеркообразным завершением (рис. 144, *5*), а у правой лопатки размещались обломки второго стремени и части роговой подпружной пряжки (рис. 145, *6*), сделанной из основания рога марала [147]. Во рту лошади были разрушенные железные удила с кольцами (рис. 145, *10—12*) и эсовидными псалиями, а у таза обнаружены железные круглые «шайбочки» (рис. 145, *4, 5*). На морде лошади сохранились остатки ременной узды с бронзовыми скрепками, рамкой от пряжки, обоймой и с 16 выпукло-вогнутыми бляшками с сердцевидными концами и округлым углублением посредине (рис. 145, *1—3*). Под скелетом человека найдены черешковый нож, обломок лезвия второго ножа (рис. 144, *4*) и обломки других железных предметов. В истлевшем колчане оказались

[146] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 22, *3, 4*.

[147] Аналогичная пряжка обнаружена в погребении с конем VIII—IX вв. в Монголии — см.: Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы, таблица IV, *33* (датировка автора ошибочна).

остатки 7 железных трехлопастных наконечников стрел (рис. 145, *7—9*), обломки костяной свистульки и тлен от древков. От жертвенного мяса сохранилась кость бедра барана.

Курган № 75 (16) имел округлую каменную насыпь диаметром 7,3 м и высотой 0,4 м. Под центром насыпи оказалась прямоугольная яма (2,4×1,83 м, глубина 1,3 м), вытянутая с северо-запада на юго-восток. На дне ее, в юго-западной части, лежал скелет лошади с подогнутыми ногами, головой на северо-запад; в северо-восточной части ямы находился скелет мужчины 30—45 лет, головой на юго-восток, на спине, с вытянутыми конечностями. У задних ног лошади найдены кости овцы. Вдоль правой руки мужчины лежал берестяной колчан длиной 0,84 м. Дно колчана находилось на уровне безымянных костей, а открытый конец был на уровне лица. Здесь торчали малый трехгранный наконечник стрелы (рис. 146, *12*) и обломки других наконечников с костяными свистульками. Колчан сшит из бересты в два слоя, оклеен берестяными поясками (шириной 9 см) и с одной стороны украшен резным орнаментом. Под колчаном обнаружены железный нож в деревянных ножнах, а также центральная роговая накладка сложного лука (рис. 146, *16*). Другой нож в ножнах, с сохранившимся обломком деревянной ручки, лежат на левой половине таза (рис. 146, *15*). На правой половине таза найдены остатки шелковой ткани и кожаного наборного пояса, состоявшего из бронзовой пряжки, 4 поясных наконечников разной величины и 3 полуобломанных бляшек квадратной и округлой формы с отверстиями, а также нашивной скобочки (рис. 146, *2—6, 8*). Здесь же на шерстяной ткани лежали обломок округлой железной пластины и обломки истлевших деревянных предметов, покрытых черным лаком. У черепа встречена золотая серьга, на подвеске которой надеты 7 колец, спаянных из 6 золотых шариков каждое, а внизу укреплена стеклянная бусинка (рис. 146, *7*).

Кроме того, в могиле обнаружены фрагменты тонкой полупрозрачной шелковой ткани коричневого цвета (с переходом от темного оттенка к светлому, почти желтому), со швами и складками. Сохранились обрывки грубой шерстяной ткани и мягкого войлока. У скелета человека найдено и железное тесло (рис. 147, *1*).

Возле скелета лошади обнаружены 2 железных стремени с петлей на шейке, удила с эсовидными псалиями и железными кольцами, железные подпружная и 2 уздечные пряжки, остатки оковок и заклепок от седла (рис. 146, *1, 11, 13*; 147, *3—6*), куски кожи[148].

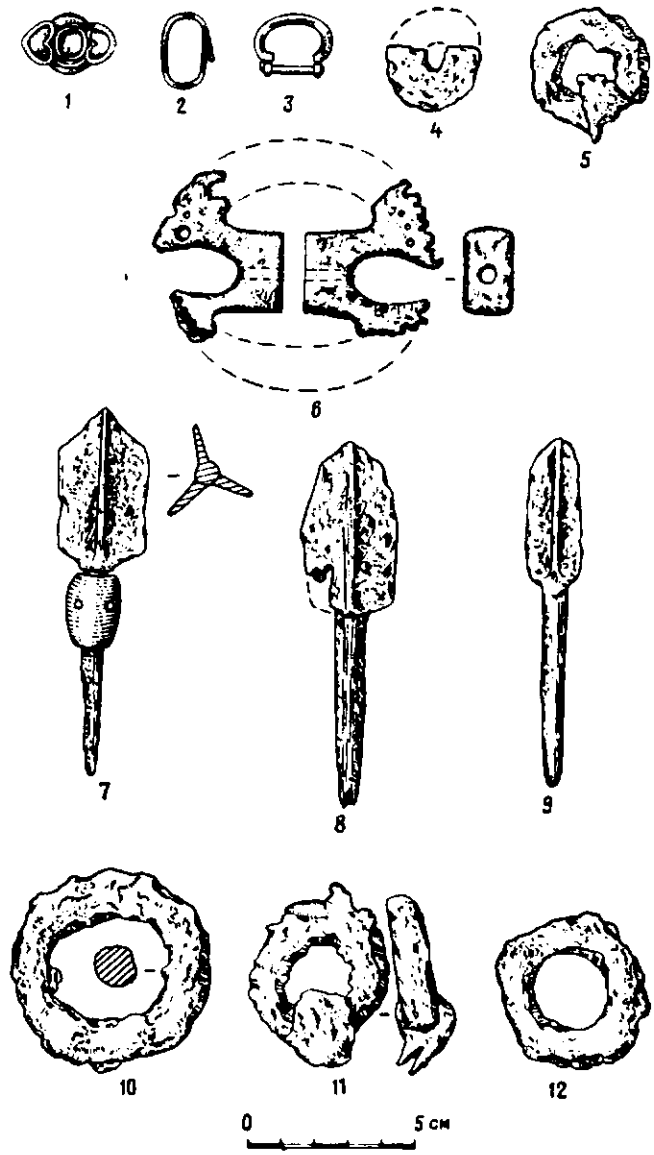

Рис. 145. Предметы из кургана № 72 могильника Чаты II:
1—3 — бронза, *6* — рог, *4, 5, 7—12* — железо

Курган в пос. Аксы-Барлык Барун-Хемчикского района обнаружен на территории школы при строительстве овощехранилища в 1959 г.; его доследовали работники Тувинского краеведческого музея. По поступившим в музей сведениям, курган имел земляную насыпь (около 10—12 м в диаметре и высоту до 30—50 см). В яме на глубине 1,2—1,5 м об-

[148] Отчет С. А. Теплоухова о раскопках в Туве в 1926, 1927 и 1929 гг. (рукопись); Дневник С. А. Теплоухова по Туве за 1927 г. (тетрадь 18).— Архив МЭН СССР. Материалы см.: ГЭ, № 4692 и 4697.

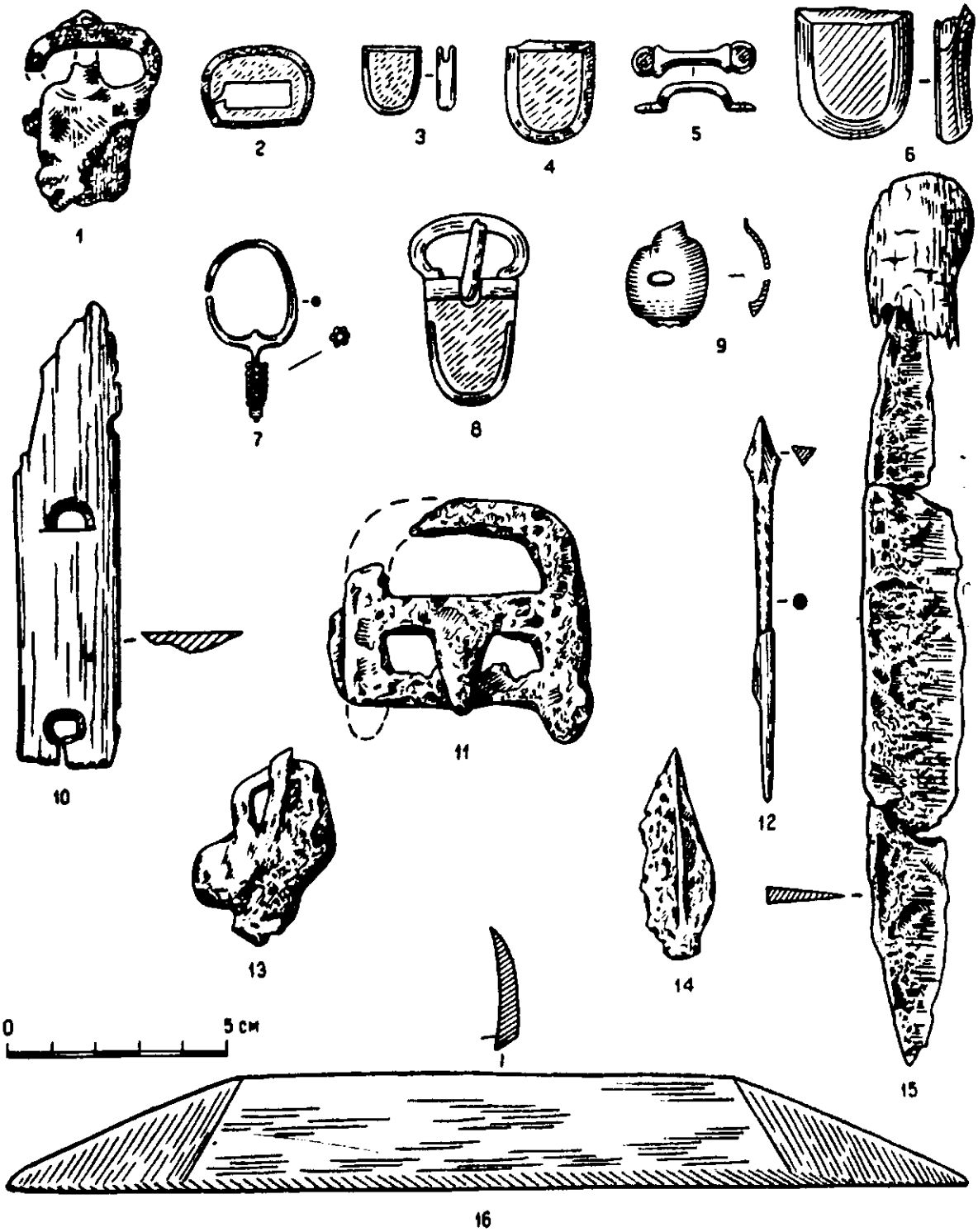

Рис. 146. Предметы из кургана № 75 могильника Чааты II:
1, 11—14 — железо, *2—6, 8* — бронза, *7* — золото, *9, 16* — рог, *10* — дерево, *15* — железо и дерево

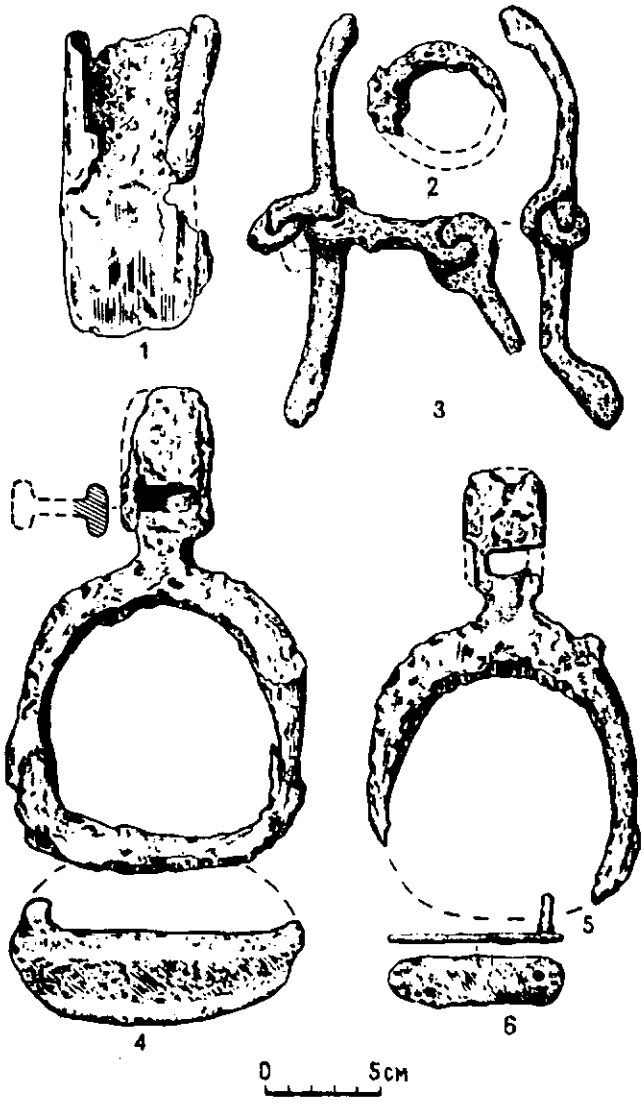

Рис. 147. Железные предметы из кургана № 75 могильника Чааты II

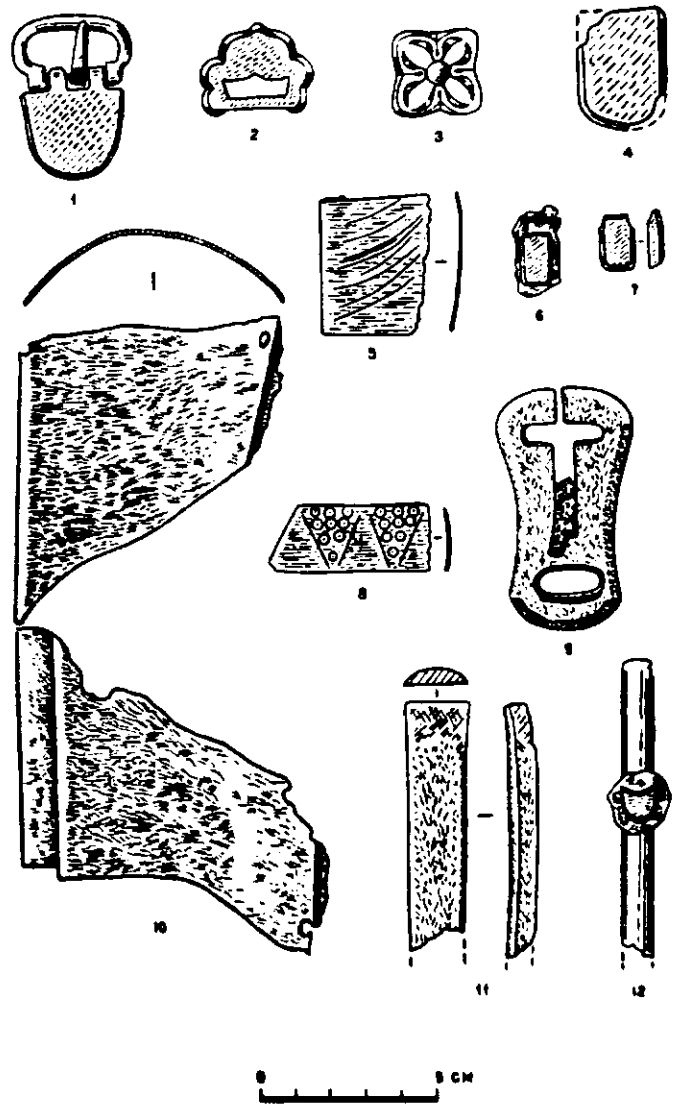

Рис. 148. Детали наборного пояса из кургана в пос. Аксы-Барлык (*1, 2, 4* — бронза, *3* — золото) и предметы из погребения в кургане № 25 близ дер. Успенской
(*5, 8, 10, 11* — рог, *6* — кожа, бронза, *7* — бронза, *9* — рог и железо, *12* — рог и бронза на коже)

наружено погребение человека с лошадью, причем скелет человека ориентирован головой на восток-северо-восток, а скелет коня (слева от человека) лежит на запад-юго-запад. При коне сохранились лишь обломки окислившегося стремени с восьмеркообразным завершением, а возле человека прослежены остатки кожаного пояса с бронзовыми пряжкой, наконечником и двумя фигурными бляшками (рис. 148, *1, 2, 4*), а также с 3 четырехлепестковыми бляшками, покрытыми плющеным золотом (рис. 148, *3*) [149].

Погребения по обряду трупоположения в ямах, покрытых настилом из бревен или жердей, также относятся к уйгурскому периоду. 3 таких погребения раскопаны С. А. Теплоуховым в 1926 г. близ дер. Успенская в Тандинском районе и в урочище Чер-Чарык на Хемчике.

Успенская, курган № 24-2 — округлая земляная насыпь с большой примесью камней диаметром 6,7 м и высотой 0,2—0,3 м. В центре насыпи была впадина диаметром 2,5 м и глубиной 0,1 м. Под насыпью открылась неясных очертаний яма. У восточного ее края на горизонте найдены 2 железных стремени (рис. 149), а в 1 м от центра выявлены остат-

[149] Тувинский краеведческий музей (г. Кызыл), № 3687.

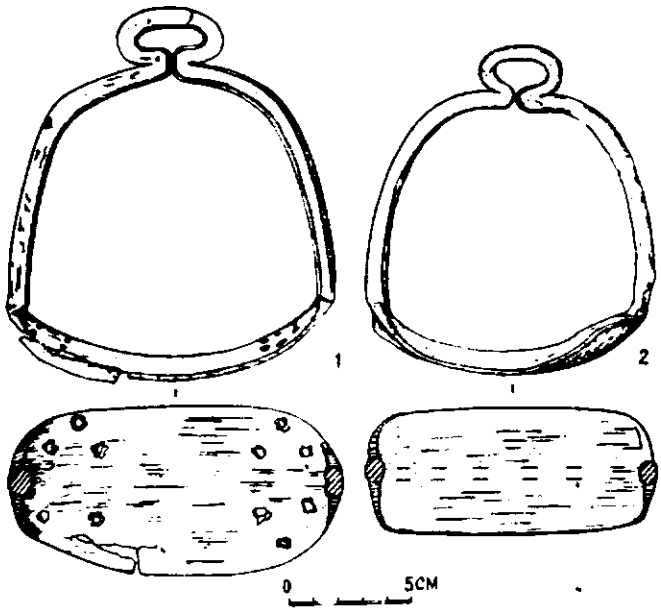

Рис. 149. Железные стремена из кургана № 24-2 близ дер. Успенской

ки тризны: кости конечностей лошади (фаланги) и нижняя челюсть овцы.

На глубине 0,9 м расчищено покрытие (2×1,5 м) из продольно положенных с севера на юг бревен. Под покрытием на глубине 1,3 м обнаружен скелет мужчины 45—60 лет, лежащий на спине вытянуто, головой на север. Вдоль правой ноги располагался берестяной колчан со стрелами так, что верхний конец его находился возле таза. Колчан имел деревянное полукруглое днище и деревянную скругленную горловину. Сзади он был оклеен костяными узкими пластинками (крест на крест и повдоль), а спереди сохранились остатки двух ремней для подвешивания к поясу и бронзовая пряжка (рис. 150, *28*). Здесь же, в области таза, располагались остатки портупей и наборного пояса, в состав которых входили 6 гладких и орнаментированная бронзовые пряжки, поясная орнаментированная бляха с прямоугольным отверстием, 12 гладких прямоугольных наконечников (скругленных снизу) и 9 полукруглых, 13 квадратных блях с прорезью, 11 сердцевидных, 5 полукруглых и овальная бляха с прорезями, 14 обоймиц прямоугольных, овальная обоймица и 2 пришивные скобчатые бляшки (рис. 150, *1—22, 25—27*). Две бронзовые фигурные поясные подвески с сердцевидными прорезями (рис. 150, *23, 24*) аналогичны подвескам, изображенным на поясах мужских каменных изваяний уйгурского периода [150].

[150] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 26, с. 79.

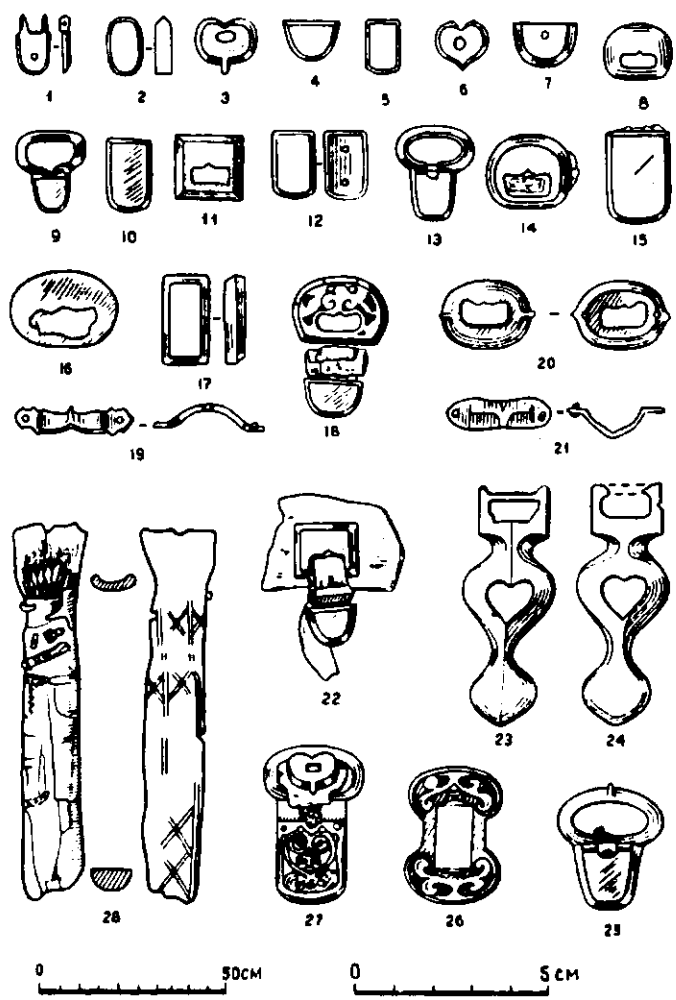

Рис. 150. Предметы из кургана № 24-2 близ дер. Успенской:
1—21, 23—26 — бронза, *22, 27* — бронза и кожа, *28* — береста, дерево, железо, кость

У черепа мужчины была бронзовая круглая серьга-колечко (ее диаметр 1,8 см), вдоль правой руки лежали остатки сложного лука из дерева с центральными костяными накладками (все это оклеено берестой), а также шелковый шнурок, заплетенный в виде косы, куски шелка и кожи от одежды и обуви. С левой стороны скелета находились позвонки овцы и угольки. Еще в могиле обнаружены: веточки можжевельника, кусочки истлевшей коры, окислившиеся железные и медные обломки, чешуйки проса.

Это погребение впускное в более ранний курган, так как ниже на деревянном настиле захоронен скелет другого мужчины без вещей, лежавший головой на запад.

Успенская, курган № 25 с округлой, плоской, каменной насыпью диаметром 4,8 м; курган едва выступает на поверхности степи. При

расчистке сверху (на глубине 0,4 м) небольшой впадины в центре оказались, очевидно, остатки шкуры коня (череп и кости конечностей), а на глубине 1 м удалось проследить заупокойную тризну: 2 черепа овец и кости их конечностей. В центре ямы, на глубине 1,2 м, найден скелет молодой женщины до 25 лет, лежавший вытянуто, плечами на север, но череп ее оказался в ногах, слева от стоп. Вероятно, человек был убит, голова найдена позже и подхоронена. Кроме того, в могильной яме найдена тазовая кость ребенка. Погребение потревожено при дохоронении черепа, поэтому предметы разбросаны по всей могиле.

Сохранились остатки берестяного колчана в виде обрывков бересты, узких костяных пластинок с нарезками для наклеивания (к одной из них на куске кожи заклепкой прикреплена бронзовая полулунная бляшка с выступами; рис. 148, *12*), изогнутых пластинок, пластинок с циркульным узором в треугольниках и остатков костяной гнутой горловины колчана с отверстиями для пришивания (рис. 148, *5, 8, 10*).

Здесь же обнаружен обломок костяной лопаточкообразной центральной пластинки от лука уйгурского типа; к западу от таза лежала роговая пряжка с остатками железного язычка, вращавшегося на стерженьке, вырезанном одновременно с пряжкой из одной и той же роговой пластины (рис. 148, *9, 11*). В могиле найдены еще ремешки от наборного пояса, на одном из которых сохранился оттиск квадратной бляшки с прорезью, а также 2 гладких бронзовых наконечника и обоймица (рис. 148, *6, 7*), подобные найденным в могиле № 24-2.

Чер-Чарык, курган № 53 — плоский круг из камней диаметром 4,5 м, образующий по периферии кольцо из более крупных обломков скалы. В насыпи под дерном найдена нижняя челюсть хищника, а на глубине 1,2 м были кость и зубы овцы от тризны. Под ними оказалось покрытие из тополевого дерева (1,1×0,5 м), а ниже лежал вытянуто на спине скелет ребенка, головой на северо-восток. При нем обнаружена только округлая, граненая, сердоликовая бусина [151].

Есть еще одна группа погребальных памятников уйгурского периода, которая отличается от трех описанных выше групп палеоэтнографическими особенностями. Это — *погребения по обряду трупоположения в ямах, под каменными курганами, где скелеты ориентированы на запад.* Отличия проявляются и в более мелких деталях. Могилы этого типа раскопаны А. В. Адриановым в 1915—1916 гг., С. А. Теплоуховым в 1926, 1927 и 1929 гг., а также экспедицией Московского университета в 1955 и 1962 гг.

Салдам, курган № 2, по указанию А. В. Адрианова, «небольшой, круглый, без насыпи, слегка забросанный плитками, кое-где по окружности внедренными в землю стоймя». На глубине 0,62 м лежал вытянуто на спине, головой на запад, скелет молодой женщины. Кисть правой руки была на тазу. Скелет находился в деревянном полуистлевшем гробу из тонких досок (1,83×0,65 м). Поверх гроба покрытие из плиток (2,4×0,7 м). Вдоль левой стенки гроба плитки установлены на боку, а другая его сторона покрыта остатками луба и кожи. На груди скелета обнаружены 2 косточки ребенка (локтевая и лучевая). Под левым виском черепа лежала тонкая бронзовая пластинка серповидной формы; у правого плеча прослеживался обрывок желтой шелковой ткани; вдоль правого плеча положена кость ноги барана; под правой подвздошной костью находились обломок (сектор) круглого, латунного (ярко-желтого по цвету) зеркала с циркульным орнаментом [152] и деревянный двусторонний гребешок (рис. 151, *2, 3*). Череп круглоголовый, с сильно развитой верхней челюстью. В 0,3 м к юго-западу от него лежали окислившийся железный нож с отпечатком шерстяной ткани (рис. 151, *5*) и небольшой горшочек. Под правым бедром был обломок неопределенного предмета.

Танам, курган № 23 — округлая, плоская насыпь из булыжника диаметром 3,7 м. Под северной полой насыпи, в неглубокой ямке (на глубине 0,33 м), лежал на правом боку с подогнутыми коленями, головой на запад, скелет молодой женщины. У подвздошной кости найдено пряслице, сделанное из стенки вазы (на наружной поверхности сохранились следы характерного елочного орнамента), а у правого бедра находились обломки квадратной железной пряжки (рис. 151, *1, 4*).

Танам, курган № 24-1 — округлая насыпь из булыжника диаметром 7,82 м и высотой 0,45 м. Посредине насыпи заметна плоская впадина.

[151] Отчет С. А. Теплоухова...; Дневник С. А. Теплоухова по Туве за 1926 г. (тетради 15 и 16).— Архив МЭН СССР. Коллекция см.: ГЭ, № 4566, 4575. Сердоликовые граненые бусы в курганах VIII—IX вв. Хакасии см.: Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), с. 36, рис. 43.

[152] Местные зеркала из бронзы (см.: Гаврилова А. А. Указ. соч., рис. 7, 6; Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Иртыша.— В кн.: Тюркологический сборник. 1972, таблица II.

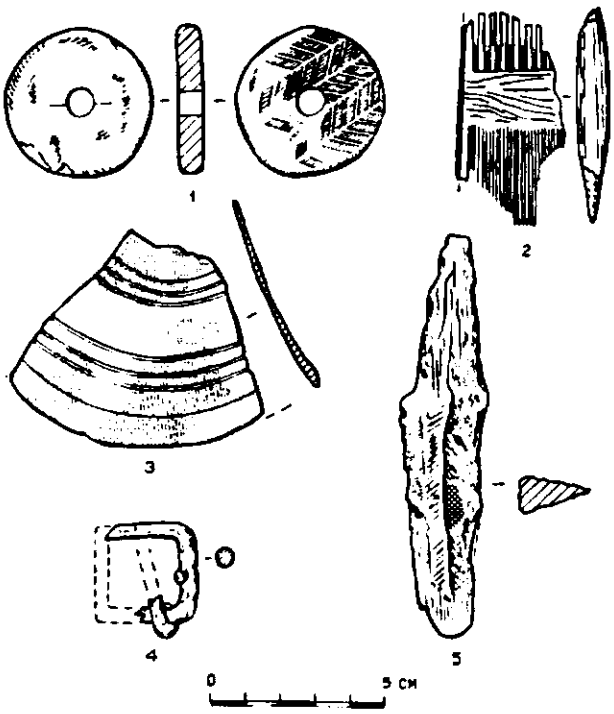

Рис. 151. Предметы из курганов № 2 на Салдаме (*2, 3, 5*) и 23 в Танаме (*1, 4*):
1 — из боковинки вазы, *2* — дерево, *3* — желтая латунь, *4, 5* — железо

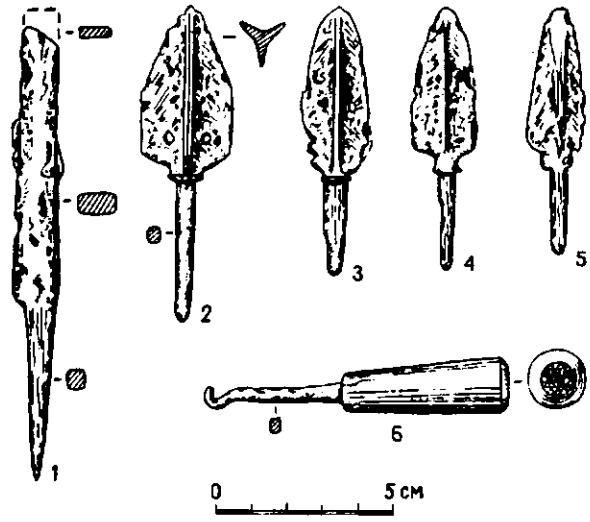

Рис. 152. Предметы из кургана № 46 в Уюк-Тарлыке:
1—5 — железо, *6* — железо и рог

Основное погребение (I) находилось ниже, в овальной яме (1,42×1,22 м). На глубине 0,62 м почти в беспорядке (исключая кости ног) лежали кости мужского скелета без черепа. Судя по положению ног, первоначально умершего положили вытянуто на спине, головой на запад. Рядом обнаружены кости позвоночника молодого барашка, мелкие угольки, железное кольцо с ременной накладкой, второе кольцо и обломок железной пластинки.

Уюк-Тарлык, курган № 46 имел вид плоского каменного кольца диаметром 4,26 м, окружавшего плоскую задернованную впадину диаметром 2 м. При разборке камня найдена нижняя кость ноги овцы. Могильная яма овальной формы (1,71×0,63 м). Сверху появилось покрытие из истлевших деревянных плашек, под которыми головой на запад лежал скелет старого мужчины. Первоначально он, видимо, был положен на спине с коленями, поднятыми вверх, но затем согнутые ноги упали на правый бок. Левая рука в локте согнута и положена поперек туловища, а правая рука вытянута. У колена левой ноги находились лопатка и ребро овцы; прямо за черепом 4 железных трехперых наконечника стрел уложены в ряд остриями на север, а к югу от них лежал окислившийся черешковый длинный предмет, похожий на долото (рис. 152, *1—5*). У локтя левой руки расчищен железный крючок с аккуратной роговой рукояткой (рис. 152, *6*). Поверх скелета обнаружены кости овцы (20 ребер, 15 позвонков, крестец и 3 длинные кости ноги). При осмотре черепа в левой теменной кости заметно круглое отверстие, величиной с горошину. Эта травма, вероятно, послужила причиной ранней смерти погребенного.

Кöктон, курган № 54. Этот интересный памятник расположен в урочище Кöктон между р. Уюк и огромным каменным курганом Аржан (ставшим широкоизвестным после его раскопок в 1971—1974 гг.). Впервые курган Кöктон осмотрел И. Р. Аспелин в 1888 г. По его данным, курган с каменной стелой Уюк-Аржан находился в 2 верстах от берегах Уюка и в версте к югу от кургана Аржан [153]. В 1916 г. этот небольшой курган раскопал А. В. Адрианов под № 54.

Круглая насыпь (диаметр 10,6 м и высота до 0,76 м) была сложена из некрупного камня. Ближе к восточной поле находилась воронкообразная яма диаметром 1,06 м и глубиной до 0,35 м. С восточной стороны, в 0,7 м от края насыпи, стоял известный оленный камень Уюк-Аржан, переиспользованный для руноподобной эпитафии, безусловно, относящейся к основному погребению кургана [154].

[153] Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, S. 36.

[154] См.: Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 1. Ср.: Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 13—16, № 2.

На горизонте, на восточной половине кургана и под юго-восточной полой насыпи, обнаружены в разных местах разрозненные кости человеческого скелета (погребение I), а также овцы (лопатка, позвонки, ребра, кости ног, нижняя челюсть).

В центре, под слоем камня и земли (на 20 см ниже), найдены половина железных сломанных удил уменьшенного размера, обломок венчика уюкского сосуда с оттянутым валиком и еще 2 обломка костей овцы. Весьма вероятно, что все эти разрозненные кости человека, овцы и 2 предмета, — остатки, выброшенного из прежней могильной ямы, разрушенного уюкского погребения V—IV вв. до н. э. Возможно, что и оленный камень первоначально относился к уюкскому кургану с погребением I.

Позднее, когда в VIII—IX вв. понадобилось для погребальной эпитафии стела, на восточной грани готового оленного камня была вырезана руноподобная надпись, а в самом кургане было совершено впускное погребение II. Оно обнаружено в овальной яме (2,1×1,77 м) на глубине 1 м. Яма располагалась не в центре, а ближе к южной поле насыпи. Она вытянута с запада на восток, в ней находилось непотревоженное погребение нестарого мужчины. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, на тонкой и блестящей «лаковой» подстилке, покрытой тканью. Длина скелета — до 1,6 м. На бедренных костях его и справа от них находились остатки заупокойной пищи — кости от 3 баранов. Другой пищи не было.

При погребенном найдены золотая серьга (у правого уха) и железный нож в обломках (у темени черепа). В ногах справа было положено седло, от которого сохранились остатки дерева с железными заклепками, 2 разнотипных железных стремени и 2 костяные подпружные пряжки. Слева, у голени, лежала узда, от которой остались двусоставные удила с двумя кольцами и третьим подвижным кольцом, с s-образными псалиями [155]. Характеристика черепа, по Адрианову: «короткоголовый с вертикально срезанным затылком, лоб высокий, красивый с лобными буграми, надбровные дуги небольшие, скулы не очень выдаются, спинка носа длинная и не высокая... зубы ровные, узкие, красивые». Кости все грацильные и, по Адрианову, «принадлежат не сильному физически человеку, но, судя по черепу, умственно одаренному. Я принял костяк за женский, пока не собрал таза» [156].

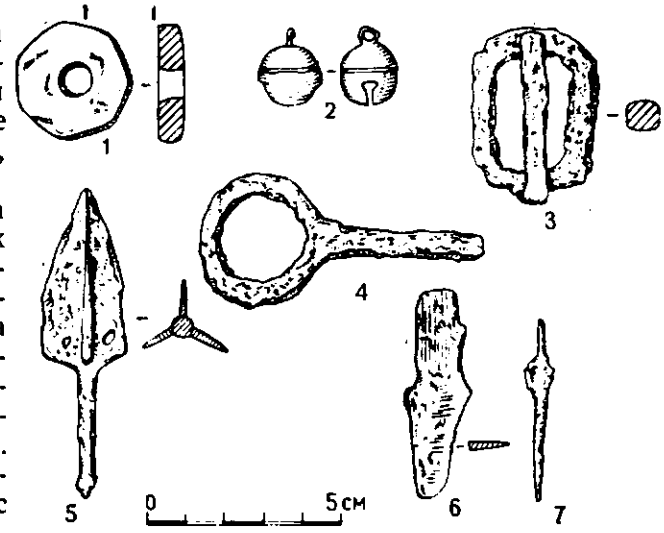

Рис. 153. Предметы из курганов № 142 на Могое (*1, 2, 7*) и 6 в Булуке (*3—6*).
1 — глина, *2* — медь, *3—7* — железо

Булук, курган № 6 имел округлую насыпь (диаметром 6,2 м и высотой 0,3 м) из крупной гальки. В центре насыпи прямоугольная яма (1,2×0,66 м, глубина 0,8 м), вытянутая с восток-северо-востока на запад-юго-запад. На дне ее, скорченно, на правом боку, лежал скелет старика, головой на запад-юго-запад. Левая рука вытянута, а правая согнута в локтевом суставе, и кисть ее находилась на левом бедре. В юг-юго-восточном углу найдены кости овцы: крестец, 5 поясничных и грудной позвонки. У темени обнаружен железный трехлопастный наконечник стрелы, у правого предплечья лежал сильно изношенный нож, а в области таза находились железная пряжка и обломок удил (рис. 153, *3—6*).

Бай-Даг, курган № 80-1. Округлая насыпь диаметром 7,5 (север—юг) × 8 м, высотой 0,25 м из камней. В центре кургана прослеживалась неглубокая впадина. С запад-северо-запада обнаружен выкид камней, а на горизонте оказалось тувинское впускное погребение (II). Под ним расчищена овальная яма (2,4×1,65 м, глубина 1,2 м), в засыпке которой найдены железное стремя с восьмерковидным завершением, угольки, отдельные кости лошади и овцы.

Кызыл-Булук, курган № 141. Округлая насыпь диаметром 7 м и высотой 0,4 м из кам-

[155] Предметы изданы (см.: Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 2).

[156] Дневник раскопок, произведенных А. В. Адриановым в Урянхайском крае (рукопись). Вещи тоже хранятся в архиве Музея археологии ТГУ, в коллекции № 6041.

ней. Под насыпью находилась прямоугольная яма (1,7×1 м, глубина 0,3 м), вытянутая с запада на восток. В ней обнаружен истлевший скелет взрослого человека. Хотя кости верхней части были перемешаны, кости ног лежали в порядке, вытянуто на восток. Первоначально погребенного положили на спине, головой на запад. Остались окислившиеся остатки железного трехлопастного наконечника стрелы, ножа и кольца. В коллекцию эти предмета С. А. Теплоуховым не взяты.

Река Могой, курган № 142. Круглая насыпь диаметром 9,5 м и высотой 0,4 м. В 1 м к востоку от кургана и в 3 м к юго-западу располагались плоские круги из камней. Под центром насыпи, в неясной по очертанию яме (глубиной 0,5 м), обнаружены: медный бубенчик, пряслице (сделанное из боковинки серого сосуда со сверлиной с одной стороны) и черешок железного наконечника стрелы с окрошившимися лопастями (рис. 153, *1, 2, 7*). Под восточным и юго-западным кругами оказался нетронутый грунт.

Деревня Уюк, курган № 156 имел овальную насыпь (6,7×6 м), вытянутую с востока на запад. Высота насыпи 0,25 м. Посредине насыпи была впадина (2,7×2 м, глубина 0,2 м). С горизонта открылась яма (1,5×1 м), вытянутая с востока на запад. В ней на глубине 0,7 м в беспорядке находились кости человека, овцы и медный бубенчик [157].

В 1962 г. нами была раскопана на р. *Он-Кажаа могила 1.* Она находилась в 600—700 м к запад-юго-западу от местонахождения древних шлаков, где в раскопе № 4 нами был вскрыт уюкский медеплавильный горн. На гриве, вытянутой меридионально от гор Бош-Даг к Он-Кажаа, нами насчитано около 30 углублений диаметром от 3 до 8 м. Часть впадин обнесена кольцами из крупных обломков скалы.

Могила 1 располагалась в северо-западной части могильника в овале из 9 камней (2,7×2,5 м), расположенных вокруг слабо заметной впадины (рис. 154, *3*).

Сначала вокруг по кольцу был снят дерн шириной 40 см. Камней не оказалось, но к югу от могилы на горизонте найден обломок толстостенного серо-красного сосуда (№ 1; рис. 154, *3*). Затем внутри кольца выявлена яма (1,8×1,3 м), овальная, вытянутая с запада на восток. Она была заполнена крупными камнями (0,45×0,4×0,1 м), съехавшими со спадом к центру ямы, после провала первоначально закрывавшего яму деревянного наката; поэтому все камни стояли ребром (рис. 154, *3*). Заполнение ямы — серая супесь с примесью мелкого щебня от материкового грунта. На глубине 0,6 м обнаружены мелкие древесные угольки, на глубине 0,8 м прослежены остатки жердей наката, лежащих горизонтально с востока на запад (рис. 154, *2*).

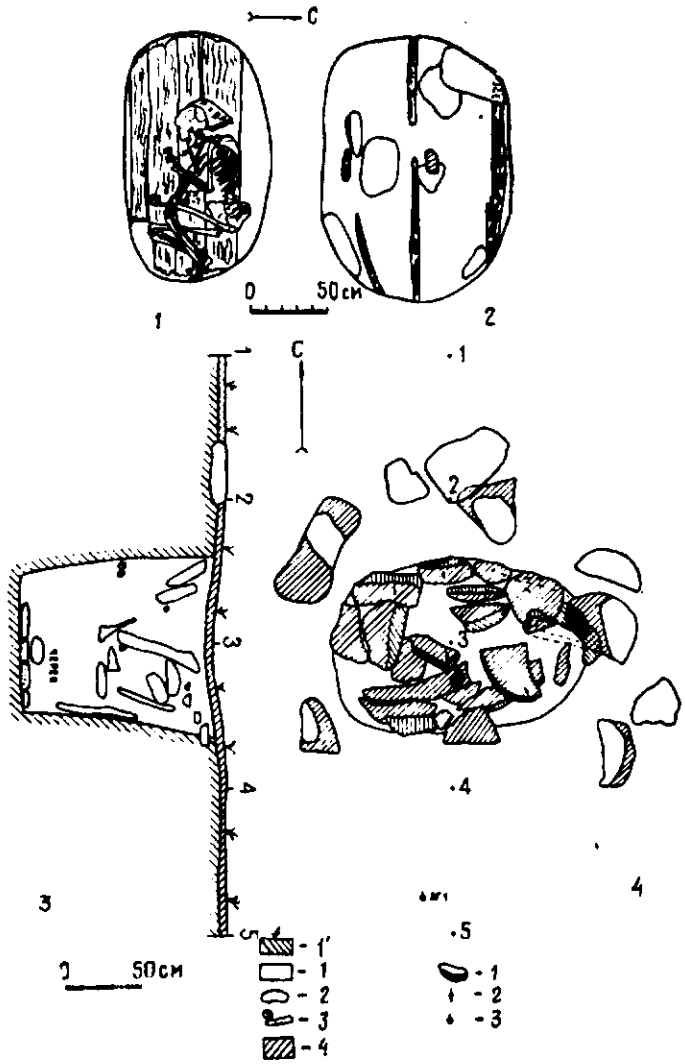

Рис. 154. Могила 1 на Он-Кажаа.
1 — погребение на дне ямы, *2* — план ямы на глубине 0,8 м, *3—4* — план и профиль могилы. (*3*): *1'* — дерн, *1* — заполнение, *2* — камни, *3* — дерево, *4* — материк. (*4*): *1* — камни, *2* — наклон камня (заштрихованная часть под землей), *3* — находки

На глубине 1,25 м, скорченно на правом боку, головой на запад лежал скелет женщины лет 25—30. Под скелетом на дне оказался настил из 4 плах (их ширина от 12 до 25 см, толщина 5 см). Общая глубина ямы 1,36 см; диаметр ее по дну 1,6×0,95 м (рис. 154, *1*).

Под раздавленным черепом скелета находилась плитка (0,35×0,2×0,06 м). При ске-

[157] Отчет С. А. Теплоухова (рукопись). ГЭ, № 4547 и 4731.

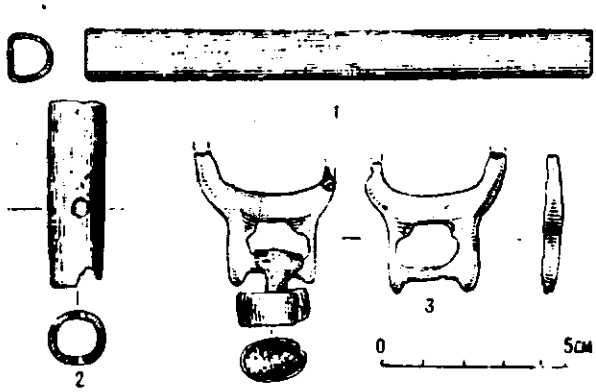

Рис. 155. Предметы из могилы 1 на Он-Кажаа.
1, 2 — кость, *3* — бронза и ремень

лете найдены обломок толстостенного сосуда (№ 2), костяной «набалдашник» из трубчатой кости с отверстием для гвоздя (№ 3, у левого колена), костяной игольник из трубчатой кости (№ 4, под правым плечом), железный нож плохой сохранности (№ 5, у левого колена), остатки кожаных ножен (№ 6, там же), обломок бронзовой пряжки с железной обоймой, скрепляющей конец ремня (№ 7 там же; рис. 155).

Датировка могилы, до раскопок других погребений этого могильника, предварительная. Не исключено, что в дальнейшем могильник отнесут к раннеуюкскому времени.

Еще один курган наша экспедиция раскопала в 1955 г. на Эжиме, правом притоке Улуг-Хема. Этот курган расположен в могильнике на правом берегу Эжима, близ его устья, в урочище Кёжээлиг-Хову.

Эжим, курган № 1 имел округлую, чисто каменную насыпь, сложенную из обломков скалы (от 5 до 60 кг). Диаметр насыпи 8 м, высота 0,9 м. В насыпи обнаружена подквадратная яма (1,6×1,55 м, глубина 0,4 м), ориентированная сторонами по странам света. С южной и северной сторон сохранились старые выбросы серого песка и щебня. На фоне светлой щебенки засыпка ямы выглядела темно-коричневым пятном. В северной ее половине встречался плитняк, которым была покрыта могила. Под ним сохранились остатки гнилых жердочек (от покрытия ямы), лежавших с запада на восток.

Кости скелета старой женщины сохранились плохо. Череп с очень низким убегающим назад лбом раздавлен. Скелет лежал скорченно, на левом боку. Согнутые руки первоначально были сложены перед лицом на груди, ноги сильно согнуты в коленях. Скелет обращен головой на запад, лицо повернуто на север. Перед лицом лежали кости задней ча-

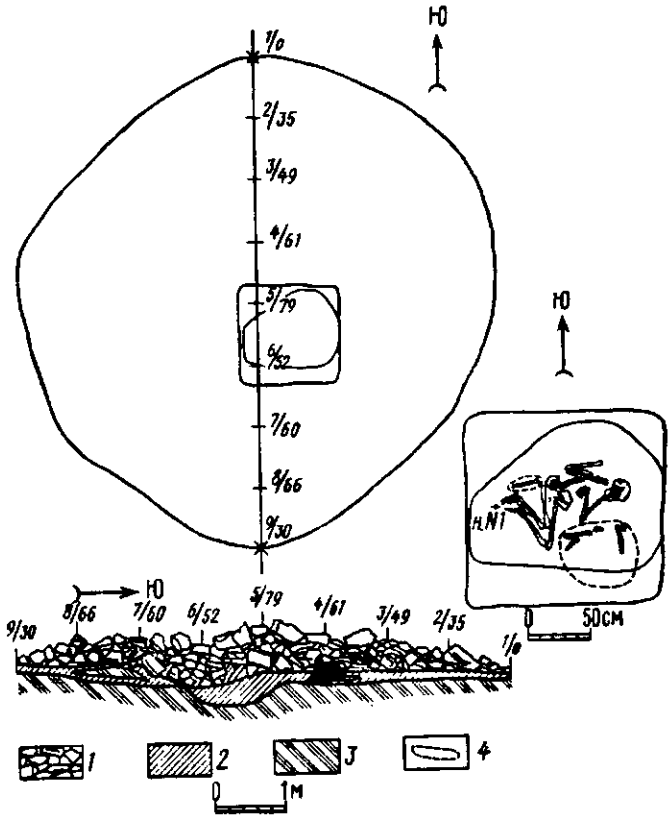

Рис. 156. Планы и профиль погребения в кургане № 1 на р. Эжим:
1 — каменная насыпь, *2* — бурая песчаная земля с камнями, *3* — материк (белесый песок со щебнем), *4* — кости барана

сти овцы с курдюком (половина таза, бедро, трубчатые кости голени, пятка, астрагал и почти все хвостовые позвонки). Справа у таза старухи (возраст по зубам от 60 до 70 лет) находилась еще одна трубчатая кость овцы. У пальцев ног обнаружено пряслице, сделанное из стенки серого гладкого, лепного сосуда (диаметр 3,2 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстия 0,8 см). Тесто глины серое с примесью мелкого песка и травы. Под скелетом женщины обнаружена коричневая подстилка из мха (рис. 156).

Погребение это отнесено нами к VIII—IX вв. условно. Обилие мясной пищи, положенной в могилу, и пряслице не позволяют считать курган ранним. Скорее всего, и это погребение относится к выделенной нами группе могил древнеуйгурского периода, в которых люди погребены без лошадей, скорченно на боку, головами на запад.

▼

Необходимо упомянуть, что нами осмотрено и тщательно зарисовано художником

Б. Г. Дашковым известное с конца XIX в. (А. В. Адрианов, 1881 г.) каменное изваяние VIII—IX вв., расположенное в 400 м к югу от раскопанной нами древнетюркской оградки, в 1 км к юго-востоку от скалы Бижиктиг-Хая возле г. Кызыл-Мажалык.

Эта великолепная, высеченная из бело-розового гранита, статуя, которую тувинцы называют «Чингиз-хан», публиковалась неоднократно в схематических рисунках или в неразборчивых фотографиях, причем из-за того, что никто не подкапывал ее, не были точно зафиксированы детали поясного набора и его подвесок, скрытых под землей. Наши рисунки — первая полная фиксация этого изваяния [158]. Изваяние стоит лицом на восток, на западной поле полураспаханного земляного кургана диаметром 14 м и высотой до 0,5 м. По сложению насыпь сходна с сырцовыми развалинами Средней Азии. Посредине ее расположена впадина диаметром до 3 м. Этот «курган» перед статуей — остаток стоявшего здесь в начале XIX в. ламаистского святилища, сложенного некогда из сырцового кирпича. Это установлено С. А. Теплоуховым, раскопавшим «курган» в 1926 г. [159]. Здесь мы, следовательно, сталкиваемся с почитанием древних и средневековых скульптур, которое было распространено не только среди тувинцев-шаманистов, но и среди ламаистов. Это, однако, тема специального исследования для этнографов и историков религиозных верований.

В 1960 г. мы впервые среди так называемых древнетюркских каменных изваяний Тувы выделили мужские изваяния, относящиеся к уйгурскому периоду (VIII—IX вв.), а также указали совокупность их конкретных признаков, среди которых важнейшими надо считать: установку реальных и гораздо тщательнее изготовленных скульптур мужчин лицом на восток без оградок; фигуры держат сосуды обеими руками; одеты они в особые шапки с чехлами для кос, имеют пояса со многими привесками и т. п. При этом мы сообщали, что «скульптуры этого типа характерны только для Тувы и поэтому сооружались они здесь, безусловно, местными племенами...» [160].

Впоследствии Я. А. Шер, опираясь на наши работы, выделил среди семиреченских изваяний в сущности по тем же (но более обедненным) признакам две их группы, из которых ко второй отнес «статуи с сосудом в обеих руках», позаимствовав у нас и их датировку [161]. Это, однако, не помешало автору заявить, что «попытка Л. Р. Кызласова выделить особую, характерную якобы только для Тувы, группу изваяний с сосудом в обеих руках не подтверждается материалом, приводимым в данной работе». Автор даже предполагает, что мне «были неизвестны подобные статуи в Семиречье» [162]. Но ведь действительно в Семиречье нет изваяний, подобных описанным выше тувинским VIII—IX вв. Лучшим свидетельством тому является книга Я. А. Шера. Ни одно из изображенных в ней семиреченских изваяний не может быть перепутано с тувинскими. По-видимому, Я. А. Шер не понял, что дело не только в том, что фигуры держат сосуды обеими руками. А где же тщательно отделанные скульптуры (хотя бы типа кызыл-мажалыкской)? Где головные уборы с чехлами для кос или пояса со многими привесками? Все это есть, как мы уже указали, на наиболее близких каменных изваяниях селенгинских уйгуров в Монголии. Нами также указаны статуи VIII—IX вв. на Алтае, в Казахстане, в Восточном Туркестане и в Семиречье (где мы, кстати, познакомились с ними задолго до Я. А. Шера, еще в 1948 г.) [163].

Я. А. Шер не совсем прав, когда только на основании изображения округлых грудей объявляет такие изваяния женскими. Нами опубликованы подобные же изваяния, которые, однако, несомненно, являются мужскими, ибо у них изображены еще и усы [164].

Едва ли, после серьезного изучения в последние годы каменных изваяний средневековых тюркоязычных племен и народностей, следует принимать во внимание появившееся в литературе еще одно объяснение их сосудов. Э. В. Шавкунов высказал мнение, что это светильники, но не потрудился представить каких-либо доказательств [165]. С моей точки зрения, гораздо интереснее было бы привлечь к исследованию вопроса о сосудах этногра-

---

[158] См.: Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы, рис. 1 и 2; он же. История Тувы в средние века, рис. 26. Ср.: Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году.— Записки РГО по общей географии, т. 11. СПб., 1888.

[159] Дневник С. А. Теплоухова по Туве № 3 за 1926 г. (тетрадь 16), «могила № 46» (рукопись). ГЭ, № 4574.

[160] Кызласов Л. Р. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.).— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960, с. 153.

[161] См.: Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, с. 29, 46, 64.

[162] Шер Я. А. Указ. соч., с. 24 и 64, прим. 29.

[163] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 82. Ср.: он же. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана.— ИАН КазССР, сер. вып. 3. Алма-Ата, 1951.

[164] См.: Шер Я. А. Указ. соч., с. 11, 26, 62; рис. 3, 15; таблицы XXV—XXVII, XXVIII. Ср.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 27.

[165] СЭ, 1975, № 4.

фические источники, относящиеся к средневековью. Примером может служить сообщение источника XIII в. об обычаях монголов: «Если сосед держит чарку в одной руке, то это значит, что мне нужно отведать у него глоток вина, и только тогда он посмеет выпить. Если же он держит чарку двумя руками, то он обменивается со мной чарками и я должен выпить его вино до дна» [166]. Вероятно, только привлечение подобных источников сможет помочь правильно истолковать каноническую иконографию изваяний VI—VIII, VIII—X вв. и более поздних половецких XI—XIII вв.

[166] Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Перевод с кит. Н. Ц. Мункуева. М., 1975, с. 83.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывают публикуемые материалы, человек с глубокой древности населял Тувинскую котловину, в которой зарождается одна из гигантских рек Сибири — стремительный и величественный Енисей. Недаром тувинцы с гордостью называют его Улуг-Хем, то есть Великой рекой. Памятники далекого прошлого населения этой земли разновременны и разнотипны. Научно систематизированные, они способствуют раскрытию общего хода исторического процесса, помогают проследить развитие местных племен и выявить притоки нового населения. Изучение динамики исторического процесса в Туве показывает, что в древности и в раннесредневековый период на этой территории совместно проживали различные по происхождению, а иногда и по языку, родовые и племенные группировки. Так слагалась этническая карта не только Тувы и не только Саяно-Алтайского нагорья в целом. Как показывают историческая география и этнография народов мира, подобная картина обычна для горных стран (например, Тянь-Шаня, Памира, Кавказа или Альп).

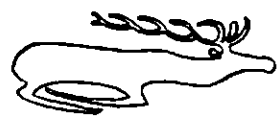
Изучая историю современных народов, этническая археология применяет ретроспективный метод, способствующий выявлению тех отдаленных от нашего времени периодов, когда впервые складывается присущий данному этносу палеоэтнографический культурный комплекс. Этот комплекс затем сохраняется и становится особенно характерным для данного народа или современной этнографической группы [1].

Археологи, исследуя памятники той или иной культуры, в поисках ее этнического содержания отправляются нередко от современных коренных народов, говорящих на языках тех или иных языковых семей. Между тем в древности существовало значительное количество этнических групп, родов и племен, которые говорили на языках ныне вымерших, несохранившихся до нас и потому неизвестных нам языковых семейств. Лингвисты справедливо полагают, что исторически известны лишь немногие языковые семьи по сравнению с тем огромным разнообразием их, которое существовало на земле за всю историю человечества. Археологам, следовательно, необходимо иметь в виду, что далеко не всегда можно даже предположительно определить язык населения той или иной культуры или историко-культурной области. Нередко имея дело с памятниками весьма ранних археологических эпох, невозможно определить языковую принадлежность людей, оставивших после себя эти памятники.

В настоящей книге опубликованы не все материалы, полученные Тувинской археологической экспедицией. За недостатком места сюда не вошли средневековые памятники IX—XVIII вв. Некоторые из них опубликованы нами отдельно, другие — использованы в сводных трудах или общих обзорах. Но многие материалы, особенно по древнемонгольским городам, еще должны быть опубликованы особо. Без знания средневековых памятников нельзя соединить археологию с этнографией современного народа. Без знания этих памятников нельзя изучать историю современных тувинцев в полном ее объеме.

[1] См.: Кызласов Л. Р. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири. — «История СССР», 1975, № 6.

Для исследования происхождения тувинцев необходимо раскопать большие серии погребений XIII—XVIII вв. Сейчас они мало известны. Поэтому вопрос о происхождении современных тувинцев не может считаться решенным. Что касается более ранних эпох, то на основе материалов действующих в Туве археологических экспедиций АН СССР и Тувинского НИИЯЛИ уже возможно перейти к обобщающим работам широкого историко-культурного плана. В этом отношении весьма перспективны такие темы, как возникновение и развитие сети искусственного орошения, история земледелия в целом, домостроительство в древности и в средние века, градостроительство и становление средневековой архитектуры. Кроме монументальных тем, для разрешения которых необходимо провести еще обширные целеустремленные многолетние исследования, имеются и другие важные темы, связанные с установлением сплошного типологического разработанного ряда, раскрывающего непрерывное развитие данной категории инвентаря. Примером могут служить работы по истории оружия и отдельных его категорий, по истории удил, стремян и седел, по истории пряжек, поясных и уздечных наборов и т. п. Несомненно, еще много важных открытий последует при продолжении полевых археологических исследований. Изучение древней истории Тувы сулит археологам увлекательную и бесконечную перспективу обогащения наших знаний за счет возвращения в историю человечества духовных и материальных богатств, созданных и «утерянных» нашими предками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1955 г.

Для первого полевого сезона использованы данные разведочного маршрута Саяно-Алтайской экспедиции, пройденного в 1947 г. под руководством профессора С. В. Киселева. Поэтому наша экспедиция в 1955 г. производила маршрутные раскопки с короткими стационарами в разных местах Тувинской автономной области (в Пий-Хемском, Улуг-Хемском, Кызыльском, Тес-Хемском, Эрзинском и Барун-Хемчикском районах).

По территории Тувы пройдено на автомашине около 2500 км. В работе принимали участие: студенты МГУ А. П. Кусургашева, В. И. Чанцева, Г. И. Иванов и В. В. Малышев, а также художник Б. Г. Дашков. Работа в поле продолжалась с 7 июля по 9 сентября. Преодолев по Усинскому тракту Саянский хребет, автомашина экспедиции в начале июля прибыла в г. Туран, откуда повернула по дороге на совхоз «Уюк» и затем в пос. Малиновку в верховьях Уюка. Закончив работы на Уюке, экспедиция вернулась на тракт в Туране и затем прибыла в г. Кызыл. Из Кызыла были совершены два маршрута: восточный и западный.

Восточный маршрут: г. Кызыл — с. Балгазик — р. Шурмак и, по перевалу Хамар через хребет Танну-Ола, в с. Самагалтай. После раскопок у Самагалтая, наняв рабочих, мы вернулись на Шурмак, где производили раскопки в четырех могильниках. Затем с Шурмака через Самагалтай выехали в пос. Сарыг-Булун (центр Эрзинского района). Произведя раскопки и разведки в районе Сарыг-Булуна, работали далее по маршруту: Сарыг-Булун—Самагалтай—Балгазик — озеро Чагатай — дер. Сосновка — с. Бай-Хаак — г. Кызыл.

Западный маршрут: г. Кызыл — с. Шагонар. Узнав, что в Шагонаре имеется паром для переправы на правый берег Улуг-Хема, выехали из Шагонара на р. Эжим, затем на р. Баян-Кол (с. Верхний Баян-Кол) и обратно в Шагонар. Из Шагонара поехали далее на запад через Арыскан—Ак-Туруг — г. Чадан в пос. Кызыл-Мажалык на Хемчике. Оттуда через Чадан — Чаа-Холь — Шагонар вернулись обратно в г. Кызыл. 9 сентября экспедиция выехала из Кызыла по Усинскому тракту в г. Абакан.

Были раскопаны 29 разнообразных поминальных и могильных памятников, из них 4 на правом берегу Улуг-Хема в Пий-Хемском (2 — у пос. Малиновка, 1 — к севѐро-востоку от поселка совхоза «Уюк») и Улуг-Хемском (1 курган на правом берегу Эжима в урочище Кѐжээлиг-Хову) районах; 2 — в Кызыльском районе на левом берегу Каа-Хема (в 14 км от Кызыла по дороге на курорт Чедер); 12 — в Тес-Хемском районе по обе стороны хребта Танну-Ола (1 — у горы Куран, 6 — в трех могильниках у горы Бай-Даг баары, 2 — у сопки Шурмак-Тей, 3 — у горы Кызыл-Хая на р. Тыттыг-Хем); 10 — в Эрзинском районе возле пос. Сарыг-Булун (3 — в Сарыг-Булуне, 6 — в могильниках Эрзин I, II и III на правом берегу Эрзина, 1 — по дороге в Морен) и 1 — в Барун-Хемчикском районе у пос. Кызыл-Мажалык (близ Бижиктиг-Хая).

Распределение раскопанных памятников в хронологическом порядке[1]:

1) Эпоха ранней бронзы — 4;

2) Уюкская культура, I этап (VII—VI вв. до н. э.) — 7;

3) Уюкская культура, II этап (V—III вв. до н. э.) — 3;

4) Шурмакская культура, II этап (II—V вв. н. э.) — 1;

5) Древнетюркский период VI—VIII вв. — 3;

6) Древнеуйгурский период VIII—IX вв. — 1;

7) Древнехакасский период IX—XII вв. — 3;

[1] Первый опыт классификации культур Тувы изложен в нашем рукописном отчете об экспедиции 1955 г. (Архив Института археологии АН СССР, Р. I, № 1212) и доложен на секции раннего железного века в апреле 1956 г. на пленуме ИИМК в Ленинграде (СА, 1957, № 1, с. 295; КСИИМК, вып. 72. М., 1958, с. 136).

8) Древнетувинская культура XVI—XVII вв. — 2;

Кенотафов и поминальных памятников—5.

1956 г.

Экспедиция произвела раскопки четырех зданий и вскрыла остатки пятого здания на городище Дён-Терек близ пос. Кочетово Тандинского района, собрала данные о кладбище этого древнемонгольского города начала XIII в., а также о каменноугольных шахтах того же времени на правом берегу Элегеста при устье Межегея. Тогда же были начаты раскопки Шанчигского могильника на противоположном городищу левом берегу Элегеста под горой Шанчыг. Раскопаны 2 древнехакасских кургана IX—X вв. На правом берегу Улуг-Хема, в карьере кирпичного завода Кызыла, доследовано уюкское погребение в каменном ящике. В работе экспедиции принимали участие: студенты МГУ А. С. Крушинский (китаист) и С. П. Маркелова (археолог), а также сотрудники Тувинского областного музея краеведения (г. Кызыл) Э. Н. Щенникова, Л. Г. Крылова и фотограф В. И. Лутков. Экспедиция работала в поле с 13 июля по 20 августа.

1957 г.

Экспедиция производила маршрутные работы с короткими стационарными раскопками разновременных памятников. По прибытии 7 июля в Кызыл, экспедиция, пополнив снаряжение и припасы, отбыла на городище Дён-Терек. На этом поселении, а также на соседнем Шанчигском могильнике производились работы с 11 июля по 2 августа. Затем экспедиция вернулась в Кызыл и 5 августа выехала для производства маршрутных раскопок и обследований в окрестности Шагонара. С 6 по 16 августа экспедиция исследовала поселение Оймак и ритуальный памятник Чурумал на Боянкольчике, 4 городища в окрестностях Шагонара и буддийскую нишу Чурумал-Бургашныг на р. Чаа-Холь. 16 августа экспедиция выехала по маршруту: пос. Чаа-Холь — г. Чадан — перевал Хундургун через хребет Танну-Ола — пос. Хандагайты Овюрского района, куда прибыла 17 августа. В тот же день экспедиция пересекла государственную границу СССР и после следования по территории МНР на протяжении 80 км вновь попала на территорию СССР, прибыв вечером 17 августа в пос. Кызыл-Тей на р. Саглы. С 18 по 21 августа обследовали археологические памятники Саглы и произвели раскопки разновременных курганов и погребальных сооружений в районе пос. Кызыл-Тей.

21 августа экспедиция выехала через территорию МНР из пос. Кызыл-Тей обратно в пос. Хандагайты, и в тот же день вечером через Танну-Ола, в Чадан. 22 августа экспедиция прибыла из Чадана в пос. Бажын-Алак на р. Чадаана. С 22 по 25 августа сотрудники экспедиции работали на городище Бажын-Алак и в его окрестностях. 25 августа выехали из Бажын-Алака по маршруту: Чадан — Чаа-Холь — Шагонар — Усть-Элегест — Кызыл. 28 августа экспедиция выехала из Кызыла по Усинскому тракту и 29 августа прибыла в Абакан. Всего пройдено на автомашине около 2500 км.

В работе принимали участие: младший научный сотрудник ИИМК АН СССР Ю. С. Гришин, фотограф МГУ В. В. Сухов, студенты исторического факультета МГУ Т. Б. Барцева, Н. Л. Жуковская, В. Л. Егоров и студент Московского архитектурного института В. К. Колмаков.

Распределение раскопанных памятников в хронологическом порядке:

1) Верхний палеолит (сборы) — 1;

2) Уюкская культура — 4;

3) Шурмакская культура — 2;

4) Древнетюркский период — 2 (оградки и каменные изваяния);

5) Древнеуйгурский период — городища Бажын-Алак и I, II, III, IV Шагонарские;

6) Древнехакасский период — 6 (и 2 эпитафии);

7) Древнемонгольский период — 3 здания на городище Дён-Терек и 5 раскопов на городище Оймак; 1 раскоп на кладбище Чурумал; фиксация буддийской ниши Чурумал-Бурханныг на р. Чаа-Холь;

8) Древнетувинская культура — 2.

1958 г.

Экспедиция работала в Улуг-Хемском районе близ Шагонара. Здесь производились раскопки: 1) на уйгурском могильнике Чааты I (курганы № 1—6); 2) на древнемонгольском городище Оймак (2 здания и сборы) и на его кладбище Чурумал (1 могила). Найдено древнетюркское изваяние в урочище Чыланныг.

В работе принимали участие: фотограф МГУ В. В. Сухов и студенты-археологи МГУ З. М. Кузьмина и Э. Н. Гутова. Работали в поле с 30 июля по 22 августа.

1959 г.

Экспедиция работала в Тандинском и Улуг-Хемском районах. Исследованы 34 памятника с производством раскопок или сборов. Пройден маршрут: г. Кызыл — с. Балгазик — озеро Чагатай — дер. Сосновка — с. Бай-Хаак — дер. Березовка — дер. Успенка — дер. Кара-Булун — Алаак (совхоз Межегей) — по правому берегу Межегея к устью — бродом на левый берег Элегеста — Шагонар — р. Чааты — Шагонар — Кызыл.

Произведены сборы на дюнных стоянках по р. Ангачи, у горы Хайыракан, по правому берегу Чааты (материалы от палеолита до древнетувинского времени). Произведены раскопки: 1) на уйгурском могильнике Чааты I (17 курганов); 2) на III Шагонарском городище (2 раскопа); 3) каменных курганов со стелой с руноподобной надписью в урочище Кезек-Хурээ (2 кургана).

В работе принимали участие: фотограф В. В. Сухов, студенты-археологи МГУ Т. Б. Барцева, Э. Б. Вадецкая, В. Л. Егоров, А. Лучининов и студент МГПИ им. В. И. Ленина И. Дуэль. Работали в поле с 10 августа по 3 сентября.

1960 г.

Экспедиция работала в Тандинском и Улуг-Хемском районах. За это время исследовано 29 памятников с производством раскопок или сборов, а также несколько памятников открыто разведками. Совершен маршрут: г. Кызыл — Усть-Элегест — Красная горка — горы Шараш — пос. Кочетово — г. Шанчыг на Элегесте — урочище Тоозун против устья Межегея — совхоз «Элегест» — озеро Хаак — р. Хендерге в верховьях Элегеста — р. Карасук — долина Хендерге, через перевал в пос. Арыг-Бажи на Боянкольчике — Шагонар — р. Чааты у г. Бай-Даг — окрестности Шагонара — Кызыл. Экспедиция проводила раскопки курганов у гор Шараш, Кезек-Даг и Шанчыг и работы на Межегейском городище в урочище Тоозун, разведки городищ в долине Элегеста, вывоз стелы с древнехакасской надписью из пос. Элегест в Кызыл, разведки в долине Хендерге и верховьях Элегеста; раскопки на III Шагонарском городище и могильнике Чааты II, сборы на дюнах по Чааты, Боянкольчику и у горы Хайыракан.

Раскопаны памятники:

1) Уюкской культуры — 8;

2) Уйгурского периода — 3 раскопа на городище и 2 кургана;

3) Древнехакасского периода — 11;

4) Древнемонгольский период — храм и два здания на Межегейском городище и два хакасских кургана XIII—XIV вв. на Межегейском могильнике; сборы на вновь открытых Могойском и Элегестском городищах;

5) Древнетувинская культура — 1 курган и 2 ламские могилы.

В работе принимали участие: фотограф МГУ В. В. Сухов, студенты-археологи МГУ Т. Б. Барцева, А. М. Винниченко, В. Л. Егоров, Нгуен-Линь, А. А. Кривонос, аспирант ИВЯ при МГУ А. С. Крушинский, студентка того же института Н. Занегина, студенты-историки МГУ В. Манузин, А. Шевченко, В. Долгов, Г. Успаев, Л. Саргова и учитель Я. И. Сунчугашев. Работали в поле с 6 июля по 5 сентября.

1962 г.

В 1962 г. Тувинская экспедиция МГУ продолжила археологические исследования на территории Тувинской АССР. Работы производились в Тандинском районе, где было открыто много новых памятников и произведены раскопки на городищах XIII—XIV вв.; Могойском (4 объекта), Элегестском (4 объекта и 5 могил) и вновь открытом Эртине-Булакском (3 объекта). Раскопано 9 разновременных курганов, одна медеплавильная печь и произведены сборы подъемного материала на дюнах в 5 пунктах.

Экспедиция совершила маршрут: г. Кызыл — Могойское городище (на правом берегу Элегеста) — урочище Ир-Холь — Элегестское городище (на левом берегу Элегеста) — пос. Элегест — пос. Хову-Аксы — р. Он-Кажаа — урочище Кара-Даш (р. Хендерге) — пос. Хову-Аксы — пос. Элегест — пос. Алаак (совхоз «Межегей») — р. Эртине-Булак — дер. Сосновка — р. Эртине-Булак по правому берегу Межегея до Ир-Холя и обратно — озеро Тус-Холь — ручей Щелы (или Шолу) — г. Кызыл.

По этому маршруту мы проводили раскопки зданий на Могойском городище, раскопки двух курганов в Могойском могильнике, разведки на заброшенных Межегейских шахтах, контрольную поездку на Межегейское городище, раскопки двух древнехакасских курганов (одного со вновь открытой стелой с надписью) в урочище Ир-Холь, раскопки зданий и мусульманского кладбища на Элегестском городище, раскопки уюкского могильника в пос. Хову-Аксы, обследование древних штолен и мест плавки на горе Кара-Хая (комбинат Тувакобальт), раскопки медеплавильни

и одной могилы на р. Он-Кажаа, раскопки кургана в урочище Кара-Даш на Хендерге (там же взято древнетюркское каменное изваяние VI—VIII вв.), раскопки зданий на урочище Эртине-Булак, сборы в 5 местах на дюнах в урочище Щёлы (по дороге Бай-Хаак — г. Кызыл).

В работе принимали участие: фотограф МГУ В. В. Сухов, студенты-археологи МГУ В. Г. Борисов, С. М. Ахинжанов, Доан Тхань Хыонг (вьетнамец), В. В. Сидоров, аспирантка Института народов Азии АН СССР Э. А. Новгородова, студентка ИВЯ при МГУ О. П. Тимофеева, студенты исторического факультета МГУ А. П. Павленко, К. В. Гайдай, А. Е. Остапенко, В. Н. Шамшуров, ученик А. Р. Вяткин, повар Л. Гущина и шофер М. К. Колмаков. В работах принимал участие аспирант ИА АН СССР Я. И. Сунчугашев. Работы в поле проводились с 6 июля по 2 сентября.

1977 г.

Экспедиция производила изучение уйгурских крепостей. Были открыты и исследованы крепости и бастионы на левом берегу Хемчика в Эдегее, Бора-Тайге и на р. Манчурек. Пройден маршрут: г. Абаза — пос. Ак-Довурак — г. Кызыл-Мажалык — пос. Сут-Холь — пос. Ак-Даш — пос. Алдаан-Мадыр — р. Манчурек — пос. Алдаан-Мадыр — пос. Бора-Тайга — г. Чадан — пос. Чаа-Холь — г. Кызыл — г. Туран — пос. Хадын — пос. Аржан — г. Туран — г. Абакан. В работе принимали участие: студенты МГУ С. З. Чернов, И. И. Воронков, Н. П. Брыкалов и А. В. Кызласова. Работали в поле с 9 по 19 августа.

1978 г.

Экспедицией пройден разведочный маршрут: г. Абакан — пос. Ак-Довурак — г. Кызыл-Мажалык — Бижиктиг-Хая — г. Чадан — пос. Новый Чаа-Холь — р. Чаа-Холь — Улуг-Хем — Мугур-Саргол — пос. Урбюн — пос. Старый Чаа-Холь — г. Шагонар — р. Демир-Суг — р. Эжим — пос. Терлиг-Хая — пос. Боян-Гол — гора Хайыракан — пос. Арыг-Бажи — Оймак — г. Шагонар — пос. Усть-Элегест — Межегейское городище — Могойское городище — Ир-Холь — пос. Усть-Элегест — г. Кызыл — по Усинскому тракту в г. Абакан. Проехали 1700 км.

Были открыты близ Ак-Довурака 3 неизвестные рунические надписи; осмотрено много писаниц, городищ, изваяний, каменных стен, укреплений и каналов. Произвели раскопку ряда менгиров в урочище Кёжээлиг-Хову. В разведке принимали участие: студенты МГУ Е. А. Оборотова и С. В. Мартынов, лаборант С. Л. Щукина, младший научный сотрудник ИА АН СССР И. Л. Кызласов и А. В. Кызласова. Работали в поле с 17 по 26 августа.

* *
*

Все черепа из раскопок экспедиции за 1955—1962 гг. переданы на хранение и изучение в Музей антропологии Московского университета. Определение костей животных производил доктор биологических наук, профессор В. Н. Цалкин.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДК — Автореферат кандидатской диссертации
АДД — Автореферат докторской диссертации
АС — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж
БКНИИ СО — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ВМУ — Вестник Московского университета
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ГЭ ОИПК — Государственный Эрмитаж Отдел истории первобытной культуры
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАН — Известия Академии наук
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЛАН — Известия Лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута
ИФС — историко-филологическая серия
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии Государственного Русского музея
МЭН СССР — Музей этнографии народов СССР. Ленинград
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ОУАК — Оренбургская ученая архивная комиссия
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
си — серия истории
сиаэ — серия истории, археологии, этнографии
син — серия «исторические науки»
сон — серия общественных наук
СТЭАН — Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР
СТ — Советская тюркология
СЭ — Советская этнография
ТИИ — Труды Института истории АН КиргССР
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ТГУ — Томский государственный университет
ТКАЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТТКАЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции ИЭ АН СССР
ТТКОПОРГО — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества
ТТСКОРГО — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества
УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
УЗ ХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ASH — Academia Scientiarum Hungaricae
JSFO — Journal de la Société Finno-Ougrienné. Helsinki

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ. **ДРЕВНИЕ СТОЯНКИ И ПОГРЕБЕНИЯ** 9

О материалах по каменному веку 9
Стоянки на р. Ангачи 11
Стоянки по левому берегу Улуг-Хема 14
Памятники энеолитического периода 19
Бронзовый век Тувы 22

ГЛАВА ВТОРАЯ. **УЮКСКАЯ ЭПОХА** 32

Памятники раннеуюкского времени и этнические группы населения в VII—VI вв. до н. э. 32
Поздние уюкские памятники V—III вв. до н. э. 58

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **ГУННО-ШУРМАКСКАЯ ЭПОХА** 79

Гуннское вторжение 79
Раннешурмакские могилы и стоянки 85
Памятники поздних шурмакцев 114

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **ЭПОХА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ** 121

Памятники древнетюркского каганата VI—VIII вв. 121
Города и крепости уйгуров VIII—IX вв. 145
Курганы уйгуров VIII—IX вв. 158
Погребальные сооружения уйгурского периода VIII—IX вв. 188

Заключение. 200

Приложение 202

Список сокращений 206

ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ КЫЗЛАСОВ

ДРЕВНЯЯ ТУВА

Заведующая редакцией Н. М. Сидорова
Редактор М. Л. Будниченко
Мл. редактор Н. К. Старицина
Художник И. С. Клейнард
Художественный редактор М. Ф. Евстафьева
Технический редактор К. С. Чистякова
Корректоры Л. А. Костылева, Г. Д. Шишкова

Тематический план 1979 г. № 40
ИБ № 647

Сдано в набор 23.04.79. Подписано к печати 03.09.79. Л-81323. Формат 84×108 1/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Печ. л. 13,0+ +вклейка (0,21). Усл. печ. л. 21,84 Уч.-изд. л. 23,39. Тираж 2870 экз. Зак. № 70. Цена 2 р. 70 коп. Изд. № 2.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

